

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

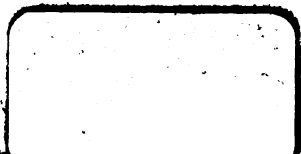
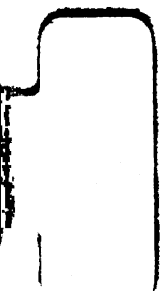
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07920052 7

Vreinya appeared 1861 - 1863

In 1863 only three 4 Nos. Jan - April
were issued

ended

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

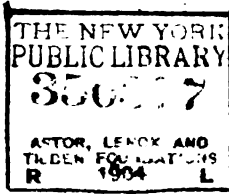
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ М. ДОСТОЕВСКАГО

№ 1. ЯНВАРЬ

NEW
PUBLIC
LIBRARY

ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ВДУАРА Д ПРАЦА
1863

ALL VOLUMES
PLACED
ON THE
TABLE

Одобрено ценсурою. С. Петербургъ, 11 июля 1863 года.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЛѢДОВАТЕЛЯ

ВЪ АРЕСТАНТСКОЙ РОТѢ

IV

КОСУШКА ВОДКИ

Въ послѣднихъ числахъ октября 18... года я получилъ такого рода извѣщеніе:

— Сего 22 октября, проживающая въ Козьей улицѣ солдатка Дарья Яковлева была ранена въ грудь ножомъ. Для излеченія отъ таковой раны она Яковлева отправлена въ городскую больницу; подозрѣваемый же въ нанесеніи ей раны рядовой Степанъ Прокофьевъ содержится на главной гауптвахтѣ. О чемъ городская полиція и имѣетъ честь увѣдомить васъ для производства слѣдствія.

Къ фактическому увѣдомленію полиціи былъ приложенъ складень-ножикъ, четверти въ полторы длиной; на остромъ концѣ ножа осталось нѣсколько засохшихъ кровавыхъ пятенъ.

Чтобы дополнить и пояснить лаконическое увѣдомленіе полиціи, я отправился въ больницу. Дежурный лекаръ сказалъ мнѣ, что раны Яковлевой хоть и очень серьезны, но что она въ настоящее время находится въ полномъ сознаніи и разговоръ не можетъ особенно бо-
лѣзненно дѣйствовать на нее.

Я освидѣтельствовалъ Яковлеву: на ней было три раны, одна на груди, и двѣ на рукахъ, выше локтя; особенно была глубока грудная рана. Кромѣ того у Яковлевой были изрѣзаны пальцы, которыми хваталась она за ножъ, чтобы предохранить грудь отъ ударовъ. Дарьѣ было лѣтъ двадцать-шесть, лицо ея было некрасиво.

— Ну, что Дарья, как ты себя чувствуешь? спросилъ я больную, когда фельдшеръ окончилъ перевязку.

— Ничего, батюшка, только ужь оченно больно.

— Кто это тебя Дарья?

Дарья открыла глаза и посмотрѣла на меня.

— Да вот онъ, злодѣй-то мой... Кому больше.

— Кто? Степанъ Прокофьевъ, чтоли?

— Онъ, онъ сгубилъ мою душеньку.

— Да за чтоже онъ тебя?

— Ну, поди ты съ нимъ, и сама не знаѣ за что; такъ вотъ взошло въ голову, смутилъ окаанный, — онъ меня и прысть.

— Да чтоже ты жила чтоли съ нимъ?

— Какъ же, батюшка, не жить. Вотъ ужь четвертый годъ та-скаюсь я съ нимъ. И допрежь съ свѣту бѣлаго согналъ совѣтъ, а ужь это, подиткось и не знай што.

— Стало онъ и прежде съ тобой дурно поступалъ?

— Извѣстное дѣло, человекъ взбалмошный: вступить что въ голову, вынь да положи ему, — убью говорить, какъ собаку убью.

— Отчего же ты не бросила его?

— Глупость-то наша женская. Ну вотъ такъ, словно обошолъ онъ меня чѣмъ.

— Да вѣдь была же какая причина, что рѣшился онъ на такое дѣло. За него спасибо не скажутъ, Степанъ зналъ это.

— Какая причина. Да просто безо всякой причины. Мы, знаете ли, живемъ теперъ въ банѣ: хозяйка изъ горницы насъ выгнала, постояльцевъ на ярманку пустила. Вотъ сижу я на полкѣ, да вяжу чулокъ, а онъ, Прокофьевъ-то, и приходитъ ко мнѣ. Ну, перва сталъ разговаривать такъ хорошохонько, чистый понедѣльникъ шолъ, въ ротной банѣ былъ. А тамъ и говорить мнѣ: дай ему на полштофъ, опохмѣлиться дескать послѣ прощенного дня хочу. Я ему и молвлю, гдѣ я тебѣ возьму на полштофъ: чернаго-то хлѣба нѣтъ, не токма што водки. Пристаеть: заложи ему что съ себя. Да чѣго, говорю, заложить, одна у меня гуня-то, да за нее и шкалика напросишься. Ну, я замолчала, и онъ ничего. Потомъ опять разговоры повели; сталъ онъ межъ прочимъ говорить: пойдѣмъ съ нимъ въ кабакъ, деньги у него есть на косушку; я не въ часъ и молви: какое нынѣче въ кабакъ, нонѣ добрые люди въ ротъ ничего не берутъ, а ты въ кабакъ зовешь. Нѣтъ, все злодѣй не унимается: пойдѣмъ да пойдѣмъ; я нейду, онъ меня за рукавъ схватилъ, тащить сталъ

съ полка, рукавъ у платья оторвалъ, потомъ за руки сталъ тащить; я знаешь упираюсь. А на ту пору на столѣ около полка ножикъ лежалъ, онъ схватилъ его, да какъ прыснетъ меня въ грудь: «такъ на же говорить тебѣ стерва, чертовка проклятая!» — я было схватилась за ножикъ, а онъ вырветъ его у меня изъ рукъ, да вдругорядъ прыснулъ. Я такъ не вспомнилась. И не знаю что было ужь.

Дарья, приподнявшись при послѣднихъ словахъ, опять упала на подушки и стала тяжело дышать. Я отошелъ отъ нея. Во все время рассказа, даже и тогда, когда вырывались бранныя слова, я незамѣтилъ чтобы Дарья была возмущена поступкомъ Прокофьева.

Черезъ нѣсколько минутъ Дарья начала опять ровно дышать, я подошелъ къ ней.

— Неужели тебя Прокофьевъ только за это ударилъ? Ты быть можетъ скрываешься передо мной, сама въ чемъ виновата предъ Степаномъ?

— Что мнѣ, батюшка, передъ тобой таиться, можетъ и жить-то мнѣ часъ какой остался, у Бога нескроешься; я и священнику на духу вчерась тоже сказала что и тебѣ, — не вѣришь мнѣ, у него спроси, онъ все повѣдаетъ тебѣ.

— Ты быть-можетъ невѣрна была Прокофьеву, другихъ любовниковъ имѣла, онъ узналъ, да и осердился на тебя.

— Чай не первый день живу съ нимъ? Четвертый годъ таскалась. У публичныхъ, — кто деньги даетъ тотъ и любовникъ. Только что Степанъ не изъ такихъ былъ у меня, — одинъ и былъ не въ урядѣ съ другими. Тѣ што: придуть да и уйдуть, а этотъ сердешный былъ даромъ.

— Развѣ ты публичная?

— Публичная.

— И Прокофьевъ зналъ объ этомъ?

— Кому же и знать-то какъ не ему, — съ перваго дня знакомства зналъ. Вѣдь онъ на дню-то почесь разъ десять придетъ ко мнѣ. Въмѣстѣ съ гостями компанію водить, пьянствуетъ.

Послѣ спросовъ Дарьи Яковлевой я немедленно отправилъ требованіе, чтобы ко мнѣ привели Степана Прокофьева.

Прокофьевъ былъ молодой солдатъ съ умильно подвижнымъ лицомъ, непрерывное подергиванье мускуловъ на которомъ указывало его вспыльчивый, холерическій темпераментъ. Такъ какъ дѣло о нанесеніи ранъ Яковлевой было совершенно ясно (показаніе Дарьи

подтвердила слово въ слово другая, проживающая съ ней женщина), то я полагаю, что Прокофьевъ по первому же слову сознается.

— Что это ты надѣлалъ Прокофьевъ? спросилъ я его.

— Что такое, ваше благородіе?

— Да Дарью-то какъ ты всю исполосовалъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе.

— Какъ никакъ нѣтъ? развѣ не ты нанесъ ей раны.

— Не я, ваше благородіе.

— Она прямо указала на тебя, рассказала причину твоего проступка.

— Вретъ она, ваше благородіе. Развѣ у гуляющихъ дѣвокъ есть какая совѣсть, — онѣ ее всю по кабакамъ растранижили. — Я перемѣнилъ тотчасъ же тактику.

— Впрочемъ дѣйствительно, мало ли что онѣ болтають: имъ на слово-то вѣрить нельзя.

— Всеконечно ваше благородіе. Она любовницей моей была, да непотребностямъ занималась; я ей выговаривалъ, чтобы она вѣдакую жизнь бросила вести, работой тамъ какой занялась; она вотъ единственно изъ-за того такой поклепъ на меня и возвела.

— Да ты былъ ли у ней, какъ она себя ножомъхватила? спросилъ я Прокофьева.

Прокофьевъ видимо окуражился, когда замѣтилъ, что я придаю вѣроятіе его словамъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, я въ понедѣльникъ-то и не былъ у Дарьи.

— Какъ же ты узналъ, что она надъ собой такое дѣло совершила?

Прокофьевъ призадумался.

— Въ ротѣ узналъ, — какъ взяли-то меня. Я знаешь спрашиваю за что это, братцы, меня берутъ.

— Кого же ты спросилъ-то?

— Непомню, ваше благородіе. Ужь очень напугался я, отродясь не видалъ такого дѣла.

— Какого дѣла.

— Да вотъ, что взяли-то меня. Спрашиваю я, какъ взяли-то меня, они мнѣ и говорятъ. Дашку такъ-и-такъ ты порѣзалъ, душу христіанскую сгубилъ.

— Такъ ты и не былъ въ понедѣльникъ-то у Дарьи.

— Не былъ, ваше благородіе. Понапрасну она на меня такую бѣду заваливаетъ.

Надо вамъ замѣтить, что Прокофьевъ, ударивши въ послѣдній разъ Дарью, кинулъ ножъ и бросился бѣжать, неразбирая дороги, по огородамъ, по сугробамъ снѣгу домой. На полдорогѣ его видѣли два солдатика его же роты, испуганнаго, блѣднаго и тотчасъ же догадались, что съ нимъ случилось что-то неладное.

— А скажи пожалуста, Прокофьевъ, откуда ты бѣжалъ въ понедѣльникъ, часа въ четыре послѣ обѣда.

— Ни откуда ваше благородіе, я дома былъ въ эту пору.

— Какъ же тебя видѣли Стволонъ и Портуеянко.

Прокофьевъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ. Прошло нѣсколько секундъ молчанья.

— Виноватъ, ваше благородіе, задыхающимся голосомъ, едва слышно проговорилъ Прокофьевъ: — былъ у Дарьи.

— И ударилъ ее ножомъ?

Видно было, что въ Прокофьевѣ происходила страшная борьба, сознаться или нѣтъ въ своемъ поступкѣ: на подвижномъ лицѣ Прокофьева можно было читать всѣ симптомы этой борьбы. Наконецъ страхъ наказанія превозмогъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, скороговоркой почти закричалъ Прокофьевъ.

Я сталъ уговаривать Прокофьева сознаться, говорилъ, что полное сознание на многое уменьшитъ наказаніе, что при произнесеніи приговора должны принять во вниманіе вспыльчивость, вслѣдствіе которой совершено преступленіе, а еще болѣе раскаяніе. Но Прокофьевъ не сознавался.

Во время моего разговора я замѣтилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шинели Прокофьева едва-едва видныя темныя, неопредѣленные пятна: только на самомъ концѣ полы осталось совершенно явственное маленькое кровавое пятно.

— Ктоже такъ постарался надъ Дарьей?

— Сама, ваше благородіе.

Я не ожидалъ подобнаго оборота: по положенію ранъ на тѣлѣ Дарьи ясно было видно, что показаніе Прокофьева нелѣпность.

— При тебѣ.

— При мнѣ.

— Ну раскажи, какъ же это было.

— Я, ваше благородіе, пришелъ къ Дарьѣ-то, началъ съ замѣ-

шательствомъ и остановками Прокофьевъ : — а она сидитъ на полкѣ. Я съ ней разговаривать сталъ , ты что молъ не дѣлаешь ничего, гуляла масляницу, али гостей и нонѣ ждешь. А она, Дарья-то, ругать меня стала, что не въ свои дѣла мѣшаюсь.

— Ну чтоже ?

— Ничего, только-что сильно ругалась, материнничала.

— Когда-жъ она ударила себя ножомъ-то ?

— Ножомъ-то. Я сталъ ей выговаривать , а она пристала ко мнѣ, — дай ей денегъ на вино, голова слышь съ похмѣлья болить. А я ей : — какое нынче вино, день эдакой. А она надо полагать съ досады ихватила себя ножомъ.

— Гдѣже она сидѣла въ эту пору ?

— На полкѣ.

— Чтоже она слѣзла чтоли съ полка ?

— Нѣту, такъ на полкѣ и осталась ; я какъ увидѣлъ эдакую бѣду, такъ съ испугу чтобъ въ отвѣтъ не попасть и бѣжалъ.

— Стало-быть ты такъ и недотрогивался до Дарьи ?

— И не дотрогивался.

— Какъ же кровь-то на шинель къ тебѣ попалась ?

Прокофьевъ взглянулъ на шинель и замѣтилъ на полѣ ея маленькое пятнышко.

— Непомню, ваше благородіе, можетъ и дотрогивался.

— Какъ же это ты не помнишь ?

— Съ испугу, а наипаче съ вина.

— Развѣ ты пьянъ былъ на ту пору.

— Не вовсе пьянъ, а выпивши.

— Гдѣжъ ты пилъ вино ?

— Въ кабакъ, извѣстное дѣло.

— Въ какомъ же кабакъ ?

— Мало ли ихъ, развѣ упомнишь, въ какомъ кабакъ былъ.

— Ну, а какъ же у Дарьи вмѣсто одной раны очутилось три и пальцы всѣ разрѣзаны ?

— Не могу знать, ваше благородіе, развѣ я за все въ отвѣтъ долженъ идти ? и то вотъ безвинный въ тюрьмѣ сижу.

Несмотря на всю видимую несостоятельность показаній Прокофьева, несмотря на замѣшательство, которое обнаруживалось въ немъ послѣ каждаго вопроса, на противорѣчіе съ прежде сказаннымъ, Прокофьевъ не отступалъ отъ того, что Дарья сама изранила себя, а

что показывается на него, Прокофьева, только потому, что онъ бранился за развратную жизнь.

Прокофьеву съ Дарьей нужно было дать очныя ставки. Я послалъ спросить Дарью, можетъ ли она видѣть Прокофьева; спросилъ медиковъ, не будетъ ли предполагаемое свиданіе имѣть вліяніе на дальнѣйшее выздоровленіе Дарьи, оказалось: что препятствій ни съ той ни съ другой стороны не было.

Безъ малѣйшаго признака злобы, безъ гнѣва встрѣтила Дарья Прокофьева. Мнѣ показалось, что она обрадовалась увидавши своего любовника. Зато черныя брови Прокофьева нахмурились, онъ крѣпко сжалъ губы.

— Вотъ Дарья, обратился я къ израненной: — Прокофьевъ не признаетъ, что изранилъ тебя: онъ говоритъ, что ты сама себя ударила ножомъ.

И безъ того большіе глаза Дарьи сдѣлались еще больше, когда она услышала послѣднія слова.

— Какъ, я сама ударила себя? Что ты, Степанъ, въ умѣ ли?

— Я-то въ умѣ, а ты вотъ видно его пропила, какъ на меня такую околесину несешь.

— Ахъ Степанъ, Степанъ, грѣхъ тебѣ эдакія слова про меня говорить; переносила отъ тебя я много, сколько разъ бивалъ ты меня, все молчала, а теперь душегубства мово захотѣлъ. Что я тебѣ сдѣлала, на што послѣднее съ себя снимала, да тебѣ отдавала. За это видно смерти моей ты пожелалъ.

— А ты полно казанской сиротой притворяться, да небылицы рассказывать. Сама на себя руку подняла, да...

— Гдѣ у тебя совѣсть-то, зѣнки твои безстыжіе.

— У меня совѣсть-то при мнѣ, а у тебя ея нѣтъ, — извѣстно, что публичная.

— Что публичная!.. Нетаскался бы съ публичной. Али ты думаешь, что коль публичная, такъ и Бога забыла, клевету нести буду. Коли-бъ знала я за тобой такія качества, глаза бы свои вырвала, чтобъ не смотрѣли на тебя.

— Ну и вырвала бы.

— Окаянный ты эдакой, пуще свѣту божьяго любила я тебя.

— То-то у тебя на дню по десятку нашего брата и бывало.

— Пошто же ты тиранствовалъ надо мной, коли денегъ тебѣ не давала. Поштожь ты кровь мою день деньской пилъ.

Укоризны Дарьи язвили Прокофьева сильно. Видя, что очная

ставка ни к чему не ведетъ и боясь чтобы волненія не подѣйствовали вредно на здоровье Дарьи, я поспѣшилъ покончить сцену.

— Такъ, Дарья, онъ тебя ударилъ ножомъ?

— Онъ, — завтра Богу отвѣтъ быть-можетъ придется давать, такъ и скажу, онъ батюшка пусть разсудить.

— Никакъ нѣтъ, ваше благодоріе, изъ злости баба городить.

— Богъ тебя простить Степанъ, не носила я жалобы никому, сама застрадалася вспоминаячи тебя. Тошнехонько мнѣ за тебя.

Это были послѣднія слова Дарьи Степану. Несмотря на предсказанія медиковъ, что рана не опасна, Дарья умерла не выходя изъ госпиталя. За день до смерти судорожно металась она на постели да звала Степана.

V

ПОСЛѢДНЯЯ СТРАНИЦА

По дѣлу Прокофьева мнѣ нужно было спросить, въ качествѣ свидѣтеля, дѣвушку, жившую съ Дарьей и видѣвшую весь ходъ происшествій. Надежда Чоботова (такъ звали свидѣтельницу) была зачислена тоже въ число публичныхъ. Я послалъ къ Чоботовой повѣстку, но мнѣ сказали, что она больна и никакъ не можетъ явиться къ слѣдствію; я къ ней отправился самъ.

Я много видѣлъ страшныхъ, поражающихъ картинъ бѣдности, одинокаго, глухого страданія; видѣлъ какъ умирали арестанты въ острогахъ, солдаты въ госпиталяхъ, но все это не оставляло по себѣ такого подавляющаго впечатлѣнія, какое вынесъ я изъ жилища Чоботовой. Вездѣ смерть встрѣчали какъ врага, съ нимъ завязывали страшную борьбу, отъ жизни все чего-то ждали, надѣялись; одна Чоботова все порѣшила съ жизнью: въ прошедшемъ для нея не существовало воспоминаній, — нищета, да развратъ, развратъ голодный, изъ-за куска черстваго хлѣба, изъ-за гроша денегъ давили ее. Въ настоящемъ... но настоящее Чоботовой вы узнаете изъ расказа.

На дворѣ мартъ мѣсяць, съ крышъ началась капель, въ воздухѣ нахнуло приближеніемъ весны. Въ одномъ изъ самыхъ глухихъ, отдаленныхъ городскихъ угловъ я нашолъ жилище Чоботовой.

— Здѣсь, чтоли, жила Дарья Яковлева? спросилъ я какую-то попавшуюся мнѣ старушонку.

— Это зарѣзана-то?

— Да.

— А тебѣ на што ее, родимый?

— Мнѣ не ее надобно, а другую, что съ ней проживала, Чоботову.

— Чоботову? Нѣтъ, такой здѣсь нѣтъ.

Въ это время подошла къ намъ еще растрепанная старушонка.

— Федулиха! слышь какую-то Чоботову спрашиваютъ, у насъ такихъ нѣтути?

— Чоботову? Да твоей милости не Надьку ли разноглазу надо?

— Она чтоли, съ Дарьей жила?

— Она.

— Ну, вотъ къ ней-то меня и ведите.

Черезъ нечистый, навозный дворъ мы подошли къ землянкѣ.

По городамъ небогатые люди, а въ деревняхъ всѣ — вмѣсто бань строятъ землянки. Только самый неприхотливый вкусъ, да самый твердый организмъ можетъ выдержать подобную ванну. Я неважусь въ описаніе землянки, потомучто надѣюсь, что каждый видѣлъ ихъ. Какъ жилище, по удобствамъ она стоитъ ниже всякой лачуги. Когда я вошелъ прямо со двора въ показанную мнѣ землянку, я сначала ничего не могъ разсмотрѣть. Въ землянкѣ было почти что темно (хоть всего и былъ второй часъ дня): она освѣщалась окошечкомъ въ четверти полторы величиной, вмѣсто стекла, на половину заткнутомъ тряпкой; дымъ и чадъ, наполнявшіе землянку, ѣли глаза, на совершенно черныхъ, закоптѣлыхъ стѣнахъ каплями собралась сырость.

Прошло нѣсколько мгновений: я привыкъ къ темнотѣ и чаду.

О-о-хъ! раздалось въ одномъ углу. Я обернулся въ тотъ уголъ, откуда послышался стонъ. На лавкѣ была навалена куча отвратительно грязныхъ лохмотьевъ, подъ ними что-то шевелилось.

— Кто тутъ? спросилъ меня слабыѣ, грудной голосъ.

— Мнѣ нужно Надежду Чоботову, это ты, чтоли?

— Я, что вамъ угодно?

Изъ подъ кучи лохмотьевъ, состоявшихъ, какъ потомъ я разсмотрѣлъ, изъ юбки и въ клочья изорваннаго салопы, показалась сначала женская голова, а потомъ и туловище. На дѣвушкѣ была толстая, какого-то сѣраго отъ грязи цвѣта рубашка.

Надеждѣ Чоботовой было не больше двадцати трехъ, четырехъ лѣтъ: какъ видно когда-то она была очень недурна собой; худоба ея

лица была поразительна; болѣзненный, порой вспыхивавшій румянецъ еще болѣе усиливалъ впечатлѣнiе, оставленное молодымъ, изнеможеннымъ лицомъ умирающей. Удушливый кашель прерывалъ почти каждое слово Надежды; на полу около нея замѣтны были кровавыя пятна. Я засталъ едвали не послѣднiя минуты борьбы между жизнью и смертью.

Я съѣлъ на полу около Надежды; въ неплотно притворяющуюся дверь, выходящую прямо на дворъ, несло холодомъ. Я хотѣлъ прихлопнуть дверь.

— Оставьте, вѣдь она все такъ. Видите какой холодъ здѣсь. На дворъ теплѣе. Весна вѣдь скоро, а у меня зубъ на зубъ не попадетъ, заковенѣла вся. О-о-хъ.

Дѣвушка закашлялась.

— Что съ тобой, Надежда?

— Чахотка. Ровнымъ спокойнымъ голосомъ прошептала Надежда свой смертный приговоръ, но въ этомъ наружномъ спокойствii сказала вся ужасная драма, ею пережитая. Страдалица смотрѣла прямо въ глаза смерти: она ждала ее съ спокойствiемъ безнадежнаго отчаянiя, съ спокойствiемъ до конца разбитой жизни. Ни проклятiя, ни мольбы не слышалось въ приговорѣ. Надеждѣ было все равно: ей нечего и неоткуда было ждать, некому и не за что было отвѣчать.

Итакъ безнадежно-спокойно умирала двадцати-трехлѣтняя дѣвушка.

Я началъ было успокоивать Надежду, говорить, что болѣзнь ея не такъ серьезна. Надежда меня слушала спокойно, ровно, какъ слушаетъ челоуѣкъ противорѣчiя въ дѣлѣ, имъ окончательно и навсегда порѣшонномъ.

— Нѣтъ, ужь я знаю, что чахотка, мнѣ лекаръ намеднясь сказалъ, какъ ходила я къ нему... я скоро умру.

— Полно, Надежда, зачѣмъ же умирать?

— А жить-то зачѣмъ?

Я ненашолся что отвѣтить Надеждѣ.

— Жить-то зачѣмъ мнѣ? продолжала Надежда. — Вы думаете, что ваша жизнь, то и наша. Побыли бы вы на нашемъ мѣстѣ.

— Я знаю, что тяжело.

— Ужь такъ-то тяжело, что и сказать вамъ не умѣю; жалѣть нечего, одинъ конецъ; по крайности знаешь, что покойно лежать будешь. Никто обижать тебя не будетъ. Всякій наровитъ теперь на-

смѣяться надъ тобой. Вдругорядъ съ голоду мрешь, — пляши, говоришь, пѣсни пой. А кто не послушается? Одно слово гуляща... Ну...

Надежда не договорила своей мысли, ее сталъ душить кашель.

— Гуляща!.. Словно сердца нѣтъ у гулящей. Словно не живой челоѣкъ гулящая, домоть отрѣзанный. Кабы знали, да вѣдали они, какъ сердце болитъ у гулящей. Нешто ей самой нравится эта жизнь, нестыдно въ глаза людямъ смотрѣть. Что пьемъ-то мы. Да не пить-то какъ, — хоть на минуточку горе свое забудешь, сраму не помнишь. Вѣдь пальцемъ на тебя всѣ указываютъ. Смѣяться, да безчинствовать всѣ умѣютъ, — а нѣту, чтобы пожалѣть. Вѣдь вотъ собака другая лучше, чѣмъ я, издыхаетъ.

— Неужели ты одна лежишь здѣсь, никто не присмотритъ за тобой?

— А неужто кому дѣло есть. Извѣстно гулящая.

— Кто же тебѣ ѣсть носить?

— Ёсть-то. Да Федулиха, коль вспомнить. Ругается все: «скоро-роль издохнешь, говоритъ, въ убытки только вводишь.» Хоть бы смерть-то скорѣе пришла.

Въ это время въ закоптѣлое, разбитое оконце пробрался солнечный лучъ и упалъ на блѣдное, изнеможенное лицо умирающей, на грязныя лохмотья, прикрывавшія ея тѣло. Злѣе насмѣшки надъ челоѣкомъ, какъ этотъ лучъ, говорившій о жизни, напоминавшей радость, судьба не могла придумать. Она была такъ же безучастна къ Надеждѣ, какъ тѣ люди, что заставляли ее голодную пѣть и плясать въ своихъ пьяныхъ оргіяхъ, что съ ругательствомъ бросали ей умирающей кусокъ черстватаго хлѣба.

— Вотъ днемъ все какъ-то легче; слышишь, что люди ходятъ, а ужъ ночью очень тяжело. Вѣдь одна все лежу, и сна-то нѣтъ, кашель замучилъ. И воды-то некому подать, намеднясь вотъ тутъ поставила кувшинъ, — замерзла.

— Ты хоть бы въ больницу шла: тамъ покрайней-мѣрѣ людей видишь, все легче! тамъ и тепло есть.

— Да вѣдь тамъ деньги спрашиваютъ съ нашего брата. Да вотъ Софья недавно лежала въ больницѣ, какъ жаловалась, все говоритъ ужъ такъ тамъ нехорошо, почитай-что ѣсть не даютъ.

Самъ знаю очень хорошо положеніе нашихъ больницъ, но всегда паралель между ними и землянкой Надежды, я нашолъ, что больница все же имѣетъ преимущество; а потому сталъ уговаривать На-

дежду перейти въ больницу, принимая на себя хлопоты помѣстить ее тамъ даромъ.

— Нѣту, не пойду, недолго осталось... Вѣдь вонъ барбоска здохнулъ же недавно на дворѣ, а мнѣ кто не велѣлъ. Не велика барыня.

— Есть, что-ли, у тебя кто родные?

— Были, и отецъ былъ и мать была, теперъ не знаю. Чай и теперъ живы, знать-то меня не хотятъ. Да мнѣ все одно, недолго...

Надежда опять закашлялась.

— И тамъ жизнь некрасна была. Рада вырваться была, да не на радость вырвалась.

Отецъ Надежды Чоботовой былъ незначительный чиновникъ; хорошенькая дочка его привлекла вниманіе одного уѣзднаго франта; тотъ соблазнилъ ее, жилъ съ ней года два, потомъ бросилъ; отъ него Надя перешла къ другому, и идя обычнымъ путемъ, дошла до страшнаго конца.

— Не насмѣшничайте надъ нами, — и безъ того намъ тошнехонько, и безъ того смерти ждешь. Вѣдь не больно старуха я, мнѣ двадцать-третій годъ пошолъ, а я словно вѣкъ цѣлый изжила, глазышки бы мои на свѣтъ божій не смотрѣли, опостылѣлъ онъ мнѣ. О-о-хъ какъ тошнехонько мнѣ.

Больная стала метаться, глухой кашель все сильнѣе и сильнѣе сталъ душить ее, глаза Надежды налились кровью.

— О-о-хъ, смерть моя пришла, стонала Надя.

Я только могъ черезъ недѣлю опять навѣстить Надю. Таже Федулиха встрѣтила меня.

— Что Надя? спросилъ я Федулиху.

— Кончалась-га, родимый.

— Какъ кончалась?

— Вчера еще, вечеромъ. Такъ-таки и померла. Горемычная ея головушка.

Не слушая Федулихи, я бросился въ землянку Нади. Въ томъ же углу, подъ тѣми же грязными отреньями лежала покойница, и такъ же какъ и прежде лучъ солнца, прокраившись въ разбитое оконце, освѣщалъ ея блѣдное лицо. Никто не видалъ, какъ умерла Надя. Безъ зрителей, безъ слезъ, безъ участія, прикрытая лохмотьями, покончила свой съ жизнью расчетъ «гуляющая» страдалница.

VI

САМОУВІЙЦА

Кажется, что ни на одномъ языкѣ нѣтъ слова, соответствующаго нашему «питъ до чертиковъ», да кажется, что ни у одного народа пьянство не выработалось въ такое болѣзненно-безобразное явленіе, въ какое выработалось оно у насъ: и французъ пьетъ, и англичанинъ пьетъ, и нѣмецъ пьетъ, словомъ всѣ и вездѣ пьютъ, и пьютъ немало, по количеству вина еще больше нашего, но нигдѣ не напиваются до чертиковъ. Гдѣ причина такого грустнаго явленія? Въ личности ли, напивающейся до чертиковъ, въ социальной ли атмосферѣ, подготавливающей личность напиваться до чертиковъ?

Отвѣтить не трудно, стоитъ только вспомнить, кто у насъ напивается до чертиковъ. Баловни счастья, тѣ господа, что грязью обдаютъ бѣдняка, плетущагося мимо ихъ быстро-несущейся кареты, пьянствуютъ и развратничаютъ, но не пьютъ запоемъ; крестьянинъ, и тотъ *чаще всего* спасенъ отъ чертиковъ, отъ запоя — землей: земля привязываетъ его къ себѣ, даетъ хоть и трудный, но все же постоянный кусокъ хлѣба. Обыкновенно до чертей пьютъ мѣщане, пьютъ до чертей чиновники, пьютъ до чертей люди, которыхъ судьба преслѣдовала постоянно, тиранила изо-дня въ день, люди, которые ложась спать не знаютъ что будутъ ѣсть завтра, которымъ современное социальное устройство показало все, что есть въ немъ дурного, несостоятельнаго, люди, поставленные открыто противъ всѣхъ нападеній, лишонные средствъ къ защитѣ, ни внутри ни внѣ себя не находящіе опоры. Вдвинутый силою обстоятельствъ въ среду, требующую извѣстной степени образованія, мѣщанинъ, мелкій чиновникъ, вольноотпущенный и проч. воспитывается въ *идиллическихъ картинахъ* родимаго крова и въ *неменѣе идиллическихъ картинахъ* среды, посреди которой возвышаются родные пенаты: отецъ, запивая съ горя, часто колачивалъ свою семью, вымѣщая на ней собственное униженье; его пріятель, такой же бѣднякъ и также запивающій съ горя, былъ самъ часто колачиваемъ въ публикѣ своей супругой. «Выпьемъ съ горя!» чаще всего раздавалось въ ушахъ бѣдняка, съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ впервые понимать значеніе слова и это «выпьемъ съ горя!» какъ припѣвъ къ зауныв-

ной, надрывающей сердце пѣснѣ, гдѣ только и было словъ, что «нужда, кусокъ хлѣба, семья, да униженье» стало постоянно звучать въ его ушахъ. «Ужь не выпить ли и мнѣ съ горя?» было первое рѣшеніе, пришедшее на мысль бѣдняка въ тяжелую минуту испытанія, а масса печальныхъ воспоминаній, безотрадное настоящее и такое же будущее, говорили ему «выпей, выпей, все легче будетъ; хоть на минуту, да забудешься.

Мнѣ разъ привелось быть свидѣтелемъ страшной картины. Часовъ въ десять ночи, запыхавшись, прибѣжалъ ко мнѣ разсыльный.

— Пожалуйте ваше благородіе, человекъ зарѣзлся!

— Кто такой?

— Чиновникъ Синицынъ.

Другихъ свѣдѣній отъ разсыльнаго добиться было нельзя; я велѣлъ закладывать лошадь и поскакалъ на мѣсто совершенія катастрофы.

Синицынъ жилъ въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ переулковъ городишка; низенькіе, перекосившіеся дома, порой для предохраненія подпиерты шестами, тѣсно жались другъ къ другу; около каждаго изъ нихъ возвышалась огромная куча навоза, грязь въ переулкѣ была ужасная, лошадь едва-едва могла волочить ноги; наружность домовъ лучше всякихъ вывѣсокъ показывала, что въ нихъ пріютилось все, что было самага горемычнаго, самага бездольнаго въ городскомъ населеніи.

У воротъ одного домишка тѣснилось человекъ тридцать народу; я подѣхалъ къ толпѣ.

— Не здѣсь ли живетъ чиновникъ Синицынъ? спросилъ я у чуйки, стоявшей впереди всѣхъ и о чемъ-то съ жаромъ говорившей.

— Здѣсь, батюшка, здѣсь, подь-ка-ты съ нимъ какой грѣхъ приключился, попуталъ-знать окаанный, руки на себя наложилъ, поспѣшила перебить другихъ низенькая старушонка.

— А ты што языкъ-то свой длинный суешь куда не спрашиваютъ, вишь слѣдовальщикъ, проговорилъ кто-то въ толпѣ.

Словоохотливая старушонка призатихла.

Меня ввели въ комнату, всю облитуую мѣсячнымъ свѣтомъ; на полу лежала какая-то масса, прикрытая соломой; изъ-подъ нея по

покатости пола текла кровь: огромныя лужи этой крови видѣлись на постели; приподняли солому, — подъ ней лежалъ самоубійца. Я много видалъ умершихъ, но я никогда незапомню такого страдальческаго выраженья, какимъ отмѣчено было лицо Синицына. Всѣ физическія и нравственныя страданія, вынесенныя покойникомъ въ продолженіи долгой жизни, оставили здѣсь рѣзкіе, неудобозабываемыя слѣды; полузакрытыя глаза покойника странно смотрѣли изъ-подъ густыхъ бровей; стиснутыя губы казалось заглушали послѣдній вопль, готовый вырваться изъ чохлой груди; и безъ того словно скелеть, обтянутый кожей, умершій казался еще блѣднѣе, еще изнеможеннѣе отъ луннаго свѣта, падавшаго на него. Въ комнатѣ было душно, кровью пахнуло, трупъ еще не остылъ.

Надо было сдѣлать наружный осмотръ. Покойникъ нанесъ себѣ главную рану ножомъ въ животъ, ножъ валялся тутъ же на полу; недалеко отъ ножа лежала нѣсколько-погнутая вилка. Я спросилъ женщину, у которой жилъ Синицынъ, какъ пошла сюда окровавленная вилка.

— Да ужь онъ какъ мучилъ-то себя горемышный, что и сказать нельзя; мало-что ножомъ брюхо себѣ распоролъ, да потомъ все вилкой себѣ тыкалъ. «Вонъ, кричить, окаянные.» О-о-хъ страсти-то какія! Нутро даже своими руками рвалъ.

Во время осмотра трупа я поднималъ вверхъ голову и вздрогнулъ: на меня съ печки смотрѣло чье-то лицо, обросшее сѣдыми волосами, чьи-то большіе безсмысленные глаза; несмотря на то, что въ комнатѣ насъ было человѣкъ шесть, — по тѣлу моему, подъ впечатлѣніемъ этихъ неподвижно устремленныхъ глазъ, пробѣжала холодная дрожь.

— Кто это тамъ? спросилъ я тихо женщину.

— Да его же старикъ, — отецъ Ивана Федорыча; вѣдь онъ, батюшка, поврежденный.

— Какъ поврежденный?

— Ужь который теперь годокъ пошолъ — не въ своемъ все умѣ, такъ съ печки не слѣзаетъ, все молчитъ, да лежитъ больше.

— Чтоже, онъ видѣлъ какъ сынъ рѣзался?

— Все видѣлъ; какъ темерича на печкѣ лежитъ, такъ и о ту пору, рукой даже не пошевелилъ.

Представляю воображенью читателей нарисовать сцену, происшедшую за часъ до моего прихода на квартиру Синицына.

Несмотря на всю привычку ко всевозможным сценамъ, я не могъ долго оставаться въ квартирѣ покойника : неподвижно—устремленный взглядъ помѣшаннаго старика—отца давилъ меня ; понятые сжались въ уголъ и старались избѣжать встрѣчи съ этимъ взглядомъ ; тишина въ комнатѣ еще больше увеличивала ужасъ сцены ; только и слышно было, какъ порывисто, тяжело дышалъ старикъ, не замѣчавшій, не понимавшій катастрофы, пронесшейся надъ его несчастнымъ сыномъ.

Я давно зналъ Сеницына (онъ служилъ писцомъ въ одномъ изъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ), а потому, прежде чѣмъ рассказывать послѣднюю катастрофу, я передамъ кратко его предыдущую жизнь.

Сеницынъ былъ изъ самыхъ смиренныхъ, самыхъ забытыхъ и самыхъ работающихъ чиновниковъ ; одинъ только порокъ и замѣчалъ за нимъ начальство : зашибать иногда любить и зашибать сильно, но нѣсколько дней сряду, а иногда и по цѣлой недѣлѣ. Впрочемъ Сеницынъ зашибалъ не часто : въ годъ разъ, или много—много два. Товарищей своихъ Сеницынъ чуждался, онъ больше молчалъ угрюмо ; придетъ бывало въ присутствіе, положитъ шапку, помолится передъ образомъ, вынетъ огромную связку бумагъ и начнетъ копать въ нихъ, — такъ до самаго конца присутствія ни разу иногда и не сойдетъ съ жесткаго стула. Всякія приказанія Сеницынъ выслушивалъ молча и тотчасъ принимался исполнять ихъ : возраженій никогда и никто отъ него не слышалъ ; однакожъ, несмотря на акуратность и исполнительность, служба Сеницыну не везла : предъ нимъ и его же товарищи выскакивали въ столоначальники, секретари, обзаводились скотами и прочими благодатями, а онъ въ сорокъ лѣтъ оставался тѣмъ же писцомъ, какимъ и поступилъ, только жалованья прибавили за двадцатилѣтнюю службу, — прежде онъ получалъ три рубля серебромъ въ мѣсяцъ, а въ послѣднее время (не предъ самымъ началомъ катастрофы : тутъ, какъ мы увидимъ впоследствии, у Сеницына жалованья сильно убавили) одиннадцать.

Сеницынъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда въ немъ нуждались, служилъ постояннымъ центромъ для потѣхи товарищей : характеристической чертой его было глубокое цѣломудріе ; никогда съ устъ его не выходило скоромное слово и на это—то цѣломудріе больше всего и направлялись стрѣлы чиновнаго остроумія. Долго бывало отмалчи-

вається Синицынъ отъ навязчивыхъ приставаній, только какъ очень не втерпежъ станеть, такъ скажетъ :

— Въдъ я никого изъ васъ, господа, не трогаю, чтоже вы-то ко мнѣ съ такими все пакостями лѣзете.

При словѣ «пакость» Синицынъ всегда отплевывался въ сторону.

Синицынъ былъ мистикъ и большой богомоль; въ праздники онъ не пропускалъ ни одной церковной службы или если и пропускалъ, то въ періодъ своего зашибанья, да и то грѣхъ свой старался замолить постами и обильными земными поклонами; кромѣ священныхъ книгъ, другихъ Синицынъ не читалъ и чтеніе ихъ считалъ не за малый грѣхъ; изъ священныхъ же ему преимущественно нравились тѣ, гдѣ святые мужи и жены подвергались многочисленнымъ искушеніямъ со стороны бѣсовской силы.

Судьба не благоволила къ Синицыну съ дѣтства; отецъ его, тотъ самый помѣшанный старикъ, что лежалъ на печи, былъ дьячкомъ въ одномъ изъ самыхъ бѣднѣйшихъ деревенскихъ приходоувъ; семья у старика была огромная, какъ она пробавлялась — богъ-вѣсть; впрочемъ изъ всей семьи ко времени расказа только и остались, что герой его, да двѣ сестры, бывшія замужемъ тоже за деревенскими причетниками.

Мнѣ сказывали, что отецъ Синицына сошолъ съ ума отъ страшныхъ потерь, понесенныхъ имъ въ холерный годъ: въ продолженіи нѣсколькихъ дней онъ лишился трехъ сыновей (изъ которыхъ одинъ считался лучшимъ студентомъ духовной академіи, два же другихъ были уже священниками въ богатыхъ приходоухъ) и жены, отправившейся въ могилу вслѣдъ за своими дѣтьми. Но и того судьбѣ показало мало: деревня, гдѣ былъ старикъ Синицынъ дьячкомъ, выгорѣла вся до тла; пожаръ случился во время страды, крестьяне и старикъ Синицынъ были въ полѣ, на работѣ; покуда успѣли они прибѣжать — села уже не существовало: на мѣстѣ его торчали однѣ только закоптѣвшія трубы, да обгорѣвшіе столбы. Въмѣстѣ съ избой старикъ Синицынъ лишился и всего убогаго скарба. Последнее горе совсѣмъ сломило старика и безъ того потрясеннаго смертью жены и дѣтей: онъ съ ума сошолъ. Помѣшательство старика было странное: если ему давали ѣсть, такъ онъ ѣлъ, недавали — самъ онъ никогда не спрашивалъ; что бы съ нимъ ни дѣлали онъ оставался все тѣмъ же неподвижнымъ и молчаливымъ. Только во все время своего помѣшательства старикъ разъ восемь выходилъ изъ себя; и тогда становился страшенъ: бѣшенство овладѣвало имъ, онъ все кому-

то грозилъ и призывалъ муки, какія только въ состояніи былъ создать его болѣзненно раздраженный мозгъ; въ такія минуты требовался за старикомъ строгій присмотръ. Впрочемъ весь присмотръ ограничивался тѣмъ, что замѣтивши первые признаки бѣшенства, сзывали сосѣдей, тѣ кидались на помѣшаннаго общими усиліями (а требовалось много усилій, потомучто въ эти минуты старикъ получалъ громадную силу) валили его на полъ, скручивали руки и ноги и оставляли въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ пока старикъ, какъ говорили, не успокоивался. Варварское обращеніе укротителей еще болѣе разжигало бѣшенство помѣшаннаго: сѣдой старикъ, съ огромной бородой визжалъ катаясь по полу, онъ утрачивалъ послѣднюю способность человѣка и становился дикимъ звѣремъ.

Кого проклиналъ помѣшанный — неизвѣстно, только между проклятіями слышались иногда имена котораго-нибудь изъ умершихъ дѣтей, да можно было понять изъ несвязныхъ фразъ, что старику припоминался пожаръ, пустившій его нищимъ по бѣлому свѣту.

Синицынъ-сынъ, какъ только узналъ о помѣшательствѣ отца, тотчасъ же не задумываясь перевезъ его къ себѣ; ему предлагали помѣстити старика въ сумашедшій домъ, но онъ несогласился. Этотъ поступокъ въ Синицынѣ тѣмъ больше замѣчательнъ, что онъ былъ, какъ увидимъ ниже, страшный скряга.

Я говорю, никто изъ окружающихъ не слышалъ отъ Синицына жалобъ: — его видѣли только работающимъ и молчащимъ, да и самъ онъ, какъ казалось, привыкъ къ незавидной долѣ, но сквозь эту привычку капля по каплѣ въ душѣ Синицына просачивалось отчаяніе. Мѣсяцевъ шесть, семь и больше бывало работалъ молчаливо Синицынъ, да ходилъ каждый день къ заутренямъ и вечернямъ, потомъ вдругъ прорывался и запивалъ иногда по недѣлѣ и больше, изо дня въ день. Машина значитъ испортилась. Пилъ Синицынъ все больше одинъ, и случалось пилъ такъ, что его выталкивали изъ кабака въ одной рубашкѣ. И странное дѣло — всегда тихій, послушный, Синицынъ дѣлался страшнымъ буйномъ, когда приставали къ нему пьяному. Разъ онъ чуть-чуть не задушилъ одного изъ своихъ сослуживцевъ, когда тотъ вздумалъ сыграть съ нимъ одну изъ тѣхъ плоскихъ шутокъ, на которыя былъ такъ выносливъ Синицынъ трезвый. Шутникъ вымазалъ лицо Синицына сажей, въ заведеніи поднялся единодушный хохотъ. Синицынъ догадался въ чемъ дѣло и пьяное лицо его приняло почти кровожадное выраженіе.

— А ты думаешь, что я прежній! сказалъ задыхающимся голосомъ Сеницынъ и бросился душиить шутника; тотъ весь посинѣлъ и сталъ уже храпѣть подъ костлявыми пальцами. Присутствующіе къ счастью поняли, что подобное дѣло можетъ кончиться далеко не шуткой и бросились разнимать противниковъ. Цѣлый часъ послѣ того Сеницына била лихорадка, но скандалъ имѣлъ послѣдствіемъ то, что товарищи перестали во время запоя лѣзть къ нему съ шутками.

Женщинъ Сеницынъ боялся сильнѣе, чѣмъ мужчинъ; онъ былъ убѣжденъ, что дьяволъ именно черезъ женщину больше всего дѣйствуетъ на погибель рода человѣческаго; чѣмъ красивѣе была женщина, тѣмъ въ мнѣніи Сеницына она была опаснѣе. Къ боязни женщинъ въ Сеницынѣ присоединялась еще ненависть, и такой взглядъ, какъ и всѣ взгляды, сложился въ немъ подъ силою обстоятельствъ: мать не любила Сеницына и била его, сестры не любили и били его; хозяйки, у которыхъ жилъ Сеницынъ, были отъявленные мегеры. Съ молодыми, посторонними женщинами Сеницынъ никогда не входилъ въ близкія столкновенія; онѣ тоже не обращали вниманія на невзрачнаго, тихаго Сеницына. Разъ товарищамъ Сеницына удалось уговорить его свести знакомство съ однимъ изъ тѣхъ пріютовъ, гдѣ жметя голодный, оборванный развратъ, но знакомство было такъ неудачно, что Сеницынъ послѣ него захворалъ отвратительной болѣзью и три мѣсяца пролежалъ въ городской больницѣ. Это окончательно убѣдило Сеницына, что женщина чортъ переряженный въ платье, и онъ сталъ чуть ли не отплеивать ее и отмаливаться при встрѣчѣ съ каждой изъ женщинъ. Исключеніе изъ общаго правила Сеницынъ только и дѣлалъ что для хозяйки дома, гдѣ жилъ; исключеніе же было сдѣлано потому, что старушонка не только не уступала Сеницыну въ богомольѣ, но даже превосходила его и притомъ богомолье совершала она самымъ благолѣпнымъ образомъ, съ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ предписанныхъ правилъ.

Когда Сеницынъ перевезъ къ себѣ помѣшаннаго старика—отца, то сталъ зашибать сначала чаще, чѣмъ въ обыкновенную пору: видѣ вѣчно молчащаго, бессмысленно смотрящаго куда—то старика, новая обуза на плечахъ, прибавили еще больше сумрачнаго колорита къ общей картинѣ житья приказнаго.

Откуда проистекала заботливость Сеницына объ старикѣ? Думаю, что не изъ любви; странно требовать отъ человѣка любви

тамъ, гдѣ память только и удерживаетъ что картины тяжелаго рабскаго содержанія. Синицынъ заботился объ отцѣ, удѣляя послѣдніе гроши на его содержаніе, потому что думалъ, что поступая иначе, онъ дѣлалъ бы страшный грѣхъ, за которымъ, если не въ настоящей, то въ загробной жизни должно слѣдовать тяжелою возмездіе. Синицынъ боялся адскихъ мукъ и вполнѣ вѣровалъ въ нихъ.

Но человекъ не можетъ существовать безъ сердечной привязанности, какова бы и на что бы ни была обращена эта привязанность. У Синицына съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе росла страсть къ деньгамъ: онъ полюбилъ ихъ, какъ другой любитъ женщину. Бѣднякъ, выросшій на ломтѣ черстваго хлѣба, никогда не испытывшій ни одного изъ тѣхъ чувствъ, которые почти каждому хоть разъ удастся испытать смолоду, Синицынъ отдался своей любви къ деньгамъ со всей силой, на которую способны отверженные. Величайшій праздникъ для Синицына былъ тотъ день, когда удавалось ему прибавить лишній цѣлковый къ своему капиталу; тогда на вѣчно нахмуренномъ, оступѣвшемъ лицѣ его было написано счастье. Послѣ запоевъ Синицынъ мучился не дурной стороной застоя, не тѣмъ, что это можетъ повредить ему по службѣ, но тратой своего сокровища; послѣ запоя онъ дѣлался еще скупѣе: ему начиналось просиживать долгіе зимніе вечера безъ свѣчи, чтобы только сохранить лишнюю копѣйку; онъ старался ѣсть вдвое меньше, чтобы сократить расходъ на хлѣбъ. Такъ какъ изъ получаемаго жалованья при всей скупости трудно было сберечь лишнюю копѣйку, то Синицынъ прибѣгъ къ мелкому ростовничеству: гривениками, двумя гривенными, цѣлковыми отдавалъ онъ деньги своимъ сослуживцамъ, получая за одолженіе по сту и больше процентовъ. При полученіи денегъ Синицынъ забывалъ свою скромность и ужъ настойчиво требовалъ взятаго; въ случаѣ любовной неудачи онъ рисковалъ даже на жалобы; чтобы сдѣлаться непримиримымъ врагомъ Синицына стоило только не отдать ему долгъ, какой-нибудь гривенникъ; по своей одичалости, боязни, Синицынъ конечно ничѣмъ не проявлялъ своей вражды, но еслибы взявшій умиралъ отъ жажды и просилъ принести ему пить, то Синицынъ и тутъ бы не простилъ обиды и до тѣхъ поръ не помогъ бы ему, покуда тотъ не выплатилъ бы ему должное съ подобающими процентами. Самъ Синицынъ во имя своей страсти готовъ былъ вынести и выносить все; какъ любовникъ, считающій каждую минуту, оставшуюся до свиданія,

такъ и Сеницынъ въ тотъ день, когда удавалось ему сдѣлать приращеніе къ капиталу, ждалъ окончанія присутствія и забывъ усталость, голодъ, бѣжалъ домой, вытаскивалъ свою скудную казну, дрожащими руками пересчитывалъ ее, прикладывая приращеніе и потомъ снова начиналъ считать и пересчитывать. Въ деньгахъ для Сеницына было все: семья, любимая женщина, карьера. Во время моего разказа Сеницыну удалось скопить рублей сто серебромъ, такъ что онъ могъ производить крупныя операціи, отдавая взаимныя рублей по двадцати; но какъ истинный, страстный любовникъ, онъ сдѣлался мученикомъ своего сокровища. День проходилъ все какъ-то незамѣтно, сокровище было съ Сеницынымъ, оно висѣло у него на шеѣ на толстомъ шнуркѣ, но ночью воображеніе представляло Сеницыну всевозможныя ужасы; малѣйшій шумъ заставлялъ его вскакивать съ постели, осматривать всѣ уголки, всѣ запоры, замки, вездѣ онъ видѣлъ воровъ, готовыхъ похитить у него его сокровище. Изъ дому Сеницынъ по вечерамъ выходилъ только вслѣдствіе крайней необходимости; обыкновенно трусъ, мнѣ кажется, Сеницынъ умеръ бы героемъ, еслибы ему привелось защищать свои деньги. При началѣ запоя Сеницынъ снималъ съ себя свое сокровище и пряталъ его въ потайной ящикъ, сдѣланный имъ самимъ въ кровати. Скупость въ соединеніи съ прошедшимъ, привела Сеницына къ страшной катастрофѣ. Сеницынъ, ужъ не знаю на основаніи какихъ данныхъ, считалъ себя страшнымъ грѣшникомъ.

Во время совершившейся катастрофы Сеницыну было уже лѣтъ около сорока; невысокаго роста, рябоватый, съ жидкими темнорусыми волосами, съ крупными чертами, съ обыкновеннымъ, гемороидально-зеленымъ цвѣтомъ лица, всегда нахмуренный, молчаливый, Сеницынъ никакъ не могъ остановить на себѣ вниманія.

Я старался какъ можно точнѣе узнать ближайшія причины запоя Сеницына и послѣдовавшаго за нимъ самоубійства, — вотъ что удалось мнѣ развѣдать.

Сеницынъ въ послѣднее время не пилъ больше года; недѣли за полторы до катастрофы онъ возвратился домой особенно не въ духѣ. Пообѣдавъ на скорую руку и снявши съ шеи кошелекъ съ драгоценностью, Сеницынъ пересчиталъ количество капитала, вынулъ изъ него двѣ трехрублевыя бумажки, тщательно завернулъ опять сокровище и спряталъ его въ потайной ящикъ. Послѣ того Сеницынъ ушелъ

изъ дому и пропадалъ около недѣли : запилъ значить. Съ какой стати запилъ Синицынъ ? Въ послѣднее время надъ Синицынымъ стали обрушаться бѣда за бѣдой : новаго столоначальника Синицыну дали, тоже изъ семинаристовъ, тянувшего ляжку до важнаго поста лѣтъ двадцать пять, Свѣтозаровъ была ему фамилія. Пропедаши огонь и воду и мѣдныя трубы, Свѣтозаровъ получилъ воеводство, счелъ своей священнѣйшей обязанностью выместить на подчиненныхъ свое собственное униженіе : « а, думалъ онъ, мной помыкали, отдыху мнѣ не давали, всякій чуть ли ногой въ рыло не совалъ, такъ постояте же, благо теперь случай есть, я самъ докажу вамъ дружбу » и ужь подлинно что доказывалъ : заберется бывало въ палату ни свѣтъ ни заря и бѣда тому изъ подчиненныхъ, кто осмѣлится придти позже : « начальство, говоритъ, ни въ грошъ не ставишь, фанаберіи набрался, — надо, говорить, ее выбить » и идетъ жаловаться секретарю, а тотъ неразобравъ дѣла и отрѣжетъ у кого рубль, у кого полтинникъ изъ жалованья, такъ что къ концу мѣсяца и выходитъ, что не только приходится получить, а еще въ долгу состоишь и на слѣдующій : питайся чѣмъ хочешь, хоть объ маннѣ небесной молитвы возсылай ; или отдастъ переписывать докладъ листовъ въ тридцать, ну какъ-нибудь и испортишь, закапаешь листь, али съ спѣху ошибешься, такъ отъ крику одного не уйдешь : « ты, говоритъ, казенный интересъ соблюдать не хочешь, — воръ тотъ же ». А ужь ругался то, ругался-то какъ, хуже всякаго извозчика, и откуда онъ выучился такимъ ругательствамъ ! Со стороны послушаешь, такъ подумаешь что онъ книгу передъ собой держитъ, да по ней вычитываетъ ; да и добро бы за дѣло, а то такъ въ голову взбредеть, и пойдетъ пушить ; запятую не поставишь, такой содомъ въ камерѣ подыметъ, что начальство сторожа приплетъ : « чтобъ потише былъ », такъ и тутъ не уймется, самъ пойдетъ въ присутствіе : « я, говоритъ, подчиненныхъ уму-разуму учу, чтобъ въ субординаціи были, начальство уважали », ну и начальство ничего, милостиво изволить только улыбнуться, а Свѣтозарову это и на руку, придетъ еще хуже, — звѣрь-звѣремъ, удержки просто нѣтъ, цѣлымъ дѣломъ бывало въ лицо такъ и пустить, и утереться не смѣй : « вишь говоритъ, нѣжинка какой, а ты служить такъ служи, бабы привычки откинуть изволь ». Я говорю, ужь Синицынъ начто былъ забить и терпѣливъ, начто много вынесъ безмолвно оскорбленій, и тотъ подчасъ возмущался и выходилъ изъ себя. Незадолго до того времени, какъ запить, Синицынъ простудился немного, ломить всего ; къ утру впрочемъ, бла-

годаря домашнимъ средствамъ, болѣзнь прошла; только всталъ онъ вмѣсто семи часовъ, въ восемь. Кое-какъ одѣвшись Синицынъ побѣжалъ въ присутствіе, но послѣдствіе его была напрасна. Свѣтозаровъ уже воссѣдалъ на своемъ креслѣ, да такой сердитый, что просто страхъ.

— И ты собака въ фанаберію пустился! чѣмъ бы на старости лѣтъ примѣромъ служить, а ты тоже начальство заставляешь себя ждать. Погоди же, я тебя проучу! такъ встрѣтилъ Свѣтозаровъ Синицына.

Синицынъ напрасно отговаривался болѣзнию, напрасно увѣрялъ, что въ цѣлый годъ онъ ниразу еще не опаздывалъ, а что это впервые и послѣдній: Свѣтозаровъ оставался неумолимъ. Пришло высшее начальство, Свѣтозаровъ пожаловался ему на Синицына, сказавъ, что за послѣднее время онъ сталъ замѣчать особенную лѣность и нерадѣніе къ службѣ за Синицынымъ и даже проявленіе нѣкоторой грубости и неуваженія къ начальству, вслѣдствіе чего черезъ полчаса Синицыну объявлено было, что у него убавляется изъ мѣсячнаго жалованья три рубля серебромъ.

Но этого мало. Назадъ тому мѣсяца три Синицынъ далъ взаймы одному изъ сослуживцевъ десять цѣлковыхъ, росписку взялъ; проценты сослуживецъ платилъ акуратно каждый мѣсяцъ и человекъ былъ хорошій, только несчастіе съ нимъ случилось — умеръ онъ. Синицынъ, узнавъ о смерти кредитора, справился у казначея, жалованье не осталось ли незабраннымъ, но бѣднякъ не только за все прошедшее взялъ свою ничтожную плату, а еще впредь прихватилъ: лечился дома; хотъ на ромашку, да на бабъ-знахарокъ все деньги нужны; Синицынъ увидалъ, что съ этой стороны ничего не возметъ, рѣшился попытаться съ другой стороны: на счетъ оставшагося хлама. Обдумывая впередъ какимъ образомъ прямо изъ присутствія отправиться къ одному знакомому квартальному, чтобъ посоветоваться съ нимъ насчетъ взысканія, Синицынъ сталъ пить чай. Во время чая въ комнату вошла женщина, одѣтая очень бѣдно, вся въ черномъ, но такая молоденькая, блѣдная, да хорошенькая, что у Синицына въ глазахъ зарябило, морозъ по кожѣ пробѣжалъ. Синицынъ въ первый разъ видѣлъ въ своей квартирѣ такое явленіе.

— Вы Иванъ Федорычъ? спросила пришедшая тихо.

Синицынъ перекофузился больше чѣмъ пришедшая: онъ хотъ и ненавидѣлъ женщинъ, считалъ ихъ орудіемъ дьявольскихъ иску-

шеній , но на миломъ лицѣ гости было написано столько печали, столько глубокой скорби, что трудно было не усомниться, чтобы врагъ рода человѣческаго и ее избралъ въ число помощницъ своихъ злокозней.

— Я, отвѣчалъ Синицынъ, неловко вставая со стула. Что вамъ угодно?

— Вамъ папаша долженъ, Иванъ Федорычъ?

Синицынъ понялъ, что передъ нимъ стоитъ дочь Доменскаго, и его еще сильнѣе покоробило.

— А вы видно изволите быть дочкой Николая Михайлыча? жаль-съ вашего папашу, такой славный былъ человѣкъ.

— Иванъ Федорычъ! вамъ долженъ былъ папаша, онъ на смертномъ одрѣ поминалъ все долгъ, больной былъ — меня все къ вамъ посылалъ, я только оставить его боялась: вѣдь я одна за нимъ ходила, а ужъ онъ какъ мучился. Какъ мучился-то онъ... рыданья недали возможности договорить бѣдной дѣвушкѣ. — «Ты, говоритъ, сходи къ Ивану Федорычу, испроси прощенья у него за меня, я отдамъ ему какъ выздоровлю, съ благодарностью отдамъ. Да непривелось выздороветь-то, оставилъ онъ насъ, — новыя рыданья заглушили слова дѣвушки.

Ивану Федорычу крѣпко стало жаль дѣвушку, впервые быть можетъ отъ роду, да вѣдь дѣвушка была больно хорошенькая, и голосъ у ней былъ такой вѣжливый, такъ въ душу и просится.

— Вы, сударыня, успокойтесь; вотъ стульчикъ, присядьте.

Иванъ Федорычъ подалъ дѣвушкѣ стулъ, но та въ это время схватила его за руку, и начала цѣловать ее.

— Иванъ Федорычъ! нечѣмъ мнѣ отдать вамъ долгъ, ничего у насъ нѣтъ, только трое сиротъ насъ и осталось, съ голоду хоть умирать; чужіе люди уголъ дали. Все продали мы какъ папаша болѣнъ былъ, вѣдь жить надо было, лекарства покупали. Простите Иванъ Федорычъ, сполна отдамъ, въ горничныя пойду, заработаю. Дѣвушка схватила руку Синицына и стала цѣловать ее.

Съ Иванъ Федорычемъ богъ-знаетъ что дѣлалось, когда дѣвушка припала къ его рукѣ: ему стало и совѣстно, и неловко, и хорошо въ одно и тоже время; съ нимъ въ первый разъ случилась такая исторія, ему никогда не приходилось быть такъ близко къ хорошенькой женщинѣ; онъ позабылъ и дьявольскія козни и вражду къ женщинѣ: онъ только видѣлъ передъ собой обливающуюся слезами дѣвушку,

слышалъ ея нѣжный голосъ, прерываемый рыданьями, чувствовалъ только на своей рукѣ ея горячее дыханье, ея милыя губки. Иванъ Федорычъ напрасно старался освободить свою руку изъ рукъ дѣвушки: она крѣпко держала ее. Строгій аскетъ позабылъ свой долгъ.

— Что вы, сударыня, помилуйте, какъ можно въ горничныя, это не ваше-съ дѣло, вы барышня. Уже насчетъ долгу не беспокойтесь, мы всѣ подъ Богомъ ходимъ, развѣ я злодѣй какой, что съ васъ платица стану тащить, во мнѣ душа есть тоже. Мы подождать можемъ, а коли не будетъ чѣмъ заплатить, такъ мы и такъ обойдемся. Я и росписку разорву.

Съ необыкновенной быстротой, такъ что дѣвушка немогла даже предупредить его, Иванъ Федорычъ досталъ росписку и изорвалъ ее

— Богъ васъ наградитъ, Иванъ Федорычъ, сказала дѣвушка. — Я знала, что вы добрый, не подымется ваша рука на сиротъ. Вы только не думайте, чтобъ я не отдала вамъ долгъ: какъ только деньги будутъ — отдамъ.

Дѣвушка просидѣла у Синицына еще минутъ пятнадцать и ушла. Иванъ Федорычъ незамѣтилъ и время: ему было такъ хорошо, что онъ забылъ свои гражданскія обязанности. А между тѣмъ времени было много, почти девять часовъ. Свѣтозаровъ свирѣпѣлъ и ждалъ съ нетерпѣніемъ появленія преступника. На этотъ разъ послѣ всѣхъ появился Синицынъ; не успѣлъ онъ носу показать, какъ на него обрушился цѣлый потокъ самыхъ энергическихъ ругательствъ.

— Такъ ты вотъ какъ считаешь начальство, съ скрежетомъ зубнымъ накинулся Свѣтозаровъ на Синицына. Вотъ какъ! тебя наказываютъ, а ты и въ усъ недуешь, сами, дескать, съ усами, — старая ракалія! знать никого не хочу. Погоди же, я тѣ удружу, поставлю тебѣ ферта, буркулами-то не такъ захопаешь. Отчего послѣ всѣхъ явился? Говори пентюхъ китайскій.

Синицынъ на этотъ разъ не оправдывался; онъ молча забралъ изъ шкапа огромное дѣло и сталъ рыться въ немъ; его молчаніе еще болѣе вывело изъ себя Свѣтозарова — онъ счелъ его верхомъ дерзости противу начальства. Послѣдствіемъ этой непріятной исторіи была еще убавка изъ жалованья Синицына четырехъ рублей серебромъ въ мѣсяцъ.

Синицынъ не могъ опомниться отъ послѣдней исторіи; она при-

шла къ нему незамѣтно, нечаянно; онъ невѣрилъ въ дѣйствительность, онъ думалъ, что все это видѣлъ во снѣ, что и блѣдная, хорошенъкая дѣвушка являлась ему во снѣ, и руку у него цѣловала тоже во снѣ, но дѣйствительность въ образѣ казначея и полученія жалованья пришли въ тотъ же день напомнить ему себя: вмѣсто одиннадцати рублей серебромъ, какъ бы слѣдовало, Синицыну выдали четыре рубля.

Понятно съ какими разнообразными чувствами возвратился домой Синицынъ; онъ долго ходилъ по комнатѣ и думалъ. Борьба въ немъ происходила, и блѣдная дѣвушка занимала не последнее мѣсто въ этой борьбѣ. Нищета, скупость говорили Синицыну: «это дьяволъ соблазнилъ тебя, онъ плакалъ предъ тобой, онъ вырвалъ у тебя послѣдній грошъ, а ты, старый дуракъ, и распустилъ нюни-то, дался въ обманъ, позабылъ, что онъ завсегда бабу посылаетъ; поди-ка чай какъ она теперь потѣшается надъ тобой, смѣется всѣмъ. Гдѣ деньги-то? жалованье-то гдѣ? чѣмъ жить будешь? Что! Ахъ ты эхидна-притворщица!» Но вслѣдъ за угрозой эхиднѣ-притворщицѣ, являлся передъ Синицынымъ образъ блѣдной дѣвушки, плачущій, умоляющій, и Синицыну вдругъ дѣбалось и ея жалко и своихъ словъ совѣстно. «Нѣтъ, вотъ она какая бѣдная, изъ дому выгнали, въ чужихъ людяхъ съ сиротами пробивается, какъ чай нонѣ ей тяжко-то бываетъ, шутка ли, какая молоденькая, и одной-то остаться, да еще съ братишками. Какая она хорошенъкая, руку-то у меня какъ цѣловала. Глазки-то какіе у ней свѣтленькіе!» А деньги-то, деньги-то гдѣ твои? жалованье-то гдѣ? спрашивалъ прежній голосъ, и вслѣдъ за этими неотвязчивыми вопросами Синицынъ снова сталъ вѣрить, что явленіе блѣдной дѣвушки и впечатлѣніе, ею произведенное, только и можно отнести что къ дьявольскому навожденію, и снова начиналъ онъ отплеиваться и отмахиваться отъ навожденія. «Жить-то чѣмъ я буду?» спрашивалъ себя съ отчаяніемъ Синицынъ. «Вѣдь не одинъ я. Что на четыре цѣлковыхъ сделаешь, — хлѣбомъ не пропитаешься. Неужто проживать надо, что десять лѣтъ копилъ, голодомъ себя морилъ? А все она, она эхидна надѣлала, обошла меня, вотъ теперь и дѣйствуй.»

Синицынъ сильнѣе зашагалъ по маленькой комнатѣ, нечаянно взглянулъ на печку, а оттуда неподвижно смотрѣли на него бессмысленные глаза.

— Вотъ какъ смотреть! словно не живой, не моргнуть, слова не скажетъ. И безъ него тяжело, и на свѣтъ бы божій глаза не

смотрѣли, а еще онъ тутъ. Охъ, хоть бы смерть пришла скорѣе, провалиться бы куда-нибудь!

Но смерть не пришла къ Синицыну такъ скоро, только въ головѣ и сердцѣ его накапливалось все больше и больше тяжкихъ думъ, мучительныхъ чувствъ: образъ блѣдной дѣвушки совѣмъ потемнѣлъ въ этой борьбѣ нищаго. Синицынъ сталъ ее ненавидѣть больше чѣмъ кого-нибудь.

Конецъ-концовъ этихъ размышлений былъ тотъ, что хозяйка, сидѣвшая за дощатой перегородкой, услышала, какъ Синицынъ сказалъ громко самъ себѣ: «Эхъ, выгнать-то какъ!»

Синицынъ возвратился домой черезъ недѣлю.

Мнѣ нужно было узнать подробности смерти Синицына; единственнымъ источникомъ въ этомъ случаѣ могла служить старушка-хозяйка, да отчасти еще одинъ чиновникъ, жившій напротивъ и прибѣжавшій на отчаянные крики старушки.

«Привели его ко мнѣ, — такъ рассказывала старушка, — а онъ какъ есть самъ не свой: нечистый-то во власть его взялъ; изъ лица сталъ онъ такой блѣдный, глаза помутимшись, — сѣлъ въ уголъ, жметя все, а зубы-то такъ и стучать. Сидѣлъ онъ немалое время, да послѣ этого какъ закричитъ благимъ голосомъ: «Уйди, не тираны меня, не губи души!» Я тогда испужалась, выбѣжала изъ перегородки, да и говорю ему: «Что ты, Иванъ Федорычъ, опомнись, дай я перекрещу тебя!» Такъ куда ты, и не слушаетъ: «вонъ, вонъ, говоритъ, ихъ сколько, изъ печки лѣзутъ, черные какіе, мохнатые, она то съ ними же, ко мнѣ, ко мнѣ идетъ», да какъ закричитъ пуще прежняго, да на печку и бросится, «что, кричитъ, ушли небось, струсили. Вонъ, вонъ изъ окошка теперь лѣзутъ, опять она съ ними». Знать опять нечистая сила показала ему голубчику. Я стала его уговаривать, онъ меня старуху бываю больно слушался, ну и на этототъ разъ послушался, успокоился, въ постель легъ. Я полагаю, что Иванъ Федорычъ-то уснулъ, со двора и ушла къ сосѣдкѣ, — знаете, батюшка, Пахомовну-солдатку? молочка у ней взять, моя коровушка-то стельная; прокалякамши надо полагать съ часъ времени, говорю ей: пойдти-ка посмотрѣть, что подѣлываетъ жилецъ-то мой. Только вхожу на дворъ, слышу кричитъ покойникъ въ комнатѣ пуще прежняго; я туда, отворяю дверь, да такъ свѣту божьяго и невзвидѣла, — стоитъ онъ знашь посрединѣ комнаты въ рубахѣ одной, въ рукѣ ножикъ перочинный, а самъ кричитъ: «смерти

моей захотѣли, душу окаянные погубить, такъ на же вамъ!» Не успѣла я опомниться, а онъ ужъ ножомъ себя по горлу какъ хватить, я такъ и взвизнула. Что ты, говорю, грѣхондникъ проклятый дѣлаешь, а онъ выпучивши зѣнки на меня, говоритъ: «что я, ничего»; да какъ ничего, молвлю, а ножикъ-то зачѣмъ въ рукахъ? «Возьми его говоритъ себѣ, коли хочешь, мнѣ нашто онъ». Я обрадовавшись ножикъ взяла, а сама дверь на замокъ, да по сосѣдямъ; сосѣдюшки, батюшки, помогите, говорю, мой-то рѣзаться хочетъ; они спасибо люди добрые: Захарычъ, сапожнымъ дѣломъ занимается, да Фома Лукичъ, сейчасъ ко мнѣ пришли. Входимъ къ Ивану Федоровичу, а онъ на кровати сидитъ, да такъ неладно смотритъ, а у самого по шеѣ кровь течетъ. Фома Лукичъ и говоритъ ему: «что это съ вами, Иванъ Федорычъ, вы видно нездоровы, пойдите-ка со мной, я васъ полечу, въ Разувай⁽¹⁾ зайдемъ.» «Чтоже, говоритъ, пойдите, я ничего». Ну и пошли они, только вмѣсто кабака-то, Федоръ Лукичъ его въ полицію обманомъ привелъ, да тамъ съ рукъ на руки и слай.

— Какъ въ полицію?

— Также родимый, вѣдь онъ въ полиціи былъ, токмо что его тамъ недолго держали, выпустили скоро.

Полицейское распоряженіе меня привело въ крайнее удивленіе и я постарался хорошенько разузнать объ немъ. Оказалось, что точно отставной поручикъ Грязновъ (Фома Лукичъ) привелъ Сеницына въ полицію и тамъ со словъ хозяйки рассказалъ весь ходъ происшествія, и просилъ полицію въ предупрежденіе несчастныхъ послѣдствій отправить Сеницына въ больницу и удержать его тамъ, пока не кончатся припадки сумашествія; полиція на этотъ разъ послушалась Грязнова, но какими учеными соображеніями руководствовался докторъ, нашла ли на Сеницына свѣтлая минута, вслѣдствіе чего онъ удовлетворительно отвѣчалъ на вопросы, или докторъ полагалъ, что рассказы свидѣтелей и рана на шеѣ ничего еще не доказываетъ, и должны нѣмѣть передъ истинами науки, только вслѣдствіе свидѣтельствванія, Сеницына отпустили изъ больницы съ миромъ домой, прочитавъ ему приличное наставленіе о томъ, какъ должно вести себя благородному человѣку.

Сеницынъ прямо изъ больницы возвратился къ себѣ на квартиру. Холодный ли воздухъ на него подѣйствовалъ, или что другое,

(¹) Фирма кабака.

только вплоть до сумерекъ онъ держалъ себя тихо, все больше ходилъ изъ угла въ уголъ и молчаливо размахивалъ руками. Сумерки снова привели за собой рядъ мучительныхъ видѣній.

— Натерпѣлась я, батюшка, страху, такъ продолжала рассказывать хозяйка: — ужь какъ его черной-то мучилъ! Сижу я въ своемъ углу, да такъ вся дрожкой и дрожу, сосѣдку зову къ себѣ, такъ куда тѣ и руками и ногами уперлась, а какъ его одного оставишь? Сталъ Иванъ Федорычъ по угламъ шарить, да себѣ все подъ носъ бунчить, я его и спрашиваю: «Что ты тамъ, моля, ищешь?» а онъ мнѣ на то и говорить: «Молчи, воры нонче придуть, ограбить меня хотятъ.» — «Что ты, моляю, воры, какъ они къ намъ зайдутъ, чего съ насъ взять, богачества для нихъ что ли мы припасли?» Такъ куда ты, и меня старуху поклепалъ; ты говорить тоже видно жизни отъ меня хочешь; я сперваначала обидѣлась да ужь потомъ вспомнила, что онъ въ немочи. Спроси я сдуру Ивана Федорыча кто ему сказывалъ, что ограбить его хотятъ: «Она, говоритъ, она и сама вмѣстѣ придетъ, вонъ, вонъ идетъ,» да какъ закричитъ попржнему благимъ матомъ: «Куда, говоритъ, мнѣ дѣваться отъ васъ, замучили вы меня, жжетъ меня всего. Ужь кричалъ онъ, кричалъ на этотъ разъ, инда осипъ, а потъ съ него и катится: «пить, говоритъ, хочу, пить мнѣ дай.» Я пошла въ сѣни за водой, и онъ за мной; увидавши ведро цѣлое, схватилъ его, да такъ къ нему словно приросъ и куда это мои батюшки помѣстилось все! Возвратившись въ комнату всталъ онъ на колѣни передъ образомъ казанской божьей матери и ужь такъ молился, что инда меня жалость взяла: «Спаси, говоритъ, меня матушка, губить меня всѣ собираются, въ преисподнюю меня тащутъ, муки всякія приготовили тамъ для меня; это ихъ сколько пришло за моей душой,» а самъ все ближе къ образу на колѣняхъ ползеть: «Спаси, кричитъ, спаси!» И точно, родимый, послала Пресвятая Дѣва ему такую благодать, совсѣмъ призатихъ, только образъ со стѣнки снялъ, да крѣпко-накрѣпко прижалъ; ну и я старуха пошла къ себѣ, да признаюсь и согрѣшила, маленько вздремнула; проснулась — кричитъ опять мой голубчикъ хуже прежняго, я къ нему: сидитъ онъ на постели, изъ себя блѣдный, страшный, да себя по брюху колотить: «Вонъ, кричитъ, вонъ, доберусь до васъ.» Сперваначала-то я незамѣтила, есть ли что у него въ рукахъ, да какъ подошла ближе, ай батюшки — ножикъ, а кровь-то такъ и журчитъ. Такъ я и обмерла, выбѣжала на улицу да и кричу — «карауль!»

Но помощь пришла на этот раз поздно къ Синицыну : покуда собирались сосѣди , онъ успѣлъ нанести себѣ нѣсколько ранъ ; первымъ на зовъ старухи явился чиновникъ Ковригинъ , онъ всталъ еще страдальца живымъ , страшно терзавшимъ себя...

Старикъ-отецъ и въ гробѣ не узналъ сына : подведенный къ гробу , онъ молча взглянулъ въ лицо мертвеца и отошелъ прочь...

Н. СОКОЛОВСКІЙ

ГРѢХЪ ДА БѢДА НА КОГО НЕ ЖИВЕТЪ

ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

ДѢЙСТВІЕ I

СЦЕНА I

ЛИЦА

ВАЛЕНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ БАБАЕВЪ, помѣщикъ, молодой человекъ.

КАРПЪ, человекъ Бабаева.

ШИШГАЛЕВЪ, приказный.

ЗАЙЧИХА (Прокофьевна), хозяйка квартиры, занимаемой Бабаевымъ.

ЛУКЕРЬЯ ДАНИЛОВНА ЖМИГУЛИНА, дѣвица пожилыхъ лѣтъ, дочь отставного приказнаго.

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ.

Комната, оклеенная дешевыми обоями; старая мебель; одна дверь прямо, выходящая, другая въ сосѣдную комнату; окна съ ситцевыми занавѣсками.

ЯВЛЕНІЕ I

КАРПЪ (развязываетъ чемоданъ), **ЗАЙЧИХА** (смотритъ въ окно).

ЗАЙЧИХА.

Ты погляди-ко, милый человекъ, сколько народу сошло.

КАРПЪ.

Что имъ надо? Чего они невидали?

ЗАЙЧИХА.

Всякому, милый, знать хочется кто такой приѣхалъ.

КАРПЪ.

Сказано про васъ, что провинція, такъ она провинція и есть. Ну, скажи имъ, что Бабаевъ, Валентинъ Павловичъ, помѣщикъ.

ЗАЙЧИХА (въ окно).

Бабаевъ, помѣщикъ. (*Карпу*) Спрашиваютъ, зачѣмъ?

КАРПЪ.

Извѣстно, за дѣломъ. А ты думаешь гулять мы къ вамъ приѣхали. Какъ же, есть оказія!

ЗАЙЧИХА (въ окно).

За дѣломъ. (*Карпу*) На долго ли?

КАРПЪ.

Намъ здѣсь не дѣтей крестить. Само собою, дня на два, не больше.

ЗАЙЧИХА (въ окно).

На два дни. (*Отходитъ отъ окна*) Теперь всѣхъ убоготорила. Минуть черезъ пять весь городъ знать будетъ.

КАРПЪ.

А у тебя, тетенька, кварта-то ничего, чистенька.

ЗАЙЧИХА.

Чистенька, батюшко, чистенька; затѣвъ большихъ нѣтъ, а чистенька. Конечно, приѣздъ въ нашъ городъ не большой...

КАРПЪ.

Не на трахтѣ.

ЗАЙЧИХА.

Какой тутъ трахтѣ! А все-таки кто наѣдетъ получше-то, у меня останавливаются. Помѣщиковъ много знакомыхъ по окрестности привыкли ко мнѣ; въ гостиницу-то мало кто затѣжаетъ.

КАРПЪ.

Потому беспокойно.

ЗАЙЧИХА.

Какой покой! Въ низу трактиръ: въ базарный день содомъ просто. А что я у тебя спрошу: не сынокъ ли твой баринъ-то покойной енаральшѣ Бабаевой, Софьѣ Павловнѣ.

КАРПЪ.

Онъ самый и есть.

ЗАЙЧИХА.

У нихъ усадьба-то Завѣтнымъ прозывается?

КАРПЪ.

Завѣтнымъ.

ЗАЙЧИХА.

Ну, такъ, такъ! Я его давеча признала. Еще маленькаго вида-ла: съ маменькой въ городъ ѣздила и ко мнѣ заѣзжали. Въ деревнѣ что-ль живете?

КАРПЪ.

Нѣтъ, мы больше въ Петербургъ; а теперь въ деревню на лѣто для благоустройства приѣхали.

ЗАЙЧИХА.

Такъ, такъ. А что, хорошъ онъ для людей-то?

КАРПЪ.

Ничего, хорошъ.

ЗАЙЧИХА.

Ну, слава тебѣ Господи! Дай ему Богъ здоровья! Въ городъ-то вы по какому дѣлу?

КАРПЪ.

Да по этимъ по судамъ все. Дѣло-то грошовое, тамъ свидѣтельство что ли какое, а пожадуй, протомячь дней пять.

ЗАЙЧИХА.

Что мудренаго! У судей-то были?

КАРПЪ.

У всѣхъ были. Теперича намъ изъ суда приказнаго прислали.

ЗАЙЧИХА.

Вамъ, не то что намъ, скоро сдѣлаютъ. Коли тебѣ понадобится что, стукни въ стѣну, — я тутъ и буду. (*Уходитъ. Изъ боковой двери выходятъ Бабаевъ и Шишгалева.*)

ЯВЛЕНИЕ II

БАБАЕВЪ, ШИШГАЛЕВЪ и КАРПЪ.

БАБАЕВЪ.

Такъ вы, милый, говорите, что рѣшительно нельзя?

ШИШГАЛЕВЪ (съ поклонами, безпрестанно сморкаясь и прикрывая ротъ рукою).

Ужь повѣрьте, сударь, что ежели бы только было возможно, мы бы ужь для васъ...

БАБАЕВЪ.

А можетъ-быть?

ШИШГАЛЕВЪ.

Извольте, сударь, сами разсудить: теперь присутствіе кончилисъ, членовъ собрать теперича никакой возможности нѣтъ-съ; завтра праздникъ — табель, тутъ субота, а тамъ воскресенье

БАБАЕВЪ.

Вы подумайте только, мой милый, что вы со мной дѣлаете.

ШИШГАЛЕВЪ.

Чѣмъ же я причиненъ-съ? Я человекъ самый маленькій.

БАБАЕВЪ.

Но что же я, мой милый, здѣсь буду дѣлать четыре дня? Вѣдь это ужасно!

ШИШГАЛЕВЪ.

Извольте, сударь, полюбопытствовать, нашъ городъ посмотрѣть.

КАРПЪ.

А что его смотрѣть-то! Что за невидаль такая! Ты какъ скажешь: Петербургъ-то хуже вашего города, аль нѣтъ?

БАБАЕВЪ.

Есть у васъ какое-нибудь общество?

ШИШГАЛЕВЪ.

Что вы изволите говорить-съ?

БАБАЕВЪ.

Я говорю: нѣтъ ли общества, какого-нибудь клуба, гулянья съ музыкой, вечеровъ у кого-нибудь?

ШИШГАЛЕВЪ.

Никакъ нѣтъ-съ.

БАБАЕВЪ.

А гдѣ же ваши члены, ну и прочіе чиновники время проводятъ?

ШИШГАЛЕВЪ.

Промежду себя-съ.

БАБАЕВЪ.

Какъ же такъ, промежду себя?

ШИШГАЛЕВЪ.

Поденно-съ. Дни назначены: нынче напримѣръ у городничаго, завтра у судьи-съ, послѣ завтра у стряпчаго, потомъ у откупщика, у инвалиднаго начальника-съ, такъ вся недѣля-съ.

БАБАЕВЪ.

Съ котораго часу собираются?

ШИШГАЛЕВЪ.

Съ шести часовъ—съ.

БАБАЕВЪ.

Что же они тамъ дѣлають?

ШИШГАЛЕВЪ.

Въ преферансъ играютъ—съ.

БАБАЕВЪ.

А еще что? Неужели только въ преферансъ?

ШИШГАЛЕВЪ.

Такъ точно—съ, только въ преферансъ. Ну обыкновенно ужь тутъ вмѣстѣ со столами и водка ставится, закуска—съ, — все какъ должно. Игаютъ и закусывають, такъ время и проводятъ—съ.

БАБАЕВЪ.

Такъ съ шести часовъ всѣ и пьютъ?

ШИШГАЛЕВЪ.

Нѣтъ, какъ можно—съ! Только кто сдаетъ—съ, или съ римиу—съ другой.

БАБАЕВЪ.

Ну, такъ стало-быть, мой милый, дѣлать нечего, приходится дожидаться.

ШИШГАЛЕВЪ.

Ужь подождите, сударь. А въ понедѣльникъ въ судъ пожалуйте, мы вамъ и выдадимъ безо всякой задержки—съ.

БАБАЕВЪ.

Ну, хорошо, я въ понедѣльникъ приѣду въ судъ. Вѣдь вы будете писать, такъ я вамъ тамъ... что слѣдуетъ... Я не люблю, чтобъ для меня даромъ работали.

ШИШГАЛЕВЪ.

Семейство большое, сударь...

БАБАЕВЪ.

Что такое?

ШИШГАЛЕВЪ.

Теперь соблаговолили бы что-нибудь!...

БАБАЕВЪ.

Да я право не знаю, какъ же это? Сколько же вамъ?

КАРПЪ.

Да дайте ему, сударь, цѣлковый, вотъ и будетъ съ него.

БАБАЕВЪ (отдаетъ деньги.)

Вотъ извольте... Миѣ право совѣстно.

ШИШГАЛЕВЪ (кладетъ въ карманъ.)

Ничего-съ. Чувствительнѣйше васъ благодарю, желаю вамъ всякаго благополучія. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ III

БАБАЕВЪ и КАРПЪ

БАБАЕВЪ.

Какъ ты грубъ, Карпъ!

КАРПЪ.

Да если съ ними, сударь, вѣжности-то разводить, такъ они и повадятся таскаться сюда, да на судьбу свою плакаться. На нихъ никакихъ денегъ не напасешься. Народъ безъ креста.

БАБАЕВЪ.

Однако что же я буду дѣлать! Погулять бы пошолъ, да еще жарко. Карпъ, что дѣлать?

КАРПЪ.

Вотъ что: сосните, сударь! Съ дороги-то хорошо.

БАБАЕВЪ.

А ночью-то что дѣлать?

КАРПЪ.

Да и ночью тоже. Отъ тоски-то, говорятъ, спится.

БАБАЕВЪ.

Эка глупость, книгъ мы не взяли! Хоть бы легонькая интрижка какая-нибудь на эти четыре дня-то! (*Уходитъ въ боковую дверь.*)

КАРПЪ.

Ишь ты, что выдумалъ! Интрижка! Повадился больно! Все у него интрижки на умѣ! Балованный былъ сынокъ у маменьки! И воспитывался-то все съ барышнями, да въ дѣвичьей: вотъ его теперь и тянетъ. Живу я теперича съ нимъ въ Петербургѣ, — какихъ только я дѣловъ навидѣлся! Грѣхъ одинъ! Уснулъ что-ли онъ тамъ? И я бѣ отдохнулъ. (*Хочетъ ложиться, дверь отворяется.*) Кого это еще?... (*Входитъ Жмигулина.*)

ЯВЛЕНИЕ IV

КАРПЪ и ЖМИГУЛИНА.

КАРПЪ.

Вамъ чего?

ЖМИГУЛИНА.

Валентина Павлыча.

КАРПЪ.

На что онъ вамъ?

ЖМИГУЛИНА.

Коль скоро я его желаю видѣть, это означаетъ, что онъ мнѣ нуженъ.

КАРПЪ.

Вы на бѣдность, что ли?

ЖМИГУЛИНА.

Какое невѣжество! Развѣ ты не знаешь, что жмигулинскія барышни всегда при ихней мамашѣ у нихъ въ домѣ были приняты. Мы даже очень близко знакомы съ Валентиномъ Павлычемъ.

КАРПЪ.

Вы-то близко? Сумнительно мнѣ это.

ЖМИГУЛИНА.

Ты можеть-быть принимаешь мои слова въ какомъ-нибудь глупомъ смыслѣ, который я совсѣмъ непонимаю. (*Садится*) Твоя такая обязанность, что ты сейчасъ долженъ пойти и доложить обо мнѣ.

КАРПЪ.

Вотъ что я вамъ скажу: онъ теперича почиваетъ.

ЖМИГУЛИНА.

Невозможно этому быть, потомучто я сейчасъ его видѣла въ окно.

КАРПЪ.

Ну ужь, видно, нечего съ вами дѣлать. Доложу пойду. (*Уходитъ.*)

ЖМИГУЛИНА.

По нынѣшнему времени, отъ этихъ новыхъ переменъ, очень много люди стали портиться. Онъ долженъ прежде узнать, какого я званія, такъ со мной и обращаться. И опять же не его дѣло, — на бѣдность я пришла просить или нѣтъ! Конечно изъ нашего званія многіе этимъ занимаются, но не всѣ же. Можеть-быть и Валентинъ Павлычъ сталъ довольно гордъ въ Петербургѣ и незахочетъ меня видѣть! А мнѣ ужасъ какъ хочется доказать въ здѣшнемъ городѣ, какое мы знакомство имѣемъ. Кажется, онъ прежде нами негнушался, особенно сестрой Тавей. (*Входитъ Бабава.*)

ЯВЛЕНИЕ V

БАБАЕВЪ и ЖМИГУЛИНА.

БАБАЕВЪ.

Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить ?

ЖМИГУЛИНА.

Я никакъ немогла ожидать, Валентинъ Павлычъ, что вы такъ скоро забудете своихъ старыхъ знакомыхъ.

БАБАЕВЪ.

Садитесь, сдѣлайте одолженіе. (*Садятся*) Я право что-то не припомню.

ЖМИГУЛИНА.

Конечно, въ нынѣшнемъ свѣтѣ чувства не въ модѣ, нынче все больше политика, но мы, какъ люди не столичные, очень хорошо помнимъ прежнія знакомства и особенно благодѣянія.

БАБАЕВЪ.

Я съ вами согласенъ, — благодѣяній никогда забывать не слѣдуетъ.

ЖМИГУЛИНА.

Мы вашей мамашѣ столь много обязаны, что этого и выразить нельзя словами. Сколько онѣ сдѣлали для семейства Жмигулиныхъ !

БАБАЕВЪ.

Жмигулиныхъ ?

ЖМИГУЛИНА.

Особенно для насъ съ сестрой Таней.

БАБАЕВЪ (*припоминая*).

Таней... Татьяна Даниловна ?

ЖМИГУЛИНА.

Теперь вспомнили ?

БАБАЕВЪ.

Такъ вы ея сестрица ?

ЖМИГУЛИНА.

Лукерья Даниловна Жмигулина.

БАБАЕВЪ.

Извините сдѣлайте одолженіе !

ЖМИГУЛИНА.

Я нисколько не могу быть въ претензіи на васъ, что вы больше помните сестру, чѣмъ меня. Она такая красавица, что ее даже невозможно забыть.

БАБАЕВЪ.

Да, да! Удивительной красоты дѣвушка! Мы были съ нею большими пріятелями.

ЖМИГУЛИНА.

Мнѣ это очень хорошо извѣстно. Кому же и знать, какъ не мнѣ! Я старшая сестра, должна наблюдать за младшей.

БАБАЕВЪ.

Да, да, конечно. Снажите пожалуста гдѣ она теперь? Что подѣлываетъ?

ЖМИГУЛИНА.

Она здѣсь въ городѣ, замужемъ.

БАБАЕВЪ.

Замужемъ? Хорошо живетъ?

ЖМИГУЛИНА.

Какая жизнь, помилуйте! Въ бѣдности, между такого народа, которъй безъ понятія. Это не то что, бывало, у вашей мамашы въ Завѣтномъ! Просто былъ рай земной! Ваша мамаша были самая добрейшая дама и любили, чтобъ у нихъ было всѣмъ весело. Барышеньъ всегда было въ домѣ много, а также и кавалеровъ; съ утра до ночи разныя игры были. Даже горничныхъ, бывало, заставляли съ нами въ горѣлки и въ другія игры играть, а сами смотрять на насъ да радуются.

БАБАЕВЪ.

Ну да какже, какже! Вѣдь это такъ недавно было: года три не больше, какъ я уѣхалъ въ Петербургъ.

ЖМИГУЛИНА

Я очень хорошо помню: съ пестрой недѣли третій годъ пошелъ какъ вы уѣхали. Ваша мамаша, бывало, даже не любили, когда кто задумается или книжку читаетъ. Что, говорятъ, ты тоску-то нагоняешь! Ну и бѣсились всѣ до упаду. А промежду этимъ весельемъ, у кого замѣчательный глазъ, могъ многое кой-что замѣтить.

БАБАЕВЪ.

Очень естественно. Мужчины, дѣвушки, молодыя дамы постоянно вмѣстѣ, — нельзя же, чтобъ обошлось безъ любви.

ЖМИГУЛИНА.

Особенно вы отличались по этой части. А послѣднее время все съ Таней, да съ Таней, такъ и не отходили отъ нея. Такъ васъ голубками и звали.

БАБАЕВЪ.

Сердце не камень, Лукерья Даниловна! А сами-то вы! Помните землемѣра?

ЖМИГУЛИНА.

Объ немъ и вспоминать не стоитъ: онъ въ послѣдствіи даже очень низкимъ оказался противъ меня. Впрочемъ судьба его наказала за всѣ невѣжества относительно благородной дѣвицы: онъ самъ теперь находится подъ судомъ за буйственные въ нетрезвомъ видѣ поступки.

БАБАЕВЪ.

Скажите мнѣ, сдѣлайте одолженіе, какимъ образомъ ваша сестрица вышла замужъ?

ЖМИГУЛИНА.

Прошлымъ лѣтомъ, когда ваша мамаша скончалась, у насъ рѣшительно не осталось никакихъ благодѣтелей. Папенка нашъ при своей старости былъ человѣкъ въ городѣ незначительный, робкій, оттого что мало чиновъ произшолъ. Папенка нашъ былъ канцеляристъ и получалъ жалованья тридцать рублей въ годъ. На эти деньги какъ мы могли жить! Мы все-таки видѣли свѣтъ. Прежде мы почти не жили дома, да и ваша мамаша намъ во всемъ помогала. Тутъ вдругъ все прекратилось, а вскорѣ и папенка умеръ. Въ это время посватался за Таню... я просто даже стыжусь вамъ сказать...

БАБАЕВЪ.

Полноте, что за стыдъ!

ЖМИГУЛИНА.

Вы такъ милостиво меня принимаете, интересуетесь моей сестрой, и вдругъ этакое невѣжество съ нашей стороны.

БАБАЕВЪ.

Чтожъ дѣлать! Такія вѣроятно были обстоятельства. Чѣмъ же вы виноваты?..

ЖМИГУЛИНА.

Но ахъ, я право всегда такъ конфужусь этого родства, что вы себѣ представить не можете. Ну, однимъ словомъ обстоятельства наши были такія, что она принуждена была выйти за лавочника.

БАБАЕВЪ.

За лавочника? Чѣмъ онъ торгуетъ?

ЖМИГУЛИНА.

Овощнымъ товаромъ. Вотъ и лавка видна. На вывѣскѣ написано: «Левъ Красновъ».

БАБАЕВЪ.

Да, я видѣлъ. Хорошій человекъ?

ЖМИГУЛИНА.

Онъ изъ ихняго круга очень хорошій человекъ и очень любитъ сестру, только все знаете закоренѣлость какая—то въ ихнемъ званіи. Какъ хотите суните, а все—таки онъ отъ мужика недалеко ушолъ. А ужъ этой черты характера, хоть семь лѣтъ въ котлѣ вари, все не вываришь. Впрочемъ, надо правду сказать, онъ для дому хозяинъ отличный: ни дня ни ночи себѣ покою не знаетъ, все хлопочетъ да бѣгаетъ. И для сестры теперь все, что только бы ей ни пожелалось, даже послѣднюю копѣйку готовъ отдать, только бы ей угодить, такъ что сестра рѣшительно никакого дѣла не дѣлаетъ, живетъ какъ барыня; только одно, обращеніе его тяжело, да вотъ еще разговоръ его насъ очень конфузить. Совсѣмъ, совсѣмъ не такого я Танѣ счастья ожидала. Судя по красотѣ ея да по тому, какіе люди на нее заглядывались, ей бы въ каретѣ ѣздить. А теперь вотъ пришлось чуть не изъ—за куска хлѣба за мужика идти, да передъ людьми за него стыдъ терпѣть.

БАБАЕВЪ.

Такъ Татьяна Даниловна замужъ вышла... Жаль!

ЖМИГУЛИНА.

Вамъ чтоже жалѣть! Вѣдь она вамъ не пара.

БАБАЕВЪ.

Да, конечно. А все—таки, знаете, вотъ я здѣсь въ городѣ по обстоятельствамъ долженъ пробыть четыре дня, а можетъ—быть и больше, — что я буду дѣлать! Я очень радъ, что вы меня навѣстили. Не будь васъ, я бы не зналъ, куда дѣваться! Ну, а представьте, еслибы ваша сестрица была дѣвушка, мы бы такъ провели эти четыре дня, что совсѣмъ и времени—бъ не замѣтили (*беретъ ее за руку*). Не правда ли?

ЖМИГУЛИНА.

Ктоже вамъ теперь мѣшаетъ?

БАБАЕВЪ.

Ну все—таки какъ—то неловко. Она замужемъ, еще что мужъ подумаетъ. Досадно, право.

ЖМИГУЛИНА.

Скажите пожалуйста! Вы, кажется, были прежде совсѣмъ другихъ правилонъ насчетъ этого. Не очень на мужей—то смотрѣли, что имъ нравится, что нѣтъ.

БАБАЕВЪ.

Да, но вѣдь то совсѣмъ въ другомъ кругѣ; тамъ обращеніе гораздо свободнѣе.

ЖМИГУЛИНА.

А вы почему же знаете, свободно сестрѣ или не свободно.

БАБАЕВЪ (беретъ ее за обѣ руки).

Но во всякомъ случаѣ я вамъ такъ радъ, такъ благодаренъ, что вы доставляете развлеченіе въ моей скукѣ. Неудобно ли вамъ чего? Сдѣлайте милость, распоряжайтесь какъ дома: здѣсь все къ вашимъ услугамъ! Чаю не хотите ли?

ЖМИГУЛИНА.

Много вами благодарна. Я сейчасъ только пила, и притомъ же я домой тороплюсь. Намъ нужно съ сестрой идти по одному дѣлу. Прикажете поклониться отъ васъ?

БАБАЕВЪ.

Сдѣлайте одолженіе!

ЖМИГУЛИНА (идя къ двери).

Чтоже вы насъ съ сестрой въ гости не зовете!

БАБАЕВЪ.

Я былъ бы очень счастливъ, только я право не знаю, какъ это сдѣлать! А очень бы мнѣ хотѣлось видѣть Татьяну Даниловну.

ЖМИГУЛИНА.

А коли хочется видѣть, такъ зачѣмъ же дѣло стало! Она у насъ не принцеса какая, не за десятью замками посажена. Вѣдь ужъ вы безпремѣнно куда-нибудь гулять пойдете, не будете въ комнатѣ сидѣть?

БАБАЕВЪ.

Я бы пошолъ, да не знаю куда.

ЖМИГУЛИНА.

Вамъ далеко незачѣмъ ходить! Пройдите въ заднія ворота на берегъ, сядьте на лавочку и любуйтесь на красоту природы. Это мѣсто тихое, уединенное, проходящихъ тамъ мало; для мечтательныхъ молодыхъ людей очень пріятная прогулка. Мы съ сестрой пойдѣмъ этой дорогой, тамъ вы ее и можете видѣть. До свиданія! (*Уходитъ*).

БАБАЕВЪ.

Вотъ такъ сюрпризъ! Могъ ли я ожидать такого счастья! Танечка, Тайечка! Я опять ее увижу. Я съ ума сойду отъ радости. Такая она была миленькая, нѣжненькая. Другіе говорили, что она

немножко простенька. Развѣ это порокъ въ женщинахъ! И при- томъ красота, красота! Нѣтъ, такъ пожалуй здѣсь не четыре дня, а четыре недѣли пробудешь. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА II

ЛИЦА

БАБАЕВЪ.

ЖМИГУЛИНА.

ТАТЬЯНА ДАНИЛОВНА, замужняя сестра ея, по мужъ Краснова.

АРХИПЪ, слѣпой старикъ, дѣдъ Краснова.

АФОНЯ, болѣзненный мальчикъ, лѣтъ восемнадцати, братъ Краснова.

(Берегъ; съ одной стороны ворота и заборъ, съ другой уголь сарая; за рѣкой сельскій видъ; закатъ солнца).

ЯВЛЕНИЕ I

АРХИПЪ и АФОНЯ (*входятъ*).

АФОНЯ.

Дѣдушко, отдохнемъ здѣсь немножко! Недужится мнѣ. Садись вотъ на скамеечку!

АРХИПЪ.

Сядемъ, Афоня, сядемъ. Плохи мы съ тобой; меня старость, а тебя хворость одолѣла.

АФОНЯ.

Я не хвораю, а я такой зародился. Я, дѣдушко, не жалецъ на бѣломъ свѣтѣ.

АРХИПЪ.

Не слушай ты бабьяго разговору! Никто не знаетъ, какой ему предѣлъ положонъ.

АФОНЯ.

Что мнѣ бабы! Я самъ знаю, что я не жалецъ. Меня на бѣду не тянетъ. Другой поработавши сколько съѣстъ! Много, много съѣстъ, и все ему хочется. Вонъ братъ Левъ, когда устанетъ, ему только подавай. А по мнѣ хоть и вовсе не ѣсть; ничего душа не принимаетъ. Корочку погложу и сытъ.

АРХИПЪ.

Это къ росту бываетъ.

АФОНЯ.

Нѣтъ, не къ росту. Куда мнѣ еще расти, съ чего! Я и такъ великъ по годамъ. А это значитъ мнѣ не жить. Ты, дѣдушко, возьми то: живой человекъ о живомъ и думаетъ, а у меня ни къ чему охоты нѣтъ. Другой одежду любитъ хорошую, а мнѣ все одно, какой ни попадись зипунишко, было бы только тепло. Вотъ ребята теперь, такъ у всякаго своя охота есть: кто рыбу ловить, кто что; въ разныя игры играютъ, пѣсни поютъ, а меня ничто не манитъ. Въ тѣ поры, когда людямъ весело, мнѣ тошнѣй бываетъ, меня тоска пуще за сердце сосетъ.

АРХИПЪ.

Такъ въ тебя Богъ вложилъ. Отъ младости ты не возлюбилъ міра сего суетнаго. У другихъ малодушество—то съ лѣтами проходить, когда бѣды да напасти, Афоня, изомнуть да въ муку изотрутъ человекъ; а ты вотъ не живя, еще ни горя ни радости не видавши, какъ старикъ разсуждаешь. Ну и благодари Бога, что онъ такъ умудрилъ тебя. Міръ тебя не прельщаетъ, соблазну ты не знаешь и грѣха, значитъ, на тебѣ меньше. Вотъ тебѣ какое счастье! А ты вотъ меня послушай! Я, Афоня, соблазнъ зналъ, да и не всегда отъ него отворачивался, а чаще того случалось, что своей охотой шолъ на соблазнъ. Тебѣ вотъ все равно, ты говоришь; для тебя никакой утѣхи на свѣтѣ нѣтъ, а мнѣ божій міръ хорошъ и красивъ: все тебя манило, все тебя прельщало. Несытое око да вольная воля велятъ тебѣ всю сладость мірскую извѣдать. А въ міру-то, Афоня, добро со зломъ рядомъ живетъ, объ руку ходитъ. Ну и нагрѣшишь грѣховъ—то больше песка морского. Хорошо вотъ Богъ привелъ до покаянія дожить, не во грѣхахъ засталъ. Каешься, сокрушаешься, на милосердіе надѣешься, а тебѣ не въ чемъ будеть каяться: ты у насъ, Афоня, божій человекъ.

АФОНЯ.

Нѣтъ, дѣдушко, нѣтъ, не говори ты этого! Какой я божій человекъ! Я видалъ божьихъ людей, они добрые, зла не помнятъ; ихъ бранятъ, дразнятъ, а они смѣются. А я, дѣдушко, сердцемъ крутъ. Вотъ какъ братъ же, только братъ отходчивъ, а я нѣтъ; я, дѣдушко, злой!

АРХИПЪ.

Да на кого тебѣ, дитятко, сердце имѣть! Кто тебя обижаетъ?

АФОНЯ.

Меня-то не обижаютъ, а у меня за всѣхъ сердце болитъ: за тебя, за брата, за всѣхъ.

АРХИПЪ.

Чтожъ тебѣ объ насъ болѣзновать! Мы, кажись, живемъ безобидно.

АФОНЯ.

Мы и жили безобидно, пока братъ холостой былъ. Дѣдушко, за что братъ такъ очень жену любить?

АРХИПЪ.

Какже ему не любить ее! Зачѣмъ же онъ и женился! Ты бы радоваться долженъ, что братъ жену любить. Экой ты глупый человекъ!

АФОНЯ.

Нѣтъ, я дѣло говорю. Прежде меня братъ больше любилъ и тебя больше любилъ.

АРХИПЪ.

Ты стало-быть ненавистникъ! Стало-быть ты завидуешь.

АФОНЯ.

Нѣтъ, не завидую. Братъ нешто слѣпъ? Такъ ли она его любить, какъ онъ ее? Стоить ли она его? Зачѣмъ же онъ передъ ними рабствуетъ? Мнѣ обидно, что онъ рабствуетъ. Хуже чтоли онъ ихъ съ сестрой? Жену-то въ домъ приводятъ работницу, а она сидитъ сложа руки. Братъ одинъ работаетъ да ухаживаетъ за ними. Мнѣ его жаль.

АРХИПЪ.

Тебѣ что за дѣло! Его охота. Онъ работаетъ, тебя не заставляетъ. Мы съ тобой сыты по его жъ милости.

АФОНЯ.

Нешто я не знаю. Ты мнѣ, дѣдушко, вотъ что скажи: лучше онъ брата или нѣтъ?

АРХИПЪ.

Лучше не лучше, а онъ другого роду.

АФОНЯ.

Такъ чтожъ, что другого роду! Стало-быть братъ долженъ работать на ихъ, кормить ихъ, одѣвать; а онъ будутъ важничать. Лучше брата на свѣтѣ человекъ нѣтъ, а его сдѣлали работникомъ.

АРХИПЪ.

Почемъ ты знаешь; можетъ братъ самъ не хотеть, чтобъ она работала.

АФОНЯ.

А коль не работаетъ, такъ и не величайся! Вышла замужъ за мѣщанина, такая же мѣщанка стала, какъ и мы. Чтожъ мы проклятые чтоли какіе, прости Господи! У насъ тоже и общество есть и подати платимъ и повинности всякія несемъ. Братъ по́томъ да горбомъ деньги-то достаетъ, да въ общество несетъ. Сидѣла бы дома въ дѣвкахъ да и барствовала, а вышла замужъ, такъ знай, что одинъ въ домѣ большой — хозяинъ. Я вѣдь, дѣдушко, все вижу, все слышу; меня онѣ, безстыжія, не берегутся. Братъ ей платки да платья шолковыя дарить, а онѣ съ сестрой промежъ себя смѣются, дуракомъ его называютъ. Я все слышу, все горько мнѣ, дѣдушко, горько! Сталъ я брату говорить, онѣ меня же изругагъ. (*Молчаніе.*) Вотъ я, дѣдушко, никакъ уснуть не могу; что я днемъ-то вижу, все это мнѣ и лѣзетъ въ глаза, засосетъ у меня сердце и всю-то ночь я плачу. Какой я жилецъ! Мнѣ теперь съ здоровьемъ-то и поправиться нельзя. Ужъ очень у меня сердце горячо! Скорѣй бы меня Богъ прибралъ, чтобы мнѣ меньше мучиться.

АРХИПЪ.

Полно грѣшить-то! Тебѣ жить, да жить! Мнѣ вотъ, Афоня, ужъ вовсе жить незачѣмъ, а я все живу. Богъ-то знаетъ что дѣлаетъ. Что я за человѣкъ сталъ! Краснаго солнышка, яснаго мѣсяца я не вижу, зеленыхъ луговъ тоже, студеной водицы и всей твари божьей тоже не увижу никогда. А большій мнѣ всего, что не вижу я свѣтлаго лица человѣческаго.

АФОНЯ.

Тебѣ, дѣдушко, жаль, что ты не видишь ничего; а мнѣ такъ надоѣло это все; немило мнѣ ничто.

АРХИПЪ.

Оттого тебѣ и немило, что ты сердцемъ непокоенъ. А ты гляди чаще да больше на божій міръ, а на людей-то меньше смотри; вотъ тебѣ на сердцѣ и легче станеть. И ночи будешь спать и сны тебѣ хорошіе будутъ сниться. Гдѣ мы теперь сидимъ, Афоня?

АФОНЯ.

На берегу, дѣдушко, подлѣ Зайчихи.

АРХИПЪ.

А мостъ у насъ направо?

АФОНЯ.

Направо, дѣдушко.

АРХИПЪ.

А солнышко теперь налѣво?

АФОНЯ.

Налѣво, дѣдушко; совсѣмъ садится.

АРХИПЪ.

Въ тучку?

АФОНЯ.

Нѣтъ, чисто. Заря таково ярко горитъ, должно къ вѣдру.

АРХИПЪ.

То-то, то-то, я самъ чую, воздухъ такой легкій, вѣтерокъ свѣженькой; такъ бы и не ушолъ. Красень, Афоня, красень божій міръ! Вотъ теперь роса будетъ падать, отъ всякаго цвѣту духъ пойдетъ; а тамъ и звѣздочки зажгутся; а надъ звѣздами, Афоня, нашъ творецъ милосердный. Кабы мы получше помнили, что онъ милосердъ, сами были бы милосерднѣе!

АФОНЯ.

Я, дѣдушко, буду стараться укротить свое сердце. (*Входитъ Бабаевъ.*) Пойдемъ, дѣдушко! Какой-то чужой баринъ тутъ ходитъ; еще пожалуй станеть смѣяться надъ нашими рѣчами.

АРХИПЪ (встаетъ и идетъ за Афонею).

Величить душа моя Господа. (*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНИЕ II

БАБАЕВЪ (одинъ).

Когда ждешь чего-нибудь пріятнаго, какъ время долго тянется! Нарочно сдѣлалъ большой обходъ, чтобы не рано придти сюда, а все-таки пришолъ прежде нихъ. Ужасно нелюблю дожидаться! Что за глупое положеніе! А женщины вообще любятъ помучить, это въ ихъ характеръ; имъ очень нравится, когда ихъ ждуть. Конечно это къ Танѣ не относится: она я думаю рада-радехонька, что я пріѣхалъ; я говорю про женщинъ намъ равныхъ. Я думаю, онѣ мучать для того... какъ бы это сказать... а мысль совершенно оригинальная... для того, чтобы впередъ вознаградить себя за тѣ права, которыя онѣ потомъ теряютъ. Вотъ что значить быть среди хорошаго ландшафта, такъ-сказать, наединѣ съ природой! Какія прекрасныя мысли приходятъ въ голову! Если эту мысль развить, конечно на-

досугъ, въ деревнѣ, можетъ выйти миленькая повѣсть или даже комедія вродѣ Альфредъ Мюссе. Только въдъ у насъ не съиграють. Такия вещи нужно играть тонко, очень тонко; тутъ главное — букеть. Кажется кто-то идетъ. Не онъ ли? Какъ-то мы встрѣтимся? Два года разлуки много значать. (*Входятъ: Краснова и Жмигулина.*)

ЯВЛЕНИЕ III

БАБАЕВЪ, КРАСНОВА и ЖМИГУЛИНА.

КРАСНОВА (подавая руку Бабаеву).

Здравствуйте, Валентинъ Павлычъ! Я такъ обрадовалась, когда сестра мнѣ сказала, что вы приѣхали.

БАБАЕВЪ.

Значить вы меня еще не забыли.

КРАСНОВА.

Еще бы! Мы очень часто, даже очень часто съ сестрой вспоминаемъ про васъ. А вы такъ насъ забыли, она мнѣ сказывала.

БАБАЕВЪ.

Ну, нѣтъ, я васъ не забылъ. Есть отношенія, душенька Татьяна Даниловна, которыя нескоро забываются. Наше знакомство съ вами было въ этомъ родѣ. Неправда ли?

КРАСНОВА (потупясь).

Да-съ.

БАБАЕВЪ.

Увѣряю васъ, что, какъ только вырвался изъ Петербурга въ деревню, я постоянно искалъ случая побывать въ городѣ и непременно найти васъ.

ЖМИГУЛИНА.

И до-сихъ-поръ не находили такого случая? Скажите пожалуйста!

БАБАЕВЪ.

Увѣряю васъ.

ЖМИГУЛИНА.

Такъ вамъ и повѣрили! Ты, Таня, не вѣрь кавалерамъ, они всегда обманываютъ.

БАБАЕВЪ.

Вы-то за что на меня?

ЖМИГУЛИНА.

Это не къ однимъ вамъ, а и ко всѣмъ прочимъ кавалерамъ относится.

КРАСНОВА.

Вы долго здѣсь пробудете?

БАБАЕВЪ.

Долго ли пробуду-то? Я сначала думалъ, что это будетъ зависеть отъ приказныхъ, у которыхъ мое дѣло; а теперь вижу, что это зависитъ отъ васъ, душа моя, Татьяна Даниловна.

КРАСНОВА.

Ужь это слишкомъ много чести для меня. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, денька три-четыре пробудете?

БАБАЕВЪ.

Дѣло мое обѣщали кончить черезъ три дня; но я пожалуй остался бы и еще дня на три или четыре, если вы этого хотите.

КРАСНОВА.

Разумѣется хочу.

БАБАЕВЪ.

Только вотъ что, душенька Татьяна Даниловна! У васъ въ городѣ тоска страшная. Я останусь, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы видѣться съ вами какъ можно чаще.

КРАСНОВА.

Чтожь, это очень просто. Приходите къ намъ. Вотъ завтра чай кушать милости просимъ!

БАБАЕВЪ.

Да, но вѣдь къ вамъ часто нельзя же, пойдуть сплетни да разговоры, и притомъ же вашъ мужъ...

КРАСНОВА.

Какое же ему дѣло! Вы мой знакомый, вы ко мнѣ придете, а не къ нему.

ЖМИГУЛИНА.

Потомъ мы съ своей стороны тоже учтивость соблюдаемъ, отплатимъ вамъ визитъ. И между прочимъ мы часто бываемъ у хозяйки вашей; слѣдовательно, если наше свиданіе для васъ интересно, вы можете туда приходить.

БАБАЕВЪ (отходить съ Красновой въ сторону).

Вы не скучаете замужемъ?

КРАСНОВА (помолчавъ).

Не знаю какъ вамъ сказать.

БАБАЕВЪ.

Вы, душенька Татьяна Даниловна, будьте откровенны! Вы знаете, какъ мы были всегда расположены къ вамъ.

КРАСНОВА.

Для чего же мнѣ быть съ вами откровенной? Какая можетъ быть изъ этого польза? Вѣдь ужъ теперь поправить нельзя.

БАБАЕВЪ.

Если нельзя совсѣмъ поправить, такъ можно, душенька Татьяна Даниловна, хоть навремя усладить свое существованіе, чтобы не совсѣмъ заглохнуть въ этой пошлой жизни.

КРАСНОВА.

Навремя! А потомъ еще тяжеле будетъ.

БАБАЕВЪ.

Знаете что! Я хочу совсѣмъ переѣхать въ деревню; тогда мы будемъ жить недалеко другъ отъ друга. Я готовъ даже въ городъ переѣхать, только бы вы...

КРАСНОВА (отворачиваясь).

Не говорите мнѣ пожалуста такихъ словъ! Я даже, Валентинъ Павлычъ, никакъ не ожидала этого слышать отъ васъ.

ЖМИГУЛИНА (Бабаеву).

Вы тамъ что-то ужъ очень? Я вѣдь все слышу.

БАБАЕВЪ.

Лукерья Даниловна, кажется кто-то идетъ. Сдѣлайте одолженіе, посмотрите тамъ на берегу: мнѣ нехотѣлось бы, чтобы насъ здѣсь видѣли вмѣстѣ.

ЖМИГУЛИНА.

Охъ вы! Тонкій кавалеръ! (*Отходитъ.*)

КРАСНОВА.

Такъ вы, Валентинъ Павлычъ, придете къ намъ завтра чай кушать?

БАБАЕВЪ.

Право не знаю, можетъ-быть.

КРАСНОВА.

Нѣтъ, непременно приходите! (*Молчаніе.*) Ну, какъ же мнѣ васъ просить? (*Беретъ Бабаева за руку.*) Ну, голубчикъ! Ну, ангельчикъ!

БАБАЕВЪ.

Однако вы, Татьяна Даниловна, переменились.

КРАСНОВА.

Я перемѣнилась? Ей-богу, нѣтъ. Нисколько. Что вы меня обижаете!

БАБАЕВЪ.

Помните, въ Завѣтномъ, Татьяна Даниловна?

КРАСНОВА.

Чтоже такое? Я все помню.

БАБАЕВЪ.

Помните садъ? Помните липовую алею? Помните, какъ мы послѣ ужина, когда маменька уснетъ, на терасѣ сиживали? А помните тоненькую ленточку?

КРАСНОВА (тихо).

Какую?

БАБАЕВЪ.

Которой вы мнѣ руки связывали.

КРАСНОВА (конфузясь).

Ну, чтожъ изъ этого? Ну, я все помню, все.

БАБАЕВЪ.

А тоже, что вы, душа моя, теперь совсѣмъ не то, что прежде: вы такъ холодно меня встрѣтили.

КРАСНОВА.

Ахъ, Валентинъ Павлычъ! Я тогда была дѣвушка, могла любить кого хочу, а теперь я замужемъ. Вы только подумайте.

БАБАЕВЪ.

Ну да, конечно. Но все-таки я не могу никакъ представить себѣ, чтобы ты принадлежала другому. Я, ну вотъ что хочешь со мной дѣлай, едва удерживаюсь, чтобы не назвать тебя попрежнему Таней.

КРАСНОВА.

Зачѣмъ же удерживаться! Называйте!

БАБАЕВЪ.

Да чтожъ толку, душа моя! Вѣдь ужъ вы меня не любите.

КРАСНОВА.

Да кто это вамъ сказалъ! Я васъ люблю точно такъ же, да еще и больше прежняго.

БАБАЕВЪ (нагибаясь къ ней).

Неужели, Танечка, это правда?

КРАСНОВА (цѣлуетъ его).

Ну вотъ вамъ въ доказательство! Теперь вы мнѣ вѣрите? Только, голубчикъ, Валентинъ Павлычъ, если вы не хотите моего не-

счастія на всю мою жизнь , чтобъ намъ такъ и любить другъ друга, какъ мы теперь любимъ, чтобъ вы ничего больше и не думали. А то лучше Богъ съ вами, отъ грѣха подальше!

БАБАЕВЪ.

Да ужь будь покойна, душенька, будь покойна!

КРАСНОВА.

Нѣтъ, вы побожитесь! Да хорошенько побожитесь, чтобъ ужь я васъ не боялась.

БАБАЕВЪ.

Какая ты глупенькая!

КРАСНОВА.

Ну да, глупенькая, какъ бы не такъ! Если послушать что старыя-то люди говорятъ, такъ я и то грѣхъ большой дѣлаю. По старому-то закону, я кромѣ мужа не должна никого любить. Только что, такъ какъ я его любить не могу, а васъ и допрежде того любила, и сердца мнѣ своего не преодолѣть, такъ ужь я... Только сохрани васъ Господи!.. и ужь я ни подъ какимъ видомъ... потомучто я хочу въ законѣ жить.

БАБАЕВЪ.

Да успокойся!

КРАСНОВА.

Такъ-то, милый Валентинъ Павлычъ. Значить между нами будетъ теперь самая пріятная любовь: ни отъ Бога не грѣхъ, ни отъ людей не стыдно.

БАБАЕВЪ.

Да, да, ужь чего-жъ лучше!

КРАСНОВА.

Вотъ я васъ поцѣлую за это, что вы такой умный (*цѣлуетъ его.*) Ну, такъ вы придете къ намъ завтра, этакъ въ вечерни?

БАБАЕВЪ.

А потомъ ты ко мнѣ?

КРАСНОВА.

Непремѣнно приходите! А потомъ мы къ вамъ; ужь я теперь васъ не боюсь.

БАБАЕВЪ.

Какая ты красавица! Ты еще лучше стала, чѣмъ прежде.

КРАСНОВА.

Ну, это пущай такъ при мнѣ и останется! Прощайте! Луша, пойдѣмъ!

ЖМИГУЛИНА (*подходя*).

До свиданія! Покойной ночи, пріятнаго сна! Розы рвать, жа-

смины поливать! (*Уходя.*) Только какой вы! Ой, ой, ой! Ну ужь молодець, нечего сказать! Я только смотрѣла, да удивлялась. (*Уходятъ.*)

БАБАЕВЪ.

Ну, романъ начинается, какова-то будетъ развязка!

(*Занавѣсъ.*)

ДѢЙСТВІЕ II

СЦЕНА I

ЛИЦА

ЛѢВЪ РОДИОНЪЧЪ КРАСНОВЪ, лавочникъ, лѣтъ тридцати.
 КРАСНОВА, ЖМИГУЛИНА, АРХИШЪ, АФОНЯ, БАБАЕВЪ.
 МАНУЙЛО КАЛИНЫЧЪ КУРИЦЫНЪ, мучникъ, лѣтъ сорока-пяти.
 УЛЬЯНА РОДИОНОВНА КУРИЦЫНА, жена его, сестра Краснова.

Комната въ домѣ Краснова: прямо дверь въ сѣни; направо кровать съ сятцевымъ пологомъ и окно, налѣво лежанка и дверь въ кухню; на авансценѣ простой досчатый столъ и нѣсколько стульевъ; у задней стѣны и у окна скамьи, у лѣвой стѣны шкафъ съ чашками, маленькое зеркало и стѣнные часы.

ЯВЛЕНІЕ I

КРАСНОВА (передъ зеркаломъ надѣваетъ платокъ), АФОНЯ (лежитъ на лежанкѣ), ЖМИГУЛИНА (входитъ съ цвѣтной салфеткой).

ЖМИГУЛИНА.

Вотъ, Таня, я у сосѣдей салфетку достала столъ-то покрыть, а то наша-то ужь больно плоха. (*Стелетъ салфетку на столъ.*)

КРАСНОВА.

Самоваръ-то поставленъ?

ЖМИГУЛИНА.

Уж давно поставленъ, скоро закипитъ. Ну вотъ видишь, какъ я говорила, такъ и выходитъ: этотъ платокъ къ тебѣ гораздо лучше идетъ. Только зачѣмъ ты его заколола булавкой. (*Поправляетъ*) Вотъ такъ будетъ вантажнѣе.

АФОНЯ.

Куда рядишься? Что передъ зеркаломъ-то паялась?

КРАСНОВА.

Никуда, мы дома будемъ.

ЖМИГУЛИНА.

Да тебѣ что за печаль! Чтожъ, потвоему, чумичкой ходить какъ ты?

АФОНЯ.

Да для кого рядиться-то? Для мужа что-ль? Такъ онъ и безъ нарядовъ твоихъ любить тебя больше того, чѣмъ ты стоишь. Аль для кого другого?

ЖМИГУЛИНА.

Ишь ты! Дуракъ-дуракъ, а понялъ, что для кого-нибудь родятся.

КРАСНОВА.

Что мнѣ для мужа рядиться! Онъ меня и такъ знаетъ. Коли я ряжусь, такъ значить для чужого.

АФОНЯ.

Передъ кѣмъ дьяволить хочешь? Кого прельщать? Аль въ тебѣ совѣсти нѣтъ?

ЖМИГУЛИНА.

Ну, да что съ дуракомъ толковать! Ему только и дѣла что молоть. Лежить на печкѣ, да придумываетъ.

КРАСНОВА.

Что ты въ самомъ дѣлѣ за указчикъ! Мужъ мнѣ ничего не говорить, а ты рассуждать смѣешь!

АФОНЯ.

Да онъ ослѣпъ отъ васъ, ослѣпъ. Испортили вы его зельемъ какимъ-нибудь.

ЖМИГУЛИНА.

Молчи ужъ, коли Богъ убилъ! Знай свое дѣло: кашлай въкъ, грѣха въ томъ нѣтъ.

АФОНЯ.

Дуракъ братъ, дуракъ! загубилъ онъ свою голову.

ЖМИГУЛИНА.

Таня, не внести ли самоваръ-то?

КРАСНОВА.

Неси! А я чашки разставляю. (*Ставитъ чашки. Жмигулина уходитъ*) Шолъ бы ты въ кухню.

АФОНЯ.

Мнѣ и здѣсь хорошо.

КРАСНОВА.

Чужіе люди придуть, а ты тутъ тоску наводишь.

АФОНЯ.

Не пойду я.

КРАСНОВА.

Вотъ правда пословица—то: «съ дуракомъ пива не сваришь». Вѣдь къ намъ не вашъ братъ лавочникъ какой-нибудь придетъ! Баринъ придетъ, слышишь ты! Что ты ломаешься—то!

АФОНЯ.

Какой баринъ? зачѣмъ?

КРАСНОВА.

Такой же баринъ, какъ и всѣ господа бываютъ. Нашъ знакомый, помѣщикъ богатый; ну и ступай вонъ!

АФОНЯ.

Онъ тамъ у себя баринъ, а я здѣсь у себя баринъ. Не я къ нему иду, онъ ко мнѣ идетъ. Я у себя дома, я больной человекъ, никого не уважу. Ты для него что ли разрядилась—то?

КРАСНОВА.

Мое дѣло, не твое. (*Жмигулина вноситъ самоваръ*).

ЖМИГУЛИНА (*ставитъ самоваръ на столъ*).

Лѣвъ Радіонычъ идетъ съ кѣмъ—то.

КРАСНОВА.

Ну какъ изъ родныхъ кто, вотъ наказаніе—то!

АФОНЯ.

Наказанье! А вы зачѣмъ въ нашу родню влѣзли. (*Входятъ: Красновъ, Курицынъ и Курицына*).

ЯВЛЕНІЕ II

КРАСНОВЪ, КРАСНОВА, ЖМИГУЛИНА, АФОНЯ, КУРИЦЫНЪ,
КУРИЦЫНА.

КРАСНОВЪ (*женъ*).

Здравствуйте-съ! (*Цлуются*).

Вотъ нѣжности!

КРАСНОВА.

КРАСНОВЪ.

Ничего-съ. Дѣло законное-съ! Извольте гостинцу-съ! Винныхъ ягодокъ, свѣжихъ получили-съ? (*Подаетъ свертокъ*). Вотъ я вамъ гостей привелъ. Самоваръ-то ужь готовъ у васъ, вотъ и кстати-съ.

КУРИЦЫНА.

Здравствуйте, сестрица! Вы такая гордая, никогда къ намъ не зайдете! А мы по простотѣ живемъ, взяли да и пришли съ Мануйломъ Калинычемъ непрощеные.

КУРИЦЫНЪ.

Здравствуй, сестра! Что взаправду родней-то гнушаешься! Забѣжала бы когда, чай ноги-то не отсохли!

КРАСНОВЪ.

Ну когда имъ по гостямъ ходить! имъ только бы дома-то управиться! Къ хозяйству начинаютъ привыкать.

КУРИЦЫНА.

Надо, сестрица, привыкать, надо. Такая наша женская обязанность! Не за миллионщикомъ вы замужемъ-то, нечего барствовать!

КУРИЦЫНЪ.

А ты приучай, да хорошенько!

КУРИЦЫНА (*подходя къ Афонѣ*).

А ты, Афоня, все хвораешь? Ты бы чѣмъ полегилъ!

КУРИЦЫНЪ (*тоже подходя къ Афонѣ*).

А ты ѣшь больше, вотъ и хворь пройдетъ. Нехочется, такъ насильно ѣшь! Да, я тебѣ говорю! (*Разговариваетъ съ Афоней тихо*).

КРАСНОВА (*мужу*).

Что вы надѣлали! какихъ вы гостей навели!

ЖМИГУЛИНА.

Ну ужь, признаться, зарѣзали вы насъ. Такой конфузъ, такой конфузъ!

КРАСНОВЪ.

Какой конфузъ, что баринъ-то придетъ-съ? Такъ чтожъ за бѣда! Невелика важность! Пущай посмотритъ какая родня у васъ.

ЖМИГУЛИНА.

Очень ему интересно!

КРАСНОВЪ.

Не гнать же мнѣ сестру для него! Стало-быть и разговору нѣтъ. Я его еще и въ глаза не видалъ, какой онъ такой; а это покрайней-

мѣръ родня. А впрочемъ наши недолго засидятся. (*Женя*) Садитесь, наливайте чай! Братецъ, сестрица, пожалуйста! По чашечкѣ-съ! (*Всѣ, исключая Афони, садятся у стола*).

КУРИЦЫНЪ.

Дѣло, братъ, праздничное, такъ оно передъ чайкомъ-то бы того... по малости. Аль самъ-то не пьешь?

КРАСНОВЪ.

Женившись на Татьянѣ Даниловнѣ, я съ самаго того дня все это въ пренебреженіи оставилъ-съ. Татьяна Даниловна, попотчуйте братца съ сестрицей водкой!

КРАСНОВА (*достаетъ изъ шкафа и ставитъ на столъ графинъ, рюмку и закуску*).

Пожалуйте, сестрица! (*Курицына пьетъ*) Пожалуйте, братецъ!

КУРИЦЫНЪ.

Не такъ просишь, порядку не знаешь.

КРАСНОВЪ.

Вы, братецъ, не ломайтесь! Моя супруга вашихъ обнокновеніевъ не знаютъ, да и знать имъ не для чего. Пожалуйте, безъ церемоніи.

КУРИЦЫНЪ (*выпивъ*).

Балуешь ты свою жену, вотъ что я тебѣ скажу! Да, воля и добрую жену портить. А ты бы съ меня примѣръ бралъ, училъ бы ты ее уму-разуму, такъ лучше бы дѣло-то, прочтѣй было. Спроси вотъ, какъ я твою сестру школилъ, небу жарко было.

КУРИЦЫНА.

Да ужъ вы, Мануйло Калинычъ, извѣстный варваръ, кровопивецъ! Вамъ только бы надъ женой ломаться да власть показывать, въ томъ вся ваша жизнь проходить.

КУРИЦЫНЪ.

Какія это такія слова? Кто это ихъ здѣсь говоритъ? Гдѣ это говорятъ? (*оглядываясь*) Нѣтъ ли тутъ кого чужого, посторонняго? Словно какъ свои-то у меня не смѣютъ такъ разговаривать!

КУРИЦЫНА (*спохватясь*).

Это я такъ къ слову только, Мануйло Калинычъ! А что конечно, сестрица, съ нашей сестрой безъ острастки нельзя. Не даромъ говорится: жену бей, такъ щи вкуснѣй.

КРАСНОВА.

Какъ кому нравится, кто что любить! Вамъ, сестрица, нравится такое обращеніе, а я считаю за невѣжество.

ЖМИГУЛИНА.

Нынче ужь мужицкое—то обращеніе вездѣ бросаютъ, выходить стало изъ моды.

КУРИЦЫНЪ.

Ну ужь это ты врешь! Никогда эта самая наука, которая надъ бабами, изъ моды не выдетъ, потому безъ нея нельзя. Братъ, слушай, я до чего Ульяну доводилъ, до какой точки. Бывало у насъ промежъ себя, промежъ знакомыхъ или сродственниковъ за споромъ дѣло станеть, чья жена обходительнѣе. Я всѣхъ къ себѣ на домъ веду, сяду на лавку, вотъ такъ—то ногу выставлю и сейчасъ говорю женѣ: «чего моя нога хочетъ?» А она понимаетъ, потому обучена этому, ну и значить сейчасъ въ ноги мнѣ.

КУРИЦЫНА.

Чтожъ, это точно, это бывало. Я при всѣхъ безъ стыда скажу.

КРАСНОВЪ.

Ничего въ этомъ нѣтъ хорошаго, одинъ куражъ.

КУРИЦЫНЪ.

Эхъ, братъ! бей шубу, будетъ теплѣе; а жену, будетъ умнѣе.

КРАСНОВА.

Не всякая жена позволитъ себя бить, а которая позволяетъ, такъ она значить больше того и не стоитъ.

КУРИЦЫНА.

Чтожъ это вы, сестрица, вдругъ такъ заважничали! хуже что ли я вась? Ты, матушка, погоди больно возноситься—то! Можно тебѣ крылья—то и ошибить.

КРАСНОВЪ.

Можно да осторожно.

КУРИЦЫНА.

Да ты—то что! Взять голь да и важничаетъ. Али ты воображаешь, что на значительной помѣщицѣ женился!

КРАСНОВЪ.

Что я воображаю — это мое дѣло, и не съ твоимъ разумомъ его понимать. Значить надо тебѣ молчать.

ЖМИГУЛИНА.

Вотъ такъ занятный разговоръ, есть что послушать!

КУРИЦЫНА.

Кажется не изъ барскаго роду взята, а изъ приказнаго. Не велика дворянка. Козель да приказный — бѣсова родня.

КРАСНОВЪ.

Я тебѣ сказалъ: молчи! Не десять разъ говорить, сразу должна понимать!

КУРИЦЫНЪ.

Не трожь, пушай ихъ! Я люблю когда бабы браниться свяжутся.

КРАСНОВЪ.

Да я-то не люблю.

КУРИЦЫНА.

Мало-ль ты чего не любишь, такъ по тебѣ и угождать! Ишь ты какой грозный! Ты на жену кричи, а на меня нечего: я тебѣ не подначальная. У меня свой муженекъ хорошъ, есть кому командовать-то и безъ тебя. Не я виновата, что твоя жена по пустырямъ да по заулкамъ шляется, да съ молодыми господами по цѣлымъ часамъ балясы точить.

КРАСНОВЪ (вскочивъ).

Что-съ!

КРАСНОВА.

Никакихъ я пустырей, никакихъ переулковъ не знаю; а что встрѣтилась я съ Валентиномъ Павлычемъ на берегу, такъ это я вамъ, Лѣвъ Родионычъ, сказывала, и даже все, что мы говорили.

ЖМИГУЛИНА.

Да вѣдь и я тутъ сопутствовала.

КУРИЦЫНА.

Да ты такая же.

КРАСНОВЪ.

Ну не змѣя ли ты теперича подколодная! а еще сестра называешься. Чего тебѣ хочется? меня съ женой разстроить? Ненавистно тебѣ, что я ее люблю? Такъ знай ты завсегда, что я ее ни на кого не промѣняю. Я тридцать лѣтъ для семьи бобылемъ жилъ, до кроваваго поту работалъ, да тогда только жениться-то задумалъ, когда весь домъ устроилъ. Я тридцать лѣтъ себѣ никакой радости не зналъ. Слѣдственно я долженъ быть имъ, супругъ моей, благодаренъ, что онъ, при всей своей красотѣ и образованіи, полюбили меня, мужика. Допрежь того я на васъ былъ работникъ, а теперь на нихъ вѣчный работникъ. Околѣю на работъ, а для нихъ всякое удовольствіе сдѣлаю. Я долженъ у нихъ ножки цѣловать, потому что я очень хорошо понимаю, что я и со всѣмъ-то домомъ противъ одного ихняго мизинца негожусь. Такъ послѣ этого нешто я дамъ ихъ въ обиду! Я уважаю и всѣ уважай!

ЖМИГУЛИНА.

Сестра и сама понимаетъ, что она всякаго уваженія стоитъ.

КРАСНОВЪ.

Ты какое слово сказала-то! коли повѣрить тебѣ, чтожъ тогда дѣлать! Ну, скажи! Одна у меня радость, одно утѣшеніе, и я его долженъ рѣшиться. Легко это, а? легко? Я не каменный какой, чтобъ на такія женины дѣла сквозь пальцы смотрѣть! Меня слово-то твое дурацкое только за ухо задѣло, и то во мнѣ все сердце перевернулось. А повѣрь я тебѣ, такъ вѣдь, чего Боже сохрани, долго ли до грѣха-то! За себя поручиться нельзя: каковъ часть выдетъ. Пожалуй дьяволъ подъ руку-то толкнетъ. Господи оборони насъ! Нешто этимъ шутятъ! Ужь коли ты хотѣла обидѣть меня, взяла бы ты ножикъ да пнула мнѣ въ бокъ, легче бы мнѣ было. Послѣ такихъ словъ мнѣ лучше тебя, разлучницу, весь вѣкъ не видать; я лучше отъ всей родни откажусь, чѣмъ ваше ехидство переносить.

КУРИЦЫНА.

Не я разлучница-то, она родню-то разлучаетъ.

КУРИЦЫНЪ.

Что братъ! Видно жонина родня — такъ отворяй ворота; а мужнина родня — такъ запирай ворота! Приходи къ намъ, и мы такъ-то угостить сумѣемъ. Пойдемъ жена, дома лучше!

КУРИЦЫНА.

Ну, прощай, сестрица, да помни! И ты, братецъ, подожди, какъ-нибудь сочтемся. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ III

КРАСНОВЪ, КРАСНОВА, ЖМИГУЛИНА, АФОНЯ.

КРАСНОВЪ (*подходя къ женѣ*).

Татьяна Даниловна, вы не возьмите себѣ этого въ обиду, потому необломанный народъ.

КРАСНОВА.

Вотъ она ваша родня-то! я не въ примѣръ лучше въ дѣвушкахъ жила; покрайности я знала, что никто меня обидѣть не смѣетъ.

ЖМИГУЛИНА (*прибывая со стола*).

Мы съ простонародіемъ никогда не знались.

КРАСНОВЪ.

Да и я васъ въ обиду не дамъ-съ. При вашихъ глазахъ родной

сестры не пожалѣвъ, изъ дому прогналъ; а доведись кого чужого, такъ онъ бы и ногъ не уволокъ. Вы еще не знаете моего характера, я подчасъ самъ себѣ не радъ.

КРАСНОВА.

Чтожъ вы, сердиты чтоли очень?

КРАСНОВЪ.

Не то что сердить, а горячъ: себя не помню, людей не вижу въ этомъ разѣ.

КРАСНОВА.

Какія вы страсти говорите! Отчего же вы мнѣ прежде не сказали о своемъ характерѣ, я бы за васъ и не пошла.

КРАСНОВЪ.

Коли горячій человекъ, такъ въ этомъ ничего худого нѣтъ-съ. Стало-быть онъ до всякаго дѣла горячъ, и до работы, и любить можетъ лучше, потому больше другихъ чувства имѣетъ.

КРАСНОВА.

Я теперь буду васъ бояться.

КРАСНОВЪ.

Страху-то мнѣ отъ васъ не больно нужно-съ. А желательно бы узнать, когда вы меня любить-то будете?

КРАСНОВА.

Какой же вамъ еще любви отъ меня надо?

КРАСНОВЪ.

Вы чай сами знаете какой-съ; только можетъ-быть нечувствуете. Что дѣлать! Будемъ ждать, авось послѣ придетъ. Чего на свѣтѣ не бываетъ! Были и такіе случаи, что любовь-то на пятый, или на шестой годъ послѣ сватъбы приходитъ. Да еще какая! Лучше чѣмъ смолоду.

КРАСНОВА.

Ну и ждите!

ЖМИГУЛИНА.

Это вы очень горячи къ любви-то, а мы совсѣмъ другого воспитанія.

КРАСНОВЪ.

Вы насчетъ воспитанія говорите? Я вамъ вотъ что на ваши слова скажу-съ: будь я помоложе, я бы для Татьяны Даниловны во всякую науку пошолъ. Я и самъ вижу, чего мнѣ нехватаетъ-съ, да ужъ теперь года ушли. Душа есть-съ, а воспитанія нѣтъ-съ. А будь я воспитанъ-съ...

ЖМИГУЛИНА (взглянувъ въ окно.)

Идетъ, Таня, идетъ. (*Бѣгутъ обѣ изъ комнаты.*)

КРАСНОВЪ.

Куда же вы такъ вдругъ-съ? Бѣжать-то зачѣмъ?

ЖМИГУЛИНА.

Что вы! Опомнитесь! Надо же встрѣтить, учтивость соблюсти. (*Уходятъ.*)

АФОНЯ.

Братъ! Ты сестру прогналъ; за дѣло ли, не за дѣло ли, Богъ тебя суди! А ты на барина-то поглядывай! Поглядывай, я тебѣ говорю.

КРАСНОВЪ.

Что на тебя пропасти нѣтъ! Шипишь ты, какъ змѣя. Ужалить тебѣ меня хотѣлось. Убирайся вонъ отсюда! Поди, говорить тебѣ, а то до смерти убью.

АФОНЯ.

Чтожъ, убей! Мнѣ жизнь-то небольшо сладка, да и жить-то долго осталось. Только не будь ты слѣпъ! Не будь ты слѣпъ! (*Уходитъ.*)

КРАСНОВЪ.

Что они съ моей головой дѣлаютъ! Аль въ самомъ дѣлѣ смѣть надо, аль смущаютъ только? Гдѣ-жъ тогда, значить, любовь! Да неужто-жъ, Господи, я себѣ не утѣху, а муку взялъ! Встряхнись, Левъ Радіоновъ, встряхнись! Не слушай лукаваго! Одна у тебя радость, — онъ отниметъ, сердце высушить. Всю свою жизнь загубишь! Ни за грошъ пропадешь! Все это наносныя слова, вотъ что! Ненавистно стало, что жена хороша, да живемъ ладно, — и давай мутить. Видимое дѣло. Въ каждой семьѣ такъ. Бросить, да не думать, вотъ и конецъ. А барина надо будетъ выжить, да чтобъ и впередъ не заглядывалъ. Ходите, молъ, почаще, безъ васъ веселѣй. Такъ оно и разговору меньше, да и на сердцѣ покойнѣе. (*Входятъ: Бабаевъ, Краснова и Жмигулина.*)

ЯВЛЕНІЕ IV

БАБАЕВЪ, КРАСНОВЪ, КРАСНОВА, ЖМИГУЛИНА.

БАБАЕВЪ.

Такъ вотъ вы гдѣ живете! Это у васъ свой домикъ?

КРАСНОВА.

Свой-съ. А вотъ это мой мужъ-съ.

БАБАЕВЪ.

А, очень пріятно. Я съ вашей женой давно знакомъ.

КРАСНОВЪ.

Это ваше дѣло-съ.

БАБАЕВЪ.

Вы торгуете?

КРАСНОВЪ.

А это вотъ наше дѣло-съ.

КРАСНОВА.

Чтожъ вы не сядете! (*Бабаевъ и Красновъ садятся.*) Неудобно ли вамъ чаю?

БАБАЕВЪ.

Нѣтъ, благодарю; я теперь не пью чаю.

ЖМИГУЛИНА.

Ахъ, Таня, мы и забыли, что въ Петербургѣ оовсѣмъ другой вкусъ. (*Бабаеву.*) Можно сію минуту кофей сдѣлать.

БАБАЕВЪ.

Нѣтъ, вы пожалуста не безпокойтесь: я ужъ пилъ. Мы лучше такъ посидимъ, потолкуемъ о чемъ-нибудь. Веселитесь ли вы здѣсь? Есть ли у васъ развлечения?

КРАСНОВА.

Нѣтъ-съ. Какія же здѣсь могутъ-быть развлечения!

БАБАЕВЪ.

Какъ же вы время проводите? Неужели все дома сидите?

КРАСНОВА.

Большею частью.

КРАСНОВЪ.

Да оно такъ и слѣдуетъ въ нашемъ званіи. По нашему, по руски: мужикъ да собака на дворѣ, а баба да кошка дома.

ЖМИГУЛИНА (*тихо Краснову.*)

Учтивѣй-то вы не можете?

КРАСНОВЪ.

Я свое дѣло знаю.

БАБАЕВЪ.

Такъ вы хозяйствомъ занимаетесь. Вамъ, я думаю, трудно было привыкать къ новымъ обязанностямъ.

КРАСНОВА (*взглянувъ на мужа.*)

Да-съ. А впрочемъ нельзя сказать... конечно... сначала...

БАБАЕВЪ (Жмигулиной.)

Я спрашиваю, а и самъ хорошенько не знаю въ чемъ заключаются эти обязанности.

ЖМИГУЛИНА.

Да вамъ, по благородству вашему, и знать-то это низко.

КРАСНОВЪ.

Никакой низкости нѣтъ.

БАБАЕВЪ.

А въ самомъ дѣлѣ, чтоже тутъ низкаго?

ЖМИГУЛИНА.

Слова низкія и даже довольно грязныя, которыхъ при людяхъ воспитанныхъ никогда не говорятъ.

БАБАЕВЪ.

Ну, предположите, что я человѣкъ невоспитанный. Какія же слова, скажите!

ЖМИГУЛИНА.

Вы просто насъ съ Таней конфузите. Вамъ интересно слышать эти слова, такъ извольте! Къ хозяйству относится кухня и всякія простонародныя вещи: сковрода, сковородникъ, ухватъ. Развѣ это не низко?

КРАСНОВЪ.

Да ужъ низко ли ухватъ, высоко ли, а коли щи въ печку сажать, такъ доставать его надо.

КРАСНОВА.

Вы хоть бы при гостяхъ-то не обижали жену!

КРАСНОВЪ.

Да я васъ ни при гостяхъ, ни безъ гостей никогда на волосъ не обидѣлъ-съ. А васъ спрашиваютъ, какая вы мужу хозяйка, да еще при мужѣ-съ; такъ, я полагаю, вамъ бы надо отвѣчать, что вы мужу своему хозяйка хорошая, своей должностью негнушаетесь; потому что въ нашемъ званіи это первое дѣло-съ.

ЖМИГУЛИНА (тихо Краснову.)

Вы намъ мѣшаете съ нашимъ гостемъ разговаривать.

БАБАЕВЪ (тихо Красновой.)

Что, онъ у васъ всегда такой?

КРАСНОВА (тихо.)

Я незнаю, что съ нимъ сдѣлалось.

БАБАЕВЪ (тихо.)

Вы сами видите, что мнѣ здѣсь дѣлать нечего. Вы лучше при-

ходите ко мнѣ сегодня, а я теперь пойду домой. (*Громко.*) Ну, прощайте! Надѣюсь, что мы видимся съ вами не въ послѣдній разъ.

ЖМИГУЛИНА.

Конечно, конечно.

КРАСНОВА.

Покорно благодаримъ за посѣщеніе!

КРАСНОВЪ (*впаяясь.*)

Прощенья просимъ! Вы скоро отсюда уѣдете?

БАБАЕВЪ.

Не знаю. Какъ дѣло кончится.

КРАСНОВЪ.

Однако какъ полагаете?

БАБАЕВЪ.

Въ судѣ говорятъ, что послѣзавтра.

КРАСНОВЪ.

И значить какъ кончится, такъ вы въ тотъ же часъ и уѣдете?

БАБАЕВЪ.

Я думаю. Чтожъ мнѣ здѣсь дѣлать!

КРАСНОВЪ.

Да-съ! Оно точно, что нечего. Наше вамъ почтеніе! (*Бабаевъ, Краснова, Жмигулина уходятъ.*) Непрошенный гость хуже татарина. На что онъ намъ! Какая отъ него польза? Помощи его я не приму, потому мы сами не нищіе. Ну, значить и проваливай! Поѣзжай себѣ въ Петербургъ, и любезное дѣло! (*Входятъ: Краснова и Жмигулина.*)

ЯВЛЕНІЕ V

КРАСНОВЪ, КРАСНОВА, ЖМИГУЛИНА.

КРАСНОВА.

Чтоже это вы дѣлаете! Съ чего же вы взяли такъ обижать меня!

КРАСНОВЪ.

Никакой обиды-съ! А вы вотъ что-съ! Мы съ вами еще послѣ свадьбы ниразу не ссорились, такъ желательно, чтобы и впредь этого не было, а жить въ любви-съ.

ЖМИГУЛИНА.

Хороша любовь! Нечего сказать! (*Красновъ строго взглядываетъ на нее.*)

КРАСНОВА.

Гдѣже она, ваша любовь—то? Вотъ мы теперь ее хорошо видимъ. Вашимъ роднымъ да знакомымъ я прислуживай, какъ кухарка; а пришолъ нашъ знакомый, человекъ благородный, такъ вы его чуть не выгнали.

ЖМИГУЛИНА.

Да и выгнали, только что политически.

КРАСНОВА.

Ужь вы бы и не говорили лучше, что любите. Нужна мнѣ очень ваша любовь, когда вы будете меня срамить на каждомъ шагу.

КРАСНОВЪ.

Да я не понимаю, къ чему этотъ и разговоръ промежь насъ! Все и дѣло—то разговору не стоитъ. Можетъ мы его больше и не увидимъ никогда, да намъ и надобности въ немъ нѣтъ; съ чѣмъ пришолъ, съ тѣмъ и ушолъ. А намъ съ вами всю жизнь жить; такъ стоитъ ли онъ того, чтобы намъ съ вами изъ-за него неудовольствіе имѣть.

КРАСНОВА.

Ахъ, Луша, какой срамъ—то! Что онъ теперь объ насъ подумаетъ!

ЖМИГУЛИНА.

Да. Онъ теперь скоро въ Петербургъ поѣдетъ; хорошее мнѣніе онъ объ насъ туда повезетъ!

КРАСНОВЪ.

Я вамъ опять—таки скажу—съ, что его и всякія его мнѣнія надо бросить. Все дѣло—то гроша не стоитъ. Я такъ понимаю: есть ли онъ на свѣтѣ, нѣтъ ли его, это для насъ съ вами все одно—съ.

КРАСНОВА.

Для васъ его на свѣтѣ нѣтъ, но не для насъ. Мы съ сестрой обѣщали бывать у него и даже сегодня хотимъ идти.

КРАСНОВЪ.

Некчему—съ.

КРАСНОВА.

Какъ некчему? Я вамъ говорю, что я хочу его видѣть.

КРАСНОВЪ.

Вы хотите, да мнѣ не желательно. Должны вы меня уважить, или нѣтъ?

КРАСНОВА.

Что это вы какую власть вдругъ забрали. Да вы и не воображайте, чтобъ мы васъ послушались, — этому не бывать!

КРАСНОВЪ (ударяя по столу.)

Чего-съ! Какъ-такъ не бывать! Нѣтъ-съ, ужь коли что я говорю, такъ это такъ точно и будетъ. Я говорю дѣло и вамъ на пользу-съ, потому самому я вамъ строго и приказываю. (*Опять ударяетъ по столу.*)

КРАСНОВА (плачетъ.)

Чтожь это за тиранство! Что за мученіе!

ЖМИГУЛИНА (со смѣхомъ.)

Ахъ, какой грозный! Ахъ, какой страшный! Ха, ха, ха!

КРАСНОВЪ.

Вы-то что квакаете! Васъ-то я такъ турну, что у васъ объ ка-литку подолъ завизжить.

КРАСНОВА.

Ну ужь вы что хотите дѣлайте, хоть убейте насъ, а мы все-таки пойдемъ. Мы не хотимъ доказать ему, что мы невѣжи противъ него. Должны же мы поблагодарить его за неоставленіе насъ и пожелать счастливаго пути.

КРАСНОВЪ.

Вы, Татьяна Даниловна, извольте понимать, когда вамъ словами говорить.

КРАСНОВА.

Ужь вы не драться ли хотите? Чтожь, отъ васъ это станется. Только того и жди.

КРАСНОВЪ.

Ошиблись. Никогда вы отъ меня не дождетесь! Я васъ столько люблю, что на нынѣшній разъ даже вашъ капризъ уважу. Извольте идти, и ужь больше туда ни ногой. Только вотъ что еще, Татьяна Даниловна! Вотъ видите часы-съ! (*Показываетъ на стѣнные часы.*) Такъ, когда вы пойдете, взгляните, и чтобъ черезъ полчаса здѣсь-съ! (*Показывая на полъ.*) На этомъ самомъ мѣстѣ-съ. Поняли?

КРАСНОВА.

Пойдемъ, Луша, одѣваться. (*Уходятъ.*)

КРАСНОВЪ.

Кажется, у насъ дѣло-то на ладъ пойдетъ! Онѣ были маленько избалованы; въ такомъ случаѣ для нихъ строгость не мѣшаетъ. Стерпится, — слюбится. А тамъ, какъ баринъ уѣдетъ, можно и опять лаской; такъ наша размолвка и забудется. Оно точно, что я за эти полчаса, когда онѣ у барина будутъ, кажется ничего бы на свѣтѣ не взялъ; да чтожь дѣлать, сразу круто нельзя, — вовсе отъ себя оттолкнешь. Само собою, что будетъ думаться, и то и другое въ

голову-то полъзеть. Ну, да вѣдь не разбойникъ же онъ какой, въ самомъ дѣлѣ! Да и супруга моя какъ собственно недавно... То-есть врагъ я самъ себя, да и только! Вѣдь ничего не можетъ быть дурного; а я думаю, да всякіе вздоры прибираю!.. Пойти съ пріятелями въ трактиръ посидѣть покудова!.. Объ чемъ это онъ ей давеча шепталъ?.. Ну да чтожъ, вѣдь давно знакомы; можетъ такъ что! (*Береть картузь.*) Татьяна Даниловна! Сохнулъ я по тебѣ, пока не взялъ за себя; вотъ и взялъ, да все сердце не на мѣстѣ. Не забуди ты парня! Грѣхъ тебѣ будетъ! (*Уходитъ.*)

СЦЕНА II

ЛИЦА

БАБАЕВЪ. КРАСНОВА. ЖМИГУЛИНА. ЗАЙЧИХА. КАРПЪ.

Комната перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНИЕ I

КАРПЪ и ЗАЙЧИХА (*Входятъ*).

ЗАЙЧИХА.

Что самъ-то спишь что ли?

КАРПЪ.

Не знаю. Да нѣтъ, онъ этой привычки не имѣетъ. Опять же и время не то. Ты какъ думаешь? Вѣдь еще теперь въ Петербургѣ не обѣдали, еще утро.

ЗАЙЧИХА.

Ишь ты! Ахъ батюшки!

КАРПЪ.

Вотъ иногда зимой, ужъ и смеркнется давно, и огонь веадѣ зажгли, а все еще утро считается.

ЗАЙЧИХА.

Ну да что мудренаго! Городъ большой, столичный, не то что у насъ. А я было такъ взшла: молъ, ненужно-ль что. (*Взглянувъ въ окно.*) Вѣдь это къ намъ кто-то. Пойти встрѣтить. (*Уходитъ.*)

КАРПЪ.

Взвоешь здѣсь отъ тоски. Спервоначалу бы этимъ судейскимъ, которые у нихъ поглавиѣе, дать барашка въ бумажкѣ, такъ они бы мигомъ. По крайности мы были бы теперь дома, у дѣла. Какъ ему самому-то не скучно! Ужь несослѣдилъ ли онъ тутъ добычку себѣ! Не даромъ онъ по городу-то ходитъ! У него манера-то извѣстная: ходитъ, ходитъ мимо оконъ-то, да и призритъ глазомъ на какую-нибудь брунетку. (*Зайчиха входитъ.*)

ЗАЙЧИХА.

Поди-ко, мой милый, доложь самому-то, что его спрашиваютъ.

КАРПЪ.

Зачѣмъ спрашиваютъ?

ЗАЙЧИХА.

Ужь ты доложь, онъ тамъ самъ знаетъ.

КАРПЪ (въ дверь.)

Пожалуйте, сударь, къ вамъ пришли.

Кто?

БАБАЕВЪ (изъ двери.)

ЗАЙЧИХА.

Видь-ко сюда, батюшко, на минуточку! Нужно. (*Бабаевъ входитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ II

КАРПЪ, ЗАЙЧИХА, БАБАЕВЪ.

ЗАЙЧИХА.

Слушай-ко. Къ тебѣ пришла Краснова, лавочница, съ сестрой, такъ спрашиваютъ, можно ли молъ взойти.

БАБАЕВЪ.

Просите ихъ сюда! Да вотъ что! Послушайте, хозяйшка! Пожалуста, чтобы разговоры не было! Можетъ-быть она и еще ко мнѣ придетъ, такъ ужь вы скажите лучше, что она къ вамъ ходитъ. Можетъ-быть спрашивать будутъ; знаете, вѣдь городъ маленькій, всѣ другъ друга знаютъ, другъ за другомъ смотрятъ, куда кто пошелъ, гдѣ что дѣлалъ.

ЗАЙЧИХА.

И, батюшко! Да мнѣ что! Я и видѣла да не видала. Ты провѣжій, не здѣшній.

БАБАЕВЪ.

Попросите ихъ сюда! Мы вѣдь съ вами, милая хозяйшка, старые пріятели. (*Треплетъ ее по плечу.*)

ЗАЙЧИХА.

Пріятели, батюшко, пріятели! (*Уходитъ.*)

КАРПЪ (*махнувъ рукой.*)

Грѣхи! (*Уходитъ. Краснова и Жмигулина входятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III

БАБАЕВЪ, КРАСНОВА, ЖМИГУЛИНА.

ЖМИГУЛИНА.

Еще здравствуйте! Ждали ли насъ?

БАБАЕВЪ.

Признаться, такъ скоро не ждалъ. Садитесь, что же вы стоите! (*Садятся.*)

ЖМИГУЛИНА.

Бѣгомъ бѣжали къ вамъ. Изъ дому-то насилу вырвались.

КРАСНОВА.

Полно, Луша, перестань!

ЖМИГУЛИНА.

Ужъ нечего скрывать-то! Не скроешь. Валентинъ Павлычъ давеча сами видѣли нашу аристократію. А ужъ какая послѣ васъ пальба была!

КРАСНОВА.

Ахъ, Луша, мало ли что въ семьѣ бываетъ; неужели всѣмъ рассказывать! Никому до того дѣла нѣтъ, какъ мы живемъ.

ЖМИГУЛИНА.

Поняли вы теперь, Валентинъ Павлычъ, что такое значить мужикъ, когда онъ важность на себя напуститъ.

КРАСНОВА.

Хорошо тебѣ разговаривать-то, ты посторонняя. Ты бы меня-то пожалѣла! Онъ мнѣ мужъ, мнѣ съ нимъ жить до гробовой доски.

БАБАЕВЪ.

Неосторожно вы поступили, Татьяна Даниловна, неосторожно.

КРАСНОВА.

Какой вы чудной! За что вы меня упрекаете! Гдѣ жъ вы были

когда намъ было ѣсть нечего! А теперь ужь не воротишь. Остается только плакать всю жизнь. (*Плачетъ.*)

БАБАЕВЪ.

Ну, объ чемъ же вы теперь-то плачете?

КРАСНОВА.

Чему жъ мнѣ радоваться-то? Вамъ что ли? Можетъ-быть я и радовалась бы, кабы была свободна. Вы то поймите: изъ-за васъ я съ мужемъ поссорилась; вы-то уѣдете не нынче-завтра, а мнѣ съ нимъ оставаться. Вы только хуже сдѣлали, что приѣхали: до васъ-то онъ мнѣ не такъ дуренъ казался. Да и онъ вдругъ совсѣмъ перемѣнился. Пока васъ не видалъ, такъ всякую мою прихоть исполнялъ, какъ собака руки лизалъ; а теперь началъ косо поглядывать, да и покрикивать. Каково же мнѣ будетъ всю жизнь съ постылымъ горе мыкать! (*Плачетъ.*)

БАБАЕВЪ.

Ну, перестаньте! Что это вы! (*Жмигулкой.*) Послушайте, Лукерья Даниловна! Вы подите къ хозяйкѣ, я одинъ ее лучше уговорю.

ЖМИГУЛИНА.

Пожалуста, не хитрите! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ IV

БАБАЕВЪ и КРАСНОВА.

БАБАЕВЪ (подвигается и обнимаетъ Краснову одной рукой.)

Душенька, Танечка, ну перестань! Что ты такъ расплакалась! Ну, давай подумаемъ вдвоемъ, какъ помочь твоему горю.

КРАСНОВА.

И думать нечего! Никакъ нельзя.

БАБАЕВЪ.

Ужь будто? А что если я увезу тебя въ деревню?

КРАСНОВА.

Въ какую? Куда?

БАБАЕВЪ.

Туда, въ свою. Тамъ все такъ же, какъ было при маменькѣ: тѣ же алей, пруды, бесѣдки; все тебѣ знакомое, все будетъ напоминать прошлое. Ты бы у меня хозяйничала.

КРАСНОВА (освобождаясь изъ подъ его руки.)

Что вы только придумываете, какъ погляжу я на васъ! Да возможное ли дѣло, чтобъ такой вздоръ въ голову пришолъ! Чтожь, мужъ-то такъ вамъ и позволить! Да онъ меня на днѣ моря сыщеть.

БАБАЕВЪ.

На время тебя можно будетъ спрятать, такъ что онъ и ненай- деть; а между-тѣмъ съ нимъ поторговаться.

КРАСНОВА.

Что вы! Что вы! Вотъ еще новости! Ну, да будетъ вамъ пустяки-то говорить! Вотъ вы лучше посовѣтуйте, какъ мнѣ всю жизнь съ мужемъ-то жить.

БАБАЕВЪ.

Ну да какъ же! Нужно мнѣ очень!

КРАСНОВА.

Значить, вы меня вотъ-таки ни крошечки не любите! Только притворяетесь. Вотъ что, да-съ!

БАБАЕВЪ.

И не грѣхъ это тебѣ, Таня? А? Нѣтъ, скажи ты мнѣ, не грѣхъ?

КРАСНОВА.

Что?

БАБАЕВЪ.

Подозрѣвать-то меня? Не грѣхъ?

КРАСНОВА.

Да ну васъ! Васъ вѣдь не разберешь, притворяетесь вы, или нѣтъ.

БАБАЕВЪ.

Да и на что тебѣ разбирать, мой ангелъ! Ты обо мнѣ-то не за- боться! Ты спроси у своего сердца что оно говорить тебѣ! (*Обни- маетъ ее.*)

КРАСНОВА.

А ваше, что вамъ говорить?

БАБАЕВЪ.

Да вѣдь ты мнѣ, Таня, не вѣришь; ты говоришь, что я при- творяюсь, а сама теперь спрашиваешь. А ну какъ я тебя обману?

КРАСНОВА.

Да ужъ это не ваше дѣло! Вы только говорите!

БАБАЕВЪ.

Да и не обману, не бойся! Изъ чего мнѣ тебя обманывать. (*Па- глбается къ ней, она слушаетъ, потупя глаза.*) Вотъ что Таня!

Сердце мнѣ говорить, что никого еще я не любилъ такъ, какъ тебя люблю. Мнѣ все-равно, будешь ли ты вѣрить моимъ словамъ, или нѣтъ. Да я сейчасъ и докажу тебѣ, что это правда, и ты сама со мной согласишься. Я вѣдь не говорю тебѣ, что я никогда не видалъ женщинъ красивѣе тебя, умнѣе. Вотъ тогда ты мнѣ могла бы прямо въ глаза сказать, что я лгу. Нѣтъ, я видѣлъ и лучше тебя и умнѣе, только не видалъ я никогда такой миленькой, добренькой, такой простенькой женщины, какъ ты.

КРАСНОВА (вздыхнувъ.)

Простенькой... Ахъ, правду вы говорите.

БАБАЕВЪ.

Ну, вотъ я тебѣ сказалъ, что я чувствую. Что же ты мнѣ не скажешь?

КРАСНОВА.

Да что мнѣ говорить-то! Не умѣю я. Я бы можетъ-быть больше вашего насказала. Да и зачѣмъ говорить, — вы сами знаете.

БАБАЕВЪ.

То-есть я, можетъ-быть, и догадываюсь, да только...

КРАСНОВА.

Ну что: «да только»? Вотъ и нечего сказать-то!

БАБАЕВЪ.

Нѣтъ, есть что. Я догадываюсь, да только проку-то изъ этого мнѣ мало. (*Молчаніе.*) Ты мнѣ сама скажи, что ты меня любишь! Ну, что же, Таня?

КРАСНОВА.

Что вамъ?

БАБАЕВЪ.

Любишь ты меня? (*Молчаніе.*) Любишь? А?

КРАСНОВА (потупившись.)

Ну, да.

БАБАЕВЪ.

Очень? (*Молчаніе.*) Что же ты молчишь? Очень любишь?

КРАСНОВА.

Да.

БАБАЕВЪ.

А въ деревню поѣдешь со мной?

КРАСНОВА.

Ахъ, отстаньте вы отъ меня!

БАБАЕВЪ.

Ну, не надо въ деревню. Мы вотъ что сдѣлаемъ: я найму здѣсь

въ городѣ квартиру и черезъ недѣлю буду приѣзжать сюда. Ты на это согласна?

Согласна. КРАСНОВА.

БАБАЕВЪ.

Ну, вотъ видишь, душенька, Танечка, я на все для тебя готовъ.

КРАСНОВА.

Вижу.

БАБАЕВЪ,

А ты? (*Молчаніе.*) Что же молчишь?

КРАСНОВА.

А уговоръ.

БАБАЕВЪ.

Какой уговоръ?

КРАСНОВА.

Вчерашній. Помните, тамъ на берегу.

БАБАЕВЪ.

Нужно очень помнить! Да и не было никакого уговора.

КРАСНОВА.

Безстыдникъ вы, безстыдникъ! Нешто можно забывать такъ скоро!

БАБАЕВЪ.

Не хочу я знать никакихъ уговоровъ. (*Обнимаетъ ее и цѣлуетъ.*)

КРАСНОВА (*встаетъ.*)

Ахъ оставьте пожалуйста!

БАБАЕВЪ.

Какъ «оставьте»? Что значить «оставьте»?

КРАСНОВА.

Тоже и значить, что оставьте.

БАБАЕВЪ.

Что за капризы?

КРАСНОВА.

Никакихъ капризовъ, только вы пожалуйста, подальше.

БАБАЕВЪ.

Если ты станешь такъ капризничать, я вѣдь уѣду. Брошу и дѣло, за которымъ приѣхалъ, да сейчасъ и уѣду.

КРАСНОВА.

Пожалуй, уѣжайте.

БАБАЕВЪ.

Я вѣдь не шучу. Карпъ! (*Входитъ Карпъ.*) Собирайся ѣхать и потомъ за лошадыми сходи!

КАРПЪ.

Слушаю-съ.

КРАСНОВА.

Такъ вы вотъ какъ? Ну такъ Богъ съ вами! Прощайте! (*Убѣждаетъ.*)

КАРПЪ.

Что же, сударь, собираться прикажете?

БАБАЕВЪ.

Куда собираться! Надоѣлъ, братецъ! (*Подходить къ окну.*) Ужь не домой ли онѣ ушли?

КАРПЪ.

Не уйдуть-съ.

БАБАЕВЪ.

Не твое дѣло! Пошолъ вонъ! (*Карпъ уходитъ, входитъ Жмигулина.*)

ЯВЛЕНИЕ V

БАБАЕВЪ и ЖМИГУЛИНА.

ЖМИГУЛИНА.

Сестра просила вамъ сказать, чтобъ вы погодили уѣзжать. Теперь у хозяйки сидитъ одна знакомая женщина; такъ вы сами понимаете, что пройти къ вамъ неловко. А когда она уйдетъ, сестра зайдетъ къ вамъ. Ей нужно объ чемъ-то съ вами поговорить.

БАБАЕВЪ.

Вы милы, Лукерья Даниловна!

ЖМИГУЛИНА.

Что-то ушамъ не вѣрится! Ужь отъ васъ ли я слышу такіе комплименты! (*Присѣдаетъ.*)

(Занавѣсъ.)

ДѢЙСТВІЕ III

ЛИЦА

КРАСНОВЪ. КРАСНОВА. ЖМИГУЛИНА. АРХИПЪ. АФОНЯ.

Комната первой сцены второго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I

КРАСНОВА (на кровати), ЖМИГУЛИНА (входитъ).

ЖМИГУЛИНА.

Таня, спишь ты?

КРАСНОВА.

Нѣтъ.

ЖМИГУЛИНА.

Ну такъ вставай! Что валяешься цѣлый день! Все утро лежала и теперь лежишь.

КРАСНОВА.

Зачѣмъ вставать-то! Что дѣлать-то!

ЖМИГУЛИНА.

Диви бы спала, а то лежишь да плачешь, только сердце надърываешь. Лучше встань, да потолкуемъ!

КРАСНОВА (встаетъ.)

Ишь ты день-то сегодня какой невеселый, пасмурный! (*Садится.*) Безалаанная моя головушка! Что только я надъ собой сдѣлала! Зачѣмъ я замужь пошла! Утопила я себя, просто утопила.

ЖМИГУЛИНА.

Кто жъ его зналъ! Женихомъ-то онъ былъ тише воды, ниже травы; а теперь точно что нашло на него. Я вѣдь вчера думала, онъ шутить, что на полчаса намъ сроку-то даль.

КРАСНОВА.

Да и я тоже думала. Кабы ты посмотрѣла, какъ онъ накинулся,

какой страшный сдѣлался. А нынче все утро косился, ушолъ не простившись; вотъ и обѣдать не приходилъ.

ЖМИГУЛИНА.

Что же онъ тебѣ говорилъ, какъ вы вчера одни-то остались?

КРАСНОВА.

Онъ и ругалъ ругательски, и въ чувство-то ударялся, и самъ плакалъ; чего, чего недѣлалъ! За всю мою любовь къ тебѣ, говоритъ, одного я прошу, успокой ты меня, потомучто я ревнивъ.

ЖМИГУЛИНА.

Вотъ еще наказаніе-то!

КРАСНОВА.

Ни къ кому, говоритъ, я тебя не ревную, только къ одному этому барину.

ЖМИГУЛИНА.

Еще бы онъ ко всякому ревновалъ; вотъ бы одолжилъ.

КРАСНОВА.

Когда онъ уѣдетъ, говоритъ, что хочешь дѣлай, и ходи, куда хочешь; а вотъ за то, что ты меня не послушалась, такъ не смѣй ты черезъ порогъ переступать, пока онъ совѣмъ не уѣдетъ изъ города.

ЖМИГУЛИНА.

Ну чтожъ ты ему на это?

КРАСНОВА.

Онъ кричить, а я все молчу, все молчу; только ужъ очень мнѣ обидно, что онъ надо мной такую власть взялъ. Прежде лисой прикидывался, а теперь, на-ко, вздумалъ командовать, да свои мужицкія грубости говорить. Ему вотъ ничего, что онъ меня обидѣлъ, а я нынче цѣлый день плакала. Вѣдь ужъ онъ меня хотъ зарѣжь, а я его любить не буду. Еще дай онъ мнѣ волю, такъ я бы хотъ какое-нибудь чувство къ нему имѣла; а теперь на зло буду все напротивъ дѣлать; хотя бы я и вановата была передъ нимъ, я и за вину не сочту; надо же мнѣ ему чѣмъ-нибудь вымѣстить. Чтожъ, не драться же мнѣ съ нимъ: у меня силы не хватитъ противъ него.

ЖМИГУЛИНА.

Извѣстно. Онъ будь тѣмъ доволенъ, что ты за него замужъ-то пошла; а то еще вздумалъ надъ поведеніемъ наблюдать.

КРАСНОВА.

Да и какъ я его боятся стала со вчерашняго дня. То-есть не повѣришь ты, такъ вся и задрожу, какъ онъ на меня взглянетъ.

Кв. I. — Отд. I.

6

ЖМИГУЛИНА.

Ну, какъ же ты теперь думаешь?

КРАСНОВА.

Да какъ думать—то! Ужь очень у меня въ головѣ—то запутано. Какъ ни кинь, все дурно. За кусокъ хлѣба продала я свою молодость немилому человѣку, и день ото дня онъ мнѣ все протѣвнѣй становится.

ЖМИГУЛИНА.

Какъ не опротивѣть послѣ такихъ пассажевъ съ его стороны. Особенно какъ посравнить кой съ кѣмъ. Тотъ кавалеръ, какъ быть слѣдуетъ, во всей формѣ.

КРАСНОВА.

Ну, вотъ чтожъ мнѣ теперь дѣлать—то! Кабы я могла равнодушно отстать отъ Валентина Павлыча, я была бы этому очень рада. Да видно объ этомъ надо было прежде подумать, да пораньше хватиться; а теперь ужь поздно. Силъ моихъ не хватить.

ЖМИГУЛИНА.

Вѣдь и онъ тебя чрезвычайно какъ любитъ, Таня.

КРАСНОВА.

Ну такъ чтожъ! Богъ бы съ нимъ. То—то вотъ ума—то у насъ нехватаетъ, а послѣ и плачься. Мнѣ еще маменька—покойница говорила: смотри, дѣвка, погубить тебя простота твоя.

ЖМИГУЛИНА.

Вѣдь тебѣ чай съ нимъ повидаться надо? Онъ я думаю ждетъ.

КРАСНОВА.

Ну да, само собою. Кабы моя была воля, такъ и полетѣла бы къ нему.

ЖМИГУЛИНА.

Такъ надо умомъ раскинуть, какъ бы намъ эту статью обработать.

КРАСНОВА.

Сколько я ни ломала голову, ничего не придумала.

ЖМИГУЛИНА.

Вотъ что, Таня! Тебѣ надо мужа обмануть.

КРАСНОВА.

Какимъ манеромъ?

ЖМИГУЛИНА.

Нашей сестрѣ безъ хитрости никакъ жить нельзя. потому мы слабый полъ, со всѣхъ сторонъ обиженный.

КРАСНОВА.

Какія же хитрости? Ты меня научи!

ЖМИГУЛИНА.

Теперь ты съ мужемъ, какъ кошка съ собакой, такъ поневоля въ его башку—то придетъ, что значить ты его не любишь, а любишь другого.

КРАСНОВА.

Ну какъ же съ этимъ быть?

ЖМИГУЛИНА.

А ты переломи себя. Принеси ему покорность, мужики это любить. Притворись передъ нимъ, что ты влюблена въ него, нагороди ему турусы на колесахъ, онъ уши—то и развѣситъ. Приласкайся къ нему хорошенько разными ласками, — это ему вдиковинку.

КРАСНОВА.

Я должна буду противъ сердца говорить.

ЖМИГУЛИНА.

Такъ чтожь за бѣда! Почемъ онъ знаетъ что у тебя на сердцѣ. Пешто ему понять, что притворное обращеніе, что настоящее. Ты посмотри, послѣ такихъ твоихъ деликатностей, онъ такъ въ тебя вѣрится, что ты хоть въ глазахъ у него амурничай, онъ и то не будетъ замѣчать.

КРАСНОВА.

Вдругъ надъ собой такой перемѣны не сдѣлаешь.

ЖМИГУЛИНА.

Непремѣнно вдругъ. Чегожь тебѣ дожидаться—то!

КРАСНОВА.

Онъ теперь на меня дуетъ; какъ къ нему подойдешь! Не прощенья же у него просить!

ЖМИГУЛИНА.

Зачѣмъ прощенья! (*Подумавъ.*) А ты вотъ какъ сдѣлай: поговори ты дѣду, Архипу, что хочешь съ мужемъ помириться, чтобы промежду васъ никакихъ неудовольствіевъ не было, что ты мужа любишь и для тебя оченно чувствительно, что онъ тебя обижаетъ.

КРАСНОВА.

Чтожь, я пожалуй.

ЖМИГУЛИНА.

Мнѣ какъ хочешь! Я для твоей пользы говорю.

КРАСНОВА.

Поди, приведи дѣдушку, онъ въ саду сидитъ. (*Жмигулина уходитъ.*) Что значить, коли женщина съ умомъ—то! Хоть бы и по-

правился кто, такъ она никому виду не подасть. Мужа такъ ободеть, что онъ въ ней и души не чаеъ. А безъ ума-то и попадешься сейчасъ. (*Жмигулина вводитъ Архипа.*)

ЯВЛЕНИЕ II

КРАСНОВА, ЖМИГУЛИНА, АРХИПЪ

АРХИПЪ.

На что я вамъ? Какія такія у васъ дѣла до меня? Татьяна, ты здѣсь, чтоль?

КРАСНОВА.

Здѣсь, дѣдушко.

АРХИПЪ.

Вотъ Лукерья ведетъ меня да говоритъ: «дѣдушко, Архипъ, дѣло есть!» Что, думаю, за дѣла такія до меня стараго!

ЖМИГУЛИНА.

Да вотъ, дѣдушко, сестра на мужа обижается.

АРХИПЪ.

Ну такъ чтожь! Промежду мужемъ и женой кто жъ судья! Пусть какъ хотятъ, такъ и живутъ.

КРАСНОВА.

Что за радость такъ-то жить! Лучше бы жить въ согласіи.

АРХИПЪ.

Такъ зачѣмъ же дѣло стало? Ну, живите въ согласіи! Кто жъ вамъ мѣшаетъ!

ЖМИГУЛИНА.

Вотъ видишь ты: у него очень грубое обращеніе, а мы къ этому не привыкли.

АРХИПЪ.

Погоди ты, не таранти! У ней самой языкъ есть. Говори ты, Татьяна!

КРАСНОВА.

Мужъ теперь на меня сердится и не глядитъ совсѣмъ; онъ думаетъ, что я его нелюблю, такъ это онъ ошибается.

ЖМИГУЛИНА (*дѣлаетъ знаки Красновой, чтобы та говорила*).

Она только его характеру боится.

КРАСНОВА.

Я его люблю, какъ по закону слѣдуетъ. Если онъ про меня что

дурное думаетъ, такъ напрасно. Развѣ я могу промѣнять его на кого-нибудь. Ни въ жизнь этого не сдѣлаю.

ЖМИГУЛИНА.

Ещебы! Этакого распрекраснаго человѣка. Развѣ она не чувствуетъ.

КРАСНОВА.

Если я была въ чемъ передъ нимъ виновата, ну побранилъ, да и будетъ. Только будь онъ со мной ласковъ, а ужъ я-то всякое уваженіе ему сдѣлаю. Такъ буду угождать, что онъ и не ожидаетъ.

ЖМИГУЛИНА.

Она и мнѣ сколько разъ говорила: я мужа очень люблю, даже очень.

АРХИПЪ.

Да что вы другъ за другомъ такъ и погоняете! Сговорились вы чтоли?

ЖМИГУЛИНА.

Да какъ же мнѣ молчать-то! Развѣ мнѣ пріятно видѣть, что сестра, которую я даже обожаю, живетъ съ мужемъ не въ согласіи. *(Дѣлаетъ знаки Красновой.)*

КРАСНОВА.

Такъ вотъ, дѣдушко Архипъ, я и хочу тебя попросить, чтобъ ты поговорилъ мужу...

АРХИПЪ.

Постойте! Постойте! Дайте срокъ, не сбейте съ ногъ! Ты говоришь, что мужъ на тебя сердится? Значить ты виновата?

КРАСНОВА.

Велика ли моя вина!

АРХИПЪ.

Ну да велика ли, мала ли, а все виновата. Самой тебѣ значить покориться нехочется, стыдно, вотъ ты и просишь меня. Такъ, чтоли?

КРАСНОВА.

Такъ, дѣдушко Архипъ.

АРХИПЪ.

Отъ сердца ты говоришь, аль такъ, только слова одни?

КРАСНОВА.

Отъ сердца, дѣдушко.

АРХИПЪ.

Ну, мнѣ чтожъ! Мое дѣло сторона. Лжешь, такъ Богу отвѣтишь! А я поговорю. Отчего не поговорить! Будетъ согласіе, такъ вѣкъ намъ будетъ любо.

ЖМИГУЛИНА.

Ты ему сегодня поговори.

АРХИПЪ.

Какъ придетъ, такъ и поговорю. (*Входитъ Афоня.*)

ЯВЛЕНИЕ III

КРАСНОВА, ЖМИГУЛИНА, АРХИПЪ, АФОНЯ.

АРХИПЪ.

Кто вошелъ?

АФОНЯ.

Я, дѣдушко Архипъ.

АРХИПЪ.

У насъ нынче праздникъ, Афоня. Вонъ Татьяна хочетъ съ мужемъ въ ладу жить, покориться ему хочетъ.

АФОНЯ.

Покориться? Покориться? Не вѣрь, дѣдушко Архипъ, обманываетъ.

АРХИПЪ.

Ну полно, что ты!

КРАСНОВА.

Что мнѣ обманывать! Какая корысть!

АФОНЯ.

Аль за умъ взялась, какъ братъ пугнулъ—то хорошенько. Давно-бъ ему пора. Да ужь коли ты взаправду, такъ гордость-то брось. Въ ноги мужу—то, въ ноги кланяйся! Да и намъ всѣмъ, всѣмъ. Всѣхъ ты насъ обидѣла.

ЖМИГУЛИНА (тихо).

Не слишкомъ ли много чести будетъ.

КРАСНОВА.

За что же я буду мужу кланяться?

АФОНЯ.

А за все, что онъ дѣлалъ для тебя. Я самъ видалъ какъ онъ передъ тобой на колѣняхъ становалъ. Стыдъ головушкѣ. (*Закрываетъ лицо руками.*)

ЖМИГУЛИНА.

Чтожъ, коли ему это нравилось.

АФОНЯ.

Не хуже онъ васъ, да кланялся, а теперь ты поклонись. Сними

этотъ стыдъ—то съ него. Не отвалится у тебя голова—то! Да и намъ всѣмъ, и зятю поди поклонись и сестрѣ.

КРАСНОВА.

Ну еще мужу, сколько-нибудь на дѣло похоже, а вамъ—то за что?

АФОНЯ.

А за то, что братъ всѣхъ насъ обидѣлъ за тебя. Съ тебя разладъ—то пошолъ въ семьѣ. Ты ему милѣй всѣхъ стала, милѣй всей родни.

АРХИПЪ.

Угомонись ты! Дай сердцу уходитья! Мы мириться хотимъ, а ты опять ссору заводишь.

ЖМИГУЛИНА.

Вотъ и не мужъ, а какого страху задаетъ! А дайко ему волю—то, такъ и житья отъ него не будетъ.

АРХИПЪ (глядитъ по головѣ Афоню).

Ну, что съ него взыскивать! Онъ больной человѣкъ. (*Входитъ Красновъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VI

КРАСНОВЪ, КРАСНОВА, ЖМИГУЛИНА, АРХИПЪ, АФОНЯ.

ЖМИГУЛИНА (Архипу тихо).

Левъ Радіонычъ пришолъ.

АРХИПЪ.

Никакъ ты, Левъ, не обѣдалъ сегодня.

КРАСНОВЪ.

Некогда было.

КРАСНОВА.

Коли угодно, мы сейчасъ подадимъ.

КРАСНОВЪ (садится къ столу).

Само собою. Ужели—жъ мнѣ неѣмши быть!

КРАСНОВА.

Накрывай, сестра! (*Уходитъ въ кухню. Жмигулина накрываетъ столъ.*)

АРХИПЪ.

Ты, Левъ, въ лавку пойдешь?

КРАСНОВЪ.

Нѣтъ, ужъ я забрался.

Дома чтоль будешь?

АРХИПЪ.

КРАСНОВЪ.

Съ часокъ мѣста побуду, а то надоть за рѣку сходить, деньги получить. (*Краснова вноситъ чашку щей, ставитъ на столъ и уходитъ съ Жмигулиной. Красновъ, съѣвши нѣсколько ложекъ, задумывается.*)

АРХИПЪ.

Левъ! Не вижу я тебя, а словно какъ ты невеселъ пришло?

КРАСНОВЪ.

На что глядя радоваться-то!

АРХИПЪ.

А тужить-то объ чемъ? Что за горе?

КРАСНОВЪ.

Мое горе, дѣдъ, мое. Мое собственное. Мнѣ про то и знать.

АРХИПЪ.

Ну, Богъ съ тобой! Твое горе, тебѣ съ нимъ и вѣдаться. (*Помолчавъ.*) А и то сказать, вѣдъ я тебѣ не ворогъ; хоть и скажешь мнѣ, такъ бѣды не будетъ. Да и жилъ-то я не съ твое и горя-то видалъ побольше, можетъ еще что и на пользу скажу.

КРАСНОВЪ.

Не такое дѣло, дѣдъ, чтобъ совѣта просить! Ничего ты мнѣ не скажешь.

АРХИПЪ.

Глупый ты, глупый! Почемъ ты знаешь! Аль ты себя умнѣй всѣхъ ставишь!

КРАСНОВЪ.

Да отстань ты! Не до того мнѣ! Ну что пристагъ! (*Стучитъ съ сердцемъ ложкой по чашкѣ. Входитъ Жмигулина, ставитъ на столъ чашку съ кашей и уходитъ.*)

АРХИПЪ.

Жена-то умнѣй тебя, право умнѣй.

КРАСНОВЪ.

Кабы умна была, такъ бы слушалась мужа.

АРХИПЪ.

Мало-ль чего вѣтъ! На всякій часъ не опасешься! А ты за малость гнѣва не держи. Одна вина не вина, и двѣ вины — полвины; три вины — вина.

КРАСНОВЪ.

Какова вина! Вина винѣ рознь. За другую вино удавить мало.

АРХИПЪ.

Что больно грозно! Нонѣ за денпой разбой да и то не вѣшаютъ.

КРАСНОВЪ.

И кусокъ-то въ ротъ нейдетъ.

АРХИПЪ.

Эко сердце-то у тебя ретивое! Я началъ было про жену-то, это я неспроста. Она прежде тебя за умъ взялась. (*Красновъ слушаетъ.*) Говорить: «дѣдушко Архипъ, замолви за меня мужу словечко! Я, говорить, его люблю, только его нраву боюсь. Можетъ, онъ что думаетъ на меня, такъ напрасно. Я его ни на кого не промѣняю. Я, говорить, ему всякое угожденіе сдѣлаю, только бы онъ простилъ меня, да не сердился.»

КРАСНОВЪ.

Да это точно?

АРХИПЪ.

Аль ты совсѣмъ рѣхнулся? Врать чтоли я стану на старости лѣтъ. Она бы и сама тебѣ сказала; ей и хочется покориться-то, да видишь ты, стыдно, ну и боится.

КРАСНОВЪ (*встаетъ*).

Дѣдушко Архипъ, пойми ты меня! Вѣдь ты знаешь какъ я ее люблю, нечего тебѣ сказывать! Жили мы съ ней до этого случая ладно, вы всѣ видѣли, души я въ ней не чаялъ. Наѣзжаетъ теперича этотъ баринъ, и вижу я, онъ съ ней разговариваетъ больно слободно, ну и взяло меня за сердце. Вѣришь ты мнѣ, не помнилъ что говорилъ, что дѣлалъ. Какъ пошла это она къ нему, жду я ее полчаса, нейдетъ, жду часъ — нейдетъ, такъ меня лихорадка проняла, зубы у меня застучали. Чего тутъ я, чего не передумалъ! Можетъ я грѣшу, обижаю ее; можетъ у ней и въ умѣ-то ничего нѣтъ; да чтожъ мнѣ дѣлать-то! Жжотъ меня всего огнемъ, вотъ такъ и жжотъ. Обидѣлъ я ее, это точно, да легко ли мнѣ самому-то? Скажи ты мнѣ, что она умерла сейчасъ, — что я надъ собой сдѣлаю, я не знаю, а легче мнѣ будетъ, ничѣмъ у меня ее кто отыметъ. (*Плачетъ.*) Другой денегъ себѣ хочеть, знати, а мнѣ ничего не надо, мнѣ только чтобъ она меня любила. Дай ты мнѣ на выборъ: вотъ молю тебѣ, Красновъ, горы золотыя, палаты царскія, только оставь жену; или вотъ молю тебѣ землянка непокрытая, работа всякая черная, только съ женой жить; я и охъ не молвлю, буду на себѣ воду возить, только бы съ ней быть завсегда. Такъ слушай ты, дѣдушко! Мудрено-ль, что я съ горяча и обидѣлъ ее! Нѣтъ любви, такъ и

сердца нѣтъ. А вотъ ты мнѣ говоришь, что она теперь сама покориться хочетъ! Вѣдь такой радости мнѣ и во снѣ не увидать. Точно у меня гора съ плечъ. Какъ-будто я снова на свѣтъ родился! Ну, дѣдушко Архипъ, спасибо тебѣ! Мертвый я былъ человѣкъ, оживилъ ты меня! То-есть такое мнѣ въ голову лѣзло, что кажется и не замолить вѣбкъ. Близко онъ, окаянный, подлѣ меня ходилъ. Мало того, что въ уши-то шепчетъ, а, и сказать-то грѣхъ (*тихо*), и подъ руку толкаетъ.

АРХИПЪ.

Что ты! На кого?

КРАСНОВЪ.

Ну да ужъ что было, то прошло. Впередъ не дай Богъ этакой муки! Врагу своему не пожелаешь.

АРХИПЪ.

А ты укорачивай сердце-то!

КРАСНОВЪ.

Эхъ, дѣдушко! Радъ бы я укорачивать, да не спохватишься. Въ очахъ у тебя вдругъ смеркается, въ головѣ звенить, за сердце словно кто рукой ухватить, въ умѣ тебѣ только несчастье да грѣхъ представляются. И ходишь какъ полоумный, ничего кругомъ себя не видишь. А вотъ теперь отошло отъ сердца, такъ и ничего, полегчало, равно и не бывало ничего. (*Входитъ Жмигулина и беретъ чашку со стола.*) А гдѣ же Татьяна Даниловна?

ЖМИГУЛИНА.

Она тамъ, въ кухнѣ.

КРАСНОВЪ.

Зачѣмъ же онѣ въ кухнѣ? Что имъ тамъ дѣлать! Совсѣмъ не ихъ мѣсто въ кухнѣ сидѣть! Позовите ихъ сюда. (*Жмигулина уходитъ*).

АФОНЯ (*тихо Архипу*).

Дѣдушко, будетъ она брату въ ноги кланяться, аль нѣтъ? Коли не будетъ, я уйду.

АРХИПЪ.

Какъ хотятъ, намъ что за дѣло! (*Входятъ Краснова и Жмигулина*).

ЯВЛЕНИЕ V

КРАСНОВЪ, КРАСНОВА, ЖМИГУЛИНА, АРХИПЪ, АФОНЯ.

КРАСНОВА.

Вы меня звали?

КРАСНОВЪ.

Потому собственно. что вамъ въ кухнѣ сидѣть непристойно-сь.

АРХИПЪ.

Я, Татьяна, ему говорилъ; теперь ужъ какъ хочешь сама.

КРАСНОВА.

Левъ Радіонычъ! Если я въ чемъ виновата передъ вами, такъ извините меня. Если вамъ угодно, я вамъ пожалуй въ ноги поклонюсь.

КРАСНОВЪ.

Нѣтъ, зачѣмъ же-сь! Я и такъ могу чувствовать-сь! Нешто я могу васъ допустить до этого, чтобъ вы мнѣ кланялись! Что я тогда буду за человѣкъ!

КРАСНОВА.

Я согласна что угодно сдѣлать, только бы вы на меня не сердились.

КРАСНОВЪ.

Ничего мнѣ-отъ васъ не надобно, кромѣ вашего слова-сь. Вы сказали слово — и конецъ, я вамъ долженъ вѣрить.

КРАСНОВА.

Значить, вы на меня не сердитесь?

КРАСНОВЪ.

Никакого сердца-сь! А что я точно человѣкъ не полированный, сгоряча пошумѣлъ, такъ за это не взыщите, потому любя-сь.

ЖМИГУЛИНА.

Ахъ, полноте! Ктоже на васъ можетъ взыскивать!

КРАСНОВА.

Я ужъ и забыла. Мнѣ не столько обидны были слова ваши, сколько то, что вы сегодня не хотѣли даже и взглянуть на меня.

АРХИПЪ.

Вѣдь помирились, ну и будетъ! Что старыя-то дразги перетряхивать! Вотъ теперь какъ слѣдуетъ поцѣлуйтесь. Такъ все дѣло и пойдетъ своимъ чередомъ.

КРАСНОВА.

За этимъ, дѣдушко, дѣло не станетъ. Я съ моимъ большимъ удовольствіемъ! Я ужъ давно хотѣла, да не знала какъ понравится Льву Радіонычу!

КРАСНОВЪ.

Если вы съ удовольствіемъ-сь, такъ ужъ я вдвое противъ того-сь! (Цѣлуются.)

ЖМИГУЛИНА.

Это только всегда было удивительно видѣть для меня, Левъ Радіонычъ, какъ сестра васъ любить.

КРАСНОВЪ.

Чтожъ тутъ удивительнаго-съ?

ЖМИГУЛИНА.

Я ее, Левъ Радіонычъ, лучше васъ знаю. Она тихаго характера, она не можетъ вамъ всего высказать, а надобно знать что она чувствуетъ.

КРАСНОВЪ.

Тѣмъ для насъ пріятнѣй-съ!

ЖМИГУЛИНА.

Она бы и хотѣла вамъ свою любовь высказать, да отъ робости не можетъ.

КРАСНОВЪ (женѣ).

Чего же меня робѣтъ-съ! Я такой же человѣкъ, какъ и всѣ.

ЖМИГУЛИНА.

Мы ужъ такъ отъ природы.

КРАСНОВЪ (женѣ).

Нѣтъ, ужъ вы сдѣлайте такое ваше одолженіе, вы впередъ меня не бойтесь. Меня совѣсть зазритъ. Что я за пугало.

КРАСНОВА.

Я васъ не буду бояться, Левъ Радіонычъ, я васъ буду любить.

ЖМИГУЛИНА.

Другія изъ нашей сестры вамъ на словахъ всего наскажутъ, чего даже у нихъ и на сердцѣ нѣтъ, а сестра напротивъ.

КРАСНОВЪ.

Такъ мы и будемъ васъ понимать. А то иной разъ не знаешь, какъ къ вамъ и подойти! Понравится ли еще вамъ!

КРАСНОВА.

Вы мнѣ всегда нравитесь.

АФОНЯ.

Пойдемъ, дѣдушко Архинъ, на улицу посидѣть!

АРХИПЪ.

Пожалуй пойдемъ. Теперь у насъ слава-Богу опять совѣтъ да любовь. Хорошо, когда въ домѣ согласіе! Хорошо, дѣтки, хорошо! (Уходя.) Окаянный сквозь землю, Господь по землѣ! (Уходятъ.)

ЖМИГУЛИНА.

Я тутъ залепортовалась, а мнѣ тоже кой-куда сбѣгать надо.
(Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ VI

КРАСНОВЪ, КРАСНОВА.

КРАСНОВЪ (садится на лавку).

Ахъ, Татьяна Даниловна, кабы Богъ далъ намъ съ вами вѣкъ
прожить въ такомъ согласіи, какъ теперича!

КРАСНОВА (сидясь подлѣ него).

Да и проживемъ.

КРАСНОВЪ.

Вѣдь вотъ ежели бы вы завсегда съ такой лаской, такъ изъ
меня хотъ веревки вей. Вы, Татьяна Даниловна, изъ меня все
лаской можете сдѣлать.

КРАСНОВА (кладетъ ему руку на плечо).

• Да мнѣ ничего не нужно отъ васъ, я всѣмъ довольна. Только вы
не думайте обо мнѣ съ худой стороны. Зачѣмъ вы меня приревновали?

КРАСНОВЪ (обнимая ее).

Ишь ты какая, обидѣлась! (Съ любовью смотритъ на нее.)
Душа ты моя! Что кому дорого, тотъ то и бережотъ. Вѣдь ты мнѣ
дороже всего на свѣтѣ! Ты какая жена-то? У кого такая есть! Ты
на зависть всему городу, нешто я не вижу. Кому захочется такую
жену потерять! Первое дѣло, это все одно что клокъ изъ сердца
вырвать, а второе дѣло, мнѣ смѣшками да укорами проходу не да-
дутъ, со свѣту сживутъ. Я тебя, надо такъ говорить, больше души
своей люблю, и въ помышленіи-то не хотѣлъ бы обидѣть, а вотъ
что ты хочешь, все-таки думается.

КРАСНОВА.

А вы не думайте!

КРАСНОВЪ.

Ну, да теперь шабашъ.

КРАСНОВА (ласкаясь).

Ужъ ты не стыди меня, не наблюдай за мной!

КРАСНОВЪ.

Сказано шабашъ! Цѣлуй-ко ты меня покрѣпче! (Целуются.)

Вотъ такъ! Сказывай ты мнѣ теперь, за что ты меня любишь? За что такое ты можешь ко мнѣ привязку имѣть?

КРАСНОВА.

Такъ, просто люблю, да и все.

КРАСНОВЪ.

Нѣтъ, ты сказывай! Мнѣ лестно это слышать отъ тебя! Хочу я знать, что есть такое во мнѣ, что меня такая красавица полюбила? Аль умомъ, аль чѣмъ тебѣ по праву пришлось?

КРАСНОВА.

Да всѣмъ. Чтожъ, кто про тебя дурное скажетъ! Извѣстно, хорошій человѣкъ.

КРАСНОВЪ.

Ну, а еще что?

КРАСНОВА.

Ты очень добръ, ничего не жалеешь для меня.

КРАСНОВЪ.

Вотъ что! (*Крѣпко обнимаетъ и цѣлуетъ.*) Ну, такъ люби меня больше, еще добрѣй буду. Что ты морщишься? Аль поизмялъ маленько?

КРАСНОВА.

Да ты очень крѣпко.

КРАСНОВЪ.

Ну, да ужъ ау братъ! Ничего не подѣлаешь! Какъ люблю, такъ и обнимаю. Значить отъ души, безъ фальши. Небось, не сахарная, не развалишься.

КРАСНОВА.

Да я ничего.

КРАСНОВЪ.

Вѣдь я знаю, что такъ только. А то на что тутъ жаловаться! За это на нашего брата не сердятся. Такъ, чтоли?

КРАСНОВА.

Самъ знаешь, чтожъ спрашиваешь!

КРАСНОВЪ.

Эка жизнь съ бабой-то хорошей! Малина, просто! Разлюбезное дѣло! Нѣтъ-то ничего на свѣтѣ лучше! И что такое это значить, что вы нашему брату такъ дороги?

КРАСНОВА.

Я не знаю.

КРАСНОВЪ.

Премудрость, право премудрость! Не нашему уму это пони-

мать! Мы знаемъ одно, что... прилѣпился къ женѣ своей, вотъ и все. Прилѣпился, ну и кончено дѣло. Когда я теперича съ тобой самъ другъ, такъ мнѣ хотъ все огнемъ гори! (*Цѣлуетъ ее.*) Сегодня пойду, деньги получу, завтра тебѣ обновку куплю.

КРАСНОВА.

На что! Не надо!

КРАСНОВЪ.

Коли я говорю, что куплю, стало-быть это мое дѣло. Значить, по дѣлу выходить, что надо. Ты свое дѣло знай: утѣшай мужа! А я буду свое знать. (*Взглянувъ на часы.*) Э, да ужъ времени-то много! Надоть идти! А не хотѣлось бы мнѣ теперь отъ тебя уходить.

КРАСНОВА.

Не ходи!

КРАСНОВЪ.

Ой, аль и вправду нейти? Да нѣтъ, что бадоваться-то! Дѣвушка гуляй, а дѣла не забывай! Не приди нынче за деньгами, такъ послѣ недѣлю даромъ проходишь. И какъ далеко идти-то! Чтобъ его!.. За рѣку вѣдь! Съ часъ проходишь, прахъ его по-бери! (*Беретъ картузъ.*) Такъ ты говоришь: погоди!

КРАСНОВА.

Да разумѣется!

КРАСНОВЪ.

Ишь ты какая! (*Обнимаетъ ее.*) Знаю я вашего брата. Ну, да малоль что! А ты вотъ подожди меня часикъ, авось въ часъ-то не умрешь! (*Цѣлуетъ ее.*) Ну, прощай! А то съ тобой пожалуй этакъ и вправду останешься. Вѣдь вы на соблазнъ человѣческой созданы на свѣтъ! (*Идетъ.*)

КРАСНОВА.

Приходи скорѣй!

КРАСНОВЪ.

Какъ скоро, такъ и сейчасъ. Нѣтъ, кромѣ шутокъ, раньше часу не обернешься. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VII

КРАСНОВА (вслѣдъ мужу.)

Ну, прощайте! Насилу-то ушолъ. Несчастливая я, несчастная! Говорятъ, надо любить мужа; а какъ я могу его любить! Грубый,

неотёсанный, ласки медвѣжьи! Сидить, ломается, какъ мужикъ. А тутъ еще притворяйся передъ нимъ, потрафляй ему; противность какая! Вотъ ужъ ничего бы на свѣтъ не взяла, кабы не такое теперь дѣло вышло. Что дѣлать-то! И немилъ, да покоряйся! (*Молчаніе.*) Да куда жъ это всё разошлись? Сиди теперь одна! Такая скука! (*Садится къ окну.*) И народу-то никого нѣтъ на улицъ, поглядѣть не на кого. Куда это сестра дѣлась? (*Запѣваетъ въ полголоса.*)

Ахъ, матушка скучно!
Сударыня грустно!
Сердечушко ноетъ,
Ноетъ завываетъ;
Милъ про то не знаетъ,
Какъ сердце страдаетъ. (*Входитъ Жмигулина.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII

КРАСНОВА и ЖМИГУЛИНА.

ЖМИГУЛИНА.

Что, ушолъ?

КРАСНОВА.

Ушолъ.

ЖМИГУЛИНА.

Далеко ли?

КРАСНОВА.

За рѣку.

ЖМИГУЛИНА.

Долго проходить?

КРАСНОВА.

Говорить: ближе часу не вернусь.

ЖМИГУЛИНА.

Вотъ бы и сбѣгала. Я сейчасъ тамъ была, — онъ дожидается. Сегодня ѣдетъ.

КРАСНОВА.

Неужели сегодня? Какъ же это быть-то, Луша, голубушка! Не сказалъ вѣдь. Повидала-бъ я его.

ЖМИГУЛИНА.

Возьми мой платокъ, покройся хорошенько. Ишь, на дворъ-то совсѣмъ какъ сумерки, никто тебя не узнаетъ.

КРАСНОВА.

Не было бы бѣды?

ЖМИГУЛИНА.

Волка бояться — въ дѣсь не ходить. Далекъ ль тутъ, мигомъ до-
бѣжишь. Только не засиживайся!

КРАСНОВА.

Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно. (*Покрывается платкомъ.*)

ЖМИГУЛИНА.

То-то жъ, смотри! Сохрани Господи, Левъ Радіонычъ раньше
тебя придетъ. Что мнѣ тогда дѣлать! Развѣ сказать, что за нитка-
ми молъ пошла къ знакомой. Хорошо какъ повѣрить. Ты что
тутъ съ нимъ одна-то говорила?

КРАСНОВА.

Что говорила, не знаю, что теперь дѣлаю не помню.

ЖМИГУЛИНА.

Ну, бѣги, бѣги! (*Краснова уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX

ЖМИГУЛИНА и (потомъ) **АФОНЯ.**

ЖМИГУЛИНА (у окна.)

Ишь пустилась! Какъ стрѣла летитъ. А гдѣ бы ей придумать,
кабы не я. Вотъ и собой хороша, да какъ ума-то нѣтъ, тоже пло-
хо. Всему-то ее научи; смотри за ней, какъ за малымъ ребенкомъ.
Не научи я съ мужемъ помириться, что бы было? Ссора да брань.
Она бы пожалуй уступить не захотѣла; ну, значить, поминутно
въ домъ страженіе, а отъ сосѣдей мараль. А теперь, что хочешь,
дѣлай: все шито да крыто будетъ. (*Входитъ Афоня.*)

АФОНЯ.

Гдѣ Татьяна? Гдѣ она, гдѣ она?

ЖМИГУЛИНА.

Зачѣмъ она тебѣ понадобилась?

АФОНЯ.

Нужно мнѣ. Говори, гдѣ? Говори, гдѣ?

ЖМИГУЛИНА.

Въ саду должно быть.

АФОНЯ.

Что ты меня дурачишь! Скажи хоть разъ въ жизни правду!
Ушла она? Говори, ушла?

ЖМИГУЛИНА.

Можетъ быть и ушла.

АФОНЯ.

Это она чтоли сейчасъ въ ворота шыгнула?

ЖМИГУЛИНА.

Должно быть она. Не за нитками ли пошла! Она давно хотѣла къ сосѣдкѣ сбѣгать.

АФОНЯ.

За нитками?

ЖМИГУЛИНА.

Ну да, за нитками.

АФОНЯ.

Ты врешь, врешь!

ЖМИГУЛИНА.

Да отвяжись! Что ты присталъ! Ты что дѣда-то бросилъ!

АФОНЯ.

Не твое дѣло. Я знаю куда она пошла. Вы дьяволы! Вы обманули брата. Я давеча колѣнямъ по вашимъ видѣлъ: у васъ огни въ глазахъ бѣгали, дьявольскіе огни.

ЖМИГУЛИНА.

Экой ты эхидный мальчишка!

АФОНЯ.

Такъ погодите жъ вы, погодите! Будетъ вамъ насъ обманывать, выведу я васъ на свѣжую воду.

ЖМИГУЛИНА.

Не пугай! Не очень тебя боятся.

АФОНЯ (со слезами.)

Господи Боже мой! Что это такое! Какого человѣка въ глаза обманываютъ! (Убѣгаетъ.)

(Занавѣсъ.)

ДѢЙСТВІЕ IV

СЦЕНА I

ЛИЦА

ЗАЙЧИХА. КУРИЦЫНА. АФОНЯ. БАБАЕВЪ. КРАСНОВА.

(Улица передъ домомъ Зайчихи. Сумерки).

ЯВЛЕНИЕ I

КУРИЦЫНА и ЗАЙЧИХА (входятъ изъ калитки.)

ЗАЙЧИХА.

И, матушка, что ты! что ты! Какъ можно! Брось, не думай! Тебѣ такъ показалось. Ужь повѣрь ты мнѣ, что показалось.

КУРИЦЫНА.

Толкуй, показалось! Я еще слава-богу не ослѣпла. Ее-ль не узнать! Да я ее сейчасъ изъ тысячи выберу по платью. У насъ вѣдь одна модница-то только и есть; мы по праздникамъ того не надѣваемъ, въ чемъ она по буднямъ ходитъ. Мы это съ тобой изъ двери, а она къ нему въ дверь.

ЗАЙЧИХА.

Говорю тебѣ, ошиблась. Оно точно, что не безъ грѣха. Есть тутъ одна, бѣгаетъ къ нему, и похожа на вашу-то, а не она. Мнѣ что! Развѣ бы я не сказала. Да коли неправда, такъ зачѣмъ пустяки говорить.

КУРИЦЫНА.

Ты вѣдь потаччица.

ЗАЙЧИХА.

Не грѣши, Уляша, не грѣши!

КУРИЦЫНА.

-Да что за грѣхъ, Прокофьевна! Отъ нея станется; я ее знаю.

Больно ей братъ волю далъ. На другую-бъ я не подумала, а на нее и грѣха нѣтъ. Не нынче, такъ завтра начнетъ петли метать, что и концовъ не найдешь. Она брату-то очки на носъ надѣнетъ. А вѣдь какъ она меня разобидѣла, кабы ты знала.

ЗАЙЧИХА.

Ужли?

КУРИЦЫНА.

Съ мѣста не сойти! Брата настроила, тотъ такъ и рычитъ на меня. Знать, говорить, тебя не хочу. Вотъ она какая. Да нѣтъ, погоди милая! Со мной не съ кѣмъ другимъ.

ЗАЙЧИХА.

И, полно ты! Что вамъ дѣлать-то! Она у себя хозяйка, ты у себя.

КУРИЦЫНА.

Да пропадай она пропадомъ: мнѣ до ней-то и дѣла нѣтъ; а то обидно, Прокофьевна, что она брата мутитъ, со всей родней его ссорить.

ЗАЙЧИХА.

Ну, ужъ это ваше дѣло; какъ-нибудь сочтетесь. Ты теперь домой, чтоли?

КУРИЦЫНА.

Домой, касатка; ужинать пора. Мой привередникъ-то теперь чай ходить да покрикиваетъ. Заходи къ намъ-то!

ЗАЙЧИХА.

Ваши гости. *(Цѣлуются. Прокофьевна уходитъ въ калитку.)*

ЯВЛЕНИЕ II

КУРИЦЫНА и (потомъ) АФОНЯ.

КУРИЦЫНА.

Кто ее знаетъ, вретъ Прокофьевна или нѣтъ. Вѣрить-то ей нельзя, баба-то плутъ. А дорого-бъ я дала, чтобъ мнѣ узнать доподлинно, она теперь у барина или нѣтъ. Нешто подождать? А какъ она тутъ долго, такъ мужъ-то мнѣ такую гонку задастъ, что до новыхъ вѣнниковъ не забудешь. Ну, счастлива ты, что мнѣ некогда, а то подстерегла бы я тебя. *(Идетъ. На встрѣчу ей Афоня.)* Афоня, ты куда?

АФОНЯ.

Поди, не трожь меня! Не трожь!

КУРИЦЫНА.

Татьяна дома?

АФОНЯ.

Нѣтъ, ушла.

КУРИЦЫНА.

Такъ она тутъ, у барина, я ее сейчасъ видѣла.

АФОНЯ.

У барина? Господи! Гдѣ же стыдъ-то въ людяхъ!

КУРИЦЫНА.

Ну, я домой побѣгу, скажусь мужу, да и къ вамъ зайду. (*Уходя.*) Погоди братецъ, погоди обидчикъ, я теперь тебя отчитаю. (*Уходитъ.*)

АФОНЯ.

Батюшки! Силъ моихъ нѣтъ! Какъ тутъ жить на свѣтѣ! За грѣхи это надъ нами! Ушла отъ мужа къ чужому. Безъ куска хлѣба въ углу сидѣла, мы ее призрѣли, нарядили на свои трудовыя деньги! Братъ у себя урываетъ, отъ семьи урываетъ, а ей на тряпки даетъ, а она теперь съ чужимъ человѣкомъ ругается надъ нами за нашу хлѣбъ-соль. Тошно мнѣ! Смерть моя! Не слезами я плачу, а кровью. Отогрѣли мы змѣю на своей груди. (*Прислоняется къ забору.*) Буду ждать, буду ждать Я ей все скажу, все что на сердцѣ накопѣло. (*Изъ калитки выходятъ Бабаевъ и Краснова. Афоня прячется за уголъ.*)

ЯВЛЕНИЕ III

АФОНЯ, БАБАЕВЪ, КРАСНОВА.

БАБАЕВЪ.

Чего ты боишься! на улицѣ ни души. И куда ты торопишься, получасу нѣтъ, какъ ты пришла.

КРАСНОВА.

Нѣтъ, нѣтъ! Все какъ-то сердце не на мѣстѣ.

БАБАЕВЪ.

Что у тебя за страхъ такой, я не понимаю. Ну, побранить мужъ, да тѣмъ дѣло и кончится.

КРАСНОВА.

Вотъ тогда я тоже опоздала; какой онъ страшный сдѣлался, такъ и думала, убьетъ. Страшенъ онъ мнѣ, очень страшенъ! (*Молчаніе.*) Ты скоро опять прийдешь?

БАБАЕВЪ.

Черезъ недѣлю, а ужь много дней черезъ десять.

КРАСНОВА.

Эхъ право! какъ это такъ сдѣлалось! Вѣдь вотъ кабы по душѣ-то судить: ты въ деревню — и я въ деревню, ты въ Петербургъ — и я за тобой.

БАБАЕВЪ.

Вѣдь я тебя звалъ съ собой.

КРАСНОВА.

Тебѣ хорошо, ты свободный человѣкъ, а я теперь все равно что въ крѣпости. Вотъ оно мое горе-то! Да и то ужь не разъ мнѣ въ голову приходило, какъ бы къ тебѣ убѣжать.

БАБАЕВЪ.

И отлично.

КРАСНОВА.

Ты только вздумай какова моя жизнь несчастная: что мужа обманешь, то и поживешь въ удовольствіе. Все обманъ да обманъ! А что хорошаго обманывать-то? да и противно; не такой у меня характеръ. А догадайся мужъ, что я его не люблю, такъ онъ бранью да попреками меня въ гробъ сведетъ. Очень я понимаю, что женой быть ему не могу, и что я въ ихъ семьѣ лишняя, ну и отпустили бы меня на всѣ четыре стороны; а кому ты это растолкуешь, кто пойметъ! Ты посмотри, какіе они всѣ грубые да строгіе, а я къ строгости не привыкла. Что за жизнь, когда воли нѣтъ.

БАБАЕВЪ.

Таня, ты вотъ что сдѣлай! скажи ему прямо, что ты съ нимъ жить не хочешь. Найми съ сестрой квартиру, я вамъ денегъ вышлю.

КРАСНОВА.

Что ты! что ты! и думать нечего. Развѣ онъ отпустить. Хоть умирай, да при немъ, у него на глазахъ; лучше ужь я уйду потихоньку.

БАБАЕВЪ.

Ну, потихоньку.

КРАСНОВА.

Охъ, ужь право не знаю. На словахъ-то всѣ мы бойки, а какъ до дѣла дойдетъ, такъ я разумъ потеряешь, особенно я. Ужь дѣлай ты, какъ знаешь. Что ты мнѣ скажешь, такъ я и буду дѣлать. Вѣдь ты меня любишь, погибели моей не захочешь.

БАБАЕВЪ.

Разумѣется.

КРАСНОВА.

Вотъ правду-то говорятъ, что все мы, бабы, сумашедшія: сама вѣдь замужъ пошла, никто меня не неволилъ, ну такъ и жить бы, какъ по закону слѣдуетъ; а меня вотъ къ тебѣ тянетъ, изъ дому сѣзжать хочу. А ты все виновата, Валентинъ Павлычъ: черезъ тебя теперь я отъ дому отбилась. Кабы не ты, жила-бы какъ-нибудь съ мужемъ, покрайности бы горя не знала.

БАБАЕВЪ.

Прекрасная жизнь! есть о чемъ жалѣть!

КРАСНОВА.

А теперешняя жизнь нешто хороша! Конечно я не должна тебя много винить, потомучто сама кругомъ виновата. Вамъ что думать! ваше дѣло мужское, никто тебя не осудитъ, а намъ за все про все бѣда. Ну, да что дѣлать! Теперь поздно разбирать кто правъ, кто виноватъ, а видно такъ надобно было этому дѣлу случиться. Только ты не обмани меня, приѣзжай!

БАБАЕВЪ.

Ну полно, что ты! Непремѣнно приѣду.

КРАСНОВА (цѣлуетъ его).

Прощай! пора мнѣ! Что это какъ я вся трясусь, ноги такъ и подламываются.

БАБАЕВЪ.

Ты успокойся немного. Пойдемъ, я съ тобой погуляю по берегу; еще успѣешь домой вовремя придти. (*Уходятъ*).

АФОНЯ.

Вотъ братъ Лѣвъ, на кого ты насъ промѣнялъ! погляди, полюбуйся! Кто тебя любить-то душою, такъ ты на того звѣремъ смотришь; я сохну, какъ свѣчка таю все изъ любви да изъ жалости къ тебѣ, а еще ни разу отъ тебя добраго слова не слыхалъ. Въ женѣ ты души не чаялъ, а она, злодѣйка наша, вотъ что дѣлаетъ! Нѣтъ на свѣтѣ правды, нѣтъ! (*Уходитъ*).

СЦЕНА II

ЛІЦА

КРАСНОВЪ. КРАСНОВА. ЖМИГУЛИНА. АРХИПЪ. АФОНЯ. КУРИЦЫНЪ.
КУРИЦЫНА.

(Комната третьяго дѣйствія).

ДВЛЕНІЕ I

ЖМИГУЛИНА (входитъ со свѣчей и ставитъ ее на столъ), потомъ
АФОНЯ.

ЖМИГУЛИНА.

Что это Таня неидетъ! ужь пора бы. Эка сумашедшая! рада, что вырвалась, а того не подумаетъ, что вдругъ сверхъ всякихъ ожиданій мужъ вернуться можетъ. Вотъ и вертись, какъ на иголахъ. Только кто за дверь, такъ сердце и упадетъ. Каждая минута за годъ кажется. Афонька еще меня беспокоитъ. Куда онъ дѣлся? ужь не ее-ль стережетъ? Конечно противъ cadaго его слова можно найти десять отговорокъ, а все-таки пожалуй сумленіе наведетъ. Ахъ, кто-то идетъ, неужто самъ! сохрани Господи! Я кажется такъ тутъ и умру. (Входитъ Афоня, и охая ложится на лежанку). Ты гдѣ былъ?

АФОНЯ.

Гдѣ былъ, тамъ нѣту.

ЖМИГУЛИНА.

Да говори, авось языкъ-то не отвалится.

АФОНЯ.

Не хочу я съ тобой говорить.

ЖМИГУЛИНА (ласково).

Аль тебѣ, Афоня, нездоровится?

АФОНЯ.

О, Господи! не трогайте меня, не трогайте! Не обманешь ты меня.

ЖМИГУЛИНА.

Очень нужно тебя обманывать!

АФОНЯ.

Брата обманывайте, а меня не обманете. Нѣтъ, нѣтъ.

ЖМИГУЛИНА.

Ты что-то такое говоришь довольно-странное для меня.

АФОНЯ.

Охъ, моченьки моей нѣтъ. Отойди! не вертись ты на моихъ глазахъ, не мучь ты меня.

ЖМИГУЛИНА.

Тебѣ-жъ хуже, когда ты ласки не умѣешь понимать.

АФОНЯ.

Не надо мнѣ, ничего не надо.

ЖМИГУЛИНА.

Ну, такъ и знай свою печку. Ты думаешь мнѣ нужно? такъ вѣдь, изъ жалости (*молчаніе*). Эка безумная, эка безумная! У меня сердце не на мѣстѣ. (*Входитъ Красновъ*).

ЯВЛЕНИЕ II

ТѢЖЕ и КРАСНОВЪ.

КРАСНОВЪ.

Вотъ и я какъ-разъ. Каково обернулъ! Я надъ Татьяной Даниловой пошутилъ малость: ждите, говорю, черезъ часъ, а самъ черезъ полчаса тутъ какъ тутъ, чтобы значить неожиданно. Оставляя чай пить, да я не остался. Эка невидаль чай, говорю ему, у меня дома молодая жена дожидается. Да гдѣ-жъ онѣ-съ?

ЖМИГУЛИНА.

Да не знаю. Тутъ гдѣ-нибудь. Не въ садъ ли вышла?

КРАСНОВЪ.

Пошлите ихъ поскорѣй, я имъ хочу за нынѣшнее ихъ уваженіе подарочекъ сдѣлать.

ЖМИГУЛИНА.

- Сейчасъ, сейчасъ. (*Уходитъ*).

КРАСНОВЪ (*ходитъ молча, потомъ разсуждаетъ самъ съ собою*).

Пятьдесятъ семь рублей, шесть съ костей, три на кости, девять Петру Ананьеву. (*Молчаніе*). Что же онѣ пропали? (*Ходитъ молча*). Афоня, ты не знаешь куда вышла жена?

АФОНЯ.

Не знаю. Охъ, не можется мнѣ.

КРАСНОВЪ.

Да чтоже онѣ проклажаются! (*Подходитъ къ двери*). Татьяна Даниловна! Лукерья Даниловна! И голосу не подають. Что же это такое теперича значить? Афонасій! да гдѣ-же жена?

АФОНЯ.

Аль соскучился безъ нея! придетъ, не бойся. Гдѣ ни гуляетъ, а домой придетъ.

КРАСНОВЪ (у двери).

Татьяна Даниловна! (*Входитъ Курицына*).

ЯВЛЕНИЕ III

ТѢЖЕ в КУРИЦЫНА.

КРАСНОВЪ.

Кто это? это ты, Ульяна?

КУРИЦЫНА.

Я, братецъ.

КРАСНОВЪ.

Зачѣмъ?

КУРИЦЫНА.

Навѣстить васъ, братецъ, по родственному.

КРАСНОВЪ.

Небольно-то я нуждаюсь.

КУРИЦЫНА.

У васъ, братецъ, сердце, у меня другое; я такъ вотъ не могу объ роднѣ не вспомнить. Гдѣ невѣстуншка-то?

КРАСНОВЪ.

Да гдѣ-то тутъ запропастилась. Кличу ихъ, да недоключусь.

КУРИЦЫНА.

Да можетъ далеко гдѣ, такъ вашего зову не слышать.

КРАСНОВЪ.

Гдѣ же далеко! Говорятъ тебѣ, что дома.

КУРИЦЫНА.

Кто говоритъ-то? Не сестрица ли Лукерья Даниловна?

КРАСНОВЪ.

Хоша бы и она.

КУРИЦЫНА.

А ты и повѣрилъ. Эхъ ты простота, простота.

КРАСНОВЪ.

Уйди сестра! Уйди отъ грѣха!

- КУРИЦЫНА.

Да ты опомнись, что ты кричишь-то! Я своими глазами видѣла какъ она къ барину прошла.

КРАСНОВЪ.

Эка роденька у меня! Счастье мое имъ поперегъ горла стало. Варварка ты, ненавистница. Убить тебя — мало за языкъ твой, за проклятый. (*Замахивается.*)

АФОНЯ (*встаетъ съ печки.*)

Тише ты, тише! Что буявишь!

КРАСНОВЪ.

Вмѣстѣ васъ обоихъ на одну осину.

АФОНЯ (*заслоня сестру.*)

Не трожь ее, пальцемъ не трожь! Она правду говоритъ, истинную правду.

КРАСНОВЪ.

Врете вы, ненавистники! Часу нѣтъ, говорю я вамъ, часу нѣтъ, мы съ ней тутъ сидѣли, цѣловалися, обнималися, въ глаза другъ другу глядѣли, наглядѣться не могли.

КУРИЦЫНА.

Батюшки, да онъ помѣшался! Ты ума рѣхнулся! Да поди, самъ взгляди, коли намъ не вѣришь.

КРАСНОВЪ (*у двери.*)

Лукерья Даниловна!

КУРИЦЫНА.

Кличь, кличь; и она туда-жъ побѣжала. (*Входитъ Курицынъ.*)

ЯВЛЕНИЕ IV

ТѢЖЕ и КУРИЦЫНЪ.

КУРИЦЫНЪ.

Что шумишь, аль жену учишь? Хорошенько ее, чтобъ она изъ дому не бѣгала.

КРАСНОВЪ.

Да гдѣ же она? Гдѣ же она? Пожаляйте вы меня: вѣдь вы изъ меня жилы тянете.

КУРИЦЫНЪ.

Да авось придетъ ; не ночуетъ же она тамъ.

КУРИЦЫНА.

Да вы, братецъ, успокойтесь, сядьте !

КУРИЦЫНЪ.

Да всё и подождемъ ее, сударушку.

КРАСНОВЪ.

Ласкала, миловала, крѣпко къ сердцу прижимала. (*Краснова тихо входитъ и омыдываетъ всѣхъ.*)

ЯВЛЕНИЕ V

ТѢЖЕ и КРАСНОВА.

КРАСНОВЪ.

Гдѣ была-побывала? Весело-ль погуляла? Говори, не утаивай! Чтожъ молчишь! Говори! Видишь, всё на мой срамъ глядѣть сошлись.

КУРИЦЫНА.

Чтожъ ты молчишь, безстыжіе твои глаза! Отмолчатся что-ль думаешь! Видѣли мы какъ ты и туда прошла и назадъ вышла.

КУРИЦЫНЪ.

Топни, братъ, на нее, топни хорошенько, заговорить.

КРАСНОВЪ.

Да не мучь ты меня! Скажи ты мнѣ, какъ на тебя смотрѣть-то, какими глазами? Врутъ что-ль они; такъ гнать ихъ вонъ, чѣмъ ни понада! Аль можетъ правду говорить? Освободи ты мою душу отъ грѣха. Скажи ты мнѣ, кто изъ васъ врагъ-то мой? Была ты тамъ?

КРАСНОВА.

Что-жъ мнѣ теперь лгать, когда ужъ всё видѣли. Была.

КРАСНОВЪ (потерявшись.)

Ну вотъ, добрые люди, вотъ... вотъ оно дѣло-то! Чтоже теперь? Какъ же я?.. Ну, простите меня окаяннаго, что я васъ обидѣлъ? Какъ чужія жоны — я не знаю, а у насъ вотъ какъ...

КУРИЦЫНА.

Вотъ и посмотримъ теперь на твою спѣсь. Какъ теперь въ люди носъ-то покажешь, безстыдница! Осрамила брата-то у насъ, осрамила!

АФОНЯ.

Змѣя, змѣя!

КУРИЦЫНЪ.

Что на нее смотрѣть-то! Тутъ же ее сейчасъ и разказнить надо
(*Входитъ Архипъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VI

ТѢЖЕ и АРХИПЪ.

АРХИПЪ.

Аль наказанье какое божеское? Что за шумъ? Не пожаръ ли? Не вижу вѣдь.

КУРИЦЫНА.

Да вотъ невѣстушка дѣлъ надѣлала! Кабы я на мѣствѣ брата, такъ бы взяла ее да и разразила.

КРАСНОВЪ.

Прочь, прочь! Никто, никто пальцемъ не тронь! Я ей мужъ, я ей и судья. Ну, скажи мнѣ чтожъ это ты, какъ? Съ чего ты загуляла-то? Грѣхъ чтоли тебя попуталъ; сама ты не гадала этого надъ собой, не чаяла? Или своей охотой чтоли на грѣхъ пошла? Теперь-то ты что? Сокрушаешься объ дѣлахъ своихъ, аль нѣтъ? Аль можеть ты думаешь, что такъ и надо? Говори, что молчишь! Совѣстно тебѣ людей-то теперь, аль весело? Стыдъ-то у тебя есть въ глазахъ, аль рада ты своимъ дѣламъ? Да что ты, каменная чтоли! Ваяйся у всѣхъ въ ногахъ, распинайся! Или ужъ прямо мнѣ въ глаза говори, что ты на зло мнѣ сдѣлала! Чтобы мнѣ знать-то что дѣлать-то съ тобой — жалѣть ли тебя, убить ли тебя? Хоть малость-то ты любила-ль меня; есть ли за что мнѣ хоть пожалѣть-то тебя? Или все ужъ обманывала чтоли, во снѣ чтоли мнѣ снились мои красные дни.

КРАСНОВА (со слезами).

Я виновата, Левъ Радіонычъ, я васъ обманула. Не любила я васъ никогда и теперь не люблю. Ужъ лучше вы меня оставьте, чѣмъ намъ обоимъ мучиться. Лучше разойдемтесь!

КРАСНОВЪ.

Какъ разойтись? Куда разойтись! Нѣтъ, врешь! А на комъ же я свою обиду возьму? Ты говоришь, что не любишь меня и не любила, а я, видишь ты, по городу ходилъ да ломался, что меня барышня любить распрекрасная. На комъ мнѣ этотъ стыдъ теперь

взять? Пошла въ кухню! Не умѣла быть женой, будешь кухаркой! Не умѣла съ мужемъ ходить объ руку, ходи по воду. Ты меня въ одинъ день состарила, и я теперь надъ твоей красотой погуляю! Что ни день, что ни взойдетъ солнце красное, кромѣ тычка на от-машъ да попрека, не дождешься ты отъ меня весь свой вѣкъ; развѣ какъ-нибудь, подъ сердитую руку, убью тебя какъ собаку. Да по-дайте мнѣ ножикъ. (*Краснова убѣзаетъ.*)

АФОНЯ.

Братецъ! Братецъ! Она уйдетъ, уйдетъ сейчасъ.

КРАСНОВЪ.

Не уйти ей отъ меня.

АФОНЯ.

Къ барину уйдетъ. Я слышалъ, какъ они сговаривались уѣхать въ деревню.

КРАСНОВЪ.

Да ктожъ у меня ее возьметъ, коли я ее не отдамъ. Гдѣ это та-кая сила есть на свѣтѣ, которая у меня ее отыметъ. Только развѣ съ руками оторвутъ.

АФОНЯ (*заглядывая въ дверь*).

Братецъ, собирается. Уйдетъ, братецъ!

КРАСНОВЪ (*отталкивая его*).

Прочь! Отъ мужа только въ гробъ, больше никуда. (*Уходитъ. Слышенъ крикъ Красновой «пустите меня!» Возвращается.*) Вяжите меня! Я ее убилъ.

АФОНЯ.

Ништо ей!

КУРИЦЫНА.

Ахъ, голубчикъ! Что теперь съ твоей головушкой будетъ?

АРХИПЪ.

Гдѣ онъ? Гдѣ онъ? Ведите меня къ нему! (*Афоня подводитъ.*) Что ты сдѣлалъ? Кто тебѣ волю далъ! Ништо она передъ тобой однимъ виновата? Она прежде всего передъ Богомъ виновата, а ты гордый, самовольный человекъ, ты самъ своимъ судомъ судить захотѣлъ. Незахотѣлъ ты подождать милосерднаго суда божьяго, такъ и самъ ступай теперь на судъ человѣческой! Вяжите его!

КУРИЦЫНЪ.

Не ждалъ, не гадалъ, а въ бѣду попалъ! Бѣда не по лѣсу ходить, а по людямъ.

А. ОСТРОВСКІЙ

БЪГЛЫЕ ВОРОТИЛИСЬ

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

ИЛЪЯ ТАНЦУРЪ ДОМА

Наступали новыя времена.

Изъ разныхъ мѣстъ юга Россіи и изъ чужихъ краевъ, повидимому безъ всякой причины, стали въ среднія и въ верхнія русскія губерніи возвращаться поодиначкѣ и толпами бѣглые помѣщичьи люди, за годъ и за нѣсколько мѣсяцевъ до изданія положеній о волѣ. Однихъ помѣщиковъ это радовало; другіе въ недоумѣніи пожимали плечами, не понимая, откуда это взялось и что изъ этого будетъ.

Однажды весной, въ концѣ мая, по пути въ тотъ уголъ между Довомъ и Волгой, который населенъ въ давнія времена съ одной стороны украинскими, а съ другой русскими выходцами, шла кучка людей, — два старика и шестеро молодыхъ. Дойдя до каменистыхъ бугровъ, за которыми уже начинались прибрежья Волги, они сдѣлали въ глухомъ овражкѣ послѣдній привалъ, сварили еще разъ общую кашу, закусили и готовились разойтись въ разныя стороны.

— «Пойдемъ къ своимъ господамъ; живы ли они!» сказалъ семидесяти-лѣтній сѣдой сапожникъ Гривенко, тридцать-три года бывший въ бродягахъ въ Бессарабіи и въ Крыму: — «удивятся господа, коли живы, ей-богу!»

— «Возвращаться, такъ возвращаться!» прибавилъ другой старикъ, Шумѣнко, осьмнадцать лѣтъ торговавшій въ Одессѣ у какого-то купца квасомъ по поддѣльному паспорту: — «шабашъ, молодцы! значить пришла пора!»

— «А какъ ты, Илюшка, говоришь про мужика? крикнулъ опять старый бродяга-сапожникъ молодому парню, который всю дорогу умудрился вести на поводу невзрачнаго, хотя жолодого гнѣдого конька: — «какъ ты это про мужика-то говоришь? Да брось коня; усидѣшь еще наглядѣться на него и съ нимъ нацѣловаться!»

Черноволосый Илюшка, рослый, кудрявый, хоть нѣсколько мѣшковатый молодецъ, лѣтъ двадцати-двухъ, къ которому относились эти слова, молча opravилъ дорожную котомку на гнѣдкѣ, погладилъ его, еще разъ opravилъ, вспрыгнулъ на него и сказалъ:

— Вамъ, дѣдушка, все смѣхъ; беззаботная вы голова! А у меня въ головѣ не то... Эхъ! горе на васъ смотрѣтъ!

— Да ты про мужика-то скажи, про мужика, Илько!

— Отчего мужикъ-то дешевъ? спросилъ вехотя Илько.

— Да, да! — И старикъ заранѣе покотился со смѣху.

— Оттого, что глушь!

Собесѣдники громко расхохотались, потомъ замолчали, разомъ всѣ перекрестились, встали отъ ѣды и пошли одни направо, другіе налево. — «Эка мѣста-то, мѣста! Вольница тутъ жила когда-то. И теперь еще какая, глянешь, дичь и глушь!» Такъ говорили, расходясь съ послѣдняго привала по домамъ, возвращавшіеся изъ бѣговъ бродяги.

Илюшка поѣхалъ рысцой на одинъ изъ сосѣднихъ, съ дѣтства знакомыхъ ему холмовъ, поросшій мелкимъ лѣсомъ. Солнце сѣло. Онъ привязалъ лошадь въ кустахъ, взобрался на дерево, осмотрѣлъ еще разъ окрестность, какъ-будто припоминая что-то, давно видѣнное и забытое и пошелъ съ холма дощиною.

На утро и въ послѣдующіе дни нѣкоторые сосѣдніе и дальніе помѣщичьи дома и сельскія конторы были пріятно, а можетъ быть и непріятно изумлены возвратомъ нѣсколькихъ бѣглыхъ бродягъ, изъ которыхъ объ ивыхъ въ родныхъ селахъ исчезла даже всякая память. Тамъ явился, какъ съ того свѣта, тридцать лѣтъ бывшій въ бродягахъ Антошка Крамарь, кузнецъ; тамъ восемь лѣтъ пропадавшій безъ вѣсти поварь, Михей Пунька,

Явились бывшіе въ далекихъ прогулкахъ лакеи, плотники, столары, кучера, ключники, кондитеры и писаря. Иныхъ господа и свои братья дворовые стали съ горячимъ любопытствомъ, хоть и ласково допрашивать: гдѣ были, у кого служили, чѣмъ кормились въ это время, что дѣлали? — Но на все былъ одинъ отвѣтъ: «Гдѣ были, не помнимъ; у кого служили, не знаемъ; а жили и кормились, гдѣ день, а гдѣ ночь — и сутки прочь.» — «Что же вы такъ это вотъ, съ одного маху, взяли да и воротились?» продолжали допрашивать свободныхъ еще вчера птишекъ, отъ которыхъ такъ-сказать еще воздухомъ пахло, ручьямъ попрежнему, домашнія птицы разныхъ клѣтокъ тихаго русскаго юго-востока. «Надо же когда-нибудь и честь знать!» лукаво отвѣчали прилетныя, добровольно воротившіяся птички.

Новизна переставала быть новизной. Все начинало являться старому. Молчаливая барщина одна какъ-бы замѣтно обновлялась: она насчитывала новыхъ постоянныхъ рабочихъ.

Илья Тавцуръ, между тѣмъ, привязавши въ лѣсу коня, выломалъ себѣ палку и, спустившись въ лощину, долго шолъ чуть видною въ сумеркахъ тропинкою. Стало еще темнѣе. Илья начиналъ спотыкаться окочки, о хворостъ, положенный въ видѣ гатей по болотнымъ перемычкамъ луговой дороги. Кое-гдѣ онъ разувался и бранился про себя за остановки, потому что стемнѣло еще болѣе, а онъ торопился. Въ воздухѣ было тихо и мягко. Точно теплымъ виномъ пахло. Отъ запаха болотныхъ травъ, березовыхъ листьевъ и фіалокъ голова хмѣлѣла. Илья остановился.

— «Волга не Волга; Богъ его вѣсть, что такое бѣдѣетъ вправо! Ахъ ты, башка моя глупая, башка! Въ двѣнадцать лѣтъ переабыть все такъ, что оглянешься и не узнаешь!»

Впереди послышался отдаленный переливистый лай.

— Такъ и есть — наша Есауловка!

Сердце крѣпко забилося въ груди парня. Онъ удвоилъ шаги, пошолъ еще смѣлѣе и спустя нѣсколько времени почувствовалъ, что мѣстность вокругъ него измѣнилась. Впереди чернѣлъ будто лѣсъ, слѣва стоялъ точно рядъ мельницъ. Онъ съ наслажденіемъ разслушалъ въ потьмахъ людской говоръ, отозвавшійся уже недалеко. — «Нѣтъ, пережду, пока люди уснутъ! Такъ-то легче будетъ къ родителямъ явиться!»

Тавцуръ еще послушалъ, переждалъ, оглядѣлся и пошолъ къ деревьямъ, при мысли: «А! двѣнадцать лѣтъ дома не былъ!»

Живъ ли батюшка, жива ли матушка! Много ли ребятшекъ-сверстниковъ въ живыхъ осталось на селѣ! И чѣмъ теперь батюшка состоитъ, въ рядовыхъ ли мужикахъ, или при должности какой! Да и что самое село теперь стало, пока я по свѣту съ вѣтромъ маялся и гулялъ? Ребенкомъ убѣжалъ отъ розогъ нѣщца-пракащика; никто не защитилъ тогда; отца всѣ голпятымъ звали; онъ бѣдный самъ ламку теръ тогда пастухомъ за овцами; мать все хворая лежала. А теперь я вонъ какой вытянулся; узнаютъ ли родители меня теперь? Ахъ ты, свѣтъ-свѣтъ! Господа!» Илья шагаль и шагаль...

На пути въ потѣвахъ встрѣтилась канава. Илья повороховалъ ей глубину палкою, перелѣзъ, очутился опять въ густыхъ деревьяхъ и залегъ подъ кустомъ, потомучто невдали послышался ему опять отголоски людского говора, а онъ не зналъ, куда забрель.

Тихая весенняя ночь перекликалась странными шопотливыми и неясными звуками. Вскорѣ однако кругомъ будто стало виднѣе, хотя небо было еще безъ мѣсяца. Тихо лежалъ въ кустахъ Илья, боясь и кашлянуть. Вдругъ ему почудилось невдалекѣ, между деревьями, чье-то всхлипыванье, плачь и вздохъ. Чей-то жалобный голосокъ то затихалъ, то опять раздавался. Танцуръ повернулся къ той сторонѣ, тихо проползъ между деревьями и кустами и поднялъ нверку голову. Ему почудилось, что вздохи и шонеть раздаются гдѣ-то въ воздухѣ, точно надъ деревьями. Страшно стало Илья. «Что за притча, не то птица стонеть почеловѣчьему, не то человекъ на вѣткахъ гдѣ-то сидитъ!» Онъ всталъ; тихо, какъ ночной звѣрекъ и чуть ступая, обошелъ вокругъ дерева, сверху котораго раздавались по его мнѣнію въ потемкахъ стоны; и ощупалъ, вмѣсто живого дерева, гладкій столбъ. Отошелъ въ сторону, присмотрѣлся: голубятня, въ видѣ домика на плотной высокой подпорѣ. Голосъ затихъ.

— Кто тутъ? рѣшился спросить вполголоса Илья, осматривая воздушный голубинный теремъ, съ крошечными оконцами, чуть расовавшійся на сумеречномъ небѣ.

Отвѣта не было.

— Кто тутъ? ну, отзовись! не бойся!

Танцуръ прислушивался.

— Я... прошепталъ пугливый голосокъ.

— Да кто ты?

— Фрося...

— Какая?

— Барышня... горничная Фрося...

— Гдѣ же это ты сидишь?

Голосъ опять затихъ.

— Сидишь гдѣ ты? ну? да говори же!

Илья смотрѣлъ вверхъ.

— Въ голубятнѣ заперта... А вы кто, позвольте спросить?

— Я-те?

— Да...

— Я такъ... постороной...

— Дядюшка, голубчикъ! освободите меня. А не то, разсвѣтеть, — пропала я и бѣдная моя головунка!

Изъ кошечекъ воздушной голубятни опять послышались горькіе стоны, плачь и вздохи.

— Да какъ освободить-то тебя, чѣмъ?

— Лѣстницу ищите поблизости тутъ или воодадь, лѣстницу; она здѣсь гдѣ-нибудь въ саду, ищите.

«Такъ мы въ саду! Что за диковина! Чей же это садъ? Нашъ былъ же въ этой сторонѣ», подумалъ Таммуръ, бросился искать въ потьмахъ лѣстницу и скоро нашолъ. Онъ прибавилъ ее къ столбу, влѣзъ туда, посоветовался съ необыкновенной пчѣльницей, какъ поступить, сломалъ малой задвижку небольшою дверцы, въ которую деревенскіе повара весной лезятъ грабить дѣтей воздушнаго домика, и сънесъ оттуда на рукахъ дрожавшую отъ страха, стыда и отчаянія молоденькую горничную.

Она обѣжала къ садовой камавѣ, быстро оправилась, хотѣла бѣжать далѣе и остановилась.

— Кто вы? спросила она: — за кого Бога молить? говорите скорѣе!

Илья подошелъ и взялъ ее за руку.

— Зачѣмъ вамъ, мое сердце? Лучше вы сами мнѣ скажите, кто вы и что за невидаль такая тутъ случилась съ вами?

Дѣвушка потушилась, стала вергѣть по землѣ ногою.

— Надо къ барынѣ-съ... Я горничная здѣсь, коли знаете нашу барыню. Насъ много у нея. Цолякъ-управляющій давно къ намъ, видите, подбивается. А мы шлевать на него. Онъ и поиди дозоромъ. И тутъ въ садъ выходила иной разъ... не къ нему... а къ знакомому такому другому челоуѣку... онъ важнаго, можно ска-

затъ, сердца и совѣсть не такой вовсе подлой души... Выбѣжала я и сегодня, будто въ прачешную... А полякъ и паткнулся на насъ. Этотъ—то мой душенька, значить, знакомый убѣждалъ отъ стыда, да и отъ страху; а полякъ меня, отеропѣлую дуру, ухватилъ съ дозорными, да и заперъ тутъ до утра въ голубятню. «Утромъ, говорить, узнаемъ, кто такая тутъ изъ дѣвичьей со всякою сволочью, съ музыкантами госѣдскими дружбу водить, а теперь не хочу барыни, говорить, будить!» Такъ и сволокли меня сюда и толкнули въ будку... Индо руки всѣ изломали, косы было развизали, платье оборвали... Голубей сонныхъ вдругъ спугнули, и долго они, горемычныя, кругомъ меня въ тѣмѣ-тѣмущей этой летали, крыльями мнѣ въ лицо вѣяли... Стала я плакать; хотѣла уже крикъ къ двору подать, вустъ бы хотъ и барыня уже узнала; страшно такъ это на веру въ потьмахъ стало; какъ всѣ голуби прочь разлетѣлись... я плакать... а тутъ и вы отозвались... Скажите: кто вы?

— Какое это село, что теперь барыня у васъ, а не баринъ? Есауловка? спросилъ Илья, опять не отвѣчая на вопросъ горничной.

— Нѣтъ, не Есауловка, а Ковскій Сыртъ... Наша барыня.— арендаторша!

«Такъ я не туда попалъ! вотъ что!» подумалъ Танцуръ. Мѣсяцъ готовился въ это время выйти. Кругомъ стало еще свѣтлѣе. Илья разглядѣлъ милостивое личико, плотно подвязанныя вокругъ головы косы, бѣлую косынку и полныя плечи освобожденной плѣнницы.

— Мой знакомый, можно сказать, благородный и не такой подлой души человекъ, какъ нашъ прикащикъ! сказала Фрося, не двигаясь съ мѣста и щипая руками концы косынами: — онъ по гробъ жизни и свѣта не забудетъ вамъ этой услуги—съ. Но можно ли узнать опять—таки ваше имя?

Фрося подняла глаза и хотъ искоса старалась заглянуть въ лицо своего освободителя.

— Мнѣ благодарности вашей не надо.. А васъ бы высѣкли? скажите мнѣ!

— Ну, высѣчь не высѣкли бы; теперь свѣжутъ меньше; а сраму такого набралась бы, что хотъ въ воду да и утопиться. Такъ можно ли опять узнать, какъ васъ зовутъ?

— Илѣй... а по прозвищу — не знаю и самъ, какъ сказать;

живъ ли еще отецъ мой , про то вѣрно не знаю и не вѣдаю тоже...

— Вы изъ Есауловки?

— Оттуда ; только двѣнадцать лѣтъ дома не былъ — вамъ это теперь же пожалуй открою — вы сами узнаете... Я сынъ Романа Танцура , коли знаете ; онъ за овцами барскими у насъ ходилъ , помню , какъ я отъ нѣмца-управителя съ армянами убѣжалъ...

— Вамъ Романъ Антонычъ папенька-съ ? быстро спросила Фрося ; и въ голосѣ ея зазвучало столько отчужденнаго удовольствія и вмѣстѣ желанія чѣмъ-то особенно-радостнымъ удивить слушателя : — такъ вы ничего не знаете ? Дорогою пососѣдству ничего не слышали ?

— Ничего не слышалъ и не знаю ; мы торопились и прятались отъ полиціи...

— Такъ , такъ ; теперь помню... Про сына его... про васъ точно люди сказывали , да и онъ самъ часто жалѣлъ объ васъ , даже по людямъ васъ долго розыскивали...

— Такъ чтоже ? говорите !

— Какъ же ! вѣдь вашъ отецъ теперь главнымъ прикащикомъ надъ всею Есауловкою ! Да , и живетъ въ самомъ барскомъ домѣ , подъ-низомъ ; а баринъ вашъ все еще заграницею ; какъ же ! мы все знаемъ ! князь десять лѣтъ дома не былъ . Наѣхалъ разъ , смѣнилъ нѣмца , поставилъ вашего отца , уѣхалъ да съ тѣхъ поръ и нѣтъ его... Теперь пора мнѣ въ дѣвичью : всѣ спятъ ; прощайте ! Извините .

— Какъ же я въ наше-то село дойду ? Темно ; до утра бродить буду .

— Я бы васъ свела , Илья Романычъ , да надо въ домъ завтра въ дѣвичью воротиться . А впрочемъ... извольте-съ... пойдемте... Берегитесь ; тутъ будетъ опять канава , а дальше мостикъ черезъ Лихой . Это у насъ рѣчка...

— Такъ это мы за Лихимъ ?

— Точно-съ , эта рѣчка въ Волгу тутъ , если помните , подалѣ упала и раздѣляетъ Сыртъ отъ вашей Есауловки . Мы дружка противъ дружки сидимъ съ вами-съ...

— Теперь помню , помню : мы на горѣ , а вы на долині .

— Такъ точно ! вотъ и не ошиблись , именно-съ...

— Кто же ваша барыня ?

— Охъ... барыня сердитая да строгая, Палагея Андреевна Перебоченская, если еще въ тѣ поры вы слышали! Она должно быть дончиха. Одни говорятъ, что хуторъ, гдѣ мы живемъ, ея имѣніе; а другіе, что не ея, а чужое, арендное. Только, сказать вамъ, наша барыня такъ тутъ крѣпко сидитъ, — что въ иношь и своемъ такъ не обживешься. Охъ... скажу вамъ: всѣ ея болятся! Да! Забыла-съ еще... Съ вашимъ отцомъ они очень дружны-съ.. Романъ Антонычъ, вашъ отецъ, хорошій человекъ и съ нашею барыней, съ Палагеею Андреевной, завсегда обо всемъ говорить и намъ часто бѣды наши у нея вымаливаетъ. Да позвольте еще: онъ дома теперь, или нѣтъ? Что это я забыла! Дома? Или за скотомъ опять въ Черноморье поѣхалъ? Нѣтъ, дома, дома: вчера за сахаромъ къ намъ мальчишку своего конторскаго, Власика, присылалъ. Онъ прикащикъ теперь у васъ, а сперва было только за гуртами сталъ ѣздить. Наша барыня тоже гурты держать, на лугахъ нашихъ ихъ нагуливаетъ. Такъ въ поле сама и скотъ осматривать на дрожкахъ ѣздитъ, хоть и старуха. Ахъ, да! еще! Нѣтъ! послѣ скажу... Вотъ мы уже и пришли въ вашу Есауловку. Видите, будетъ всего версты двѣ съ половиною; миновали рѣчку, а тамъ въ гору — а вотъ и вашъ дворъ. Ишь, дворецъ-то какой у вашего князя-барина; садъ большущій, старинный. Я васъ отлично провела. Теперь и домой мнѣ пора. Совсѣмъ теперь уже поздно. Прощайте-съ. Вонъ свѣтится внизу окно вашего отца! До свиданія-съ... По гробъ жизни, можно сказать, мой знакомый вамъ не забудетъ этого!

Фрося еще что-то сказала издали и исчезла впотьмахъ.

Илья остановился у порога барской конторы, теперешняго отцовскаго жилища. Чего только ни переиспыталъ онъ въ эти нѣсколько мгновеній! Чего только не было теперь на душѣ его!

— «Батюшка въ прикащики попалъ!» думалъ Илья, стоя у входа подъ нѣзъ дома: — «Вотъ не думалъ! Изъ скотниковъ, изъ пастуховъ, изъ голопятыхъ, какъ его тогда звали, въ прикащики такого села! Тысяча душъ почитай будетъ; двѣ церкви было, помню. Шапку за версту снималъ онъ, какъ подходилъ бывало къ этому дому, а теперь самъ тутъ живетъ! Жива ли матушка? Я у этой щебетухи и не спросилъ. Ну, какъ-то отецъ теперь съ

людьми живеть? Вѣдь онъ, почитай, самъ тогда мнѣ посовѣтовалъ въ бѣгахъ быть, какъ я на посылакахъ тутъ день-денцѣской у нѣмца маялся, на пивкахъ росъ, на голой землѣ спалъ, тычками да слезами сытъ ходилъ и на липкѣ въ саду съ горя дѣвѣ раба даже повѣститься хотѣлъ, передъ тѣмъ, какъ потомъ армяне въ Крымъ сманили меня! Прикащикъ! Не очень же онъ обрадуется и коню, котораго я было-ему на хозяйство добылъ и привадалъ пока въ лѣсу!»

Онъ сошелъ въ коридорчикъ нижняго яруса дома и сталъ замирая отъ волненія у дверей. Долго онъ не рѣшался взяться за скобку дверей, оправилъ красный подскъ на новыхъ шароварахъ, обдернулъ сиднюю чуйку, потоптался на мѣстѣ высокими новыми сапогами, снялъ впотемкахъ шапку, пригладилъ черные кудри, крикнулъ и хотѣлъ войти, но опять остановился.

— «Какъ-то отецъ теперь приметъ меня? подумалъ Илья, все еще стоя впотемкахъ: — куда повернетъ меня? А я-то коня, коня ему привелъ нажитаго на волѣ, въ рождѣ его пока на ночь привязалъ, въ яру, гдѣ когда-то двѣ ночи сряду голодный со страху пролежалъ, какъ мышь забившись въ дѣстья и въ валежникъ, армяне по условію поджидая, — а они тутъ у церкви на ярманкѣ пока красный товаръ продавали! Думалъ, что отецъ въ бѣдности... Эхъ!»

Дверь съ шумомъ растворилась изъ конторы, и на порогъ выткнулся рослый, плотный, широколицый и смуглый человекъ, родъ мѣщанина, въ цанковомъ кафтанѣ и въ картузѣ. Онъ очевидно хотѣлъ куда-то идти, но наткнувшись на незнакомаго впотемкахъ, торопливо отшатнулся, всталъ со стола сѣтку и спросилъ:

— Кто это? Что ты тутъ за человекъ стоишь впотемкахъ?

Илья не узналъ сразу располнѣвшаго отца и тихо, молча ступилъ въ комнату, гдѣ худощавая пожилая женщина въ ситцевомъ нарядномъ платьѣ спиною къ дверямъ со стола ужичъ снимала. Найдя глазами образа, Илья съ чувствомъ прекрестился, пока прикащикъ съ удивленіемъ его разсматривалъ, держа сѣтку въ рукахъ, и упалъ въ ноги отцу:

— Батюшка, не обидьте, благословите меня! Я вашъ Илько!

— Илья, Илюша! крикнула женщина, убиравшая со стола. Она быстро обернулась, и уронила на лавку поднось съ посудною, кинулась сыну на шею.

— Илько! проговорилъ въ свой чередъ тронутый и пораженный неожиданностью прикащикъ, торопливо ставя свѣчку на столъ: — вотъ не ожидалъ дорогого гостя! А я въ обходъ шель посмотрѣть, всё ли сторожа на мѣстахъ! Господи... вотъ гость! Романъ дрожащими руками снялъ съ гвоздя икону, благословилъ ею сына, далъ ему ее, а потомъ свою руку поцѣловать, и заключилъ: — Ну, полно, жена, вѣтъ надъ нимъ, да обнимать его; теперь пришло, такъ уже насмотришься на него; налюбуйся имъ! А лучше давай-ка ему поѣсть; вѣрно голоденъ съ далекой дорожки. Вздуй огня въ печи, яичницу чтоли ему стоговь, пока мы о дѣлѣ потолкуемъ.

Сѣдая Ивановна, утирая радостныя слезы, встала, опять ни- нулась къ сыну, посмотрѣла на него, сняла съ него поясъ, чуй- ку, заплакала и тутъ же засмѣялась, качая головою.

— Вотъ что значить мать! сказала она: — я будто ждала тебя: рубахъ въ томъ мѣсяцѣ нашла тебѣ. Закуси, да скорѣе раздѣнься; теперь надѣвай припасенную тебѣ мною рубашку, а завтра я тебѣ голову вымою, вычешу тебя ..

Старуха, не переставая утирать слезы и посматривать на сына, захопотала у печки. Романъ постоялъ и рѣшилъ:

— Ну, Богъ съ ними сегодня, съ сторожами; потолкуемъ лучше съ тобою! Онъ повѣсилъ шубу на гвоздь и заперъ двери на крючокъ.

Романъ сѣлъ за столъ; сынъ противъ него на лавкѣ.

— Такъ, такъ Илько; хорошо, что ты воротился. Ейбогу хорошо! А я-то уже считалъ, что ты пропалъ навѣки; павихиды по тебѣ служить собирався, да мать твою вонъ все останавливала; говорить: еще подожди; сердце чуетъ, живъ Илько. А сколько будетъ лѣтъ, какъ ты въ бѣгахъ былъ?

— Двѣнадцать!..

— Точно двѣнадцать; я тогда еще въ рядовыхъ кажется былъ. Да... десять лѣтъ я уже въ прикащикахъ состою. Всѣмъ селомъ управляю. Ты вѣрно слышалъ, Илько?

— Слышалъ! отвѣтилъ Илья, разсматривая смуглыя, будто изъ мѣди вылитыя черты отцовскаго лица, его черныя, густыя брови, каріе глаза и черныя съ просѣдью, подъ гребенку стриженныя волосы, курчавые, какъ и у Ильи.

Рослый, широкоплечій ставъ отца былъ попрежнему прямя и крѣпокъ, только сталъ сильно полнѣе съ той цоры, какъ онъ

съ длинною налкою пересталъ ходить за скотомъ и овцами, въ потертой сермягѣ стоя въ полѣ и жалуясь на судьбу одному перелетному вѣтру.

— Много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ ты въ бродяги пошолъ, Илько .. Да наѣхалъ баринъ послѣ тебя, послалъ меня за скотомъ въ Черноморію; я гуртъ пригналъ, другой. Тутъ вѣнца смѣстили, меня наставили. Ну, да о томъ послѣ... Пожалѣлъ я тогда, сынку, что тебѣ самъ же совѣтъ далъ и что ты утекъ. Черезъ разныхъ бродягъ о тебѣ развѣдки дѣлалъ, въ полицію явки давалъ. Хорошо, что ты воротился. А было бы еще лучше, кабы воротился прежде. Нуженъ ты мнѣ былъ тогда, да и теперь еще болѣе пожалуй будешь нуженъ. Вѣдь ты грамотный кажется?

— Выучилъ тогда пьяный нѣмецъ... Помните, какъ билъ? Струны прѣволочныя въ розги вязывалъ. Укусомъ послѣ кропилъ...

— Такъ, такъ. Да давай же, жена, гостю дорогому поѣсть скорѣе! А не выпьемъ ли мы на радости, Илько, водочки? Пьешь?

— Нѣтъ, не пью.

— Ну такъ я выпью!

Романъ всталъ, открылъ шкапчикъ на стѣнѣ, досталъ графинъ съ водкой, налилъ добрый стаканчикъ и выпилъ.

— Шафранная! пять цѣлковыхъ ведро. Ты не думай, самъ я тоже не пью, а для дорогихъ гостей только держу. Однакоже все таки надо къ сторожамъ навѣдаться... постой, не могу... народецъ тутъ у насъ бѣдовый сталъ!

Романъ опять взялъ шапку и остановился передъ Ильей.

— Молодецъ молодецъ, право! Только ты у меня не балуй тутъ. Народъ нынче, я думаю слышалъ ты, буяномъ сталъ, а ты съ вольнаго-то вѣтру не очень съ ними водись. Все же ты хоть батракъ, а прикащицкій сынъ... На тебя глядя и тѣ задурять...

— Глѣ мнѣ! Я ничего. Я такъ : что скажете дѣлать, то и я. Извѣстно, начальство значить вы теперь...

У Ильи въ головѣ мелькалъ между тѣмъ все припасенный отцу на хозяйство конекъ. Какъ ничтоженъ теперь казался ему этотъ завѣтный его подарокъ!

— Ну, а чтоже ты нажилъ, сынъ, на волѣ-то столько лѣтъ

маявшись вдали отъ отца и матери? спросилъ шутливо Романъ, стоя у дверей.

— Я-то?

— Да; за двѣдцать лѣтъ люди сотни, тысячи, умѣючи наживаются!

Илья глазъ не поднималъ. Романъ самодовольно посматривалъ на забудлыгу своего, блуднаго сына, не обращая вниманія на мучительный, болѣзненно-любящій и жалобный взоръ матери, устремленный на Илью изъ-за пылающей печки.

— Что грѣхъ таять! сказалъ Илья: — какъ сталъ я подростать у людей на волѣ, переходя съ мѣста на мѣсто, да свою неволю былую скрывая, были заработки, были и деньги хорошия. Только рубль-то вездѣ одинъ: больше цѣлковаго не ходить. Какъ нажилъ, такъ и прожилъ, — все одно, что и въ здѣшнихъ вашихъ мѣстахъ. Были случаи, что и полиціи надо было дарить и отъ своихъ братьевъ душегубовъ откупался. Дважды ловили меня, по этапу изъ города въ городъ пересылали. Тутъ-то мозолей поношено, тутъ-то холоду да голоду испытано, вшей да комаровъ покормлено собою! А Господь далъ; послѣ опять сталъ на волѣ жить; значить, я наживалъ, я же и проживалъ. Извѣстное дѣло чужая сторона, какъ своей-то настоящей, собственной значить норки нѣтъ, куда и звѣрекъ лишній колосъ на запасъ тащить...

— Такъ ты, выходишь, теперь къ норкѣ родной и направилъ путь? Дѣло! Чѣмъ же ты теперь желалъ бы тутъ быть у барина на селѣ? Отвѣчай по душѣ. Я теперь тутъ главный; что рѣшу, тому и быть. Говори...

Илья взглянулъ на мать.

— Вы точно главный тутъ! сказалъ Илья отцу: — вамъ такая и дорога. А мнѣ, когда милость ваша и вы дадите бродягѣ тутъ жить, позвольте... къ обществу стать, землю мнѣ нарѣжьте, на хозяйство къ плугу поставьте меня...

Романъ отуманился и отошелъ отъ двери.

— Не приходится тебѣ, Илцо, въ мужикахъ быть. Будь правую рукою моею. Ты грамотный, ты мнѣ нуженъ... Ну, да утро вечера мудренѣе. Завтра потолкуемъ...

Отецъ вышелъ. Ивановна кинулась къ двери, заперла ее онитъ на крючокъ, поцѣловала нѣсколько разъ сына, посадила

его за столъ, поставила ему остаткѣ ужина, свѣжую личицу, обняла его горячо и оглянулась опять по комнатѣ.

— Ты, сынку, не перечь отцу. Онъ тебѣ счастья желаетъ. Должно быть онъ тебѣ ключи сдать затѣялъ: онъ давно ищетъ вѣрнаго себѣ ключника. Ты въ дворовыхъ остаешься, онъ барину напишетъ, тебѣ жалованье положить. А въ мужики тебѣ что теперь записываться! Вонъ у него какая теперь одежда, обувь! Что ѣдимъ мы теперь! Я вонъ въ ситцевыхъ платьяхъ хожу...

— Эхъ, матушка, все это такъ, да земля—то крѣпче; съ нея не сгонишь, а отъ мѣста откажутъ. Какія я мѣста имѣлъ! А все своя земля тянетъ! Срубишь себѣ хатку, заведешься всѣмъ... Ну, да мнѣ же это и особо еще нужно...

— Зачѣмъ?

Старуха пристально посмотрѣла въ глаза сыну. Онъ оставилъ ложку, утерся, перекрестился на иконы, поклонился матери и сѣлъ опять.

— Матушка, я нашолъ себѣ сужоную.

Старуха радостно перекрестилась.

— Слава тебѣ Господи! Гдѣ же ты сыскалъ ее?

— Слыхала, матушка, про Талавѣрку?

— Про какого?

— Про Афанасія, что бѣжалъ тутъ по сосѣдству отъ какой-то барыни, уже двадцать-четыре года назадъ? Онъ въ столярахъ у нея былъ тутъ, въ каретникахъ, и въ ея хуторкѣ проживалъ...

— Охъ, не помню что—то, сынку, не помню. Такъ чтоже?

— Столкнулся я съ нимъ два года назадъ, въ Ростовѣ на Дону... Онъ тамъ уже богачемъ живетъ: домъ свой, своя мастерская. Ну, и есть у него дочка... Настя... Мы полюбились съ нею, отцу сказали. А онъ и говоритъ: «Изъ рассказовъ твоихъ, Илько, вижу я, что ты изъ однихъ мѣсть со мною; барыни моей ты знать не можешь: малъ былъ, какъ бѣжалъ съ Волги сюда въ низовые края. И я, говоритъ, не знаю, жива ли моя госпожа-барыня. А только вотъ что. Хоть богатъ я, говоритъ, теперь, хоть воленъ, а помереть хотѣлось бы на родной сторонѣ. Теперь, говоритъ, готовится всѣмъ воля; скоро не скоро ли, слышно всѣмъ землю дадутъ, кто по своей волѣ воротится домой въ общества свои къ нынѣшнимъ пока господамъ. Я мастерства кинуть не могу, а

ты иди, получи на своемъ мѣстѣ землю, запишись въ мѣръ, дай знать, что пристроился, тогда приходи и бери себѣ Настю...» На этомъ зарокѣ мы и разстались. Я далъ слово землю себѣ на родномъ селѣ добыть, а онъ выдать за меня Настю; такъ какже мнѣ идти въ дворовые? Подумайте!..

Ивановна задумалась.

Поговорили еще немного. Илья раздѣлся. Мать постлала ему постель на своей кровати у печи. Ложась спать, Илья увидалъ подъ скамьей въ углу какой-то клубочекъ. Кто-то во весь носъ сопѣлъ, свернувшись на полу котенкомъ.

— Кто это? спросилъ Илья.

— На посылкахъ у отца, сиротка тоже тутъ одинъ, Властикъ!

Илья со вздохомъ легъ. «Вотъ и у отца теперь на посылкахъ есть такой же, какъ я былъ когда-то у нѣмца!» подумалъ онъ.

Ивановна погасила свѣчку и тоже легла валихая на печи. Вскорѣ пришолъ съ дозора Романъ Антонычъ; не зажигая свѣчки и не раздѣваясь легъ на лавкѣ у стола и долго лежалъ не шелохнувшись, но видно было, что онъ не спалъ. Илѣ же всю ночь грезились вольныя степи, таинственныя перебродки по лѣсамъ и оврагамъ, гнѣдко, привязанный въ лѣсу, надежды завестись своимъ домкомъ и Настя. За часъ или за два до разсвѣта Илья всталъ, тихо одѣлся, тихо отперъ двери и вышелъ. Передъутренній воздухъ былъ свѣжъ.

— «Надежда плохая! подумалъ Илья: — теперь врядъ ли получишь землю отъ отца! Или опять уйти на всѣ четыре стороны? всѣмъ вѣтрамъ въ поясъ поклониться? Нѣтъ, будь что будетъ!»

Онъ вышелъ на тропинку, по которой провела его свечера Фрося, взобрался на знакомый съ дѣтства сосѣдній бугоръ и увидалъ съ него сквозь начинавшіе яснѣть сумерки не въ дальнемъ разстояніи лѣсокъ, гдѣ привязалъ гнѣдка. Роща была оттуда не болѣе, какъ въ трехъ верстахъ. Онъ быстро пошелъ туда, вошелъ въ кусты. Оврагъ былъ не далеко.

— «Ну, гнѣдко, подумалъ Илья: — иди теперь со мной; придется теперь продать тебя либо жиду, либо цыгану. Отецъ держать тебя не позволитъ! А я-то думалъ домкомъ завестись, садъ затѣять, за Настей поѣхать на тебѣ! Чѣмъ полагаешь отца удивить!»

Илья сталъ звать гнѣдка, искать его; но слѣдъ гнѣдка простылъ. Конецъ ремня отъ уздечки висѣлъ привязанный къ дереву. Гнѣдко либо убѣжалъ, либо кто-нибудь его укралъ.

— «Последнее добро и то пропало! сказалъ Илья съ досадою: — пропадай же и ты теперь, моя волюшка, хоть уже и тебѣ, неволя, тоже дешево не отдамся!»

Онъ еще побродилъ по рошѣ, звалъ коня, обошелъ весь лѣсокъ кругомъ, вышелъ на опушку, на другой высокой бугоръ и сѣлъ, уткнувшись головою въ колѣни: Онъ немного такъ просидѣлъ. Когда онъ очнулся, свѣтлая картина родимыхъ окрестностей и подступавшаго утра тихо открылась передъ нимъ.

Кругомъ шли то зеленые пологіе, то каменистые, лѣсами испещренные холмы. Влѣво разстилалась низменная влажная луговая равнина, на которой изъ сумерекъ выходила усадьба фросиной барыни, Конскій Сыртъ. Прямо, отдѣляясь отъ этой нѣмновности рѣкой Лихимъ, на крутомъ косогорѣ разстилалась Есауловка. Вправо отъ Есауловки и Конскаго Сырта, провожая извины Лихого къ его устью, шли сперва малые, потомъ болѣе объемистые бугры, то горбатые, то плосковерхіе, то остроголовые и изборожденные дождевыми протоками. Въ расщелины ихъ въ одномъ мѣстѣ мелькнула широкая, бѣлая, туманная полоса, точно дымъ... Сердце Илья дрогнуло. То была Волга... А за нею уже начала заниматься заря. Одѣвались огнями голубыя вершины. Въмѣсто темныхъ пятенъ и щелей, на холмахъ въяснились лѣса. Между ними въ отдаленіи узнавались кое-гдѣ въ размѣтъ кинутые поселки, богъ-вѣсть откуда и когда тутъ сѣвшая жильями, всякая набродная и переходная вольница. Связанная тяжолоя туча, нахлобучившись на низовое заволжье, еще не пускала на окрестности довольно свѣта. Все еще тонуло въ сумеркахъ: нагорная земля по сю сторону Волги и гладкая привольная ширь ея луговой стороны, съ ея жирными, тучными и лѣбородными залежами и цѣлинами. Тронулся вѣтеръ... Отозвались ближніе и дальніе лѣсистые овраги и горы, такъ знакомые Ильѣ, съ ихъ мѣстными поволжскими прозвищами. Застучалъ любовными призывами Иволгинъ-орѣшникъ; застучалъ на волнистый шорохами и всякой таинственной, весеннею тревогой развѣсившій Дятловый-липнякъ; зазвенѣли серебряными трубами низменные темные Соловьиные-верболѣзы; зазвучали золотую дудкой песчаные Кукушчина-кучугуру; засвистѣли кудри-

вые Дроздовые-березняки, заклепала старые дуплистые громадные дубы на Орлиных-лысинах соседних горь. Солнце выбилось наконец из-под тучи. Илья всталъ, прошелъ нѣсколько шаговъ и опять остановился. Вдѣло вдали надъ Волгой, обрисовался новый рядъ бугровъ. А по нимъ мелькали уже будто сквозные и голубые отъ воздуха, новые бугры и курганы. То были бугры Стеньки-Разина. «На нихъ Степанъ Тимофѣичъ послѣдній свой опочивъ держалъ», говорили въ народѣ: «онъ тутъ послѣднимъ станомъ стоялъ; а какъ его въ плѣнъ взяли, любимого своего есаула съ братьей послалъ селоу близости съѣсть; они съѣли и вышла изъвольной кости нынѣшняя княжеская Есауловка!» Илья Танцуръ прикрылъ глаза ладонью. Одинъ двугорбый бутуръ, полосатый, какъ бухарская тармама, сидѣлъ свѣснись, будто бородастый старикъ надъ водою. Онъ прозывался Емелькиными-ушами, или ушами Пугача. На нихъ Пугачъ двухъ воеводскихъ дозорщиковъ повѣсилъ. Съ той поры, точно слышалъ что, торчали эти горбы Емелькины-уши. А еще далѣе шли отъ-сытые и дикіе Авдушины-бугры, за которыми было село Авдуловка, происходившее также отъ какихъ-то вольныхъ костей, занесенныхъ сюда первыми украинскими и русскими колонизаторами этого края. — А величавая, вѣчно-широкая Волга голубой пеленой омывала подошвы бугровъ, пугаво ласкаясь къ нимъ и отражая въ себѣ цвѣта ихъ зеленыхъ, желтыхъ и багровыхъ главъ, бѣлыхъ песковъ и разнообразныхъ хрящей и слюдъ. Роса сверкала по травамъ. Дикіе тюльпаны желтыми и алыми колокольчиками глядѣли изъ расщелинъ скалъ, по крутизнѣ косогорамъ. Яркій синякъ и бѣлые пушистые косатики заливали веселыми сплошными полосами низменные равнины. Звонкія вскрикиванія пробуждающихся птицъ становилась чаще и громче. Тихіе прибрежные затоны и заливы Волги и Лихого еще дремали спомнившая и камышами, окутанные туманами. А уже по гладкой равнинѣ вода, мимо бугровъ, затоновъ, песчаныхъ розсыпей и степей, двигались, бѣля парусами, вѣчные караваны Синяго-морца, Волги, всякія расшивы, бѣланы, мокшаны, коломенки и простыя рыбацья лодки. Надъ ними мелькали, отражаясь въ водѣ, бѣлокрылыя чайки. Сонные бакланы, бабы-птицы и лебеди взлетали изъ-подъ носовъ наплывающихъ барокъ. Отъивались заволжскіе озера, окрещенныя также народными именами: журавлиными, лебяжьими, куличьими, гусяными, утинными и всякими. Зари началась по-

видѣнная, роскошная. Закопонились люди во всѣхъ концахъ. Двинулись стада овецъ по буграмъ, гурты рогатаго скота и табуны лошадей на лугахъ и равнинахъ, гдѣ сто лѣтъ назадъ кочевали по тихимъ сыртамъ и улусамъ одни калмыки да татары. А по голубымъ прибрежьямъ и затонамъ раздались голоса знакомой трудовой и исконной пѣсни рабочаго люда обоихъ береговъ Волги и Дона, пѣсни, построившей по этимъ рѣкамъ всѣ села и города, заводы и барскіе дома, церкви, монастыри, пристани и остроги: «Охъ, дубинушка, охни!»

Илья Тандуръ взглянулъ еще разъ назадъ къ сторонѣ Дона, откуда пришолъ, а потомъ на Волгу.

— Прощай, батюшка, тихій Донъ Иванычъ! Здравствуй, матушка, Волга! Пожилъ я вволю на Дону, въ низовой степной Украинѣ; поживу теперь и на Волгѣ. Были мы когда-то казаками... Чѣмъ-то теперь опять будемъ! Наши дѣды вышли сюда изъ Запорожья, бились тутъ съ татарами, охраняли границы, селились въ перемежку съ русскими; насъ подарили русскому князю, съ нашими землями и пожитками. Подождемъ. Авось отдадутъ намъ опять наше...

Илья посмотрѣлъ на солнце, взглянулъ влѣво на Есауловку, широко и просторно раскинувшуюся по тотъ бокъ Лихого, впадавшаго въ Волгу, и быстро пошелъ къ отцу. Село давно дымилось низенькими трубами. Обѣ церкви на двухъ концахъ его привѣтливо бѣлѣли. Перейдя мостъ черезъ Лихой, Илья поднялся взовъ на крутой глинистый берегъ, къ которому къ рѣкѣ сходили крѣстьянскіе огороды, и пошелъ къ барскому двору, окружавшему высокій и обширный каменный домъ въ два яруса, съ крыльцами, колонами, бельведеромъ, шпилемъ для флага и службами. Садъ шолъ за домомъ, почти касаясь столѣтними дубами, липами и пирамидальными исполинскими тополями его островерхой, по плану Растрелли устроенной крыши.

II

ЗАБРОШЕННАЯ ДЕРЕВНЯ И МУЗЫКАНТЫ

- Равенько ты, Илько, всталъ! Гдѣ былъ? спросилъ отецъ.
- Неспалось; размяться ходилъ: на новомъ мѣстѣ, знаете...

— Я вотъ все твоей матери смѣялся, что смотри, опять Илько тягу дадь. Садись, пей чай. Въ прикуску или въ накладку хочешь? У насъ настоящій полурафиналъ. Въ городъ беремъ... Пей!

Романъ Танцуръ съ женою любили чай. Прислуга Власикъ самоваръ вздувалъ. Илья сѣлъ къ столу. Днемъ яснѣе стало видно, что онъ лицомъ былъ въ сухощавую мать, а кудрявыми черными волосами въ отца. Романъ, хотя уже слегка и обрусѣлый въ этомъ смѣшанномъ краѣ русскихъ и украинскихъ колоній, но малороссы лицомъ какъ и жена его, захожая изъ недалекихъ новороссійскихъ уѣздовъ степняка, напоминалъ чистаго, кровнаго потомка запорожцевъ, о чемъ говорило еще и прозвище его, Танцуръ. Вся Есауловка представляла эту дружелюбную смѣсь русскихъ выходцевъ изъ сѣверныхъ губерній и постоянно отливавшего, въ смутныя времена всякихъ критическихъ, недовольнаго люда днѣпровскихъ казаковъ. Но отдѣльныя народности жили тутъ, теряя своихъ рѣзкихъ выпуклыхъ чертъ, и хоть роднились между собою, а село Есауловку разбивали на два отдѣльныхъ, хотя совершенно мирныхъ лагеря. На одномъ концѣ села были все бѣлокурыя, голубоглазыя и бойкія подвижныя личности; на другомъ напротивъ почти все черноволосыя, съ карими глазами, смуглыя, понурыя, медленные и сдержанныя въ порывахъ особы. Это впрочемъ не новость въ тѣхъ мѣстахъ. Даже совершенно отдѣльнымъ языкомъ между собою говорили жители обѣихъ частей Есауловки, хотя обѣ понимали другъ друга.

— Нѣтъ, по-моему, Романъ Антоновичъ, тоже лучше такъ, какъ Илько нашъ говорить! начала прикащица Ивановна: — въ мужикахъ какъ-то проще жилося намъ; я по сихъ поръ вспоминаю нашу хату, нашъ огородъ и садъ на Оквинѣ, за слободой, гдѣ мы жили!

— Дуры бабы! Давай еще стаканъ! Много вы понимаете! сказалъ старикъ Танцуръ: — мы подначальными были всегда; такъ подначальными и умремъ. Не выдумаете вы ничего лучшаго. Все бредни однѣ! Твой отецъ, жена, покойный Иванъ Ласточка, что еще у стараго барина нашего нанимался, у отца нынѣшняго нашего князя, любилъ на посылкахъ за покупками ѣздить и всегда говорилъ: у барина не служить, семи гривенъ

съ рубля не украсть, и жить не стоитъ! А, Илько? Вѣдь это твой дѣдъ говорилъ? Что скажешь? —

Илья молчалъ.

— Право, Романъ Антонычъ, ты Ильку позволилъ бы на особомъ отъ насъ хозяйствѣ сѣсть! Ты посмотри, Илько, какія у насъ чашки; вотъ какія писанки на нихъ расписаны: тутъ птицы, а тутъ цвѣты и слова... Прочитай мнѣ...

— Ты, сынъ, вчера матери говорилъ про Талавѣрку? Такъ Афанасій нашолся въ Ростовѣ? Нынче утромъ мать мнѣ все рассказала. Ты въ дворовые не хочешь?

Илья вспыхнулъ.

— Ну, чтоже: дѣло, коли бродяга этотъ Талавѣрка въ бѣгахъ зашибъ себѣ копѣйку. Да непрочна только жизнь его; и тебѣ съ бродягами пора перестать якшаться. Человѣкомъ стань, вотъ что; я тебя человѣкомъ сдѣлаю. У барина тебѣ мѣсто выпрошу... Хочешь?

Подъ окномъ прикащицкой комнаты на дворѣ послышались голоса. Романъ Танцуръ всталъ.

— Приказные пришли за распорядкомъ работъ. Я уйду. Ты посиди, Илья, съ матерью. Сегодня субота, такъ ты отдохни; завтра тоже воскресенье. А послѣ завтра ступай на работу, пока хоть и въ рядовые. Я, братъ, примѣръ держу; у меня не зѣвай никто!

Романъ ушолъ.

Взѣрошенный Власиѣ сталъ весело чашки со стола убирать, взглянулъ на Илью и весело улыбнулся.

Ивановна предложила сыну голову вымыть въ теплой водѣ и надѣла ему вмѣсто ситцевой рубахи бѣлую.

— Матушка, зачѣмъ вы отцу про Талавѣрку сказали? спросилъ немного погодя Илья.

— Что ты! Да онъ еще передумаетъ и дастъ тебѣ землю. Проси только у него. Вѣдь онъ теперь сила и все у него въ рукахъ. Понимаешь? сила... Наша деревня почти забыта и заброшена княземъ.

Романъ воротился съ надворья.

— Ухъ, умаялся. Шутка ли, тысяча душъ; всѣмъ надо толкъ дать. Пойдемъ, Илько, я тебѣ княжескій домъ покажу. Гдѣ, жена, ключи? Ты глупъ былъ маленькимъ, а теперь поймешь, каковъ нашъ князь, — и я всему тутъ голова!

Романъ спялъ со стѣны ключи и пошолъ съ надворья къ главному крыльцу роскошнаго дома, построеннаго по плану гениальнаго итальянца. Отецъ и сынъ вошли по рѣзвой дубовой, невысокой, подъ лакъ лѣстницѣ, уставленной мраморными статуями, въ свѣтлыя стѣны нижняго яруса, оттуда въ лакейскую, увѣшанную охотничьими картинами и украшенную оленьими и лосьими рогами. Ключъ въ высокой краснаго дерева рѣзной двери повернулся. Они вошли въ огромный залъ, съ штофными голубыми занавѣсами, съ амурами, музами и цвѣтами на расписномъ потолкѣ и съ старинною позолоченною мебелью. Изъ залы прошли въ столовую, гдѣ были двое хоръ для музыки и пѣвчихъ, а окна выходили въ обширный, столѣтній садъ, съ терасами, прудами, бесѣдками и мостами. Оттуда отецъ и сынъ прошли въ портретную, потомъ въ спальню князя, а тамъ особою внутреннею лѣстницею во второй ярусъ дома и на вышку бельведера. Въ портретной старикъ Танцуръ остановился и сталъ сыну рассказывать о родѣ князя. Но еще долѣе онъ стоялъ передъ портретомъ князя, нынѣшняго обладателя Есауловки.

— Село наше было когда-то вольное, сказалъ Романъ Танцуръ: — казаками наши предки зашли сюда и тутъ поселились.

Илья наставилъ уши.

— Какъ же мы помѣщичьими стали? спросилъ онъ.

— Э! Мало ли что бывало! Мы за проказы тамъ всякія, видѣли ли, на ряду воровскихъ долго считались. Ты вѣрно слышалъ, что насъ есаулъ разбойника Разица населилъ. Ну, такъ вотъ мы тутъ по Волгѣ основали Есауловку, перестали бродить, только долго еще сами разбоемъ жили. А послѣ и усмирились. Прадѣдъ теперешняго нашего князя за услуги свои бывшей царицѣ это село въ подарокъ получилъ и наѣхалъ сюда. Голь да воровство одно онъ тутъ засталъ. Люди, говорятъ, жили, какъ звѣри. Ужасъ кругомъ по окольнымъ про нашихъ шолъ. Князь-то сразу взялъ да и укротилъ всю эту здѣшнюю прѣть. Навезъ съ собою, повимаешь ли, сынку, наемныхъ перебѣжчиковъ поляковъ, да человекъ дѣсять изъ запорожцевъ; составилъ себѣ родъ отряда и пошолъ косить, да порядки новые завести. Кнудомъ полслободы засѣкъ; висѣлицу надъ Лихимъ поставилъ и на ней безпрестанно воры наши покачивались, да воронъ и сорокъ собою кормили. Какого-то старика, что выдавалъ себя за родича того-то разиновскаго есаула, въ бочку за-

билъ, созвалъ село : « вотъ, — говоритъ, — какъ я учу разбойниковъ да бунтовщиковъ ! Смотрите ! » да такъ въ Волгу его и кинулъ. Плавалъ старикъ этотъ по Волгѣ двое сутокъ, а на третью пастухи его на той сторонѣ рѣки вынули, какъ его къ берегу водбило, и стали голодному ему ѣсть давать. Шатался, говорятъ, старикъ какъ муха осенью, не могъ все распрямиться — въ бочкѣ всего его разломало — и отказался отъ хлѣба. « Нѣтъ, сказалъ, не житье мнѣ теперь : останусь живъ — вездѣ баринъ найдеть. » Легъ на берегу Волги противъ нашей же земли, да тутъ и умеръ... Въ залѣ у того перваго князя на стѣнѣ семь плетей висѣло постоянно на колочкахъ : такъ и держалъ — одну для воровъ, другую для ослушниковъ, третью для потаччиковъ нашихъ — комвесаровъ, четвертую для иныхъ поблажчиковъ, и такъ всякому свою. Такъ-то, сынъ, воровство наше тутъ покорилося. Вотъ его и портретъ.

Илья взглянулъ на румянаго толстаго щеголя, въ пудрѣ, въ ордевахъ, въ кружевныхъ манжетахъ и въ мушкахъ. На золотой рамѣ портрета Илья прочиталъ надпись : « Князь Адамъ Бѣлоконь-Мангушко. 1758 годъ. »

— Родъ вашего перваго князя изъ-за Кіева, сынку ; сказываютъ, что гетманскій родъ. Сынъ этого главнаго нашего князя сперва въ Москвѣ служилъ, а потомъ сюда приѣхалъ хозяйничать. Онъ село наше какъ есть обстроилъ и обѣ церкви эти завелъ. А прежде люди здѣшніе на челнахъ въ Карабиновку къ обѣднѣ въ главные праздники ѣздили, за сорокъ верстъ. Это былъ дѣдъ нашего теперешняго князя. Его еще наши старики не припомнятъ ; а вотъ уже отца нашего килзя такъ всѣ помнятъ очень хорошо. Онъ у насъ винокурню каменную поставилъ, этотъ домъ старый на новый ладъ отдѣлалъ и жилъ въ свою волю. У него дѣвка въ церковь бывало не показывался. Ни одной, Илько, проходу не давалъ. Сынъ его, баринъ-то теперешній нашъ, съ дѣтства хилый такой вышелъ, все лечился ; послѣ хоть и поправился, женился, всѣ свои здѣшнюю и кіевскія слободы устроилъ, только рано померла жена его и онъ бездѣтный такъ и остался. Нынѣ онъ все по чужимъ краямъ живетъ, въ Италію теперь я ему пишу. Такъ безъ роду и безъ племени онъ вѣкъ доживаетъ тамъ, и кому мы доставемся, не знаю. Денегъ ему отсюда вдоволь высылаемъ. Надо мною тутъ французъ главный состоитъ ; онъ, при сахарномъ заводѣ въ городѣ жи-

веть и сюда повѣрять только меня наѣзжаетъ. Я же тутъ по хлѣбопашеству, гуртамъ, по винокуркѣ и по всѣмъ работамъ. Такъ-то. Вотъ его портретъ, Илько. Поцѣлуй барину ручку. Онъ нашъ благодѣтель.

Романъ ткнулъ акварельное изображеніе сѣдовласаго пастушка, въ соломенной шляпѣ и съ корзиною плодовъ въ рукѣ, къ печально-сжатымъ холоднымъ губамъ Ильи, обтеръ пыль съ портрета и опять поставилъ его на щегольскомъ рѣзномъ столикѣ портретной.

— Да! Кто-то тутъ будетъ баринномъ, какъ князь теперешній помретъ! задумчиво сказалъ прикащикъ.

— Въ казну насъ отберутъ, началъ Илья: — уже слышно... опять казаками...

Автонычъ улыбнулся.

— Найдутся, братъ, новые господа. Ужъ такъ безъ господъ, повѣрь, не будемъ. Моли только Бога за теперешняго князя. Съ нимъ мы не пропадемъ... А бредни о казнѣ да о волѣ позабуди. Вѣрно много глупостей въ бѣгахъ наслушался! Не младенецъ уже ты былъ, какъ въ бродяги пошолъ; оно точно — при нѣмцѣ намъ съ тобой плохо было... Ну, а теперь Господь чудо явилъ: изъ рядовыхъ, изъ нищихъ, я самъ видишь ли прикащикомъ... Старайся и ты!

Взошли на вышку. Въ окна бельведера во всѣ стороны открывался нескончаемый видъ полей, холмовъ и каменистыхъ бугровъ, а далѣе бѣлая полоса Волги, заслоненной нѣсколько прибрежными высотами.

— Отсюда нашъ князь, какъ наѣзжаетъ, любитъ смотрѣть на свои владѣнія! продолжалъ Романъ Танцуръ сыну: — и все спрашиваетъ: «тѣ вонъ бугры мои?» — «Ваши, говорю, ваше сіятельство!» — «А вонъ тотъ лѣсъ, а та вонъ даль?» — «И лѣсъ вашъ, и даль ваша!» Такъ онъ часто меня на первыхъ порахъ спрашивалъ. Тутъ семь тысячъ десятинъ земли княжеской... Есть надъ чѣмъ похлопотать, хоть князь насъ почти что забылъ... Люди тутъ какъ чужіе всѣмъ ходятъ!.. Да намъ впрочемъ крохи перепадаютъ... О чемъ ты задумался, Илья?

— Вы теперь точно вижу, батюшка, тутъ главный хозяинъ: дайте же и мнѣ Бога за васъ молить, дайте мнѣ на землю сѣсть, къ міру, къ обществу, на хозяйство! Вы же говорите, что князь насъ забылъ и что люди наши какъ чужіе всѣмъ ходятъ!

Романъ плюнулъ.

— Опять! вижу я, что ты дурень, и больше ничего! Поидемъ домой! Въ бѣгахъ ты ума не набрался, дуракомъ и умрешь!

Ключи опять загремѣли. Романъ съ сыномъ пошелъ обратно. Тихо они шли снова мимо штофныхъ голубыхъ занавѣсей, зеркалъ и портретовъ, по паркетамъ, коврамъ и рѣзнымъ лаковымъ лѣствицамъ. Солнце ярко свѣтило въ разноцвѣтныя, голубыя, алыя и желтыя стекла фигурчатыхъ оконъ и наружныхъ стѣкольных галерей. Внизу у выходнаго крыльца въ садъ Романъ остановился и, какъ будто забывши вспышку на сына, опять началъ.

— Князь забылъ насъ — такъ... Богъ вѣсть, когда и наѣзжалъ — такъ. Что же однако, посудить, изъ этого? Ты вѣдь не мальчикъ, сынку, поймешь. Я былъ голоднымъ бѣтракомъ, правда. Даже мужики меня голопятамъ звали — тоже правда. Тебя нѣмецъ гналъ и я защитить тебя тогда не могъ. Все это такъ. Однако же теперь? Знаешь ли ты, какъ я попалъ тутъ въ прикащики? Нѣмецъ, что тебя гналъ и билъ, замотался; князю стали мало денегъ высылать. Онъ, какъ тебя уже тутъ не было, и нагрязнулъ, прямо изъ нѣметчины, въ трехъ каретахъ явился. Приѣхалъ, такимъ чужестранцемъ ходить; бывало все село на него изъ-за угла въ грядить. Уже и тогда старъ онъ былъ, а все картины рисовалъ и село наше съ разныхъ концовъ снималъ на бумагу красками. Тотъ портретъ, что ты видѣлъ, онъ самъ съ себя тоже тутъ срисовалъ. Жилъ онъ у насъ цѣлое лѣто, скучалъ по чужимъ краямъ... А барыня Перебоченская, что за Лихимъ тутъ теперь живетъ, тогда землю на аренду сняла у сосѣда своего, приѣхала къ князю и говорить: «Что вы все на нѣмцевъ надѣетесь, князь? Да вашъ простой мужикъ лучше всякаго нѣмца тутъ управится. Вотъ хоть бы вашъ Романъ Танцуръ, что за овцами у васъ ходилъ и два раза уже у васъ въ Черноморье ѣздилъ за скотомъ. Посадите хоть его въ прикащики; въ годъ, въ два онъ привыкнетъ и всѣхъ этихъ, клянусь вамъ, иностранцевъ вашихъ за поясъ заткнетъ!» Засмѣялся князь: «А что же, говорить, сударыня, попробуемъ! у васъ вѣрный хозяйскій глазъ! Позвать, говорить, Романка.» Меня и позвали. Вхожу я, а они оба сидятъ: барыня чулочекъ тутъ же вяжетъ за просто, а онъ на треножникъ по холсту красавицу какую-то рисуешь. Стали они меня спрашивать, да тутъ же меня для

пробы на годъ, подъ надзоромъ барыни этой, и опредѣлили. Доходы князя я удвоилъ сразу; не забываю я съ той поры за барыню, за Палагею Андреевну Перебоченскую, Бога молить. Вотъ послужи такъ-то, Илья, и ты нашему барину, и тебѣ будетъ хо-рошк! Садъ знаешь? любишь ходить за нимъ? Учился гдѣ-нибудь по садамъ?

— Учился въ Крыму и въ Бессарабіи...

— Вотъ тебѣ бы на первое время и дѣло; а тамъ въ конторщики, мнѣ помогаль бы книги вести, счеты... Бѣда мнѣ съ вашимъ братомъ бѣглымъ; велѣно васъ принимать. А какіе бываютъ изъ васъ? Вотъ почти весь нашъ оркестръ музыки былъ въ бѣгахъ и воротился. Буянъ на буянѣ. Ты бы ихъ остерегался. Того и гляди — всѣ въ острогъ пойдутъ; ты хоть просишься къ плугу, на землю, а они ничего не хотятъ дѣлать!

Пошли въ садъ отецъ съ сыномъ. Запустѣлыя развѣсистыя алеи пахли черемухами и тополями. Кусты жимолости и рай-дерева были въ полномъ цвѣту. За прудомъ отзывалась иволга, соловьи перекликались. Прошли мимо шпалеръ вынутыхъ изъ-подъ зимней покрывки виноградныхъ лозъ.

— Это бы дѣло поправить надо было также. Нашъ французъ требуетъ, чтобъ виноградъ мы поддерживали, а ходить за нимъ некому! Поработай пожалуй пока со всѣми мужиками, Илько, а тамъ тебя и къ саду можно наставить. Тутъ въ садовничьей хаткѣ и жить тогда себѣ можешь, коли ищешь отъ насъ сѣсть особнякомъ. Кстати же садовникъ былъ тутъ нанятою, да отъ насъ недавно отошолъ...

На душѣ у Ильи отлегло; онъ просвѣтлѣлъ, Романъ подозрительно вдругъ взглянулъ на него.

— А все-таки лучше бы ты мнѣ, Илько, сразу подъ руку пошолъ — въ конторщики; счеты бы вмѣстѣ сводили. Я не грамотный, а ты грамотѣ знаешь... Я бы ужъ тебѣ тогда все бы предоставилъ; ты какъ сыръ бы въ маслѣ катался. А то чужие все видишь ли ненадежные... Тогда и о талавѣркиной дочкѣ, чтоли, мы бы съ тобой подумали. Ну, да что я! Обживись, а тамъ еще подумаемъ вмѣстѣ! Ступай же себѣ, поброди по селу. Завтра тоже погуляй, отдохни, а съ понедѣльника десятскій загадастъ тебѣ на барщину; смотри, иди безъ отказа. Примѣръ давай другимъ!

Весь день въ субботу до вечера, Илья дѣйствительно бродилъ по

села, заговаривая съ бывшими сверстниками и присматриваясь къ разнымъ лицамъ, но почти не узнавая никого. Отыскалъ двухъ-трехъ изъ бывшихъ деревенскихъ друзей своихъ, теперь уже бородатыхъ и заматерѣлыхъ мужиковъ, давно женатыхъ и надѣленныхъ кучею дѣтей. Походилъ онъ опять по саду, побродилъ волежъ опустѣлой послѣ зимы барской винокурни въ концѣ села, откуда слышалась музыка, скрипки, кларнеты и даже барабанъ: тамъ обучался оркестръ; видѣлъ издали Илья приходъ на громадный хлѣбный токъ такъ называемой барщины, толпы работниковъ и работницъ съ очередной половины села. Подъ вечеръ онъ разыскалъ мѣсто бывшего двора и хаты отца, куда онъ во время оно забитымъ и голоднымъ ребенкомъ бѣгалъ съ господскаго двора. Онъ нашолъ это мѣсто на Окнинѣ, на окраинѣ небольшой луговины, у глухого конца села. Окниной оно называлось отъ просвѣтовъ на землѣ множества студеныхъ ключей, бывшихъ сквозь траву у скатовъ того самаго косогора, по которому было раскинуто село и стоялъ особнякомъ господскій дворъ и садъ. Вода здѣсь была необыкновенно холодна, чиста, вкусна и полезна для растительности. Стаи птицъ постоянно роились надъ бархатною, густою и яркою зеленью травы надъ луговиною Окнины, — водились въ ней, и всякими стопами и криками наполняли здѣсь свѣжій воздухъ. «Эхъ, батюшка, батюшка! вотъ бы гдѣ намъ гнѣздо постоянное свить, на старомъ-то бы мѣстѣ, а не подъ домомъ жить!» подумалъ Илья, разсматривая бывшее свое пепелище, гдѣ торчала только груда кирпичей бывшей печки, валялось нѣсколько черепковъ, да росла три-четыре обломанныхъ, а пѣкогда пышныхъ и развѣсистыхъ вербы.

Окнина была сейчасъ за канавой сада, съ той стороны, гдѣ въ саду начиналась уже дичь и глушь, и гдѣ росли однѣ ольхи да лозы, вѣчно полныя стаями крикливыхъ воронъ и задорныхъ копчиковъ. На закатѣ солнца Илья Танцуръ опять пошелъ за село на другой, высокій бугоръ и долго сидѣлъ на немъ, глядя на бѣлѣющую вдали полосу Волги. Такъ многіе простолюдины безсознательно любятъ сидѣть по цѣлымъ днямъ у береговъ этой рѣки, неся въ этомъ случаѣ сходство съ жителями морскихъ прибрежій.

Поздно пришелъ Илья въ отцовское помѣщеніе. Конторскій чай онъ пропустилъ; едва захватилъ самый ужинъ. Къ старику

Роману приходили опять озабоченныя лица за приказомъ даже подъ праздникъ. Видно было, что прикащикъ строго велъ себя съ подчиненными. «И глѣ отецъ этой важности набрался? Каковъ! Точно судья какой или засѣдатель!» думалъ Илья. Мать скоро легла спать. Романъ ушелъ въ комнату, сосѣдную съ тою, гдѣ жилъ, и долго сидѣлъ тамъ одинъ, вздыхая и тихо пощелкивая костяжками счетовъ. Власикъ, набѣгавшись за день, какъ упалъ на свой тулупчикъ у печки, такъ тамъ и заснулъ. Скоро заснулъ и Илья, думая про Власика: «Не самъ ли это я опять тутъ, въ этой же самой конторѣ? Конторщикъ другой, именно мой отецъ. Но неужели же это мой отецъ? Какъ люди мѣняются!»

На другой день Илья проснулся рано. Отецъ ушелъ въ церковь; матери тоже не было. Власикъ чистилъ какой-то тазъ, пыхтѣлъ и возился, опять весь взъерошенный, веселый и проворный какъ мышонокъ.

— Дядя Илья! васъ тамъ въ саду возлѣ мостка человекъ одинъ дожидаетъ! сказалъ Власикъ, шевеля большими сквозными ушами, подмигивая и добродушно посмѣиваясь.

— Кто такой?

— Не знаю! — Власикъ смѣялся и оттого, что въ конторѣ было новое лицо, и оттого, что на дворѣ было свѣтло и его манило самого туда.

Илья умылся одѣлся и вышелъ въ садъ. Въ концѣ кленовой дороги прогуливался худощавый господинъ въ пальто и въ картузъ, держа одну руку въ карманъ, а другую за лацканомъ. Подойдя къ нему, Илья не зналъ, снимать ли передъ нимъ шапку или нѣтъ.

— Илья Романовичъ? спросилъ тотъ.

— Точно такъ-съ...

— Кирюшка-съ! Я первая флейта въ тутошнемъ оркестрѣ-съ!.. Вашу руку!.. Я Кирюшка Безуглый. Позвольте мнѣ-съ, отъ всего усердствія, взять васъ за руку и поблагодарить-съ!

— За что же? Но я не знаю вовсе васъ...

— Вы спаситель моей Фроси... Какъ же-съ! именно-съ! Изъ голубника-съ, отъ этого поляка кровопійцы-съ... Я все знаю и по гробъ моей жизни этого не забуду-съ; нѣтъ, нѣтъ-съ, я васъ обвиню и того во вѣки-вѣковъ не забуду!

Кирило крѣпко обнялъ Илью. Сѣрые, лѣнивые и тусклые глаза его глядѣли добродушно, ласково.

— Вы, Илья Романычъ, можно сказать, спасли отъ сущей гибели и посрамленія меня и Фросю. Не освободи вы ее, утормъ бы ей барыня косу отрѣзала-сь, это безпремѣнно! а не то, послала бы въ станъ; насъ такъ-сказать этотъ обходъ засталъ на мѣстѣ; помня дѣвичій стыдъ ея и честь, я кинулся бѣжать — не отъ трусости, но чтобъ ее спасти! Мнѣ что! А теперь все спасено и утормъ, на переборкѣ, дѣвушки сами Фроси не выдали, хоть и хотѣли бы.

— Ахъ, братецъ, я самъ недумалъ! возразилъ Илья, польщенный такими благодарностями господина, одѣтаго въ пальто.

— Нѣтъ! Ужь вы меня извините, а я привелъ сюда и моего друга, Саввушку-сь, тоже нашего музыканта. Мы изъ оркестра здѣшняго! Савка, а Савка! Саввушка! Выходи сюда!

Изъ кустовъ цвѣтущаго древеснаго жасмина поднялся другой, еще болѣе сухощавый и чахлый господинъ, также въ пальто и въ фуражкѣ. Этотъ былъ на видъ совершенно чахоточный. Блѣдныя впалыя щоки его и мертвенно тусклые глаза рѣзко отъѣнялись черными густыми бровями и маленькими шелковистыми усиками.

— Саввушка, благодари ихъ. Вотъ Илья Романычъ спасъ мою Фросю. Кланяйся, да ну-же, кланяйся! Этого во вѣки я не забуду!

Саввушка и Кирило снова поклонились Ильѣ.

— Ахъ, братцы! да что вы! Да я самъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! И не смѣйте вспоминать и беспокоиться. Мы ваши слуги отнынѣ. Папироски курите?

— Нѣтъ... курилъ, да бросилъ.

— Ну, мы сами покуримъ. Позволяете?

— Ахъ, помилуйте, курите. Почему-жь?

— Мы отойдемъ сюда къ сторонкѣ, къ канавамъ-то. Повинаете? Чтобъ изъ дому не было видно — отъ вашего батюшки-сь...

Новые знакомцы отошли къ концу сада, къ вербамъ. Кирило досталъ изъ-за пазухи потертую сигарочницу. Онъ вообще вель себя развязно, къ Саввушкѣ относился шутя, а къ новому пріятелю весьма дружелюбно. На обоихъ рукахъ его были перстни. Саввушка шолъ молча, тоскливо вздыхая и грустно посматривая по сторонамъ.

— Вы съ отцомъ своимъ какъ? спросилъ Кирило, съ важною умѣлаго закуривая сдѣланную самимъ имъ папирску.

— А что?

— Слышали мы, что вы теперь съ воли... значить свѣту-то и дѣловъ всякихъ посмотрѣлись. Какъ вы съ вашимъ отцомъ? Какого вы то-есть о немъ теперь понятія стали?

— Еще мало разглядѣлъ, братцы.

— А, мало! Слышишь, Саввушка? Савка, слышишь?

Кирило подмигнулъ съ невыразимымъ, торжествующимъ взглядомъ. Саввушка на него искоса взглянулъ, какъ бы сказавши: «что и говорить! бѣда, да и баста!»

— Мошенникъ, пресушая бестія вашъ батюшка! сказалъ Кирило, мигнувши Ильѣ: — коли еще не узнали, такъ знайте!

Илья покраснѣлъ.

— Это такая выжига, что въ цѣломъ такъ-сказать государствѣ поискать! продолжалъ Кирило Безуглый: — князь ему вѣрить, а онъ людей полагаетъ за ничто. Работы всѣ подъ его началомъ; счеты онъ тоже ведетъ. Да это впрочемъ насъ не касается. А я вотъ что: за что онъ насъ голодомъ держитъ, музыку-то? Мы было всѣ разбѣжались... да опять недавно вотъ сошлись!

— Такъ и вы тоже, братцы, въ бродягахъ были?

— Какъ же! О, какъ же! Мы здѣшній, говорю тебѣ, есауловскій оркестръ. У насъ венгерець капельмейстеръ, и мы живемъ за мельницами, въ домѣ стараго винокуреннаго завода. Захотѣлось нашему князю музыку свою тутъ имѣть на случай приѣздовъ, какъ въ кievской главной его слободѣ. Онъ и отписалъ. Сперва итальянца прислалъ, а потомъ венгерца...

— Давно это васъ набрали въ музыку? Я какъ тутъ былъ, васъ не было еще.

— Да лѣтъ семь будетъ. Какъ приучили насъ по малости, содѣннiе помѣщики стали разбирать насъ на балы, на вечера; даже въ городъ два раза къ губернатору насъ на выборы возили.

— И выгодное это дѣло, братцы?

Саввушка тяжело вздохнулъ и сѣлъ на канаву. Кирило досталъ изъ сапога флейту.

— Вотъ я на чемъ играю...

Онъ взялъ нѣсколько звуковъ. Тонкіе, тихіе переливы раздались подъ вѣтвями нависшихъ вербъ.

— Хорошо?

— Хорошо...очень, братъ, это хорошо...

— Ну, а первое время я повѣситься, Илья Романычъ, хотѣлъ отъ этой-то каторжной дудки! Ей-богу! Такъ она мнѣ была не по нутру! Взяли меня отъ огорода. Дали эту дудку въ руки. Я приложилъ косточки къ губамъ. Дую, а оно не выходитъ, только пытитъ въ продушинкѣ. Ужь билъ же меня, билъ итальянецъ. Одначе вничего послѣ, вышло хорошо, и я самъ теперь люблю эту-то статью. Только не всѣ ее одолѣли, вотъ хоть бы Саввушка! Спроси его...

Илья взглянулъ на пріятеля Кирилы. Тотъ сидѣлъ блѣдный, болѣзненный. Кирило Безуглый нагнулся къ нему.

— Савка! Плохое дѣло кларнетъ? спросилъ флейтистъ.

— Плохое! глухо проговорилъ пріятель, покраснѣлъ и закашлялся.

Кирило посвистѣлъ еще на флейтѣ и спряталъ ее опять за сапогъ.

— Теперь я хоть дѣвочкамъ-то играю на забаву. И все бы вничего. Да вотъ кормятъ-то, кормятъ насъ теперь плохо. Прежде баловъ было больше, итальянецъ, заработки имѣлъ и мы вничего экономіи не стоили. А венгерцу теперь плохо пришлось. Что заработаемъ за зиму, то лѣтомъ и проѣли. А тутъ глушь, донщина близко. Князь-то тоже насъ затѣялъ, да видно и забылъ. Вонъ хоть Саввушка — первый грудъ надорвалъ. Да и не онъ одинъ. Но вы, Илья Романычъ, спросите, чѣмъ Савка до музыки, значить, былъ?

Илья спросилъ Саввушку.

— Художникомъ въ Петербургѣ былъ, живописцемъ! началъ печально Саввушка: — я по живописи шолъ; съ-измальства къ ней наклонность имѣлъ! Князь самъ меня туда отвезъ еще мальчишкой. Учителемъ моимъ былъ самъ... Карлъ Павловичъ Брюловъ, коли знаете... Я у нихъ на квартирѣ жилъ, прислуживалъ, и учился.

— Нѣтъ, не знаю. Куда намъ знать.

Кирило съ ожесточеніемъ ударилъ картузомъ о землю.

— Нѣтъ, вы спросите его, какъ онъ сюда-то, въ эту музыку-то анафемскую попался? замѣтилъ онъ обращаясь къ Ильѣ.

— Какъ попался, продолжалъ, грустно покачивая головою, Саввушка: — была уже моя одна тамъ такая картинка, значить,

хорошая; ее хотѣли ставить даже на выставку... Меня поощрили. Я самому Карлу Павловичу краски растиралъ, кисти мылъ. Онъ и похвалилъ меня нашему князю, какъ тотъ собирался сюда ѣхать. А у меня грудь похварывала. Князь и говорить: «хочешь домой, Савка, родныхъ навѣстить, воздухомъ свѣжимъ подышать на вакаціи?» Я говорю: «очень радъ-съ.» Онъ и взялъ меня сюда; а отсюда-то поѣхалъ онъ въ чужіе края не на Петербургъ, а на Турцію, на Одессу, — отсюда меня не взялъ; да съ той поры, забылъ ли онъ чтоли, или такъ случилось уже на мое горе: онъ за границей остался, а я тутъ застрялъ безвыѣздно. Приставалъ я къ прикащику да къ старостамъ, а тутъ вотъ вашего отца наставили. Онъ мнѣ въ отвѣтъ одно: «я человекъ неграмотный, твоихъ дѣловъ не знаю.» Глушь тутъ, вы знаете какая. Посовѣтоваться не съ кѣмъ. Жаловаться тоже некому. Поговорилъ я съ старикомъ нашимъ священникомъ — тогда еще другого молодого тутъ не было, а онъ мнѣ: «покорясь, господа твои лучше знаютъ что дѣлаютъ, а иконы и тутъ можешь расписывать, коли кто тебѣ закажетъ.» Скоро послѣ сталъ изъ мужиковъ тутъ итальянецъ музыку составлять; Антонычъ-то, вашъ отецъ, и приказалъ мнѣ, какъ уже обучоному грамотѣ, къ итальянцу на кларнетъ стать. Съ той поры я тутъ и стою. Выучился я на кларнетѣ, да грудью вовсе плохъ сталъ... Какой я музыкантъ! мнѣ бы по живописи, вотъ что!

Кирило дослушалъ пріятеля и опять ударилъ картузомъ о землю.

— Эхъ! терпи Саввушка! Такова, значить, доля наша. А что, господа, не выпить ли пивца или зелененькаго? Какъ же! Безъ этого нельзя! Вотъ васъ за Фросю надо пожаловать...

— Я не пью, ихъ угостите! сказалъ Илья, указывая на Савушку.

Саввушка махнулъ головой и улыбнулся.

— Нѣтъ! Куда ужъ мнѣ! Вы идите! Я пойду поброжу еще. Благо день воскресный. Завтра опять за музыку. Венгерецъ контрактъ какой-то съ городомъ затѣваетъ и все насъ заставляетъ новое на отъѣздъ разучать...

— Я не пойду завтра. Я съ пріятелемъ гуляю...

— Художникъ долженъ въ смиренности жить, такъ училъ кое-кого изъ нашихъ кутиль-живописцевъ поивный Карлъ Павловичъ! перебилъ Саввушка: — помню я однажды, сидѣлъ онъ

подъ куполомъ Исакія съ своими учениками, а я по-просту за стуломъ его стоялъ. «Что мнѣ, сказалъ онъ, озираясь: — что мнѣ этотъ тѣсный куполь, господа! Дали бы мнѣ волю, я раздвинулъ бы его на все какъ-есть небо, и написалъ бы на немъ исторію всѣхъ вѣръ на землѣ, и какъ надъ всѣми вѣрами верхъ взяла христіанская... Ужь что хотѣлъ Карлъ Павловичъ нарисовать на такомъ куполѣ, не знаю; а у меня день и ночь тѣ слова его изъ головы, братцы, не выходятъ. И умру, а не забуду я ни ихъ, ни его самого! И далъ бы я полруки на отсѣченіе, чтобъ посмотрѣть теперь на Исакію, каковъ онъ...

Саввушка замоталъ головою, повторяя: «не забуду, во вѣки не забуду.»

— Товарищъ, руку? спросилъ Кирило Безуглый Илью: идетъ?

• — Что? спросилъ Илья, подавая ему руку.

— Будемъ значить душа въ душу жить? — Илья вспомнилъ слова отца о музыкантахъ.

— Будемъ! отвѣтилъ онъ.

— Ты насъ отцу не продашь? Ты не Іуда, малый?

— Не продамъ... что вы, ребята!

— Ну, пойдемъ же въ шинокъ. Водки не пьешь, меду или пива выпьемъ. А на Савку надежда плоха. Теперь ужъ онъ провоеетъ цѣлый день. Про своего Брилова вспомнилъ! Ахъ ты, художникъ! Кто васъ полюбитъ? Будь лучше всякъ прикащикомъ. Въ морду далъ — всякъ битый навѣрное полюбитъ!

Илья и Кирило перелѣзли черезъ канаву и за садомъ пошли въ деревенскій шинокъ, гдѣ флейтистъ тотчасъ представилъ новаго пріятеля всей честной компаніи, и пошла попойка.

Илья Танцуръ, какъ сказалъ, такъ и поступилъ. Онъ отпилъ только вѣсколько изъ стакана пива, а отъ прочаго отказался. Но вышелъ онъ изъ шинка особенно веселый и довольный, даже покраснѣлся.

Весенній яркій день затеплѣлъ полѣтнему. Кучки народу бросились купаться къ Лихому.

— Какъ слобода-то наша измѣнилась съ той поры, какъ я тутъ былъ! сказалъ Илья, уходя съ Кирилой бродить далѣе за

село: — народъ совсѣмъ не тотъ сталъ! Какъ-то веселѣе глядеть! Точно его никогда и не бывали!

— Да, новыя времена подходятъ! отвѣтилъ Кирило: — мы слышали, какъ зимой въ городъ были. Много болтають, да почитай пустое, — все еще ничего нѣтъ.

Они отошли далеко за село. Шли каменистыми буграми. Влѣво мелькали побережья Лихого.

— Не выкупаться ли и намъ? спросилъ Илья.

— Давай. Можно для друга.

Кирило былъ сильно навеселѣ. Они пошли къ рѣкѣ.

Скалистый отвѣсный берегъ Лихого здѣсь особенно былъ хорошъ, какъ у большей части рѣкѣ, впадающихъ въ Волгу. Кое-гдѣ по берегу торчали дуплистыя липы и бересты, шли маленькіе лѣски. Волнуясь и медленно поднимаясь шли, и здѣсь по берегу холмы, торча то зелеными плоскими шатрами, то мѣловыми остроконечными вышками, въ расщелинахъ которыхъ мелькали верески, розсыпи желтыхъ песковъ, сланцы разноцвѣтныхъ глинъ, а по гребнямъ отдаленныхъ бугровъ, будто кабанья щетина, остовы усыхающихъ; съ незапамятной старины уцѣлѣвшихъ дубовъ. Тутъ известковыя стѣны, столпясь бѣлымъ сказочнымъ стадомъ, нависли надъ поемною болотистою равниною. Тамъ тѣже бѣлые холмы убѣжали прочь, волнуясь вдали безпорядочными догами, лѣсистыми балками и темными, зіяющими оврагами. Въ недосыгаемомъ для глаза отдаленнн изъ нихъ опять выскакивали два-три новыхъ синѣющихъ горба. Холмы огибали полнеба, подковою свертывали вправо, и будто набѣгавшись, усталые, бросались вдоль другого ручья, въ упоръ къ Волгѣ, и всѣмъ отрядомъ своимъ облакачивались о ея воды, купаясь и отражаясь въ ихъ голубомъ разливѣ.

Илья и Кирило стали раздѣваться на берегу Лихого, подъ густымъ берестомъ, у плотины старой запустѣлой водяной мельницы сосѣдняго вольнаго села. Село спрятано было за косогоромъ по тотъ бокъ рѣки. Мѣсто это представляло опять порядочную глушь и личь, верстахъ въ двухъ выше Есауловки. За рѣкой паслись рыжія такъ-называемыя татарскія курдючныя овцы. Мальчишка пастухъ спалъ въ тѣни подъ камнемъ.

Новые друзья стали купаться, весело разговаривая и пересмѣиваясь.

— Ты выкупаешься, домой пойдешь, отлично нашься у

отца—матери! сказалъ Кирило, жадно остужая пылавшее лицо и тѣло прохладною водою.

— Да отчего же ты думаешь, Кирюша, что я спать лягу?

— Оттого, Илько, что уже про вашего брата казака сказано... вѣдь ты казакъ по крови, по дѣламъ, а мои дѣлы москалями сюда пришли; у насъ тутъ каша, мѣсиво, ты видишь... ты черномазый, а я бѣлобрысый, ты казакъ съ Двѣпра, а я казакъ съ Дону, т. е. почти не казакъ! Сказано: оттого казакъ гладокъ, что поѣлъ, да и на бокъ!

Кирило однако прежде на себѣ испыталъ эту пословицу, вышелъ изъ воды, легъ на солнышкѣ, потянулся на травѣ и сталъ дремать, пока Илья смывалъ съ себя прахъ долгихъ переходовъ и страствованій на родину. Вымывшись до—сыта, Илья опять бросился въ рѣку, нырнулъ и выплылъ, обогнувши лѣсистый островокъ у плотины. Посмотрѣлъ, а на другомъ берегу, подъ тѣнью мельницы, сидитъ молодой пасмурный и блѣдный священникъ съ удочкой. Онъ слегка покачивался и напѣвалъ какой—то гимнъ.

— Здравствуйте, батюшка! отозвался съ непривычной развязностью Илья, выставившись по поясъ изъ воды и особенно весело настроенный выпивкой пива: — извините, что я такъ... голышомъ, значить...

Священникъ кивнулъ ему головой, приподнявши широкую пуховую шляпу. Это оказался человекъ лѣтъ двадцати—пяти, сутуловатый, съ широкимъ скулистымъ лицомъ, глухимъ отрывистымъ голосомъ и сѣрыми задумчивыми глазами.

— Кто вы? спросилъ священникъ, бывшій слегка близорукимъ и невидѣвшій изъ—за мельницы, кто это.

— Угадайте.

Илья выжималъ воду изъ кудрявыхъ черныхъ волосъ. Бороды у него еще не было.

— По тѣлу моему угадайте! Что? спросилъ Илья: — трудно по тѣлу угадать? Баринъ я или мужикъ? ага! трудновато?

Въ это время по другую сторону рѣки, выдвинувшись изъ—подъ береста, сталъ одѣваться Кирило, спиною къ мельницѣ. Священникъ не узналъ флейтиста и сталъ въ тупикъ, рассуждая по замѣченному на землѣ пальто музыканта, не господа ли охотники это изъ дворянъ, попавшіе сюда случайно прогулкою вдоль Лухого.

Илья смѣялся.

— Что, батюшка? По тѣлу—то бѣлому всё значить равны? Натура—то у всѣхъ насъ, значить, одна передъ Господомъ?

— Вы не изъ Карабиновки, не г. Павлова родня? продолжалъ спрашивать голаго незнакомца близорукой священникъ.

Илья такъ и покотился со смѣху.

— Рабъ, батюшка, мужичокъ, ваше преподобіе! Да еще изъ бѣглыхъ, воротился значить; становому пожива есмь въ другомъ какомъ случаѣ!

Илья весело кланялся, высунувшись изъ воды. Священникъ, увиав свой промахъ, озадачился. Тутъ подошолъ Кирило по плотинѣ, и дѣло окончательно объяснилось. Илья скоро также одѣлся и прибѣжалъ на берегъ подъ мельницу.

— Это отецъ Смарагдъ, Илюша! сказалъ Кирило, — другой тотъ нашъ священникъ въ Есауловкѣ, что я тебѣ говорилъ. Мы съ тобою сегодня обѣдню прогуляли. Вы намъ простите, батюшка?

— Это Илюшка, батюшка! Романа Антоныча сынъ! прибавилъ Кирило: — другъ мой новый! полюбите—съ, какъ и меня!

Священникъ покосился на друга Кирилы и сталъ убирать удки и прочіе припасы неудачной въ тотъ разъ рыбной ловли, угрюмо прибавивши: «Заслужить, такъ полюбимъ!»

— Ничего, батюшка, не поймали? спросилъ Кирило, присѣвши на корточки.

— Ничего, запоздалъ должно быть.

— Да вы, батюшка, все на червей. Попробуйте на хлѣбъ. Караси пойдуть: — тутъ ихъ гибель подъ плотиною. Мы венгерду иной разъ бреднемъ ловимъ...

— Далеко домой за хлѣбомъ теперь идти.

— Я тутъ достану... сейчасъ вотъ достану... для васъ, батюшка, можно! Вонъ у мальчишки въ котомкѣ навѣрно хлѣбъ есть...

Кирило побѣжалъ къ спавшему пастуху. Священникъ, сѣвши снова подъ тѣнь мельницы, не безъ любопытства посмотрѣлъ на сына Романа Танцура, который такъ озадачилъ его вопросомъ касательно своего тѣла.

— Такъ ты тотъ самый Илья, что такъ долго въ бѣгахъ былъ? спросилъ отецъ Смарагдъ, пристально и строго осмотрѣвши съ ногъ до головы стоявшаго передъ нимъ Илью.

— Я, батюшка.

— Гдѣ же ты былъ до-сихъ-поръ?

— Гдѣ день, а гдѣ ночь, вездѣ понемножку.

— Знакомый отвѣтъ...

Священникъ задумался.

— Самъ пришолъ, или привели?

— Самъ... я вамъ уже доложилъ про то...

— Чтоже такъ волю-то бросилъ?

— Еще неволи захотѣлось попробовать.

— Вѣрно узналъ, что отецъ въ прикащикахъ?

— Видитъ Богъ, не зналъ, батюшка. И что мнѣ въ томъ!

— Чтоже, еслибы узналъ?

— Можетъ быть... и не воротился бы!

— Вотъ какъ! — Кирило принесъ хлѣба. Священникъ насадилъ на крючокъ новую наживу и бросилъ удку. Кирило рассказывалъ священнику, какую ему услугу сдѣлалъ Илья. Священникъ опять мрачно осматривалъ съ ногъ до головы Илью.

— Ну, теперь братъ, тебѣ отъ барыни, отъ той Перебоченской проходу не будетъ, коли она узнаетъ, что ты выпустилъ ея дѣвку изъ голубятни...

— Эва, батюшка! бабой пугать стали! Ужь булто съ той поры, какъ я бѣгать сталъ, на нихъ и управы не выдумали!

— Что таится, Илья, не говори! перебилъ Кирило:—это такая, что ее не задирай! Не знаешь ты еще этой барыни, батюшка правду говорить!

Священникъ, какъ видно, пользовался на селѣ полною любовью прихожанъ. Парни съ нимъ совершенно не стѣснялись. Онъ умѣлъ съ ними говорить, не важничая и вмѣстѣ не теряя своего обычнаго, грустнаго и строгаго настроенія. Рыба однакоже не клевала.

— Палагея Андреевна Перебоченская на чужой землѣ живетъ, продолжалъ священникъ: — только домъ ею построенъ самою. Она землю эту на аренду сперва взяла и перевела туда своихъ людей; гдѣ-то вмѣстѣ еще тутъ по близости хуторокъ, десятинъ въ восемьдесятъ земли, да домикъ въ городѣ. Только люди ея почти тоже всѣ разбѣжались, и Конскій-Сыртъ этотъ, какъ былъ еще до меня, и теперь глушь глушью. Устроена одна только барская усадьба, сарай для скотскихъ гуртовъ, да двѣ-три

людскихъ хатенки. Она все разыскиваетъ своихъ бѣглыхъ, но они какъ-то къ ней не идутъ по охотѣ...

Илья съ трепетомъ вспомнилъ каретника Талавѣрку въ Ростовѣ и дочь его Настю, и морозъ пробѣжалъ у него за спиною.

— Не встрѣчалъ ты, Илья, гдѣ-нибудь кого изъ ея бродягъ?

— Нѣтъ, не встрѣчалъ, батюшка...

— Твой отецъ къ ней часто ѣздитъ; она изъ сосѣдей его только и жалуетъ.

— Да, сказывали...

— Вы, батюшка, ни-ни! Его-то, Илью то-есть, съ отцомъ вы не мѣшайте! замѣтилъ рѣшительно Кирило: — онъ на отца не похожъ, ни-ни! Право слово! Онъ въ дворовые идти не хочетъ, а къ міру...

Священникъ молча закинулъ снова удочку.

— Какъ же ты, Илья? Чай отецъ-то не плохое теперь тебѣ мѣсто при себѣ далъ бы? Онъ такъ много дѣлаетъ добра князю, такъ хорошо ведетъ всѣ дѣла по имѣнію, что князь и тебя отличать.

— Не знаю, батюшка, что еще будетъ. А я бы отъ міра, отъ общества то-есть, не отлучался бы. Надоѣло безъ своей норы по свѣту маяться. Я бы лучше на землю, къ хлѣбу, къ овечкамъ; а не то, я садъ люблю, виноградомъ занимался...

— «О, разорительница эта Перебоченская. Въ пухъ погубила она не одного тутъ человѣка!» какъ бы про себя замѣтилъ пасмурный и блѣдный священникъ.

— Раскажите, батюшка, про генерала! подхватилъ Кирило, насаживая новую принаду на удочку священника: — вы про генерала Рубашкина ему расскажите! Какъ она завладѣла его землей и владѣетъ себѣ, ничего не слушая; какъ двумя тысячами дугу владѣетъ, всѣмъ значить Ковскимъ-Сыртомъ; какъ скотъ и табуны по немъ нагуливаетъ на продажу, а на всей-то землѣ всего одинъ домъ ея, и никакихъ бумагъ на ту землю у нея нѣту...

— Да, братцы, со вздохомъ сказалъ священникъ: — не дай Господи никому попасться въ передѣлку къ этой-то барышѣ, сосѣдкѣ нашей! Генерала Рубашкина она точно кажется по міру нищимъ пустить. Оттягала у него всю землю, чуть ли не ва-

вѣки, и врядь ли онъ ее получить обратно. А какой бы онъ со-
сѣдъ и намъ и вамъ былъ хорошій!

— Слышашь, Илюша? генерала въ порошокъ столкла! ска-
зала Кирило: — чтоже бы она съ нами-то сдѣлала, еслибы ты
Фросю—то изъ голубятни не вызволилъ... Звѣрь—баба, ехидна,
каменная душа! Видали мы скотниковъ, гуртовщиковъ изъ му-
щинъ — тѣ бываютъ ловки да бойки; а это изъ бабъ гуртов-
щикъ—барыня и всякаго мужика за поясъ заткнетъ...

Илья стоялъ въ раздумьи. Изъ ума его не выходилъ далекій
бѣглець, старикъ каретникъ Талавѣрка и его дочка Настя.

Въ это время на бугрѣ, въ полуверстѣ отъ мельницы, пока-
зался въ широкой соломенной шляпѣ, съ черною лентою на
тульѣ, въ пикеинномъ бѣломъ скюртучкѣ, лаковыхъ полуепож-
кахъ и въ розовомъ платочкѣ на шеѣ, некто юноша русскій по-
мѣщикъ, некто залетѣвшій изъ Швейцаріи въ эту глушь счастли-
вый путешественникъ, студентъ града Гейдельберга, некто нако-
нецъ упавшій сюда съ неба интереснѣйшій виргинскій планта-
торъ. Собесѣдники замолчали. Священникъ сильно шурясь вгля-
дѣлся, бросилъ удочку, наскоро собралъ рыболовные припасы и
пошелъ навстрѣчу къ незнакомцу.

— Идите, ребята, домой! сказалъ онъ Илья и Кирилъ: —
да свесите ко мнѣ на слободу и снасти! А ты, Илья, найди
какъ—нибудь; ты про виноградъ толковалъ: у меня лозы есть
подрѣзати. Я тоже пробую...

— Кто это? спросилъ Илья Кирилу про незнакомца.

— Этотъ—то генералъ Рубашкинъ и есть. Онъ живетъ тутъ
въ двухъ верстахъ отсюда за косогоромъ, въ вольномъ селѣ Ма-
ломъ Малаканцѣ. Водяная мельница и земля, на этой сторонѣ
рѣки, тамошнихъ поселянъ. Отъ насъ этотъ Малаканецъ въ пяти
верстахъ будетъ. Тамъ генералъ живетъ на квартирѣ у простого
мужика. Уже сколько времени тягается съ Перебоченскою, а
ничего съ нею не сдѣлаетъ. Все ждетъ рѣшенія. Генералъ и
тотъ ничего не сдѣлаетъ иной разъ! Чтоже мы-то сдѣлали бы,
коли нужда встрѣтилась бы?

Генералъ снялъ шляпу, дружески протянулъ руку священ-
нику и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ, какъ-бы безъ цѣли разговари-
вая, по той сторонѣ рѣки. Вѣроятно священникъ что—нибудь
сказалъ ему про Илью, потомучто Рубашкинъ издали оглянулся
на него, уходя въ поле.

Илья и Кирило перешли по плотинѣ обратно по сю сторону Лихого и направились къ Есауловкѣ. Не доходя до своего села, они въ развѣсистомъ зеленомъ байракѣ присѣли отдохнуть. Кирило вынулъ опять изъ сапога Флейту и сталъ играть. Флейта такъ вѣжно и такъ игриво запѣла, что издали могло показаться, будто въ зеленомъ оврагѣ, перелѣтая съ кудряваго дерева на дерево, стала перезваниваться голосистая, желтобокая иволга. И точно, заслышавши иволгу, весь байракъ мало-помалу откликнулся голосами другихъ птицъ. Эти голоса были подхвачены сосѣдними перелѣсками и кустарными буграми. Черезъ часъ пѣла вся окрестность, опять заслонившись отъ солнца широкимъ угломъ бѣловатой, развѣистой и медленно-плывшей по небу тучки.

Съ понедѣльника дѣйствительно отецъ рано тѣмъ-свѣтъ выслалъ Илью на огульную работу съ мужиками. Полъ Есауловки работало вѣтари съ начала недѣли три дня, а полсела три дня въ концѣ недѣли. Часть рабочихъ пошла въ поле съ плугами пахать подъ гречу, а часть на токъ очищать вороха мкины и домолачивать оставшіяся съ замы скирды хлѣба. Прикащикъ поставилъ сына съ лопатой на легкомъ вѣтеркѣ, приказавши ему перекидывать какіе-то хлѣбные озадки; самъ съ палкой походилъ, какъ говорятся, помозовалъ между молотниками, сѣлъ на каурую кобылку и поѣхалъ рысцою въ поле къ пахарямъ.

Появленіе новаго лица на селѣ, а особенно на огульной работѣ, всегда вызываетъ замѣтное впечатлѣніе. Тутъ же явилось такое любопытное лицо, какъ сынъ стараго волкодава, бывшаго голопятаго Ромашки Танцура, сынъ прикащика, двѣнадцать лѣтъ бывшій въ бѣгахъ. Мужики изъ-подлобья смотрѣли на него, постукивая по снопамъ цѣпами. Бабы, особою пестрою толпою молотившія въ сторонѣ овесъ подъ надзоромъ десятскаго, мало-помалу, едва уѣхалъ долговязый Романъ, будто отдыхая, стали облакачиваться на цѣпы и смотрѣть во всѣ глаза на Илью, тихо перешоптываясь между собою. «Чего не видѣли, пучеглазы!» зѣвая крикнулъ десятскій, болѣе по привычкѣ, чѣмъ изъ рвенія къ опостывшей ему самому работѣ. Онъ также лишній разъ повелъ глазами на Илью, который въ щегольскихъ высокихъ сапо-

гахъ, въ нанковыхъ шароварахъ и въ синей чуйкѣ, усердно вскидывалъ лопатой сорную труху, не поднимая глазъ отъ земли.

— Такое же природо зелье будетъ! съ холодною злобою сказала одна изъ болѣе бойкихъ бабъ.

— А одежда-то, одежда! подхватила вполголоса другая: — какъ на свадьбу псенокъ вырядился. Туда же! Съ нашего брата, бѣглаго, сейчасъ бы сняли чужую одежду, допросили бы; а его, въ чемъ пришолъ, сюда приставили! Вѣрно въ помощники себѣ готовить...

— «Душегубово племя!» — «Не сѣяно ростеть!» — «Чай прибылъ съ баткой распивать!» — «Съ господами станеть вѣдаться!» — «Въ прикащицкіе доносчики хамово отродье скоро попадетъ!» раздались кругомъ отрывистые, сперва сдержанные голоса. Десятскій громко засмѣялся, зѣвая и палкой қолотя по землѣ.

— И теперъ французъ наѣзжаетъ сюда почти за-даромъ! замѣтилъ и онъ тихо: — а какъ сойдутся отецъ съ сыномъ, намъ хотъ по лѣсамъ разбѣжаться.

Илья съ мучительной тоской глянулъ искоса вокругъ себя, собираясь перейти отъ одной кучи трухи къ другой. Десятки любопытныхъ, сердитыхъ и недружелюбныхъ лицъ попрежнему пристально смотрѣли на него. Илья взмахнулъ лопатой, и будто ничего не слыша, сталъ опять работать.

— Молчать! шепнулъ кто-то изъ мужиковъ на всю толпу.

— Воли налонался! рѣзко сказала баба: — подавиться бы тебѣ, душегубово сѣмя!

— Эй, вы! работать! отозвался десятскій умышленно-строгимъ голосомъ.

Работа пошла своимъ чередомъ. Тяжело дотянулся день для Илья. Не легко прошли первая и вторая недѣли. Стали косить первые поемные луга. Тоже повторилось съ Ильей и на лугу, когда онъ въ числѣ ста или двухсотъ косарей очутился среди густой травы на побережьи Лихого. Работа шла опять подъ надзоромъ десятскаго. Отецъ его былъ за покупками въ городѣ. Косари прошли три ручки и стали разомъ всей оравой точить косы. Раздались опять насмѣшливые голоса: — «Прикащицкій наслѣдникъ!» — «Иродово зелье!» — «Вскормленъ нами, да насъ же зубами за гуде!» — «Не сѣяно ростеть!»

Илья не вытерпѣвъ, сбросилъ косу, вышелъ изъ ряду вонъ и

сѣлъ къ сторонѣ, какъ-будто отдыхая. Но его и тамъ допекли громкія, въ упоръ кидаемыя насмѣшки. Илья всталъ противъ косарей, снялъ шапку и поклонился на всѣ четыре стороны.

— Православные! сказалъ онъ.

Толпа мигомъ смолкла.

— Сколько я ни ходилъ, православные, по свѣту, а нигдѣ не видѣлъ, чтобъ невинному голову рубили! Я отъ міра никуда. Между васъ дитятею росъ, между васъ наша хата стояла, отъ васъ я и теперь не пойду, коли не прогоните...

— Тебя никто и не гонить! Мы ничего...

— За что же попрекаете, православные?

— А водки выставишь, хамово отродье? отозвался голосъ посмѣяше изъ косарей.

Другіе громко захохотали.

— Съ нашимъ вамъ почтеніемъ. Много васъ, братцы, да я и послѣднее отдамъ!

Толпа весело загудѣла. Илья разстегнулъ жилетъ, изъ-подъ него вытащилъ двѣ депозитки и отдалъ косарямъ. Десятскій подошолъ, крикнулъ, погладилъ усы, протянулъ руку и вызвался самъ въ вольный шинокъ, въ Малый Малаканецъ, съѣздить за водкой. Опорожили боченокъ съ водой. Десятскій вскочилъ на телѣгу и поскакалъ напрямикомъ по полю. Черезъ часъ подоспѣла водка. Косари сѣли обѣдать. — «Ну, это не голопятый, не волкодавъ; это не старикъ Танцуръ, а человѣкъ, какъ человѣкъ! Сейчасъ видно хорошую душу, что по свѣту между добрыхъ людей уму-разуму набралася!»

Съ пѣснями воротились косари съ поля, съ перваго починка косовицы. Старый Романъ даже удивился, подѣзжая поздно вечеромъ къ барскому двору. «Что бы это такое было? Праздника нѣтъ, а вся слобода пѣсни играетъ!» Пошолъ осмотрѣть сторожей, и тѣ были на мѣстахъ. Въ слободѣ было смирно. Только пѣсни долго еще не прекращались.

Такъ былъ принятъ Илья Танцуръ въ составъ своего общества, громады.

III

ГЕНЕРАЛЪ РУБАШКИНЪ ТАКЖЕ ДОМА

Кто же былъ генералъ Рубашкинъ, съ которымъ священникъ, отецъ Смарагдъ, отъ мельницы пошолъ полемъ, и о которомъ Ильѣ сказалъ музыкантъ Кирило Безуглый, что его разорила барыня Перебоченская?

Адріанъ Сергѣичъ Рубашкинъ, сынъ мелкопомѣстнаго дворянина съ низовьевъ Волги изъ бывшихъ казаковъ, часть родныхъ котораго была на Украинѣ и въ Новороссіи, рано поступилъ въ Петербургъ на службу въ какой-то департаментъ писцомъ, да съ той поры въ продолженіи почти сорока лѣтъ не покидалъ ни Петербурга, ни этого департамента. Тамъ онъ получилъ съ тревогою въ душѣ первый канцелярскій чинъ, тамъ дослужился и до высшаго мѣста директора канцеляріи, а потомъ департамента, и съ нимъ до титула дѣйствительнаго статскаго совѣтника, то-есть небоевого генерала. Несмотря на сорокалѣтнее сидѣніе за столомъ, сперва на потертомъ и пролавленномъ стулѣ, а потомъ въ раззолоченномъ директорскомъ креслѣ, онъ сохранилъ силы, здоровье, бодрость духа и румянецъ щокъ. Отъ первой казенной квартиры подъ чердакомъ, надъ министерскимъ архивомъ и рядомъ съ швейцарскимъ помощникомъ, до послѣдней представительской квартиры въ двѣнадцать просторныхъ и теплыхъ комнатъ; Адріанъ Сергѣичъ остался тѣмъ же умѣреннымъ, иногда скуповатымъ, а подчасъ и любившимъ пожить смертнымъ, который впрочемъ дѣло женитьбы отвергалъ, какъ совершенно ему неподходящее дѣло в болѣшую частію насчетъ женскаго пола обходился втайнѣ, какъ-то слегка, урывками, не придавая этому особаго значенія. Напрасно сперва засматривались на него дочки престарѣлыхъ писцовъ, бухгалтеровъ, журналистовъ и столоначальниковъ, а потомъ, когда уже онъ облачался въ ордена и даже въ звѣзду, дочки такихъ же директоровъ и даже министерскія племянницы и внучки. Онъ говорилъ: «Женитьба — лотерейный билетъ; заранѣе не угадаешь, какой билетъ вынется. Блаженъ, кто выиграетъ; но еще блаженнѣе тотъ, кто вообще до всякихъ азартныхъ игоръ не охотникъ.» Живя въ

просторной сановничьей квартирѣ, съ собственнымъ швейцаромъ и холостыми назначенными вечерами, гдѣ собирався разнообразный людъ поиграть въ карты, поболтать и узнать новости правительственнаго свѣта, Рубашкинъ являлся къ гостямъ постоянно расфранченный, раздушенный, сюртукъ в бѣлье свѣжіе, съ игопочки. Комнаты его были уставлены мягкою щегольской мебелью, обвѣшаны красивыми картинами. Бронзы, ковры, зеркала и штофы показывали утонченный вкусъ хозяина. Кабинетъ его былъ полонъ бездѣлушками. На столахъ кучами лежали постоянно дѣловыя бумаги. Хорошо обезначенный щедрымъ жалованьемъ, Адрианъ Сергѣичъ не моталъ денегъ попусту. Отлично служилъ и ни въ чемъ не отказывалъ себѣ въ тихой домашней жизни смирнаго и пріятнаго холостяка. Лѣтомъ жилъ онъ на дачѣ, но какъ-то скупо и торопливо пользовался благами дачной жизни и ежедневно являлся въ городъ на службу, ни разу въ сорокъ лѣтъ не взявши себѣ отпуска даже на мѣсяць. Его любили всѣ, отъ департаментскихъ сторожей до крупныхъ чиновниковъ. Во всѣхъ своихъ потребностяхъ и мелкихъ привычкахъ онъ былъ въ высшей степени умѣренъ. Одно только было предметомъ его безумной, безграничной любви — это Малороссія, мифическій и таинственный образъ которой когда-то мелькнулъ для него и скрылся на долгіе годы. Всѣ толковали вокругъ него о Малороссіи, не только уроженцы тамошніе; но и видѣвшіе ее хотя бы мелькомъ. Рубашкинъ молчалъ, слушалъ, склонивши голову и какъ-то тихо улыбаясь, и думалъ: «Я тебя давно покинулъ, моя родина; но я, какъ сквозь туманъ, помню твои уютныя сады, бѣлыя, мѣломъ мазанныя чистенькія слободки; помню твои чудныя пѣсни и твои привольныя, грустно-снивующія степи. Я доберусь къ тебѣ когда-нибудь и зато останусь среди твоихъ пустынь любоваться навѣки твоею природою. Тамъ я и умру. Дай только дослужиться до порядочной пенсіи, чтобъ не умереть подъ старость съ голоду на родинѣ. Но куда ѣхать? Земли тамъ у меня нѣтъ. Живы ли родные, и про то навѣрное не знаю. Были кажется родные на Волгѣ, были въ Украинѣ, были и въ Новороссіи!»

Годы шли. Рубашкинъ, за давностью времени бросившій всякую переписку съ немногими близкими лицами на родинѣ, жилъ попрежнему степенно и отраднo. Являлся въ театрахъ, любилъ оперу, концерты, посѣщалъ нѣсколько первыхъ чопор-

нѣйшихъ домовъ изъ высшаго общества. Говорилъ и судилъ обо всемъ умно и дѣльно. Спокойно и умѣренно встрѣтилъ начало новыхъ реформъ. Какъ на отпѣтыхъ, живыхъ еще, но уже скорыхъ покойниковъ, съ улыбкой посматривалъ на откупщиковъ, посѣщая ихъ гостепріимные и попрежнему шумные обѣды и вечера, гдѣ толпилась еще вся служебная знать. Съ любопытствомъ прислушивался онъ къ поднятымъ затѣямъ крестьянскаго вопроса. Жадно пробѣгалъ въ газетахъ и въ журналахъ первые намеки такъ-называемой обличительной и гласной литературы. Гдѣ-то, по какому-то департаментскому промаху, какъ указали ему, прихлопнули и его самого. Онъ долго теръ себѣ лобъ и протиралъ глаза, прочтя о себѣ слова: «Бюрократы отжили свой вѣкъ; у канцелярскаго стола, Россія не узнаешь; надо ѣхать изучать ее въ провинціи: туда теперь отодвигается все лучшее, тамъ должна возрождаться за-ново наша жизнь.» — «Я бюрократъ? мертвецъ?» спросилъ самъ себя Рубашкинъ, воротившись съ одного пышнаго, блистательнаго вечера, гдѣ толковалось много о разныхъ послѣднихъ регламентаціяхъ, кодификаціяхъ и прочихъ бумажныхъ реформаціяхъ, и гдѣ были въ числѣ гостей даже два министра. — «Итакъ сорокъ лѣтъ я прожилъ даромъ въ этомъ воздухѣ, въ этой душной и темной тюрьмѣ!» прибавилъ Адрианъ Сергѣичъ, наскоро сбрасывая съ себя тончайшій черный фракъ, со звѣздой на груди, брильянтоваыя запонки и перчатки. Отпустивши единственнаго слугу изъ отставныхъ солдатъ-малороссіявъ, онъ взглянулъ на письменный столъ свой, заваленный кучею вновь принесенныхъ для прочтенія, соображенія и подписи пакетовъ съ текущими дѣлами, опять повертѣлъ въ рукахъ листокъ газеты съ завгрывающимъ письмомъ какого-то провинціального корреспондента о столичныхъ бюрократахъ вообще и о немъ самомъ въ особенности, и сталъ быстро ходить вдоль вереницы просторныхъ комнатъ своей директорской квартиры.

— «А они-то веселятся тамъ, важничаютъ, носъ деруть!» думалъ онъ о только-что оставленномъ вечерѣ, куда, гремя и сверкая фонарями, еще продолжали при его уходѣ подлѣзжать кареты. Въ его умѣ мелькали блѣдомраморныя плечи и величественныя улыбки дамъ, блонды, шолки, бархаты, золото и брильянты модныхъ туалетовъ. Въ его ушахъ звенѣли сабли и шпоры гвардейцевъ. Въ раздушонныхъ залахъ гремѣла музыка.

Носились, распространяя аромат духовъ и звуки французскаго діалекта, веселыя пары. У зеленыхъ столовъ играли въ карты важныя и задумчивыя лица. Чистенькія мордочки будущахъ счастливыхъ бюрократовъ, только-что испеченные чиновники изъ правовѣдовствъ и лицействъ, вричесанные первѣйшими парикмахерами и обученные танцамъ и французскому разговору первѣйшими питерскими учителями, въ кадрилѣ и даже въ полькѣ, протискиваясь изъ толпы, на-ходу сообщали своимъ дамамъ новости о крѣпостномъ тогда модномъ вопросѣ, о народномъ обученіи и объ откупахъ. — «И это все блестящее, самодовольное собраніе оканывается гилью!» рѣшилъ Рубашкинъ, остановившись передъ столомъ кабинета и опять повертѣвши въ рукахъ невзрачную газетку съ провинціальною корреспонденціей. Онъ вышелъ, чувствуя странный запахъ, въ переднюю, глянулъ за перегородку, гдѣ жилъ у печурки его слуга — солдатъ, и засталъ его за какою-то непомѣрно-душистою и жирною трапезою.

— Что это ты ѣшь?

Сѣдовласый гвардеецъ вскочилъ, прикрывая ладонью дымящуюся лохань, и оторопѣлъ отъ изумленія, что начальство его такъ неожиданно поймало.

-- Что это ты ѣшь, Приценко?

— Виновать, ваше превосходительство! Кишки всё оборвала здѣшняя прѣсная пища. Наквасилъ самъ за печуркою бураковъ, да и сварилъ нашего борщу, съ перцемъ и съ уткою...

— А варениковъ не дѣлалъ?

— И варениковъ, ваше превосходительство, настряналъ! прибавилъ Приценко, доставая изъ-подъ стола другую объемистую лохань, прикрытую тряпкой, изъ-подъ которой вырываются еще болѣе обаятельное благоуханіе.

— Ничего братъ, Приценко! Ты, вижу, умѣе меня! ѣшь на здоровье!

Рубашкинъ заперся въ кабинетѣ и просидѣлъ въ креслѣ до утра. Пакеты съ надписями «конфиденціально» — «весьма нужное» — «въ собственныя руки» и «къ немедленному исполненію» — въ первый разъ остались нераспечатанными. Блѣдное мертвенное утро занялось незамѣтно надъ Петербургомъ. Рубашкинъ подошелъ къ окну. Дворники въ нескончаемый разъ сметали снѣгъ и вчерашній песокъ съ тротуаровъ, торопливо и важно производя эту работу, будто подметали улицы для послѣдняго

страшнаго суда. Бѣдные чиновники спѣшили во вѣхъ направленіяхъ въ свои канцеляріи.

— «Умъ провинцій!.. Жизнь областей!.. вотъ она новая наша заря!» сказалъ со вздохомъ Рубашкинъ, отперъ столъ, досталъ бумаги и сталъ писать докладную записку къ своему министру. И въ то время, какъ пересуды департаментскія, разбирая въ чистѣ другихъ и его карьеру, рѣшали задачу чѣмъ будетъ въ послѣдствіи Рубашкинъ и скоро ли его сдѣлаютъ сенаторомъ или товарищемъ министра, — неожиданная вѣсть разнеслась между его подчиненными и знакомыми. Министръ принялъ просьбу его. Рубашкинъ выходилъ въ отставку...

— Что съ вами случилось? вы оставляете службу? спрашивали его знакомые, тоскливо и съ сожалѣніемъ заглядывая въ лицо ему.

— Наша бумажная пора кончилась! отвѣчалъ Рубашкинъ: — вы только не хотите сами этого замѣтить и въ томъ сознаться! Дадимъ мѣсто молодежи...

Онъ распродалъ мебель, зеркала, лучшія бронзы и картины, оставилъ себѣ только нѣсколько любимыхъ вещей, еще способныхъ убрать одну или двѣ небольшихъ комнаты. Эти остатки уложилъ въ ящики, сѣлъ ихъ въ контору транспортовъ, взялъ съ собою одинъ чемоданъ, сѣлъ въ вагонъ и поѣхалъ въ Москву, а оттуда въ Малороссію. Одна мысль наполняла его: пожить на свободѣ, на родинѣ и между прочимъ упиться красотами природы обѣихъ ненаглядныхъ Украинъ: западной старосвѣтской и восточной слободской. Обѣ онѣ созданіе его предковъ казаковъ и въ обѣихъ этими предками были положены основы особенной, своеобразной жизни. Адрианъ Сергѣичъ соображалъ нѣсколько смутно, что на югѣ Россіи у него изъ родни должны оставаться два двоюродные брата: одинъ въ бѣдномъ полтавскомъ хуторѣ, гдѣ гостилъ иногда и его покойный, безземельный отецъ, и откуда его самого повезли на службу, а другой въ какой-то степной полутатарской пустынѣ, гдѣ-то близъ границъ Новороссіи, между Дономъ и Волгою. Онъ съ ними лѣтъ двадцать уже не переписывался и навѣрное не зналъ, живы ли они. «Умъ провинцій, вотъ оно что! самоуправленіе областей!» шепталъ Адрианъ Сергѣичъ, проѣзжая срединныя русскія губерніи и приближаясь къ Малороссіи. Гдѣ-то на дорогѣ попался ему возъ, запряженный волами, мелькнули бѣлыя избы. Далѣе звучно раздалось нѣкогда

родное для него украинское нарѣчіе. Сердце дрогнуло у Рубашкина; онъ высунулся изъ кареты и долго не могъ сквозь слезы разглядѣть чуть намятныхъ ему съ дѣтства полей и хуторовъ, которые уже замелькали вокругъ дороги. Карета смѣнилась перекладной. Тройка своротила на проселокъ. Пошли топкіе, зеленѣющіе берега Ворсклы. Былъ апрѣль. Весна захватывала дыханіе птичьими криками, воздухомъ и солнцемъ. Вотъ большое казацкое старинное село, а вотъ одинокій бѣдный дворянскій хуторокъ... Рубашкинъ взошелъ на дрянное покосившееся крылечко, сталъ на порогѣ низенькаго стараго домика и не узналъ своего двоюроднаго брата, оставленнаго здѣсь когда-то кудрявымъ и румянымъ ребенкомъ, какъ тотъ разумѣется не узналъ его самого. Братъ оказался рослымъ, оборваннымъ, сѣдымъ и совершенно испитымъ старикомъ. Послѣ первыхъ привѣтствій оказалось, что этотъ братъ, Флоръ Титычъ Рубашкинъ, совершенно прожился еще лѣтъ семь назадъ и короталъ вѣкъ уже не у себя, а у старой и тоже сѣдой своей сестры, которая у него вовремя успѣла купить его собственное имѣніе. Старуха сестра, Васса Титовна, была слѣпая. Флору Титычу уже не на что было пить; онъ упросился къ сестрѣ на хлѣбы и помѣстился у нея на кухнѣ. Дни проводили братъ и сестра вмѣстѣ. Флоръ Титычъ святцы ей вслухъ читалъ, а сестра дремя вязала чулки на продажу для церкви. За обѣдомъ братъ сестрѣ кушанье разливалъ, ложку подавалъ, мясо рѣзалъ, а послѣ обѣда подбиралъ на спицы спущенныя петли ея чулка. Родичи Адриана Сергѣича жили въ маленькомъ домикѣ, а въ большомъ помѣщалось сельское правленіе другого сосѣдняго помѣщичьяго имѣнія, гдѣ всѣ наслѣдники вымерли и имѣніе это поступило въ казну. Владѣльцевъ того помѣстья Рубашкинъ также когда-то зналъ въ дѣтствѣ. «Наши дворянскіе роды вымираютъ!» сказалъ ему уныло Флоръ Титычъ, передавая брату, какъ они съ сестрой продали подъ то сельское правленіе свой родовой домъ. «Тамъ въ нашихъ комнатахъ теперь живутъ старшина и писарь сельскій! прибавила сестра: — у старшины, говорятъ, медали на груди. А писарь спитъ въ той самой комнатѣ, гдѣ нашего папеньки и маменьки опочивальня была, а въ образной пашей живутъ конторскіе сторожа, а изъ дѣтской сдѣлана холодная для штрафныхъ арестантовъ.» «Прихожу я разъ туда, перебилъ Флоръ Титычъ, а въ коридорѣ портретомъ покойнаго дѣдушки кадка съ водой прикрыта.»

Грустно вглядывался Адриянь Сергѣичъ въ лица своихъ обѣдѣвшихъ родичей. Но Флоръ Титычъ не унывалъ, хоть на шеѣ его не было платка. Сквозь нанковые потертые шаравары просвѣчивали красныя голыя колѣни. Какіе-то башмаки изъ суконныхъ обрѣзковъ были надѣты на мозолистыя и избитыя босыя ноги. Лицо его небрито. Длинные сѣдые волосы въ безпорядкѣ падали на сгорбленные плечи. «Что ты думаешь, братъ, съ собою дѣлать?» спросилъ его дня черезъ три Адриянь Сергѣичъ, оставшись погостить у нихъ. «Пошолъ бы милостыню въ городъ просить, да сестра не пускаетъ. Послѣ смерти своеѣ хочетъ мнѣ этотъ флигелекъ и хуторъ отказать.» — «Не тебѣ, а твоимъ семи дочерямъ, которыя всѣ въ гувернанткахъ!» перебила его сестра. — Пошолъ генералъ бродить съ братомъ по окрестностямъ. Черезъ этотъ полтавскій хуторъ покойный отецъ генерала, мелкій чиновникъ въ приволжскомъ городишкѣ, увезъ Адрияна Сергѣича въ Петербургъ на службу и вскорѣ гдѣ-то самъ умеръ. Пошли они въ садъ. «Гдѣже ваши старыя дѣдовскія липы?» спросилъ Адриянь Сергѣичъ брата: «я помню, они тутъ были!» — Флоръ Титычъ оглянулся. — «Не говорите слѣпой сестрѣ, я ихъ срубилъ и продалъ: не на что было чаю сестрѣ купить какъ-то.» — «Чтоже ты, братъ, здѣсь хозяйствомъ самъ не займешься? Земля есть у васъ. Тогда бы и липъ не нужно было рубить!» — «Эхъ, братъ! то-есть самому къ плугу-то стать? нельзя еще нашему брату дворянину землю пахать; а людишки, какіе были у насъ, разбѣжались за эти послѣдніе годы, какъ про волю слухи пошли. Навялся я было точно въ это вотъ сельское правленіе писаремъ; въ той самой комнатѣ сталъ засѣдать, гдѣ и ты когда-то со мной бѣгалъ и гдѣ бывало три-четыре няньки съ ноги одинъ чулокъ у меня когда-то стягивали. Да больно заорно стало своимъ же сосѣдямъ мужикамъ, отобраннымъ въ казну, писаремъ служить, хоть и получалъ я хорошее жалованіе, семь цѣлковыхъ въ мѣсяцъ!» — Обошолъ Рубашкинъ съ братомъ старинные пруды за садомъ. «Что, рыба еще ловится?» — «Какъ не ловится! Иной разъ возьму самъ, засуча штаны, бредень, да и пойду ловить, а саввинскіе ребяташки мнѣ орѣховъ принесутъ за это, а не то и водочки. Когда отецъ мой покойный, а твой дядя, былъ еще живъ, да справляючи именины карасей ловилъ тутъ, такъ я помню гостей наѣзжало сюда столько, что кареты отъ дома вотъ до той хаты рядомъ стояли.»

Братъ и сестра хуторяне, обрадовавшись приѣзду такого невиданнаго родича генерала, засуетились угощать его. Шептались все о посудѣ, о какой-нибудь курицѣ, о томъ, что надо вотъ въ городъ послать за говядиной, за макаронами и еще зачѣмъ-то, да все некого... Генераль ихъ остановилъ. Оставилъ у нихъ въ углу не развязывая свои вещи, съѣздилъ за восемь верстъ въ городъ, самъ закупилъ разныхъ припасовъ, привезъ прислугу и объявилъ, что остается погостить у нихъ и нѣсколько подышать свѣжимъ воздухомъ. Но не было весело на душѣ у Адрияна Сергѣича. Его окружали одна бѣдность и всякіе недостатки да ослабѣвшая и ничѣмъ неоживляемая и невоскрешаемая вѣра въ лучшую долю погибшаго, нѣкогда зажиточнаго быта. Кромѣ родственнаго хутора, весь околотокъ какъ-то жалко притихъ, точно и всѣ остальные его жители обѣднѣли и разорились. «Прошли наши времена!» говорили Флоръ Титычъ и Васса Титовна: «намъ уже не поправиться, такъ мы и въ могилу ляжемъ! Не такъ жили наши дѣды... Все миновало на нашей Ворсклѣ!» «Гдѣ же сохранилась былая лучшая жизнь?» допрашивалъ родичей генераль: «гдѣ живутъ отрадиѣ здѣсь на югѣ?»—«Въ Новороссіи, да внизу на Волгѣ не такъ жалуются! отвѣчали тѣ:—тамъ живетъ нашъ другой братъ, Климъ Титычъ. Ему тамъ досталось наслѣдство за женой и онъ живетъ богаче и не жалуется, какъ мы всѣ.»—Генераль иногда въ то лѣто дѣлалъ небольшія прогулки на наемныхъ лошадяхъ в пѣшкомъ, по привычкѣ петербургскаго ходока, къ сосѣднимъ помѣщикамъ. Но онъ не узналъ былой старосвѣтской Украйны, о которой сохранилъ впечатлѣнія съ дѣтства и о которой читалъ въ книгахъ любимыхъ украинскихъ писателей. Тогда начинались обсуждения крестьянскаго вопроса въ комитетахъ перваго совѣщательнаго призыва. Адриянъ Сергѣичъ попалъ на выборы и на засѣданія комитетовъ. «Да, да! твердилъ онъ: вотъ надежды наши, вотъ откуда наше солнце взойдетъ!»—Но разъѣзжая въ городъ, Адриянъ Сергѣичъ видимо сталъ тяготиться хуторкомъ Вассы Титовны, хотя значительно обезпечилъ быть непроходимыхъ бѣдвяковъ, брата и сестры. Онъ не очень полюбилъ въ концѣ первыхъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ и другія красоты и особенности Украйны. Крестьяне показались ему уже черезъ-чуръ лѣнны и довольны до скотства малымъ. Бытъ со дня на день бѣднѣющихъ околныхъ помѣщиковъ наволитъ на него уныніе и тоску. Вездѣ толковала

объ однихъ кѣртахъ, охотѣ, водкѣ, да о мелкихъ сосѣдскихъ дрязгахъ. Скажочное бывшее гостепріимство исчезло. Не встрѣчалось болѣе ни Шульхерин Ивановны, ни Афанасія Ивашча, ни Ивана Ивашча и Ивана Никифорыча. Не могъ особенно любоваться здѣсь и сельскою природою Рубашкинъ. Такъ-называемыхъ дѣвственныхъ и пустынныхъ степей Тараса Бульбы и Вія не было уже тутъ и въ поминѣ. Все было давно застроено и перепахано. Одни крестьянскіе сосѣдніе комитеты утѣшили было Адріана Сергѣича, питомца петербургской дѣловой неугомонной практики. Но и въ нихъ скоро пошла чепуха и завелись личности. Столкнулся было какъ-то въ городѣ Адріанъ Сергѣичъ съ заѣзжимъ кіевскимъ студентомъ и разговорился съ нимъ объ украинскомъ дѣлѣ вообще. Юноша студентъ изъ поляковъ нагородилъ ему и такой ошеломляющей галиматью, что генералъ даже было тухнулъ и почувствовалъ боль подъ ложечкой. По отъѣздѣ студента, Адріанъ Сергѣичъ не угомонился и даже завелъ было рѣчь о томъ же съ нѣсколькими почтенными лицами изъ сосѣдей слѣпой сестры. Тѣ на это только посопѣли и тутъ же разговорились о томъ, какой чудный вечеръ задалъ ихъ губернаторъ предводителю и что шерсть стала подниматься въ цѣвѣ. Крошечные вишневые садики, бѣдные будто задавленные окрестные виды, общая вялость и отсутствіе какихъ-либо идеаловъ у высшихъ сословіи такъ подѣйствовали на Адріана Сергѣича, который все собирался, все рвался любоваться степями и Малороссіей, что онъ вовсе пересталъ гулять по окрестностямъ хуторка своихъ родичей.

Тутъ судьба свела его съ другимъ его двоюроднымъ братомъ, именно съ Климомъ Титычемъ Рубашкинымъ. Климъ Титычъ, какъ сказано выше, жилъ на границахъ Новороссіи, гдѣ-то, какъ толковали о немъ, въ безлюдной полутатарской степи, между Дономъ и Волгою. Онъ отъ отца получилъ родовой клочокъ земли въ Новороссіи возлѣ Дона, гдѣ самъ было служилъ; женился тамъ на дочери одного майора изъ казаковъ, торговавшего скотомъ и имѣвшего большіе капиталы, взялъ за женой ненаселенную землю между Волгою и Дономъ, знакомый намъ Конскій-Сыртъ, вышелъ въ отставку, продалъ свой собственный клочокъ земли и занялся жониннымъ хозяйствомъ. Жена его вскорѣ умерла отъ родовъ, не оставя послѣ себя дѣтей, а при жизни укрѣпила за нимъ по купчей свое наслѣдство. Климъ Титычъ усердно про-

возился нѣсколько лѣтъ надъ этимъ имѣніемъ, но незная какъ взяться за него безъ капитала, сдалъ его на аренду своей сосѣдкѣ Перебоченской, ѣздившей къ нему иногда торговать коровъ, и переѣхалъ на спокойное житье въ одинъ изъ поволжскихъ низовыхъ городковъ, похвалявая свое житье въ письмахъ брату и сестрѣ. Сосѣдка была бой-баба; заставши на арендной землѣ домикъ и избушку, обстроила усадьбу очень хорошо, завела на этой землѣ гурты скота, вольно-наемнымъ трудомъ повела и хлѣбопашество, пустила корни въ этомъ имѣніи, да и затѣяла его безъ дальнихъ словъ оттягать у смиреннаго Клима Титыча навсегда. Сперва пошли у нея съ нимъ недоразумѣнія по арендной платѣ, потомъ явились какія-то дополнительныя условія о домѣ и о прочихъ сдѣланныхъ ею постройкахъ, наконецъ было задумалась она даже надъ нѣкоторымъ подложнымъ, хотя и весьма грубоватымъ документомъ будто бы его жены. Словомъ вышла чепуха. А Клима Титычъ, испулавшись невзначай рано весной въ рѣкѣ въ очень холодной водѣ, получилъ сперва кашель, а потомъ чахотку. Доктора послали его на послѣдніе деньжата въ Крымъ, на южный берегъ. «Что ѣхать въ Крымъ! подумалъ онъ: — лучше съѣзжу въ Кіевъ на богомолье, да кстати навѣщу брата съ сестрой на старомъ отцовскомъ хуторѣ!» Такъ Клима Титычъ засталъ двоюроднаго братца, генерала, на старомъ родовомъ пепелищѣ, неудовлетвореннаго тихимъ бытомъ старосвѣтской Украйны, какъ онъ ошибочно, съ пѣтерской точки зрѣнія выражался, будто бы невѣвшей впереди у себя сильныхъ идеаловъ. Онъ разговорился съ нимъ о Новороссіи и о поволжскомъ русскомъ востокѣ.

— «Вотъ гдѣ край, такъ край! сказалъ онъ братцу-генералу: вотъ гдѣ жизнь начинается. Тамъ наша Русь заново перестраивается. Какое тамъ развивается пароходство! Строится и скоро кончится желѣзная дорога по степи изъ Волги въ Донъ. Земли цѣлинныя, нетронутыя, плодородныя. Край непочатой, сущія американскія степи. Поволжье — настоящіе штаты по Миссиссипи, а низовье Дона и азовскія побережья — Виргинія и Кентукки. Хотите, ваше превосходительство, побывать тамъ?»

— Ещебы!

— Нѣтъ, не шутя? Вы даже доброе дѣло мнѣ можете сдѣлать...

— Какое?

— Мойя имѣніемъ, доставшимся мнѣ по духовному завѣщанію отъ жены моей, пустопорожнею землей, по имени Конскимъ-Сыртомъ, завладѣла одна бѣдовая сосѣдка моя, госпожа Перебоченская. Она сперва держала эту землю на арендѣ; а теперь, безъ всякаго съ моей стороны акта, завладѣла этою землею окончательно, и что я ни дѣлалъ, не отдаетъ ее да и полмо. Живетъ себѣ тамъ, какъ англичане въ Индіи; даже арендную сумму перестала мнѣ платить уже лѣтъ шесть назадъ. Я все болѣя былъ; хлопотать сильно некогда было, да и ожидалъ, что она покается. Вы законы знаете лучше чѣмъ я. Возьмитесь хлопотать и взять у этой барыни обратно имѣніе мое, — я готовъ съ вами быть въ долѣ.

— Извольте; я совершенно свободенъ. И кстати, здѣсь мнѣ что-то скучновато.

Климъ Титычъ далъ Адріану Сергѣичу полную довѣренность, всѣ документы на имѣніе и уѣхалъ въ Кіевъ. Адріанъ Сергѣичъ снова уложился, взявъ почтовыхъ и скоро приѣхалъ въ окрестности Конскаго-Сырты и Есауловки. Онъ явился къ Пелагеѣ Андреевнѣ Перебоченской и предъявилъ ей свои документы; но съ перваго же приѣзда, несмотря на свой чинъ, получилъ отъ нея такой отвѣтъ и такой приемъ, что хотѣлъ было тотчасъ воротиться снова на хуторъ въ полтавскую губернію, и отказавшись разъ навсегда любоваться красотами природы и поволжскаго края, лучше созерцать тихія картины Украйны старосвѣтской, или даже снова воротиться въ Петербургъ на службу. Здѣсь вмѣшалась въ дѣло сама нежданная судьба и остановила Адріана Сергѣича надолго въ окрестностяхъ Есауловки. Въ сѣвернѣмъ городѣ, куда перевелъ на первыхъ порахъ свою переписку, онъ получилъ изъ Кіева, въ концѣ того же года изъ полиціи бумагу, гдѣ прочелъ онъ такія ошеломившія его слова: «Мичманъ въ отставкѣ, Климъ Титовъ сынъ Рубашкинъ, умеръ скоропостижно въ кіевской градской больницѣ, гдѣ лечился отъ чахотки и оставилъ все свое имѣніе, состоящее изъ двухъ тысячъ десятинъ незаселенной земли, по имени Конскій-Сыртъ, близъ Волги, такой-то губерніи и уѣзда, ему, отставному дѣйствительному статскому совѣтнику, а своему двоюродному брату, Адріану Сергѣеву сыну Рубашкину, вслѣдствіе того, что по отношенію полтавской земской полиціи, уже незаставшему въ живыхъ его, мичмана Клина Титова сына Рубашкина, оказалось,

что собственные родные братъ и сестра его, какъ ближайшіе наследники его, Флоръ Титовъ и Васса Титова Рубашкины, того же года и мѣсяца волею божіею, безъ умысла постороннихъ лицъ, на своемъ хуторѣ сгорѣли ночью, безъ божескаго покаянія, вмѣстѣ съ своимъ домою. Ихъ названный хуторъ, за долгъ приказу общественнаго призрѣнія сгорѣвшихъ владѣльцевъ его, имѣеть быть проданъ съ публичнаго торга, такъ какъ послѣ бездѣтныхъ Вассы и Флора Титовыхъ Рубашкиныхъ, никакого движимаго имущества въ наличности не нашлось, а всѣ люди ихъ оказались въ бѣгахъ. Названное же имѣніе Конскій—Сыртъ отдано ему, Адріану Сергѣеву сыну Рубашкину, по законному духовному завѣщанію, каковое въ подлинникѣ высылается на имя его превосходительства, Адріана Сергѣева сына Рубашкина, по мѣсту его жительства, въ подлежащее судебное мѣсто, для безспорнаго ввода его во владѣніе тою землей.»

— «Бѣдняки! подумалъ Адріанъ Сергѣичъ: — какъ вѣтромъ снесло ихъ всѣхъ! Правъ былъ покойникъ Флоръ Титычъ: замѣтно вымираетъ наше бывшее сильное дворянско-помѣщичье поколѣніе. Теперь я, послѣдній изъ Мошканъ, остаюсь одинъ — окончательная отрасль Рубашкиныхъ. Нашъ родъ не привился въ срединной Украинѣ. Не привьется ли дѣло рукъ его въ мопороссійскомъ востокѣ? Совсю гнѣздо свое здѣсь, какъ нѣкогда заводили на отдаленныхъ конечныхъ Украинахъ южныхъ степей оливокіе починки и заимки наши предки, коренные украинскіе казаки. Жениться мнѣ уже поздно; а жажды дѣятельности во мнѣ еще довольно. Мѣсто богатое; развернуться есть гдѣ. Что же? Мнѣ еще съ небольшимъ пятьдесятъ лѣтъ; шестидесяти еще нѣтъ. Генеральская пенсія моя — постоянный оборотный капиталъ, который я исподоволь стану прививать къ этой благодатной цѣлинной, нетронутой еще аферами землѣ, гдѣ у покойнаго брата и у его арендаторши ходили одни гурты скота. Все что выработалъ Петербургъ въ идеалѣ, все что прославили тамъ господа теоретики, все это теперь придется здѣсь испытать на практикѣ. Не мало и я тамъ, на своей правительственной дорожкѣ, погрѣшилъ разными самодовольными рѣшеніями задачъ этой таинственной для насъ практики. Не только становымъ или исправникамъ, даже и выше я посылаю громкозвучные ордера и вышешія, которые по чаянію нашей столичной братіи должны были во всѣхъ концахъ благодатно пересоздать нашу матушку Русь.

Теперь я здѣсь самъ радовой и полначальный. Посмотримъ, какъ улыбнется жиѣ эта жизненная, областная практика? Наконецъ—то изъ переселенія, изъ бѣговъ на сѣверъ, и я воротился на югъ. Я теперь дома. Какъ—то тутъ заживется?»

И практина, повторяемъ, на первыхъ же порахъ оборвала генерала Рубашкина.

Еще въ качествѣ повѣреннаго бывшего смиреннаго владѣльца Конскаго-Сырта, онъ вѣжливо и степенно явился къ арендаторшѣ этого имѣнія, Пелагеѣ Андреевнѣ Перебоченской, переговорить о ея видахъ на скорѣйшую раздѣлку по арендной суммѣ и объ очищеніи земли отъ ея присутствія, такъ какъ срокъ аренды давно кончился. Адрианъ Сергѣичъ пришѣлъ къ Перебоченской по-петербургски, весь въ черномъ, въ модномъ фракѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ и въ лаковыхъ сапогахъ, съ портфелью подъ мышкой, и даже не воспользовался деревенскою льготою насчетъ фуражки, а явился съ шляпой. Голубые глаза его, здоровыя румяныя щоки и припомаженные съ умѣренною просѣдкою волосы, предстали передъ Перебоченскою съ запасомъ добродушія и ободряющаго, ласковаго снисхожденія и довѣрія. А плотво застегнутый на груди фракъ, со звѣздой, при проходѣ его по залѣ въ гостиную хозяйки мимо зеркала, напомнилъ ему почему-то рѣшительный и вмѣстѣ великодушный видъ какого-то чудодѣя-адвоката, котораго онъ знавалъ въ славѣ громкихъ подвиговъ въ Петербургѣ. Направляясь изъ уѣзднаго города, куда онъ сперва завернулъ для справокъ, къ временной усадьбѣ Перебоченской, устроенной этою барыней на луговинѣ, возлѣ зеленого ольховника на Конскомъ-Сыртѣ, Рубашкинъ на-скоро рассмотрѣлъ этотъ поселокъ. Домъ въ пять-шесть комнатъ выходилъ на обширный дворъ, заваленный подѣлочнымъ сплавнымъ поволжскимъ лѣсомъ. Кругомъ двора шли скотныя красиво-построенныя бревенчатые сараи, амбары, конюшня, кухня и людскія надворныя избы. Нѣсколько просторныхъ и чистыхъ вѣвъ, для помѣщенія наемныхъ работниковъ, поденщиковъ и пастуховъ, шли отдѣльными рядомъ за дворомъ, вдоль молодого, но уже значительно загустѣвшаго и поднявшагося сада. Въ саду торчала знакомая читателю голубятня, мѣсто неудавшагося плѣна Фроси. У новаго, чистаго колодца поили рослыхъ быковъ. Стадо телятъ паслось на лужайкѣ за садомъ. По двору шныгали горничныя и перекликались между конюшнею и амбаромъ.

ромъ два рослыхъ работника въ красныхъ рубахахъ. За воротами къ избамъ прошолъ съ длинными рыжими усами какой-то человекъ небольшого роста, но горлаго и понураго вида, вѣроятно прикащикъ. На крыльцѣ гостя встрѣтили выбѣжавшія изъ дома разомъ двѣ служанки. Спрося его имя и званіе, онѣ опять скрылись и потомъ ввели его въ залъ и въ гостиную. Въ гостиной, на диванѣ за столомъ, Рубашкинъ увидѣлъ съ картами въ рукахъ хозяйку усадьбы. Перебоченская, на привѣтствіе гостя слегка привстала и не глядя на него опять сѣла. Рубашкинъ едва успѣлъ разглядѣть ея высокій, сухощавый, нѣсколько сутуловатый станъ, сморщенное блѣдное лицо, жалкіе будто плачущіе, дрянные глазки, бѣлый старомодный, обвязанный сверху по ушамъ чепецъ, какіе носятъ нищенки-просительницы въ городахъ, темное затасканное платьишко, сѣрый фланелевый платокъ, обвисшій на тощихъ костлявыхъ плечахъ, гарусный ридикюль на рукѣ съ изображеніемъ огромнаго яблока, и вообще нищенскій и убогій видъ хозяйки.

— Прошу садиться. Что вамъ? спросила Перебоченская, вялыми глазами замигавши по сторонамъ.

Рубашкинъ сѣлъ и объявилъ подробно свое званіе, чинъ и цѣль приѣзда.

— Вы держите на арендѣ имѣніе моего брата? спросилъ онъ, собираясь произнести ловкій спичъ.

— Такъ, генералъ.

— Вы, извините, денегъ ему не платите?

— Такъ, генералъ.

— Вы съѣхать съ этой земли не хотите?

— Такъ, генералъ.

— Зачѣмъ же вы все это дѣлаете?

Перебоченская положила карты на столъ, достала изъ ридикюля табакерку, понюхала табуку и ничего не отвѣтила, слегка, но зорко посматривая на гостя.

— Позвольте васъ вторично, сударыня, спросить, въ качествѣ человека, уполномоченнаго формальною довѣренностью, какіе у васъ на это виды?

— А вамъ на что? спросила Перебоченская и оправила ленты чепца.

— Какъ на что? Да я законный истецъ, я представитель дѣлъ моего двоюроднаго брата...

— Палажка! тихо вскрикнула Перебоченская, повернувшись на диванѣ къ створамъ внутреннихъ комнатъ дома: — Палажка!

Дверь въ сосѣднюю комнату была притворена. Оттуда никто не являлся. Только слышно было какъ въ залѣ въ кибиткѣ мѣрно прыгала съ жордочки на дно и съ дна опять на жордочку какая-то тяжеловатая птица. Да въ передней акуратно и звонко стучали заржавленнымъ маятникомъ часы.

— Палажка! крикнула опять хозяйка, не оборачиваясь къ гостю.

«Вѣрно закуску вспомнила подать, или прикажетъ скорѣе обѣдъ готовить!» рѣшилъ въ умѣ Рубашкинъ: — «оно же и кстатѣ: я таки порядкомъ проголодался!» И онъ съ достоинствомъ сталъ глядѣть по комнатѣ.

Дверь скрипнула. На порогѣ ея показалась плотная, широкоплечая, румяная и огромнаго роста горничная съ чулкомъ въ рукахъ. Когда она вошла, полъ заскрипѣлъ подъ нею.

— Бѣги, крикни тому генеральскому кучеру, медленно и съ разстановкой сказала барыня: — чтобъ подавалъ ихъ экипажъ; они сейчасъ ѣдутъ отсюда... сейчасъ... слышишь?

— Слышу.

Горничная скрылась. Рубашкинъ обомлѣлъ. Перебоченская, какъ ни въ чемъ не бывало, обернулась къ нему и опять тихо и грустно устремила на него жалкіе, дрянные глазки. Сначала показалось Рубашкину, что она сумашедшая, и онъ только подосадовалъ на чиновниковъ, непредупредившихъ его объ этомъ. Онъ все еще молчалъ и смотрѣлъ на хозяйку. Хозяйка, вертя карты въ рукахъ, посматривала на него. На дворѣ загремѣлъ подаваемый экипажъ.

— Что это значить? спросилъ Рубашкинъ, въ смущеніи поднимая на хозяйку брови.

— Вы какъ думаете? спросила она, покачивая головой.

— Я не понимаю-съ. Вы меня прогоняете? Значить, мнѣ ѣхать?

— Точно такъ... нечего и сидѣть тутъ съ грубостями!

— Какъ съ грубостями!

Генералъ вскинулъ. Перебоченская стала опять перебирать на столѣ карты.

— Впередыхъ, сказала она тихо: — я сама знаю вашъ чинъ и понимаю, что вы уполномочены довѣренностью; но ввоторыхъ

не совѣтую вамъ мѣшаться въ это дѣло: иначе... вы меня уже извините... Я спуску никому не дамъ!

— Какъ не мѣшаться?

— Просто-съ... Не я должна Климу Титычу, а онъ мнѣ. Да притомъ же я тутъ въ этой безлюдной глуши выстроилась; постройки всѣ мои. И я вамъ просто-напросто совѣтую не мѣшаться сюда и не очень важничать. Тутъ въ стѣняхъ, извините-съ, вы не разгуляетесь очень... Я женщина и женщина слабая, больная; но у меня... противъ всѣхъ разбойниковъ найдутся защитники... и весьма хорошіе... клянусь вамъ!

«Я разбойникъ?» подумалъ про себя Рубашкинъ, вставая съ портфелью, потомучто въ это время встала и хозяйка.

— Вы такія вещи мнѣ говорите... вы такъ меня принимаете... что я... извините также и меня — но покрайней-мѣрѣ хотъ выслушайте наконецъ... Я вамъ прочту довѣренность, писъмо брата моего...

— Знать я ничего не хочу-съ! Лучше оставьте меня въ покоѣ!

— Я ѣхалъ изъ такой дали, думалъ съ вами скоро все покончить; у меня ни квартиры теперъ нѣтъ, ни души знакомыхъ...

— А вольно же вамъ было все это брать на себя! Разговаривать долѣе — баста-съ... Вотъ вамъ Богъ, а вотъ пороги. Иначе я людей крикну и васъ выведутъ, за то что вы меня старуху беспокоите и грубите мнѣ...

Рубашкинъ стоялъ румяный и озадаченный еще съ портфелью подъ мышкой фрака, застегнутаго до подбородка, и въ волненіи натягивалъ перчатки. Тишина въ домѣ была попрежнему невозмутимая. Только снова прыгала въ залѣ въ клеткѣ птица, да въ лакейской стучали часы. Солнце въ это время ярко проглянуло на дворѣ и весело освѣтило гостиную съ свѣженькими цвѣтами на окнахъ, съ большимъ образомъ въ углу подъ потолкомъ, на стѣнахъ съ картинами сивопскаго сраженія и американской охоты въ пустыняхъ пампасовъ на дикихъ лошадей, и съ кучею шитыхъ гарусныхъ подушекъ на диванѣ. Огромный жирный котъ, какъ мертвый, спалъ у вѣчки, раскинувшись на особой подушкѣ. Въ комнатѣ пахло ладаномъ.

— Такъ это вашъ послѣдній отвѣтъ мнѣ, ѣхавшему за пятьсотъ верстъ, по просьбѣ брата?

— Последній, генераль...

— Вы не заплатите денег?

— Нѣтъ, генераль.

— Не сдадите аренды, которой давно срокъ кончился?

— Нѣтъ, генераль.

— И не выйдете съ этой земли?

— Нѣтъ, генераль.

Въ умѣ Рубашкина мелькнула невольнаго его пышная директорская петербургская квартира, толпа ловко наторенныхъ подчиненныхъ, ослѣпительные вечера первыхъ сановниковъ, которые онъ запросто посѣщалъ на сѣверѣ, и тутъ же улыбка одного тамошняго администратора изъ передовыхъ, сказавшаго ему передъ отъѣздомъ по какому-то случаю: «Не пройдетъ года, двухъ-трехъ лѣтъ, мы пересоздадимъ Россію, ручаюсь вамъ въ этомъ...»

— Въ такомъ случаѣ, Пелагея Андреевна, не прогнѣвайтесь, если я прибѣгну... такъ-сказать... къ здѣшнимъ властямъ и противъ васъ употребить... силу!..

— Палажка! тихо вскрикнула опять Перебоченская, обернувшись къ дверямъ въ сосѣднюю комнату.

— Сила законовъ одна для всѣхъ на свѣтѣ... И если...

— Палажка! уже на весь дождь крикнула Перебоченская.

Рубашкинъ, въ избѣжаніе дальнѣйшаго скандала, поклонился, не дождался появленія исполина-горничной и осторожнѣйшій невѣрными шагами направился черезъ залъ въ лакейскую. На крыльцѣ онъ перевелъ духъ. Во дворѣ было тихо... Почтовые усталыя лошади, опушта уши, дремали у подъезда. Ямщикъ тоже дремалъ на козлахъ.

— Ёдемъ назадъ! сказалъ Рубашкинъ и сѣлъ въ коляску, добытую съ трудомъ на прокатъ въ городшкѣ.

Онъ выѣхалъ. Его никто не провожалъ. Кругомъ было тихо, будто все спало или вымерло. Вдали рисовались тихіе голубые бугры прибрежій Волги. За Лихимъ бѣлѣла, раскинувшись на холмѣ, такая же молчаливая Есауловка. Телята паслись за сараемъ, за ольховникомъ. По дугамъ Конскаго-Сырты бродилъ справа одинъ скотской гуртъ, а слѣва другой. Одинокіе пастухи издали неподвижно глядѣли, опершись на длинныя палки, съ которыми за плечами, точно каменныя бабы на курганахъ въ украинскихъ степяхъ. — «Позвала бы шальная барыня наметан-

ныхъ своихъ клеветовъ, что бьютъ на сало нагулянный скоть, подумалъ Рубашкинъ: — мигомъ уходила бы меня въ своемъ домѣ, и никто бы не откликнулся тутъ за меня въ этой глуши! Вотъ тебѣ и практика въ провинціи! Вотъ я и дома...»

Генералъ кинулся въ городъ. Утаивши главныя подробности, онъ съ достоинствомъ рассказалъ чиновникамъ о странномъ поступкѣ съ нимъ Перебоченской. Чиновники съ подобающимъ почтеніемъ къ его чину и недавней служебной дѣятельности выслушали его, пожимая плечами, стали шептаться между собою, громко и съ видимымъ негодованіемъ относясь объ упорствѣ Перебоченской, и рѣшили, что дѣйствительно надо принять противъ нея болѣе сильныя мѣры. Такъ сказалъ становой, такъ сказалъ самъ исправникъ, такъ рѣшилъ весь земскій судъ. Сталъ жить въ городѣ Рубашкинъ. Его скоро уважали всѣ горожане. На улицѣ чиновники и мѣщане кланялись ему, снимали передъ нимъ шапки. Иногда онъ посѣщалъ скромныя вечера у городничаго, уѣзднаго предводителя и исправника. Ящковъ съ вещами своими Рубашкинъ не раскрывалъ и тутъ, а жилъ скромнымъ бивакомъ у одной дьяконицы и вслѣдъ за этою временною квартирою собрался разомъ спокойно помѣститься въ Конскомъ-Сыртѣ, гдѣ за долгъ у арендаторши должны были отобрать и всю ея отстроенную усадьбу. Но время шло, генеральская пенсія проживалась, а дѣло не подвигалось впередъ. Становой и исправникъ медлили, будто выжидая, не одумается ли сама Перебоченская, и откладывали выѣздъ къ ней, не желая рѣзко обидѣть и притѣснить слабую, хотя и дѣйствительно упорную женщину. «Да я-то чѣмъ виноватъ? говорилъ улыбаясь Рубашкинъ: — и изъ-за чего я живу здѣсь въ миломъ вашемъ обществѣ?» — «Ну, знаете, все-таки — она дама.» Посылалась однако ей понудительныя повѣстки. А тутъ, какъ съ неба упала, бумага изъ Кіева о смерти настоящаго владѣльца Конскаго-Сырты и о переходѣ имѣнія въ собственность къ Адріану Сергѣичу. Чиновный міръ было всполошился и какъ-будто собрался дѣйствовать сильнѣе. Получено и явлено въ мѣстной палатѣ духовное завѣщаніе. Палата предписала: временному отдѣленію уѣзднаго суда немедленно выѣхать въ Конскій-Сыртъ, ввести новаго наследника во владѣніе; госпожѣ Перебоченской, не принимая отъ нея болѣе никакихъ отговорокъ, подѣ личною по всей строгости законовъ отвѣтственности всего земскаго суда, изъ того имѣнія предложить

въ тоже время удалиться, а воздвигнутыя ею строенія, буде таковыя точно окажутся, обязать ее безпрекословно снести, или сдать владѣльцу въ счетъ ея долга на основаніи оконченнаго срока аренды. Рубашкинъ съ сіяющею улыбкою, обогнавши пакеть палаты, привезъ чиновникамъ изъ губернскаго города это предписаніе въ копіи. Явился и подлинникъ. Чиновники, покурявая папирасы, внимательно смотрѣли въ глаза Рубашкину. Дѣло даже двинулось было впередъ. Ожидая, что все теперь кончится въ два-три дня, Адріанъ Сергѣичъ загодя рассчитался съ дяконницей, послалъ на отдѣльной подводѣ свои вещи впередъ, въ сосѣднее съ Конскимъ-Сыртомъ вольное село Малый-Малаканецъ, гдѣ велѣлъ подводчику ожидать себя въ какой-нибудь избѣ, а самъ съ временнымъ отдѣленіемъ земскаго суда въ нѣсколькихъ экипажахъ поѣхалъ въ Конскій-Сыртъ. Чиновники ѣхали почтительно, но съ какими-то сдержанными и таинственными улыбками. Исправникъ ѣхалъ въ коляскѣ съ дворянскимъ засѣдателемъ и съ стряпчимъ; становой, съ письмоводителемъ и еще съ какимъ-то господиномъ въ сѣромъ пальто, въ своемъ разгонномъ фургонѣ; а Рубашкинъ отдѣльно, взявши изъ города по пути подвезти къ Лихому ѣздившаго къ благочинному молодого священника изъ Есауловки, знакомаго читателю отца Смарагда. Подѣхавши къ границѣ земли Конскаго-Сырты, чиновники остановились. Тутъ ихъ ожидали собранные повѣсткою станового повятыя изъ крестьянъ сосѣднихъ и далекихъ деревень.

Выйдя въ поле, временное отдѣленіе прочло указъ палаты, обошло по указанію законнаго плана границы Сырта, какъ имѣнія ненаселеннаго, указало ихъ владѣльцу и свидѣтелямъ, повѣрило межевые столбы и пограничныя ямы, на спинѣ одного изъ повятыхъ подписало заранѣе составленный актъ о вводѣ Рубашкина во владѣніе, отобразило руки повятыхъ, при чемъ за нихъ подписался письмоводитель, и актъ этотъ вручило новому владѣльцу.

— Только то? спросилъ онъ: — а сама Перебоченская? Вамъ вѣдь предписано немедленно ее вывести отсюда и обязать ее всѣ строенія сдать мнѣ или безпрекословно отсюда снести...

— Какъ же-съ, какъ же-съ! Это будетъ. Но по неявкѣ сюда самой госпожи Перебоченской за болѣзнію, на незаселенную вашу степь ко вводу васъ во владѣніе, въ качествѣ вашей бли-

жайшей сосѣдки, какъ того требовалъ законъ, мы должны сами къ ней поѣхать. Для этого, чтобы на случай освидѣтельствовать ея здоровье, мы взяли съ собой и доктора; вотъ онъ...

Господинъ въ сѣромъ пальто раскланялся Рубашкину изъ фургона становаго.

— Поѣзжайте; а я пока останусь въ ближнемъ селѣ! сказалъ Рубашкинъ: — тутъ дожидаются и мои подводы!

Нововведенный во владѣніе помѣщикъ съ священникомъ поѣхалъ къ околицѣ Малаго-Малаканца, а чиновники покатали къ Перебоченской.

Подводы свои Рубашкинъ нашолъ въ Малаканцѣ среди улицы. Подводчикъ ругался на всѣ лады. Никто изъ жителей не хотѣлъ его пустить во дворъ къ себѣ. Всѣ поселяне были здѣсь раскольниками, и слышавши о чиновникахъ каждый отпалывался отъ подводъ генерала.

— Не беспокойтесь, сказалъ генералу священникъ: — здѣсь меня знаютъ. Я дѣло улажу. Но позвольте ли вы быть мнѣ съ вами откровеннымъ, ваше превосходительство?

— Начать съ того, что бросьте эти титулы. Въ чествѣ дѣло? Будьте со мною запросто. Я васъ отъ души люблю.

Священникъ поклонился и отвелъ Рубашкина въ сторону. Они стояли среди обширной пустынной улицы.

— Извольте... Вы хотите наконецъ узнать всю тайную сторону дѣла вашего съ Перебоченской?

— Хочу.

— Нанимайте здѣсь скорѣе квартиру, въ этомъ Малаканцѣ. Судь сдѣлалъ все по формѣ, — вы введены во владѣніе. Тутъ хоть изъ окна будете видѣть по близости свое имѣніе. Даромъ въ городѣ не станете проживаться.

— Но что же это все значить?

— Жаль... у васъ изъ генеральской пенсіи за этотъ срокъ до новой полочки денегъ вѣроятно мало что остается. А Перебоченская держитъ всѣ уѣздныя власти на откупѣ. Да-съ, не удивляйтесь! Вы еще нашей практики хорошо не изучили, какъ видно, а отъ петербургской она очень отличается. Дѣло просто. Исправникъ родной племянникъ Пелагеи Андреевны; онъ начальникъ уѣздной полиціи и предсѣдатель земскаго суда, по выбору-съ дворянъ; такъ-то-съ... Становой отъ нея въ годъ (всѣ это открыто знаютъ) получаетъ пятьсотъ цѣлковыхъ

жалованья, кромѣ харчей и частныхъ подарковъ ; это вѣное противъ казеннаго его жалованья. Засѣдатель отъ дворянства получилъ отъ нея, послѣ перваго вашего приѣзда къ ней, шесть паръ отборныхъ воловъ въ подарокъ ; я самъ видѣлъ какъ ихъ ея главный гуртовщикъ, выкрестокъ изъ киргизовъ, и погналъ къ нему за горы туда вонъ, въ его хуторъ. Извѣстное дѣло — близость къ намъ татарскихъ степей и улусовъ ; смотря на послѣднихъ, и эта барыня вершитъ дѣла какъ иной погайскій мурза прямо на чистоту. Знаете, что сильнѣе всего на свѣтѣ деньги... А засѣдатель замѣшанъ еще въ ея же дѣлѣ и съ вашимъ покойнымъ братцомъ, какъ сюда наѣзжалъ, по его ходатайству, молоденькій чиновничекъ особыхъ порученій и Переботченская дала этому чиновнику пощечину—съ...

— Какъ? Чиновнику особыхъ порученій?

— Да—съ. Чего же вы удивляетесь ! И еще лучше я вамъ скажу : чиновникъ этотъ, такъ безвинно обиженный, съ засѣдателемъ сами умолили барыню скрыть это дѣло, уѣхали и болѣе ее не тревожатъ. Засѣдатель боится вліятельнаго губернатерскаго чиновника, а тотъ боится, чтобъ сама барыня по губерніи на бумагахъ не ославила этого случая, такъ какъ у нея есть на это и свидѣтели. Извѣстно, молодой человекъ, едва изъ училища сюда наверхнулся, и боится. Какъ же—съ ! Это дѣло съ нею будетъ и вамъ нелегкое ! Ее по всему краю здѣсь знаютъ. Она очень смѣла, хоть такого жалкаго вида, и здѣсь первая богачка. Гурты ея лучшіе въ губерніи ; саломъ съ Москвой торгуетъ, а быковъ на убой посылаетъ и въ Петербургъ. Что ей стоитъ сыпнуть деньгами, когда деньги къ ней черезъ поблажку чиновниковъ сами такъ легко идутъ... Скоро вся скотская торговля тутъ въ околоткѣ и далѣе будетъ въ ея рукахъ...

Рубашкинъ вздохнулъ и грустно оглянулся вокругъ, какъ бы выскывая предметъ, за который бы можно было ему ухватиться. Деревня, опустѣвшая отъ послѣдняго переавесеннаго выхода людей для подготовки и спуска судовъ на Волгу, уже поломавшую тогда ледъ, молчала. Обнажонныя отъ снѣга окрестности еще не были покрыты травой и уныло отсвѣчивались сѣрыми, мертвенными холмами и долинами. — «А въ Петербургѣ теперь гремятъ концерты, невольпо мыслилъ Рубашкинъ : — щегольскія толпы прогуливаются по Невскому и сотни хожалыхъ городовыхъ охраняютъ спокойствіе каждаго гуляющаго. Вотъ

тамъ бы теперь, среди бѣла дня крикнуть : караулъ ! Сколько бы народу сбѣжалось на защиту ! А тутъ крики, такъ кромѣ вѣтру никто тебя и не услышитъ.»

— Кто она такая, эта Перебоченская? спросилъ Рубашкинъ.

— «Богъ ее знаетъ. Жила, говорятъ, здѣсь по близости, на десяти или двадцати десятинахъ; тихая была такая. Братъ вашъ тогда потерялъ жену и начиналъ тутъ обзаводиться, домишко строить; скучалъ, да и капиталу у него не было; негдѣ ему было дѣться. Она и подѣхала къ нему, сдѣлала условіе, стала разводить и нагуливать тутъ первые гурты. Домикъ свой въ городѣ отдала въ наймы; людей своихъ, кромѣ тѣхъ, кто отъ нея убѣжалъ прежде, перевела сюда. Сперва брату вашему хорошо и вѣрно платила. Онъ переѣхалъ лечиться въ городъ. Тутъ она сошлась, коли слышали, съ вашимъ Есауловскимъ бывшимъ пастухомъ и скотникомъ, Романомъ Танцуромъ, котораго нашему князю потомъ въ прикашики посовѣтовала взять. Предложила и князю гурты завести. Онъ согласился. Послалъ Романа за скотомъ въ Черноморье, а оттуда велѣлъ проѣхать на Азовское море къ Ростову. И она съ Танцуромъ туда въ фурговѣ съѣздила. Да съ той поры, какъ уѣхалъ князь, Богъ вѣсть откуда у нея и деньги взялись. Говорятъ, что прежде Перебоченская была богата по мужу, но потомъ все прожила на откупахъ: откупа съ мужемъ гдѣ-то возлѣ Кіева держала. Ее пощипали и чиновники, когда мужъ ея умеръ за границей; а она выпросила позволеніе тѣло его перевести въ свой хуторъ, забила его въ гробъ, да и обвертѣла тѣло мужа кружевами, блондами и матеріями, а на таможиѣ это и открыли. Словомъ, передъ арендой Сырта она жила безъ гроша денегъ, тиранила людей своихъ, многихъ разогнала; хуторъ у нея даже брали въ опеку. А тутъ вдругъ черезъ годъ разбогатѣла, съѣздивши въ Ростовъ. Повела она дѣло хозяйства широко, на тысячи; скоро обстроилась, какъ вы видите. Купцы къ ней ѣздятъ за саломъ и за кожами. Сама бойню въ оврагѣ тутъ за садомъ воздвигла. Скотъ ея узнали даже петербургскіе мясники. Чиновничество такъ и льнетъ къ ней. Заводскаго быка подарила молодому князьку изъ былыхъ татаръ, заѣшнему предводителю уѣздному, на хозяйство. И какъ вамъ сказать, не согрѣшитъ? Одни говорятъ, что ей далъ съ начала и теперь тайно даетъ на обороты деньги

изъ есауловской экономіи нашъ прикащикъ Танцуръ. А другіе... будто онъ съ нею, ѣздивши въ первое-то время вмѣстѣ за гуртами для князя и для нея, гдѣ-то, не то въ Черноморіи, не то на Азовьи или на Дону, купилъ тайкомъ большой запасъ фальшивыхъ асигнацій, да здѣсь-то мало-помалу, лѣтъ за десять они и спустили ихъ и размѣняли. Во всякомъ же случаѣ, скажу вамъ, ясно одно, что Романъ Танцуръ въ большой дружбѣ съ этою вашею противницей и, какъ полагать надо, дѣлать съ ней или прежде дѣлалъ всѣ барыши пополамъ. Только и онъ обожжотся: на такой камень наскочилъ, что не одного его разобьетъ...»

Рубашкинъ медленно и молча ходилъ съ священникомъ взадъ и впередъ по улицѣ. Обоимъ было тяжело продолжать разговоръ. Они подошли къ овражку за околицей и сѣли на обрывѣ.

— Чтоже мнѣ теперь дѣлать? спросилъ Рубашкинъ.

Священникъ вынулъ кисетикъ, набилъ короткую трубочку крѣпчайшимъ турецкимъ табакомъ и закурилъ.

— Позволяете курить? Не обижаютъ это васъ, что священникъ курить?

— О, сдѣлайте милость.

— Когда у меня горе, я этимъ только и лечусь. А горя у меня довольно, бѣдность, жена все хвораетъ... Но вы другое дѣло. Попытайтесь еще обратиться лично или письменно къ губернскому предводителю дворянства, а наконецъ и къ губернатору. Всѣ похвалыбы Перебоченской вздоръ; у нея не можетъ быть никакихъ актовъ. Она хочетъ только, какъ иной дикарь-татаринъ, въ мошенничествѣ время выиграть. Особенно ей нужно для нагула скота это лѣто. На бумагѣ вы будете считаться владельцемъ земли, а на дѣлѣ будетъ она.

— Я самъ заведу скотъ, пушу въ поле.

— А она сгонитъ его, заграбитъ, вѣдѣтъ наконецъ стрѣлять по немъ изъ ружей. И это въ нашей глуши бываетъ... вы еще не знаете... татарія за рѣкой, недалеко...

— Нѣтъ, не можетъ быть. Она одумается.

— Увидите! Дѣ вотъ ѣдутъ и господа чиповники. Прощайте. Я пойду пока въ ту вонъ избу, чтобы вы съ ними объяснились безъ меня! Пусть она не знаетъ о моемъ къ вамъ участіи...

Чиновники подѣхали, почтительно окружили генерала и подали ему актъ освидѣтельствованія Перебоченской. Оказалось, что она одержима такимъ опаснымъ недугомъ, что не только не могла по слабости и безнадежности здоровья оставить своего дома и съѣхать тотчасъ съ чужой земли, но даже не могла выслушать приказанія объ этомъ, не подвергаясь опасности скоропостижно заболѣть еще болѣе и даже... умереть. Актъ былъ составленъ уѣзднымъ лекаремъ и подписанъ всѣми наличными чиновниками.

— Итакъ, поздравляемъ васъ съ имѣнiемъ! двусмысленно сказалъ исправникъ, любезно раскланиваясь съ Рубашкинымъ: — а насчетъ Целагеи Андреевны надо подождать, пока выздоровѣетъ. Чтоже вы теперь, генералъ, куда?

— Да поселюсь здѣсь; стану хозяйничать пока на этой землѣ, хоть безъ усадьбы?

— Здѣсь? спросилъ исправникъ и оглянулся съ удивленiемъ: — въ Малаканцѣ? на квартирѣ у мужика?

— Именно здѣсь... Отчего же не нанять квартиры тутъ? Земля моя подъ бокомъ, и это будетъ какъ на дачѣ!

— Да вы, ваше превосходительство, находчивы необыкновенно! Отличная выдумка...

— Благодарю за комплиментъ!

— Желаемъ вамъ успѣха! прибавили чиновники.

— Очемъ благодаренъ.

Временное отдѣленiе уѣхало. За пятьдесятъ шаговъ за околицей Рубашкину нослышался со стороны уѣхавшихъ довольно явственный хохотъ. Адрианъ Сергѣичъ, сложа вводный листъ и копию медицинскаго акта, съ донесенiемъ становаго о причинѣ новаго невыѣзда Перебоченской изъ Конскаго-Сырта, грустно побрелъ въ избу, гдѣ ожидалъ его священникъ. Новые знакомцы еще поговорили.

— Какъ бы миѣ, отецъ Смарагдъ, нанять въ самомъ дѣлѣ здѣсь въ Маломъ-Малаканцѣ квартирку? Хоть оно и странно, да что же дѣлать... Впервыхъ вы миѣ очень понравились и я радъ такому сосѣду, а вовторыхъ начинается весна. Здѣсь у поволжья будетъ все-таки лучше жить, чѣмъ въ уѣздномъ городишкѣ, пока все болѣе объяснится. Да оно и дешевле. Я въ городѣ закуплю припасовъ; ящики моя съ вещами, неразобранные до сихъ поръ ни въ полтавскомъ хуторѣ, ни въ городѣ съ

отъѣзда изъ Петербурга, я разберу здѣсь. Кое-какъ устрою, скрашу свою конурку. Будемъ видѣться, гулять вмѣстѣ. У меня есть недурная ружье; вы любите рыбу ловить. А тѣмъ временемъ я напишу еще кое къ кому изъ высшихъ властей...

— Не соскучитесь ли вы въ этой глуши?

— О, вѣтъ. Мнѣ эти мѣстности нравятся. Я подпишусь для васъ на Пчелку или Цыцалидъ, станемъ ихъ получать черезъ ближайшую пароходную пристань на Волгѣ, переписку откроемъ съ дальнимъ свѣтомъ. Я встрѣчу съ окрестныхъ горъ разливъ Волги, прилетъ дичи, разцвѣтъ лѣсовъ и травъ. Буду гулять по вашимъ буграмъ; этою угрюмою, дикою и вмѣстѣ чудною природою вашею станемъ вмѣстѣ любоваться... Я житель юга... давно стремился сюда, и вотъ наконецъ я дома, въ степяхъ, гдѣ наши казаки ифкогда первыми зимовниками, колоніями савились...

— Все это такъ, генералъ, но чѣмъ вы жить здѣсь будете?

— А моя генеральская пенсія? спросилъ генералъ.

— Точно; я и забылъ...

Священникъ тутъ же разыскалъ Рубашкину квартиру у одной расколыничихи, бѣдной вдовы на краю села, возлѣ слободскихъ безконечныхъ огородовъ, рядомъ съ вѣтряными мельницами. Съ дворяка этой хаты открывался красивый видъ на окрестности. Здѣсь пробылъ священникъ у Рубашкина въ тотъ день до поздняго вечера, съ нимъ отпустилъ подводы и экипажъ обратно въ городъ, втащилъ съ хозяйкой въ комнату и развѣзалъ ящики съ вещами.

— Сколькѣ такихъ рядовыхъ генераловъ обрѣтается на Руси! замѣтилъ Рубашкинъ, прощаясь съ священникомъ: — они мирно поселяются по душнымъ городамъ .. жить на хлѣбахъ у государства. Лучше же я пережду, добьюсь своего и употреблю здѣсь сохраненныя еще силы мои на возрожденіе выпавшаго мнѣ угла на новыхъ основахъ вольнонаемнаго труда. Тогда весело заживемъ, отецъ Смарагдъ! Не правда ли?

— Дай-те Богъ!

Это было въ концѣ февраля.

Недѣли черезъ двѣ поля зазеленѣли. Каменистыя тропинки по берегамъ Лихого просохли. Отецъ Смарагдъ по прежнему былъ угрюмъ, суровъ, ходилъ нелюдимомъ; забившись куда-нибудь подъ берегъ Лихого, напѣвалъ про себя священные гимны,

вздыхалъ, ловилъ больной женѣ рыбку. Какъ-то онъ съ удочкой наловилъ два ведра окуней возлѣ водяной мельницы, отправилъ рыбу домой къ женѣ съ деревенскими мальчишками, сопровождавшими его гурьбой къ мельницѣ, и пошолъ провѣдать Адріяна Сергѣича. Онъ вошолъ въ навятую избу его в остолбѣлъ отъ изумленія.

Свѣтлая, просторная комната въ три окна на поле и въ два во дворъ, была устлана коврами и перегорожена красивою занавѣской. Мебель, уже купленная въ городѣ, наполняла переднюю часть комнаты и заднюю, гдѣ стояла желѣзная кровать генерала. По стѣнамъ висѣли три-четыре небольшія картины, писанныя масляными красками, въ золотыхъ рамахъ, два круглыхъ зеркальца и нѣсколько кенкетовъ для свѣчей. Столъ передъ мягкимъ диванчикомъ заваленъ былъ французскими книгами, большею частью романами. Альбомы карикатуръ лежали на красивой стѣнной полочкѣ. Письменный столъ былъ уставленъ фарфоровыми, бронзовыми и деревянными бездѣлушками. Тутъ же стояла чернилица, лежали бумаги и прочіе письменные припасы. За перегородкой въ спальнѣ, на коврѣ надъ кроватью висѣло легкое, англійское двустольное ружье съ прочими принадлежностями охоты, револьверъ и крѣпкая трость съ потайною шпагой. Въ углу за кроватью стоялъ шкафъ съ платьями, столъ съ посудой и самоваромъ. А у изголовья постели крошечный столикъ со свѣчей.

— Поздравляю съ новосельемъ. Какъ вы мило устроились!

— Да, и почту мою уладилъ получать въ семи верстахъ. На Тайницкой пароходной пристани скоро станутъ получать на мое имя письма и для васъ петербургская газета. Я написалъ Исакову и не знаю, какую онъ вышлетъ. Это все я въ городѣ устроилъ. Что значить, какъ захогать! Почтмейстеръ отличный человѣкъ. Я у него купилъ и мебель эту.

— А, понимаю! Была значить выгода, такъ и устроилъ приемъ почты на пристани! Дорогонько же вамъ это все обошлось?

— Не мало. Пока устроился, деньги такъ и таяли.

— Жаль однако, что у васъ здѣсь все вижу французскія книжки. Неужели вы въ Петербургѣ мало читали изъ русской литературы?

— Да что же у насъ читать? Только ругаютъ меня, васъ, всѣхъ!

— О, какъ же вы судите! У насъ въ глуши и то лучше на литературу смотреть. Вы вотъ реалистъ, какъ я замѣтилъ. А знаете ли какъ много у насъ явилось книгъ по части реальныхъ наукъ?

— Будто? И хороши?

— Какъ не хороши! Запишите-ка, я вамъ скажу о нѣкоторыхъ, а вы выпишите ихъ и хоть мнѣ дайте прочесть. Я знаю ихъ по разборамъ. Есть и художественныя, отличныя книги.

Рубашкинъ записалъ.

— Будемъ, будемъ почитать. Но жаль, что у васъ въ семинаріяхъ пофранцузски не учатъ читать! Я самъ уже самоучкой выучился въ Петербургѣ и именно изъ-за этихъ романовъ, прелесть! Куда только не перенесешься съ ними!

Священникъ покачалъ головой.

— Какъ же вы кушанье свое тутъ устроили?

— Хозяйка готовитъ. И недурно, увѣряю...

Посидѣли, поболтали.

— Вотъ уже пять дней, какъ я устроился. И какъ легко на душѣ. Цѣлые дни брожу съ ружьемъ по окрестностямъ. Горы ваши — прелесть; видъ на Волгу съ бугровъ — уму непостижимое очарованіе. Уйдешь по холмамъ, заберешься въ глушь; лѣса расцвѣтаютъ, одѣваются листьями. Дичи гибель. И не опомнишься, какъ день кончился.

— А ваше дѣло?

— Писалъ къ губернскому предводителю и къ губернатору. Только отвѣта еще нѣтъ.

— А вы такъ хорошо устроили вашу почту! Тутъ письма въ губернской городъ идутъ не болѣе двухъ дней.

— Что дѣлать. Подождемъ!

Прошли еще три недѣли. Явились потомъ выписанныя книги. Стали пріятели разбирать ихъ. Впервые тутъ священникъ увидѣлъ «Записки оружейнаго оренбургскаго охотника» Аксакова, его «Уженье рыбы», «Записки охотника» Тургенева и цѣлую кучу новѣйшихъ столичныхъ изданій по части естествовѣдѣнія: о мірозданіи, о лѣсахъ и степяхъ Америки, о морѣ и его жизни, объ облакахъ, объ инстинктѣ животныхъ и проч. Кое-что взялъ отецъ Смарагдъ почитать къ себѣ домой. Иное изъ этого онъ

туть же прочелъ съ своимъ сосѣдомъ. Генералъ сперва было вздремнулъ при чтеніи и сказалъ: «Нѣтъ, Дюма и Фезанъ лунше! Вотъ я вамъ переведу!» Но когда священникъ сталъ читать Аксакова и Тургенева, Рубашкинъ пришелъ въ такой восторгъ, что крикнулъ: «нѣтъ, я ошибался! Французамъ до насъ далеко... Такъ и подмываетъ идти на охоту! Я страстный охотникъ въ душѣ...» Схватилъ ружье и ушелъ въ сосѣдній лѣсъ, хоть страшно усталъ и не убилъ ничего.

Прошло еще мѣсяць. Священникъ ходилъ въ гости къ Рубашкину. Адрианъ Сергѣичъ ходилъ къ отцу Смарагда въ Есауловку. Дѣла его не измѣнялись. Обитатели Малаго Малаканца сперва, какъ на пугало какое, стали сходиться смотрѣть на новаго своего поселенца. Ребятишки и взрослые слѣдили его изъ за угломъ, когда онъ уходилъ на прогулку. Но потомъ они все привыкли. Вмѣшалось было въ жизнь генерала сосѣдній окружной начальникъ надъ этимъ селомъ. Но отецъ Смарагда при случаѣ сказалъ ему, что генералъ чуть ли не присланъ сюда никогдѣ, по поводу раскола, и Рубашкина оставили окончательно все въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что съ расколомъ окружной начальникъ рѣшительно не зналъ что дѣлать. — Въ концѣ этого второго мѣсяца, вмѣстѣ съ номерами Инвалида, Рубашкинъ получилъ разомъ наконецъ два пакета изъ губернскаго города. Тогда уже онъ приобрѣлъ себѣ крѣпкаго буланого конька и самъ верхомъ за почтой ѣздилъ къ одинокой пристани, гдѣ пароходъ какого-то общества грузился по пути обыкновенно разъ въ недѣлю дровами. Въ обоихъ пакетахъ былъ одинъ отвѣтъ: сдѣлано распоряженіе о подтвержденіи и внушеніи кому слѣдуетъ, чтобы наконецъ просьбы его, по дѣлу о выводѣ Перебоченской изъ принадлежавшей ему земли, были немедленно уважены. И только.

Но просьбы эти не уважались опять ни на волосъ. Приѣхавъ поэтому впрочемъ въ усадьбу Перебоченской какой-то чиновникъ, какъ послѣ узналъ Рубашкинъ, взялъ отъ нея новую какую-то вѣтку и опять уѣхалъ. Присылалъ за ней еще подяску князекъ, уѣздившій предводитель дворянства. Перебоченская выѣхала въ вѣдья на три въ городъ, гдѣ былъ у ней домикъ, а въ это время, во условію съ предводителемъ, налетѣлъ становой, составилъ новѣстку губернатору, что госпожа Перебоченская, по распоряженію мѣстнаго начальства, выбыла наконецъ такого-то числа изъ усадьбы Конскаго-Сырты, и эту новѣстку послалъ въ го-

роль. Шелагел же Андреевна снова явилась въ своемъ домѣ. Гурты ея постарому гуляли по лугамъ и холмамъ Коскаго-Сырта. Поляны, шрикашикъ ея, въ свое время съ весны, съ ба-траками вѣсѣвалъ боеъ малаго двѣсти десятинь пшеницы. Пришла пора косить луга. Перебоченная договорила артель прохожихъ на Черноморье косарей и стала, вислолюно не стѣняясь, снимать сѣно съ луговъ. Все это дѣлалось явно, съ полнымъ спокойствіемъ и передъ самымъ носомъ оторонѣлаго Рубацкина, который не только не успѣвалъ съ своей стороны одѣлать расноря жевіе о косовицѣ, но даже сталъ изъ квартиры нѣтъ Малаканца ходить на охоту и ѣздить за почтой, тщательно минуя собственную свою землю, гдѣ по слухамъ пастухи Перебоченной получали разъ навсегда такого рода инструкцію: «Что же изъ того, что его авели во владѣніе? Владѣю землею я, и чуть онъ види кто во его порученію швется на землю, гоните всѣкъ взапей; ни косить, ни пахать земли, ни пасти скота я ему тутъ не позволю, пока жива и пока есть за меня добрые люди!»

Тогда уже старикъ Танпуръ былъ обрадованъ возвращеніемъ изъ бѣгровъ сына и обдумывалъ, какъ бы залучить и Илью въ его общія дѣла съ Перебоченною.

Терпѣніе Рубацкина наконецъ лопнуло. А главнѣе — небольшой денежный запасецъ его совершенно истощился въ переѣздѣхъ изъ столицы въ полтавскій хуторъ и потомъ на поволжье, въ верьхъ и въ дальнѣйшихъ хлопотахъ въ дѣлѣ съ Перебоченной и въ обзаведеніи квартирой въ Малаканцѣ. Не имѣи генералъ въ виду получить вскорѣ окончателно законнаго наследства, онъ спокойно поселялся бы еще съ осени гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ и прожилъ бы безбѣдно своею пенсіей. А тутъ вдругъ кармакъ опустѣлъ, въ долгъ никто ничего не давалъ, да и занять было рѣшительно не у кого.

Съ такимъ-то сѣтованіями однажды, какъ мы уже знаемъ, обратился Рубашиниъ къ отцу Смарагду, найдя его у мельницы за улочкой.

— Спасайте, отецъ Смарагдъ! Я забился сюда, надѣялся, что скоро вся эта чепуха кончится. А оказывается, батюшка, что съ однимъ ружьемъ да съ петербургскими крѣпкими ногами, люблюсь тутъ природою, мало добудешь себѣ средствъ изъ жизни. Начать хоть съ пищи: даже дичи оказывается что-то не такъ много у васъ, какъ я ожидалъ. Спасайте! Посоветуйте что мнѣ

дѣлать! Не возвратится же мнѣ снова на службу изъ-за того, что обѣдъ тутъ не изысканный, что капусточкой да яйцами все приходится пробавляться пока. Я ничуть и ни въ чемъ не раскаяваюся и доволенъ, что бросилъ службу и хоть поздно, да все-таки приѣхалъ въ этотъ край, гдѣ пахнетъ такою глушью и дичью, а съ ними и свободой.»

Священникъ задумался. Долго шолъ онъ взгорьемъ по берегу Лихого. Рубашкинъ въ щегольскомъ свѣтломъ сюртучкѣ, широкой шляпѣ и въ розовомъ галстучкѣ, молча шолъ возлѣ.

— Извольте, генералъ, послѣднее средство будетъ... Поѣдемъ со мной въ губернской нашъ городъ. Тамъ есть у меня приятель и родичъ, изъ семинаристовъ, учитель при гимназiи. Онъ знаетъ всю подноготную города. Если онъ ни въ чемъ не поможетъ, такъ ужъ я и не знаю что вамъ тогда дѣлать! А самъ я, помните, ничего тоже не смыслю въ этой путаницѣ...

— По рукамъ?

— По рукамъ...

— На чемъ же мы поѣдемъ?

— Вашъ буланый, да мой рыжий и довольше; запряжонъ ихъ въ мой церковный фургончикъ и поѣдемъ. Жаль, что открытый. Ну, да ничего. Авось чего-нибудь добьемся... Жаль только, что жена моя все хвораетъ.

Рѣшено было ѣхать черезъ пять дней. Подступалъ праздникъ Троицы. Священникъ отпросился по письму у сестѣваго благочиннаго въ недѣльный отпускъ и сталъ ладить фургонъ.

Въ это время прислалъ ему черезъ поселянскаго мальчишка, Рубашкинъ запсочку такого содержания: «Въ моей жизненной баркѣ открывается маконецъ еще сильнѣйшая течь; съ каждымъ днемъ я отважный пловецъ болѣе и болѣе погружаюсь въ ледяныя волны всякихъ неудобствъ. Сегодня хозяйка объявила, что вышелъ весь овесъ для моего буланаго, а собственно для меня вышли весь чай и сахаръ. Я имѣю уже нынче одно молочко-съ... Вивать областная практика. Потерпимъ. Ночью мнѣ снились петербургскiе рябчики, трюфели и шатодикемъ. Утромъ рано убилъ я на буграхъ за Малаканцемъ въ верелѣскѣ пару куропа-токъ. Что дѣлать! Въ этой первобытной пустынѣ еще можно не соблюдать весеннихъ законовъ объ охотѣ. Я сытъ. Но конь мой голодаетъ. Помните сказку о трехъ путяхъ? Пойдешь налѣво, самъ будешь сытъ, конь пропадетъ съ голоду. Эти мѣста — лѣвый

значить путь. Итакъ пришлите три цѣлковыхъ займы. Возвращу, какъ получу снова часть пенсїи. А между тѣмъ вотъ вамъ новая продѣлка Перебоченской. Племянникъ моей хозяйки, тошій мужичекъ, попросилъ у меня позволенія выгнать на одну изъ двухъ тысячъ десятинъ моей земли, покушать травки двѣ пары своихъ быковъ. Я, новый сыртинскій помѣщикъ, позволилъ. А Перебоченская, извѣщенная черезъ лазутчиковъ, выслала поляка прикащика въ поле, отбила у поселянина воловъ на моей землѣ и загнала къ себѣ въ стадо. По поселянину ея пастихи даже грозились стрѣлять, прогоняя съ поля его прочь. Я написалъ къ ней вчера ѣдкое письмо; а она на словахъ отвѣтила: «скажи своему генералу, чтобъ не трогалъ опять—таки меня, а то я наѣду на него, загоню самого его къ себѣ въ сарай на хуторъ и еще высѣку, чтобъ не обижалъ женщинъ; пусть не очень тутъ храбрится.» Пампасы, пампасы дѣвственныхъ пустынь Америки! Кстати же я ихъ по совѣту вашему читаю. — Vale! Вашъ малалаканскій Робинзонъ—Крузе, Адриянъ Рубашкинъ.»

— «Чудакъ!» сказалъ вздохнувши священникъ и обратился къ хорошенькой, но болѣзненной и постоянно—грустной женѣ своей: «Паша, есть у насъ деньги? Дай три цѣлковыхъ; я генералу на время пошлю.»

— «Какія у насъ деньги, Смóрочка! Вонъ, ты благочинному за треть благодарность послалъ, а за что благодарить—то! И я въ порванныхъ сорочкахъ хожу, да и у тебя на зиму шубенка вонъ какая опять будетъ. У насъ двое дѣтей. Церковнаго вина надо купить въ городѣ, свѣчей — мало ли чего...»

— Э! Ему надо помочь! Человѣкъ бѣдовой доброты! Давай что есть, авось насъ послѣ не забудетъ! Мы не Перебоченская; фальшивыми асигнаціями не торгуемъ; самъ знаетъ нашъ приходъ!

Вынула Пашенька послѣднія изъ комода деньги и отдала ихъ мальчику. «Въ городъ—то съ чѣмъ вы, безпутные, поѣдете? А еще по такому дѣлу ѣхать собираетесь! Страмъ, безпутные! А еще ты, Смóрочка, священникъ, да и онъ генералъ! Точно гимназисты живутъ!»

IV

КАКЪ ВЪГЛОСЬ И ГДѢ ВЪГЛОСЬ

Въ то время, какъ въ Маломъ Малаканцѣ устраивался одинъ новый Робинзонъ Крузе — генералъ Рубашкинъ, въ есауловскомъ господскомъ саду мостилъ себѣ норку другой Робинзонъ-Крузе, Илья Танцуръ.

Прикащикъ Романъ понялъ, что сразу сына не свернешь на вьюю дорогу, не поставишь его такъ; какъ хотѣлъ онъ, Романъ и пошолъ на хитрости: далъ ему извѣстную долю воли, чтобъ высмотрѣть все, приучить его и потомъ сломить сына разомъ. Птица долго не была въ клѣткѣ, успѣла черезчуръ порасправить себѣ крылья; даже навѣрное и перья-то у нея въ это время осѣбя, полетныя выросли. Слишкомъ уже отъ нея волей и воздухомъ чахло. Увидѣлъ Романъ, что сынъ болѣе не думаетъ отъ него лать тягу, самъ свозилъ его въ уѣздъ, явилъ его суду, при немъ сняли съ него допросъ по формѣ, гдѣ онъ былъ въ эти двѣнадцать лѣтъ? и получили въ отвѣтъ по обычаю: «гдѣ былъ я и самъ того не знаю! а дѣлайте со мною что хотите!» Илью отпустили и велѣли отцу подать о немъ ревизскую сказку въ казенную палату, какъ о воротившемся добровольно изъ бродягъ, что Романъ и сдѣлалъ акуратно. Пустивши Илью поработать наравнѣ съ миромъ, Романъ сказалъ: «Вижу, Илько, что тебѣ со мною жить какъ будто неладно. Да и впрямь! Ко мнѣ люди разные по должностямъ ходятъ, при тебѣ совѣщаются о мужикахъ правду говорить. Ты же къ обществу идешь... Такъ вотъ что... Любишь ты, я вижу, садовое дѣло, и матушка попадья, Прасковья Агѣевна говоритъ, что ты отцу Смарагду хорошо виноградъ подрѣзалъ и въ ростъ пустилъ. Переходи же, когда хочешь, въ садъ жить, въ пустку бывшаго тутъ садовника, что возлѣ вербъ. Хочешь, къ намъ ѣсть ходи; а не хочешь, бери отсыпное мѣсячное продовольствіе отъ ключника заурядъ съ другими батраками. Мать тебѣ дастъ горшковъ и прочаго. Тамъ себѣ и копайся; садъ смотри и веди его какъ слѣдуетъ. И французу, въ городѣ, нашему главному управляющему, Морицу Феликсу, говорилъ о тебѣ и онъ согласился. Пилѣ и ножницы для подрѣзки сада тебѣ нужны будутъ, я знаю, равно смолка и прочее

тамъ для насъ. Въ воскресенье съѣдешь въ городъ, купишь все, да кстати и у французъ побываешь. Явись къ нему. Ручку у него поцѣлуй. Онъ у насъ главный тутъ...»

Илья съѣздилъ въ городъ, видѣлъ французъ, получилъ отъ него инструкція о садѣ и уѣхалъ. Французикъ, москв Пардоннэ, былъ, какъ всѣ французы, попадающіе нынѣ въ наши провинціи въ качествѣ техниковъ и искусниковъ всякаго рода, какъ нѣкогда попадали туда же ихъ предки въ качествѣ ученыхъ воспитателей юншества. Онъ имѣлъ красный воспаленный носикъ, былъ маленькаго роста, непомѣрнаго самолюбія, имѣлъ всегда страшный позывъ къ ѣдѣ и дурной желудокъ, носилъ рыженькій паричокъ, жидъ на ногѣ холостяка, и его комната, гдѣ онъ спалъ, встрѣчала всякаго входяго тѣмъ острымъ и особенно противнымъ запахомъ, какой имѣютъ таковыя комнаты на Руси обыкновенно у всѣхъ французовъ техниковъ, точно также какъ его имѣли въ старину подобныя же комнаты французовъ-гувернеровъ. Въ нихъ обыкновенно платье нашихъ заморскихъ гостей разбросано въ безпорядкѣ по протертымъ стульямъ и окнамъ, банка съ ваксой покочется на книжкѣ «Пюсель-д'Орлеанъ» Вольтера; подъ кроватью по цѣлымъ годамъ валяется всякій непостижимый соръ, старые сапоги, богъ-вѣсть для чего принасенный столярный и слесарный инструменты, объѣдки колбасы, фланелевыя подштанники, клѣбныя корки, шприцовка; а въ паутинѣ и пыли виситъ на стѣнѣ портретъ какой-нибудь красавицы, привезенный изъ-за моря. Морицъ Феликсычъ Пардоннэ впрочемъ встрѣтилъ Илью не въ этой комнатѣ, а въ обширной приемной, уставленной шкапами съ дѣловыми книгами. Онъ вышелъ въ синей рабочей блузѣ, почему-то надѣвавшейся постоянно поверхъ скюртука, когда французъ выходилъ въ эту комнату встрѣчать кого-нибудь по дѣламъ ввѣреннаго ему княжескаго сахарнаго завода, подъ городомъ. Здравши красный носикъ, надѣленный постояннымъ насморкомъ, онъ сказалъ Ильѣ строго, хотъ и съ улыбкой, какъ сыну прикащика: «Трудись, мой милъ, а въ саду разведи мнѣ винъ..., фрюи... и редисъ.» Онъ очемъ не поправился Ильѣ, и тотъ все удивлялся, какъ такого мозгляка могли сдѣлать главнымъ начальникомъ надъ всею Есауловкою. Его отецъ былъ покрайней-мѣрѣ великъ ростомъ и изъ себя молодецъ, а этотъ французикъ такъ какая-то противная лагушонка.

Илья устроился въ вѣтхой садовой пусткѣ, то-есть въ шлепной глиняной избушкѣ, въ концѣ дикой половинны сада, разбитой паркомъ. Избушка была у оврага ее спрятали съ трехъ сторонъ старыя вербы, а съ четвертой она выходила къ луговой, болотистой подъ косогоромъ равнинѣ, носившей имя Окнины. Нечего и говорить, съ какою радостью взялся Илья за устройство новаго жилища. Отсюда видѣнъ былъ тотъ заброшенный склонъ косогора, надъ ключами и муравой Окнины, гдѣ еще оставались слѣды бывлой усадьбы старика Романа Танпура, дуплистый берестъ, нѣсколько обломанныхъ вѣтромъ и скотомъ вербъ, куча мусору и двѣ-три ямы съ стеблями какого-то тощаго кустарника. Илья не переставалъ помышлять о возможности самому получить земли, если удастся, даже старое мѣсто на Окнинѣ, ходилъ туда часто черезъ садовую канаву, тыкался грустно вокругъ ямъ, вербъ и береста, и съ жадностью принялся за устройство садовой лачужки.

Онъ очистилъ вокругъ этой лачужки сорныя травы, обмазалъ ея стѣны заново глиной, побѣлилъ ихъ, покрылъ избушку ихомъ и осокой, которой накопилъ тутъ же за садомъ. Выпросилъ у матери сундучекъ, спряталъ туда кое-какіе свои пожитки. Натаскалъ въ избушку старой посуды; поставилъ кадку для воды, а ведро самъ сдѣлалъ. Выпросилъ себѣ на время у священника, за подрѣзку винограда, топоръ, долото, стамеску, молотокъ и бурвничекъ, обязавшись за нихъ еще прицепить ему нѣсколько дичковъ яблоць и сливъ въ церковномъ садикѣ. Примостилъ въ хаткѣ, между печкой и угломъ, нѣсколько досокъ себѣ для постели. Выбѣлилъ внутренность лачужки и сѣни. Окнина была къ саду со стороны полдня, и потому Илья сейчасъ же на лужайкѣ, между хатой и садовой канавой, устроилъ огородъ и посѣялъ маленькій баштанъ арбузовъ, дынь, огурцовъ, пшенички, кукурузы. Жена священника снабдила его рассадой капусты, которую онъ хоть поздно, а все-таки посѣялъ и сталъ съ усердіемъ поливать. Досталъ онъ у отца въ кладовой цвѣточныхъ сѣмянъ для саду, и у себя за вербами разбилъ и засѣялъ цвѣтничекъ. Подъ заваленкой избушки откуда-то взялась вскорѣ мышастая и невзрачная, повидимому забитая собаченка, которая однакоже быстро оправилась и стала по ночамъ такъ шнырять подъ деревьями вокругъ лачужки и такъ забористо лаять, что взумился самъ Илья. Она къ нему сильно привязалась и вездѣ

сопровождала его въ работахъ по саду. Илья сталъ получать мѣсячину отъ ключника; натаскалъ подъ крышу пристройки нѣзбушнѣ разнаго лому, стружекъ и гнилыхъ сучьевъ, а сталъ самъ себя стряпать. Съ той поры онъ вовсе пересталъ ходить къ отцу въ контору. Старая Ивановна было вѣгрустнула по сынѣ, но мужъ сказаъ ей: «Не твое дѣло! брось его — одумается!» И она стала поврежнему возиться съ собственными дѣлами въ конторской, стряпая, обшивая мужа и опиваясь по десяти разъ въ день чаешъ изъ чашекъ, расписанныхъ купидонами. «Что однако этотъ сорви-голова дѣлаетъ тамъ?» самъ себя однажды спросилъ прикащикъ, подвечеръ увидѣвши, какъ изъ гуцины вербъ въ концѣ сада поднимался дымокъ, и пошолъ туда окольными дорожками. Большая часть тропинокъ въ саду оказалась расчищеною, деревья подрѣзанными и вѣтки съ нихъ правильными кучами свалены за клумбами. Виноградъ, у обрыва за прудомъ, былъ развѣшенъ на бѣлыхъ новыхъ кольяхъ и жордочкахъ и густо зеленѣлъ, пуская длинныя широкія листья и цѣпкіе усы. Чернобровый Романъ заглянулъ подъ пристройку избушки: на бойдарскомъ прилавкѣ лежало въ кучѣ стружекъ кривое долблѣ и начатое липовое корытцо. Онъ вошолъ тихо въ сѣни. Дверь была раскрыта, а у ярко-растопленной печи, съ засученными рукавами, возился Илья. Собаченка залаяла и бросилась изъ хаты на Романа. Къ порогу кинулся и Илья.

— Что тутъ стряпаешь, башка? а?

— Ужинъ варю.

Романъ съ улыбкой покачалъ головою.

— Ну-ну, вари... Квасу гдѣ досталъ?

— Самъ завелъ...

— Садъ однако у тебя ничего, хорошо...

Романъ ушолъ, помышляя: «Малыи на всѣ кажется руки. Прокъ будетъ! Пора бы ужъ ему и одуматься. Поговорю съ Пелагеей Андреевной. Очень бы теперь его намъ нужно было. Людей вѣрныхъ у насъ вѣтъ... Да и съ барыней надо счетъ вести!»

Зажилъ себя уютно и отраднѣ Илья въ лачужкѣ. Рѣдко когда онъ в садъ покидалъ. Все копаются въ немъ. Развѣ сходить на рѣку, выкупается, бѣлье вымоетъ самъ, рыбы удочкой наловитъ для позаднѣ. «Да я тебѣ хотъ рубахи стану мыть!» говорила ему мать, старая распольнѣвшая въ прикащикахъ Ивановна. Илья

молча уходилъ отъ матери. «Чайку выпей; я тебѣ, Илья, чайничекъ дамъ, сахару и чаю; самъ заваривай у себя». — «Вотъ, когда бы мнѣ ружье да пороху — поохотился бы; и сорокъ въ саду гибель; вишенья пропасть цвѣло — все объѣдать.» — «Проси самъ у отца: то ужь не мое дѣло!» Илья не просилъ. Онъ отца дичился и боялся, самъ не понимая отчего. Никто не заходилъ въ садъ къ Ильѣ. Иногда только по вечерамъ и до поздней ночи звенѣла у него подъ вербами флейта. Это посѣщалъ его, въ свободные часы отъ занятій въ оркестрѣ вальсера, другъ его Кирило Безуглый, проходя въ садъ не селомъ, а отъ мельницы изъ бывшаго винокуреннаго завода, гдѣ помещался оркестръ, наярникъ, буграми и Оквиной. Кирило садился съ пріятелемъ передъ мѣсяцемъ, подъ избушкой, курилъ папирску или навгрывалъ на флейтѣ и иногда до бѣлой зари съ нимъ говорилъ безъ умолку.

Однажды пришолъ къ Ильѣ Кирило Безуглый передъ вечеромъ и принесъ ему въ платкѣ небольшую картину, писанную масляными красками.

— «Саввушка писалъ! Маляръ-то нашъ, какъ видишь, художникъ. Въ послѣднемъ, братъ, хрипѣннмъ чахотки обрѣтается! Взгляни. Это онъ казака изобразилъ на конѣ. Мчится по степи, какъ вѣтеръ. А то курганы, бугры; а вонъ ковыль разстилается. Вольный казакъ, какъ наши дѣды, братъ, были...»

— Неужто умираетъ уже Саввушка?

— Хрипитъ уже; бабки шепчутся надъ нимъ. Кларнетъ заѣлъ его... Врядъ до утра проживетъ...

Илья сталъ разсматривать картину. Въ душѣ его морозомъ обдало.

— Гдѣ же краски онъ бралъ?

— Тайкомъ за иконы доставалъ изъ города. Это онъ тебѣ въ подарокъ прислалъ...

— Спасибо...

Илья смогнулъ слезу.

— Просилъ только, чтобъ ты ему у отца чайку выпросилъ. Въ груди его все жжотъ. Про Питеръ толкуетъ, про живописцевъ, про кадемію, да про того Бралева чтоли про этого — поманишь?

Илья ввесь картину въ пустку, упалъ лицомъ въ постель и судорожно зарыдалъ. Кирило остался на дворѣ, глядя собачку,

знавшую его. Илья повѣсилъ картину въ углу, подъ четвертымъ образкомъ, надѣлъ картузъ и побѣжалъ къ двору.

— Куда ты?

— Сейчасъ...

Онъ скоро воротился.

— Выпросилъ у матери чаю и сахару будто себѣ. Отослалъ съ Власикомъ Кирилъ.

— Власка вѣдь не скажетъ?

— И! Тамъ такой!.. отецъ-то кажется имъ очень помыкаеть. А ты посиди. Блиновъ спечемъ. У меня, Кирило, и масло есть. Попадѣвъ корытцо сдѣлалъ, она мнѣ и прислала; всего присылаетъ... Авось Саввушкѣ лучше будетъ къ утру; не станемъ его сегодня тревожить...

Пріятели настрапали блиновъ. Поѣли. Солнце зашло. Раскричались миллионы лягушекъ окрестъ Окнины. Запахло березами, липами. Свѣтлая ночь встала надъ землею. Мѣсяцъ тихо выкатился изъ-за бугровъ и освѣтилъ вербы, Окнину и уголь илиной хатки. Зазвучала флейта на ея порогѣ и долго уныло отдавались въ глуши сада ея круглые, мягкіе переливы. Вдругъ какая-то легкая пушистая птица, взмывъ широкимъ сѣрымъ крыломъ надъ вербами, крикнула у самаго порога хатки и улетѣла. Илья, опустивши голову въ колѣни, сидѣлъ на порогѣ, рядомъ съ Кирилой, и вдругъ горько заплакалъ.

— О чемъ ты плачешь, братъ? спросилъ Кирило Безуглый.

— Тоска, не повѣришь, какая тоска. Это либо Саввушка померъ и душа его надъ нами отозвалась, на тотъ свѣтъ полетѣла, либо...

Илья не договорилъ.

— Либо что?

— Ужь не Настя ли моя въ Ростовѣ померла?

— Э, полно. Съ чего ты это взялъ?

— Ты такъ жалобно играешь, Кирюша! Такая тоска, горе; бѣдные мы, полневольные...

— Ладно я замолчу. Лучше потолкуемъ. Эта флейта у меня расхожая; въ карты въ городѣ выигралъ у одного тамъ музыканта. А нашей флейты венгерецъ не даетъ...

Кирило сиряталъ флейту за савогу.

— Эхъ, Илюша! дѣвки-дѣвки! Губятъ насъ онѣ! Моя Фрося такъ козырь-молодка. Води, говорить, жена барыней; едѣ-

вай меня, а мето разлюблю — пойду ночью къ поляку прикащику; все-равно, говорить, просить. А я ее за косы: атанде-сь! Ничего, усмирилъ; еще пуще полюбила. И вправду, говорить: ты голышъ и я въ платьѣ безъ рубахъ хожу; будетъ воля — повѣнчаемся...

Илья молчалъ.

— Мечтатель! Чтоже ты не проговоришь слова? спросилъ Кирило.

— Негдѣ взять мнѣ, Кирюша, словъ такихъ, какъ у тебя! Настя учила меня въ Ростовѣ стихамъ, да я забылъ. Одни были: «Ахъ, за окномъ въ тѣни мелькаетъ русая головка!» а другіе: «Гляжу я безмолвно на черную шаль!» Забылъ и то и другое.

— Ну, такъ помечтаемъ! Давай о будущемъ говорить. Я въ одной книжкѣ съ Саввушкой читалъ, какъ люди въ любви живутъ и какъ ихъ злая судьба гонить! Ты этой книги не читалъ?

— Нѣтъ. Я вотъ Ледяной домъ тоже въ Ростовѣ у каретника на фабрикѣ съ ребятами читалъ, какъ одного хохла нашего водой обливали въ морозъ и уморили. Плохія бывали дѣла...

— Давай о будущемъ толковать! продолжалъ Кирило: — Ты, Илья, ничего про волю не слышалъ? Скажи, какъ это ты такъ вдругъ сюда самъ пришолъ со свободы—то? Положимъ и мы, всѣмъ оркестромъ было разбѣжались; такъ мы не далеко забивались: тутъ же по Волгѣ на баркахъ промаячились, пока иныхъ не скрутила полиція, а другіе и сами воротились по волѣ, какъ и ты. Да что! Мы теперь дома опять, да и въ бѣгахъ были почти дома. Иные тайкомъ сюда изъ бѣговъ по ночамъ къ роднымъ даже за бѣльемъ ходили. Вся слобода знала, что мы тутъ же верстахъ въ сорока маялись, а не выдавала насъ. Но ты другое дѣло... Двѣнадцать лѣтъ проходилъ въ бродягахъ и ушолъ еще мальчикомъ. Такъ скажи же ты мнѣ, какъ ты такъ вдругъ воротился съ приволья?

— Вышелъ сказъ такой у насъ. Всѣ и узнали...

— Кто же это тамъ вамъ сказъ такой сказалъ?

— Не знаю... Разомъ всѣмъ стало вдругъ это извѣстно: — идти по домамъ изъ бѣговъ къ господамъ своимъ, да и только, что вскорости волю всѣмъ прочитаютъ и все воротятъ; всѣ и пошли... Ну, однимъ словомъ, понимаешь ли: сказано между

народомъ, по мѣстамъ быть всѣмъ, гдѣ кто значитъ нарожда-
ется...

— А! Такъ ты и пришолъ?

— И пришолъ...

— И ждешь тутъ?

— Жду.

— Ну; ты извѣстно земли хочешь; тебѣ тутъ и мѣсто.

— А тебѣ, Кирило?

— Мнѣ?

— Да.

— Какъ это только прочтутъ волю, братъ, возьму сейчасъ
Фроську, обручусь съ нею, попъ перевѣнчаетъ, — мы и маху...

— Куда же! Зачѣмъ же тебѣ бѣжать? Въдѣ ты вольный бу-
дешь и безъ того? Куда же бѣжать тебѣ тогда?

— Куда глаза глядятъ, лишь бы отъ венгерца да отъ твоего
батюки подалѣе, а ей отъ своей барыни.

— Нѣтъ; мы съ Настей тутъ себѣ хату на Окнинѣ поста-
вимъ, жить тутъ станемъ. Такъ мнѣ ея отецъ, Талавѣрка, зака-
залъ...

Кирило закурилъ папирску.

— Скажи мнѣ, Илья, какъ ты это, спрашиваю я тебя, бѣ-
галъ? Сколько времени я уже дружбу съ тобою веду, а этого
не знаю. Ты какъ отсюда тягу далъ?

Илья обошелъ съ собакой вербы и пустку, положилъ собаку
возлѣ себя и сѣлъ опять на порогѣ.

— «Ты хочешь знать, какъ я бѣгалъ и гдѣ бѣгалъ? Изволь,
слушай! началъ Илья. — Бѣжалъ я отъ истязаній нѣмца; тутъ
управитель, какъ ты знаешь, такой былъ. Ты тоже знаешь, что
нашего барина князя все дома нѣтъ: все онъ по чужинъ землямъ
живетъ... Нѣмецъ не только бывало пинками долбитъ за всякую
малость, а еще возьметъ, да и станетъ соли тебѣ подбавлять въ
пищу, да пропасть; противно ѣсть, а ѣшь съ голоду; онъ воду
и запретъ въ чуланѣ, а тебя изъ комнаты не выпускаетъ. Разъ
ночью я хотѣлъ съ жаровней угольевъ ему подъ кровать поста-
вить, чтобъ онъ угорѣлъ на вѣки; но подумалъ—не одолѣю, какъ
проснется, и бросилъ. Послѣ въ колодезь самъ на дворѣ хотѣлъ
кинуться, а тамъ опять мѣстился въ саду этомъ на поясочкѣ по-
вѣситься. Все бывало тайкомъ плачу. Одолѣлъ онъ меня и гра-
мотой: дьячка заставлялъ учить меня. Отецъ и мать моя тогда

въ сильномъ убожествѣ жили; жаловался я нѣмъ. Мать пооща-
 четъ, а отецъ говоритъ: «терпи, человѣкомъ можешь станешь и
 намъ будетъ польза отъ тебя.» Я разъ сказалъ отцу: «либо
 утоплюсь, либо убѣгу.» — «А хоть и бѣги! отвѣтила мать: — все-
 таки грѣха будетъ меньше, да и нѣмецъ чорта слопаешь съ доса-
 ды; будетъ бояться, что пожалуемся гдѣ-нибудь.» А становому
 тогда бывало хоть и носа не нажи. Прийдешь: «ты, спроситъ, за-
 чѣмъ? господскій?» — «Господскій, такого-то.» — «Клади его.»
 И дастъ сто горячихъ тебѣ же. У насъ открывалась тогда, какъ
 и ты вѣрно помнишь, ярманка у старой церкви. Наѣхали разъ
 армяне; въ другой они же наѣхали съ красивыми товарами и съ
 прочимъ. Съ дѣвками болтають, гниль всякую сбываютъ, и уви-
 дѣли меня въ курточкѣ: я отъ дьячка съ тетрадкой шолъ. «Маль-
 чиска-писарчукъ, чей ты?» — «Пастуха такого-то.» — «Чѣ-
 гдаза заплакалъ?» Я пояснилъ имъ. Они перешепнулись. Стар-
 шій изъ нихъ и говоритъ: «Хочешь нѣмца бродить? Хочешь убѣ-
 жать ворса? Мы поможемъ, завеземъ тебя безъ вѣсти.» Я обом-
 лѣлъ. И бѣжать-то хотѣлось, да и страхъ бралъ. «Ты не бойся.
 Отецъ тебя не спасетъ. А мы тебя орѣхами будемъ кормить,
 шепталой, изюмомъ. У насъ будешь въ красивыхъ рубашкахъ
 ходить.» И дали мнѣ пригоршню изюму. «Приходи ночью
 вонъ въ тотъ лѣсокъ на буграхъ; мы до свѣта выждемъ и тебя
 возьмемъ.» Побѣжалъ я въ садъ, къ нѣмцу не пошолъ, на-
 ѣлся лакомства... Меня и забрало! Пробылъ я до вечера, какъ
 ни въ чемъ не бывалъ. Къ матери сбѣгалъ, все ластился къ
 ней, Нѣмецъ цо утру кофей пилъ. Я взялъ да и налилъ чернилъ
 въ банку съ тертымъ его кофеемъ, сапоги его изрѣзалъ, смер-
 тукъ ему масломъ постынымъ облилъ, Извѣстно, дуракъ былъ.
 Да какъ всѣ заснули въ конторѣ я и далъ тягу сперва въ садъ,
 тамъ просидѣлъ, а потомъ въ лѣсъ — всю ночь лежалъ въ яру.
 Думаю: что, какъ они насмѣялись, да не придутъ? что какъ
 утромъ нѣмецъ опять потянетъ на расправу? Слышу, скрипятъ
 телеги. Взяли они меня, отъѣхали до свѣта верстъ пятнадцать
 рысью, потомъ съ дороги свернули степью, цѣлной. Тогдаже
 нѣмецъ не догадался. Сильно, говорятъ, перетрусилъ и все съ
 шестомъ колодцы обыскивалъ да пруды въ саду: думалъ, что
 я утомулъ. Такъ и слѣдъ мой простылъ. Мать поплакала. Про
 отца не знаю понынѣ, какъ онъ все это перенесъ. Только ужъ
 сталъ меня отецъ разыскивать, какъ его самого, говорить, на

ставили въ прилашки. Это ты знаешь. Ну, и повезли меня армяне, и повезли, братецъ ты мой. Сперва переодѣли и возили вся по названнымъ тутъ городамъ, тамъ по Дону, а послѣ уже привезли въ Кочеванъ; это такъ они городъ Нахичеванъ зовутъ. Тамъ приставили меня къ скоту, и за лошалями я смотрѣлъ. Прошелъ годъ. Вижу кормить стали плоше; въ традѣ, какое изъ дому я ввѣлъ, хожу, а новой они не дѣлаютъ одежы. Только и весело было какъ съ табуномъ пошлютъ въ степь; носишься съ ихними ребятами, обгоняешь верхомъ армяшкѣ. Слышу, есть и другіе бѣглецы тамъ изъ верхнихъ губерній. Всѣ получаютъ жалованье, а миѣ нѣтъ. Я занкунлся, а хозяинъ меня въ рыло, да по шеѣ. «Будь, говорить, доволенъ, что увезли. Какъ вырастешь, будетъ тебѣ и жалованье. Валяла меня досада, я и ушолъ въ Ростовъ — этотъ-то городъ обокъ съ Кочеваномъ: почитай крайніе дома съ домами сходятся, одинъ выгонъ раздѣляетъ. Добродилъ я дня три по Ростову, проголодался, а уже зналъ китрости, какъ бродягѣ слѣдуетъ себя вести. Хожу смѣло, какъ будто и тутовшій, въ бабки съ мальчишками дуюсь. На третій день нанялся я у хлѣбнаго магазина, на берегу Дона, пылъ обнести. Накормилъ меня сторожъ и такъ пристально на меня посмотрѣлъ. «Ты, говорить, не кукушкинъ сынъ?» — «Кукушкинъ.» А это такъ малыхъ бродягъ тамъ зовутъ. «Хочешь въ колонію наняться?» — «Въ какую?» — «На рѣку Молочную.» — «Хочу.» Сыскалъ онъ миѣ добраго вѣмчика, старичка такого, не похожаго на нашего живодера. Тотъ привозилъ масло, да шерсть въ Ростовъ продавать и ввѣлъ меня. Повезъ колонистъ меня степью. Долго мыѣхали, въ полѣ ночевали. Нѣмецъ все жаловался, что земля у нихъ богатая, только некому работать: кругомъ никого нѣтъ и захожихъ негдѣ взять нанять. Дорогою тьмутьмущую дичи мы видѣли. Дрохвы, братецъ, поминутно стаями поднимались въ травѣ и на насъ поглядывали. Стрепеты взлетали. Бѣдали мы чуть видною въ зелени тропкою, больше по звѣздамъ да по солнцу. А разъ ночью чуть насъ волки не заѣли. До зари нѣмецъ все отстрѣливался, пугалъ ихъ, а миѣ давалъ съ дуги колокольчикъ звенѣть. Приѣхали мы. Помѣстилъ меня старикъ къ себѣ за внука. Дочка его, руманая такая да русая, обмыла, обшила, одѣла меня. И прожилъ я у нихъ шесть годовъ. Тутъ я выросъ, нарнемъ сталъ. Жалованье миѣ шло съ перваго дня ...»

— Что же, развѣ ты бросаешь ихъ? спросилъ Кирило, набивая себѣ опять папироску въ свертокъ писчей бумаги.

— «Слушай. Учили меня хозяева, отецъ и сынъ, всему: плотничеству, бондарству, кузнечеству. Я съ ними и землю пахалъ и въ саду занимался. Даже помышляли они меня женить у себя на одной тамъ нѣмкѣ. Только нашъ же братъ русскій мнѣ нагадилъ. Жилъ въ той колоніи одинъ нашъ бѣглый. Его почитали за простого бродягу; рабочихъ нужно, ну и рѣшалась держать всякаго, коли смиренъ. А онъ—то оказался уже послѣ дезертиромъ, бѣглымъ солдатомъ. Первый онъ сознался. «Давайте, говорить, вдвое мнѣ жалованья, чтобъ ни въ чемъ мнѣ отказу не было; водки давайте, бабъ давайте...» Нѣмцы успокоились, совѣтомъ вся колонія собралась думать; положили со всѣхъ дворовъ денегъ, принесли ему и просятъ тихо уйти отъ нихъ. Онъ ушолъ, деньги прогулялъ по сосѣдству въ кабакѣ, потолъ, да и денесъ на себя и на нихъ становому: «пусть-де нѣмцы-нехристь помянуть!» Налетѣлъ судъ, схватили невзначай по его извѣсту и меня. Разорили двухъ-трехъ хозяевъ, а я съ этапу убѣжалъ, — плохо смотрѣли. Забѣжалъ тогда я прямо въ Бессарабію, хотѣлъ въ Турцію навѣки уйти. Тутъ въ Бухарестѣ нашолъ я трактирщика тоже бѣглаго изъ Россіи. Отличное заведеніе держалъ и уже былъ настоящій молдаванецъ. Сорокъ лѣтъ въ бѣгахъ состоялъ. «Ты чей?» спрашиваетъ меня. «Такого-то князя и такого-то, изъ села утекъ.» — «Ну, я тоже княжескій, только не вашего. Это еще что, что тебя нѣмецъ сѣкъ; а меня вотъ самъ баринъ въ подвалѣ по двѣ недѣли держалъ, пока бывало съ моею женою забавляется: — такъ придерется къ какому-нибудь пустяку, цѣпи на руки и на ноги наложить и крикнетъ: «запереть его, буяна и разбойника!»» Бросилъ я тогда и барина и жену, говорить трактирщикъ, и незналъ долго, живы ли они. Да во время войны, какъ подъ Силистрію наши войска шли, опозналъ я тутъ родного братишку своего. Какъ бѣжалъ я изъ дому, ему былъ шестой годокъ, а тутъ у меня же въ распивной увидѣлъ я его въ усахъ, въ мундирѣ и при саблѣ. Долго я на него смотрѣлъ; глядѣлъ и-онъ, будто сердце чуло, на меня. Какъ кинулся я къ нему при гостяхъ, обнялъ его голову русую, узналъ его по глазамъ, по волосамъ, да по шраму на щекѣ отъ золотухи; такъ и замеръ, обливаю его слезами горячими. Ну, отвелъ я его въ особую комнату, распросилъ про отца-мать, про родъ-племя: всѣ почти вымерли. Кормилъ я его,

какъ на убой, трое день, а тамъ говорю: убѣги, брось эскадронъ свой.» Заплакалъ рекрутокъ. «Нѣтъ, говорить, нельзя, а вотъ на рубахи, да на сапоги запасные и на табачокъ мнѣ дай деньжаты.» Такъ вѣдь и не остался, ушолъ далѣе. А я бы уже нашолъ какъ его спрятать. Слышу послѣ: убили подъ Сидистрѣй. Такъ-то. Жаль, говорить, покойнаго братишку; радъ былъ тогда хоть, что черезъ двадцать лѣтъ тутъ на чужбинѣ свой родъ-племя повидѣлъ. И богатъ-то я, да все сердце новтъ. Ты на брата моего похожъ; оставайся тутъ, я тебя въ люди выведу.» Остался я въ Бухарестѣ у этого трактарщика; Семеномъ Бритвеншти его тамъ звали, а дома-то попросту онъ былъ Семенъ Бритвенко. Въ театры онъ четверкой ѣздилъ цугомъ, въ гости, въ бархатномъ кафтанчикѣ со шпурками ходилъ и отъ другой, молдаванской жены четверо дочекъ имѣлъ, и всѣ онѣ красавицы были. У него подъ городомъ своя дача была. Туда онъ наѣзжалъ отдыхать только. Извѣстно, богачомъ сталъ. Кромѣ трактира, два винныхъ погреба держалъ. На дачѣ мнѣ и далъ онъ у себя мѣсто: къ саду приставилъ. Тамъ я и выучился этому дѣлу. И точно, хорошо у него жить было. Тамъ у него въ его тайной комнатѣ иконы русскія были; тамъ онъ иной разъ въ простое наше платье одѣвался, въ борщъ нашъ и вареники. Къ нему и попъ нашъ порою наѣзжалъ изъ города, молебны по-вашему служилъ. Только разъ подъ пасху, какъ востосковался я, какъ задумался среди этого-то люду, что все не понашему говорили, поклонился Бритвеншти, да и говорю: «пустите меня домой.» — «Какъ домой?» — «Да также; не могу дольше тутъ быть. На побывку надо.» — «Какъ на побывку? Да теперъ тебя на границѣ валоваты и въ Сибирь сошлютъ.» — «Какъ знаете, а я уйду.» Подумалъ онъ, пропустилъ съ недѣлю, одарилъ меня всѣмъ и говорить: «вотъ тебѣ бумага; это пачпортъ — будто ты на заработки сюда заходилъ и будто ты уже не дворовый чело-вѣкъ князя Бѣлоконь-Мангушки, а батракъ корнета Васильева.» — «Какого корнета?» — «А это уже такъ прилажено: фальшивый значить видъ заграничный. Это я тебѣ тутъ устроилъ на память, и мнѣ это не дешево стало. Бери и ступай. Я же, говорить, останусь тутъ; сильно уже я лакомствъ тутъ всякихъ вкушалъ, такъ и не воротиться мнѣ болѣе. Такъ и въ Афинахъ однакъ родичъ мой, лакей, больше семнадцати лѣтъ живетъ; тутъ мы прежде съ нимъ торговали: онъ тамъ сапожный магазинъ

открылъ, и на весь городъ его сапоги славятся.» Простался я съ Бритвенешти этимъ. Пришолъ на границу, а меня и опознали почему-то, схватили, да въ Одессу при конвоѣ, при етапѣ, и представили. Вещи, какія были, на кордонѣ отняли. Только въ носкѣ сапога было у меня десять червонцевъ: у этого трактирщика на дачѣ заработалъ. Думалъ я, думалъ въ Одессѣ въ острогѣ, и открылся инвалидику, что за мной смотрѣлъ. Онъ принесъ мнѣ краски, остригъ меня, обрилъ, завязалъ себѣ темнѣе волосы и даже лицо, а меня одѣлъ въ свою одежду; самъ въ мою одѣлся, легъ на моей койкѣ и велѣлъ себя связать ремешъ со штановъ, а въ ротъ ему набить тряпку; это будто все я силой сдѣлалъ. Я ему отдалъ деньги, онъ ихъ подъ пещку спряталъ, — кирпичъ для того вынималъ. Я такъ-то ночью и ушелъ изъ острога. Что уже съ инвалидиномъ послѣ было, братецъ ты мой, не знаю; только я маялся долго въ окрестностяхъ Одессы, да потомъ снялся и пошелъ пѣший по степи опять на Донъ. Шолъ я въ видѣ нищаго; гдѣ работалъ, гдѣ хлѣба просилъ. Одежу инвалида того еще въ Одессѣ бросилъ и чуть не нагишомъ до первыхъ слободъ дошелъ, гдѣ поребotalся у разныхъ господъ. Сошелся я на пути воалъ Крыма съ двумя бродягами-гуляками. Съ тѣми нить было выучился. Что ни заработаешь, то и пропьешь. Ворочали они меня въ Крымъ. Дѣло-то я уже всякое зналъ. Пешолъ мнѣ двадцатый годъ. Сильно тутъ я гулялъ и кружился. Работалъ и у татаръ, и у чиновника одного лакеемъ былъ, и кучеромъ у одного шибѣщика на Салгирѣ. Вижу, въ лѣта вхожу, а проку мало. Бросилъ я кутежи; думаю, такъ попадусь, еще и въ солдаты угождать. Началъ я о пачпортѣ хорошему, искусному, помышлять. Вижу, много бродягъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ: и въ Одессѣ, и въ херсонскихъ степяхъ, и въ Ялтѣ, и въ горахъ въ Крыму, и въ Керчи; и у всѣхъ-то бѣглыхъ тѣхъ есть пачверты. «Откуда, братцы, достаете?» Долго не говорили. И угостилъ одного. «Татъ и такъ, говоритъ. Я въ такомъ-то городѣ на Азовскомъ морѣ приписался. Тамъ тридцать лѣтъ по спискамъ народъ почти не умираетъ, хотя на кладбищѣ могилы и прибавляются. Умеръ человекъ, его попы скоронятъ, а ты дажь квартальному десять цѣлковыхъ, онъ тебя на его мѣсто засчитаетъ и дасть тебѣ его пачпортъ.» Другой бѣглый мнѣ иное говоритъ. «На Дову, тамъ внизу въ горахъ, шесть фабрикантовъ съ ка-

мышьякъ да въ плавняхъ обрѣвуются, и дѣлають тѣ фабричанты кому угодно пачпорты, по полтиннику за штуку. Къ нимъ, говорятъ, видимо-невидимо народу со всехъ концовъ сходится, будто на рыболовни. И каждому онъ не то что одинъ, а по два и по три пачпорта фабрикують; неравно съ однимъ попадешься, другой выручить.» Думаю, это вѣщце. И пошелъ я въ донскіе гирла и въ илани. Тамъ я выправилъ себѣ пачпортныя у бѣлаго тоже писаря, изъ кантонистовъ чугуевскихъ; значить, изъ военныхъ поселеній, отъ жизни тамошней онъ бѣжалъ; дѣлалъ онъ тутъ перваго сорта всякіе мѣшанскіе, купеческіе, даже дворянскіе виды и слылъ онъ тамъ въ камышахъ тогда подъ именемъ Городничаго. Тамъ въ землянкѣ, среди тошей и песковъ, куда и нынѣ полиція боится показатъ, да и не дозволяла бы туда, у него и канцелярія была устроена, столыкъ, свѣчна, печати всякія и бумага гербовая. Онъ далъ мнѣ пачпортъ, да еще и направилъ меня: «Ступай, говорятъ, наймись на морскія рыболовни тутъ по Азовью, въ тони; либо у купца Шелбанова, либо у грека Аскарани.» Тутъ меня, Кириота, ты лучше слушай, затѣмъ что здѣсь я прослышалъ впервые про Талишѣрку въ Ростовѣ, а значить и сужую себѣ, его дочку Настю пошелъ...»

Собаченка у ногъ Илья давно ворчала, злобно кесаясь въ темноту. Когда онъ смолкъ на время, чтобъ духъ перевести, она съ визгомъ шарахнулась подъ вербы, побѣгала тамъ, полала и воротилась опять.

— Что это она? спросилъ Кирило.

— Такъ, вѣрво мышь заслышала. Лежать, ваяетка, смирно!

Илья опять сталъ рассказывать.

— «Такъ я пошелъ на тони. Это дѣло, братъ, бѣдовое. Скажу тебѣ, что вездѣ зависть бываетъ. Тоже и въ томъ углу между богачами, держателями тоней. Оба рыболовника по морю, Шелбановъ да Аскарани, тамъ первые изъ ихъ ряда. Одинъ держитъ невода по взморью отъ Волчьего-броду до Чалтырца, а другой — отъ Вонючей-балки до Удской станицы. У каждаго человѣкъ по триста на всякой тони народу состоитъ; и все больше бродятъ. Тоней же по берегамъ у нихъ безъ числа. Вотъ и илани, сколько тамъ народу вольнаго? Какъ зазвезитъ колокольчикъ становаго на берегу, всѣ бродяги на баркасы, да на дубы и уплывутъ въ море. Вяглыми все тамъ держится. А безъ нихъ ничего не сдѣлаешь. Одни только артедильщики съ настоян-

дними начертаньями. Капиталсты сильныя эти два купца. Икру, балыки, вязагу, сушеную и вяленую рыбу на всю Россію по-ставаляют, въ Харьковъ, въ Нижній, Москву и въ сѣмій Петеръ. Народъ въ холѣ содержать; водки, харчей, всего вдоволь дають. А рабочіе съ валѣту, будто поденщики, больше въ земляникахъ живутъ. Подліція у обонхъ купцовъ на откупѣ. Чѣо бы кажется? жили бы вѣкъ-то такъ, богатыя. Такъ нѣтъ! Заведись, говорю тебѣ, у обонхъ сооры, ревность, зависть другъ къ другу. Особенно грекъ Аскараки этотъ солилъ нашему Шелбанову. А я поступилъ къ русскому, наваялся по два пѣлькованты въ ведѣлю. Ловъ тогда былъ отличный. Дома обонхъ купцовъ каменные стоятъ и теперь: одинъ надъ Волчьимъ-бродомъ, а другой — на обрывѣ въ Удской станицѣ; только Чалтырець ихъ и раздѣляетъ. Начинается оно правда больше всего съ нашего брата, съ черни. Ну, да чернь-то тоже прежде впрохавать чѣмъ у хозяина рыло замарано. Стали забродчики грека Аскараки оспаривать у нашихъ шелбановскихъ неводскія границы. А гдѣ по морю проведешь въ точности тѣ границы? Стали наши тычками по берегамъ отмежовываться. Тѣ тычки наши перенесли на другія мѣста. Потомъ аскаракинскіе зачали наши крючья въ водѣ разыскивать и обирать съ щихъ красную рыбу: такіа крючья развѣшиваются тамъ въ лучшихъ законахъ на веревкахъ, между вбитыми въ дно морское сваями. Голубовердѣй осетръ или бѣлогубая тамъ стерлядь жировая, аршина въ два длины, подойдуть, просунуть морды, видя передъ собою десятки этихъ крючьевъ на веревочкахъ рядкомъ, и тако ставятъ пласть впередъ; голова прошла, они радостно вильнутъ хвостомъ, раздѣла — а крючья и вопьются... Рыба бѣется — больше и крючьевъ впирается; ударить кровь, рыба затихнетъ отъ боли, пока ее уберешь. Вотъ эти-то снасти по ночамъ аскаракинцы у нашихъ и стали обирать. Подсмотрѣли наши; пошла тревога. Стали наши съ вечера у берега, баркасы въ скалы упрятали, и подкларавили аскаракинцевъ на самомъ вордовствѣ. Кинулись на баркасахъ, — и я тутъ былъ въ засадѣ, — и забрали мы двадцать лодокъ въ плѣнь. Привезли разбойниковъ къ хойдину, перевязали ихъ и уложили въ курени до утра. Хозяинъ радуется; вынесъ намъ боченокъ водки. Пошла у насъ гуляня. Только за часъ до свѣту самъ Аскараки съ остальными забродчиками и наскочилъ на нашъ рыбный юртъ. Ихъ была свѣжая сила. Заорали

они: «Всѣхъ перебьемъ и попелъ по вѣтру пустимъ!» ударили на наши курени, отняли своихъ, съѣздили арашникомъ раза три по шеѣ самаго хозяина нашего, зажгли съ двухъ концовъ курени наши и ускакали верхами. Хотѣлъ было Шелбановъ въ станъ жаловаться, но одумался: дѣло изъ-за крючьевъ, а крючья вещь незаконная, — они запрещены, хотъ всѣ ими ловять. Задумалъ онъ самъ наказать аскаракинцевъ. И вышла просто баталия, какъ у киргизовъ слышно бываетъ въ степи между собою. Пропустилъ онъ недѣли три, углядѣлъ съ берега, что батраки того грека ушли въ лодкахъ въ море съ неводами; онъ собралъ насъ и отрядилъ за нимъ въ погоню флотъ изъ лучшихъ своихъ баркасовъ и дубовъ. Мы распустили паруса, даже флагъ выкинули и выстроившись пошли на нихъ. Трухнули лодочки, огнбать насъ стали; мы на перерѣзъ и всѣхъ забрали. Лодки потопили тамъ же съ ихъ сѣтями. «Ну-ка, крикнулъ Шелбановъ: душу ихъ въ водѣ помочить!» Сейчасъ всѣхъ привязали къ веревкамъ и давай бросать изъ баркасовъ въ море; а вѣтеръ раздулъ паруса, мы стрѣдой пошли обратно. Тѣ кричатъ, а мы смѣемся. Упадетъ какой батракъ, какъ камень въ воду; дѣло же было въ декабрѣ. Шелбановъ кричитъ: «будеть!» Мы потянемъ за веревку, а утопшій, какъ черепашка и зашурчитъ всѣмъ тѣломъ прыгая поверхъ воды, скачками на веревкѣ разсѣвая волны. Иной тутъ кричалъ-кричалъ: «караулъ! холодно! духъ забирается!» да такъ Богу душу бы и отдалъ, еслибы послѣ дома опять-таки не эта водка. Выкупили мы тутъ и самого богача грека. Привезли всѣхъ въ курени, положили провялаться на солнцѣ, да и отпустили домой, напоивши. Наши одолѣли. Грекъ тише сталъ, унялся. Только Шелбановъ насъ и созвалъ всѣхъ, кто ѣздилъ купать аскаракинцевъ: «Ступайте, ребята, по своимъ мѣстамъ, яду теперь полиціи; грекъ такъ не пропуститъ, отомститъ; чтобъ вамъ за меня не отвѣчать. Самъ я былъ тутъ въ глуши прежде забродчикомъ; въ Анапу, какъ она строилась, и въ Ростова дрова возилъ, подъ конвоемъ пушекъ и стрѣлковъ. Послѣ я въ орду ѣздилъ за кожами и скотомъ, за Астрахань; по степлямъ, да песчанымъ буямъ, гдѣ прежде ни дорогъ, ни мостовъ не было, а прямо вбродъ и по солнцу. А все-таки Богъ спасалъ. Ну, теперь сильно я грека обидѣлъ; отомститъ онъ мнѣ, все свое государство сюда за шиворотъ приволочетъ. Вы ихъ знаете. Ступайте, до поры до времени переждите.»

Мы простились съ ними; жалко было разставаться. Заработки были важныя. Кто пошелъ въшломъ, а я съ артелью одною отплылъ въ Эйскъ на дубу, искать тамъ работы. На первой же недѣлѣ въ Эйскѣ мы узнали, что грекъ застрѣлилъ нѣтъ-за угла сына Шелбанова, да такъ, что и уличить его нельзя боле: безъ свидѣтелей... Теперь однако по быному, говорятъ, и этотъ самый Аскарски опять ловить рыбу тамъ, и Шелбановъ держитъ тѣ-же мѣста свои подъ неводами. Течье ничего и не было между ними. Мѣста бѣдовыя... — Опять нашолъ я собѣъ позыва в мѣсто по рыболовству. Но сильно не понравилась мнѣ эта жизнь. Что народъ тамъ нажилъ, то и прогулялъ. Нѣтъ за душой копѣйки — товарища обворуетъ. У меня два раза крали и деньги и одежду. Увидѣлъ я, что в съ кулакомыиъ начпертокъ плохо жить. Работалъ я въ Эйскѣ надъ поломанной барчей съ однимъ слесаремъ бѣглымъ: Таволгой онъ прозывается. Вижу я, рассчитался онъ съ козляномъ и сумку уладываетъ: «Куда ты?» «Въ Ростовъ; лучше тамъ наймусь; знакомый есть». — «Кто?» «Талавѣрка». — «Не Афанасій?» — «Онъ и есть; а ты почему знаешь?» — «Мы почитай сосѣди: я отъ князя, а онъ отъ одной барыни, говорю, убѣжалъ уже давно-давно; я про него дома слышалъ... Чѣмъ же онъ въ Ростовѣ-то?» — Смотрю, Таволга замолчалъ, да такъ и ушолъ; побоялся видно, чтобы я не выдалъ по молодости лѣтъ пріятеля его, Талавѣрки. Сталъ я опять думать. Вспомнилъ, что Таволга про одного богача-каретника какъ-то все рассказывалъ прежде еще у Шелбанова, и что онъ у него разъ при кузницѣ жилъ. Потерялъ я сонъ и ѣду. Вспомнилъ черезъ этого Афанасія Талавѣрку про отца своего, про матеръ, про родину, и захотѣлось мнѣ хоть этого Талавѣрку познать. Не узнаю ли чего о нашихъ? мыслилъ я. Десять лѣтъ уже я былъ въ бѣгахъ. Не вытерпѣлъ, уѣхалъ изъ Эйска на козлискомъ дубу въ Ростовъ. Тутъ выпало мнѣ в Бога навѣки благодарить, Илюша... Напала на насъ страшная буря... Всѣ, кто и льдыиъ былъ съ берега и тверезъ, собрались въ морѣ на чорнѣ у иконы, поставили ее у мачты, какъ это тамъ дѣлають, и стали ей, матушкѣ святой, въ мошки-то со страху пятаки, да гризачники бросать; а кто и бумажка цѣлковые кидалъ. Вой поднялся, плачь, всѣ руки ломають, а волны такъ и хлещуть черезъ дубы-то. Одинъ съ себя каштанъ на смущкахъ снялъ, въ воду запустилъ: «на, тебѣ, кричить, море-батюшка, умиловивись только!» а дру-

гдѣ любовницу съяна хотѣлъ кинуть въ воду, уже и за горло ее ухватить, да мы удержали... Только и стихла буря; дубъ сталъ на мѣль къ ночи, всѣ выскочили на камень, перешли на берегъ. И что же бы ты думалъ? забрала эта сволочь отъ иконы деньги и понесла въ кабакъ за свасеніе пропивать. «Что это за помощь, къ ночи! — говорятъ — когда бы ранѣе! А то возмъ Бобржкѣ и кафтанъ явой бросилъ!» Дѣвка только, полюбовница того забродчика, со страху тутъ же на берегу заболѣла горячкой, испугавшись того, какъ ее хотѣлъ тотъ въ воду кинуть. А была красавица, семнадцати лѣтъ.»

— Душагубы! сказалъ Кирило: — какъ ты уживался съ ними, непонимаю!

— «Горе уживалось, а не я. Но вотъ конецъ моего дѣла. Какъ бѣжалъ я голышомъ изъ Есауловки десять лѣтъ назадъ, такимъ же пришолъ я опять и въ Ростовъ. Нанялся въ дрягили, въ носильщики значить, у грека тоже одного тамъ, Петракови; силъ во мнѣ прибавилось, я окрѣпъ: по четыре, по пяти пудъ могъ поднимать и носить. Сталъ я зарабатывать въ день по цѣлковому и по два; выпадали дни, что и три зашибалъ. Изаболался весь, тружусь. А что трудиться? Боюсь, что тѣже новые товарищи въ недѣлю все выманятъ, заставятъ пропить—прогулять на Дешовкѣ, за Тимернякомъ, гдѣ водка дешовая и гдѣ вся голытьба кабацкая да бродячая наволѣка сходитъ душу отводить. Давай я прислушиваться, не говорятъ ли гдѣ про нашего Талавѣрку? На базарахъ прислушивался, за мостомъ, за Домомъ, въ подгородныхъ харчевняхъ, на Дешовкѣ, людей спрашивалъ. Никто его не знаетъ... Страхъ меня взялъ, точно весь родъ—племя мое вымерли... А что Талавѣрка? Я его семью зналъ и слышалъ, что онъ отъ своей барыни бѣжалъ онъ втроемъ съ другими двумя ребятами и самъ онъ еще молодымъ былъ парнемъ. Разговорился разъ я съ однимъ бродягой изъ дезертировъ, что послѣ еще въ убійствѣ торговли попался, а онъ мнѣ: «Ступай, говорить, на такую—то улицу воалъ городского сада: тамъ есть каретникъ и толкуютъ, что былъ онъ прежде изъ бѣглыхъ, не онъ ли? Только на вывѣскѣ его смотри другое прозвище.» Тѣкнуло у меня сердце, будто судьбу свою чуло. Я пошелъ и точно смотрю, золотая по синему вывѣска, домъ собственныи каретника, хоть деревянный съ пристройками, а на вывѣскѣ читаю: «Каретникъ Егоръ Масанѣшти, изъ Кишенова.» Это и былъ, какъ я послѣ

узналъ, тотъ самый Афанасій Талавѣрка, и я сразу понялъ, что и онъ, какъ тотъ помнишь трактирщикъ, прозвище свое перемѣнилъ, что нарочно пробрался въ Молдавію и оттуда уже воротился съ купленнымъ чужимъ видомъ...»

Едва успѣлъ Илья сказать эти слова, какъ собаченка оинтъ съ лапъ кинулась отъ порога пуски въ вербы, залплась, обѣжала въбушку и опроретью понеслась по темнымъ тропинкамъ сада, какъ бы кого догоняя.

— Что бы это было? спросилъ удивленный Кирило: — не подслушалъ бы кто?

— Кошка вѣрно тутъ бѣгала, у насъ въ домѣ окотилась вчера...

Собаченка еще однако лаяла по саду и воротившись, не сразу снова успокоилась.

— Кончай же Илюша. Скоро заря. Надо къ Саввушкѣ сходить. Живъ ли онъ?

Илья Танцуръ продолжалъ:

— «Разъ прихожу я къ каретнику Масанешти, въ другой. На-нимаюсь въ слесаря у его помощника. Не принимаютъ. И такъ подхожу, и такъ, ничто не беретъ. Ворота на запорѣ. Слышна только работа въ горнахъ, да дымъ идетъ изъ кузницъ. Полиція къ нему милостива. Хоть бы увидѣть его, думаю, на улицѣ. Хожу мимо дома, ну такъ душа и льнетъ туда. Выбралъ опять праздникъ. Пасха людямъ была, первый день. Одѣлся я, приварядился. Прихожу. Позвонилъ въ шиурочекъ у калитки. Выходитъ дѣвочка... бѣленькая такая — каріе глаза, сухошавенькая... «Что вамъ надо?» спрашиваетъ. «Хозяина.» — «Зачѣмъ?» — «По дѣлу.» Она осмотрѣла меня съ головы до ногъ. «Да вы не подвохъ ли какой подѣ отца?» — «Ей-богу, говорю, нѣтъ!» — «Ну, смотрите же вы, для такого праздника...» Пошла, доложила отцу и опять клякнула меня съ улицы. Пошолъ я за нею, какъ приговоренный къ мукѣ. Сразу полюбилась мнѣ она. Это и была Настя... Прихожу я къ Масанешти. Онъ на палатахъ въ людской лежитъ, хмѣлевать; подмастерьевъ всѣхъ распустилъ. Былъ онъ тамъ одинъ, да дочка на порогѣ стояла. Вспомнилъ я наши мѣста и его родню вспомнилъ. «Кто ты?» — «Здравствуйте, прямо говорю, Афанасій Игнатичъ!» Онъ и дочка такъ и обмерли. «Кланяется вамъ наша родная сторона, продолжаю хитро по памяти: ваша сестрица Дарья Григорьевна, и

ваша тетюшка Домна Савишна, и ваша барыня и наше село Всауловка!» Кинулся онъ къ двери, вытолкнулъ дочку, заперся на засовъ и ухватилъ меня за грудь.» — «Ты подвохъ! Ты подославъ! Ты погубить меня пришолъ! Увалъ я на колѣнки и на образа сталъ божиться. «Много лѣтъ, говорю, и я ходилъ по свѣту, и я бѣглый... Не бейте и не обезсудьте меня... Я самъ горе мыкаю... Я Илюшка, говорю, Танцура Романа сынъ. А про васъ слышалъ, признаюсь, еще въ дѣтствѣ, хоть вашу родню и барыню знаю.» Долго не признавался старикъ. Все отпѣкивался. Я въ слезы... Сразу ли ужъ онъ повѣрилъ мнѣ и прежде, или съ хитрью—то было. Кинулся онъ вдругъ потомъ обнимать и цѣловать меня... «Ты черезъ пять годовъ бѣжалъ послѣ меня... Я же семнадцатый годъ бѣгаю.» Ударился онъ головою сѣдою въ колѣни да и самъ въ слезы... Ну мы христосоваться, да молиться, да плакать. Такъ мы съ нимъ проговорили долго наединѣ. Прошла недѣля, присмотрѣлся онъ ко мнѣ, слесаря того изъ Эйска, Таволгу, распросилъ про меня. Я у него точно его засталъ. Тоже былъ тихій человекъ. Въ серединѣ святой недѣли позвалъ старикъ дочку. Меня показываетъ. «Пятнадцать лѣтъ ни одной души, говоритъ, кромѣ этого парня, изъ нашего краю ни здѣсь, ни въ иныхъ мѣстахъ не видѣлъ. Будь ты нашимъ гостемъ; вѣрю тебѣ для этого праздника пасхи: ты не продашь меня. Да, я точно Афанасій Талавѣрка... Ты же какъ убѣжалъ и гдѣ былъ?» Накормили они меня обѣдомъ, разговорился я съ ними и рассказалъ все имъ, то—есть старику и Настѣ. Отъ другихъ въ домѣ онъ хоронился. А отъ работниковъ скрывалъ, гдѣ собственно нашъ край, то—есть откуда мы? Такъ я и скривъ. Все же остальное я имъ передалъ про себя. Рассказалъ я, что бродячая жизнь да безпутная бездомовная воля мнѣ надоѣли. «Поступай ко мнѣ, сказалъ старикъ, только дамъ тебѣ совѣтъ. Въ народѣ холятъ слухи про волю; скоро всѣмъ ее скажутъ и землю дадутъ. Вѣрь мнѣ крѣпко... Мнѣ уже не возвращаться домой: у моей барыни и земли—то на ея людей вдоволь не станеть, да я же и мастерствомъ такимъ завялся, что еще долго имъ буду сытъ. А ты воротись; тебѣ землю дадутъ, лишь бы на мѣстѣ ты былъ, какъ отъ царя вѣсти налетятъ.» Что же тебѣ еще, Кирюша, сказать? Что?! Прожилъ я у этого Талавѣрки полтора года; жительство мнѣ отличное было, какъ слѣдъ... Но не въ немъ дѣло, понимаешь ты, братецъ... Не узналъ я отъ него ничего про

домъ свой, чего хотѣлъ. Да зато узналъ иное совѣтъ на свѣтъ... Полюбились мы крѣпко съ Настею его. Будь прежде, я бы убѣжалъ съ нею. А тутъ народъ рушился изъ бѣговъ къ господамъ своимъ, точно ключъ кто зычный крикнулъ. Пошла слухи, что наверху въ губерніяхъ иначе уже и жить стало, полегче, будто всё ждали тамъ чего-то и притавлясь; что становье не такъ сѣкутъ, господа добрѣ стали. Сказались мы отцу ея. Онъ упалъ передъ иконами и долго молился, а послѣ насъ благословилъ. — «Бульте женихъ и невѣста, я не прочь и щедро васъ награжу... Только ты, Илья, ступай домой, весь народъ уже пошолъ. Иди и ты. Не слѣдъ отъ общества отставать! Подожди, — долѣе ждалъ. Получи землю отъ общества своего и отпиши мнѣ. Тогда вызову тебя, обвиняю васъ и отправлю съ Богомъ на родину. Только избу себѣ съ Настей пошире ставьте. Пристроетесь, распродамъ мастерскую и къ вамъ умирать приѣду на Лихой. Глаза уже плохо видать. Отъ родной земли откололся, а опять надо воротиться туда же, гдѣ всё предки лежатъ костями...» Надоѣло мнѣ самому мыкаться, Кириша! Простились мы съ Настей. Я пошолъ... да вотъ и пришолъ... и живу дома... только, какъ видишь, пока вмѣсто слободской хаты въ этой-то конурѣ живу съ одною собачкою...»

— Ничего, Илья, подожди, сказалъ Кирило вставая: — хоть отецъ твой и живодерь, да авось-таки одумается. Ну, пора мнѣ! Прощай. Натерѣлся ты, вижу я, по свѣту... Всѣмъ намъ было плохо: и мы бѣгали, и мы въ бродягахъ, всё музыканты, были... Только куда! Твоя жизнь не въ примѣръ забористѣе...

— Прощай же, да заходи почаще на флейточкѣ поиграть!

Кирило пошолъ къ канавѣ. Блѣдная заря за Окниной загоралась. Вѣтеръ просыпался. Птицы начинали чиликать въ вѣтвяхъ. Гдѣ-то за садомъ на селѣ ворота скрипнули. Свѣжесть подымалась отъ луговъ.

— Илья! крикнулъ Кирило съ канавы: — я и забылъ тебѣ сказать. Если Савка нашъ померъ въ эту ночь, такъ жаль, что его будетъ хоронить старый попъ, отецъ Иванъ, другъ твоего батька и той барыни...

— Отчего?

— Отецъ Смарагдъ съ тѣмъ генераломъ, что въ Маджанищѣ живетъ, поѣхали въ городъ — послѣдній разъ значить хандотать

о Консломъ-Сыртѣ. Перебоченская не пускаетъ генерала, а тону
ѣтъ нечего почти...

— Ты откуда знаешь?

— Фрося сказывала, прибѣгала ко мнѣ прошлую ночью; эти
дѣвки все про свою барыню знаютъ...

— Одного я думаю не знаютъ! перебилъ Илья.

— Чего?

— Какъ разбогатѣлъ тотъ грекъ Аскараки, что я тебѣ о его
товняхъ говорилъ...

— А какъ? — Кирило опять воротился къ пусткѣ. Илья про-
должалъ:

— Въ Нахичевани, сказывалъ Талавѣрка мнѣ передъ отхо-
домъ, открыли у одного армянина въ подпольи фабрику фаль-
шивыхъ асигнацій. Ихъ дѣлалъ самъ тотъ армяшка, да Крути-
ковъ рѣзчикъ печатей; а въ долѣ были съ ними одинъ чинов-
никъ и еще другіе важные господа. Нагрянулъ обыскъ. Армяш-
ка, хозяинъ дома, удавился на чердакѣ, пока ломались въ во-
рота да его искали; чиновникъ въ окно выскочилъ; одну сно-
товую шубу его нашли у окна. Рѣзчика схватили; а онъ изъ
острога безъ вѣсти черезъ мѣсяць пропалъ. И пропала будто бы
та важная «мертвая книга» пойманныхъ монетчиковъ...

— Какая?

— Вотъ какая. Они, слышно, спустили асигнацій больше,
чѣмъ на три мильона цѣлковыхъ...

— Ай, батюшки!

— Да... Продавали всякому, черезъ коротко знакомыхъ,
стурублевья асигнаціи свои по десять, а пятидесятирублевья по
пять цѣлковыхъ. Только этого рода и дѣлали бумажки. И вся-
кому давали: только распишись значить своею рукою, съ чи-
ношъ, именемъ, прозвищемъ и самъ откуда, — что вотъ столько-
то ты самъ получилъ. Да руки не выворачивай, а пиши своимъ
почеркомъ, и видъ свой лви, чтобъ не назвался самозванцемъ. За
этимъ у нихъ даже такіе законники смотрѣли. Ну всѣ и распи-
сывались; виды даже въ полиціи являли, будто на выѣздъ,
чтобъ монетчиковъ убѣдить. Многие получили тамъ такихъ бу-
мажекъ и разбогатѣли съ нихъ скоро. Такъ отъ этихъ «медвѣ-
жьихъ асигнацій» разбогатѣлъ и тотъ-то Аскараки. Всѣ знаютъ
про то; а жеди, донажи, коли «мертвая книга» пропала...

— Отчего же тѣ бумажки медвѣжьими зовутся тамъ?

— Медвѣдь ручной у воротъ того хозяина-армяшка на цѣпи постоянно ходилъ. Зарычить, станеть на дыбы; будто для шутки хозяинъ его держалъ; ну никто туда и не ходилъ почти съ улицы. Никто и на тѣхъ монетчиковъ не доносилъ; доносъ — самъ же ты кушъ знатный получилъ, да еще и расписался...

— Куда же книга эта пропала?

— Одни говорятъ, что чиновникъ, нашедшій ее при инструментахъ, купцамъ тамошнимъ ближайшимъ продалъ за дорогую цѣну; а другіе, что она не была найдена и что одинъ изъ участниковъ ее хранить и пугаетъ чиновниковъ, чтобъ сыщики дѣло не очень строго вели; тамъ въ книгѣ есть такія руки, что Богъ-знаеть что готовы дать... Не тронь ихъ только...

— Почему же все это зналъ Талавѣрка?

— Къ нему часто приносили ихіе холоки и комиссіонеры мѣнять асигнаціи; но онъ все отказывался и тѣмъ спокоенъ. Разъ даже его Настю еще дѣвочкой лѣтъ семи они возили въ свой домъ и тамъ показывали эту книгу; значить дескать видишь, мы все тебѣ открываемъ. Настя говоритъ, что и при ней разные господа брали деньги и расписывались. Разъ, говорила мнѣ Настя, одна барыня съ Волги и съ ценою вмѣсто провожатаго гуртовщикъ-мужикъ одинъ приѣзжали и купили цѣлый чемоданъ тѣхъ денегъ у монетчиковъ. Она и лица ихъ помнитъ, — она ихъ видѣла, бывши тамъ. Я кое-что тутъ думаю... Тогда это даже очень смѣло они дѣлали. Нахичеванъ глухой городишка; у армянъ въ то время своя почти вся полиція была: одинъ только нашъ кварталный и свое управленіе армянское. Рѣдѣо кто изъ русскихъ тамъ что и зналъ. А они сами, какъ жиды, постоянно и теперь всѣ за одного и всякъ за всѣхъ...

— Вотъ когда-бъ мнѣ этихъ бумажекъ, я бы Фросѣ шолковое платьє справилъ! сказалъ Кирило, уходя опять къ кашавѣ.

— Будеть и шолковое... Подождемъ воли. Все тогда будетъ, какъ на свою землю сядемъ...

Долго спалъ въ то утро Ильѣ. Высоко уже солнце катилось, какъ прибѣжалъ къ нему со двора въ пустку Власикъ и объявилъ, что въ ту ночь умеръ Савка-кларнетистъ. — Хоронилъ Савушку-артаста старый священникъ, отецъ Иванъ. Ильѣ и Кирило горько плакали, видая на его наскоро сколоченный гробъ въ могилу горсти сырой земли.

— Отца Смарагда еще нѣтъ? спросилъ Илья Кирилу на похоронахъ.

— Уже третій день въ городѣ.

— Что-то онъ такъ тамъ застрялъ...

— По дѣламъ; по дѣлу по этому генерала...

— Когда бы Господь имъ помочь! сказалъ Илья: — про генерала всѣ говорятъ: душа человѣкъ. И намъ, можетъ статься, по сосѣдству съ нимъ лучше было бы. Говорятъ, за всякую пустую посылку деньги хорошія платить.

Романъ Танцуръ съ ночи, въ которую умеръ Саввушка, уѣхалъ грузить на барки господскій лѣсъ, салавленный въ Волгу сверку Лихого, и на похоронахъ не былъ.

— Эхъ, хоть бы оркестръ вашъ, гдѣ в Савка игралъ, грянулъ ему вѣчную память какъ гробъ-то несли! сказалъ Кирило.

— Отчего же вы не собрались?

— Венгерець не хотѣлъ инструментовъ вынимать; погода, видяшь, хмурая стоитъ, ну и нельзя: княжескіе инструменты.

V

ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ СТЕПНОЙ ГОРОДЪ

Генералъ съ священникомъ уѣхали въ городъ. Когда отецъ Смарагдъ прибылъ на гнѣдой кобылкѣ, съ церковнымъ открытымъ фургончикомъ, или попросту съ телѣгой, сдѣланной на колонистскій ладъ, то онъ засталъ генерала Рубашкина на другой простой телѣжкѣ, на выѣздкѣ его буланого. Генералъ правилъ за кучера, буланный по улицѣ Малаканца выступалъ, бойко выкидывая ножками, а куча ребятишекъ бѣжала возлѣ, сзади и лѣпилась на телѣгѣ. Дѣти шумѣли и смѣялись, радуясь до безконечности добродушной потѣхѣ.

— Кажется буланный-то вашъ откормился опять?

— Покушалъ вашего овсеца.

— Что это вы дѣтей возите?

— Суворова роль разыгрываю... Скоро кажется на клиросѣ бы тутъ сталъ читать апостола, да у нихъ и церкви нѣтъ. Со мною занимаются и ихъ взрослые отцы и братья. Вчера съ ними ѣздивъ на рыбную ловлю на Волгу. Прелесть ваша рѣка. Самъ

я и въ годѣ съ однимъ крыломъ невода съ нами бродилъ. Это ихъ необычайно занимаетъ, что я такъ запросто живу. Два раза сходились смотрѣть мой указъ объ отставкѣ. Все не вѣрятъ, что я генералъ. А хозяйка моя старуха даромъ все только платится, что будто мало я денегъ пока даю за ея труды. Посмотрѣли бы вы, батюшка... Изъ моей особы торговлю выгодную сочинила. Береть взятки за допускъ ко мнѣ разныхъ мужиковъ и бабъ на дѣловые совѣты. Смотрю: нанесли ей гору яницъ. Откуда? Въ честь вашу, говорить. Хороша честь — взятки. Поссорятся бабы между собою, ко мнѣ идутъ. Бумагу какую изъ округа мужики получили, письмо ли кому написать, тоже ко мнѣ идутъ. Я дѣлаю, а она съ нихъ дереть. А дня три назадъ такъ просто распотѣшила меня. Читалъ я вашего Аксакова вечеромъ. Слышу, шепчутся...

— Однако же ѣхать пора!

Буланый и гвѣдая были запряжены; путники сѣли въ сургонъ и поѣхали. Замелькала кругомъ каменистые бугры. Стенъ пересѣкала иногда дорогу. Попадались лѣсистые овраги. Лошади бѣжали хорошо.

— Въ чемъ пришлось мнѣ за правосудіемъ ѣхать къ администраціи! началъ генералъ: — которое годъ назадъ у меня же въ рукахъ было. Да! о моихъ сосѣдяхъ я началъ. Слышу вечеромъ шопотъ сильный. Вхожу, — у хозяйки на ея половинѣ черезъ сѣни въ избѣ сидятъ старикъ и три бабы изъ педалекой раскольничьей слободы поповщинской секты... Что вамъ? — Къ вашей милости пришли. — Зачѣмъ? — Такъ и такъ. Вездѣ уже наслышались про вашу милость. Не оставьте насъ темныхъ и не взыщите по простотѣ. — Да въ чемъ дѣло? — Можно по тайности говорить? — Можно. — Ну-съ, генералъ ли вы въ самомъ дѣлѣ, мы не знаемъ, а видимъ, что вы книжный чловѣкъ, законы знаете, да и церковное дѣло. Не по расколу вы? — А что? — Да такъ, бываютъ хорошіе люди изъ вашихъ-то, говорятъ, знающихъ. Такъ мы чаяли, что и вы... Видите, ваша милость, такъ это вы у насъ живете тихо, деньги за все платите, не гнушаетесь нашимъ расколомъ, значить малаканствомъ и другими толками. Нашъ околотокъ по разнымъ толкамъ состоитъ... Мы и надумали. — Ну! Нашу сосѣднюю слободу Волчью за Кавказъ, говорятъ, свели, какъ есть всю до гла давно уже, а другія остались; мы за себя и боимся... — Очень радъ. — Ты-то

и мы думаемъ, что вы рады. Вы такой ушный, письменный; не согласитесь ли? Намъ общество прислало провѣдать... У насъ, въ нашей слободѣ, за Авдуловкой, видите, попъ—то священникъ чужой издалека наѣзжаетъ; казакъ онъ простой, свѣченый и ловленный уже неразъ властями въ мѣрѣ. Онъ бы и хорошъ. Да сталъ съ становыми больно водиться; насъ раздумье и взяло. Въ томъ мѣсяцѣ его за двѣсти верстъ къ намъ на тройкѣ привезли, духомъ домчали. Васъ въ тотъ день еще тутъ не было. Сбѣжалось и сошлось къ нему больше пятидесяти бабъ дѣтей крестить: онъ у насъ уже пять лѣтъ не былъ. Иныхъ дѣтей матери у грудей несли, а другія дѣти и сами уже прыгали, бѣгучи креститься. — Въ чемъ же, спрашиваю, разница вашего крещенія? — Ужь будто ваша милость и не знаетъ? У насъ въ надушечкѣ и не на восходѣ солнца крестятъ, а по солнцу, значить, какъ солнце слѣва вправо идетъ. — Живо-живо это онъ подмахнулъ всѣхъ; нвые даже тутъ ребятишки сраму надѣдали. — Отчего вы, спрашиваю, къ причастію не ходите въ наши церкви? — Ваши попы, говорятъ, табачники, щепотники, усы брѣютъ и больно прижмысты. А наши благословенные по простотѣ ходятъ, въ синей рубахѣ поверхъ штановъ, также какъ мы живутъ и хлѣбъ добываютъ. За то мы ихъ и благодаримъ; скоро у насъ богатѣютъ... Нашъ этотъ казакъ-попъ, что привозили, и хорошъ былъ бы, да неграмотный, все по уму причитываетъ со словъ. Село тутъ, верстъ двадцать отсюда будетъ; то лѣто еще въ православіи было, а зашолъ туда одинъ нашъ старчикъ, побылъ два дня, всѣ и обратились къ намъ. — Чтоже вамъ нужно отъ меня? — Благословенный нашъ спознался съ становыми, выдаетъ насъ. Такъ всѣ наши общества предлагаютъ вашей милости... — Что? спрашиваю, сказалъ генераль.

— Попомъ вамъ быть! подсказалъ священникъ.

— Такъ!.. Вы почему угадали?

— Они и мнѣ предлагали къ нимъ перейти прямо въ главные благословенные. Вызывались вмѣсто теперешняго моего жалованья въ сто рублей, платить мнѣ въ годъ по двѣ тысячи цѣлковыхъ, даже больше...

— Что же вы?

Отецъ Смарагда задумался.

— Еще бы. Какой вопросъ! Разумѣется... отказался, какъ вѣрнѣе отказались и вы. Бѣдные темные люди! А какъ много

въ нихъ хорошаго: трезвые, трудолюбивые, честные и опрятные. Ей-ей иной разъ вздохнешь и помыслишь! Обезпечать сразу...

Гдѣ-то на перевалѣ отецъ Смарагдъ, всегда задумчивый и грустный, вдругъ еще болѣе запечалился, ушолъ въ огородъ хозяйства, сѣлъ тамъ и все время пропѣлъ духовные любимые канты, пока отдыхала. Рубашкинъ удивился, но не трогалъ его, подумавши: «Какой мистикъ!»

Кормивши лошадей въ одинокихъ постоялыхъ дворахъ среди степи, путники ѣхали далѣе и къ вечеру другого дня прибыли въ обширный, бревенчатый губернской городъ, въ одинокую dustyнную улицу, въ квартиру учителя недавно-устроенной гимназiи, Саддукъева, друга и дальняго родича священника изъ семинаристовъ.

Городъ носилъ на себѣ слѣды юговосточныхъ русскихъ городовъ и, какъ самъ недавняя колонiя, былъ раскинутъ широко и просторно. Дома его были выстроены на живую нитку, съ тѣлы и всѣ съ балконами, терасами и лѣстничками снаружи стѣнъ изъ яруса въ ярусъ. Церкви его не поражали тяжеловатостью и мрачностью вида. Домъ губернатора напоминалъ собою какое-то европейское заморское консульство. За городомъ въ степи видѣлись зеленѣющiя насыпи сторожевыхъ окоповъ и бастiоны, съ разгуливающими часовыми въ бѣлыхъ фуражкахъ. По городу носились щегольскiя кареты и колесочки съ воздушными кузовами, поддѣланными подъ камышевыя плетенки. Дамы ослѣпляли нарядами. Все на улицахъ курило, хоть это вездѣ запрещалось. Толпились офицеры, татары, чиновники, калмыки, мѣщанки-дѣвушки съ полуазiятскими лицами, въ ситцевыхъ однако платьяхъ и съ платочками на головахъ; казаки, гимназисты, кудрявые и черные, какъ жуки. Телѣжка путниковъ трусливо загремѣла по городскимъ улицамъ и переулкамъ. — «Что вы такъ пригорюнились?» спросилъ священника Рубашкинъ, вообще занятый и ободренный видомъ города. — «Тоска; что-то недоброе чувствуется...» — «Э, что вы! Съ чего взяли!» Подѣхали къ обширному забору, за которымъ въ молодомъ, саду стоялъ двухъ-ярусный домикъ, съ красивою лѣстницею снаружи, навскось вдоль стѣны на верхъ. По лѣстницѣ развѣшено было бѣлье. Въ окна глядѣло много цвѣтовъ. Дѣти шумно бѣгали по двору. По улицѣ, поросшей травой, гуляла пара ручныхъ журавлей. Самъ учитель, высунувшись изъ слухового окна, оказался на крышѣ, въ

халатъ и съ трубкой въ рукахъ. Онъ гонялъ платкомъ голубей, покурявая и слѣдя въ небѣ ихъ широкіе круги и кувырканья, и сразу не замѣтилъ вѣхавшихъ во дворъ гостей. Домъ былъ почти за городомъ.

— Рекомендую! сказалъ священникъ, назвавши Рубашкина, когда хозяинъ, суетливо переодѣвшись, сбѣжалъ внизъ, а между тѣмъ горничная внесла въ залъ свѣчи.

Саддукѣвъ откашлялся, придерживая лацканы виць-мундира, улыбнулся, потеръ лобъ и пристально глядя на Рубашкина, знакомъ попросилъ сѣсть гостей и сѣлъ самъ. Священникъ пустился рассказывать о причинѣ ихъ приѣзда, о личности и качествахъ Рубашкина.

— Ты мнѣ, Смарагдъ, не говори о нихъ! перебилъ Саддукѣвъ: — я уже ихъ исторію знаю, долетѣла сюда... Вы, ваше превосходительство, простите ему: онъ вѣдъ простота, добрякъ, и сильно любить молоть чепуху. Мы съ нимъ товарищи, даже родня... А дѣло ваше вопіющее...

— Прошу со мною безъ чиновъ и церемоній! сказалъ Рубашкинъ.

Священникъ что-то шепнулъ на ухо хозяину. Саддукѣвъ, опять молча, съ любопытствомъ посмотрѣлъ на Рубашкина. Генералъ самъ еще рассказалъ ему свое дѣло и приключенія съ Перебоченской и подъ конецъ безъ обвиняковъ попросилъ хозяина помочь ему совѣтомъ и дѣломъ въ этой непостижимой исторіи. Саддукѣвъ какъ-бы по чутью угадалъ личность новаго знакома нѣсколько разъ во время рассказа генерала вскидывалъ странно руками, то складывая ихъ на груди, то потирая ими колѣни, и всталъ. Сухощавая фигура его зашевелилась, красныя сочныя добрыя губы ослабились, огромная бѣлокурая кудрявая голова съ большими сквозящими ушами, закинулась назадъ.

— Такъ вотъ она наша настоящая—то практика! сказалъ онъ то улыбаясь, то странно подпрыгивая на мѣстѣ и кусая до крови ногти: — велика значить разница между писаніемъ бумагъ о законахъ и ихъ примѣненіемъ! Что, генералъ? Значить нашего полку прибыло? И вы домой свернули, опомнились? Да мѣстечко—то ваше выходить другимъ уже нагрѣто? Успокойтесь, генералъ, не хлопочите. Коли цензоровъ нѣтъ, ничего вы тутъ не выиграете!

— Какъ не выиграю?

Кн. I. — Отд. I.

— Да такъ же! Отвѣчайте мнѣ прямо, я уже здѣшнія мѣста знаю, — становому вы платите?

— Зачѣмъ? Я самъ по министерству служилъ и порядки знаю...

— Ну, у васъ тамъ въ министерствахъ порядки одни, а тутъ другіе. У здѣшняго губернатора тутъ въ одномъ изъ уѣздовъ тоже имѣніе есть. Онъ губернаторъ, а чтобъ по имѣнію все, понимаете, обстояло хорошо, тоже выходитъ ежегодно ордынскую дань своему же подчиненному становому платить. — Да-съ! Исправнику, засѣдателю, стряпчему вы платите?

— Тоже нѣтъ...

— Вотъ вамъ и вся разгадка! Смарагдъ, Смарагдъ! Колпакъ! ты во всемъ виноватъ. Дѣло пропало...

— Что же мнѣ дѣлать?

— Достать денегъ и заплатить, да теперь уже побольше.

— Гдѣ же достать, научите? Просто голову теряю: и есть имѣніе, и нѣтъ его. Презабавная штука...

— А, такъ и вы забавникъ! Вотъ я такъ ужъ забавникъ тутъ надъ всѣми. Прежде всего, позвольте рекомендоваться. Я сынъ дьячка, учитель россійской словесности при здѣшней гимназіи, Саддукѣвъ. Вотъ съ нимъ готовился тоже въ попы, дарованія оказывалъ непостижимыя; но такъ передъ выпускомъ напроказилъ, что чуть не попалъ въ Соловки. Одна барыня богомольная спасла. Тогда меня отписали по гражданству. и вотъ я сталъ учителемъ, сперва въ одномъ городѣ, потомъ въ другомъ, а тамъ и сюда домой на родину попалъ. Видѣли, что я голубей гонялъ? Это означаетъ, что я ручной сталъ самъ, силюсь выказаться консерваторомъ-съ, стремлюсь показать уваженіе къ собственности-съ; для этой цѣли женился на здѣшней купчихѣ, получалъ въ приданое сіи палестины, овдовѣлъ и тутъ же, извините, накинудся опять тайкомъ на чтеніе журналовъ и книгъ новѣйшей поставки. Книги и прочее держу на верху. А тутъ видите — цвѣты смиренныя, портреты властей. Съ виду я какъ-будто-съ и агнецъ, подчиненный нашего деректора, великаго педагога, сѣкущаго по субботамъ виновныхъ учениковъ въ повалку; а ученики меня любятъ, ходятъ ко мнѣ. Мы читаемъ, бесѣдуемъ. Пронесется какая новость, знаете, шевельнетъ душу, — я сейчасъ бѣгу въ наши локанды, сирѣчь

въ здѣшнія гостиницы, и съ жадностью кидаюсь на Пчелку эту, на Московскія чтоли... Вѣрите-ли, всѣ гимназисты знаютъ уже черезъ меня и про Италію, и за Америкой слѣдятъ, за чужими и домашними тамъ министерскими кризисами. Положимъ, я какъ всѣ, какъ и вы, лишній тутъ во всемъ этомъ, непутный вовсе ни кчему человекъ. Да у меня, скажу вамъ, своя задача есть, если такъ выразиться, свое помѣшательство... Я задалъ себѣ такое дѣло...»

Саддукѣвъ помолчалъ и оглянулся.

— «Я рѣшился, въ этомъ общемъ разладѣ правды и дѣла, во что бы то ни стало... жить долѣе! Да-съ и какъ можно долѣе! Видѣть осуществленіе хорошихъ порядковъ хочется на своемъ вѣку не на одной бумагѣ, а и на дѣлѣ видѣть, а знаешь, что не дожить до этого безъ чуда... Вотъ я, повторяю, и устремляю всѣ помыслы на одно: пересижую молъ зло, переживу его, пережду, авось хоть черезъ сто лѣтъ исполнится то, о чемъ всѣ слѣпые наши собратья бьются кругомъ. Ну, сто такъ сто; и рѣшилъ я ухитриться непременно сто лѣтъ прожить! Количествомъ, знаете, массою годовъ хочу взять! И ужъ всякія штуки для этого я дѣлаю; потому, навѣрное знаю, ей-богу-съ, что мы съ вами простымъ человѣческимъ вѣкомъ ни до чего не доживемъ!»

Рубашкинъ засмѣялся. Саддукѣвъ разсмѣялся тоже, но продолжалъ съ увѣренностью:

— Смѣтаете? Ей-богу такъ! Вонъ нѣмцы, Бюхнеръ чтоли, говорятъ, что между наслоеніемъ разныхъ пластовъ на землѣ, между появленіемъ положимъ почвы каменноугольной и той, гдѣ появились птицы и звѣри, должны были пройти мильоны лѣтъ. Такъ и у насъ, съ гражданскимъ обновленіемъ. Готовятъ свободу крестьянамъ. Отлично; даже слезы выступаютъ на глазахъ. Скажите, что манифестъ скоро будетъ, что о немъ гдѣ-нибудь уже намекъ сдѣланъ въ газетѣ; сейчасъ брошу васъ, извините, в бѣгомъ пушусь къ Фунтяеву въ таверну, Пчелку понюхать... А все-таки сто лѣтъ хочу прожить... Не вѣрю-съ, вотъ что! Всѣхъ переживу... Остается и вамъ только пережить эту Перебоченскую, и больше ничего!..»

Подали чай. Священникъ мало принималъ участія въ бесѣдѣ Саддукѣва съ Рубашкинымъ и нѣсколько разъ выходилъ на крыльцо.

— Мало вы говорите утѣшительнаго, сказала Салдукѣву Рубашкинъ : — такъ вѣд и съ ума сойдешь !

— «О, не сойду ! Я все подмиѣчаю—съ... Позовутъ на балъ къ губернатору, — молчу и стоя въ углу посматриваю на танцующихъ, не грохнется ли кто въ полъ такъ, чтобы и духъ воцѣ. Сейчасъ это и отмѣтится на моихъ умственныхъ скрижалахъ. Все однимъ полцею меньше будетъ... Голубей люблю ; здѣсь много всякихъ воровъ, въ томъ числѣ и голубиныхъ. Поэтому я не часто выпускаю голубей съ чердака на воздухъ... Но какъ встрѣчу мертвеца на улицѣ побогаче и поподлѣе, сейчасъ спѣшу домой и выпускаю на радость погулять и моихъ голубей на волюшкѣ... Вы меня такъ и застали ; это нынче умеръ инвалидный здѣшній капитанъ, мошенникъ и первѣйшій живодеръ ! Живу я умѣренно, все рассчиталъ, обзавелся даже аптекой, лечебниками ; съ докторами дружбу веду. И если чего—нибудь изъ новаго не читаю, то день денской все придумываю средства насчетъ нечаянной такъ—сказать какой болѣзни и самой смерти. Ланцетъ ношу съ собою ; всѣмъ говорю что нужно дѣлать, коли случится какая бѣда. Оно даже пріятно ощущивать теперь сквозь мягкое тѣло свой собственный костякъ, скулы тамъ, глазныя впадины, сухія кости на колѣняхъ, и такъ—сказать осязательно угадывать въ себѣ будущій свой безобразный видъ, когда въ могилѣ—то отродятся въ желудочкѣ червячки и всего—то тебя скушаютъ до тла въ угоду разнымъ подлцамъ, гнетущимъ свѣтъ и людей... Противъ этого—то костяка я денно и поочно веду самую ловкія интриги, и убѣжденъ, что отстою надолго свои бранныя тѣлеса. Одна бѣда — летаргія, случай—съ, какъ вдругъ живого тебя закопаютъ ; и то бы еще ничего, да зависть тебя возьметъ : что, какъ завтра же ударить надъ могилою трезвонъ, заликуетъ правда, а тебѣ придется тамъ въ душныхъ потемкахъ могилы ожить и тщетно дѣлать послѣдніе жалкіе эксперименты : понатужиться, повернуться въ гробу, поколотить съ безумнымъ, холоднымъ отчаяніемъ въ глухую крышку гроба и попробовать наконецъ собственного своего мясца на закусочку, то—есть обглодать безъ пользы свои руки... Это уже будетъ вполнѣ скверно ! Но я и тутъ принялъ мѣры. Подбиваюсь къ кладбищенскимъ сторожамъ, прошу поповъ не спѣшить съ похоронами... Ей—богу !.. И это будто все въ шутку, чуть перебираюсь на новое мѣсто. Совѣтую и вамъ, генераль, тоже самое...»

Рубашкинъ задумался. Молча сѣлъ возлѣ него, собираясь съ новыми рассказами, Саддукѣевъ. Но вбѣжали дѣти хозяина и все ожило снова.

— Нѣтъ, вы для меня придумайте безъ шутокъ что-нибудь посущественнѣе! сказалъ Рубашкинъ.

— Какія тутъ шутки! Трудновато, а впрочемъ посмотримъ... Я вообще ночью страдаю бессоницами, а особенно какъ что-нибудь взволнуеть: какал-нибудь вдругъ столичная новость, политическій переворотъ, встрѣча съ замѣчательною жертвою какой-нибудь житейской пакости, вотъ хоть бы съ вами... Тогда я на другой день страдаю пищевареніемъ и въ видахъ долголѣтія сейчасъ же сажусь на одно молочко и на зельцерскую воду... Такъ-то-съ!

Далѣе вечеромъ хозяинъ и гости еще болѣе оживились. Дѣти Саддукѣева были сущіе дикаренки, страшно загорѣлые, съ протертыми локтями и колѣнками и сильно выросшіе изъ штанишекъ. Уча съ увлеченіемъ въ гимназіи, Саддукѣевъ на своихъ дѣтей не обращалъ почти никакого вниманія. Съ утра задавалъ имъ уроки, а къ вечеру рѣдко даже вспоминалъ о нихъ и почти никогда не повѣрялъ ихъ занятій.

— Это будущіе семинаристы, сказалъ о нихъ хозяинъ: — хоть скверно учать и кормятъ въ семинаріяхъ, хоть чертовски тамъ сѣкутъ, но какъ плотоядный самецъ, да еще и вдовый, я ихъ намѣренъ именно туда отдать. Оттуда все-таки народъ выходитъ менѣе тухлый и болѣе какъ-то пикантный, чѣмъ изъ нашихъ гимназій. Посмотрите-ка, генераль, какъ въ гору идутъ теперь вездѣ наши семинаристы! На нихъ сталъ спросъ... Вотъ хоть бы и Сперанскій какъ нѣкогда отлпчался! А вы знаете, что вашъ и мой пріятель, отецъ этотъ Смарагдъ, въ семинаріи метилъ именно въ Сперанскіе, на философію ударялъ, либеральничалъ, а теперь бѣднякъ на что размѣнялся въ Есауловкѣ! Сухія корки по селу черезъ пономаря собираеть... Что дѣлать! Правда, ваше преподобіе? Да что ты такъ нахохлился? спросилъ Саддукѣевъ вошедшаго снова въ гостиную священника: — что ты вздыхаешь и какъ-будто хавдришь?

— Жену оставилъ не совсѣмъ здоровою; боюсь, не расхворалась бы пуце: кругомъ на сорокъ верстъ нѣтъ лекаря... самъ ты это знаешь!

Саддукѣевъ подмигнулъ генералу на священника, который опять вышелъ на крыльцо.

— Вотъ вамъ и трагикомедія, генераль! Я его отъ души люблю: славный малый и въ семинаріи постоянно сидѣлъ въ карцерѣ за куреніе трубки... Но подумайте, почему онъ заботится о жевѣ или почему долженъ заботиться? умереть жена, — шабашъ! Болѣе жениться ни-ни, нельзя уже по ихъ закону... Вотъ драма, вотъ положеніе!

— Да, она женщина славная, сказалъ Рубашкинъ: — все хозяйство ведетъ, сама коровъ доитъ, моетъ бѣлье, ѣсть варить.

— Что и говорить! А умереть, шабашъ, Сморочка! Бери работницу, соблазни народу, или прочь отъ прихода... Сколько соблазну въ этихъ предложеніяхъ раскольниковъ! Еще удивляюсь ему...

Стали накрывать на столъ.

— Читаетъ онъ что-нибудь, слѣдить за литературой? Прежде онъ въ семинаріи отъ чтенія не отставалъ. И для чего онъ самъ сюда пріѣхалъ?

— Пріѣхалъ собственно для меня да кстаті сдать свѣчныя деньги, запастись кое-чѣмъ, огарки тамъ продать и книги какія-то подписать по приходу. А читать онъ любитъ и слѣдить за всѣмъ, гдѣ только онъ нападетъ на книги или листки газеты. Я-то самъ, извините, до русскихъ книгъ не охотникъ... Жаль, въ жесточайшей нуждѣ и живеть; а избрать другое поприще не хочетъ: сильно вѣрующій; полагаетъ отъ своей должности много пользы прихожанамъ, и тѣ его очень любятъ: онъ входитъ во всѣ ихъ дѣла...

Рубашкинъ замолчалъ. Въ раскрытое окно сквозь темноту изъ сада послышался голось. Служанка какъ-то затихла навремя съ посудой и смуглыя кудряшки-дѣти также приумолкли по кресламъ въ гостиной. Изъ сада ясно раздалось тихое пѣніе грустнаго духовнаго гимна.

— Такъ-такъ, узнаю тебя беззавѣтная личность, семинаристъ Перепелкинъ! сказалъ хозяинъ и глаза его, холодные, сѣрые и безжизненные, засвѣтились любовью: — такъ звался у насъ ты прежде, отецъ Смарагда! Дать острастку поллецу какому-нибудь бывало, эконома-отравителя штурмомъ взять, его было дѣло. Ему бы въ какую миссію, къ Ирокезцамъ; апостоломъ новаго слова явиться въ такую дичь, гдѣ бы грозило всякому по-

пастъ на крестъ или быть съѣденнымъ заживо своими же прахо-
жанами. Вотъ бы гдѣ онъ себя поцѣзаль! А ему пришлось коп-
тить небо въ Есауловкѣ!.. Какъ тутъ не стремиться прожить сто
лѣтъ?

У воротъ раздался топотъ усталой лошади. Кто-то тихо и
несмѣло подѣхалъ. Не прошло десяти минутъ какъ одетъ Сма-
рагда блѣдный и взволнованный вошелъ въ гостиную и въ без-
надежности упалъ въ кресло.

— Что съ тобою, камрадъ? что съ тобою, Сморочка? спро-
силъ Саддукѣвъ.

— Пашенъка.... Паша моя умираетъ... Ахъ, Господи-Боже!
Второй день лежитъ безъ памяти какъ только мы уѣхали! Вер-
ховой прискакалъ... Нашолся еще добрый человѣкъ!

Саддукѣвъ вскочилъ съ дивана.

— Ахъ ты бѣднякъ-бѣднякъ! Жаль тебя! Да нѣтъ! Стой!
Есть пріятель у меня лекаришка... Да нѣтъ, опять стой! что и
хлопотать! Завтра балъ на весь городъ у губернатора. Навѣр-
ное и этотъ подлинали тамъ будетъ... Эти балы всегда здѣсь
смертности прибавляютъ, потомучто всѣ доктора львуютъ туда.
Одно возвращеніе!

Саддукѣвъ быстро заходилъ по комнатамъ.

— Я у васъ, Адриянъ Сергѣичъ, возьму телѣжку и лошадей!
сказалъ священникъ: — и уѣду сейчасъ же въ ночь; вы воро-
титесь на почтовыхъ, или какъ тамъ лучше, когда устроите все.
Подумайте: вѣдь на сорокъ верстъ кругомъ нѣтъ у насъ даже
фельдшера!

— И это магнать! въ Есауловкѣ оркестръ держать, а аптеки,
фельдшера простого нѣтъ! крикнулъ Саддукѣвъ: — О алеуты,
безмозглые обитатели Мадагаскара! Тысячи, куда! десятки ты-
сячъ на ѣду тратятъ, на мебель, на убранство домовъ и на без-
душныхъ куколъ, жонъ своихъ, а доктора завести за триста цѣл-
ковыхъ на цѣлый околотокъ не захотятъ! Говорить объ англо-
маніи! Куда тебѣ до лордовъ! Нѣдорось! Ирокезъ.

Сѣли въ тревогѣ ужинать. Священникъ ничего не ѣлъ. Ло-
шади его въ телѣжкѣ были опять запряжены. Послѣ ужина
однако, опять что-то надумавши, Саддукѣвъ сбѣгалъ въ два-
три мѣста и воротился со стклянками.

— Брать всѣ отказываются; такая, говорятъ, дадь я еще къ
сельскому попу! А прописать лекаство, за глаза прописали. Да

и что еще за болѣзнь у нея? къ дѣлу ли оно? Кто приѣхалъ съ вѣстью? Спросить бы его... Позвать этого человѣка!

Вошелъ Илья Танцуръ. Онъ чуть стоялъ на ногахъ отъ усталости. Рубашкинъ пофранцузски объяснилъ Саддукѣву, кто онъ и чей сынъ. Учитель осмотрѣлъ Илью съ головы до ногъ.

— Вотъ, братъ, сказалъ онъ: — отецъ твой главный прикащикъ въ вашей трущобѣ; въ годъ я думаю не на одну сотню крадетъ и не одну тысячу князю вашему высылаетъ за море, а лучше бы хотъ коновала какого завелъ у васъ!

Илья оправился и отвѣтилъ:

— Мы дѣловъ отца не касаемся; не извольте обижать насъ, баринъ...

— Кто же тебя послалъ?

— Самъ-съ, отъ жалости-съ... Прихожу разъ, другой, а матушка, вотъ ихъ жена то-есть, безъ памяти лежитъ. Дѣвчонка ихъ работница на улицу бѣгать ушла, — шалить; дѣти голодные кричатъ. Некому воды подать. Я это... къ отцу... Такъ и такъ. молъ. Онъ резонту не далъ. Я на утро вижу тоже, взялъ изъ барской конюшни коня, да и поѣхалъ. Очень усталъ-съ... Ругать отецъ еще будетъ. Позвольте овсеца для лошади. Денегъ своихъ не имѣю. А дорогой надо будетъ подкормить, хотъ я и берегъ коня!

Рубашкинъ опять сказалъ что-то Саддукѣву пофранцузски.

— Ты въ бѣгахъ былъ? Долго? спросилъ учитель.

— Двѣнадцать лѣтъ-съ...

— Чѣмъ больна потвоему ихъ вотъ жена?

— Горить вся, мечется, а узнавать ничего не узнаетъ...

— Ну, прощай, другъ Смарагдъ! Спѣши; вотъ тебѣ лекарства; тамъ написано какъ принимать. Да не жалѣй горчичниковъ... Я же за тебя свѣчи сламъ, деньги, книги и все исполню. Станный однако этотъ Илья; толкъ изъ него будетъ!

Священникъ простился и уѣхалъ въ ночь съ Ильей, привязавши княжескую разгонную лошадь къ повозкѣ и рѣшивши ее не оставлять, а лучше покормить далѣе дорогой, чтобъ успѣть проѣхать хотъ часть пути, пока еще не запоетъ мѣсяцъ.

— Мы же съ вами не пожалѣемъ слезъ, когда дѣйствительно умретъ эта бѣдная сморочкина Паша! сказала Саддукѣва: — жаль его! Что-то перечувствуетъ его сердце подъ рясою, пока онъ доѣдетъ до дому? Мы примемся за ваше дѣло! Если

двоюродный братец мой, Смарагдъ Перенелкинъ, овдовѣть, не знаю, устоитъ ли онъ тогда съ семьей.

Гость и хозяинъ ушли спать. Ночью Рубашкину слышалось все воркованіе голубей на крышѣ, Перебоченская приснилась въ видѣ Чингисхана съ усами, окопавшаяся отъ него окопами, вышивной съ добрую колокольню; и чудилась ему большая при смерти жена священника въ бѣломъ чепчикѣ и въ бѣдномъ ситцевомъ платьѣ, звавшая опять почтеннаго слугу церкви запросто Сморочкой. Проснувшись Рубашкинъ услышалъ въ залѣ громкіе шаги. Кто-то порывисто ходилъ изъ угла въ уголъ. Онъ одѣлся и вышелъ. То былъ Саддукѣвъ.

— Насилу-то вы проснулись; не хотѣлъ я васъ будить. Утромъ въ видахъ, понимаете, долголѣтія я всегда задаю себѣ отчаянный моціонъ передъ класами. Уходить не хотѣлъ не видѣвши васъ, и вотъ тутъ все метался изъ угла въ уголъ. Вотъ что я придумалъ...

— Благодарю васъ.

— Вотъ что: сегодня у губернатора балъ; одѣньтесь и въ фракъ и сдѣлайте ему визитъ. Онъ васъ пригласить; вы на балѣ и объяснитесь съ нимъ о дѣлѣ.

— А утромъ объясниться развѣ нельзя?

— Онъ аристократъ, приметъ васъ за нищаго, за попрошайку, за сутягу, и дастъ дѣло на разсмотрѣніе правленія. Надо это такъ будто мимоходомъ: онъ юмористъ, даже сатирикъ, и чуть гдѣ въ просьбѣ зазвучитъ неподдѣльная мольба о защитѣ, вопіющее какое-нибудь дѣло, убивающее страдальца, онъ скажетъ «исполню тотчасъ» приметъ записку о дѣлѣ, поковыряетъ въ ногтяхъ, полюбезничаетъ, даже либеральничаетъ съ вами, и все сейчасъ-же забудетъ, а къ просителю оставитъ въ сердцѣ своемъ невмѣрное отвращеніе, какъ къ гнусной провинціальной твари и пролазу. Онъ изъ гвардейцевъ, богачъ, учился въ пажакъ и попалъ въ эту глушь временно, понимаете, чтобъ попрактиковаться здѣсь, какъ англійскіе ученые и чиновники ѣздятъ иногда путешествовать вокругъ свѣта по програмѣ своего воспитанія. Надѣньте кстати и звѣзду, коли вы ею украшены...

— Фракъ и звѣзда остались дома въ деревнѣ, гдѣ я живу.

— Жаль! Примѣрьте однако мой фракъ, а звѣзду мы возьмемъ на-прокатъ у одного тутъ лакея; его баринъ-сенаторъ

здѣсь лечится кумысомъ. Лакей не откажетъ: звѣзда лежитъ давно безъ употребленія у его барина. Я это сообразилъ!

Сказано и сдѣлано. Во фракѣ и въ звѣздѣ генераль Рубашкинъ отправился, подъ легкою варусиною накидкою, къ властителю края. Властитель принялъ его очень вѣжливо, освѣдомился о его службѣ; не безъ удивленія и легкаго почтенія узналъ, что онъ такъ недавно еще и успѣшно служилъ на важномъ мѣстѣ по министерству и удивился его отставкѣ. Самъ будучи еще почти юношей, губернаторъ при этомъ вдругъ сталъ жаловаться на боль поясницы, будтобы отъ тяжести дѣлъ въ этомъ дикомъ краѣ. Тутъ принять былъ еще какой-то помѣщикъ, сразу начавшій начальнику края перепуганнымъ и надорваннымъ отъ отчаянія голосомъ рассказывать, какъ крестьяне у него сожгли недавно хлѣбный токъ, а потомъ амбары и наконецъ пять дней назадъ домъ его. «Чтоже вы хотите отъ губернатора?» спросилъ его отъ себя въ третьемъ лицѣ чистившій въ это время ногти губернаторъ. «Содѣйствія!» заревѣлъ вставши и вытянувшись передъ нимъ запыленный и мѣдноцвѣтный отъ степного загара помѣщикъ. Подайте записку.» Въ это время мостовая у окна, гдѣ они всѣ трое сидѣли, загремѣла и въ легкомъ тильбюри, на раскормленномъ до безобразія сѣромъ рысакѣ, показалась какая-то городская дамочка, вся разодѣтая, сіявшая веселостью и удалью. Сзади ея неслись верхами трое франтовъ.

— Куда вы? крикнулъ юный губернаторъ, высунувшись изъ окна.

— Въ степь...

— Зачѣмъ?

— Киргизы появились.

— Быть не можетъ?

— Не бойтесь... мирные! Скаковыхъ лошадей привели табунъ; куда-то на ярманку ведутъ. Хочу и я поторговаться.

— Позвольте, сейчасъ!

Губернаторъ бросилъ ножикъ, которымъ чистилъ себѣ ногти, выбѣжалъ мимо оторопѣвшихъ жандармовъ и часовыхъ на улицу и подошелъ къ тильбюри.

— Позвольте, милый нашъ вице-губернаторъ! сказалъ онъ дамочкѣ: — позвольте вашу ручку поцѣловать. Вы всѣ новости узнаете раньше меня... я долженъ уступить вамъ пальму первенства! Я для васъ ручной...

Дамочка съ хохотомъ протянула ему руку, ломаясь и оглядываясь кругомъ, ударила хлыстомъ рысака и тильбюри загремѣло далѣе.

— До вечера? крикнулъ губернаторъ съ крыльца.

— До вечера, г. ручной левъ!

Губернаторъ послалъ ей вслѣдъ поклоны рукой.

Погорѣвшій помѣщикъ молча хлопалъ на все это глазами.

— Кто эта дама? спросилъ онъ Рубашкина.

— Не знаю. А васъ подожгли?

— Все сожгли въ три темпа—съ...

— За что же?

— Не знаю самъ пониѣ. Сыплется на голову, какъ лава Везувія, и только. Думалъ найти тутъ защиту...

Губернаторъ вошелъ еще улыбаясь, но не сѣлъ. Знакъ былъ гостямъ уйти. Первый съ шумомъ зашаркалъ погорѣлый степнякъ—помѣщикъ.

— Такъ подайте записку! сказалъ губернаторъ.

Помѣщикъ вздвигнулъ Рубашкину плечамъ, шаркнулъ опять в ушолъ, обливаясь испариной.

— А васъ, ваше превосходительство, милости просимъ сегодня ко мнѣ на балъ. Молодежь хочу развеселить! отнесся губернаторъ къ Рубашкину, опять принимаясь за ногти: — знаете, среди трудовъ... я подобралъ здѣсь все правовѣдовъ и лиценстовъ; студенты какъ—то ненадежны теперь стали! А у меня блистательно составилась администрація. Всѣ люди хорошаго тона, знаютъ вкусъ въ женщинахъ и отлично тавцуютъ. Уговорили меня дать балъ подъ открытымъ небомъ въ саду...

Рубашкинъ далъ слово быть.

— Въ девять часовъ, запросто въ Халыбовскій садъ: тамъ нашъ балъ! сказалъ губернаторъ на прощаньи, почтительно поглядывая на звѣзду Рубашкина.

«Какъ бы еще не угадалъ чья это звѣзда!» подумалъ послѣдній, уходя.

Рубашкинъ все рассказалъ Салдукѣву.

— И отлично! крикнулъ Салдукѣвъ, изъ гимназіи поздно воротившись къ обѣду: — вы сдѣлали одну половину дѣла, а я подумалъ и о другой...

— О какой?

— Просите вечеромъ, если все пойдетъ на ладъ в губерна-

торъ сдаться, просите у него, чтобы назначили на слѣдствіе и на выводъ Перебоченской съ вашей земли не кого другого, какъ одного изъ здѣшнихъ совѣтниковъ губернскаго правленія, и именно Тарханларова, а уже онъ, коли согласится, подбереть себѣ помощниковъ. Я объѣгалъ весь городъ, былъ у всѣхъ. знаете мелкихъ властей, у здѣшней такъ-сказать купели си-лоамской, ожидающей постоянно движенія воды, то-есть наскока такого доходнаго и прижатаго судьбою человѣка, какъ положимъ вы... Я ихъ однако предупредилъ, что вы мой пріятель, и чтобъ все дѣло сдѣлалось безъ подачи... Да то бѣда, что въ этомъ дѣлѣ уже очень многіе замѣшаны; исправникъ вашъ ничего не сдѣлаетъ, онъ племянникъ этой барыни; уѣздный предводитель, князекъ дуракъ въ придачу ей тоже какая-то родня; становой подчиненъ исправнику... Всѣ указали мнѣ на Тарханларова. Это, скажу вамъ, молодчина, геркулесъ съ виду и бѣдовый по смѣлости... Коли онъ ничего не сдѣлаетъ, т. е. не выпроводитъ барыни этой сразу, въ одинъ пріемъ; при десяткѣ или даже при сотнѣ понятыхъ и отложитъ дѣло опять на переписку, такъ ужъ вамъ останется одно: откланяться и уѣхать отсюда обратно, принявши мѣры къ тому только, чтобъ наконецъ хоть, проживя лѣтъ сто, пережить Перебоченскую...

— Да помилуйте, я этимъ имѣніемъ уже введенъ во владѣніе и имѣю формальный вводный листъ!

— А на дѣлѣ вы имъ владеете?

— Нѣтъ!..

— Таковы-то, генералъ, наши провинціи. Станете жаловаться въ Петербургъ, — всѣ тутъ здѣшніе замѣшаны, слѣдовательно станутъ отписываться; запроситъ министръ, отнесутъ дѣло къ тяжбынымъ. И ждите его рѣшенія!

— Чтоже мнѣ теперь дѣлать?

— Позвольте, я не въ мѣру взволновался; это вредно... Надо выпить... чего бы? да! зельтерской воды и опять походить... Такъ точно я былъ взволнованъ и по полученіи здѣсь извѣстія о походѣ нынѣшнихъ наполеоновскихъ французиковъ! Вы, генералъ, извините меня, что я этого новаго Наполеона не очень жалею... Эй, Феклуша! зельтерской мнѣ воды!

Саддукѣву горничная принесла воды. Онъ выпилъ и сталъ ходить.

— Подождемъ еще обѣдать пока. А послѣ обѣда я кинусь

узнать сколько надо предложить совѣтнику Тарханларову; вы же къ нему прямо пойдите между тѣмъ, и рассказавши все дѣло, просите припятъ порѣшеніе его на себя. На балѣ въ этомъ саду буду и я. Тамъ придумаемъ какъ сказать все губернатору...

Послѣ обѣда гость и хозяинъ не спали. Оба кинулись въ разныя стороны хлопотать о дѣлѣ.

Рубашкинъ воротился первый и не въ духѣ. Саддукѣевъ прибѣжалъ съ кипой газетъ.

— Вотъ, вотъ! говорилъ онъ, лихорадочно перебирая листки: — до бала усиѣмъ еще пробѣжать кое-что... Да-съ... вотъ оно... Говорять... въ фельетончикѣ какомъ-то есть намеки, что составляются новыя комиссіи о разныхъ реформахъ и что дѣло крестьянское идетъ къ концу. Узналъ я и о вашемъ дѣлѣ, генералъ. Оказывается плохо-съ однако... Юстиція у насъ еще не сбавила тутъ въ глуши своей таксы: говорятъ, что менѣе двухъ тысячъ цѣлковыхъ этотъ совѣтникъ губернскаго правленія, Тарханларовъ, за такое дѣло не возьметъ...

Рубашкинъ вскочилъ.

— Какъ! Двѣ тысячи?

— А вы, ребенокъ, полагали менѣе? спросилъ Саддукѣевъ, не отрываясь отъ лампы у стола, за которымъ онъ съ жадностью перебиралъ газеты только-что привезенной чьей-то почты.

— Двѣ тысячи! восклицалъ Рубашкинъ.

— Да-съ, да! Вотъ именно почему я и хочу, желаю всѣми средствами прожить сто лѣтъ; и проживу, ей-богу проживу! Вонъ, вонъ, точно: комиссіи, комиссіи... А, батюшки!.. Шагаеть! Ужь не сбавить ли чего однако со ста лѣтъ? Да нѣтъ! Какъ бы еще не маловато этой суммы годовъ послѣ показалось... Еще съ горы можетъ все это оборваться... Вонъ, о редакціонныхъ крестьянскихъ комиссіяхъ наши официалы торжественно выражаются; скоро тутъ окончательно пробьется что-то! Ну, а вашъ визитъ къ Тарханларову чѣмъ кончился?

— Отказалъ на отрѣзъ!

— Отказалъ? Быть не можетъ!

Саддукѣевъ бросилъ газеты и ладонью бережно придерживая ихъ, обратилъ тусклые, усталые глаза на генерала.

— Отказалъ... Жена его беременная на снось; не могу, го-

ворить, какъ бы чего безъ меня тутъ не случилось съ женою! Это не отецъ Смарагдъ.

— А про могущій быть ордеръ губернатора говорили?

— Говорилъ. Не поѣду, сказалъ онъ, хоть бы самъ сенатъ нарядилъ, извините; а про дѣло ваше слышалъ: точно скверное дѣло.

— Ну, что Богъ дастъ, то и будетъ.

Саддукѣвъ и Рубашкинъ отправились на дачный балъ губернатора, въ загородный садъ армянина-откупщика Халыбова. Множество экипажей стояло у рѣшотки сада. Ворота и дорожки были освѣщены фонариками. Гремѣла музыка. У крыльца на особой эстрадѣ шли танцы. Долго тыкались безъ смысла повые два пріятеля въ толпѣ. Губернаторъ замѣтилъ опять звѣзду на груди Рубашкина и кивнулъ ему, подзывая его къ себѣ. Рубашкинъ подошелъ къ нему. «Вывези, Автошка!» мысленно при этомъ подумалъ учитель, вспоминая сенаторскаго лакея, у котораго для генерала абонирована была за полтинникъ съ приличнымъ залогомъ звѣзда. Толпа раздвинулась, губернаторъ прошелъ въ боковую алею съ Рубашкинымъ.

Они шли и болтали о томъ о семъ.

— Вы здѣшній помѣщикъ? спросилъ губернаторъ, уже едва помнившій вчерашній визитъ къ нему Рубашкина.

— Да-съ! Имѣлъ бы особое удовольствіе васъ угостить у себя такимъ же баломъ, да со мною длится маленькое комитетское дѣло...

— Какое? спросилъ юный степной сатрапъ, лорнируя въ потемкахъ боковой дорожки какихъ-то полугорудыхъ красавицъ. Сатрапомъ и ханомъ любилъ себя звать самъ этотъ губернаторъ съ той поры, какъ по первомъ приѣздѣ изъ Петербурга ему удалось здѣсь принять, съ восточными утонченностями, какое-то важное, ѣхавшее на сѣверъ посольство.

Рубашкинъ, намѣренно хихикая и съ приличнымъ юморомъ рассказалъ ему о своемъ дѣлѣ, какъ онъ получилъ наследство, какъ введенъ былъ во владѣніе и какъ одна безпардонная барыня-хуторянка, торгующая скотомъ, мѣшаетъ ему поселиться у себя и взяться за хозяйство.

— Чтоже вы не подадите мнѣ записки? спросилъ губернаторъ, забывши, что по этому дѣлу онъ самъ подписалъ шесть грозныхъ, но тщетныхъ приказовъ уѣзднымъ властямъ и отъ са-

ного Рубашкина получалъ двѣ письменныхъ плачевныхъ жалобъ.

— Не стойте! сказалъ небрежно Рубашкинъ, разсѣянно освобождая свою руку изъ-подъ локтя губернатора и всѣмъ оборотомъ тѣла спѣша взглянуть тоже въ какихъ-то красавицъ по дорожкѣ.

— Кто это? спросилъ тревожно волокита-ханъ и голосъ его, отъ чаянія тайной интрижки у посторонняго, дрогнулъ.

— О! прелесть! вы ихъ не знаете? Онѣ изъ Петербурга...

— Не можетъ быть!

— Ей-ей... три сестры сироты...

— Такъ вы мнѣ однако подайте записку! проговорилъ, уже ничего не соображая, губернаторъ.

— Не стойте ..

— Вы хотите меня обидѣть? шутливо спросилъ ханъ, чувствуя между тѣмъ потребность кинуться вслѣдъ за хвостами особъ, похваленныхъ гостемъ.

— Если вы требуете, извольте... завтра же. Но съ одною оговоркою...

— Съ какою?

Губернаторъ, смотря въ дальнѣйшій уголъ дорожки, начиналъ терять всякое терпѣнїе.

— Съ тѣмъ, чтобы вы слѣдователемъ назначили Тарханларова...

— Почему? спросилъ губернаторъ, лорнируя дорожки, но тутъ же по чутью изъ радушнаго переходя въ подозрительный тонъ.

— Ему давно хочется побывать у меня въ гостяхъ... Я ему красавицу припасъ!

— Но у него кажется жена въ родахъ! что-то онъ на волокиту не похожъ, или притворяется? а? что? кажется жена его беременна...

— Родила, ваше превосходительство! кстати вмѣшался тутъ Саддукъевъ, выросшій вдругъ передъ собесѣдниками, точно изъ-подъ земли.

— Чему же вы радуетесь? спросилъ губернаторъ, разглядѣвши впотымахъ голову учителя: — точно вы сами участникъ въ этихъ родахъ! а?

Всѣ трое засмѣялись. Радуюсь своей остротѣ, губернаторъ прибавилъ:

— Если Тарханларовъ согласится ѣхать къ вамъ въ гости, извольте, я отпускаю его, подавайте только записку; безъ нея и не приѣзжайте ко мнѣ, обидчикъ! Надо же и дѣлами заняться...

Губернаторъ исчезъ подъ липами, а Саддукѣвъ, присѣвши къ землѣ, просто зашипѣлъ отъ радости.

— Браво! склѣилось наше дѣло! Теперь денегъ надо достать...

— Тутъ-то опять и бѣда. У меня ни гроша не осталось отъ перваго приѣзда въ эти мѣста...

Саддукѣвъ посвисталъ.

— Ничего... пустяки-съ... Коли съ вами не прихватимъ въ откуп, я извернусь иначе еще для васъ. Вы меня извините, другой здѣсь вамъ зря сразу не повѣрилъ бы! Да у меня уже Смагда въ этотъ такой видите ли человекъ, что темнаго господина никому не похвалить и не привезеть... Я его знаю.

Тутъ же среди танцующихъ Саддукѣвъ нашолъ Халыбова, шепнулъ ему нѣсколько словъ и прибавилъ:

— Я у васъ двухъ сыновей учу, дайте намъ въ займы тысячу-другую на мѣсяць. У этого вотъ господина болѣе двухъ тысячъ десятищъ незаложенной земли есть... на дняхъ ее получить...

Армянинъ поклонился и осклабился.

— Знаю я ихъ очень хорошо и безъ тебя, слышалъ я о нихъ! только дамъ имъ въ займы не теперь, а когда отъ нихъ эта барыня, какъ ее звать, переѣдетъ...

— Ага! слышите, генералъ? спросилъ учитель.

Рубашкинъ печально улыбнулся.

Армянинъ потрепалъ Саддукѣва по плечу.

— Подъ твой домъ, бачка, дамъ хоть три тысячи: мѣсто твое очень мнѣ нравится! Что небось, такъ не кинешься заниматься?

Учитель на мгновение опѣшилъ. Снялъ съ огромной скулистой головы сѣрую пуховую шляпу, отеръ со лба потъ, повертѣлъ въ рукахъ платокъ, посмотрѣлъ на армянина и сказалъ:

— Идетъ, давай подъ залогъ моего дома, Нинъ Нинычъ, этому господину... двѣ тысячи...

— Двадцать процентовъ на полгода? поторопился прибавить шопотомъ Нинъ Нинычъ Халыбовъ: — если согласенъ, такъ хотъ

сейчасъ до закладной, подь простое домашнее условіе дамь тебѣ эти деньги!

Саддукѣвъ уставился глазами въ Рубашкина и крикнулъ.

— Идетъ! сказалъ онъ.

Ударивъ по рукамъ и пока толпа рѣзвилась и тѣшила юнаго начальника, откупщикъ и два пріятеля съѣздили въ откупную контору и дѣло займа; подь сохранную росписку, кончили въ полчаса.

— Теперь значить вотъ что, сказалъ Саддукѣвъ, воротившись съ Рубашкинымъ домой: — садитесь и пишите коротенькую докладную записку губернатору, чтобъ не возбудить въ немъ подозрѣній; представьте все дѣло однимъ административнымъ недоразумѣніемъ, сошлитесь на справки по этому дѣлу въ правленіи, и завтра же рано занесите записку эту предварительнѣ Тарханларову, чтобы онъ не промахнулся и не выдалъ васъ, что вовсе съ вами не сможемъ, да тутъ же отвезите ему и занятый презентъ...

— Какъ? Впередъ?..

— О, безъ сомнѣнія и дѣлникомъ; онъ и росписку разумѣется на дастъ. А съ васъ я возьму сейчасъ же...

— Ивайте... Но... какъ онъ надуесть?

— Не бывало еще примѣра. У нихъ на это есть своя совѣсть и довольно высокая: будьте спокойны.

Рубашкинъ получалъ отъ учителя деньги и далъ ему росписку съ своей стороны.

— Это на случай смертности, сказалъ Саддукѣвъ: — я-то проживу еще; ну, а вы уже въ лѣтахъ... до ста годовъ не дотянете! ни-ни...

Они легли спать. При выходѣ изъ праздничнаго сада, къ Рубашкину у воротъ подошелъ помѣщикъ, утромъ жаловавшійся на поджоги. Онъ былъ опять возбужденъ и озабоченъ; потъ лился съ его загорѣлаго лица, а волосы были взъерошены и выбивались изъ-подъ картуза.

— Что съ вами? спросилъ генералъ.

— Сейчасъ пришло извѣстіе отъ жены и дѣтей: сожгли у насъ и овчарни. Жалко это въ саду заговорить съ начальствомъ!

— Чтоже?

Помѣщикъ яростно плюсулъ, посонѣлъ и молча пошелъ въ улицу...

— Куда вы? Попробуйте еще...

— Нечего времени-то терять; вижу, тут тащуютъ, а мнѣ не до того: надо просто-напросто заново скорѣе отстраниться; это будетъ вѣрнѣе, чѣмъ тутъ жаловаться!

— Вотъ вамъ и еще наша областная практика! сказала Салдукѣвичъ: — значить, не вы одни!

Итакъ генералъ и учитель легли спать.

«Какъ-то мнѣ удастся утромъ эта практика? думалъ Рубашкинъ, засыпая: — Каково? И, недавно высшій администраторъ, теперь самъ своею особою пойду и понесу какому-нибудь совѣтнику, своему же бывшему подчиненному, и такую полновѣсную взятку.»

Утромъ гости и хозяинъ умылись, одѣлись, напились чайку и снова посовѣтовались. Рубашкинъ бросился въ первую изъ растворенныхъ лавонъ, купилъ какую-то шлохенькую соломенную корзиночку, съ дамскимъ приборомъ для шитья, и дѣтской игрушечный сундучекъ. Въ обѣ изъ этихъ вещей вложилъ онъ чистаганомъ по тысячѣ рублей серебромъ, явился на домъ къ свѣтнику правленія Тарханларову и поздравилъ его съ новорожденнымъ. На генералѣ были опять фракъ и звѣзда. Тарханларовъ притворился подавленнымъ такою честью отъ генерала; еще не видя что было въ корзиночкѣ и въ сундучикѣ, онъ сказалъ: «Полноте! къ чему вамъ было беспокоиться поздравлять меня, такого ничтожнаго чиновника!» и прибавилъ однако: «Я вижу, что вы опять о дѣлѣ? Не могу, теперь въ особенности не могу: сама знаетъ, жена родила съ вечера... Да и зачѣмъ мнѣ именно ѣхать? Надо ѣхать кому-нибудь другому, по инстанціямъ, младшему. Это соблазнъ и обида для уѣздныхъ властей!»

— Что дѣлать! возразилъ грустно Рубашкинъ, разставя руки и ноги и слегка склонивъ голову: — этихъ маленькихъ подарковъ новорожденному и родильницѣ, по русскому обычаю, вы падѣюсь однако не откажетесь принять, не обидите меня!

Тарханларовъ глянулъ искоса на невзрачные подарки, причемъ его бойкій свѣтлый глазъ усмотрѣлъ звѣзду на груди просителя. Онъ задумался, но какъ бы по чутью сразу въ предстоящемъ повидимому романтикъ-просителѣ, обыкновенно выѣзжающемъ на однихъ идеальничаньяхъ, угадалъ зѣло-умѣлаго практика. Онъ также съ полуулыбкою разставилъ руки и ноги, склонилъ голову на бокъ, взявъ хвятикая корзиночку и игрушеч-

ный сундучекъ, прижалъ ихъ съ чувствомъ къ груди и сѣрылся, будто спѣша обрадовать ими родильницу и новорожденнаго. За дверью залы онъ остановился, подошелъ въ сосѣдней комнатѣ къ окну, открылъ сперва одну вещицу, потомъ другую, радостно закрылъ на мгновеніе глаза, потомъ оглянулся, вынулъ деньги, медленно ихъ сосчиталъ, сунулъ комками пачки асигнацій въ карманъ, а корзинку и сундучекъ бросилъ на диванъ, и громко высморкавшись, оправился передъ зеркаломъ. «Что, дитя купали?» спросилъ онъ повивальную бабу, выглянувшую въ это время случайно изъ спальни, и ушелъ, не дождавшись ея отвѣта и самъ не помня о чемъ ее спросилъ.

Молодцомъ, сіяющимъ и бойкимъ вышелъ снова въ залъ Тарханларовъ, подошелъ и какъ ни въ чемъ не бывало сѣлъ у окна противъ Рубашкина.

— Когда вамъ угодно, чтобъ я вѣхалъ въ ваше имѣніе? спросилъ онъ гостя, добродушно смотря на него свѣтлыми и влажными голубыми глазами и взявши его руку въ свои пухлятыя, раздушонныя и добрыя ладони.

— Сегодня же... или завтра утrophъ я бы васъ просилъ...

Тарханларовъ поэтически-грустно раскинулся на стулѣ и задумался. Тутъ впервые Рубашкинъ разглядѣлъ какой оня былъ дѣйствительно красавецъ: грудь широкая, вкрутая, плечистый, губы антично очерчены, волосы закинута назадъ, голосъ звонкій, рѣчи строгія, бѣлье ослѣпительной бѣлизны, въ лицѣ гордость, умъ, даровитость и во всѣхъ движеніяхъ какая-то выветъ тихая грусть и безграничная смѣлость.

— Сегодня, такъ сегодня, а завтра, такъ и завтра! весело сказалъ Тарханларовъ: — я вполне къ вашимъ услугамъ! Хлопочите только, чтобъ губернаторъ назначилъ меня...

— Вотъ и записка! Уже готова... Это я его прошу о васъ!

Рубашкинъ подалъ ему записку.

— Хорошо, несите; а я черезъ часъ буду у него послѣ васъ и въ точности поясню, что и мнѣ давно хочется побывать у васъ въ имѣніи. Говорятъ, красивый дѣйствительно уголокъ... Теперя же я пѣду въ правленіе, пробѣгу ваше дѣло. Оно поправдѣ нешуточное. Вѣхать стѣитъ: совѣтниковъ попусту изъ города не посылаютъ. До свиданія.

Тарханларовъ и генералъ поцѣловались.

Рубашкинъ отвезъ губернатору записку и прибавилъ:

— Еслибы не желаніе дать вамъ балъ у меня на Лихошъ, я не тревожилъ бы васъ ни за что этимъ дѣломъ.

Губернаторъ уже холоднѣе однако встрѣтилъ имъ же самимъ заказанную записку, и пробѣгая бумагу генерала, даже не попросилъ Рубашкина сѣсть.

— Вы однако рано вчера бросили наши забавы... Васъ не было за ужиномъ? а?

— Одно... свиданіе ожидало, — извините...

— Э!

Губернаторъ покосился на Рубашкина, молча помѣтивъ его записку къ исполненію, завопилъ и велѣлъ дежурному чиновнику ее сейчасъ же отправить къ Тарханларову. Но чиновникъ доложилъ, что самъ совѣтникъ Тарханларовъ и вѣковъ прикомандированный къ канцеляріи его превосходительства чиновникъ, титулярный совѣтникъ Ангелъ, ждутъ въ пріемной.

— Дѣла, какъ видите! сказалъ губернаторъ и вѣзъ-за стола грустно раскланялся съ генераломъ: — я васъ не смѣю удерживать! Вы долго еще пробудете въ городѣ?

— До вечера только.

— Что же такъ?

— Вы будете смѣяться...

— О! Пожалуста скажите...

— Дома, гдѣ я пока живу, ждетъ меня одно хорошее дѣло... также интрижка...

— Гдѣ же вы живете?

— Въ казенной деревушкѣ, вблизи своего имѣнія...

— Неправда ли, какой здѣсь край! Что ваша Колумбія, Перу. И каковы нравы, каковы красавицы! Не будь эта служба, не выѣхалъ бы отсюда. До свиданія...

— Въ моемъ имѣніи?

— Отъ души радъ буду по пути заѣхать!

Вошедшихъ чиновниковъ губернаторъ принялъ сухо и строго: бумагу Рубашкина Тарханларову подалъ не сразу:

— Вамъ командировка отъ меня черезъ губернское правленіе! сказалъ губернаторъ совѣтнику, не смотря на него.

— Слушаю-съ!

— Далеконько однако...

— Слушаю-съ!

— Къ вашему знакомому... Рубашкина знаете? Онъ отсюда черезъ оранжерею сейчасъ вышелъ, былъ у меня...

— Не видѣлъ, но радъ исполнить приказаніе вашего превосходительства...

— Вы съ нимъ пріятель?

— Въ Петербургѣ служили вмѣстѣ! солгалъ мелодчина со-
вѣтникъ, стоя на вытяжку: — поохотиться на рыбку звалъ...

— То-то на рыбку... знаю! Вы бы тамъ щуку-то одну намъ
поймали: уродъ какой-то тамъ, говорятъ, упирается, не слу-
шаетъ судебныхъ постановленій... Какая-то помѣщица, еущая
азиатка!

— Слушаю-съ.

— Велите заготовить сейчасъ бумагу. Вы знаете, я отклады-
вать не люблю. Слышите?

Тарханларовъ умышленно замаяся.

— Да! У васъ жепя родила...

— Ничего-съ, я готовъ приказъ вашъ выполнить. Но поз-
вольте чиновника въ помощь подобрать надежнаго и знающаго:

— Если вы такъ усердны, очень радъ, кого угодно. А! И
вы здѣсь, г. Ангелъ! прибавилъ губернаторъ.

Титулярный совѣтникъ Ангелъ, обрусѣлый грекъ, двадцать
шесть лѣтъ исполнявшій должности становыхъ въ разныхъ
окольных частяхъ тѣхъ мѣстъ юговостока Россіи, выжига изъ вы-
жигъ, съ длиннѣйшими усами, человекъ безъ страха и отступле-
ній, на видъ увалень, а на дѣлѣ — огонь и битый, какъ самъ
онъ выражался, до десяти разъ всякимъ сбродомъ, почтительно
поклонился губернатору.

— Что вамъ?

— Изъ роетовскаго уѣзда слышно-съ чай на Волгу контра-
бандный перевалили. Не прикажете ли поискать? спросилъ сы-
щикъ.

Губернаторъ взглянулъ на Тарханларова. Тотъ сдѣлалъ кис-
лую мину.

— Охъ, ужь мнѣ эти чай. Не согласенъ! сказалъ губерна-
торъ: — больше на прогоны выходить, чѣмъ этихъ чаевъ оты-
щешь. Да, Тарханларовъ! Вотъ кстати вамъ и помощникъ! Бе-
рите его съ собою въ эту командировку. Велите заготовить къ
вечеру бумаги и съ Богомъ. Прощайте, господа! Очень радъ!

Чиновники ушли, а губернаторъ, сказавши жандарму, чтобъ

ниного не принимала, ευραдио потянулся, надѣлъ штатскій шелгольской пиджакъ, посмотрѣлся въ зеркало, шодрнулъ усши, взялъ книжку французскаго журнала и сѣлъ къ окну читать, заставившись отъ праздныхъ зѣвакъ штофнымъ зеленымъ экранчикомъ.

— Все сдѣлано, сказалъ Тарханларовъ къ вечеру Рубашкину, который успѣшилъ выдать Саддукѣву заемное письмо на двѣ тыщи: — бумаги у меня; часть отъ себя я уже послалъ по эстафетѣ на счетъ получателей въ уѣздъ, страпчему, исправнику и становому. Изъ предводительскую канцелярiю послалъ особое рѣзкое отношенiе. Словомъ, пока мы на почтовыхъ къ утру будемъ тамъ, я надѣюсь, что виновники во всѣхъ этихъ адскихъ умущевiяхъ придутъ уже къ нѣкоторый должный тренеть. Ёдемъ мы въ моей коляскѣ: вы и я, а давный мнѣ помощникъ уже уѣхалъ впередъ. Прошу уминать ко мнѣ в сейчасъ-же послѣ ужина ёдемъ на всю ночь...

Рубашкинъ горячо обнялся съ Саддукѣвымъ, пришедшимъ его провожать къ Тарханларову.

— Ну, прощайте, берегите свое здоровье, это главное! сказалъ генералу шопотомъ учитель: — многое не удастся, такъ хоть годами-то возьмете! А на всякiй случай пена — вотъ вамъ еще триста пѣлковыхъ. Это уже мои собственные послѣднiя крохи. Поправитесь, воротите. Да пишите мнѣ оттуда!

Бойкiе почтовые кони изъ донскихъ, какъ бы чувствуя, что везутъ такого доку, какъ Тарханларовъ, подхватили его колыску живо и отъ грома въ понесли ее четверной по стихавшимъ улцамъ города.

А. СМАРГОНСКIЙ

УВОЛЬНИТЕЛЬНОЕ СВИДѢТЕЛЬСТВО

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НЕПРОПАВШАГО ЧЕЛОВѢКА)

Самое критическое время въ моей жизни, сколько теперь помню, былъ 183. годъ. Я кончилъ курсъ въ московскомъ Трехсвятительскомъ училищѣ и на публичномъ экзаменѣ получилъ похвальный листъ и книгу. Въ этомъ году на экзаменѣ былъ у насъ попечитель, баронъ М. Подавая мнѣ книгу и листъ, онъ подозвалъ мою мать — отецъ по занятіямъ своимъ не могъ быть на экзаменѣ — и спросилъ кто мы такіе и что намѣрены со мной дѣлать. Мать отвѣчала, что отецъ мой, московскій мѣщанинъ, занимается на конторѣ при парчевой фабрикѣ купца К., и что имъ хотѣлось-бы пустить меня въ гимназію и потомъ въ университетъ, но не знаютъ, достанетъ-ли на это средствъ. Попечитель похвалилъ меня и совѣтовалъ не оставлять этого намѣренія.

Мы нанимали въ то время маленькую квартирку въ двѣ комнаты въ домѣ знакомаго отцу священника, въ приходѣ Петра и Павла, въ Басманной. Священникъ этотъ былъ лысый старичекъ, лѣтъ подлѣ семьдесятъ, очень бодрый, маленькій, живой, веселенькій. Только въ церкви улыбка и шутка сходили съ его румянаго, добродушнаго, вѣчно-смиющагося лица. Съ женой своей, поленькой и тоже доброй старушкой въ бѣломъ чепчикѣ, съ кухаркой Маврой, которую онъ называлъ просвиркой, съ гостями и жильцами, съ дѣтьми и взрослыми онъ иначе не говорилъ, какъ пересыная свою рѣчь разными шутками и поговорками. Лѣтомъ, когда онъ выйдетъ бывало въ саржевомъ коричневомъ подрясничѣ, съ заплетенными въ жиденькую косичку волосами, и сядетъ на лавочкѣ у воротъ, выходящихъ на монастырь, то-есть на церковный дворъ, — онъ виною не пропу-

ститъ безъ привѣта или какой-нибудь добродушной шутки. Зато и мимо его рѣдко кто проходилъ безъ поклона и веселаго выраженія въ лицѣ. Даже знакомые разнощии, подходя къ его окнамъ, заранѣе улыбаются и выкрикивали названіе своего товара иривѣе обыкновеннаго.

Когда мы воротились съ матерью изъ училища и вошли къ себѣ на дворъ, Семень Алексѣичъ, въ своемъ саржевомъ подрясникѣ, держа въ рукѣ клѣтчатыи бумажный платокъ, вытопая изъ палисадника индюшекъ, которыя любили иногда забираться туда и клевать черную смородину, къ большому горю попадаи. Онъ увидѣлъ насъ, притворилъ садовую калитку и пошелъ навстрѣчу къ намъ, съ лицомъ заранѣе уже настроеннымъ на его обычныи шутки. Мать протянула руку, онъ благословилъ ее, и на мгновение сбѣжавшая улыбка опять показалась на его румяномъ лицѣ.

— Ну что, Шашура, сказалъ онъ мнѣ: — каково наши угодили вывезли? Геометрія не утопила? Э! да ты никакъ не съ пустыми руками воротился: дворянскую грамоту что-ли получилъ?

— Слава-богу, батюшка, отдѣчала мать: — все такъ благополучно кончилось у Сашеньки, какъ я и не ожидала отъ Господа.

— Тото вотъ: Богъ-то — не люди, не все съ поклона даетъ, иногда и такъ посылаетъ. Показывай-ко, Шаша, свои документы. Эва! не одна ставленная грамота, и книга еще... Молодецъ! на катихизисѣ небось выѣхалъ! сказалъ онъ, прищуривая на меня одинъ глазъ и вынимая изъ кармана очки въ потертомъ кожаномъ футлярчикѣ.

И онъ принялся читать сначала мой похвальный листъ, а потомъ подпись на книгѣ съ именами зрителя и учителей, и не пропустилъ даже оттиснутаго на переплетѣ золотыми буквами казеннаго девиза «за успѣхи и благонравіе».

— Ну, спасибо нашимъ святымъ! проговорилъ Семень Алексѣичъ, когда мать рассказала ему о томъ что говорилъ съ ней на экзаменѣ попечитель: — посылай-ка, Лизавета Ивановна, за портнымъ.

— Начто же это, батюшка, спросила мать.

— Гимназическій сертукъ заказывать... Надо Кана (1) позвать, съ кузнецкаго моста! Что въ далекіе-то сундуки откладывать: вака-

(1) Известный въ Москвѣ въ то время портной.

ца не увидишь какъ пройдутъ... Это не то что учебное время; на гулянкахъ часы—то короче. Такъ ли, Шашура?

— Охъ, батюшка, вы знаете какъ бы мнѣ это хотѣлось; кажется послѣдній бы кусокъ на это отдала, да вамъ известны вѣдь наши достатки-то. Вотъ Петръ Николаичъ—то мой не то говорить: ему хочется Сашеньку по купеческой части пристроить; раньше, говорить, клѣбъ доставать будетъ.

— Ишь ему аршинъ—то въ голову засѣлъ. Одного сына пристроилъ по коммерціи, ну и будетъ. Что онъ самъ—то на щетахъ цѣлый день щелкаетъ, большое небось себѣ состояніе нащелкалъ. Много ли у васъ тысячъ въ лонбардѣ—то лежитъ?

— Ужь такъ много, что и не принимаютъ больше, шутя отвѣчала мать.

— Ну, такъ значить торговлю—то можно и другимъ уступить. Я вотъ потолкую съ твоимъ благовѣрнымъ—то. Пирогъ—то завтра печешь ли, Лизавета Ивановна?

— Печемъ, батюшка.

— И рюмка травнику есть?

— Какъ не найти.

— Такъ скажи ты Петру Николаичу—то, что я отъ обѣдни къ вамъ прямо зайду объ нашемъ гимназистѣ потолковать.

— Ужь не оставьте, батюшка; Петръ Николаичъ такъ почитаетъ васъ.

— А вотъ увидимъ: коли почитаетъ, такъ мы изъ его почтенія—то хоть шубу и не сошьемъ, а ужъ сертукъ съ краснымъ воротникомъ какъ богъ—святъ выкроемъ. Балуй же, бѣги теперь, Шаша; вотъ тебѣ мое благословіе.

Мать осталась еще на дворѣ съ Семеномъ Алексѣичемъ, а я побѣжалъ къ себѣ во флигель.

Это было, какъ помню теперь, въ субботу. По этимъ днямъ отецъ обыкновенно обѣдать не приходилъ, а оставался на фабрикѣ до поздней ночи — сводилъ недѣльные счета, рассчитывалъ ткачей и размотчицъ шолка. На этотъ разъ, во вниманіе къ моему экзамену и похвальному листу, мать дала мнѣ полную свободу и даже позволила не идти ко всеобщей. Служба эта была мнѣ особенно не по душѣ. Изъ всей недѣли я въ то время больше всего любилъ субботу. Въ другіе дни, когда бывало придешь изъ училища, надобно было готовить уроки, читать съ матерью, а въ послѣдній годъ идти еще

къ Семену Алексѣичу заниматься полатыни. По воскресеньямъ утро проходило у обѣдни, а вечеромъ ужь нужно было учить уроки къ понедѣльнику. Субота же была день самый свободный, не отвлеченный учебными заботами: изъ училища отпускали тутъ въ двѣнадцать часовъ, и кажется въ это утро сами учителя были добры.

Придешь бывало домой веселый и довольный. На монастырѣ у насъ такая славная трава; въ одномъ углу растутъ широколистные лопухи, изъ которыхъ мы дѣлали зонтики, въ другомъ репейникъ съ зелеными и красными колючими шишками. За церковью лежитъ почерѣвшая могильная плита съ какою-то полуистертой славянской надписью, а подѣ нею вѣтвистая рябина. Тутъ собирались дѣти изъ всѣхъ окрестныхъ домовъ; здѣсь мы обыкновенно бѣгали, возились и играли въ войну, стрѣлая другъ въ друга шишками репейника. И вотъ настанетъ бывало суботній вечеръ, теплый, тихій. Вокругъ церкви съ пронзительнымъ визгомъ летаетъ стая неугомонныхъ ласточекъ; надъ дворомъ, распластавъ крылья, медленными и широкими кругами плаваетъ коршунъ, а всторонѣ, распустя молчаливый хвостъ, неподвижно стоитъ змѣй, и глазъ различаетъ на свѣтломъ небѣ его длинную нитку, пропадающую за сосѣдней крышей. Бѣгаешь себѣ, беззаботный и счастливый.

Но вотъ раздастся медленный ударъ нашего колокола — и сердце замретъ отъ тоски. Это начинаютъ благовѣстить ко всенощной. — Саша! кричитъ мать: — иди одѣваться, пора! Простите наши веселыя дѣтскія игры! Лѣниво бредешь одѣваться, а отецъ торопитъ. Вонъ ужь Семень Алексѣичъ вышелъ изъ воротъ въ широкополой шляпѣ, опираясь на высокую намышевую трость съ серебряннымъ оконечникомъ. Вотъ и дьячекъ, завидя его съ колокольни, началъ выработывать разсыпчатый трезвонъ во всѣ мелкіе колокола. И стоишь печально въ церкви, и нескончаемо долго тянется служба. Солнце еще далеко не сѣло; въ отворенныя окна врывается визгъ порхающихъ ласточекъ, слышатся голоса и рѣзвый смѣхъ играющихъ дѣтей, а сердце такъ и рвется за эти рѣшотчатыя окна, въ которыхъ стоитъ полосами синій дымъ поднимающагося ладона. Вотъ отзвонили къ евангелію; солнце садится и какъ-будто на прощанье заглядываетъ еще въ узенькія окошки наверху купола. Свѣчи передъ алтаремъ становятся замѣтнѣе и свѣтлѣе. Скоро кончится печальная служба; но не слышно болѣе ни ласточекъ, ни дѣтскаго голоса. Выходимъ изъ церкви — и на монастырѣ никого ужь нѣтъ,

кромѣ старушонки-богадѣленки, которая бродить, отыскивая пропа-
вшую курицу. Возвращаемся домой, ужинаемъ, и отецъ посылаетъ
спать.

Но въ день экзамена всенощная показалась мнѣ чрезвычайно ко-
роткой, и самый звонъ нашихъ колоколовъ нисколько не противнымъ.
Весь вечеръ пробѣгалъ я съ товарищами на монастырскомъ дворѣ.
Между разными другими играми мы затѣяли войну и послѣ разныхъ
перемѣнъ боевого счастья дали послѣ второго звона «бородинское
сраженіе» у могильной плиты. Пальба репейниками шла у насъ съ
такой энергіей и побѣдные крики раздавались такъ восторженно,
что изъ алтаря послышался довольно громкій стукъ въ стекло; доб-
родушное лицо Семена Алексѣича безъ улыбки выглянуло изъ цер-
ковнаго окна, и поднятая рука погрозила намъ пальцемъ.

На другой день послѣ обѣдни составился у насъ въ квартирѣ
семейный совѣтъ, на которомъ рѣшалась моя будущая судьба. Толь-
ко-что мы воротились изъ церкви, и мать приготовила на кругломъ
столикѣ передъ диваномъ графинчикъ съ настойкой, бутылку вина и
нѣсколько тарелокъ съ икрой, балыкомъ и другими закусками, —
вошелъ Семенъ Алексѣичъ въ зеленомъ шелковомъ подрясникѣ съ
бархатными нарукавниками, опоясанный широкимъ поясомъ, выши-
тымъ по канвѣ большими яркими цвѣтами. Румяное лицо его, какъ
и всегда, освѣщено было улыбкой.

Перекрестясь передъ образомъ, онъ благословилъ отца и мать,
и оборотясь ко мнѣ, опустилъ руку въ карманъ подрясника.

— На-ко вотъ тебѣ за геометрію хлѣбца, сказалъ онъ, подавая
мнѣ просвиру. — Только вчера вы, французы этакіе, служить мнѣ не
дали съ вашей игрой... Въ другой разъ такъ воевать будете — на
колѣни поставлю подъ большой колоколъ.

— Я ужъ слышалъ объ этомъ и побранилъ его, сказалъ отецъ.
Прошу покорно садиться, батюшка, вотъ сюда, на диванъ-то. Да-
вайте, Лизавета Ивановна, пирогъ. Милости просимъ, благосло-
вите!

— А вотъ сей-часъ, дай только зубы наточить: вѣдь они у меня
со вчерашняго вечера не работали.

— Такъ настоечки-то пожалуйте.

— Пропустимъ сей-часъ. Господи благослови, прибавилъ онъ,
наливая рюмку травнику.

— Пирожка-то горячаго, батюшка! сказала мать.

— Дай сронъ, Лизавета Ивановна, весь съѣдимъ. Я самъ напро-
сился, такъ дремать не буду: въ алтарь да за обѣдомъ спать не
люблю. Вишь и пирогъ-то какъ у васъ зарумянился, словно еро-
феичу хлебнулъ.

Семенъ Алексѣичъ выпилъ рюмку настойки, присѣлъ на диванъ
и занялся пирогомъ. Мать съ большимъ удовольствіемъ слѣдила за
его аппетитомъ. Отецъ тоже присѣлъ къ столу.

Немного погодя Семенъ Алексѣичъ обратился къ отцу.

— А вѣдь я пришолъ къ тебѣ, Петръ Николаичъ, объ дѣлѣ по-
толковать. Говорилъ я тебѣ, что Шапа-то лицомъ въ грязь не уда-
рять: слышалъ что попечитель о немъ говорилъ?

— Я благодарю Господа, батюшка, что онъ помогъ Сашенькѣ
такъ хорошо кончить.

— Такъ надо подумать какъ ему дальше полвти.

— Вы изволите говорить насчетъ гимназіи да университета.
Меня въ этомъ, признаться сказать, сомнѣніе беретъ. Какъ-то еще
тамъ онъ пойдетъ, это одному Богу извѣстно.

— Эхъ, Петръ Николаичъ, за что ты Шашуру-то обижаешь?
Видѣлъ что изъ училища-то онъ принесъ; отчего-жъ ему и въ гим-
назію не идти! Объ двухъ головахъ чтоли тамъ дѣти-то? Послѣд-
нимъ, я тебѣ говорю, не будетъ.

— Боюсь, не избаловался-бы онъ тамъ.

— А ваши купеческіе смиренники меньше чтоли гуляютъ по
Марьинымъ-рощамъ, да Перовскимъ-трактирамъ. Баловникъ и въ
раю избалуется

— Другое дѣло, батюшка, недостатки наши: на шесть-сотъ
рублей въ годъ не богъ-знаетъ что подѣлаешь. По дому-то, вамъ
извѣсто, не мало требуется: надобно обути, одѣть, напоить, накормить,
подати заплатить...

— Ну, запѣлъ свои стихиры!

— Вы не сердитесь, батюшка, на Петра Николаича — вступи-
лась мать, — не мало вѣдь намъ въ самомъ-дѣлѣ всего надобно, а
онъ у насъ одинъ добычникъ-то.

— Нѣтъ, не одинъ, Лизавета Ивановна: у него помощникъ
есть.

— Какой-же помощникъ, батюшка? спросилъ отецъ.

— А Богъ-то.

— Такъ-то оно такъ, батюшка, да тягостей нынче много. А хо-

заяинъ—то вонъ видѣлъ сашино письмо: говорить, что на коятору возьметъ его съ удовольствіемъ и на первый разъ десять рублей въ мѣсяцъ жалованья положить. А тамъ ему въ гимназіи да въ университетѣ надо вѣдь восемь лѣтъ пробыть, да все на отцовской шеѣ — и сертукъ, и сапоги, и книги подавай готовые. А увольненіе—то отъ общества? чего оно станеть!

Семень Алексѣвичъ вскочилъ съ дивана. Видно было, что онъ начинаетъ сердиться: улыбка его правда не пропала, но изъ добродушной она сдѣлалась строгой и иронической. Онъ проползъ изъ угла въ уголъ комнаты и остановился передъ отцомъ.

— Вонъ она ваша вѣра—то какая! заговорилъ онъ рѣзкимъ голосомъ, что съ нимъ случалось очень рѣдко: — На мѣдный грошъ вищему: да на свѣчку пятикопѣечную вамъ хватаетъ, а когда нужно жизненные тяготы нести, чтобы родного сына человѣкомъ сдѣлать, такъ тутъ мы и духомъ падаемъ и роптать начинаемъ. Вонъ Лизавета Ивановна — женщина, тоже свои тягости несетъ по семейству, да въ ней больше терпѣнія—то и любви. А ты видно въ жизни—то христіанской одинъ бы медъ пилъ, да просвирами закусывалъ, а отъ вѣнца—то тернового, что Христось носилъ, на четверенькахъ прочь небось ползешь.

Отецъ видимо былъ смущенъ этой неожиданной филиппикой и стоялъ молча съ отпитой до половины рюмкою вина въ рукѣ. Въ это время мать дала мнѣ хорошую порцію пирога; и я вышелъ въ другую комнату: благоуханный пирогъ давно уже соблазнялъ меня и кажется занималъ не меньше, чѣмъ этотъ крупный разговоръ, въ которомъ дѣло шло о моей будущности. Тутъ пришелъ одинъ изъ товарищей, учившійся въ Лазаревскомъ институтѣ, звать меня на монастырь. Мнѣ конечно было нельзя, и мы только поговорили на дворѣ. Когда я воротился, то засталъ уже Семена Алексѣвича на порогѣ и тотчасъ же догадался, что побѣда была на его сторонѣ. Запустя руки подъ свой вышитый цвѣтами поясъ, онъ улыбался веселѣе обыкновеннаго. Мать тоже была кажется очень довольна, и даже отецъ мой замѣтно повеселѣлъ.

— Не дремли—же теперь, Петръ Николаичъ, ни однимъ глазомъ — говорилъ Семень Алексѣвичъ; — а пристойишь Шашу — хоть въ церкви храпи, — не взыщю. О щакъ и кашѣ на заботься: только—бы куплено было, Лизавета Ивановна сварить; а ты намъ добывай увольненіе отъ общества. Вѣдь что будешь дѣлать, все узнаю: великій

ность не за Араратскими горами; придешь къ исповѣди, я на сердце-то твое съ изнанки посмотрю; у меня ни одного пятнышка на совѣсти не спрячешь.

— Ужъ надобно хлопотать, батюшка.

— Тотое, смотри. Пора однако мнѣ подѣ свой виноградникъ и смоквоницу: заждалась чай моя попадья-то. Славный пирогъ у тебя, Лизавета Ивановна! Кабы я экзамены дѣлалъ, я бы тебѣ похвальный листъ выдалъ съ золотымъ заголовкомъ.

— Цокорно васъ благодарю, батюшка.

— Будеть у меня дочь, Богъ-дасть, да подростеть — я ее къ тебѣ въ науку пришлю, Лизавета Ивановна. Хорошъ пирогъ, Шашура? небось августѣ нашихъ супинъ да герундіумъ?

И онъ ушолъ, провожаемый поклонами отца и матери.

Дѣло было рѣшено: отецъ согласился на опредѣленіе меня въ гимназію. И надобно сказать, что однажды рѣшась на это, онъ очень дѣятельно принялся хлопотать по главному вопросу о моемъ увольнительномъ свидѣтельствѣ. Два черезъ два явился къ намъ Мартынъ Иванычъ, грязенькій подъячій; въ буро-жженомъ фракѣ съ лакированными рукавами и съ остатками сѣрыхъ волосъ на красномъ затылкѣ, которые онъ зачесывалъ по черепу въ видѣ какаго-то щетинистаго вѣера. И прежде онъ нарѣдка заходилъ къ намъ по большимъ праздникамъ поздравить отца и мать, за что обыкновенно получалъ рюмку травнику съ приличной закуской. Не смотря на то что отецъ не жаловалъ его, а называлъ по-сумароковски крапивнымъ сѣменемъ, ему на этотъ разъ выставленъ былъ цѣлый графинъ настойки и большая селедка, съ чѣмъ онъ и распорядился такъ, что посуда осталась совершенно пустая. При прощаньи отецъ что-то положилъ ему въ руку. Я узналъ, что Мартыну Иванычу поручено хлопотать о моемъ увольнительномъ свидѣтельствѣ, за что обѣщано по окончаніи всего дѣла пятнадцать рублей ассигнаціями. Послѣ этого онъ приходилъ къ намъ всякую недѣлю, выпивалъ графинчикъ и съѣдалъ цѣлую селедку, послѣ чего обыкновенно двѣ или три пряди волосъ отдѣлялись отъ его головного щита и сѣрыми клочками опускались по грязной спинѣ.

Но я мало слѣдилъ за ходомъ дѣла о моемъ увольненіи. Въ это время случилось обстоятельство, которое имѣло на меня большое нравственное вліяніе. Надобно сказать, что я до сихъ поръ почти ничего не читалъ: кромѣ учебныхъ книгъ я зналъ тольбо «сто че-

тыре священныя исторіи» съ картинками. Книгу эту я прочелъ съ матерью разъ двадцать съ первой до послѣдней страницы и зналъ всю на память, кромѣ только напечатанныхъ подъ разсказами нравоученій, которыя всегда казались мнѣ противными. Читалъ я еще романъ Дюкре-Дюмениля «Долотта и Фанфанъ или приключеніе двухъ сиротъ на пустынномъ островѣ». Помню, что я читалъ эту сказку съ удовольствіемъ, но большого впечатлѣнія она на меня не произвела. Мать моя очень любила читать, и я видалъ у нея часто разные старинныя романы Ратклифъ, Коттень, Дюкре-Дюмениля, но меня она къ чтенію не приохочивала, не изъ пуризма, а съ тѣмъ кажется, чтобы не отвлекать отъ серьезныхъ занятій. Впрочемъ, по нашему кругу знакомства и книгъ доставать было почти негдѣ. Въ училищѣ же у насъ о чтеніи не было и помину, и только въ послѣдній годъ учитель грамматики прочелъ намъ Шильонскаго Узника, но прочелъ такъ, что я половины въ немъ не понималъ. О Пушкинѣ я и не слыхивалъ.

Но въ это лѣто мать говорить мнѣ однажды утромъ :

— Знаешь, Саша, кто въ мезонинъ-то къ намъ переѣхалъ? Въдъ онъ въ городѣ книгами торгуешь. Кажется хорошій человекъ; сегодня мы вмѣстѣ молоко покупали и разговорились. Приласнайся-ко къ нему: онъ тебѣ чегонибудь почитать дастъ. Теперь уроковъ-то у тебя нѣтъ; все бы время не безъ пользы проходило.

Въ самомъ дѣлѣ новый жилецъ былъ книгопродавецъ и торговецъ, какъ я узналъ послѣ, въ небольшой лавочкѣ у инокольскихъ воротъ. Мнѣ скоро удалось съ нимъ сойтись. Это былъ человекъ очень услужливый. Я сообщилъ ему, что готовлюсь въ гимназію и просилъ чего-нибудь почитать. На другой же день работница его подала мнѣ порядочную пачку книгъ. Мать выбрала что-то для себя, а я взялъ четыре маленькія книжки, у которыхъ прочелъ заглавіе: «Ивангое или возвращеніе изъ крестовыхъ походовъ; сочиненіе Вальтеръ-Скотта». Помнится, я выбралъ эти книги потому, что на послѣднемъ экзаменѣ въ училищѣ мнѣ пришлось отвѣчать о крестовыхъ походахъ. Съ первыхъ страницъ романъ мнѣ не понравился, но потомъ началъ мало-помалу занимать, и наконецъ эти новыя для меня лица — пастухъ Гуртъ, король Ричардъ, рыцарь, жидовка Ревекка — стали втягивать меня въ какой-то новый міръ, открывать мнѣ новую, обольстительную жизнь; я читалъ съ увлеченіемъ, съ жадностью, до тѣхъ поръ незнакомою. Тутъ я въ пер-

выйти: развѣ позволѣть какъ можно наслаждаться чтеніемъ. На другой день за вѣснощной я не слышалъ ни крика ласточекъ, ни смѣха дѣтей: передо мной мелькали пустыняки, Ревекка, Тамплиеръ, и страшно было досадно, что меня отрываютъ отъ этого чуднаго міра.

Два раза прочелъ я Ивангое, и ложась спать и вставая думалъ о томъ, какъ бы совсѣмъ кушить эту книгу. Мнѣ казалось, что такой нѣтъ уже другой и на свѣтѣ. И когда я узналъ отъ жильца, что романъ стоитъ десять рублей, мнѣ стало ужасно горько: о такомъ капиталѣ нечего было и мечтать. Съ сожалѣніемъ возвратилъ я книгу, но узналъ при этомъ, что Вальтеръ-Скоттъ сочинилъ еще нѣсколько такихъ же романовъ. Я просилъ и умолялъ жильца дать мнѣ еще какое-нибудь сочиненіе этого писателя. Мать позволила мнѣ самому идти выѣсть съ нимъ въ лавку. Тамъ пришла мнѣ мысль, какъ бы хорошо сдѣлаться книгопродавцемъ, читать всѣ хорошія книги и завести понемногу свою особенную библіотеку, которую держать бы ужь дома и никому не продавать. Эта мысль такъ понравилась мнѣ, что я нѣсколько времени желалъ даже, чтобы мое опредѣленіе въ гимназію какъ-нибудь не состоялось. Въ этомъ я однажды открылся матери и сказалъ, что если не дадутъ намъ увольненія, то я не пойду на контору, а буду книгопродавцемъ. На это мать замѣтила только, что надѣется кончить благополучно дѣло и опредѣлитъ меня въ гимназію.

Въ лавкѣ пересмотрѣлъ я нѣсколько десятковъ книгъ и выбралъ на этотъ разъ еще четыре небольшіе томика съ заглавіемъ: «Кентень Дюрвардъ или шотландецъ при дворѣ Людовика XI». Съ тѣмъ же лихорадочнымъ увлеченіемъ прочелъ я и этотъ романъ Вальтеръ-Скотта. Отецъ былъ на фабрикѣ, мать ушла къ роднымъ, а я на свободѣ такъ зачитался, что забылъ совсѣмъ о латинскомъ урокѣ, и придя на другой день къ Семену Алексѣичу, не зналъ рѣшительно ни одного слова изъ того что было задано.

— Эге, Шашура! сказалъ онъ: — Что съ тобой подѣлалось? Отчего урока не раскусилъ? На дворѣ я что-то не видалъ тебя, или захвалили больно! Неужто ужь лѣни начинаешь праздновать?

Я сказалъ ему, что всѣ два дня читалъ сочиненіе Вальтеръ-Скотта и забылъ приготовить урокъ, но къ слѣдующему разу выучу вдвое. Я просилъ на первый разъ извинить меня.

— Не ладно, не порядокъ! заговорилъ онъ. — Отецъ-то твой

до романовъ, я знаю, не охотникъ; какъ узнаешь, что ты на нихъ уроки промѣнялъ, онъ вѣдь чего добраго и на березовой невѣстѣ посватаетъ. Смотри, на дѣло-то напирай, Шаша, а романы отъ тебя не уйдутъ. Что это за Скотъ такой?

— Англійскій писатель!

— И хорошъ?

Я рассказалъ Семену Алексѣичу, какъ умѣлъ, содержаніе обоихъ романовъ.

— Надо почитать! сказалъ онъ: — я до историческаго и самъ охотникъ. А читалъ ли ты русскіе-то наши романы?

— Какіе?

— Да вотъ сочиненіе господина Загоскина?

— Нѣтъ!

Семень Алексѣичъ всталъ и подошелъ къ дверямъ другой комнаты.

— Матушка, попадья! крикнулъ онъ: — Гдѣ ты заснула? На лавкѣ, али на печи? Дай-ко тамъ въ спальнѣ книги на столѣ, въ розовой бумажкѣ. На вотъ, держи первую часть. Да смотри: не будешь знать у меня герундія, — остальныхъ не дамъ, да еще такъ слѣмаю, что и отъ другихъ ни отъ кого не достанешь. Читай ступай, благословясь.

И онъ подалъ мнѣ первую часть Юрія Милославскаго. Эта книга окончательно привязала меня къ чтенію. Въ три дня до слѣдующаго урока я прочелъ ее нѣсколько разъ и готовъ былъ плакать, что у меня не было остальныхъ частей. А Семень Алексѣичъ, какъ я ни ластился къ нему, не давалъ, да еще поддразнивалъ меня; встрѣчая на дворѣ, онъ неразъ спрашивалъ: ну что, прочелъ ты какъ поляка-то гусемъ угощали? У меня уже шевельнулась было нехорошая мысль: не попросить ли это сочиненіе у жильца; однако я удержался, да послѣ оказалось, что этотъ самый экземпляръ былъ взятъ тоже у него. Но хоть послѣднюю часть я прочелъ только черезъ двѣ недѣли, а все же дѣло въ томъ, что Семень Алексѣичъ отъ усильнаго чтенія романовъ лечилъ меня тоже романами.

Когда мать узнала, что за незнаніе урока, нѣ приготовленнаго по милости Вальтеръ-Скотта, онъ далъ мнѣ читать Загоскина, она сказала:

— Батюшка, очень вы Саню-то балуете.

Кн. I. — Отд. I.

— Полно-ко, полно! заговорилъ онъ : — вѣдь на одной латыни-то нашей одеревенѣешь... Онъ и такъ ужь полатыни знаетъ на два алтына, надо и сладенькимъ иной разъ покормить. Ты вотъ сама, Лизавета Ивановна, любишь за романами сидѣть ; чѣты-ми-ней я что-то не видалъ у тебя!

Между-тѣмъ дѣло о моемъ увольнительномъ свидѣтельствѣ по-двинулось впередъ.

Однажды вечеромъ пришелъ Мартынъ Иванычъ и сообщилъ, что въ такой-то день наше дѣло будетъ слушаться въ засѣданіи мѣщанскаго общества, и отцу необходимо явиться самому въ присутствіе, чтобы выслушать рѣшеніе. Выливая рюмку за рюмкой въ широкій ротъ свой, онъ твердилъ : «мы съ своей стороны все слѣдали, теперь вы у головы работайте.»

И на другой же день начали работать у головы. Семень Алексѣичъ отправился на своихъ широкихъ, полинялыхъ дрожкахъ къ соборному протопопу и воротился отъ него съ запечатаннымъ письмомъ, которое отецъ долженъ былъ въ слѣдующее утро отнести къ городскому головѣ. Кромѣ того отецъ ходилъ еще просить своего хозяина, купца К., замолвить въ нашу пользу кое-кому изъ гласныхъ въ думѣ, гдѣ у него было много знакомыхъ. Тотъ обѣщаль, хотя остался недоволенъ, что меня рѣшили отдать въ гимназію. «Экіе казовые дворяне!» проговорилъ узнавъ объ этомъ Семень Алексѣичъ.

Наконецъ насталъ день, когда должна была рѣшиться моя судьба въ городскомъ обществѣ. Отецъ бралъ и меня съ собой въ думу, можетъ-быть въ томъ предположеніи, что личное присутствіе мое смягчитъ грозный ареопагъ. Впрочемъ помнится, это присовѣтовалъ Мартынъ Иванычъ. Мать была въ это утро очень озабочена, и приготовляя намъ чай и закуску, изрѣдка утирала слезы. Отецъ говорилъ серьезнѣе обыкновеннаго. Отправляясь въ дорогу, мы по обычаю немного пристѣли. Семень Алексѣичъ, когда мы проходили мимо его оконъ, спрятался за цвѣтами, потому кажется, чтобы не попасться намъ первому на глаза, чтó какъ извѣстно считается примѣтой неблагополучной.

Мы пошли пѣшкомъ къ Краснымъ воротамъ, мимо училища, куда я бѣгалъ три года, а оттуда по Мясницкой и Лубянской площадки къ Иверской. Разумѣется по желанію отца зашли мы въ ча-

совню. Наконецъ часовъ въ десять мы были у входа въ мѣщанскій ареопагъ.

— Отряхни, Саша, сапоги! сказалъ мнѣ отецъ : — видишь какая пыль!

Мы обмахнули носовымъ платкомъ пыль съ нашихъ сапоговъ на самомъ порогѣ святилища и поднялись по лѣстницѣ въ приемную.

Это была довольно просторная и значительно-грязная комната, со стѣнами засаленными внизу отъ мѣщанскихъ спинъ. На нихъ висѣли въ деревянныхъ рамкахъ и просто на гвоздикахъ разныя печатныя и писанныя объявленія и извѣщенія. Подъ окнами былъ столъ, на которомъ лежала груда письменныхъ книгъ. Кое-гдѣ разставлено было съ десятокъ стульевъ.

Мы пришли почти первые. Но мало-помалу комната стала наполняться просителями, чающими какихъ-нибудь благъ отъ мѣщанской думы. Вошелъ какой-то сгорбленный съдой старикъ, съ сильно трясущейся головой и костлявыми руками; вошла пожилая женщина, повязанная платкомъ съ рожками на лбу, и съ нею двѣ дѣвочки, одѣтыя въ какіе-то ситцевые обноски. Вошелъ еще молодой мужчина съ краснымъ широкимъ лицомъ и отрощенными до плечъ рыжими волосами, въ черномъ не то кафтанѣ, не то подрясникѣ, опоясанномъ ремнемъ и въ истрепанныхъ, порыжьѣлыхъ башмакахъ съ мигающимъ въ одномъ изъ нихъ большимъ пальцемъ. Набралось еще съ десятокъ лицъ, не такъ типическихъ, которыхъ я теперь не помню. Посѣтители изрѣдка обращались другъ къ другу шопотомъ, но зато вздыхали громко и выразительно. Старикъ медленно и съ глухимъ кашлемъ поворачивалъ трясущуюся голову; женщина въ платочкѣ утирала носъ своимъ дѣвчонкамъ миткалевымъ платкомъ и всякій разъ послѣ этого слезливо высмаркивалась и вздыхала. Молодой человекъ въ черномъ зипунѣ посматривалъ изъ-подлобья, зѣвалъ изрѣдка, крестя ротъ, и вслухъ чесалъ спину, запуская руку такъ глубоко подъ затылокъ, что кажется легко бы могъ укусить собственный локоть. Такъ прошло болѣе часу.

Вдругъ изъ боковой двери вышелъ высокій и плотный чиновникъ въ довольно-приличномъ вицмундирѣ и съ намотанной на шеѣ а вольно-истасканной черной косынкой. Окинувъ взглядомъ нашу чуланку, которая поднялась со стульевъ при входѣ его, онъ началъ

щедро разсыпать во все стороны фразы успокоительнаго свойства, вроде напимѣръ такихъ : « придите завтра ! навѣдайся черезъ недѣлю ! побывайте черезъ мѣсяцъ ! » Это былъ, какъ я узналъ послѣ, секретарь думы. Половина посѣтителей, помявшись кисло на мѣстѣ, начала понемногу выбираться изъ пріемной. Чиновникъ подошолъ къ сгорбленному старику и сказалъ отрывисто :

— Нѣтъ мѣста... навѣдайся осенью ! Теперь вся богадѣльня биткомъ набита.

— Сдѣлайте божескую милость ! бормоталъ старикъ, кланяясь въ поясъ.

— Тебѣ русскимъ языкомъ говорятъ, что мѣста нѣтъ.

— Сдѣлайте божескую милость ! повторялъ старикъ, наклоняясь въ поясъ.

— Нельзя, некуда дѣвать... не на голову же тебя посадить.

— Сдѣлайте божескую милость !

Секретарь нетерпѣливо пожалъ плечами и отошолъ отъ него къ женщинѣ съ двумя дѣвочками, которая стояла у окна, безпрестанно утирая носъ.

— Что тебѣ еще матушка ? Вѣдь ужъ сказано : обѣ записаны... выдетъ очередь — тебя повѣстятъ, и веди ихъ тогда въ училище.

— Да когда же очередь-то выдетъ, ваше высокоблагородіе ?

— Я развѣ кодлунъ... почему мнѣ знать ! Ты бы къ Ивану Яковличу сходила ; онъ бы тебѣ можетъ-быть и сказалъ, а я будущаго не умѣю отгадывать.

— Чѣмъ же мнѣ кормить-то ихъ, ваше высокоблагородіе !

— А кашкой съ сахарцемъ, отвѣчалъ секретарь, и улыбувшись своей остротѣ, отвернулся и подошолъ къ намъ : — Ваше дѣло сегодня слушаютъ, дожидайтесь : скоро докладъ начнется.

Отецъ раскланялся и мы сѣли дожидаться.

— Вамъ тоже сегодня рѣшеніе объявятъ ! сказалъ секретарь молодому человѣку въ черномъ подрясникѣ.

— Не благоизвѣстенъ вашей милости исходъ ? проговорилъ тотъ густымъ басомъ, заправляя за уши свои рыжіе волосы.

— Извольте дожидаться ! отвѣчалъ чиновникъ и ушолъ.

Рыжій проситель почесалъ спину и тоже сѣлъ.

Еще прошло съ часъ. Мнѣ страшно надоѣло это томительное бездѣйствіе, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ освобожденія изъ этой

тюрьмы. Вдруг боковыя двери отворились ; секретарь вошелъ опять въ нашу комнату , громко проговорилъ нашу фамилію и сказалъ :

— Пожалуйте въ присутствіе !

Мы съ отцомъ вошли въ большую комнату. Посрединѣ ея стоялъ длинный столъ , покрытый зеленымъ сукномъ , съ большими висячими кистями по угламъ. На немъ возвышалось призматическое зеркало , увѣнчанное золоченымъ орломъ. На стѣнѣ , прямо передъ входомъ , висѣлъ портретъ императора въ желтой рамѣ , а въ углу въ кіотѣ краснаго дерева со стекломъ видѣлся большой образъ въ серебряной ризѣ. У другой стѣны было два шкапа съ какими-то толстыми книгами. На переднемъ концѣ стола , гдѣ стояла чернильница съ письменнымъ приборомъ и лежали какія-то бумаги , сидѣлъ въ креслахъ человекъ въ черномъ фракѣ , полный и румяный , съ ордевомъ на шеѣ. Это былъ градской голова. По сторонамъ , на тѣсно-поставленныхъ стульяхъ , сидѣло человекъ десять гласныхъ , иные во фракахъ , другіе въ сертукахъ , съ бородами и безъ бородъ , но всѣ болѣе или менѣе съ купеческой физиономіей. У двоихъ свѣтились на шеѣ медали на красныхъ лентахъ. Этотъ-то ареопагъ долженъ былъ рѣшить судьбу мою. Гласные разговаривали между собою въ полголоса и при входѣ нашемъ посмотрѣли на насъ , какъ мнѣ показалось , довольно неласково.

Мы поклонились и стали недалеко отъ градского головы. Онъ порылся съ минуту въ лежавшихъ передъ нимъ бумагахъ и сказалъ :

— Общество уважило вашу просьбу : оно согласно на увольненіе вашего сына въ гимназію и университетъ , съ тѣмъ чтобы вы уплатили на покрытіе узаконенныхъ повинностей семьсотъ рублей. Благодарите общество.

Отецъ поклонился , я также.

— Осмѣлюсь я доложить , началъ отецъ , обращаясь къ городскому головѣ : — такой суммы я заплатить не въ состояніи : жалованья я получаю въ годъ шестьсотъ рублей ; у меня жена , двое дѣтей , надо пить-ѣсть , обуться-одѣться. Недоимокъ за мною , какъ вамъ извѣстно , никогда не было.

— Чтожъ съ этимъ дѣлать ? сказалъ жестко градской голова : — Общество для васъ все сдѣлало. Мы не можемъ даромъ выпускать васъ : на это есть законы , не нами установленные.

— Я это очень чувствую , возразилъ отецъ : — только суммы такой не въ состояніи внести.

Тутъ сѣденькій сухопарый старичокъ въ длинномъ сертукѣ и сборчатыхъ сапогахъ, съ жиденькой сѣрой бородкой и серебряной медалью на шеѣ, который смотрѣлъ на насъ прищурясь и мигающая поминутно красноватыми глазами, нагнулся надъ столомъ и проговорилъ какимъ-то дребезжащимъ голосомъ :

— Да вѣдь ты тройникъ ?

— Такъ точно, въ трехъ душахъ ! отвѣчалъ отецъ.

— Такъ что тутъ толковать ! Вы всѣ готовы ѡбязать отъ солдатчины-то. А кто будетъ рекрутъ ставить, какъ мы васъ изъ общества-то всѣхъ распустимъ : самимъ намъ чтоли за васъ подъ красную шапку идти ?

— Я готовъ заплатить по силамъ, а такой суммы богъ-видитъ мнѣ взять негдѣ, замѣтилъ отецъ.

— Ну, а негдѣ, такъ и разговаривать нечего. Тебѣ и такъ помирволили : надо бы тысячу рублей съ тройника-то взять. Денегъ нѣтъ, такъ въ обществѣ оставь : пускай въ промыслы идетъ.

— Да мальчикъ-то хорошо начальствомъ одобренъ, къ наукамъ усердіе показалъ, похвальнымъ листомъ награжденъ.

— Ладно ! слышали мы эти пѣсни. Къ наукѣ усерденъ ! Всѣ вы усердны, чтобъ податей-то не платить, да въ солдаты нейти. Большая намъ нужда до его науки ! Намъ квитанцію рекрутскую подай, а похвальными листами вашими, съ позволенія сказать... не нужны намъ они !

— Я только о вниманіи начальства сказалъ...

— Шабашъ ! Сказано, принеси семьсотъ рублей, а нѣтъ, такъ и толковать нечего.

— Общество больше ничего не можетъ для васъ сдѣлать, сказалъ градской голова : — желаете дать воспитаніе сыну, такъ ищите средства.

Отецъ поклонился и дернулъ меня слегка за рукавъ. Мы вышли.

Въ приемной мы нашли Мартына Иваныча, который пришолъ узнать объ исходѣ нашего дѣла. Онъ отвелъ отца къ окну, и они начали разговаривать шопотомъ. Въ это время секретарь позвалъ въ присутствіе рыжаго юношу въ черномъ подрясникѣ. Дверь оставалась, какъ и прежде, не затвореною. Меня подмывало любопытство посмотреть что еще тамъ дѣлается, и пока отецъ шептался съ канцелярскимъ сѣменемъ, я подошолъ къ дверямъ. Было видно и слышно все что дѣлается въ присутствіи.

Длинноволосый проситель подошелъ къ градскому головѣ и поклонился въ поясъ.

— Вы въ монастырь проситесь? спросилъ его голова.

— Въ обитель, по призванію! проговорилъ тотъ басомъ.

— Общество положило на васъ восемьдесятъ рублей, да за полтора года числится на васъ недоимки одиннадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ.

— Не имѣю ничего по нищенству своему, пробасилъ снова проситель.

Онъ поклонился въ поясъ и подалъ головѣ какое-то письмо. Тотъ началъ читать его. Въ это время сухопарый старичекъ съ медалью, какъ и прежде, подадся впередъ надъ столомъ своей сѣдой головою, и моргая красными вѣками, закричалъ рабытымъ козлинымъ голосомъ:

— Ничего не имѣешь? Такъ для чего ты не работаешь? Зачѣмъ изъ общества бѣжишь? Вишь какой здоровый да жирный: не больно знать на работу налегалъ.

— Призваніе къ пустынножителству возымѣлъ! возразилъ тотъ.

— Такъ сперва денегъ на подати заработай, да и ступай тогда въ пустыню. Кто будетъ въ казну-то вносить? Пустынники-то небось повинностей не очищаютъ, такъ общество все за васъ плати!

— Я сонное видѣніе видѣлъ... въ видѣніи Господь призываетъ...

— Расказывай басни-то!.. Сонное видѣніе! Ты бы спалъ-то меньше, такъ и видѣній бы не видалъ. Знаемъ мы ваши призванія отъ подушныхъ-то... Заплати девяносто одинъ рубль съ полтиной, да и ступай хоть на печь.

Въ это время градской голова позвалъ сухопараго старика и началъ что-то шептать ему, показывая на письмо. Потомъ онъ обратился къ остальнымъ гласнымъ и сказалъ имъ, что преосвященный просить господъ членовъ думы принять во вниманіе крайнюю бѣдность просителя, лично ему извѣстнаго по смиренной жизни и благочестію. Поэтому, сообщая думѣ отзывъ уважаемаго архипастыря, онъ съ своей стороны предлагаетъ, не угодно ли будетъ господамъ гласнымъ ограничиться при увольненіи просителя взысканіемъ одной только недоимки.

Щедушный старичокъ кивнулъ головой, и члены изъявили согласіе.

Тутъ отецъ позвалъ меня и мы вышли изъ присутственныхъ мѣстъ. Мартынъ Ивановичъ простился съ нами при выходѣ и пошолъ въ другую сторону.

Отецъ былъ замѣтно озабоченъ, всю дорогу вздыхалъ и говорилъ мнѣ, что не знаетъ что и дѣлать, хотя общество поступило съ нами по его словамъ снисходительно.

Но мнѣ дорогой все думалось: что же это за общество, которое мѣшаетъ мнѣ учиться въ гимназiи, и почему оно мѣшаетъ мнѣ? Неужели однимъ дворянамъ можно учиться, думалъ я, а изъ нашего сословія только богатымъ! Или это правда, какъ разъ Семень Алексѣичъ сказалъ, что легче верблюду пройти въ игольные уши, чѣмъ бѣдному мѣщанину въ университетъ. Стало-быть не хотятъ, чтобы мы учились. И зачѣмъ увольненіе теперь брать, а не послѣ ученья, когда захочешь на службу поступить! Тогда легче было бы заплатить... я и самъ успѣлъ бы что-нибудь уроками заработать. И неужели для общества все равно что въ монастырь идти, что въ университетъ? Нѣтъ, вѣрно гимназiи и университеты устроены только для дворянъ. Отчего же и для чего это такъ? Отецъ говоритъ, что дума поступила справедливо, такъ зачѣмъ же не устроить этого какъ-нибудь подругому! Неужели нельзя ничего придумать? Развѣ это кому-нибудь вредно, что у насъ больше ученыхъ людей будетъ!

Тутъ въ первый разъ шевельнулась у меня мысль о сословныхъ различiяхъ и въ первый разъ я почувствовалъ зависть и злобу.

Когда мы пришли къ воротамъ нашего дома, Семень Алексѣичъ застучалъ пальцами въ окно, и наклонясь съдѣнькой головой надъ своими цвѣтущими геранями, закричалъ:

— Что, сошла ли на насъ, Петръ Николаичъ, небесная манна? Иди-ка сюда, да рассказывай что ваши мытари и фарисеи?

Мы вошли въ комнаты, а черезъ минуту пришла и мать, которая давно ждала нашего возвращенiя. Отецъ рассказалъ чѣмъ кончилось дѣло и на чемъ порѣшило общество. Семень Алексѣичъ немного задумался, а потомъ заговорилъ, поглаживая бороду съ своей неизмѣнной улыбкой.

— Ну, и славно, и хорошо! Вѣдь поступились же, кулебячки! Я вѣдь признаться струхнулъ-было. Вѣдь секретарь-то мнѣ говорилъ, что они тысячу заломили. Да вѣрно голова отстоялъ. Ну, теперь конецъ и слава вышнимъ! Шей скорѣе Шашуръ-то гимна-

зическій сертукъ : не все ему романы читать , вѣдь и августъ на дворѣ , скоро ученую братію къ дѣлу позовутъ .

— Да побойтесь Бога , батюшка : вы достатки наши хорошо знаете . Гдѣ я семьсотъ-то рублей возьму ? У меня иногда въ комодахъ-то пятака мѣднаго нѣтъ .

— А сто рублей вѣдь ужь есть !

— Помилуйте ! гдѣжъ они сто рублей ?

— А вотъ здѣсь въ столѣ ! На-ко , держи для благого начала .

И онъ открылъ ящикъ въ своемъ дубовомъ бюро , вынулъ оттуда двѣ бѣленькія бумажки и подалъ ихъ отцу .

— Разбогатѣешь , такъ отдашь ! продолжалъ онъ : — а коли богатство память отшибетъ , такъ я и самъ напому .

— Благодарю васъ , батюшка... только скоро вѣдь я вамъ заплатить не могу , а какъ неравно смертный часъ придетъ...

— Такъ на томъ свѣтѣ сочтемся... Да не въ томъ дѣло . Вѣдь намъ еще не хватаетъ маленько , сотню-то добыли , а цѣлыхъ шести еще нѣтъ . Да главное , духу праздности и унынія не поддавайся : подойникъ завели , Богъ подастъ и корову . Иди-ко ты теперь къ хозяину , да расскажи ему на чемъ дѣло стало : такъ и такъ молъ , карманъ-то у тебя съ подкладкой , распоясывайся-ко , толстошочкій , давай шестьсотъ рублей . Слава-богу , не банкротъ какой ! А вотъ ему отъ меня письмецо снеси ; я ему тутъ настрочилъ . Онъ вонъ къ Никитѣ-мученику новый паліелей повѣсилъ , пусть-ка и намъ съ тобой сольетъ колокольчикъ . Еще въ прошломъ году онъ мнѣ обѣщалъ газету на стихари — я ему и этого не прощу... Попадья , выползай-ко изъ гнѣзда , давай намъ съ Петромъ Николаичемъ травничку !

Мать моя начала благодарить Семена Алексѣича за его помощь .

— Полно , полно-ко , Лизавета Ивановна ! А вотъ если у насъ съ матушкой дочь будетъ , такъ пожалуста ужь ты поучи ее пирога съ грибами печь ; у меня попадья мастерица только на рыбные .

На другой день отецъ пошелъ къ фабриканту К. съ письмомъ отъ Семена Алексѣича . Мы съ безпокойствомъ ждали , чѣмъ кончится этотъ визитъ , отъ котораго зависѣло теперь остальное дѣло . Хозяинъ отца , богатый купецъ и почетный гражданинъ , былъ чело-вѣкъ не злой и даже доброжелательный , но довольно крутой и тугой на деньги ; про него рассказывали немало анекдотовъ , въ которыхъ

его экономія и расчетливость нерѣдко переходили въ открытую скупость. Понятно, что успѣхъ съ этой стороны былъ довольно сомнителенъ. Мать замѣтно тревожилась въ ожиданіи отца. Наконецъ онъ воротился, и я по лицу его догадался, что дѣло вѣроятно удалось не вполне.

— Ну, съ чѣмъ поздравить? спросила мать.

— Ужь вытерпѣлъ я каторгу! сказалъ отецъ: — да слава-богу хоть не даромъ: пятьсотъ рублей далъ.

— Сашенькѣ подарилъ?

— Какъ не подарить!.. Насилу взаимны вымогилъ. На два года далъ: каждый мѣсяцъ будетъ вычитатъ изъ жадованья. Да ужь онъ пѣлъ мнѣ, пѣлъ рацею-то, индо въ глазахъ позеленѣло: и зачѣмъ мы въ дворяне-то хотимъ лѣзть, и развратъ-то вишь въ гимназіи одинъ, и что мы за господъ такіе, что купеческой частью гаушаемся и въ чужіе сани садимся... Хорошо ему въ своихъ саняхъ сидѣть съ капиталомъ-то. Такъ упарилъ, что я вотъ словно изъ бани отъ него вышелъ.

— Ну, слава-богу, хоть далъ-то.

— А все сотней рублей меньше, какъ я ни просилъ.

— Богъ милостивъ, достанемъ.

Мать замѣтно повеселѣла, да и отецъ былъ уже не такъ озабоченъ, какъ въ прошлые дни.

— Знаешь что, Петръ Николаичъ, я вздумала? сказала мать за обѣдомъ: — пойду я къ дядюшкѣ и Сашу съ собой возьму, авось поможетъ. Теперь ужь немного и остается.

— Задастъ онъ тебѣ гонку, какъ мнѣ же хозяинъ.

— Что за бѣда! Пусть поворчитъ, только бы Сашѣ помочь.

— Невѣрится мнѣ.

— Ну, попытка не пытка.

На другой день послѣ обѣда отправились мы съ матерью къ «дядюшкѣ». Его звали Алексѣемъ Семеновичемъ. Это былъ купецъ третьей гильдіи, крутой и своеобразный старикъ, который торговалъ въ городѣ въ мѣховомъ ряду. Жилъ онъ въ своемъ домѣ, въ Дорогомиловской слободкѣ, недалеко за мостомъ. Тутъ была у него и собственная красильня, гдѣ онъ занимался весьма почтенной фабрикаціей мѣховыхъ товаровъ, перекрашивая великорусскихъ зайцевъ въ сибирскія красныя лисицы, а московскихъ собакъ въ нѣмецкіе бобры. Лѣтомъ, въ сухіе дни, у него весь дворъ былъ обы-

кновенно покрытъ сѣтью протянутыхъ веревокъ, на которыхъ просушивались его пушныя издѣлія. Состоянія у него въ то время не было, но жилъ онъ безъ недостатковъ.

Часа черезъ два добрались мы пѣшкомъ до знакомаго сѣраго домика съ красной деревянной крышею и зелеными ставнями. Алексѣй Семенычъ только-что всталъ отъ послѣобѣденной высыпки и сидѣлъ съ женою за самоваромъ, распаренный до-красна лѣтнимъ сномъ и горячимъ чаемъ, въ сѣромъ нанковомъ сертукѣ съ растегнутымъ воротомъ на рубашкѣ.

— Садитесь-ко, чайку попейте! проговорилъ онъ послѣ обыкновенныхъ привѣтствій.

— Жарко, дядюшка! сказала мать.

— Ничего, парь костей не ломить.

Послѣ двухъ или трехъ чашекъ чаю, мать сообщила Алексѣю Семенычу, что я кончилъ ученье въ Трехсвятительскомъ училищѣ и при выпускѣ изъ него получилъ похвальный листъ и книгу за успѣхи. Старикъ съ кислой улыбкой промышаль что-то въ отвѣтъ, отдувая протянутыми впередъ губами горячій парь съ чайнаго блюдечка, поставленнаго на пяти вывороченныхъ кверху пальцахъ лѣвой руки. Но мать не отступила отъ этой любезности и рассказала, что по совѣту попечителя и нашего священника рѣшила отдать меня въ гимназію, а потомъ въ университетъ, что мѣщанское общество согласно на увольненіе, а К. далъ для этого пятьсотъ рублей, да батюшка сто, и теперь остается только достать остальные сто рублей.

— По моему разсужденію, дворянъ и ученыхъ и безъ него у насъ достаточно! сказалъ старикъ, опрокидывая чашку и обтирая лицо носовымъ платкомъ.

— Да жаль, дядюшка, оставить: въ наукахъ-то Сашенька пошолъ; можетъ-быть Господь ему счастье открываетъ.

— Богъ-то намъ не говоритъ что онъ думаетъ: иногда намъ кажется хорошо, а по его волѣ выйдетъ и не такъ. Это мы по своему разсудку все хотимъ мудрѣ другихъ быть. Всякому свое назначено; всякъ сверчокъ знай свой шестокъ. Вонъ дворяне въ торговыя дѣла нынче полѣзли, такъ смотришь — то тотъ, то другой карманы и выворачиваютъ. И нашему брату также не рука бы по университетамъ-то ходить. Протянешь ножки не по одежкѣ, смотри не лопнуло бы. Слыхалъ я, чему и учать-то нынче. Вонъ у нашего

рядскаго мѣховщика сынъ тоже въ гимназіи поканчивается. Пришолъ я напередни въ лавку къ отцу, послушалъ что онъ толкуетъ-то: громовые отводы вишь, говорить, теперъ учить, слышь гнѣвъ-то божій отводить хотятъ; когда воля господня на что есть, а они поперекъ ея съ своимъ разумомъ идутъ. Хороша наука!

— Да въдъ батюшка Семенъ Алексѣичъ совѣтуетъ и благословляетъ.

— Ну, и они хороши бываютъ, хоть и пастыри величаются. Чѣмъ бы наставить да поучить, чтобы мы дескать себя помнили, да на разумъ свой не полагались, а они на грѣхъ еще толкаютъ. Дай срокъ — будутъ сами за это отвѣтъ держать, зачѣмъ души-то наши отъ лукаваго не уберегли. Охъ, согрѣшилъ я грѣшный!

Когда мать, несмотря на эту суровую проповѣдь, категорически обратилась къ старику съ просьбою о ссудѣ остальныхъ денегъ на увольненіе, онъ значительно возвысилъ голосъ и пустился въ такіе выговоры, что жена уже принялась его уговаривать. Все это казалось мнѣ скучнымъ и оскорбительнымъ. Я вышелъ на дворъ посмотреть, отъ нечего дѣлать, какъ вѣшаютъ просушивать поддѣльные бобры и еноты, и не слыхалъ дальнѣйшаго краснорѣчія Алексѣя Семеныча. Но когда наконецъ меня позвали, и мы стали прощаться съ дядюшкой, мнѣ показалось, что старикъ былъ уже не такъ суровъ. Жена его дала мнѣ даже на прощанье, въ его присутствіи, ягодъ изъ своего сада. Не знаю какимъ образомъ мать успѣла уговорить его, но когда мы пошли домой, она сообщила мнѣ дорогой, что Алексѣй Семенычъ умилостивился и далъ сорокъ рублей.

Дѣло очевидно подвигалось къ концу. Но все еще оставалось достать покрайней-мѣрѣ шестьдесятъ рублей, и эта бездѣлица стоила матери большихъ трудовъ и пожертвованій. Она ходила по роднымъ и знакомымъ — и все было напрасно. Наконецъ рѣшилась она на послѣднее средство: собрала все что у насъ въ домѣ имѣло какую-нибудь цѣнность: пять столовыхъ ложекъ, подержанный лисій салопъ, шаль, подаренную матери еще во время ея сватъбы, какія-то золотыя колечки, даже сняла серебряную ризу со стариннаго образа, которымъ дѣдъ благословилъ отца передъ смертью. Все это было завязано въ скатерть и мать отправилась съ большимъ узломъ на извозчикѣ къ какому-то закладчику въ За-

рядѣ. Часа черезъ три она привезла, какъ помнится, сто рублей денегъ и какую-то росписку.

— Ну, слава-богу, Сашенька! сказала она съ видомъ чрезвычайнаго удовольствія: — ужь какъ я рада, теперь все кончено; деньги собраны и твое увольненіе скоро будетъ готово. Исполниль Господь мое желаніе, точно гора у меня съ плечъ свалилась. Какъ я рада, какъ я рада!

И я понималъ сколько доброты, самопожертвованія и нѣжности было въ сердцѣ этой простой женщины, которая забывала себя и все на свѣтѣ, для того чтобы дать сыну образованіе. Но въ тоже время я понималъ и всю горькую сторону этого жестокаго положенія объ увольненіяхъ для мѣщанскихъ дѣтей, которое ставитъ такія непроходимыя перекладины на пути къ образованію и можетъ-быть у тысячи молодыхъ людей отнимаетъ возможность быть счастливыми и полезными себѣ и другимъ. И сколько разыгрывается ежегодно такихъ безвѣстныхъ сценъ въ бѣдныхъ семействахъ! Сколько совершается невидимой нами борьбы изъ-за образованія, на которое долженъ бы имѣть право всякій! Сколькихъ людей умнѣе и даровитѣе меня остановили эти увольнительныя свидѣтельства на полдорогѣ и отбросили въ непроходимую грязь невѣжества!

Вскорѣ послѣ этого мое увольненіе было готово, хотя кромѣ собранныхъ денегъ отцу пришлось еще немало приплатить на другія косвенныя и темныя издержки по этому дѣлу.

— Ну, братъ Шашура! говорилъ Семенъ Алексѣичъ, сидя у насъ за пирогомъ въ слѣдующее затѣмъ воскресенье: — смотри же теперь, не плошай; не ударь лицомъ въ грязь передъ дворянами. Видишь, какъ постаралась для тебя мать-то. Какъ будешь уроки гимназическіе учить — помни объ этомъ.

— Онъ прежде всего долженъ помнить ваше добро, батюшка.

— Какое это? Что я за латынь-то стою больше, чѣмъ за прилавокъ. Это еще дѣло не мудреное: что у кого болитъ, тотъ про то и звонитъ. Какъ самъ-то въ латинской кухнѣ побывалъ, такъ хочется и другихъ той же похлебкой покормить. Ты, Лизавета Ивановна, материнскій долгъ исполнила; я тебѣ это въ глаза говорю, а другимъ и еще покрѣпче скажу.

— Благодарю васъ, батюшка.

— Ладно! А ты, Петръ Николаичъ, не забывай, что наука-то покрѣпче вашихъ капиталовъ, особенно московскихъ: кто наживетъ

ее, тотъ ужъ въ конецъ не обанкрутится; хоть каменныхъ палатъ она можетъ и не дать, да и совсѣмъ безъ хлѣба не оставитъ. Ваши-то вонъ какъ съ дымомъ въ трубу вылетятъ, такъ и праху-то отъ нихъ не остается... А ты крестъ свой носи, да и роптать не думай.

И отецъ понесъ тяжолый крестъ за мое увольненіе въ университетъ изъ московскаго мѣщанскаго общества. Правда, хозяинъ-фабрикантъ вычиталъ данныя на это деньги только одинъ первый годъ, а другую половину долга на слѣдующее лѣто, въ день своихъ именинъ, простилъ въ видѣ награды за порядокъ, введенный отцомъ на фабрикѣ. Но прочія деньги непремѣнно нужно было уплатить, и я знаю, что всѣ онѣ были заплачены, хотя и не понимаю, какъ это удалось отцу сдѣлать, когда въ этотъ годъ онъ получилъ меньше четырехъ-сотъ рублей ассигнаціями, а между-тѣмъ долженъ былъ сдѣлать немало издержекъ при поступленіи моемъ въ гимназію. Вещи же, заложенныя матерью, какъ помню, воротились домой года черезъ полтора, да и то не всѣ: шаль и кольца пошла кажется на уплату процентовъ.

А. МИЛЮКОВЪ

ОТЪ ПЕТЕРБУРГА ДО ВКАТВРИНОСЛАВЛЯ

I

Прощаніе съ Петербургомъ. — Различіе между англійскимъ и русскимъ путешественниками. — Мое печальное положеніе. — Цѣль поѣздки. — Сплавъ войскъ по Днѣпру. — Содержаніе русскаго солдата и продовольствіе его въ мирное время. — Порціонныя или категорическія деньги. — Ротная экономическая сумма. — Продовольствіе изъ котла и отъ жителей. — Ротная артельная сумма. — Продовольствіе въ походѣ. — Кормовыя деньги. — Сожалѣніе о національной ѣздѣ и почтовомъ колокольчикѣ. — Столиновеніе съ главнымъ обществомъ желѣзныхъ дорогъ. — Печальная мѣстность. — Амурскій казакъ изъ французовъ. — Меня насильно пересаживаютъ на перекладную. — Обращеніе мое къ почтовому начальству. — Неудачный выборъ Довска для пересѣченія двухъ важнѣйшихъ нашихъ шоссе.

Петербургъ удивительный городъ. Жить въ немъ тяжело и тошно. Если мнѣ предстантъ какая-нибудь возможность покинуть сей сѣверный Вавилонъ, то жду я недождусь желаннаго часа разлуки съ нимъ. Но странное дѣло: не успѣетъ проворный локомотивъ отнести меня на нѣсколько станцій, какъ мысли мои начинаютъ принимать совершенно иной оборотъ. По мѣрѣ того, какъ я удаляюсь отъ этой нишфы съ вѣнкомъ на головѣ изъ тростника елагинскаго *pointe*, какъ выразился одинъ остроумный англійскій юмористъ, сердце мое начинаетъ немедленно сжиматься тоскою по ней; я начинаю сознавать все, чего лишаюсь по мѣрѣ того, какъ становится моимъ достояніемъ все, чего не доставало для моего благополучія въ нашей столицѣ, *миѣх соіѣе que chaussée*, по выраженію того же англичанина.

Англичанинъ впрочемъ вѣроятно не чувствуетъ такого сожалѣнія, разставаясь съ сѣверной Пальмирой, продолжаетъ острить на ея счетъ и хладнокровно видитъ въ ней городъ, постоянно одержимый неизлечимой водяною. Англичанинъ, чортъ его знаетъ какъ онъ

ухитрился, рыская по всему свѣту, всюду носить съ собою свое отечество, и въ то же самое время онъ менѣе всякаго другого космополитъ. Онъ охотно живетъ въ Квебекѣ и Капштадтѣ, Бомбеѣ и Портъ-Джаксонѣ, какъ въ Лондонѣ, Ливерпулѣ, Манчестерѣ, не переставая быть англичаниномъ; не говоря уже о томъ, что онъ шныряетъ по всей Европѣ, искрещиваетъ се вдоль и поперекъ; для него преимущественно выстроены всѣ ея гостиницы и отели, и онъ добрался уже до нашей сѣверной столицы, о которой выражается, какъ мы видѣли, не всегда уважительно. Всюду онъ несетъ за собою энергію и дѣятельность, готовый рѣшительно охватить весь міръ, чтобы питаться его соками, существовать на его счетъ. Съ собою же несетъ онъ все, выработанное тысячелѣтнею цивилизаціей своей страны, и между тѣмъ какъ прочіе народы такъ медленно и туго подвигаются въ населеніи, избыткомъ своихъ силъ онъ колонизируетъ сѣверъ и югъ, востокъ и западъ. Главное, онъ вездѣ дома; потому что всюду носить за собою домъ свой. О немъ по преимуществу можно сказать, что онъ «omnia sua secum portat».

Совершенно иное положеніе путешествующаго русскаго. По физиологической ли причинѣ самой организаціи, или вслѣдствіе малодѣяности прошлаго, недавшаго намъ богатаго наслѣдства, обдѣливашаго насъ, какъ бѣдную Сандрильону, русскій, цивилизованный въ особенности — космополитъ на иной ладъ. Легче всякаго другого онъ освобождается отъ своего историческаго воспоминанія, и легко забываетъ пѣсни и сказки, пѣтыя исторіей у его младенческой колыбели, несмотря на то, что черезъ нѣсколько дней ей исполнится тысяча лѣтъ. Онъ приобрѣлъ другую, различную отъ англичанина историческую способность: принаравливаться, приспособляться, перенимать, улаживаться, подчиняться. Разумѣется, что это приспособленіе, улаживаніе, подчиненіе прежде всего внѣшнія, формальныя. Оторванный отъ почвы, окунувшійся въ европейской цивилизаціи, разумѣется, что онъ усвоилъ прежде всего только наружные слѣды. Французы не безосновательно говорятъ: «grattez un russe, vous trouverez un barbare». Мы много правда путешествовали по Европѣ; число паспортовъ, ежегодно выдаваемыхъ канцеляріей савтпетербургскаго военнаго генералъ-губернатора, представляетъ дѣйствительно весьма-почтенную цифру и какъ извѣстно послужило для многихъ изъ нашихъ доморощенныхъ и акклиматизированныхъ экономистовъ разъясненіемъ вопроса, куда дѣваются наши деньги. Тѣмъ не менѣе наружная разница между путешествующимъ англичаниномъ и русскимъ прямо бросается въ глаза. Какъ легко угадать и отличить перваго, такъ мудро распознать послѣдняго: такъ онъ умѣетъ приглядѣться и приноровиться

къ обстоятельствамъ въ новой для него средѣ. Всѣмъ извѣстна наша космополитская способность говорить на всѣхъ языкахъ. Иностранцы говорятъ намъ постоянно комплименты, принимая насъ за своихъ соотечественниковъ. Искренни или неискренни ихъ похвалы, онѣ доказываютъ только, что иностранцы чутко поняли вашу слабость принимать эти похвалы со всѣмъ чистосердечіемъ. А можетъ-быть дѣйствительно свойственна намъ эта способность хамелеона, пока какое-либо неожиданное проявленіе въ насъ отечественнаго безобразія не обнаружитъ сущности нашей природы и воспитанія. Тѣмъ не менѣе, глубоко или поверхностно, мы заразились европейской цивилизаціей. Положительно нѣтъ ни одного вопроса, нѣтъ ни одного знамени, нѣтъ ни одной теоріи или партіи, на которые не отозвалась бы у насъ бѣлая или меньшая кучка людей. Для доказательства стоитъ только заглянуть въ нашу литературу. Иной подумаетъ, что гражданская и политическая жизнь нашей страны въ полномъ цвѣтѣ. Нѣтъ отгѣнка общественныхъ убѣжденій, рожденныхъ на западѣ, который не получилъ бы отголоска, не основалъ бы своего органа въ нашей литературѣ. Ужь я не говорю о конституціонизмѣ, о парламентаризмѣ и всѣхъ ихъ отгѣнкахъ; у насъ процвѣтаетъ повидимому даже всюду предаваемый на западѣ проклятійю социализмъ, судя по нападкамъ и серьезнымъ опасеніямъ нѣкоторыхъ многоумныхъ людей; занимаются политикой, общественной жизнью, слѣдятъ за движеніями федералистовъ и отступленіемъ конфедератовъ; интересуются тѣмъ что дѣлаетъ Гарибальди и Кошутъ, Мадзини и Людовикъ-Наполеонъ.

Я самъ принадлежу къ печальному разряду людей, которые не могутъ начать или заключить дня безъ газеты. Вдругъ такого господина судьба выхватываетъ изъ Петербурга, — фантазмагорія кончается, начинается дѣйствительность. Вотъ уже двѣ недѣли какъ я выѣхалъ изъ Петербурга и не видѣлъ ни одного журнала, не пробѣжалъ ни одной газеты, не слышалъ ни одной новости изъ политическаго и литературнаго міра. А тамъ безъ меня Богъ-знаетъ чего быть можетъ не случилось. Можетъ подвнялись славянскіе народы вслѣдствіе послѣднихъ побѣдъ въ Герцоговинѣ; можетъ-быть Гарибальди выразилъ недовѣріе къ итальянскому правительству и увѣренность въ его неспособность вести національное дѣло; можетъ-быть Наполеонъ высказалъ хоть что-нибудь изъ того, что такъ тщательно скрываетъ на глубинѣ души своей, и что такъ неудержимо хочется знать европейскимъ дипломатамъ? Ничего, ничего не знаю. Да для чего тебѣ знать все это? охота тебѣ тратить время на подобныя ребячества, вовсе до тебя ктому же не касающіяся, скажетъ мнѣ первый встрѣчный, благоразумный человекъ. Знаю,

сознаю, да что же дѣлать? Не могу отстать отъ цивилизованныхъ привычекъ; не могу не хотѣть быть au courantъ всего, что дѣлается въ той части челоѳчества, которая ухитрилась доставлять себѣ подобныя удовольствія и развлечения, и для достиженія которыхъ не задумалась принести въ жертву остальную часть челоѳчества, которой до всего этого нѣтъ никакого дѣла. Привычка, — отъ нея не избавишься, и вотъ почему, несмотря на антипатію мою къ Петербургу, я тотчасъ начинаю тосковать по немъ, когда судьба разлучитъ меня съ нашими единственными, цивилизованными, европейскими городами. Это, пристрастіе къ петербургской жизни и къ сохраненію привычки, о которой я говорилъ, вызвали настоящую корреспонденцію.

Хотя я вовсе не намѣренъ стѣснять себя въ путевыхъ замѣткахъ и посвящать ихъ какому-либо исключительному предмету, а намѣренъ говорить обо всемъ, что найду замѣчательнымъ въ какомъ бы то ни было отношеніи, тѣмъ не менѣе я долженъ сказать нѣсколько словъ въ объясненіе, такъ какъ мнѣ вѣроятно придется не разъ говорить о спеціальній цѣли, съ какою я оставилъ Петербургъ.

Военное министерство въ недавнее время рѣшилось воспользоваться скудными средствами, представляемыми нашими путями сообщеній, для перевозки войскъ въ отдаленныя части имперіи, въ особенности на Кавказъ и въ оренбургскій край. Затрудненій встрѣтилось разумѣется немало, такъ какъ дѣло было у насъ совершенно новое. Главное заключалось въ томъ, насколько новый способъ передвиженія будетъ дороже прежняго сухопутнаго похода часто на цѣляхъ тысячи верстъ. И выкупятся ли дороговизной его удобства имъ представляемая? Вопросъ былъ рѣшонъ въ пользу солдата, и смѣю думать, казны, хотя стоимость новой системы и превыситъ нѣсколько ту, которая была въ употребленіи доселѣ. Военное министерство благоразумно воспользовалось существующими средствами сообщенія по Днѣпру и Волгѣ для сплава войскъ по этимъ рѣкамъ къ Черному морю и Каспійскому, и отсюда на Кавказъ, или по Волгѣ и ея притокамъ — Камѣ, Бѣлой и Чусовой. — въ оренбургскій край, и уже нѣсколько разъ испытало всю выгоду этихъ путей сравнительно съ сухопутнымъ походомъ на Ставрополь и оттуда чрезъ горы въ Закавказье.

Въ этомъ году потребовалось комплектовать кавказскую армію, и министерство прибѣгло къ испытаннымъ уже и оказавшимся удовлетворительными средствамъ частныхъ лицъ и командій волжскихъ и днѣпровскихъ. По Днѣпру пришлось сплавлять изъ губерній, лежащихъ по этой рѣкѣ, около пятнадцати тысячъ временно-

отпусныхъ нижнихъ чиновъ. Для этой цѣли заключенъ военнымъ министерствомъ съ генераль-майоромъ Шумлянскимъ контрактъ, по которому послѣдній обязался въ извѣстные сроки, отъ 15 апрѣля чрезъ каждые десять дней, всего въ одиннадцать рейсовъ, перевести означенное число людей изъ Рогачева и Лоева въ Екатеринославъ. Отсюда войска плутъ сухимъ путемъ до Бердянска. Зѣбѣ пароходы южнаго общества пароходства и торговля перевозятъ ихъ въ Керчь и оттуда на восточный берегъ Чернаго моря на Кавказъ. Правда, что подобный способъ перевозки обойдется для казны нѣсколько дороже, но съ другой стороны она представляетъ столько выгодъ относительно сбереженія времени, силъ и здоровья солдатъ, что если принять это во вниманіе, то она обойдется несравненно дешевле. Я не привожу подробнаго расчета того и другого способа передвиженія, столько же чтобы не испугать людей, которые не согласятся на приводимые мною доводы, сколько и потому, что значительная въ общей сложности цѣна совершенно ничтожна съ выгодами, представляемыми сплавомъ. Дѣло въ томъ, чтобы министерству только не приходилось переплачивать за людей, неказывающихся налицо, чего избѣгнуть возможно при строгомъ контролѣ со стороны инспекторскаго департамента надъ числительностью отираваемыхъ частей и командъ и надъ среднимъ процентомъ, полагающимся на обыкновенную убыль.

Причина различія въ цѣнности обоихъ способовъ передвиженія главнымъ образомъ заключается въ платѣ за перевозку людей, а въ вторыхъ — въ различной стоимости содержанія солдата въ походѣ на сухомъ пути и на водѣ. Я намѣренъ сказать о послѣднемъ нѣсколько словъ въ томъ предположеніи, что многимъ изъ читателей, которымъ мало или вовсе неизвѣстно какъ живетъ и продолжаетъ существовать русскій солдатъ, было бы не безынтересно ознакомиться съ этимъ предметомъ хотя въ общихъ чертахъ. Военной литературѣ у насъ какъ-то не удается заинтересовать общественное мнѣніе.

Содержаніе нашего солдата скудно, но о размѣрахъ его вѣроятво мало кому извѣстно. Я не стану говорить о причинахъ, заставляющихъ содержать такую огромную, въ особенности сравнительно съ нашими средствами, армию, которая и въ мирное время превышаетъ миллионъ солдатъ. Это предметъ слишкомъ обширный и потребовалъ бы болѣе серьезнаго обсужденія нежели мои путевыя замѣтки; упомяну только, что политическая необходимость содержать громадѣйшую армию, сравнительно съ прочими европейскими государствами, и ограниченность матерьяльныхъ и финансовыхъ средствъ имперіи обуславливаетъ скудость содержанія вообще всей

арміи и особенно солдата, тоже сравнительно съ другими державами.

Солдатъ нашъ получаетъ не всегда одно и тоже содержаніе. Последнее зависитъ отъ мирнаго или военнаго времени, похода или пребыванія на мѣстѣ, расположенія въ казармахъ, лагерѣ или на квартирахъ у жителей, — въ последнемъ случаѣ просторнаго или тѣснаго и т. д. Я буду говорить о мирномъ только времени и о расположеніи или походѣ въ *своей* странѣ.

Солдатъ *на мѣстѣ* бываетъ расположенъ въ казармахъ и въ лагерѣ, либо на тѣсныхъ и на пространныхъ квартирахъ у жителей.

Если онъ живетъ на мѣстѣ и расположенъ въ казармахъ или лагерѣ, то получаетъ казенный провіантъ, т. е. хлѣбъ, а на приварокъ, состоящій изъ мяса (не всякій день), капусты, крупъ, соли и проч. (1) выдаются казною деньги. Количество этихъ денегъ зависитъ отъ бѣдности и богатства губерній и отъ цѣны продуктовъ въ нихъ, почему всѣ губерніи раздѣлены по этимъ цѣнамъ на извѣстныя категоріи. Способъ этого продовольствія сѣветъ у солдатъ подъ названіемъ *продовольствія изъ котла*, ибо пища въ такомъ случаѣ готовится въ ротахъ, въ ротныхъ котлахъ, а приварочныя деньги называются *порціонными*, а чаще *категорическими* (?). Если же солдатъ расположенъ на постоянныхъ квартирахъ по городамъ и селамъ у *хозяевъ*, съ расчисленіемъ по нѣсколькимъ дворовъ на солдата, то это и называется на военномъ языкѣ расположеніемъ на *пространныхъ квартирахъ*. Въ этомъ случаѣ солдатъ получаетъ отъ казны провіантъ, а приваркомъ пользуется отъ хозяина (по закону онъ долженъ довольствоваться тѣмъ что ѣсть хозяинъ). Отпускаемыя же ему въ такомъ случаѣ порціонныя или категорическія деньги поступаютъ въ такъ-называемую *ротную экономическую сумму*. Въ нее же поступаютъ остатки, если таковыя образуются въ случаѣ продовольствія выше-описаннаго, и забота хорошаго въ хозяйственномъ отношеніи ближайшаго начальника состоитъ въ томъ, чтобы увеличить эту сумму всѣми возможными способами и экономіей. Разумѣется, что послѣдній способъ доволь-

(1) Для любопытныхъ привожу полный расчетъ приварка къ обѣду на 100 человекъ :

Говядины по $\frac{1}{2}$ на человека . . .	1 п. 10 ф.
Капусты или бураковъ	3 ведра.
Крупъ гречневыхъ	2 гарнца.
Муки подправочной	3 ф.
Луку	3 ф.
Соли	5 ф.
Перцу	12 зол.
Лавроваго листу	12 зол.

ствія солдата опредѣленъ въ этомъ видѣ закономъ (еще петровскихъ временъ), но на дѣлѣ онъ почти никогда не выполняется и чрезвычайно обременителенъ для населенія.

Доказательствомъ, кромѣ того, что мнѣ неоднократно случалось видѣть всѣ его неудобства вблизи, можетъ служить то обстоятельство, что онъ входитъ въ составъ извѣстной *военной экзекуции* или наказанія крестьянъ за какое-либо неповиновеніе властямъ. *Экзекуцій* этихъ наши поселане ужасно не любятъ (т. е. поселенія между ними войска, какъ вооруженной силы для водворенія порядка), и часто изъ одного желанія, чтобы избавиться отъ присутствія солдатъ, соглашались на то, въ чемъ прежде оказывали упорное сопротивленіе.

Какъ ни обременительна послѣдняя система продовольствія для сельскаго населенія, все же она была бы не такъ чувствительна для крестьянина, еслибы исполнялась въ размѣрахъ, предписанныхъ закономъ. Но это исполненіе на практикѣ встрѣчаетъ затрудненія и рождаетъ злоупотребленія. Солдатъ въ избѣ поселанина является нерѣдко полнымъ хозяиномъ и своеволіе его не знаетъ границъ. Слѣдить за каждымъ солдатомъ офицеру, часть котораго нерѣдко разбросана по нѣсколькимъ деревнямъ и селамъ, весьма затруднительно, если не вовсе невозможно; обращаться крестьянину съ жалобой къ земскому начальству — бесполезно: онъ мужикъ и терпитъ. На томъ основаніи, что ему слѣдуетъ по закону приварокъ, солдатъ требуетъ обѣда, который превышаетъ средства хозяина. Вотъ почему случалось мнѣ видѣть, что крестьянинъ по приходѣ солдата нарочно садился на хлѣбъ и на воду, или обѣдалъ тайкомъ отъ своего квартиранта, ибо ему хорошо извѣстенъ законъ, по которому солдату дозволяется требовать отъ хозяина только то что самъ онъ готовитъ къ обѣду.

Прошу читателя не считать какъ проявленія своеволія солдата, такъ и негостепримства нашего мужика за общій и постоянный фактъ; я привожу его ради оцѣнки этой системы продовольствія, которая необходимо должна быть замѣнена другою, болѣе рациональною, именно продовольствіемъ изъ котла, несмотря на то, что она обходится казнѣ дороже. Находить страна нужнымъ содержать армію, такъ должна кормить ее. Со введеніемъ постоянныхъ квартиръ, которое неминуемо должно повести за собой устройство казарменныхъ помѣщеній и штабъ-квартиръ, вѣроятно отиѣнена будетъ и эта противуэкономическая система продовольствія. Чаще же солдатъ охотно помогаетъ крестьянину въ его домашней жизни, таскаетъ и рубитъ ему дрова, носитъ воду, нерѣдко помогаетъ даже въ полѣ, нянчить его дѣтей. Послѣднее обстоятель-

ство случалось мнѣ во время службы въ арміи встрѣчать до того часто, что привязанность къ дѣтямъ осталась для меня самою характеристическою чертою нашего солдата. Я объясню себѣ это обстоятельство естественною, непобѣдимой склонностью человека къ утѣхамъ семейной жизни, отъ которыхъ солдатъ оторванъ по самой сущности своей службы и званія. Но повторяю, нерѣдко случалось мнѣ встрѣчать факты противоположные.

Другое, уже совершенно-противозаконное слѣдствіе той же системы продовольствія заключается въ томъ, что солдатъ пользуется и хлѣбомъ ховяина съ тѣмъ, что обязанъ возратить его лукою, въ дѣйствительности чего войска должны получить отъ жителей кванціи. Вотъ тутъ-то источникъ злоупотребленій. Кванціи выдаютъ сельское начальство съ согласія всего міра, а въ селахъ и деревняхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ — помѣщикамъ. До сихъ поръ почти во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи, за исключеніемъ, сколько мнѣ извѣстно, Польши, западныхъ и остзейскихъ губерній, міръ всегда, а помѣщики нерѣдко прощали солдатамъ хлѣбъ, который слѣдовало съ нихъ получить. Это вошло до такой степени въ обычай, что если случалось міру поступать иначе и невыдавать кванціи, то солдатъ а еще чаще ближайшіе его начальники (въ особенности полковые и батальонные квартирмейстеры) считали это дѣло противозаконнымъ и настойчиво требовали прощенія. Нерѣдко завязывалась по дѣламъ подобнаго рода переписка и производилось слѣдствіе. Я знаю одинъ случай, бывший въ неочень давнее время въ губерніи, весьма близкой къ Петербургу, что крестьяне рѣшительно отказались отъ выдачи необходимыхъ для отчетности военному начальству кванціи, и назначенное по сему случаю слѣдствіе, вѣроятно тоже увлеченное обычаемъ, рѣшило вопросъ въ пользу солдатъ. Крестьяне продолжали сопротивление. Тогда къ нимъ посланы были тѣже войска для экзекуціи, и устрашенный еще болѣею бѣдой міръ выдалъ требуемыя отъ него кванціи.

Остающійся такимъ образомъ хлѣбъ либо показывается къ зачету, либо продается, и вырученныя за него деньги поступаютъ въ экономическую сумму. Прошу читателя не забывать, что я говорю только о ротномъ хозяйствѣ, о ротныхъ суммахъ, и не смѣшивать ихъ съ полковымъ или батальоннымъ хозяйствомъ, и полковыми или батальонными суммами, о которыхъ я скажу при случаѣ внослѣдствіи. Назначеніе ротной экономической суммы (кромя незначительныхъ расходовъ на нѣкоторыя иныя потребности), состоитъ главнымъ образомъ въ улучшеніи солдатской пищи во время продовольствованія изъ котла. Суммы эти бываютъ иногда весьма

значительнымъ. Расходуются онѣ не иначе какъ съ разрѣшенія вышшаго начальства. Когда я слушалъ въ полку и старался ближе ознакомиться съ бытомъ солдата, то меня удивляла столько же значительная цифра экономической суммы, сколько экономическое ея расходованіе. Это была, какъ мнѣ тогда казалось, какая-то непонятная сумма, изъ которой невозможно было дотронуться, несмотря на то, что солдатъ голодалъ, и по моему мнѣнію совершенно напрасно. Зато мнѣ случилось видѣть (въ бытность мою въ Закавказьи въ послѣднюю войну) какъ скоро эти значительныя суммы таяли, когда начальство, лишонное всякихъ ресурсовъ для улучшения пищи солдата, особенно въ болѣзненное время года, въ странѣ голодной, чужой или непріязненной, рѣшалось допустить расходованіе этихъ суммъ.

Кромѣ экономической въ ротѣ есть еще такъ-называемая *артельная сумма*. По смыслу законоположеній и по способамъ, которыми она составляется и пополняется (по большей части изъ заработныхъ денегъ), сумма эта должна находиться въ полномъ и безконтрольномъ вѣдѣніи роты, составляющей въ хозяйственномъ отношеніи артель, которая можетъ расходовать ее по своему произволу. Но не такъ бываетъ на дѣлѣ. По той причинѣ, что она состоитъ исключительно изъ солдатскихъ денегъ и что разрѣшеніе о ея расходованіи сопряжено съ меньшими затрудненіями и не восходитъ до высшихъ ступеней военной іерархіи, сумма эта не всегда выполняетъ свое назначеніе и изъ нея посредствомъ злоупотребленій, бывшихъ въ такомъ ходу еще въ самое недавнее время, пользоваться довольно легко. Впрочемъ, еслибы контроль надъ ней находился дѣйствительно въ рукахъ роты или артели, то всѣ злоупотребленія, имѣющія въ виду пользоваться солдатскими деньгами, прекратились бы сами собою.

Кромѣ сего даже въ настоящее время понятія объ экономической и артельной суммѣ совершенно перепутаны, и мнѣ часто случалось встрѣчать, что извѣстный расходъ въ одной части войска относится на экономическую сумму, въ другой — на артельную, а бываетъ и такъ, что въ одной и той же ротѣ расходы одной категоріи относятся то на экономическую, то на артельную сумму, между тѣмъ какъ смѣшивать ихъ не приходится, и это неразличеніе казенныхъ денегъ отъ солдатскихъ было бы весьма несправедливо. Первые, какъ я сказалъ, образуются главнымъ образомъ изъ порціонныхъ денегъ, отпускаемыхъ казною на приварокъ и отъ продажи оставшагося или подареннаго жителями провіанта (частью же и другихъ, обыкновенно ненужныхъ остаточныхъ

предметовъ комиссаріатскаго довольствія) (1), и хотя уже отпущены казной въ расходъ, но не перестаютъ составлять казенной собственности. Солдаты вслучаѣ выхода въ безсрочный отпускъ или отставку, или вслучаѣ расформированія роты, ничего не получаютъ изъ этихъ суммъ. Артельная же сумма составляетъ изъ солдатскихъ заработковъ и составляетъ собственность всей роты. Солдаты при выходѣ въ безсрочный отпускъ или отставку получаютъ принадлежащую ему часть и вслучаѣ расформированія какой-либо части войска, сумма унычтожается, т. е. раздается на руки солдатамъ.

Замѣчательнъ принципъ русской артели и волего равенства въ правѣ на заработокъ, проникшій изъ жизни простолюдина въ самое сердце арміи — ротное хозяйство. Вся рота рѣдко отпускается на работу, а идетъ обыкновенно только часть ея. Изъ выработанныхъ денегъ часть, обыкновенно половина, идетъ въ артельную сумму, ибо артель не виновата, что вся она не можетъ идти на работу, и не пошедшіе несутъ вѣдъ въ это время лишнюю службу за товарищей; другая часть отдается солдатамъ, бывшимъ на работѣ; послѣдніе изъ этихъ денегъ получаютъ иногда всѣ, чаще же вслѣдствіе попечительнаго начальства, неоставляющаго ихъ своей опекой, только часть ихъ, а остальные деньги, на которыя они впрочемъ не тратятъ права, какъ во время службы такъ и по увольненіи отъ нея, хранятся въ общей суммѣ артельныхъ денегъ и бываютъ иногда значительны настолько, что обезпечиваютъ солдата на первое время выхода его въ отпускъ или отставку.

Къ сожалѣнію нерѣдко случалось мнѣ встрѣчать и такіе случаи, что часть заработанныхъ солдатомъ денегъ поступала въ экономическую сумму для ея поддержанія, если она мала, а въ мѣстѣ расположенія роты дороговизна, или предвидится походъ, съ которымъ всегда сопряжены усиленные расходы какъ экономической такъ и

(1) Предметами комиссаріатскаго довольствія называется одежда, обувь, амуніція; предметами артилерійскаго довольствія — оружіе, патроны, порохъ, каски. Остатки отъ этихъ довольствій въ ротахъ ничтожны; объ этомъ и заботится подкова экономія. Посему не слѣдуетъ смѣшивать ихъ съ полковыми запасами и остатками, которые бываютъ поразительно велики. Слншкомъ два года пробылъ я въ походѣ съ полкомъ, и замѣтилъ, что достаточно пробыть на одномъ и томъ же мѣстѣ отъ четырехъ до шести мѣсяцевъ, чтобы полковые склады выросли до такой степени, что перевозочныя средства полка были уже недостаточны, чтобы поднять ихъ. Мы часто оставляли ихъ и съ ними всегда значительныя команды людей нерѣдко съ офицерами. Это полковое имущество, плодъ экономіи въ управленіи полкомъ и постройки одежды, слыветъ подъ названіемъ *прданаго* за полкомъ и составляетъ собственность полковаго командира, игравшую весьма важную роль при сдачѣ полка отъ одного полковаго командира другому.

артельной суммы. На какомъ законномъ основаніи это допускалось, мнѣ оставалось неизвѣстнымъ во все время служенія моего въ арміи. Такія распоряженія встрѣчались мнѣ чаще всего въ такомъ случаѣ, когда работа предоставлялась солдатамъ отъ казны: тогда обыкновенно весь заработокъ поступаетъ въ экономическую (т. е. казенную же) сумму, несмотря на то, что тогда и цѣна за работу не вольная, а назначенная. Разумѣется, что въ такомъ случаѣ солдатъ становится обязаннымъ работникомъ. Я ничего не могу сказать противъ такого употребленія солдата: все же лучше занять его производительной работой хотя за самую низкую плату, чѣмъ досаждать ему часто бесполезной выправкой и учебными шагами, какъ дѣлалось встарину, но мнѣ кажется, что въ такомъ случаѣ, т. е. когда солдатъ употребляется на государственныя, казенныя работы, можно бы содержать меньше войска, а остающіеся отъ этого въ экономіи деньги употреблять на наемъ вольныхъ рабочихъ, трудъ которыхъ, какъ необязательный, дастъ лучшіе результаты; обращать же солдата въ обязательнаго работника слѣдовало бы избѣгать, а ни въ какомъ случаѣ не обращать заработанныя имъ деньги въ экономическія, т. е. казенныя, которыя ему слѣдуетъ получать и безъ работы, по своей службѣ и званію солдата. Вотъ чѣмъ объясняю я и то обстоятельство, что онъ съ готовностью и удовольствіемъ идетъ на вольную работу, чтобы избѣжать только своихъ официальныхъ занятій (отъ охотниковъ тогда нѣтъ отбою), и съ неудовольствіемъ идетъ на казенную работу: тутъ приходится уже не вызывать охотниковъ, а обращаться къ наряду.

Еще одно слово. На какомъ основаніи деньги, отпущенныя на продовольствіе солдата, но не израсходованныя и сбереженныя по распоряженію начальства, не перестаютъ оставаться казенною собственностью, (а на этомъ и основана разница между ротною экономическою суммою и артельною), я не знаю. Справедливость требовала бы, чтобы разъ отпущенныя солдатамъ деньги считать солдатскою собственностью и представлять ихъ въ артель вслучаѣ экономіи. Объяснюсь примѣромъ. Казна отпускаетъ мнѣ по расчету прогонныя и суточные (порціонныя) деньги. Она не требуетъ отъ меня отчета какъ я ѣхалъ: на пароходѣ, на почтовыхъ или на долгихъ, не спрашиваетъ меня и чѣмъ я пытался и осталась ли у меня экономія изъ денегъ, отпущенныхъ мнѣ въ такомъ количествѣ, какое признано закономъ необходимымъ для продовольствія и путешествія офицера.

Того, что я сказалъ о довольствіи солдата на мѣстѣ, я считаю пока мѣстѣ достаточнымъ для тѣхъ, кто мало знакомъ съ этимъ

предметомъ, и перейду къ другому, уже обозначенному мною случаемъ: какъ продовольствуется солдатъ въ походѣ? Обыкновенно онъ получаетъ тогда отъ казны хлѣбъ, а такъ какъ во время похода неудобно пользоваться приваркомъ отъ жителей, а еслибы прошло много значительное число войскъ, то это было бы и невозможно безъ крайняго обремененія крестьянъ, то на приварокъ выдаются тѣже порціонныя деньги по категоріямъ, смотря во относителъному богатству губерніи и крестьянъ: если губернія плодородна и богата, то и деньги отпускаются въ меньшемъ количествѣ, и обратно (1). Солдаты сами закупаютъ необходимую провизію на нѣсколько дней и везутъ ее за собой на своей лошади и телегѣ (примобригаемыхъ на артеминыя деньги) или на обязательскихъ подводахъ изъ числа тѣхъ, которыя имъ полагается отпускать въ размѣръ, опредѣленномъ закономъ (по одной подводѣ на пятьдесятъ человекъ).

Но если изъ одной части имперіи въ другую переходитъ значительная часть войскъ: маршевыя батальоны (2), отдѣльныя шартіи, команды и проч., то солдатамъ не выдается и хлѣба, а на все дозволеніе отпускаютъ деньги и не въ артель, а на руки каждому солдату порознь, въ томъ предположеніи, что всякій купитъ себѣ хлѣба и заплатитъ обывателю, получить отъ него приварокъ. Количество выдаваемыхъ такимъ образомъ денегъ тоже зависитъ отъ бѣдности и благосостоянія губерніи; деньги эти называются кормовыми. Кажалось бы, что такъ какъ деньги эти выдаются солдатамъ на руки, то послѣдніе должны бы быть болѣе всего довольны такимъ способомъ продовольствія, покрайней-мѣрѣ вѣроятно такъ думаютъ въ Петербургѣ. На самомъ же дѣлѣ съ этой системой продовольствія солдату чаще всего приходится голодать, и главное, что я объясню ниже, въ подобномъ случаѣ солдаты не составляютъ артели, а такъ и продовольствуются особнякомъ. Нѣсколько разъ случалось мнѣ говорить съ солдатами во этому поводу, и главная причина, почему не приближаются они въ этомъ случаѣ къ своей спасительной формѣ общественнаго хозяйства, заключается въ томъ, что роты не сформированы окончательно, люди не знаютъ еще другъ друга, такъ что ротнымъ командирамъ затруднительно даже назначать унтеръ-офицеровъ, капральныхъ, фельдфебеля, а ротѣ избирать артельщика; никакихъ хозяйственныхъ приваженностей не имѣетъ

(1) Среднія цифры порціонныхъ денегъ въ 1862 г. 2½ коп. на солдата въ богатыхъ губерніяхъ и 4 коп. въ бѣдныхъ.

(2) Маршевыми батальонами называются обыкновенно взаимно сформированные батальоны, направляемые на комплектованіе постоянныхъ частей. Но приходя на мѣсто, они тотчасъ же расформируются.

ся: люди идутъ безъ котловъ и проч. Я предлагаю для разбора нашимъ военнымъ администраторамъ этотъ весьма важный вопросъ на обсужденіе, ибо система продовольствія кормовыми деньгами на практикѣ не выдерживаетъ никакой критики, а солдатъ положительно терзаетъ свои силы, а казна деньги, за которыми, — я утверждаю, — можно кормить людей, даже сдѣлать закупку всѣхъ необходимыхъ принадлежностей артельного хозяйства. Неудобства эти тѣмъ ошутительнѣе, чѣмъ большая часть войска находится въ слѣдованіи, а систему эту слѣдовало бы оставить при пересылкѣ только самыхъ немногочисленныхъ командъ и партій. Я заявляю только, что при этомъ единственномъ случаѣ артель не формируется а продовольствованіе, дорогое для казны, для солдата бываетъ безпримѣрно хуже. Идетъ онъ напримѣръ по таврической губерніи и получаетъ $4\frac{1}{4}$ коп. въ день. Правда хлѣбъ здѣсь, не то что въ Петербургѣ, дешевле: за 40 коп. можно купить пудъ хорошаго хлѣба въ деревнѣ; но все же, считая даже не по казенному (3 ф. въ день на человѣка), ибо солдатъ съѣдаетъ среднимъ числомъ не болѣе $2-2\frac{1}{2}$ ф., на приварокъ остается ему слишкомъ ничтожная сумма, ничтожность которой можетъ быть отчасти ослаблена только артельнымъ хозяйствомъ.

Для большаго доказательства неудобства этого способа продовольствія я приведу настоящій случай. Батальоны, формировавшіеся въ моголевской губерніи, получали по 9 коп. въ сутки на человѣка кормовыхъ денегъ. Деньги отданы были на руки каждому солдату. Цѣна на хлѣбъ въ этой губерніи въ апрѣлѣ шѣсацѣ была $2\frac{1}{2}$ коп. за фунтъ. Въ отпуску люди, по бѣдности губерніи, тоже не пользовались хорошимъ и достаточнымъ продовольствіемъ. На отпущенныя деньги казалось бы можно было продовольствоваться своимъ, если не хорошо, — вышло противное. У жителей, бѣдныхъ блонруевъ, они не только не нашли приварка, за который охотно заплавали бы деньги, но не находили и хлѣба. Многие изъ солдатъ, которыхъ я распрашивалъ объ этомъ, говорили мнѣ, что *съ шесть недель они ели по два, по три раза теплую яичку*, а довольствовались чаще всего селедкой съ кускомъ черстваго хлѣба и въ обиліи водкой. А между тѣмъ при дальнемъ слѣдованіи и при приходѣ въ страну, весьма опасную для здоровья свѣжаго и непривыкшаго къ ея климату человѣка, все вниманіе слѣдуетъ обратить, чтобы съ этими неудобствами встрѣтился организмъ вполне здоровый и сытый. Неудобства слѣдованія на кормовыхъ деньгахъ бывають поразительны даже въ богатыхъ странахъ, если проходящія команды особенно многочисленны, какъ это было въ настоящемъ случаѣ. Возьмемъ для примѣра богатое село въ 250 дворовъ и тысячу душъ.

Оно легко и неубыточно для крестьянъ прокормить двѣ-три тысячи проходящихъ солдатъ, за кормовыя деньги, въ предположеніи, что они останутся день или два, если будетъ назначена дневка. Но если пройдетъ 10 или 15 тысячъ человѣкъ, да еще съ дневкой, то село должно накормить 20 или 30 тысячъ человѣкъ, что для богатаго даже села можетъ быть затруднительно, несмотря на гостепримство его и хлѣбосолюство. Можно же себѣ представить, какія послѣдствія окажутся для деревни небогатой, погорѣвшей, обѣдѣвшей по случаю неурожая, засухи, саранчи и проч. Но такъ какъ при слѣдованіи малочисленныхъ партій, казна была бы поставлена въ затруднительное положеніе для организаціи хозяйства этой части, а выгоды, представляемая артелью, по малочисленности состава команды безполезны, то по моему крайнему разсужденію слѣдовало бы оставить довольствіе кормовыми только для малочисленныхъ частей, вовсе отмѣнивъ такого рода довольствіе для частей многочисленныхъ. Во всякомъ случаѣ мнѣ кажется слѣдовало бы серьезно заняться вопросомъ о слѣдованіи на кормовыхъ деньгахъ въ особенности въ бѣдныхъ губерніяхъ.

Наконецъ существуютъ еще особенныя системы солдатскаго продовольствія, употребляющіяся какъ средства исключительныя для сохраненія силъ и здоровья солдата, какъ напримѣръ во время морскаго плаванія, когда и сухопутныя войска продовольствуются на морскомъ положеніи, значительно обильнѣйшемъ сравнительно съ описанными мною; въ настоящемъ случаѣ, во время переѣзда на берлинахъ по Днѣпру, солдату, кромѣ казеннаго хлѣба, отпускалось по 7 к. на человѣка въ сутки порціонныхъ денегъ. Продовольствовать людей за эти деньги можно было очень хорошо, особенно если сравнить съ тѣмъ что они получали, пока не добрались до Рогачева, несмотря на то, что были губернія, проходя черезъ которыя, они получали по 15 к. на человѣка, — цифра сравнительно огромная, — и тѣмъ досаднѣе, что при ней все-таки предположенной шѣли достигнуть было фактически невозможно, ибо уже самая величина ея указываетъ на бѣдность страны, черезъ которую приходилось проходить солдату.

Мнѣ слѣдовало бы сказать теперь нѣсколько словъ о механизмѣ военнаго хозяйства (ротнаго и полковаго), но я боюсь наскучить читателя спеціальностью, въ которую впадалъ я, несмотря на мое стараніе не загромождать ее излишними подробностями, и отложу рѣчь мою объ этомъ предметѣ до другого раза. Я впрочемъ слѣдаль оговорку, что мои путевыя замѣтки вовсе не посвящены одной какой-либо цѣли, и въ нихъ я намѣренъ говорить обо всемъ что найду интереснымъ по какому-либо случаю. Я самъ хорошо замѣ-

тѣмъ, что письмо мое приняло характеръ популярной лекціи изъ военной администраціи, и что я слишкомъ отдалась отъ того, чѣмъ я началъ письмо — отъ ощущений, испытанныхъ мною при разлукѣ съ Петербургомъ; посему я спѣшу возвратиться къ этому предмету.

И оставилъ Петербургъ въ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ, свѣтлыхъ, апрѣльскихъ дней, въ которые солнце яркимъ, блестящимъ свѣтомъ напоминаетъ, что быстро приближается лѣто, а температура окружающей васъ атмосферы, слегка невыразимая на улицахъ, таущій по Невѣ ледъ, говорятъ о холодной, непріязненной, пережитой вами порѣ года. На сердцѣ у меня было тоже холодно. Причину я уже объяснилъ. Дебаркадеръ варшавской дороги оказался мнѣ тоже несимпатичнымъ. Хорошія стороны путешествія впрочемъ скоро одержали верхъ. Путешествіе имѣетъ свойство не оставлять васъ наединѣ съ собою; оно постоянно отвлекаетъ ваше вниманіе отъ внутренняго міра; оно не сосредоточиваетъ его на какомъ-либо предметѣ внѣшняго, а гонитъ съ одного предмета на другой, не даетъ времени остановиться, даритъ васъ безцслесными, хотя и мимолетными впечатлѣніями. И это хорошо: вотъ вниманіе ваше остановилось, вѣтъ пищи для развлечения, наблюденіе обращается внутрь, вотъ мелькнуло воспоминаніе, другое, дорогой образъ, болѣзненно защемило сердце, что-то сдвинуло верхнюю часть груди, средоточіе ощущеній разлуки... Какъ тяжело бываетъ человѣку, когда ему приходится оставаться наединѣ съ какимъ-либо исключительнымъ своимъ чувствомъ. Вотъ почему такъ пристрастны къ путешествію преимущественно люди, боящіеся, избѣгающіе бесѣдъ съ самими собою и почему люди противоположные, съ поэтическими, мечтательными наклонностями, такъ искренно сожалѣютъ о постепенномъ упадкѣ и исчезновеніи нашей національной ѣзды со всѣмъ ей однообразіемъ до нескончаемаго, монотоннаго звона почтоваго колокольчика, дѣйствительно поднимающаго въ душѣ много воспоминаній изъ нашей своеобразной, родной жизни; объ ѣздѣ, съ каждымъ днемъ подрываемой все болѣе и болѣе путешествіемъ по желѣзнымъ дорогамъ съ ихъ европейскимъ, или лучше сказать космополитскимъ характеромъ. Мнѣ случалось говорить о поэтической прелести нашей національной ѣзды съ иностранцами, которые испытали ее. Разумѣется я коварно умалчивалъ о многихъ ея неудобствахъ, о почтовыхъ станціяхъ и ихъ неряшливостѣ, о зрителяхъ, о самовластномъ обращеніи иногда ихъ, иногда проѣзжихъ, о ямщикахъ и національной брани, подрывающихъ вѣсколько ея прелесть. Куда! ничего не понимаютъ. Меня и слушать не хотѣли.

Впрочемъ ужь если говорить чистосердечно, то не малое количество неудобствъ представляють и желѣзныя наши дорожки, къ которымъ я сейчасъ возвратиться, такъ какъ мнѣ нужно въ Остроговъ. Какъ только тронулись мы отъ петербургскаго дебаркадера, то къ намъ вошелъ кондукторъ помѣтить наши билеты. Я обратился къ нему съ вопросомъ, сколько человѣкъ должно помѣщаться въ экипажную купе. Онъ отвѣтилъ, что восемь. Купе для восьми человѣкъ было довольно просторно; оно было ново, подушки мягки и удобны, отдышка даже elegantна. Купе было на манеръ прусскаго и отличалось отъ нихъ отсутствіемъ небольшихъ перегорождокъ, раздѣляющихъ мѣста и малыхъ подушекъ для головы. Я выразилъ это замѣчаніе своему пріятелю, который провожалъ меня до Гатчины, и онъ согласился со мною, что отсутствіе этихъ перегородокъ весьма практично и удобно, ибо для одного человѣка, смотря по его комплексу, бываетъ нужно нѣсколько болѣе мѣста, для удобства другого достаточно меньшее пространство. Но на слѣдующей же станціи мнѣ пришлось рассказать въ мою замѣчаніе и взять его назадъ. Въ наше восьмимѣстное купе посадили двѣнадцать человѣкъ, въ томъ числѣ правда двое дѣтей (мальчикъ лѣтъ восьми и дѣвочка четырехъ лѣтъ). Входитъ снова кондукторъ, снова перѣзрываетъ билеты. Они какъ видно очень пристрастны къ этому замѣтанію. Я спрашиваю, сколько лицъ должно помѣщаться въ купе по закону? Говоритъ, десять.

— Вашъ товарищъ объявилъ, что восемь.

— Нѣтъ-съ, десять.

— Если бы это было и такъ, хотя я не вижу причины почему бы вашему товарищу не объявить настоящаго числа, то все же насъ здѣсь двѣнадцать человѣкъ.

Кондукторъ отвѣчалъ довольно грубо, что дѣтей въ счетъ не ставить, и вывелъ изъ вагона. Что дѣлать? надобно терпѣть. Къ тому же время было не совсѣмъ весеннее, почти всѣ пассажиры были въ шубахъ, духота была страшная; чтобы не простудить дѣтей, изъ которыхъ одинъ былъ нездоровъ, нужно было держать окна закрытыми. Одинъ изъ путешественниковъ объяснилъ, что пассажиры неоднократно жаловались въ *Провансіе*, что десяти человѣкамъ сидѣть въ купе невозможно, въ особенности въ зимнее время, когда всѣ бываютъ въ шубахъ и вслѣдствіе этого должны занимать болѣе мѣста. Было даже нѣсколько скандальныхъ исторій. Наконецъ общество вышло общему говору, и сдѣлало распоряженіе, — какое, мы видѣли: когда остаются лишніе мѣста, то хороша, не то самое ли пріемлемо по десяти человѣкъ тамъ, гдѣ могутъ помѣститься всего восемь.

Тѣмъ же мѣнѣе я задыхалась отъ духоты и рѣшилась сдѣлать демонстрацію въ свою пользу на слѣдующей станціи. На ней простояли всего три минуты. На третьей я обращаюсь къ кондуктору съ тѣми же вопросами и получаю тѣже отвѣты, только въ болѣе грубомъ тонѣ. Я даже не могъ узнать отъ него, сколько человѣкъ дѣйствительно должно помѣщать въ себѣ купе. На мое замѣчаніе, что для устраниенія подобныхъ недоразумѣній слѣдовало бы въ каждомъ вагонѣ прибить дощечку съ надписью, что онъ на такое-то часъ пассажировъ, сердитый кондукторъ отвѣчалъ, что болѣе дорого будетъ стоять компаніи исполненіе прихотей всякаго проезжаго.

Демонстрація моя совершенно неудалась. И подѣлюсь мнѣ, какъ говорятъ мои петербургскіе знакомые: не слѣдуетъ ее проводить, если не вполне увѣреть въ успѣшномъ ея исходѣ.

Я не стану, читатель, описывать желѣзной дороги отъ Петербурга до Острова, въ мѣстности, по которой она проходитъ. Да это и бесполезно. Уже давно рѣшено, что теперь почти невозможно описывать путешествія, если не удаляешься куда-нибудь въ глушь, подалеже отъ свистковъ локомотива и космополитскихъ нравовъ, овладѣвающихъ все болѣе и болѣе всѣми желѣзными дорогами. Да и въ самую глушь—то начинаютъ прокладывать чулунки съ явнымъ стремленіемъ полвести все народности къ одному общему знаменателю, охватывающему все человѣчество. Ничего особенно національнаго, оригинальнаго, выдающагося не случилось. Ну и слава богу! Развѣ что—нибудь о красотахъ вѣшной природы? Грустная, наводящая тоску окрестность! Вамъ вѣрно случалось восхищаться мѣстностью, окружающею Петербургъ, все равно въ какую сторону? Ну такъ все такимъ же образомъ вплоть до самаго Острова. Искандра встрѣчался и лѣсъ, но и

Въ лѣсъ ли заглянешь — сосна да осина,
Не весела ты, родная картина!

Въ Островѣ, несмотря на ночь, я полюбовался цѣпнымъ мостомъ, — дѣйствительно прекрасное и граціозное сооруженіе. Какой-то страшно трясучій экипажъ довезъ меня до гостиницы, изъ которой отходятъ мальпосты въ Могилевъ. Билетомъ я запасся еще въ Петербургѣ, чтобы избѣжать неудобной, несмотря на всю ея поэтическую прелесть, ѣзды на перекладной, если бы всѣ билеты были разобраны. Пассажиромъ изъ Петербурга оказался одинъ я. Въ гостиницѣ я встрѣтилъ впрочемъ другого, тоже ожидавшаго отправленія мальпоста. Мы познакомились. Я упоминаю объ этомъ не безъ основанія, какъ увидитъ читатель ниже. Мой знакомый оказался казакомъ изъ Амурскаго края, но странное дѣло, по его выговору я за-

мѣтилъ, что онъ долженъ быть непремѣнно иностранецъ, и высказалъ мое предположеніе. Такъ и оказалось. Амурскій казакъ не только по рожденію, но и по воспитанію оказался французомъ, такъ-таки французомъ. Этого мало: я узналъ отъ него, что у него есть братъ, который тоже въ русской службѣ и занимаетъ мѣсто слѣдователя въ одной изъ русскихъ губерній.

— Право, подобные случаи возможны только въ дѣйствительныхъ, колонизирующихся странахъ, какъ Америка или Россія.

— Да помиуйте, спрашиваю я его: — мнѣ кажется, что подобная служба нѣсколько затруднительна для иностранца. Она требуетъ спеціальнаго подготовленія, званія законовъ, знакомства съ нашими обычаями, съ нравами русскихъ людей; чтобы исполнять ее какъ слѣдуетъ, за это возьмется не всякій нашъ-братъ, русскій.

— Помилуйте, отвѣчалъ мнѣ оригинальнѣйшій, какого только мнѣ случалось встрѣчать казакъ: — а развѣ я по рожденію и воспитанію готовилъ себя въ казаки, да еще амурскіе? Все можно, если захочешь.

— Да что же вы дѣлали въ Сибири?

— Попалъ сначала въ какую-то труппу, называемую Благовѣщенскомъ, потомъ отправился со своей сотней куда-то еще дальше, потомъ отправился въ Иркутскъ, откуда и прибылъ сюда въ отпускъ.

— Чѣмъ же вы занимались въ вашей труппѣ?

— Возился съ сотней и охотился.

— Не пробовали ли вы завести у себя школу грамотности?

— Пробовалъ, то-есть прислали предписаніе, да что-то плохо.

Ничего не выходитъ.

— Но что же побудило васъ отправиться въ такую даль?

— Какъ что? Подъемыя, двойные прогоны, а главное, мнѣ предстояла возможность получить лишній чинъ, и обогнавъ товарищей, перейти обратно въ свой гусарскій полкъ. Кстати, вамъ это должно быть извѣстно, возможно ли мнѣ перейти обратно въ мой полкъ изъ отпуска, не возвращаясь назадъ на Амуръ?

— Какъ же, очень хорошо извѣстно. Только позвольте прежде спросить васъ, имѣете ли вы вліятельныхъ знакомыхъ въ Петербургѣ, изъ нашихъ, изъ военныхъ?

Онъ назвалъ мнѣ нѣсколько дѣйствительно сильныхъ людей.

— Разумѣется, можно. По закону вы имѣете даже полное право, особенно если представите свидѣтельство, что сибирскій климатъ оказался вреденъ для вашего здоровья.

— Премного вамъ благодаренъ. Дайте совѣтъ какъ поступить.

Я сказалъ нѣсколько общихъ фразъ какъ должно дѣйствовать.

— А скажите, можно ли мнѣ будетъ получить прогонныя деньги изъ Сибири въ мѣсто расположенія полка.

— Ну это затруднительно, хотя и не невозможно. Если вы будете переведены по вашему желанію и вслѣдствіе вашей просьбы, то вы лишаетесь права на прогоны, но если васъ переведутъ по распоряженію начальства, то вы должны получить ихъ. Впрочемъ, если я не ошибаюсь, то тогда они слѣдуютъ вамъ отъ того мѣста, въ которомъ вы находитесь; но навѣрное я не знаю.

— Благодарю васъ. Употреблю все мое стараніе.

— Разумѣется, постарайтесь, но я увѣренъ, что вы достигнете цѣли.

— Меня смущаетъ только нѣсколько неловкое положеніе мое предъ моими бывшими товарищами, которымъ я сяду такимъ образомъ на шею. Но что же дѣлать? Всякій изъ нихъ могъ воспользоваться тѣмъ же, чѣмъ я воспользовался.

— Разумѣется, отвѣчалъ я. Человѣкъ ищетъ гдѣ лучше, рыба, гдѣ глубже.

Я сталъ раскаиваться въ моемъ всегдашнемъ легкомысліи, съ которымъ я составляю мнѣніе о людяхъ. Мой казакъ, несмотря на то, что былъ изъ французовъ, оказался весьма свѣдущимъ человекомъ въ русской жизни, обычаяхъ и нравахъ. Впрочемъ, я настолько же ошибся въ напередъ составленномъ мнѣніи о его братѣ, который можетъ быть и прекрасный слѣдователь. Съ этимъ господиномъ мы отправились вмѣстѣ въ мальпость. Я доволенъ былъ столько же, что не былъ въ одиночествѣ, сколько возможностью распросить живого человѣка о нашемъ таинственномъ, волшебномъ Амурѣ. Собесѣдникъ мой впрочемъ мало былъ знакомъ съ иркутской жизнью, въ которой сосредоточены всѣ интересныя новости. Рассказы его были отрывчатаго содержанія и столько же неудобны для передачи, какъ еслибы были и въ полной связи. Разспрашивалъ я его и о томъ дѣлѣ, извѣстіе о которомъ года три тому назадъ весьма интересовало петербургскую публику. Къ сожалѣнію ничего новаго онъ не могъ сообщить мнѣ — такъ темною и осталась эта исторія.

Между тѣмъ мальпость нашъ, какъ заведенная машина, катилъ по холмистой мѣстности, одѣванной уже кое-гдѣ яркою, весеннею зеленью. Никакихъ остановокъ и затрудненій не встрѣчалось, и я благословлялъ судьбу, надоумившую меня взять мѣсто въ каретѣ и давшую мнѣ возможность избѣгнуть неудобной, тряской перекладной. Такъ мы доѣхали до Витебска. Сильно поднявшаяся вода снесла мостъ черезъ Двину и задержала насъ. Нужно было переправиться въ лодкахъ. Я съ моимъ спутникомъ отправился впе-

редь, не дожидаясь какъ будутъ распаковывать и переправлять почту. Отъ перевозившаго насъ бѣлоруса мы узнали, что въ весеннее поноводье рѣка постоянно сноситъ весь мостъ, отъ котораго не остается часто ни одного бревна и что онъ, двадцать лѣтъ занимающаяся перевозкой, не помнитъ года, въ который не постигло бы городъ это несчастье и не доставило бы ему работы. Миѣ пришла на мысль древняя легенда о чудовищѣ, жившемъ на одной изъ большихъ дорогъ древней Греціи, для умилоставленія котораго и для доставленія безопасности проезжавшимъ, привосили ежегодно богатѣйшую жертву изъ пятидесяти дѣвушекъ—красавицъ туземнаго населенія, безъ которой страшное животное никого не оставляло въ покоѣ и пожирало всѣхъ путешественниковъ, пока не пришелъ Геркулесъ и не освободилъ страну отъ страшнаго бѣдствія. Здѣсь тоже ежегодно жертвоприношеніе на счетъ туземнаго населенія грубой, фатальной силѣ природы, побѣдить которую человѣкъ не выучился еще, несмотря на полную возможность побѣды. Скоро ли придетъ сюда Геркулесъ нашей эпохи — улучшенный, всепобѣдный мозгъ человѣческій?

Мы отправились со спутникомъ на почтовую станцію дожидаться нашего мальпоста, которому слѣдовало сдать въ почтовую контору витебскую почту. Задержка была весьма продолжительна, слишкомъ шесть часовъ. Вообразите же, читатель, мое удивленіе, когда вмѣсто ожидаемаго съ нетерпѣніемъ покойнаго и удобнаго мальпоста, къ крыльцу станціи подѣхали двѣ перекладныя и когда кондукторъ предложилъ намъ занять въ нихъ мѣста среди тюковъ.

— Позвольте васъ спросить, обращаюсь я къ своему вожатому, отчего мы не продолжаемъ нашего путешествія въ мальпостѣ?

— Г. здѣшній почтмейстеръ распорядился отправить васъ, господа, на перекладныхъ, потомучѣ для двухъ пассажировъ не стоить отправлять кареты, тѣмъ болѣе, что ту, въ которой мы приѣхали, переправить черезъ рѣку довольно затруднительно, а здѣсь двухмѣстной не имѣется, а есть четырехмѣстная.

— Но позвольте. Я взялъ еще въ Петербургѣ мѣсто въ мальпостѣ, а не на перекладной; здѣсь есть небольшая разница и я имѣлъ ее въ виду, когда бралъ билетъ?

— Мы этого не знаемъ и исполняемъ, что прикажетъ начальство.

— Такъ не можете ли вы обождать нѣсколько минутъ, пока я схожу переговорить съ г. почтмейстеромъ?

— Нѣтъ—съ, не могу. Почта дожидаться не можетъ.

— Да вѣдь это крайне несправедливо поступать такимъ образомъ!

— Нѣтъ—съ, ничего. Случается верѣдко и дамъ возить такимъ образомъ, на перекладной. Прошу садиться.

Я подумалъ, подумалъ, и рѣшилъ подчиниться своей печальной участи. Последний аргументъ, что поступаютъ такимъ же образомъ и съ дамами, показался мнѣ особенно сильнымъ. Бѣдныя дамы! что-то вы дѣлаете тогда съ вашими криполинами? Хоть бы учтивость-то, думалъ я, соблюдена была, хоть бы потрудились сообщить мнѣ, что вотъ по такимъ-то причинамъ мальпость не пойдетъ, а пойдетъ перекладная! Если горе не уменьшилось бы черезъ это, то жаль не пришла бы въ такое броженіе. А то такъ и чувствуешь, что ты не ѣдешь на свои собственныя деньги, а везешь тебя попечительное начальство, — пойми ты это.

Что же мнѣ было дѣлать? Я не проѣхалъ и половины дороги, а деньги до Могилева были заплочены. Еслибы я отправился къ почтмейстеру, почта ушла бы и безъ меня. Почтмейстеръ разумѣется не внялъ бы моимъ требованіямъ и принялъ бы ихъ за возмущеніе. Вѣдь не отправилъ бы онъ меня въ особой каретѣ, и самое большее что согласился бы сдѣлать для меня, это отправить съ слѣдующимъ мальпостомъ, т. е. черезъ четыре дня, а время было для меня дорого: я долженъ былъ быть на мѣстѣ къ означенному дню. Нечего дѣлать. Какъ утѣшеніе въ моемъ грустномъ положеніи, я вспомнилъ громко и честно высказанное приглашеніе почтоваго начальства заявлять всѣ жалобы и неудовольствія на недостатки и безпорядки почтоваго управленія, или на уклоненія отъ своей обязанности лицъ почтоваго вѣдомства, и заявляю случившееся со мною происшествіе къ всеобщему свѣдѣнію.

Что меня особенно непріятно поражаетъ въ такихъ случаяхъ, это неожиданность падающей какъ снѣгъ на голову непріятности, на которую никакъ не рассчитываешь. Будь сдѣлано объявленіе, что если соберется путешественниковъ меньше опредѣленнаго числа, то почтовое начальство можетъ пересадить ихъ изъ кареты на перекладную, все же было бы легче. И когда берешь билетъ, то знаешь, что сядешь въ мальпость, а можешь доѣхать до мѣста на перекладной, и среди дороги не поразить тебя подобная мѣра своею странностью и неожиданностью. Говорятъ, существуетъ постановленіе, что мальпость отправляется изъ назначеннаго мѣста только тогда, когда соберется известное число пассажировъ, въ противномъ случаѣ почта идетъ на перекладныхъ. Не знаю, справедливо ли это, по крайней-мѣрѣ мнѣ никогда не случалось читать подобнаго постановленія, но можно утверждать съ большимъ основаніемъ, что не можетъ быть разрѣшенія *пересаживать* путешественниковъ изъ кареты на перекладныя, ибо это значило бы подрывать свой собственный доходъ, потому что врядъ ли нашлись бы люди, которые рѣшились бы брать мѣста въ почтовыхъ каретахъ съ такимъ рискомъ.

Невольно припоминаю случай, бывший со мною въ Баваріи, въ Розенгеймѣ, когда желѣзная дорога между этимъ городомъ и Мюнхеномъ не была еще окончена. Тамъ существуетъ постановленіе, что на немедленное отправленіе имѣетъ право тотъ только, кто прибыть съ багажемъ на станцію не менѣе какъ за десять минутъ до отправленія мальпоста. Я прибылъ на станцію ровно за такое, закономъ опредѣленное время. Отправлялся большой имперяль съ девятью мѣстами, которыя всѣ были заняты, вещи уложены, лошади впрягались. Начальникъ станціи объявилъ мнѣ, что всѣ мѣста заняты, что онъ меня отправить по сему случаю на другой день. Я показалъ ему на станціонныя часы и напомнилъ о моемъ правѣ, и для одного меня немедленно запряжено было трехмѣстное купе, въ которомъ я и отправился, благословляя судьбу, что я не запоздалъ двумя минутами.

На могилевской почтовой станціи я засталъ двухъ путешественниковъ, которые чтобы отправиться въ мальпостъ, уже нѣсколько дней отыскивали третьяго, безъ котораго почтмейстеръ не отправлялъ кареты. Для чего же послѣ этого объявлено правильное сообщеніе въ мальпостъ? Это рождаетъ только раздраженіе противъ быть-можетъ и справедливыхъ денежныхъ расчетовъ почтоваго вѣдомства и противъ его объявленій о правильныхъ отправленіяхъ каретъ. Для чего же не сдѣлать этой оговорки, что мальпосты идутъ только въ такомъ случаѣ, когда соберется извѣстное число пассажировъ?

Отъ Могилева отправился я уже по подорожной на перекладной, и наслаждался поэтической прелестью національной ѣзды. Мнѣ слѣдовало бы сказать нѣсколько словъ о дѣйствительно замѣчательномъ мѣстоположеніи Могилева, но говорить о красотахъ природы я не стану, ибо вполне увѣренъ въ блѣдности какого ни на есть поэтическаго ея изображенія сравнительно съ дѣйствительностью. Ктому же эти романтическія, восторженные описанія утра или вечера, полудня или полуночи какъ-то не въ модѣ въ наше время, выступившее кажется болѣе твердымъ шагомъ послѣ долгихъ колебаній на реальную почву и отложившее до поры до времени всѣ тѣ прелести, которыми недавно еще такъ чистосердечно восхищалось.

Странное обстоятельство обратило на себя мое вниманіе въ Довскѣ, или въ довской станціи, какъ называютъ здѣсь это мѣсто. Здѣсь перекрещиваются шоссе кievско-петербургское и московско-варшавское. Кажется пунктъ нарочито важный, лежащій на пересѣченіи двухъ такихъ путей. И что же? Читатель думаетъ, что находящееся здѣсь по самой малой мѣрѣ село, по счастливому своему положенію, стало расти не по днямъ, а по часамъ и успѣло уже

обратиться въ порядочный городъ? Ничуть не бывало. На довской станціи путешественникъ не замѣтитъ ничего, кромѣ двухъ обширныхъ строеній казенной архитектуры, въ одномъ изъ которыхъ почтовая, а въ другомъ телеграфная станція. Мѣсто для послѣдней оказалось уже неудобнымъ и ее перевели въ Бобруйскъ. Также неудачно выбрано и мѣсто для почтовой станціи. Доказательство на лицо: вокругъ станціи ни одного строенія, никакого жилья, только въ прилепившейся къ горѣ мазанкѣ откупъ, какъ паукъ, устроилъ свои сѣти: мѣсто думаетъ важное. Но вѣроятно и онъ ошибся въ расчетѣ. Вотъ что значитъ не принаровляться къ жизни, а насильственными, либо искусственными мѣрами вызывать или ломать ее! Не проявится она тамъ, гдѣ не мѣсто ей, хотя миліоны посадите на казенныя и административныя сооруженія. Сколько у насъ назначено такимъ образомъ селъ быть городами, которымъ по требованію самой жизни, слѣдовало оставаться селами, и на оборотъ, сколько селъ и мѣстечекъ, скорѣе заслуживающихъ быть городами и центрами административнаго управленія — околоткомъ. На томъ же основаніи, на которомъ Новгородъ и другіе города остались внѣ петербурго-московской желѣзной дороги, на томъ же основаніи слѣланъ былъ выборъ перекрестка для двухъ длиннѣйшихъ нашихъ шоссе, соединяющихъ главные узлы русской городской жизни: Петербургъ, Кіевъ, Москву и Варшаву. Выборъ неудаченъ тѣмъ болѣе, что многія несравненныя выгоды и удобства мѣстности указываютъ на Рогачевъ. Отсюда судоходенъ между прочимъ Днѣпръ внизъ до самаго Екатеринославля, что одно уже громче всего говоритъ въ пользу важности этого города, отстоящаго кому же отъ Довска не болѣе какъ на тридцать верстъ и вовсе не въ сторонѣ отъ обѣихъ путей.

На третій день по выѣздѣ изъ Петербурга, въ два часа дня прибылъ я на переправу въ Рогачевъ. Весеннее солнце пекло сильно, и глазамъ трудно было выносить блескъ его, отражавшійся повсемѣстно отъ разливагося далеко Днѣпра, и со всѣхъ сторонъ окружающаго часть, ведущую къ рогачевской переправѣ.

II. ВИНКОВЪ

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ «ВЪ ТЮРЬМЪ»

Вонъ башни тамъ по берегамъ
Видѣньями стоятъ;
Вонъ по стѣнамъ, склоненъ къ волнамъ,
Орудій черный рядъ.

Тамъ надъ землею туманъ сырой
И день и ночь стоитъ,
Тамъ вѣтра вой и волнъ прибой
Въ недвижный гранитъ.

Лишь — рѣдкій мигъ — раздастся крикъ
Угрюмыхъ часовыхъ
Да слышенъ крикъ, злобѣща и дикъ,
Бессонныхъ птицъ ночныхъ,

Да слышенъ стонъ, — протяженъ онъ
И тоже страшенъ, дикъ,
Какъ смертный сонъ, подземный стонъ,
Глухой, протяжный крикъ...

Но все собой туманъ сырой
Покрылъ со всѣхъ сторонъ,
Но вѣтра вой и волнъ прибой
Глушить подземный стонъ...

О. ВЕРГЪ

П Т И Ц Ы

Изъ-за моря птицы прилетали,
Прилетали, въ роцѣ толковали.

Эхъ жите теперь намъ сѣрымъ птицамъ,
Сѣрымъ птицамъ, коршунамъ хохлатымъ ;

— Эхъ жите теперь намъ чернымъ птицамъ,
Чернымъ птицамъ, воронамъ крылатымъ,

Что земля какъ горькими слезами
Залилася кровью человѣчей.

Говорить имъ древній, старый воронъ,
Говорить имъ сѣрымъ-чернымъ птицамъ :

Я сто лѣтъ побѣнъ людской рудою,
Я сто лѣтъ кормлѣнъ людскою плотью,

По землѣ и прежде было дѣла,
Вороньямъ и прежде было пиру ;

Палачи ли топоры точили,
По курганамъ все столбы взводили,

На столбахъ на тѣхъ качались люди,
Не охотой-волею качались,

А качалъ ихъ вѣтеръ полуночный —
Полуночный, издали заметный.

Изъ-за моря птицы прилетали,
Прилетали, въ роцѣ толковали :

Эхъ бѣда теперь намъ бѣднымъ птицамъ,
Бѣднымъ птицамъ, лебедямъ заметнымъ ;

— Эхъ бѣда теперь намъ смирнымъ птицамъ,
Смирнымъ птицамъ, утицамъ залетнымъ,

На землѣ житья совсѣмъ не стало
Птицѣ смирной, птицѣ перелетной.

Полетимъ мы, птицы, на болота,
На болота, дальнія озера;

Въ камышахъ повьемъ мы, птицы, гнѣзды,
Въ камышахъ, въ туманахъ непроглядныхъ ;

Будемъ, птицы, плавать по затишьямъ,
По затишьямъ, по озерамъ тихимъ ;

Повыводимъ, птицы, дѣтокъ малыхъ,
Лебедятокъ, да утятъокъ сѣрыхъ ;

Пролетимъ мы птицы надъ полями,
Надъ полями, хлѣбными полями,

Проживемъ мы птицы за людьми,
За людьми, сельскими людьми.

Изъ-за моря птицы прилетали,
Прилетали, въ рошѣ толковали.

О. ВЕРГЪ

БѢДНЫЕ ЖИЛЬЦЫ

ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

На Петербургской сторонѣ, недалеко отъ Сытнаго рынка, есть домъ, принадлежащій г-жѣ Крохоборовой. Онъ построенъ ввидѣ сундука, безъ малѣйшихъ притязаній на какую нибудь архитектуру. Все вниманіе Крохоборихи было устремлено на внутреннее устройство дома: она раздѣлила его разными летучими перегородками, дрожащими при малѣйшемъ стукѣ ѣдущаго мимо экипажа, на «безчисленное» множество комнатъ, похожихъ на пчелиныя ячейки. За каждую такую ячейку она брала съ бѣдняковъ-жильцовъ по два, по три, по пяти и по семи рублей ежемѣсячно. И сколько жильцовъ лѣпилось въ этомъ ульѣ! Тутъ жила и ткачиха, и коровница, и отставная титулярная совѣтница. Кромѣ того здѣсь проживали: одинъ литераторъ, два шарманщика, чиновникъ, выгнанный изъ управы благочинія, отставной фейерверкеръ, выгнанный изъ прихода дьячокъ и регистраторъ изъ сената. Сверхъ того, во флигелѣ жилъ состоявшій тридцать-пять лѣтъ подъ судомъ надворный совѣтникъ, разнощикъ газеты «Племянникъ» вмѣстѣ съ матерью, отставной дворникъ съ дочкой Сашей и почтальонъ съ семью членами семейства.

Я хочу взять на выдержку нѣкоторыхъ изъ жильцовъ и описать безхитростно, безъ прикрасъ ихъ житье-бытье. Начну сверху. Подъ самой трубой, жилъ зиму и лѣто регистраторъ изъ сената. Онъ занималъ на чердакѣ комнату или вѣрнѣе конуру, имѣющую видъ усѣченной призмы. Одинъ фасъ ея составлялъ боровъ печной трубы, отъ котораго шолъ потолокъ совершенно наклонно, вплоть до самаго пола. Лѣтомъ было нестерпимо жарко, потомучто желѣзъ-

ные листы крыши (она же и потолок) страшно накаливались под лучами лѣтняго солнца. Окно, величиною въ кулачекъ, никогда не давало свѣта: лѣтомъ оно было постоянно загажено живущими безплатно подъ крышей голубями, покрыто вѣковѣчнымъ слоемъ пыли и паутины, а зимой на стеклахъ намерзало вершка на два льду, сосульки котораго торчали грозно, какъ хоботь носорога.... Регистраторъ Лебединъ не «входилъ» въ комнату, какъ это дѣлаютъ остальные смертные, а «влѣзалъ» въ нее, начиная съ головы, потомучто она была похожа на какую-то узкую трубу, состоящую изъ трехъ граней: крыши, борова и пола. Впрочемъ регистраторъ Лебединъ нисколько не унывалъ, и не встрѣчая ни въ одной сенатской бумагѣ имени Діогена, наивно удивлялся, почѣму сослуживцы прозвали его этимъ именемъ. Лѣтомъ служилъ ему кровомъ сводъ небесный, да своды правительствующаго сената, а зимою, въ свободное отъ службы время, онъ или дежурилъ за другихъ въ сенатѣ же, или согрѣвался въ ближайшемъ кабачкѣ, носящемъ многознаменательное прозвище «Теряева.» Жизнь этого бѣдняка состояла изъ двухъ періодовъ: при полученіи «сихъ» (т. е. 9 руб. и 92¹/₂ копѣекъ) онъ оживалъ дня на три, а остальные 27, 28 дней погружался въ какое-то летаргическое состояніе, въ ожиданіи слѣдующихъ «сихъ.» Онъ, бѣдняга, всю жизнь не обѣдалъ ни разу, а только «перехватывалъ.» Я знаю многихъ такихъ, даже изъ гг. офицеровъ, которые почти не обѣдаютъ, а только перехватываютъ да закусываютъ. Но тамъ на это другія причины....

Такимъ образомъ Лебединъ, платя ежемѣсячно жадной Крохоборихѣ по полтора рубля за собачью конуру, только ночевалъ въ ней, да и то ночей шесть-семь не болѣе, потомучто въ остальные покоился на мягкихъ сенатскихъ диванахъ «будто-бы» безъ всякихъ безпокойныхъ обитателей....

Но коварные сенатскіе чиновники чуть не лишили его послѣдняго удовольствія: дежурить въ сенатѣ, въ просвѣщенномъ обществѣ сенатскихъ сторожей и получать за каждое дежурство по двадцати копѣекъ. Онъ сначала прослылъ за «вѣчнаго дежурнаго» между сослуживцами, поэтому послѣдніе нанимали его за себя дежурить, платя за каждый разъ по двугривенному; такимъ образомъ у него скоплялось около шести рублей ежемѣсячно самаго безгрѣшнаго дохода. Лебединъ долго таилъ отъ товарищей свое мѣстожителство; наконецъ они таки это пронюхали, выписали изъ книги адресъ, и послѣ полученія «сихъ,» всѣмъ синклитомъ нагрянули къ Лебед-

вину. Каково же было ихъ изумленіе, когда они увидѣли, что ихъ товарищъ «живетъ въ призмѣ».

— Господа, открытіе, открытіе! закричалъ одинъ изъ пришедшихъ: — знаете ли, почему Діогенъ нанимается всегда за насъ дежурить?

— Почему? Что это такое *Діогенъ*? посыпались вопросы.

— Діогенъ, господа, какъ я слышалъ отъ архивариуса, былъ великій греческій или римскій философъ, непомяну хорошенько, «имѣвшій мѣсто жительства» въ бочкѣ, а сей мужъ потому нанимается охотно за насъ дежурить, что ему было бы нестерпимо каждую ночь ночевать въ такой тѣсной квартирѣ. Поэтому мы великіе ослы, господа, съ ушами, подобными мидасовымъ, что даемъ ему по двугривенному за дежурство. Съ этихъ поръ баста ему платить! онъ самъ будетъ насъ просить, чтобъ мы ему позволили за себя дежурить, лишь бы не ночевать дома. Дѣйствительно перестали его нанимать, ожидая, что онъ самъ *безвозмездно* предложитъ свои услуги. Надо было выдержать характеръ, *заставить* чиновниковъ просить себя, а чего это ему стоило? Онъ семь ночей дрожалъ подъ дырявой шинелишкой, какъ листъ осиновый, когда на дворѣ трещалъ двадцати-градусный морозъ, несмѣя приподняться, разогнуться, чтобы неудариться макушкой объ стропила, — вотъ жизнь-то!

Читатель можетъ-быть любопытствуетъ узнать, каковъ былъ гардеробъ у Лебедкина? Шинель, служащая во всѣ времена года защитой отъ непогодъ, постелью одѣяломъ и халатомъ. Ворсъ на сукнѣ до того вытерся, что оно походило больше на тюль, чѣмъ на сукно. Воротникъ — изъ самой неблагопристойной шерсти какого-то звѣря, неизвѣстнаго еще зоологіи. Сюртукъ съ форменными пуговицами, до того вытертый и лоснящійся, что походилъ на резиновый. Сапоги, калоши, все это какъ слѣдуетъ подъ кадрили остальному. Казалось бы, на 15 рублей можно было бы жить гораздо приличнѣе описаннаго, но Лебедкинъ имѣлъ два обычая: одинъ очень похвальный — посылать ежемѣсячно семь рублей матери и другой очень скверный — пропивать остальное. Какъ настанетъ первое число, то-есть по сенатскому стилю двадцать третья, городъ Санктпетербургъ, особенно петербургская — видимо оживаютъ: питейныя, закусочныя, портерныя, трактирчики, называемые паршивенькими, наполняются преимущественно чиновниками сенатскаго вѣдомства, надворнаго уголовного суда и «управы бла-

гочинія», отъ 15 до 12 класса включительно. Лебединъ приходилъ въ этотъ радостный для петербургской бюрократіи день, часовъ въ семь, въ восемь, съ лицомъ расцвѣтшимъ подъ плѣнительнымъ дыханіемъ Терьева-портерной. Тотчасъ бралась со стѣны скрипка и «призма» оглашалась сладостными мотивами: «милый другъ», «Настасья, отворяй-ко ворота!»

Онъ что-то года четыре собирался разучить «сарафанчикъ растегайчикъ» да какъ-то все несобрался. Разумѣется будучи настроенъ музыкой и «очищенной» ко всему возвышенному, онъ искалъ общества «прекраснаго пола» и съ этою цѣлю отправлялся въ портерную. Часовъ около десяти вечера раздавался, во мракѣ погашенныхъ вездѣ огней, стукъ калошъ и какой-то «плѣнительный шорохъ», заставляющій сильнѣе биться сердце молодого человѣка, ворячающагося отъ блохъ въ сосѣдней свѣтелкѣ на диванѣ, исполненною разными насѣкомыми. Утромъ, до разсвѣта, слышался тотъ же плѣнительный шорохъ, и у проснувашагося поздно Лебекина не оказывалось или полотенца на гвоздѣ, или бумажника съ послѣдней осиротѣвшей рублевой депозиткой. Впрочемъ Лебединъ за это и не сердился: онъ окончательно примирился съ этими явленіями, повторявшимися ежемѣсячно въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; все равно, какъ мы привыкаемъ къ восхожденію и захожденію солнца.

Когда, послѣ трехъ дней, лихо проведенныхъ, начинался періодъ летаргическаго усыпленія, Лебединъ, вмѣсто кусающихся по цѣнѣ трактирныхъ поросятъ, биштексовъ, телячьихъ ножекъ, начиналъ питаться студенемъ; но какъ и студень составляетъ огромный дефицитъ въ мѣсячномъ бюджетѣ сенатскаго писца, то онъ переходилъ къ похлебкѣ изъ рубцовъ, къ печенкѣ и тому подобнымъ предметамъ, продаваемымъ на Сытномъ. Взявши въ лавочкѣ фунтъ хлѣба на семитку, онъ отправлялся на Сытный и приказывалъ себѣ подать порцію рубцовъ. Кроме этого у многихъ бабъ есть «горячее сердце», которымъ они вѣчно торгуютъ близъ Мытнаго, снабжая имъ мужиковъ, мастеровыхъ и т. п. За три копѣйки вы можете попользоваться волю «горячимъ сердцемъ» у любой бабы. Она вамъ отрѣжетъ, если хотите на грошъ «горла», поподчуетъ за копѣйку сухимъ рубцомъ, изъ котораго непривлекательно выглядываетъ, словно зеленый сыръ, кака-то нечистота. И ѣдятъ, да еще съ какимъ аппетитомъ!

Въ свѣтелкѣ, рядомъ съ Лебедкинымъ, былъ жилецъ — отставной надворный совѣтникъ Доримедонтъ Флегонтовичъ Пыряевъ. Онъ получалъ пенсію что-то семь рублей съ копѣйками, ходилъ на канатную фабрику, близъ Николы Мокраго, вить веревки и получалъ за эдо въ сутки по семидесяти-пяти копѣекъ. Лѣтомъ же отправлялся онъ крутить колесо на машинѣ для очищенія каналовъ отъ грязи. Надо было видѣть его руки: на ладоняхъ и пальцахъ были натерты мозоли, чуть ли не въ дюймъ толщиной, такъ что кисть руки никакъ не могла согнуться въ кулакъ. Надо было видѣть эти руки, когда онъ на открытомъ воздухѣ, въ двадцатиградусный морозъ, поработаетъ ими часовъ двѣнадцать въ сутки.

Кожа до того растрескается, что изъ пальцевъ струится ручьями кровь: они побагровѣютъ и посинѣютъ. Я разъ увидалъ его и спросилъ что за фантазія пришла ему щеголять въ алыхъ перчаткахъ?.. Тутъ то я разглядѣлъ что это были за перчатки, когда онъ обѣ кисти поднесъ къ самому моему носу. Можетъ-быть онъ и не былъ бы вынужденъ необходимостью такъ работать, еслибъ не семейство. На сороковомъ году ему пришла фантазія жениться. Глупый человекъ! словно забылъ, что женитьба — «законный союзъ» — для бѣдняка такой же недоступный предметъ роскоши, какъ милютинскіе арбузы, вишни среди зимы по четвертаку ягодка.

Врѣзался въ какую-то хорошенькую дѣвчонку, которая еще до замужства цѣвала «сарафанчикъ растегайчикъ», такъ чего же было и ждатель?.. Ну, конечно, послѣ медоваго мѣсяца съ мужемъ, измученнымъ нуждою, она и обратила его въ батрака. Плачетъ, реветъ благимъ матомъ: кофе не на что пить четыре раза въ день, лисьяго сапога къ зимѣ нѣтъ, доставай гдѣ хочешь! Гдѣ жъ достанешь?

Глядь — жены сутки нѣтъ, другія — вдругъ является вся краснѣвшаяся, словно спѣлая ягода... Съ нимъ чуть не сдѣлались корчи, такъ онъ ее любилъ. У него не хватило духа дать ей поученіе по всѣмъ правиламъ «Домостроя». Онъ смолчалъ, стерпѣлъ, а чего ему стоило вынести двухсуточную пытку. Вотъ тебѣ и женитьба бѣднаго человека! На другое утро она опять пристала къ мужу. Уѣду, говорить къ нему, если не будетъ лисьяго сапога!

Онъ схватился за волосы да и отправился къ старому пріятелю, чтобъ выманить у него на колѣняхъ двадцать-пять рублей. Пріятель-то видно былъ хорошій человекъ, да и онъ-то не хуже: четыре мѣсяца отдавалъ свою скудную пенсію цѣликомъ, а самъ ходилъ на канатную фабрику работать. Жены-то этимъ не исправилъ, да

самъ-то покрайней мѣрѣ запасся должной твердостью въ борьбѣ съ жизнью. Онъ махнулъ рукой на жену и принялся за священное писаніе въ свободное отъ работы время.

— Тамъ я обрѣлъ истинное утѣшеніе, — говаривалъ онъ мнѣ, понюхивая табачокъ, которымъ самъ и торговалъ. Что это былъ за труженикъ, такъ надо было удивляться. Жена, пользуясь, что онъ ее до безумія любитъ, съѣла ему окончательно на шею. Она бѣсила его по тридцати разъ въ день, смѣялась нахально надъ его ревностью, привозила при немъ «своего душку» какого-то барина въ перстняхъ, страшнаго остолопа, вѣкъ живущаго чужимъ трудомъ, круглаго невѣжду, потому-что ученые дипломы такимъ людямъ достаются за деньги. Мужъ не смѣлъ этому тунеядцу, заѣдающему его покой, сказать слово. Я удивлялся что за безчувственное бревно была эта женщина! Она нецѣнила нисколько его самопожертвованія, его готовности разрѣзать свою грудь и отдать ей сердце, душу... Добро бы онъ былъ уродъ, или старикъ, ни чуть не бывало! Мужчина, какъ мужчина, въ самой порѣ.

— Какъ ты, тварь этакая, неумѣешь цѣнить такого золотого человѣка! Да будь у меня такой мужъ, я бы ему просто молилась!..

— Сама знаю, что хорошъ! отвѣчала вѣтреная красавица: — да вотъ что хочешь, чувствую къ нему отвращеніе!

— Да чтоже въ немъ худого, скажи? я такая жъ женщина!..

— Ейбогу ничего! во всѣхъ отношеніяхъ мужъ, а вотъ чувствую таки отвращеніе!

— Наладила отвращеніе, да отвращеніе! да вѣдь оно должно же быть на чемъ нибудь основано!.. Вѣдь ты не полѣно, а человѣкъ: должна же умѣть сколько нибудь различать людей!.. Вѣдь хорошіе-то люди не валяются на улицѣ, какъ булыжникъ.

— Ну, ты все съ своимъ разсужденіями! отвѣчала невѣрная жена и затягивала во все горло: «какъ на улицѣ мятелица мететь».

Сосѣдка была діаметральная ей противоположность: любила мужа до безумія, за то тотъ былъ безпутный, пьяница, пропивалъ ея платье, даже платье дѣтей и таскался со всякою дрянью.

Да вотъ вамъ недалеко ходить: у окошка торчитъ постоянно маленькая семнадцатилѣтняя брюнетка Лиза — дочь отставнаго дворника. Послушайте какъ она своимъ соловьинымъ горлышкомъ выпѣваетъ:

Но за сладкія мгновенья,
Я тебя безъ сожалѣнья

Оставляю навсегда,
Оставля-а-ю на-а-а всегда!

и опять :

Долго мать меня журила
И до свадьбы запретила и проч.

Отъ этой подвальной красоти перенимаетъ пѣсню одиннадцатилѣтняя дѣвочка и тоже старательно выводитъ «но за сладкія мгновенья».

Старикъ—отецъ живетъ въ подвалѣ, и привычки съ дѣтства къ трудолюбію, вѣчно ковыряетъ что-нибудь : или тачаетъ сапоги, или чинитъ ихъ, накладывая на нихъ кожаныя лепешки толщиною въ юлвершка, или вбиваетъ въ каблуки чуть ли не корабельные гвозди... Тамъ примется молотъ табакъ, который, продавая разнымъ кавалерамъ, выручаетъ каждый мѣсяцъ бѣдно-бѣдно два рубля. То наколетъ дровецъ, лучины нащеплетъ, чтобъ кофеишкомъ дочку напить, которую послѣ смерти жены бережотъ нуще праваго глаза, а какъ и убережешь, когда она сейчасъ затянула : «я бы рада отворила, да...» старикъ простъ душой : онъ не понимаетъ всей тонкости значенія вошедшихъ нынѣ въ моду пѣсень. Иногда только, услышавши что-нибудь черезчуръ рельефное, скажетъ : ну, дура, дура, завралась ! — А какъ онъ лѣтомъ трудолюбивъ ! копаются весь день въ огородѣ : то грядки расчищаетъ, то яблонку окапываетъ.

Его тѣшитъ, что посаженная имъ маленькая яблонка будетъ современемъ давать вкусные плоды и пріятную тѣнь, акурать какъ примѣры изъ азбуки, — да дѣло не въ томъ!..

Ни одна мелочь въ хозяйствѣ не укроется отъ его глаза ! Ходитъ да приговариваетъ : «цыновку-то на двери нужно переколотить, — оно все въ день-то зимній полѣнцомъ, двумя меньше. А дровцы-то нынче *жгутся* : плохія — три рублика; вотъ оно и расчетъ!» Гвоздикъ на улицѣ подыметъ, петельку у торговца по знакомству выпроситъ, крючочекъ — все въ сундукъ да въ сундукъ. Глядишь, поналобилось, анъ тутъ и есть ; не бѣжать въ лавочку, на Сытный, не платить денежки. Вотъ такъ, полегонечку да помаленьку, даже безъ скряжничества, старые люди скопляли тысячи. Старикъ—то даромъ что ходилъ въ порывѣлой шинелишкѣ, заплатка на заплаткѣ, а берегъ въ тряпочкахъ три сотенныхъ, собственно дочкѣ на приданое. Ему хотѣлось ее выдать за гвардейскаго фельдфебеля, или за департаментскаго писаря, у котораго отъ честной службы было бы коко съ сокомъ. Къ нему въ лѣтніе праздничные дни и похаживали

писаря изъ инспекторскаго департамента, корчащiе изъ себя чистѣйшихъ аристократовъ. Они безмилосердно копируютъ своихъ адъютантовъ — графскихъ, да княжескихъ сынковъ. Даже сапоги, фуражки заказываютъ у тѣхъ шапочниковъ и сапожниковъ, у которыхъ заказываетъ его высокоблагородiе или сiятельство. Сдѣлай мнѣ акуратъ такое *кепе*, какое сдѣлалъ его высокоблагородiю! Откуда это все берется у писарей при восьми рубляхъ мѣсячнаго жалованья, мнѣ это совершенно неизвѣстно!..

Раздушивши на пропалую платки, галстухи *екс-букетомъ*, облѣкшись въ тонкiе атласистые скюртуки съ яркими галунами, въ сапоги съ «аристократическимъ» скрипомъ, два-три молодыхъ писаря являются въ гости къ старику, чтобъ повертѣться на каблучкахъ, да наговорить *беклементовъ* семнадцатилѣтней красавицѣ Лизѣ. Она уже разфрантилась въ платьѣ изъ самой дорогой матерiи, какая только есть на Сытномъ. Всѣ движенiя ея связаны: она хочетъ непременно быть «архистратической» барышней, имѣетъ *претензю* говорить по французски: бон журъ мусью, оваръ мусью (*au gevoir*) парле ву францѣ, и т. п. Чего-чего въ нашемъ народѣ, а поползновенiй къ *архистратизму* во всѣхъ сословiяхъ необерешься. Писаря, испивши стакановъ по шести *кожею съ урызенiемъ совести*, отправляются лѣтомъ, всѣмъ компанствомъ, въ александровскiй паркъ. Александровскiй паркъ — любимое, какъ извѣстно, гулянье аристократическихъ горничныхъ, фабричныхъ, писарей и великосвѣтскихъ лавочниковъ. Да вотъ лавочникъ теряевскаго переулка примѣръ: онъ постоянно выражалъ свои *чувствiя* Лизѣ. Отпуская укусу на копѣйку, приговаривалъ: собственно для васъ сдѣлалъ на полторы копѣчки почтенiя-сь...

— Дайте, Сидоръ Евсѣичъ, канхветки! говорила Лиза.

— А какое за ефта будетъ отъ васъ удовлетворенство?

— Какой вы чудной, Сидоръ Евсѣичъ!

— Не хотите-ли, барышня, возимѣть со мной купное намѣренiе прогуляться хоть касательственно александровскаго парка?

— Нѣтъ, этого не будетъ-сь. Я пристрастна къ тятенькѣ.

— Да еслибъ ко мнѣ тятенька не имѣлъ пристрастiя, я бы вамъ поллавки, сударыня, отдалъ. А то все у насъ на счету. да на чеку-сь. И сластолюбивый купецкiй сынокъ самъ запикивалъ въ кармашекъ Лизы канхветы — первѣющiй можно сказать сортъ.

Лиза, какъ хорошенькая балованная дѣвчонка, разумѣется проводила время въ праздности. Правда, что она вязала чутъ ли не

полтора года, одни чулки, а большую часть времени погѣвала пѣсенки, да посматривала на молодыхъ сенатскихъ регистраторовъ, этихъ львовъ петербургской стороны. Но она преимущественно перемигивалась съ какимъ-то юнкеромъ, высокимъ, стройнымъ молодымъ человѣкомъ, выпущеннымъ изъ кадетскаго корпуса за грубость ротному командиру. Онъ иногда втихомолку вечеркомъ бесѣдовалъ съ Лизой у калитки, убѣждалъ ее Христомъ-Богомъ съѣздить съ нимъ на Крестовскій съ тѣмъ, чтобъ «насладиться природой», какъ онъ выражался. Онъ передавалъ ей какія-то сѣренья книжки, въ которыхъ прозою и стихами говорилось про безумную любовь, торчащія надъ грудью пистолеты и kloчущую «вотъ тутъ» лаву... Дворницкая дочка, незнавшая даже порядочно «отче нашъ» и «десять заповѣдей» съ наслажденіемъ перечитывала эти книжонки, сѣрыя, какъ солдатскій набрюшникъ. Кончилось все дѣло тѣмъ, что Лиза сутокъ трое пропадала, потому была вельми бита отцомъ, который даже захворалъ отъ того, что дѣвка сбилась съ панталыку... Потомъ уже за нею никто не смотрѣлъ, и она по вечерамъ отпирывалась любоваться газовымъ освѣщеніемъ Невскаго проспекта... Вы ее можете видѣть даже сегодняшній вечеръ, если не на Большомъ проспектѣ Петербургской, то навѣрное на бульварчикѣ въ седьмой линіи. Я знаю изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ, что теперешней любимой ея пѣсней: Онъ меня разлюбилъ, онъ меня погубилъ и проч. Грустно!

Теперь у меня на очереди кривоногій газетчикъ «Племянника», по имени Селифанъ и матушка его, извѣстная чуть-ли не половиной Петербургской стороны Агафья Алексѣевна. Въ ихъ квартиру сейчасъ бы отличили по множеству прилѣпленныхъ къ стѣнѣ чернымъ хлѣбомъ гравюръ, изображающихъ купающуюся Сусанну съ двумя любующимися на ея тѣлеса преступными старцами, Юдифъ, собирающуюся въ гости къ нечестивому Олоферну и пр. и пр. Расторопный газетчикъ Селифанъ выкралъ всѣ эти рѣдкости изъ праздничныхъ нумеровъ «Племянника», а самые номера продалъ трактирщикамъ по гривеннику. Онъ, Селифанъ, долго спекулировалъ нумерами этого прекраснаго во всѣхъ отношеніяхъ журнала, выдавая оныя тѣмъ изъ поддизниковъ, которые были помирнѣе и побѣднѣе. Вообще, этотъ промыселъ — разноска газетъ и журналовъ, стоитъ описанія. За какіе нибудь десять рублей, которыхъ едва хватить на сапоги, разнощикъ отходитъ пятую, или восьмую часть города, примѣрно всю Петербургскую, Выборгскую, съ островами.

Вотъ онъ ежедневно долженъ выписывать концы отъ московскихъ казармъ, за Самсоиёмъ, до Тучкова моста и отъ второго сухопутнаго до дачи княгини Бѣлозерской; присоедините къ этому лѣтомъ, всѣ острова и вы убѣдитесь, что несчастному газетчику приходится ежедневно разносить двѣсти, триста даже пятсотъ нумеровъ по пространству величиною чуть-ли не съ нѣмецкое герцогство. На всемъ Елагиною одинъ подписчикъ, ну и колѣси туда, во-всякую погоду, не разбирая ни стужи, ни грязи. Часто достается разносить номера въ темныя октябрскія ночи съ мокрымъ снѣгомъ, пронзительнымъ вѣтромъ, со всѣми прелестями... Да не по какойнибудь Литейной, освѣщенной газомъ, а по такимъ труппомъ, каковы: Терлева, Плуталова улицы на Петербургской. Тутъ пока доберешься по адресу до подписчика, можно девяносто-девять разъ сломить шею, выкупаться въ канавѣ, еле-еле прикрытой проваливающимися досками кладокъ.

Поэтому-то меня всегда и удивляютъ наивныя претензи г. подписчиковъ, почему-де имъ журналъ или газета не доставляются къ сроку? Разумѣется газетчики, вызубривши всѣ адреса на память, вслѣдствіе долгой практики, управляютъ съ дѣломъ легче, во каково новичку, которому его предѣстникъ хотя и показалъ два-три раза всѣ адреса, упомянуть четыреста, пятьсотъ домовъ, воротъ, лѣстницъ, тѣмъ болѣе, что въ глухихъ улицахъ недоступишься въ ворота, недоспросишься адреса. Еще пожалуй забѣдать собаки. Зато-жъ газетчики ловко подмѣчаютъ тѣхъ подписчиковъ, гдѣ на акуратность доставки нумеровъ не обращаютъ большого вниманія, или гдѣ подписчикъ въ отлучкѣ, нездоровъ, крайне бѣденъ, робокъ, неохотникъ заводить какіянибудь кляузы, жалобы и т. п. Они такому подписчику принесутъ номерка два-три въ недѣлку, да и будетъ. Остальные номера продаютъ въ трактирахъ, пивныхъ, харчевняхъ, демидовскихъ заведеніяхъ — за гривенникъ, за пяточокъ, за право похлебать щей копѣйки на три, получить порцію щей и каши въ «снабженіи пищей». Разумѣется, подписчикамъ свирѣпымъ, «кляузникамъ», какъ говорятъ газетчики, послѣдніе, по чувству самосохраненія, доставляютъ номеръ въ номеръ акуратно; той же акуратностью доставки пользуются подписчики, любящіе давать разнощикамъ пятиалтынички, гривеннички, а въ большіе праздники и полтиннички. И тутъ, какъ и вездѣ, есть безгрѣшныя доходишки. Случись номеръ съ замѣчательными стихами, повѣстью, или просто съ опечаткою вродѣ известной о наймѣ гувернантки, газетчикамъ — лафа. За-

бубенная молодежь, харахорящіеся старички, юркія пансіонерки, только-что выпрыгнувшія замужъ, до-смерти любятъ подобныя опечатки и тайно или явно разхватываютъ эти нумера по гривеннику, двугривенному, хранятъ ихъ, какъ драгоценность, перечитываютъ въ интимныхъ компаніяхъ. То же самое, если проскочить въ вумерѣ статейка по части либералистики, напримѣръ, если писателю удалось показать изъ кармана кулакъ сильному лицу, или облаять это лицо изъ подворотни — сейчасъ же молва разнесется про этотъ №. И редактору лафа, и разнощикамъ энземпляровъ лафа, и сочинителю, и всѣмъ — лафа!... Бываютъ для газетчиковъ, какъ и для всѣхъ добывающихъ хлѣбъ въ потѣ лица, и горькія минуты. Напримѣръ Селифанъ однажды довольно неудачно спустилъ десять нумеровъ, недодавши ихъ подищикамъ. Подищики обратились съ жалобой къ самому верховному распорядителю всѣхъ дѣлъ, относящихся къ печатанію «Племанница.» Надо было зрѣть гнѣвъ почтеннаго редактора, привычнаго слышать, что журналъ его именно тѣмъ только хорошъ, что акуратно выходитъ и доставляется. Онъ приказалъ привести «блуднаго» Селифана предъ свѣтлыя свои очи, и объявилъ, что отвергаетъ недостойнаго, а за каждый изъ десяти нумеровъ вычитаетъ изъ жалованья Селифана по четвертаку.

Можете, читатель, судить, какой ревъ подняла мать его, Агафья Алексѣевна, для которой десять рублей сыновняго жалованья были единственнымъ средствомъ пропитанія!

Дѣло было поправить очень трудно: сама Миньона, приклеенная хлѣбомъ къ стѣнѣ, глядѣла со слезами на рыдающую старушку. Даже Иголкинъ, только-что собравшійся поразить шведовъ, остановился и глядѣлъ на нее... Маменька отправилась къ почтенному редактору, залпла какъ слѣдуетъ слезами, и къ чести послѣдняго, вымолила для сына прощеніе. Впрочемъ и подищики простили неаккуратность одного изъ 52 племянниковъ, издаваемыхъ въ числѣ 52 въ годъ... Но не мѣшаетъ сказать и про Агафью Алексѣевну. Это была, даже есть и теперь — добрыйшая старушка, какихъ я только знавалъ. Въ ней даже обнаруживались романическія наклонности, какая-то карамзинская сантиментальность, особенно когда выпьетъ въ теряевомъ-набачкѣ на десять копѣекъ. Впрочемъ, она позволяла себѣ эту роскошь только въ праздники, или послѣ хорошаго сбора на паперти, во время богатыхъ купеческихъ похоронъ, сватъ, молебствій за услышное окончаніе дѣлъ и тому подобное. Остальныя деньги она берегла на маслице для лампадки,

которое, къ крайнему сожалѣнію всѣхъ благочестивыхъ людей и къ крайнему удовольствію мошенниковъ лавочниковъ, становится дороже день ото дня. — Она любила, чтобъ лампадка постоянно теплилась передъ споручницей всѣхъ страждущихъ и передъ Антипіемъ зубнымъ цѣлителемъ, потому что старушка постоянно хворала зубами. Чѣмъ она ихъ не лечила: и зашоптываніями, и просила класть ей, безъ ея вѣдома, подъ подушку записочку съ симпатическими словами: приди вчера и прочее — ничего не помогало. «Да ты положи, мать моя, на больной зубочекъ священной ватки изъ лампадки цѣлительницы: все какъ рукой сниметъ.» Старушка послушалась; кромѣ того отслужила со слезами молебенъ угоднику Антипію, заплатила отцу Павлу цѣлый четвертачокъ, да свѣчку поставила въ пять копѣекъ. Съ тѣхъ поръ, какъ она увѣряетъ, ей сдѣлалось гораздо легче. Вотъ что значить вѣра! Чуть начнется бывало обѣдня, у Введенія, или у Матвѣя, Агафья Алексѣевна спѣшитъ на церковную паперть, или станетъ на дорогѣ, ведущей отъ большого проспекта на Пушкирскую. Согнувшись въ три погибели, опираясь на костыль, а иногда и зажмуривши глаза, если мимо идущій чело­вѣкъ незнакомый, она, подъ видомъ слѣпенькой, хворой старушки, наберетъ въ праздникъ бѣдно-бѣдно четвертачокъ. А если еще большой праздникъ, каковы: пасха, рождество и прочее, такъ и цѣлый трехрублевикъ. Въ будни тоже бываетъ не безъ поживы: каждая ветхая старушка, идущая къ обѣднѣ, считаетъ долгомъ передъ этимъ дать хоть грошикъ какому-нибудь бѣдненькому. Передъ слушаніемъ слова божія, передъ входомъ во храмъ, необходимо, по мнѣнію многихъ старушекъ, сдѣлать какое-нибудь доброе дѣло.

Агафья Алексѣевна, если и побиралась, то нельзя сказать, чтобъ совершенно изъ нужды, а такъ, «изъ любви къ искусству», отчасти изъ желанія напиться лишній разъ кофейку, косушечку другую вѣдочки употребить. Кто не желаетъ доставить себѣ лишніа удобства? Нельзя безусловно осуждать «побирашекъ». Развѣ почтенныя дамы въ лисьихъ шолковыхъ салопахъ, отдающія тайкомъ деньги на проценты, не побираются, не обиваютъ пороги разныхъ благодѣтельныхъ особъ? Вся разница, что Агафья Алексѣевна протянетъ руку на паперти, въ присутствіи всего прихода, а какая-нибудь Вильгельмина Карловна сдѣлаетъ тоже самое въ кабинетѣ, глазъ на глазъ съ Христіаномъ Готлибичемъ. Вся разница, что одна бьется изъ-за лишней косушечки, а другая изъ лишней парочки орловскихъ рысаковъ...

Агафья Алексѣевна тѣмъ и выигрывала въ жизни, что могла плакать, когда ей вѣдуается, когда потребуютъ того обстоятельства; у нея послѣ шкалика всегда была слеза изъ лѣваго глаза, послѣ косушечки — изъ обоихъ; а когда выпьетъ двѣ, то просто заливается, какъ рѣка.

Она плакала часто безъ всякой уважительной причины, особенно, когда выпьетъ.. Это ей приносило своего рода удовольствіе, наслажденіе...

— Экая я бѣдная, несчастная сиротка, одна-одинешенька: ни папеньки, ни маменьки — и зарыдаешь.

— Какіхъ же вамъ еще папеньки и маменьки хочется; когда вамъ самимъ шестьдесятъ-три года? Поменьше бы водки пили, маменька, такъ поменьше бы и слезъ было, говорилъ Селифанъ.

— Охъ, Селифаша, ты не знаешь моего горя!

И снова заплачетъ.

— Большое горе! простояли на паперти два часа, собрали полтинникъ, да пришли домой кофею напились.

— Такъ ужъ и полтинникъ! Какой ты прыткой! Дай-богъ и четвертакъ-то набрать...

— А все жъ даромъ и четвертакъ хорошо получить; вѣдь вы ничего не дѣлаете!.. Нѣтъ, вы попробуйте помоему околесить, каждый день, верстъ тридцать-сорокъ, тогда и унаете какъ трудовая копѣчка-то достается!

Разумѣется въ первыя числа послѣ получки жалованья, Селифанъ возвращался какъ стелька пьянъ. Подталкиваемый словно какой-то невѣдомой силой отъ одного тротуара къ другому, онъ таковыми зигзагами возвращался домой и въ чемъ былъ ложился на матернину постель. Они всегда спали на одной постели. Впрочемъ, возвращеніе домой пьянаго жильца было явленіемъ самымъ обыкновеннымъ; никто не обращалъ на это вниманія, развѣ кто-нибудь скажетъ мимоходомъ: экъ его насвистался!

Еще напротивъ, жоны, сестры, матери живущихъ здѣсь, какъ будто хвастались другъ передъ другомъ, спорили; чей лучше вчера напился?.. Поутру, какъ соберутся зимой въ общей кухнѣ у очага, а лѣтомъ на крылечкѣ, да и ну тараторить про мужей и родныхъ.

— Мой-то вчера, видѣла, мать моя, каковъ пришолъ? Вчера жалованье раздавали; я шарила-шарила въ карманахъ, — хоть бы копѣчку оставилъ на семейство, все пропила!.. Хорошо

еще, что одвядо выстегала Филипповнѣ, такъ авось получу два рубля за работу. На это только вся и надежда, а то просто варить нечего; ребятишки ревутъ: маменька, хлѣбца! а тутъ и трехъ копѣекъ нѣтъ, чтобъ рабенку молочка въ рожокъ купить!

— А развѣ Сидоръ Евсѣичъ не вѣрять больше на внижечку?

— Не вѣрять, мать моя, ни на полушку! Пока говоритъ *рунь* не отдадите — луковицы одной не отпущу вдолгъ.

— Этакой разбойникъ! Разжирѣлъ! пузо-то вотъ какое, оттого и вазнался. Прежній-то Саеронъ Трифоновчъ не въ примѣръ лучше былъ! тотъ всегда на два рубля вѣрилъ.

— Охти, хти, хти! какъ замужъ идти?.. возражала другая со-сѣдка: — твой-то хорошъ пришолъ, а мой-то еще чище!.. Городовой на извощикѣ привезъ. Спасибо, что городовой-то знакомый человекъ, а то сраму-то сколько было бы, пожалуй до начальства бы дошло! Я хотѣла заплатить за извощика, да Потапъ Потапычъ говорить: не нужно!.. Надо было ему косушечку купить...

Читателю можетъ-быть приходилось видѣть прелюбопытную и вмѣстѣ прекомическую сцену, когда двое городовыхъ ведутъ подъ руки пьянаго... Чуть завидать это извощики — маршъ-маршъ во всѣ стороны и какъ есть ни одного!.. Никому изъ нихъ не хочется прокатиться съ бесплатнымъ сѣдокомъ до ближайшей части.

За то надо видѣть оплошавшаго извощика, который спалъ въ это время, развалившись на дрожкахъ, самымъ сладчайшимъ сномъ.

— Извощикъ! кричитъ городовой басомъ.

— Куда прикажете? отвѣчаетъ тотъ весело съ просонья, надѣясь заработать четвертакъ.

— Но увы и акъ! на дрожки взваливаютъ пьянаго; городовой садится съ нимъ рядомъ, обнявши его за спину, какъ любящій мужъ свою супругу, опасаясь, чтобы она не свалилась съ трясакаго акипажа.

— Вези въ третью адмиралтейскую, или нарвскую! кричитъ городовой.

И несчастный извощикъ, не успѣвши покормить заморенную задой лошадку, дергаетъ возжами. Кляча словно чувствуетъ, что прогуляется версты три безъ всякаго вознагражденія и плетется шагомъ, понуривши голову. Въ былыя времена господа городовые рѣдко отправлялись куда нужно по образу пѣшаго хожденія. Да это была бы съ ихъ стороны непростительная глупость, когда есть возможность доѣхать бесплатно. Взявши засаленную шнуровую книгу

или какой-нибудь пакетъ, требующій пересылки безъ отлагательства, городской садится на перваго попавшагося извозчика.

— Пошолъ, не разсуждай! Видишь, казенная бумага!

Разумѣется все это было. Теперь и въ полиціи другіе порядки.

За перегородкой, въ комнаткѣ почище, жилъ другой отставной надворный совѣтникъ, на какихъ-то двѣнадцати рубляхъ ежемѣсячной пенсіи. У него было два бѣлокуренькихъ хорошенькихъ мальчика, одинъ двѣнадцати лѣтъ, а другой десяти. Оба они ходили въ какую-то гимназію, оба остались на пятомъ и седьмомъ году скротами послѣ матери.

Почтенный надворный совѣтникъ въ нихъ души не чаялъ, тѣмъ болѣе, что это были мальчишки умные, тихіе и очень хорошенькіе. Не даромъ говорила одна моя знакомая, очень умная дама: «хорошенькая дѣвушка — милое созданіе, спору нѣтъ; но зато ужъ если мальчикъ захочетъ быть хорошенькимъ, такъ за поясъ заткнетъ любую дѣвучку!» Добрый отецъ отдѣлялъ послѣднія прохи для воспитанія любимыхъ сыновей и былъ образцомъ воздержности и аккуратности во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ въ Петербургѣ при теперешней дороговизнѣ ухитрился проживать въ мѣсяць всего шесть цѣлковыхъ, откладывая десятый годъ по восьми рублей съ тѣмъ-то въ мѣсяць. И замѣтите, что онъ не голодалъ, не отказывалъ себѣ въ необходимѣйшемъ: пилъ чай, въ праздники кофе, курилъ, обѣдалъ, носилъ чистое бѣлье, ходилъ еженедѣльно въ баню. Читатель спроситъ: какъ же при всемъ этомъ онъ проживалъ всего шесть рублей въ мѣсяць? Очень просто; вотъ его расходы:

Обѣдалъ онъ въ демидовскомъ заведеніи, платя по пятачку въ день, полтора рубля въ мѣсяць. Бывало возьметъ самъ два горшочка, обернетъ въ чистую тряпочку и отправляется за пищей въ заведеніе. Тамъ, за общимъ столомъ, вмѣстѣ съ нищими, онъ не обѣдалъ, а носилъ пищу домой, чтобъ не компрометировать чинъ надворнаго совѣтника, данный царемъ; чтобъ оставить что-нибудь къ ужину, онъ не наѣдался плотно за обѣдомъ, какъ и совѣтуетъ Гуфландъ. Оба горшка самъ поставитъ въ печку и всегда сдѣлаетъ это такъ, чтобъ никто изъ жильцовъ не замѣтилъ, что вотъ дескать надворный совѣтникъ самъ ставитъ горшки въ печку. Въ самое демидовское онъ всегда старался прѣдти раньше всѣхъ, чтобъ никого не застать, чтобъ сплетницы старухи-нищенки не пронесли по петербургской сторонѣ, что вотъ дескать надворный совѣтникъ питается вмѣстѣ съ нищими демидовской кашницей!..

Подходя къ заведенію всегда закутавшись кашне или прикрывшись до самыхъ глазъ воротникомъ, онъ старательно озиралъ улицу, нейдетъ ли кто-нибудь изъ его знакомыхъ или его знающихъ. Убѣдившись, что на улицѣ пусто, онъ «нырлялъ» въ низенькія дверцы «снабжения» и кидалъ взоръ на черную доску, на которой пишутся жертвованія. Если нѣтъ на ней: «за упокой Феклы 40 порцій» или чего-нибудь подобнаго, онъ съ стѣпеннымъ сердцемъ отдавалъ раздатчику пищи пятакъ и просилъ налить горшки пополнѣе, масла тоже давать сколько слѣдуетъ по положенію. Зато сердечко его радостно екало, когда на доскѣ было выведено каракулями: «30 порцій, 40, 60» и т. п. Возвращаться домой съ горшками тихонько, чтобы ихъ не расплескать, было труднѣе, чѣмъ приходитъ. Какія страшныя пытки цѣлыхъ полверсты должно выносить его надворно-совѣтницкое самолюбіе!..

За квартиру онъ платилъ два рубля, самъ обклеилъ ее обоями, которые подарилъ ему купецъ за сочиненіе какой-то просьбы. Каждый день три раза онъ самъ старательно выметалъ комнату вѣнникомъ, прыскавъ полъ, чтобы пыль не портила платье. Ужъ когда сходитъ въ трехкопѣчную баню, то непременно возьметъ домой съ собой вѣнникъ. Мочалка, суконка у него были заведены разъ навсегда и служили ему вѣрой и правдой чуть ли не со дня рожденія. Онъ и такъ крихтѣлъ, что съ мыломъ у него выходитъ ежемѣсячно пятнадцать копѣекъ на баню. Чтобы не тратиться на парильщиковъ, онъ ходилъ въ нее купно съ другимъ отставнымъ надворнымъ совѣтникомъ, и надо было видѣть какъ они старательно вытирали суконкой другъ другу спины и прочее... Я нарочно вдаюсь въ эти нѣсколько смѣшныя повидимому подробности, собственно для бѣдненькихъ, неумѣющихъ жить. Оба надворные совѣтники были друзья и пріатели, оба щеголяли въ теплой шапкѣ съ ушами, съ суковатой палкой въ рукахъ изъ такъ-называемаго «стояростоваго» дерева. Оба были друзья и пріатели, совершенно согласные во мнѣніяхъ, во вкусахъ. Какъ тотъ кончилъ курсъ въ школѣ во времена Хераскова, такъ и другой. Оба ужасно любили почитать «Маякъ» и были убѣждены, что никогда не было и не будетъ такого прекраснаго въ Россіи журнала. Какъ тотъ, такъ и другой выкуривали ежедневно по четыре папирсы, набитыя третьимъ сортомъ Миллера, десять копѣекъ четверка. Но тогда бы выходило въ мѣсяцъ сто-двадцать папирсовъ, такъ чтобы ихъ вышло ровно сто, на пятнадцать копѣекъ, оба пріателя по середамъ и пятницамъ выкури-

вали по полторы папиросы. И то оба кряхтѣли, что расходы на табакъ съ гильзами ежемѣсячно пятнадцать копѣекъ. Чаю выходила въ мѣсяцъ четверка, на полтинникъ, потому что расчетливые старички насыпали новѣй чай на старѣй *четыре раза*, и только тогда, когда въ немъ видѣнъ былъ Кронштадтъ какъ на ладони, высыпали спитый чай въ особую бумажку и на каждую новую четверку чаю подбавляли *восьмую часть* смѣси. Сахару полагалось по обыкновенному куску на разъ, шестьдесятъ кусковъ въ одинъ мѣсяцъ или фунтъ въ двадцать-три копѣйки.

Пріятели, приходя другъ къ другу, никогда не были ничѣмъ угощаемы. Даже нюхательный табакъ былъ у каждаго свой.

Надо было удивляться искусству, съ какимъ эти оба почтенные мужа вымывали себѣ въ банѣ бѣлье, чтобъ не тратиться на прачекъ. Чобъ щеголять въ бѣльѣ чистомъ, разглаженномъ, приличномъ чину надворнаго совѣтника, одинъ изъ друзей завелъ утюгъ, а другой гладильную доску. Когда они приходили другъ къ другу вечеркомъ, чтобы побесѣдовать о какихъ-нибудь душеспасительныхъ предметахъ, то сидѣли впотѣмахъ, въ видахъ сокращенія расходовъ на свѣчи. Впрочемъ у совѣтниковъ постоянно теплился ночникъ, а въ случаѣ прихода незнакомаго человѣка для написанія просьбы зажигалась свѣча. Такихъ свѣчей, всегда пальмовыхъ, какъ болѣе приличныхъ чѣмъ сальныя званію дворянина, выходило въ мѣсяцъ полфунта, на одиннадцать копѣекъ. Платье оба старичка берегли, какъ зѣницу ока. Идя вмѣстѣ по улицѣ, старательно наблюдали другъ за другомъ, чтобъ не наступить сапогомъ на острый, продающій подошву камушекъ; при переходѣ черезъ грязь рѣшались общимъ совѣтомъ, какъ пройти посуше.

— Остерегайтесь! говорилъ одинъ другому: — сегодня тепло, съ сосулекъ капель, того и гляди на сукно капнетъ, а оно отъ этого гнѣтъ...

— Нейдите шибко! остерегалъ другой: — вспотѣемъ, а отъ поту подъ рукавами сюртукъ прогараетъ и бѣлье скорѣе пачкается!

Чобъ не тратиться на свѣчи или на масло для ночника, они поочередно приходили другъ къ другу по вечерамъ и когда не читали «Маяка» или «Домашней бесѣды», то сидѣли впотѣмахъ. «Вѣдь мы знаемъ другъ друга, слышать одинъ другого можно и безъ свѣчи, такъ къ чему же зажигать ее!» Къ нимъ обоимъ приходили иногда старухи, мѣщане съ просьбою написать прошеніе. Такъ-какъ они оба

Державина и Мерзлякова считали величайшими изъ всѣхъ гениевъ, какіе были и будутъ; такъ-какъ кончили курсъ въ одномъ училищѣ, обмѣнивались постоянно идеями, то и слогъ просьбъ, писанныхъ ими, былъ совершенно одинаковый. Какъ одна начиналась : «повергая нижайшую просьбу мою къ стопамъ вашего высокоблагородія!» такъ и у другого тоже : «повергая» и прочее. Если одинъ заключалъ просьбу : «а за такое благодѣяніе буду молить непрестанно предъ престоломъ Всевышняго о продленіи драгоцѣнныхъ для Россіи дней вашихъ и дѣточекъ вашихъ,» такъ и другой оканчивалъ просьбу. Онѣ были дотогу у обоихъ сходны почеркомъ и слогомъ, что старухи не знали, къ которому изъ нихъ идти.

Оба надворные совѣтника были такъ похожи другъ на друга, что когда они шли зимой по улицѣ, въ шапкахъ съ ушами, съ совершенно одинаковыми стойростовыми палками, то — приведи хоть всю петербургскую сторону — никто бы не могъ различить который изъ нихъ Иванъ Михѣичъ, и который Михѣй Михѣичъ. — Вся и равница между ними въ томъ, что одинъ живетъ у Крохоборовой, а другой у Скопидомовой; что одинъ идетъ съ правой стороны, а другой — съ лѣвой...

Зато надо было видѣть какъ крохоборовскій Иванъ Михѣичъ принималъ своихъ хорошенькихъ сыновей, когда ихъ въ субботу отпускали изъ гимназіи. (Они были казенно-коштные). Маленькая комнатка его преобразовывалась, получала другой видъ. Изъ завѣтнаго сундучка доставалось зеркало въ нейзильберной рамкѣ; на столѣ разстилалась красная салфетка, изображающая какой-то нѣмецкій городъ съ вѣдущими вагонами, пассажирами съ птичьими носами, выглядывающими изъ оконъ и тому подобное. На окошечко, величиною съ школьную аспидную доску, навѣшивалось драпри. На стѣну — двѣ картины въ позолоченныхъ рамкахъ, изображающія, одна — вѣздъ Дибича забалканскаго въ городъ Адрианополь, а другая — Петра великаго, спасающаго матросовъ на Лахтѣ. Последняя была куплена на Садовой подлѣ банка и изображала Петра такимъ румянымъ, въ такомъ щегольскомъ синемъ кафтанѣ, словно царь-матросъ собирался на асамблею, а не былъ въ тревогѣ, спасая матросовъ. Да и вѣздъ въ Адрианополь Дибича былъ нелучше: тутъ только и были видны головы, да ноги. Кромѣ того снималась кисей съ портрета какой-то важной особы, изображенной съ такимъ деревяннымъ, идиотическимъ лицомъ, что даже было нѣсколько совѣтно за такую неправду, живописную клевету...

Часы, съ огромнымъ циферблатомъ, вращіе на-пропаду, бывшіе иногда двадцать-девять часовъ, вмѣсто двѣнадцати, — пробили на этотъ разъ девять, и влетѣли въ комнату два молодчика, въ чистенькихъ гимназическихъ вицъ-мундирчикахъ. Ихъ бѣлые какъ сахаръ зубы, плѣнительная улыбка, что-то дѣвическое въ ясныхъ голубыхъ глазахъ, напоминающее мать до замужества, восхищало старика-отца и онъ, заграбаставъ обоихъ мальчиковъ въ свои объятія, долго и крѣпко цѣловалъ ихъ. — Папаша, какая у васъ жесткая борода, замѣтилъ смѣясь старшій Володя и бросился цѣловать отца; младшій Саша былъ какъ-то задумчивѣе, какъ говорится идеальнѣе. Отецъ былъ внѣ себя отъ радости: дѣти бросились къ сосѣдямъ и старшій весело перездоровался, перецѣловался въ губы съ самыми гнилыми грибообразными старушонками. Старушки окончательно расплылись отъ радости: онѣ были ужасныя охотницы цѣловаться съ хорошенькими мальчиками... — Эки ангелы небесныя! шамшили старушки: — видно, далъ Богъ Ивану Михѣичу такихъ дѣтей за его добродѣтели!.. Въ этотъ радостный субботній день и Иванъ Михѣичъ сходилъ такъ-сказать съ своего пьедестала и забывши всякую разницу въ чинахъ и званіяхъ, охотно балагурилъ со старушками, подчивалъ ихъ кофеемъ, до котораго онѣ были страшныя охотницы. Откуда-то словно изъ-подъ земли являлся графинчикъ съ травничкомъ и Иванъ Михѣичъ обносилъ каждой жилицѣ по рюмочкѣ. Сколько было ужимокъ, жеманства, отиѣкиваній, увѣреній, что не пьеть, однако каждая выпивала всю рюмочку и непрочь была бы отъ другой, еслибъ попристалнѣе поподчивали... Во всемъ нижнемъ этажѣ флигеля, гдѣ жилъ Иванъ Михѣичъ, пахло чѣмъ-то праздничнымъ. У каждой жилицы, самой бѣдной, были вымыты полы, все прибрано, перечищено, передъ образами горѣла лампадка, по случаю воскресенія христова. Пока старушки тараторили о добродѣтеляхъ Ивана Михѣича, пока смазливенькія дѣвицы бесѣдовали съ мальчиками, сладко на нихъ поглядывая, Иванъ Михѣичъ успѣвалъ уже сбѣгать въ лавочку, взять полтора десятка яичекъ, маслица, всего что нужно къ яичницѣ.

Кромѣ того доставались изъ завѣтнаго сундука разныя баночки съ грузочками, рыжечками, волнушками, отварными грибами и даже появлялась на столѣ пастила.

Все это раскладывалось на маленькія тарелочки, которыя тоже появлялись богъ-вѣсть откуда. Бывало жильцы удивляются, что это

Иванъ Михѣичъ всю субботу возится за перегородкой, гремитъ какой-то посудой, а кажется человѣкъ бѣдный? Въ буднишніе дни, все такъ мизерно: Иванъ Михѣичъ, даже при Михѣй Михѣичъ, сидитъ безъ свѣчки; вмѣсто чаю дуетъ бурюю водицу, а теперъ и самоваръ кипитъ на очагѣ въ кухнѣ, и закуски разныя явились, и все что хочешь. А все это заводилось изъ скопленныхъ Иваномъ Михѣичемъ денегъ, изъ вещей, оставшихся послѣ покойной. Всѣ эти расходы на грибки, пастилки, яйца, обѣды, заказываемые почталъоншѣ въ праздничные дни, вносились въ особенную книжку экстренныхъ расходовъ. Однимъ словомъ, отецъ положилъ всю душу въ сыновей: самъ голодалъ шесть дней, терпѣлъ всевозможныя лишенія, лишь бы доставить возможное удовольствіе любимымъ болѣе всего въ мірѣ, хорошенькимъ сыночкамъ мальчикамъ. Кромѣ того, Иванъ Михѣичъ, накупивши въ колбасной ливерной колбасы, самъ мастерски поджаривалъ ее на сковородкѣ, выпускалъ яичницу; однимъ словомъ, какъ настоящій поваръ. Володя, любившій до страсти отца, суетился около него, помогалъ ему, иногда даже мѣшалъ своею излишнею прыткостью, что очень тѣшило добраго родителя. — «Ты акуратъ, какъ покойная Маша, такая же прыгунья, говорилъ отецъ, ущипнувши мимоходомъ Володю за щеку. — Вотъ мой умница — Саша; посмотри, онъ сидитъ себѣ скромненько, какъ невѣста...» Саша, съ раскраснѣвшимися щеками отъ печного жару, былъ дѣйствительно похожъ на невѣсту. Напившись чаю, или кофейку со сливочками, отецъ съ сыновьями принимался черезъ часъ ужинать. Послѣ ужина, вынимались два тюфячка, стлались чистенькія простыньки, и въ десять часовъ всѣ засыпали сладкимъ сномъ. Поутру, всѣ отправлялись къ поздней обѣднѣ къ Введенью. Воскресенье было проведено весело, въ разговорахъ, наконецъ вечеромъ, гимназисты уходили домой. Простившись съ ними со слезами, давши дѣтямъ должныя наставленія, отецъ крестилъ ихъ, приговаривая каждому: «Господь съ тобою, ангелъ-хранитель и всѣ силы небесныя!» По уходѣ дѣтей все опять пряталось, принимало прежній унылый видъ. Опять на пять дней съ половиной запиралась комната, опять старикъ втихомолку хлебалъ демидовскія щи со щенками вмѣсто рыбы и говядины...

Въ другомъ отдѣленіи лѣпились въ трехъ аршинной комнатѣ: ткачиха, коровница и отставная титулярная совѣтница. Онѣ другъ отъ друга отдѣлялись такими жидкими перегородками, которыя можно было проковырять и пальцемъ: У ткачихи былъ грудной ребенокъ,

никогда неумолкавшій. Кромѣ того у коровницы было трое дѣтей : пятилѣтній мальчикъ и двѣ дѣвочки, девяти и одиннадцати лѣтъ.

О жизни семействъ съ малыми ребятами стоило бы поговорить побольше, но это растянуло бы и безъ того длинную статью на лишнихъ пять шесть страницъ.

Короче , дѣти безпрестанно толкались другъ объ друга , какъ горшки въ печи : то Вася дастъ тукманку Лизѣ , — визгъ , ревъ на весь флигель ; то Лиза вцѣпитса ногтями въ пухлое , какъ подушка , васино рыльцо , и опять пискъ на весь флигель .

Всѣхъ этихъ писковъ ребятишекъ , ссоръ матерей изъ-за дѣтокъ на одномъ днѣ бываетъ сорокъ тысячъ .

Титулярная совѣтница была удивительно проникнута своимъ высокоблагороднымъ чиномъ , и при ругнѣ съ ткачихой , или коровницей , только и твердила : я не какая-нибудь потаскуха ! я титулярная совѣтница , я кровнаго архистратическаго происхожденія ! я не позволю наступить себѣ на ногу ! и проч. , и проч. , и проч.

Этотъ міръ будочницъ , фонарщицъ , жонъ гарнизонныхъ солдатъ , я изображу въ отдѣльной повѣсти . А теперъ пока довольно .

ПЕТРЪ ГОРСКІЙ

СМЕРТЬ ПРОКЛА

I

Савраска увязъ въ половинѣ сугроба ;
Двѣ пары промерзлыхъ лаптей .
Да уголь рогожей покрытаго гроба
Торчатъ изъ убогихъ дровней.

Старуха въ большихъ рукавицахъ
Савраску сошла понукать,
Сосудки у ней на рѣсницахъ —
Съ морозу, должно полагать...

II

Привычная дума поэта
Впередъ забѣжать ей спѣшить :
Какъ саваномъ снѣгомъ одѣта
Избушка въ деревнѣ стоитъ ;

Въ взбушкѣ — теленокъ въ подклѣти,
Мертвецъ на скамьѣ, у окна ;
Шумять его глупыя дѣти,
Тихонько рыдаетъ жена.

Сшивая проворной иголкой
На саванъ куски полотна,
Какъ дождь зарядившій на долго
Не громко рыдаетъ она!

III

Въ селѣ, за четыре версты,
У церкви, гдѣ вѣтеръ шатаетъ
Полбитые бурей кресты,
Мѣстечко старикъ выбираетъ.
Усталъ онъ : работа трудна !
Тутъ тоже споровка нужна :

Чтобъ крестъ было видно съ дороги,
Чтобъ солнце играло кругомъ...
Въ снѣгу до колѣвъ его ноги,
Въ рукахъ его заступъ и ломъ ;

Вся въ ивеѣ шапка большая,
Усы, борода въ серебрѣ.
Недвижно стоитъ, размышляя,
Старикъ на высокомъ бугрѣ.

Рѣшился. Крестомъ обозначилъ,
Гдѣ будетъ могилу копать,
Крестомъ осѣнилъ и началъ
Лопатою снѣгъ разгребать.

Иные приемы тутъ были —
Кладбище не то что поля :
Изъ снѣгу кресты выходили,
Крестами ложилась земля.

Согнувъ свою старую спину,
Онъ долго, прилежно копалъ,
И желтую, мерзлую глину
Тотчасъ же снѣжокъ застигалъ.

Ворона къ нему прилетѣла,
Потыкала носомъ, прошлась —
Земля какъ желѣзо звенѣла !
Ворона ни съ чѣмъ убралась.

Могила на славу готова!
 «Не мнѣ-бъ эту яму конать!»
 (У стараго вырвалось слово)
 «Не Проклу бы въ ней почивать!»

«Не Проклу!...» Старикъ оступился,
 Изъ рукъ его выскользнулъ ломъ
 И въ бѣлую яму скатился;
 Старикъ его вынулъ съ трудомъ;

Пошолъ... По дорогѣ шагаетъ,
 Нѣтъ солнца, луна не взошла;
 Какъ будто весь міръ умираетъ —
 Затишье... свѣжокъ... полумгла...

IV

Въ оврагѣ, у рѣчки Желтухи,
 Старикъ свою бабу нагналъ
 И тихо спросилъ у старухи:
 «Хорошъ ли гробокъ-то попалъ?»

Уста ея чуть прошептали
 Въ отвѣтъ старику: «ничего!»
 Потомъ они оба молчали,
 И дровни такъ тихо бѣжали,
 Какъ-будто боялись чего.

Деревня еще не открылась,
 А близко — мелькаетъ огонь.
 Старуха крестомъ осѣнилась,
 Шарахнулся въ сторону конь:

Везъ шапки, съ ногами босыми,
 Съ большимъ, заостреннымъ коломъ,
 Внезапно предсталъ передъ ними
 Старинный знакомецъ Шахомъ.

Прикрыты рубахою женской,
 Звенѣли вериги на немъ.

Постукалъ дуракъ деревенской
Въ морозную землю коломъ ;

Потомъ помычалъ сердобольно,
Вздохнулъ и сказалъ : «не бѣда !
«На васъ онъ работалъ довольно
«И ваша пришла череда.

«Мать сыну-то гробъ покупала,
«Отець ему яму копалъ,
«Жена ему саванъ шивала,
«Всѣмъ разомъ работу вамъ далъ !..»

Опять помычалъ — и безъ цѣли
Въ пространство дуракъ побѣжалъ ;
Вериги уныло звенѣли,
И голыя икры блестяли,
И посохъ по снѣгу черкалъ.

Н. НЕКРАСОВЪ

НИЦЦА И ГЕНУЯ

(ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ)

Сѣверъ на югъ. — Вилла-Франка. — Интересная соотечественница. — Неожиданная встрѣча и продѣлки спекулятивнаго свойства. — Ницца à vol d'oiseau. — Цвѣточная лавка Альфонса Кара. — Прогулка англичанъ. — Table-d'hôte. — Господинъ Сотюмье. — Ущелье Маньяно. — Генуя. — Общее впечатлѣнiе. — Снова въ Ниццѣ. — Несостоявшійся клубъ. — Неудобства. — Приятная встрѣча съ соотечественникомъ. — Прогулка въ St Jean.

Средиземное море встрѣтило насъ очень непривѣтливо. Впрочемъ по настоящему не такъ ли и слѣдовало ожидать: съ одной стороны наступило уже то время года, когда стоитъ отправиться въ любое море, чтобы неизбѣжно испытать качку, холодъ, вѣтеръ, шквалы, дождь, словомъ всякую гадость; съ другой стороны, мы пользовались въ Испаніи слишкомъ уже долгимъ періодомъ райскихъ дней, чтобы это могло обойтись намъ даромъ. Законъ равновѣсія, который такъ справедливо развѣшиваетъ въ жизни человѣческой порціи радости съ порціями горечи, спѣшилъ однакожъ надо сказать, съ особеннымъ усердіемъ исполнить надъ нами свой приговоръ.

24 октября (нашего стиля), т.-е. въ тотъ самый день какъ мы оставили Кадисъ, — небо, воздухъ и море такъ перемѣнились, что можно было думать, насъ чудомъ какимъ-то перевесло вдругъ на сѣверъ. Куда дѣвалась эта глубокая, густая лазурь, насквозь проникнутая золотымъ сіяньемъ! Куда дѣвалась величавая океанская зыбь, сквозившая противъ солнца какъ плавленное синее стекло!.. Каждый изъ насъ, обогрѣваемый столько дней жаркими лучами испанскаго солнца и утромъ еще гулявшій въ нѣжной одеждѣ, съ явнымъ неудовольствіемъ укутывалъ те-

перъ шею cache-pez, прятать руки въ карманы теплаго пальто и притаптывать ногами, засунутыми въ резиновые налоши.

Не прошли мы десяти морскихъ миль, какъ все вокругъ насъ и подъ нами, окуталось однообразнымъ, тусклымъ сѣрымъ цвѣтомъ; неприятельскій вѣтеръ, душій словно прямо изъ Петербурга, усиливался съ каждымъ часомъ. Изъ ятому восторъ присоединилась частый, мелкій дождикъ. Такъ какъ общество наше состояло преимущественно изъ обывателей Петербурга и следовательно всѣ больше или меньше могли считаться великими знатоками всего что касалось приваковъ северной, ненастной погоды, — стоило оглянуться вокругъ, чтобы рѣшиться на вѣрное: что дождю коври не будетъ. Все это конечно съ успѣхомъ напоминало намъ отечество; но не могу сказать однакожь, чтобы такое воспоминаніе кого-нибудь особенно радовало въ настоящую минуту. Всѣ по большей части хмурились, ворчали, и скольза по палубѣ въ своихъ резиновыхъ каблукахъ, спѣшили укрыться въ кююты.

На другое утро, часу въ седьмомъ, будить меня деньщикъ.

— Вставайте, ваше б—діе, береть видать!

Узнавъ еще наканунѣ, что около этого часа нашъ корабль долженъ приблизиться къ Гибралтару, я поспѣшнѣе одѣлся и приближалъ на югъ.

Дождь пересталъ. Но суровый, холодный вѣтеръ, налетавшій порывами, безпокойно крутилъ облака и рвалъ пѣну съ вершины палубы. Вѣзъ отъ носа корабля; свозъ сѣрый, тусклый свѣтъ начинала выступать громадная гора съ огнивомъ чернильнаго цвѣта; огниво и какъ-бы одиноко стоя надъ моремъ, она постепенно затишеывалась туманомъ и наконецъ пропадала къ облакамъ. Въ тоже время справа, но нѣсколько далѣе, обозначилась другая гора; она казалась еще сумрачѣе первой и точно такъ же исчезала верхушкой въ облакамъ.

Тутъ можетъ быть не слѣдовало бы обратиться вниманію на то, что мы не заходили въ Гибралтаръ и приступить къ описанію этого достопримѣчательнаго мѣста, или во крайней-мѣрѣ сказать нѣсколько словъ о его значеніи въ военномъ и политическомъ отношеніи; это было бы очень легко: стоило бы только сдѣлать нѣсколько выписокъ изъ тѣхъ книгъ, исторія, благодаря которымъ, поминутно свалываются съ моей полки; но дѣло въ томъ, что мы дали себѣ слово при началѣ путешествія строго держать

ся правила, описывать только то что видѣли, или что приводилось лично испытывать. Основываясь на этомъ, всё наши впечатлѣнія касательно Гибралтара и мрачнаго его собѣда, Обезьяновой горы, повелѣнны должны ограничиваться едва уловимыми силуэтами двухъ гигантскихъ скалъ, наполовину задернутыхъ тучами. Мы ничѣго не видали болѣе, несмотря на то, что имѣли ихъ передъ глазами часовъ семь. Течение изъ Средиземнаго моря было такъ сильно, что мы двигались узла по полтора въ часѣ. Къ вечеру, когда обѣ горы остались за нами, мы встрѣтили цѣлую флотилію рыбацкихъ лодокъ; поставивъ всё свои паруса, которые «круглились и бѣлѣли какъ полныя груди переводъ, играющихъ на волнахъ», — онѣ стремительно неслись къ берегу; нельзя было имъ не позавидовать, даромъ что столько мѣсяцевъ ждали мы минуты, когда войдемъ въ Средиземное море. При качкѣ, дождѣ, вѣтрѣ и холодѣ, оно ничѣмъ не лучше другихъ прозаическихъ морей; совершенно тотъ же однообразный сѣрый видъ и тѣже неудобства. Покрайней-мѣрѣ, вплоть до Вилла-Франки, т.-е. продолженіе одиннадцати дней, мы ничего не испытывали, кромѣ дурнаго запаха каютъ; ничего не слышали, кромѣ скрыша перегородокъ; плеска волнъ и свиста вѣтра въ снастяхъ; ничѣго не видали новаго, кромѣ сѣрыхъ дождевыхъ тучъ, сѣраго моря, пропадавшаго въ туманѣ, и время отъ времени давно знакомыхъ лицъ, зеленѣвшихъ отъ качки. Словомъ скука была смертная.

Перейду прямо къ той минутѣ, когда корабль, обдаваемый ливнемъ отъ верхушки мачты до бортовъ, началъ входить въ гавань Вилла-Франки, извѣстную у древнихъ географовъ подъ именемъ *Portus Herculis*. Не знаю насколько заслуживаетъ вѣрности и сколько можетъ казаться интереснымъ преданіе, будто гавань эта вырыта товарищами Герикулеса въ память побѣдъ, одержанныхъ имъ надъ лигурийцами; знаю только, что древность ея происхожденіе равно ничѣго не стоитъ передъ ея живописностью.

Представьте себѣ глубокой бассейнъ, окруженный со всѣхъ сторонъ высокими скалами и каменными громадными уступами, которые какъ-бы скатываются по бокамъ конусообразной горы, увѣнчанной облаками; послѣдняя замыкаетъ дно гавани, какъ задняя декорация въ театрѣ. По ней, прямо противъ насъ, на значительной высотѣ, проходитъ знаменитая дорога *la cognitive*,

которая ведетъ изъ Ниццы въ Геную. Уступы ея, точно такъ же какъ вершины примыкающихъ къ ней скалъ, покрыты оливками, фиговыми и лимонными деревьями; мѣстами зелень свѣщается надъ обрывомъ; мѣстами оливковыя и лимонныя плантаціи сбѣгаютъ волнами по отлогимъ холмамъ и почти обмываютъ свои корни въ голубыхъ волнахъ бассейна. Общій эффектъ этой панорамы такъ великолѣпенъ, что въ первую минуту не заметишь даже самаго города Вилла-Франка. Онъ бѣлѣлъ слѣва и подобно всѣмъ древнимъ приморскимъ городамъ расположенъ на крутой скалѣ; каменные дома его съ плоскими черепичными крышами и терасами такъ тѣсно сгруппированы, что съ какой точки ни смотришь, нѣтъ возможности замѣтить улицъ; все представляется одною сплошною бѣлою массою, кой-гдѣ открывающей бурю черепичную кровлю, верхушку лимоннаго дерева или сивеватый пучекъ алое. Городъ защищенъ зубчатымъ, порывѣвшимъ и позеленѣвшимъ отъ времени фортомъ; онъ выстроены нѣсколько ниже, на отдѣльной скалѣ, которая выступаетъ въ море. Это собственно старый городъ. По мѣрѣ того какъ прошло время неожиданныхъ нападений, время Доріевъ, Барбарусъ, восточныхъ пиратовъ и проч., обыватели стали мало-помалу распространять свои владѣнія внѣ условной черты; начали стрѣться по скату скалы, пробивъ въ ней ступени, такъ что теперь городъ подходитъ почти къ самому морю.

Въ этой нижней части находятся арсеналь, лазаретъ, кузницы и нѣсколько очень некрасивыхъ каменныхъ пакгаузовъ; одинъ изъ нихъ, ближайшій ко входу въ гавань, надѣлалъ въ свое время довольно много шума: это тотъ самый, который уступилъ намъ съ правомъ складывать въ немъ запасъ угля, топлива и держать для охраненія ихъ трехъ матросовъ. Тутъ же неподалеку находится пристань. За исключеніемъ мелкихъ рыбацкихъ лодокъ и еще русскаго фрегата «Полкана», недавно прибывшаго сюда изъ Греціи, во всей гавани не было другихъ судовъ.

Пока мы все это разсматривали и корабль становился на якорь, дождь какъ рукой сняло; хребты сизыхъ тучъ потянулись въ одну сторону; мѣстами стало даже просвѣчивать, — что замѣтно было не столько въ небѣ, сколько на верхнихъ скатахъ горъ, которыя то и дѣло открывали новыя перспективы и подробности.

Не знаю навѣрное, способствовало ли тому улучшение погоды или личное усердіе, подкрѣпляемое соображеніями дипломатическаго свойства, только къ намъ не замедлилъ явиться секретарь нашего консула въ Ниццѣ. Самъ консулъ былъ нездоровъ или въ отсутствіи, — не помню хорошенько.

— Господа, сказалъ секретарь, послѣ обычныхъ поздравленій и привѣтствій, и послѣ того какъ предложены были имъ всевозможныя услуги, въ числѣ которыхъ первую роль играли провизія и уголь, которыми онъ же торговалъ, какъ открылось впоследствии: — господа, я долженъ объявить вамъ: несмотря на все счастье васъ видѣть, вы надо сказать прибыли сюда въ самую неблагоприятную минуту!..

— Чтоже случилось?

— Случилось... случилось... не знаю право какъ бы выразиться по деликатнѣе...

— Вы насъ пугаете...

— Нѣтъ, это до васъ не касается, т.-е. лично не касается, хотя... вообще говоря...

— Но что такое, говорите ради-бога?..

— Случилось, что не далѣе какъ два дня назадъ, одну изъ нашихъ соотечественницъ, даму хорошей фамиліи, посадили въ тюрьму!

— Какъ такъ?

— Очень просто, — за долги!

— За долги?

— Да; она задолжала въ Ниццѣ до шестидесяти тысячъ франковъ; по всей вѣроятности, у нея прежде было довольно своихъ денегъ; иначе, согласитесь, ей не было бы возможности пустить пыль въ глаза. Она появлялась на всѣхъ прогулкахъ въ блистательнѣйшихъ экипажахъ, разъ по пяти въ день мѣняла великолѣпныя туалеты; словомъ съ первыхъ же дней ублажала своею роскошью богатѣйшихъ англійскихъ леди; все это открыло ей огромный кредитъ въ Ниццѣ; она имъ воспользовалась, и такимъ образомъ задолжала шестьдесятъ тысячъ франковъ, которыхъ заплатить не въ состояніи; теперь только открылось, что у нея собственно нѣтъ никакого состоянія; ее взяли и посадили въ тюрьму безъ дальнѣйшихъ церемоній... Просто срамъ! Повѣрите ли, совѣстно показаться на глаза иностран-

нямъ... Въ настоящую минуту въ Ниццѣ болѣе двухъ тысячъ иностранныхъ семействъ..

— Сколько же русскихъ ?

— Двѣсти съ цифрой.

— Вотъ какъ ! Мы стало-быть чуть ли не въ родномъ отечествѣ, если не считать этихъ великолѣпныхъ горъ и лимонныхъ деревьевъ...

— Русскіе совсѣмъ почти здѣсь не замѣтны; они по большей части живутъ здѣсь очень скромно. Одна эта дама можно сказать обратила на себя общее вниманіе и притомъ съ такой невыгодной стороны...

Но происшествіе съ интересной соотечественницей встрѣчено было съ большимъ равнодушіемъ; это происходило оттого вѣроятно, что присутствующіе исключительно заняты были мыслью, какъ бы поскорѣе сѣсть въ шляпку и отправиться на берегъ; минутой спустя, г-жа Н. была совершенно забыта. Надо признаться, этому отчасти способствовало также появленіе новаго лица, которое хотя и не принадлежало къ лучшей половинѣ рода человѣческаго, но было тѣмъ не менѣе очень интересно.

Изъ толпы матросовъ, окружившихъ ту часть борта, гдѣ спускаются въ море, неожиданно выступилъ бывший нашъ *mitre-d'hôtel*, Мишель Пупо, прославившій себя не столько въ поварскомъ дѣлѣ, сколько на попримѣ въ провѣдствѣ и спекуляціи всякаго рода.

Надо вамъ сказать, онъ разстался съ нами, или вѣрнѣе изгнанъ былъ самымъ постыднымъ образомъ съ корабля еще въ Брестѣ, два мѣсяца назадъ. Пупо очевидно намѣревался сдѣлать въ четвертый разъ запасъ гнилой провизіи съ тѣмъ, чтобы потомъ, какъ это не разъ уже случалось, свалить всю вину на купцовъ, которые будто бы воспользовались его довѣріемъ и честностію; или на матросовъ, которые будто бы какъ нарочно съѣли изящнѣйшіе гастрономическіе припасы, приготовленные для нашего услажденія. Узнавъ о рѣшеніи судьбы своей, Пупо обливался слезами, билъ себя кулакомъ въ грудь, называлъ себя жалкой жертвой людской несправедливости, пробовалъ потомъ два раза разсѣивать общество, вынималъ изъ кармана дагерротипъ жены и сына, имѣя въ виду тронуть сердца при-

существующихъ, — все было напрасно ; всѣ эти способы слишкомъ уже часто были имъ употребляемы , чтобы могли дѣйствовать .

— Господа ! воскликнулъ наконецъ Пупо въ порывѣ глубокаго отчаянья : — вы меня выгоняете , я этого стою ! Положимъ такъ ! Но знаете , вы будете отвѣчать Богу за смерть мою ! Мнѣ , это неизбежно , остается теперь только умереть съ голоду !..

Зная въ совершенствѣ плутоватую натуру Пупо , давно рѣшили съ общаго голоса , что онъ кончитъ земное свое поприще , гдѣ-нибудь на висѣлицѣ . На дняхъ еще говорили объ этомъ , и вотъ онъ снова передъ нами , снова , какъ фениксъ возникшій изъ пепла , цвѣтетъ болѣе чѣмъ когда-нибудь здоровьемъ , свѣжестію и даже веселостію .

— Пупо , вы здѣсь ! Какимъ образомъ ?.. посыпались на него вопросы .

— Господа , я зналъ , что вы сюда придете ; я ждалъ васъ съ нетерпѣніемъ ! возразилъ Пупо съ чувствомъ и прикладывая руку къ груди : — Ницца прекрасный городъ , вамъ будетъ весело... Что до меня касается , я поселился здѣсь въ Вилла-Франкѣ , открылъ здѣсь заведеніе , которое надѣюсь удостоится чести вашего посѣщенія .

— Какъ ! вѣдь вы говорили , оставляя насъ , что у васъ нѣтъ гроша денегъ , что вы должны умереть съ голоду ?..

— О , это правда ! я былъ уничтоженъ ! возразилъ безъ малѣйшей запянки Пупо : — но благодаря Бога , маменька моя...

— Какая маменька ? вы намъ никогда о ней не говорили...

— Маменька моя , которая живетъ въ Генуѣ , продолжалъ Пупо , нимало не смутившись : — прислала мнѣ денегъ и я теперь устроился...

Первый предметъ , который бросился намъ въ глаза при входѣ на берегъ , было колоссальное изображеніе русскаго матроса , написанное масляными красками на стѣнѣ ближайшаго углового дома ; надъ матросомъ крупными буквами написано было : «*Кронштадтъ*», а ниже слѣдующее изрѣченіе : «*Друзья , войдите въ источникъ лучшаго рома !!!*...»

— Господа , воля ваша , сказалъ б. Т. , разводя руками отъ удивленія : — но этотъ человѣкъ , если только онъ не умретъ на висѣлицѣ , пойдетъ очень далеко !

Промышленная дѣятельность Пупо не ограничивалась трактиромъ ; онъ тутъ же объявилъ , что открылъ торговлю мрамор-

выши столами, которыми обѣщали снабжать насъ за половинную цѣну противъ той, какъ продавались они у мраморщиковъ.

— Какъ видите, господа, я устроился очень изрядно, добавилъ Пупо: — мнѣ оставалось бы только благодарить судьбу, еслибъ не явился здѣсь одинъ подлый человекъ, который воспользовался моею мыслью и хочетъ вредить мнѣ, но я уже шепнулъ два слова нашимъ матросикамъ; они обѣщаютъ держать мою руку, и надѣюсь, по старой дружбѣ, не измѣнять своему слову; взгляните, вотъ мой врагъ!..

Съ этими словами Пупо простеръ руку къ дому насупротивъ, гдѣ во всю стѣну выведена была русскими буквами лаконическая надпись: «*Выпивка.*»

Такъ какъ городъ Вилла-Франка не представляетъ самъ по себѣ ничего особенно интереснаго (онъ исключительно населенъ рыбаками и лодчанами), мы остались въ немъ ровно на столько, чтобъ нанять коляску, которая должна была везти насъ въ Ниццу. Отсюда въ Ниццу одна только колесная дорога; она круто идетъ въ гору отъ самой пристани и постепенно удаляется мѣсто отъ Вилла-Франки.

Достигнувъ высокой платформы, гдѣ расположенъ старый городъ, дорога продолжаетъ идти въ гору, изламываясь прихотливыми зигзагами между насыпными террасами, обсаженными оливами; мѣстами деревья такъ гѣсны по обѣимъ сторонамъ, что ѣдешь подъ сводомъ зелени; мѣстами они расходятся открывая пройденныя уже изгибы дороги и подъ ними, въ глубинѣ, бѣлые дома Вилла-Франки, бухту съ кораблями, которые кажутся мухами; вскорѣ открывается вся панорама горъ съ ихъ голубыми заливами у подошвы, оливковыми и лимонными плантаціями, покрывающими скаты и бѣлыми городами, которые постепенно уменьшаясь, пропадаютъ наконецъ въ легкомъ лиловомъ туманѣ. Вся эта часть горъ противоположна той, которая окружаетъ Ниццу. Ницца отдѣляется отъ Вилла-Франки высокимъ хребтомъ; между городами всего пять верстъ разстоянья; приходится взбираться около часу; достигнувъ вершины, спускаешься въ Ниццу въ четверть часа.

Мы были предупреждены касательно вида, который открывается неожиданно на Ниццу при спускѣ съ горы, и потому очень обрадовались, замѣтивъ, что погода все больше и больше разгуливается.

Кое-гдѣ лучь солнца, пронизывая зелень оливъ, ярко освѣщала почву, которая краснѣла, какъ толченый кирпичь; мѣстами поперегъ дороги ложились вмѣстѣ съ пятнами свѣта, густыя голубыя тѣни, напоминавшія акварели Корради; неожиданно, на томъ или другомъ поворотѣ встрѣчался осель съ плетенными перекидными корзинами, наполненными овощами, и свѣдѣвшей между ними женщиной въ красномъ корсажѣ или мужичивой въ синей курткѣ, пестромъ фулярѣ на шеѣ и широкополой шляпѣ.

Когда мы достигли верхушки хребта, голубое небо раскидывалось надъ нами и солнце ярко обливало обрывы скалъ и зелень. Слѣва, подъ утесомъ, у самой дороги выставялась картинка уже чисто въ итальянскомъ вкусѣ; впереди грубые каменные столбы поддерживаютъ трельяжъ изъ винограда; онъ осѣняетъ входъ въ бѣлый домъ съ плоской крышей; подъ трельяжемъ столы; нѣсколько человѣкъ пьютъ вино изъ тонкогорлыхъ фiasco, оплетенныхъ соломой; подлѣ ослы группируются у каменнаго водоема; по всему этому проходятъ огненные пятна свѣта и голубыя тѣни. Словомъ, мечты наши увидѣтъ когда-нибудь Италию начали кажется осуществляться. Коляска замѣтно начала спускаться; еще поворотъ, и мы очутились прямо противъ Ниццы, на точкѣ, гдѣ останавливается каждый путешественникъ и невольно всплескиваетъ руками отъ восхищенья.

Отъ края дороги, версты на полторы въ глубину, сбѣгаетъ во всѣ стороны сплошная волнующаяся масса зелени; въ нея выглядываютъ черевичныя кровли, бѣныя терасы, уставленные красными глиняными горшками съ алое, или покрытыя трельяжемъ изъ винограда; въ глубинѣ, тамъ гдѣ послѣднiе плавны этой зеленой перспективы смягчаются отдаленьемъ, вырѣзывается роскошный заливъ такого же нѣжно-голубого цвѣта, какъ и все пространство Средиземнаго моря, которое открывается во всей красотѣ своей. Воздухъ такъ чистъ и прозраченъ, что позволяеть даже различать отсюда берега Корсики. Ницца подходитъ къ самому краю залива и опоясавъ его бѣлою, серебристою каймою, рассыпаетъ бѣлые дома свои дальше по долини, потопленной зеленью. Скаты горъ, которые замыкаютъ долину и вмѣстѣ съ тѣмъ огибаютъ заливъ, усыпаны отъ подошвы до маковки садами и бѣлыми крапинами загородныхъ домовъ и виллъ. Горами этими закончивается обширная свѣтлая панорама.

Приморскіе Альпы, которые поражают своимъ строгимъ величавымъ характеромъ отъ Вилла-Франки и далѣе до Монако, совершенно измѣняютъ свой видъ, по мѣрѣ того, какъ приближаешься къ Ниццѣ. Отвѣсныя голыя скалы, узкія темныя ущелья, кремнистые края, исполосованные трещинами, все постепенно сглаживается и уступаетъ мѣсто почвѣ, покрытой роскошной растительностію. Отъ этого самые цвѣта скатовъ, окружающихъ Ниццу, получаютъ особенную какую-то бархатную вѣжность; глаза не перестаютъ тѣшиться разнообразною гаммою красокъ, которыхъ не въ силахъ была бы передать даже живопись. Стоитъ перевалиться черезъ гору, отдѣляющую Вилла-Франку отъ Ниццы, чтобы замѣтить, какую страшную силу получаетъ здѣсь растительность. Оливы, подлѣ сводомъ которыхъ приходится спускаться до первыхъ домовъ города, достигаютъ здѣсь тѣхъ размѣровъ какъ на востокѣ; между ними безпрестанно путаются фиговые деревья; одна дама, путешествовавшая съ нами, весьма остроумно замѣтила, что дерево это, принимая въ соображеніе прихотливую путаницу его вѣтвей, должно непременно имѣть дурной, капризный характеръ. По дорогѣ, справа и слѣва, попадаются виллы и дома, часто оцутанные одною виноградною лозою, толщиною въ руку дюжого работника; не смотря на то, что время года было самое невыгодное для Ниццы, дѣвочки и мальчики, встрѣчавшіеся на пути, бросали намъ въ коляску букеты фіалокъ. Фіалки являются во всей своей силѣ только въ серединахъ декабря; ими покрываются тогда всѣ скаты долинъ, в бѣдная часть населенія извлекаетъ изъ этого новый источникъ дохода.

Можно сказать, не отступая на волосъ отъ правды, что вся прелесть Ниццы заключается въ ея природѣ и климатѣ. Городъ самъ по себѣ не заслуживаетъ сравнительно никакого вниманія. Въѣзжая въ старую часть города, которая стелется у подошвы горы, путешественникъ съ удивленіемъ встрѣчаетъ ряды закованныхъ однообразныхъ домовъ; не только здѣсь нѣтъ признака чего-нибудь архитектурнаго, но даже живописнаго, вообще свойственнаго всякой старинѣ: все носитъ печать чего-то мелкаго, крайне мѣщанскаго. Старая часть города защищена крѣпостію; она показываетъ свои бастіоны и зубчатая башни съ высоты одинокой скалы, выступающей въ море. Старый городъ раздѣляется отъ новаго рѣкою или вѣрифе потокомъ Пальонъ:

это ничего больше какъ широкое русло, усыпанное крупнымъ сѣрымъ булыжникомъ и безъ малѣйшаго признака воды; весною, когда съ горъ устремляются потоки отъ талого снѣга, русло до краевъ наполняется водою; въ настоящее время Пальонъ служитъ убѣжищемъ прачекъ, которыя устилаютъ его дно простынями и наволочками нѣсколькихъ тысячъ иностранцевъ. Впрочемъ и то сказать надо: шагахъ въ пятидесяти отъ каменнаго моста, соединяющаго старый городъ съ новымъ, тамъ, гдѣ Пальонъ поворачиваетъ къ морю, булыжникъ его звонко гремитъ отъ напора валовъ, а дальше, во всю ширину залива, красивыми линиями бѣгутъ на берегъ волны, закручиваясь голубыми прозрачными волютами.

Новый городъ ничуть не лучше стараго; вся разница въ томъ, что здѣсь дома выбѣлены какъ заново, выше, достигаютъ иногда семи этажей; единственнымъ ихъ украшеніемъ служатъ зеленыя жалюзи оконъ, которыя напоминаютъ нѣсколько фizioномію домовъ милаго Кадиса. Каждое изъ этихъ зданій превращено почти въ гостиницу для приѣзжающихъ; многіе парочно выстроены съ тою цѣлію, чтобы вмѣщать цѣлыя караваны туристовъ.

Еще при вѣздѣ въ старый городъ легко было замѣтить, по разнообразію типовъ и костюмовъ, что населеніе Нишцы сильно переполнено иностранцами; новый городъ исключительно уже служитъ сборнымъ пунктомъ всѣхъ возможныхъ національностей; это обстоятельство сразу бросается въ глаза. Тутъ, едва вступили мы на мостъ, и въ первый разъ на чужеземной почвѣ, услышали мы звуки родного языка.

Изъ множества гостиницъ мы выбрали Pension Suisse; она плѣнила насъ своей дешевизной и тѣмъ еще, что тутъ позволяли курить, что, какъ увѣряли насъ, не дозволяется въ другихъ, болѣе аристократическихъ отеляхъ.

Pension Suisse находится въ улицѣ Массена, скучной и мрачной улицѣ; къ счастью, домъ въ которомъ помѣщенъ отель, несравненно выше противоположныхъ домовъ, такъ что взявъ номеръ въ верхнемъ этажѣ, мы вдоволь могли любоваться видомъ на долину Carabacel, усѣянную загородными домами и лимонными садами.

Такъ какъ оставалось еще часа два до обѣда, я и товарищъ мой N° отправились бродить куда глаза глядятъ.

Изъ улицы Массена вышли мы на большую площадь; при началѣ ея находится родъ жалкаго сквера: дюжины три тощихъ деревь; принимая въ соображеніе сильную растительность Ниццы, можно было думать, что деревья эти привезены сюда изъ-за гравиллы для излеченія отъ чахотки; ихъ окружаетъ рѣшетка; по дорожкамъ бѣгаютъ дѣти; на скамьяхъ, разставленныхъ кой-гдѣ, видѣются группы разряженныхъ дамъ и мужчинъ.

Не предупрежденные видомъ или пояснительными замѣтками туземцевъ, и не зная слѣдовательно, что чахлый этотъ скверъ носить громкое названіе *jardin des plantes*, и служить любимымъ мѣстопробываніемъ русскаго общества, мы прошли мимо, не отдавъ ему должнаго вниманія. Взамѣнъ этого, любопытство наше сильно было возбуждено вывѣской; она украшала третій домъ отъ улицы Массена непосредственно противъ сада; вывѣска гласила: «*Alphonse Karr, — fleuriste.*»

Была ли возможность не заглянуть въ стеклянную дверь, которая въ добавокъ была полураскрыта! Мы вошли въ небольшую комнату, уставленную растеніями; за прилавкомъ, уснащеннымъ цвѣтами, сидѣла женщина, вязавшая букетъ; на окнѣ стояли двѣ тоненькія бутылочки съ какою-то желтоватою жидкостью.

— Скажите пожалуйста что это такое? спросили мы указывая на флаконы.

— Это ликеръ, который приготовляетъ г. Альфонсъ Карръ.

— Какой маленькій запасъ! Вѣроятно у васъ все уже раскупили?

— Нѣтъ, это только такъ, для обращика... Не прикажете ли букетъ?

— Покорно благодаримъ, мы зашли, думая найти здѣсь знакомыхъ...

Съ этими словами вышли мы на улицу.

Изъ того что узналъ я впоследствии, оказывается яснымъ какъ день, что г. Карръ занимается продажей цвѣтовъ не столько изъ выгоды, сколько чтобы казаться еще интереснѣе въ глазахъ прекраснаго пола. Я готовъ думать, что у него не было даже другой цѣли, когда въ продолженіе двадцати лѣтъ и чуть ли не въ каждой своей книгѣ рассказывалъ онъ, какъ страстно любить цвѣты, какъ способенъ цѣлыя сутки не отрывать глазъ отъ

бирюзовыхъ лепестковъ Vergiss-mein-nicht; иначе, согласитесь, зачѣмъ было бы объ этомъ такъ долго, такъ настойчиво распространяться? Нѣтъ возможности предположить, чтобы разсуждалъ онъ такимъ образомъ передъ открытіемъ лавочки: «Вотъ двадцать лѣтъ, какъ я прожужжалъ всѣмъ уши, что безъ памяти люблю цвѣты; репутація моя, какъ отличнаго садовника, готова: открою лавочку цвѣтовъ, и нѣтъ сомнѣнія, ко мнѣ преимущественно побѣгутъ покупатели!» Очевидно такой расчетъ не входить въ соображеніе почтеннаго романиста. Ему нечего прибѣгать къ торговлѣ, когда его «Осы», издаваемые въ Ниццѣ, повсюду распродаются; когда, что ни годъ, пишетъ онъ новый романъ, за который платятъ ему очень хорошо. Нѣтъ, открывая лавочку, онъ, по всей вѣроятности, думалъ такимъ образомъ: «Давно рассказываю я о любви своей къ цвѣтамъ: этимъ способомъ успѣлъ я затронуть особенно моихъ читательницъ: чело-вѣкъ, который такъ любитъ цвѣты, конечно долженъ имѣть нѣжныя чувства и чувствительное сердце; женщины безъ сомнѣнія страшно заинтересованы мною; что же будетъ, если я открою цвѣточную лавочку въ Ниццѣ, — городѣ, куда собираются дамы всѣхъ сторонъ свѣта!» И дѣйствительно, стоитъ поговорить минуту съ любой обитательницей Ниццы, чтобы услышать о г. Альфонсѣ Каррѣ и его цвѣточной лавочкѣ. Для достиженія полнаго эффекта недостаетъ только, чтобы г. Каррѣ постоянно находился за своимъ прилавкомъ, окруженный цвѣтами и даже въ костюмѣ пастушка. Предположеніе наше тѣмъ еще оправдывается, что г. Каррѣ тщательно избѣгаетъ общества мужчинъ и постоянно вращается въ кругу дамъ, преимущественно русскихъ.

Человѣкъ свободы, онъ, сказывали намъ, не прочь надѣть ярмо невольничества, когда оно возлагается нѣжной ручкой особы прекраснаго пола. Въ то время какъ мы были въ Ниццѣ, ярмо возложено было на него одною изъ нашихъ богатыхъ и далеко не молодыхъ соотечественницъ. Оборона мейя Боже дѣлать на его счетъ какія-нибудь двусмысленныя предположенія. Я готовъ согласиться, что самая мысль открыть лавочку не имѣетъ другого намѣренія, какъ то, чтобы сблизиться съ дамскимъ обществомъ и этимъ способомъ расширить кругъ своей наблюдательности касательно изученія женщинъ. Не можетъ же онъ остановиться на двухъ послѣднихъ своихъ сочиненіяхъ: «Les femmes»

и «Encore les femmes»; вѣроятно онъ замышляетъ еще третью книгу въ томъ же родѣ и ищетъ для нея матерьяловъ.

Разсуждая такимъ образомъ, продолжали мы полвигаться, слѣдуя по направленію домовъ отъ улицы Массена; минутъ черезъ пять мы вышли почти къ тому мѣсту, гдѣ потокъ Пальонъ спускается въ море. Вправо, по берегу того самаго залива, который выдвѣется съ горы Виллафранка, тянется непрерывный рядъ отелей, частныхъ домовъ и виллъ. Ихъ отдѣляетъ отъ моря широкая, гладко убитая дорога и еще естественный береговой откосъ, усыпанный бѣлыми и сѣрыми камешками, которые безпрерывно шлифуются и перетираются волною; звукъ этихъ камешковъ, которые то быстро катятся внизъ, увлекаемые волною, то взбѣгаютъ вмѣстѣ съ нею на берегъ, наполняютъ эту часть города вѣчнымъ шумомъ и жужжаньемъ. Ночью, безъ привычки, не разъ проснешься, невольно помышляя въ просонѣ объ опасности землетрясенія. По всему протяженію этого берега шумъ моря никогда не умолкаетъ; волна, задержанная въ своемъ движеніи подводнымъ кряжомъ камней, неожиданно становится на дыбы, величественно закручивается и съ такою силой бьетъ въ берегъ, что въ воздухѣ постоянно носится влажная серебряная пыль. Въ этой влагѣ, проникнутой тепломъ и солнцемъ, особенно какъ-то легко дышется, не потому ли и мѣсто это преимущественно предписываютъ всѣмъ слабогрудымъ; въ этомъ можно убѣдиться, не справляясь въ годахъ; едва вышли мы на дорогу, намъ начали попадаться молодые люди и женщины съ блѣдыми, впалыми лицами; они едва передвигали ноги или ѣхали въ коляскахъ, обложенные подушками. Безъ постороннихъ показаній легко также было убѣдиться, что Promenade des anglais (такъ зовутъ эту часть берега), служить главнымъ моднымъ гуляньемъ для жителей Ниццы; это очевидно ея Longchamps, ея Via-Beale, ея Невскій проспектъ: какъ здѣсь такъ и тамъ катятся непрерывные ряды самыхъ щегольскихъ экипажей, тянутся вереницы гуляющихъ, выставляются наконецъ лица и туалеты, идетъ непрерывный говоръ и любезничанье, занимаются разборкою ближняго, часто не выключая тѣхъ, которые вышче въ послѣдній разъ можетъ-быть кашляютъ и прислушиваются къ мѣрному шуму набѣгающаго вала...

Promenade des anglais, своя на одну точку столько разныхъ національностей, весьма естественно, должна возбуждать сорев-

нованіе гуляющихъ во всемъ что касается наружнаго блеска. Отсюда эта страшная роскошь туалетовъ, лошадей, экипажей. Леди М^а была вчера въ такомъ-то платьѣ, давай и мнѣ сегодня точно такое же! Вчера дѣти лорда N^а гуляли въ шотландскомъ костюмѣ, давай Петрушѣ и Кати шотландскій костюмъ во что бы ни стало! и т. д. Не будь этой прогулки англичанъ, я увѣренъ, наша соотечественница Н не попала бы въ тюрьму за долги; вѣтъ сомнѣнья, *promenade des anglais* сильно способствовала къ тому, чтобы погубить ее окончательно.

Этой прогулкой оканчивается Ницца со стороны залива; дорога круто поворачиваетъ вправо; послѣ моста, переброшеннаго черезъ каменистый потокъ, изгибающійся по дну живописнаго ущелья, она соединяется съ дорогою Франціи. Последняя тутъ же исчезаетъ въ складкахъ горъ, покрытыхъ оливами и усыпанныхъ бѣлыми загородными виллами, обращенными окнами къ морю.

Ущелье передъ мостомъ было безспорно самое живописное мѣсто, какое только приводилось до сихъ поръ видѣть. Невольно манило бросить дорогу, сойти на дно потока, углубиться въ эти привѣтливые изгибы, затемненные оливами, изъ которыхъ то сверху, то снизу выглядывали сельскіе домики. Но увы! въ нетерпѣніи нашемъ осмотрѣть Ниццу мы не подумали о завтракѣ; голодъ, возбужденный моціономъ и воздухомъ, началъ завывать такимъ отчаяннымъ голосомъ, что опасно было его не послушать.

Помнится, мы проглотили обѣдъ съ такимъ остервенѣніемъ, что когда нѣкоторые изъ нашихъ товарищей, сидѣвшіе съ нами за однимъ *table-d'hôte*, объявили, что обѣдъ изъ рукъ вонъ плохъ, — мы напали на нихъ съ яростью, обвиняя ихъ въ привередничествѣ и нетерпимости. Къ концу обѣда, по мѣрѣ насыщенія, возвратясь къ болѣе мирнымъ чувствамъ, мы мало-помалу приняли участіе въ томъ что совершалось вокругъ насъ. Общество *table-d'hôte* осуществляло въ миниатюрѣ космополитическій характеръ населенія Ниццы: тутъ были представители чуть ли не всѣхъ націй въ мірѣ, что можно было заключить только по наружнымъ типамъ, потому что общество, несмотря на свою многочисленность, хранило упорное молчаніе; можно сказать, оставя въ сторонѣ всякое пристрастіе, не будь здѣсь на-

шикъ соотечественницъ, легко было подумать, что едини въ сборницѣ глухо-нѣмыкъ. Чувство національной гордости плавало какъ въ маслѣ при видѣ тѣхъ усилій, которыя дѣлали наши дамы, чтобы завязать общій разговоръ. Такъ наприимѣръ одна дама разъ до десяти принималась рассказывать свои путевыя впечатлѣнія; они заключались въ томъ, что не было еще города, гдѣ бы она по разсѣянности не потеряла или не забыла въ отелѣ, — гдѣ драгоценный браслетъ, гдѣ une *colerette en dentelles* цѣною въ двѣсти франковъ, гдѣ перстень съ рубиномъ, un *sabon magnifique*, гдѣ une *broche en turquoise* и т. д., и всякій разъ съ обозначеніемъ цѣны предмета. Другая, болѣе пожилая, старалась обратить бесѣду къ литературѣ; съ этою цѣлью утверждала она, что читаетъ одни только самые пустые романы, потому что теперь въ Европѣ рѣшительно ничего не печатаютъ дѣльнаго. Но увы, всѣ эти попытки нашихъ соотечественницъ никому не вели; сколько можно было замѣтить, онѣ особенно слабо дѣйствовали на апатичныхъ англичанъ, которые въ отзвѣтъ на любезность, нарѣдка развѣ дереглядывались между собою и холодно улыбались.

Послѣ обѣда, часть общества отправилась въ театръ; давали «Линду», въ которой пѣла извѣстная въ Италіи пѣвица Бокабадати. Театръ Ниццы не представляетъ ничего особеннаго, если не считать, что кромѣ денегъ за билетъ надо еще платить особо какіе-то двадцать-четыре су для того, чтобы имѣть право занять свое мѣсто.

На другой день, часовъ въ десять утра, товарищъ мой уѣхалъ въ Вилла-Франку на корабль; проводивъ его за *rout-Neuf*, я одинъ отправился бродить по старому городу. Переходя изъ улицы въ улицу, глаза по сторонамъ, я случайно прочелъ надпись: *coiffeur*, надъ окномъ, заставленнымъ париками; это обстоятельство напомнило мнѣ, что я давно собирался обстричь волосы. Несмотря на равную пору, въ парикмахерской не было уже недостатка въ посѣтителяхъ: кромѣ четырехъ мужчинъ, сидѣвшихъ въ креслахъ съ намыленными до ушей лицами, тутъ находилось еще нѣсколько человекъ, ожидавшихъ своей очереди; изъ числа послѣднихъ, особенно выдавался плотный высокій господинъ съ сѣдыми волосами, и необыкновенно еще свѣжими щеками. Онъ изъяснялся на чистѣйшемъ парижскомъ нарѣчій,

поминутно переосмысливая свою волю: *ah diable! parbleu! fichtre! ah bah!* и проч. Не нужно было и этого нарочито, чтобы сразу убедиться, что это французъ чистѣйшей крови.

— Мы съ нимъ школьные товарищи, сидѣли на одной скамьѣ, говорили онъ въ то время какъ я вошелъ: — только насъ постигла разная судьба: революція сорокъ-восьмого года измѣнила мою всего состоянію; я остался ни при чемъ; долженъ былъ даже выселиться изъ отечества; товарищъ мой *Emile-Marco de Saint-Hilaire*, остался между тѣмъ во Франціи. Но отъ него ничего! онъ успѣлъ подавиться къ новому правительству и получилъ мѣсто хранителя библиотекъ въ Страсбургѣ; работы не много; тамъ всего одна только книга: два тома трактата объ артиллеріи, сочиненіе *monsieur Луи-Наполеона!* Но это въ сторону, господа; перейдемъ снова къ главному нашему вопросу касательно прибытія сюда русской охоты. Не касаясь политическаго смысла, съ которымъ конечно связано это прибытіе, — оно благотвительно для Панды; оно оживитъ ея торговлю; желательно бы только знать, сколько времени пробудетъ здѣсь пароходъ, прибывшій вчера...

— Около мѣсяца; можетъ быть даже больше! сказалъ я, овладѣвая свободными мѣстами и отдавая себя въ руки парикмахера.

— Почему вы это знаете? спросилъ румяный собесѣдникъ.

— Я имѣю честь принадлежать къ экипажу.

— Позвольте узнать съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить? Я назвалъ себя.

— Позвольте и мнѣ, съ моей стороны... Я, я здѣшній обыватель... Фамилія моя *Sottumier!* довершилъ онъ, выговаривая каждую букву такъ старательно, какъ бы желая вѣзать имя свое въ моей памяти до окончанія вѣка.

Затѣмъ г. Сотюмье началъ выгружать передо мною свои политическія убѣжденія, изъ которыхъ оказалось, что онъ самый ярый легитимистъ.

Мы были готовы почти въ одно время, такъ что вмѣстѣ вышли изъ парикмахерской.

— Милостивый государь, заговорилъ Сотюмье: — предупреждаю васъ: Панда эникома мнѣ какъ моя пять пальцевъ; если

вотъ нужно что-нибудь, располатайте мною; я буду особенно радъ служить вамъ четверо...

Я поблагодарилъ и просилъ указать ближайшій ресторанъ.

— Ресторанъ! воскликнула она, охватываясь съ головы до ногъ: — нѣтъ, ужъ коли на те пошло, извините! Я никакъ не допущу васъ идти въ ресторанъ! Вы хотите чашку кофе, бифштексъ, котлеты, устрицъ? все это у меня есть въ изобиліи; смѣло скажу: вы нигдѣ такъ не позавтракаете какъ у меня!..

— Но какже такъ?.. я не имѣю чести...

— Ничего не значить! перебилъ Сотюмье. Вотъ мой домъ; онъ третій отъ парикмахерской; идти какъ видите не далеко... Вы навѣрное мнѣ не откажете!..

Побѣжденный отчасти добродушіемъ, написаннымъ во всѣхъ чертахъ новаго знакома, отчасти увлеченный страстью къ неожиданностямъ всякаго рода, я принялъ предложеніе. Сотюмье ввелъ меня въ домъ, суетливо взбѣжалъ по лѣстницѣ и мы вступили въ небольшую комнату, выходившую окномъ на улицу; вокругъ стѣнъ шли столы, уставленные рядами банокъ съ пикулами и соленымъ всякаго рода; тутъ же возвышались пучки спаржи и рѣдискъ, артишоки, омары, лимоны, виноградъ, съѣдѣнныя фиги. На полу, изъ ящичковъ съ пескомъ выглядывали горлышки бутылокъ и флаги, запечатанные смолою и свѣцовыми шарочками всѣхъ цвѣтовъ; изъ плетеныхъ корзинъ и боченковъ выглядывали плоды и устрицы; стѣны увѣшаны были связками нежнаго луку и фестонами томатовъ, которые такъ доспѣли и отдували свою тощую красную кожу, что навалось сейчасъ лопнуть. Все это распространяло вокругъ такой свѣжей запахъ, такъ было вкусно разставлено и въ такомъ изобиліи, что способно было пробудить аппетитъ даже послѣ сытнаго обѣда.

Сотюмье былъ ни болѣе ни менѣе какъ коммиссіонеръ, доставлявшій гастрономическіе припасы гѣмъ изъ жителей Ниццы, которые охотники были тонко вкушать. Онъ избралъ торговлю такого рода очевидно столько же въ виду барыша, сколько чтобы имѣть возможность легче удовлетворять потребностямъ собственнаго своего желудка; надѣ было видѣть съ какими страстнымъ увлеченіемъ говорилъ онъ о съѣстныхъ припасахъ, какъ сладко чмокалъ губами, проводя рукою по свѣжимъ фигамъ или поглядывая на омара. Сотюмье, — и убѣдился въ этомъ

послѣ, — не амфлѣ гроша денегъ ; онъ не могъ утерпѣть , чтобы не выбрать для себя собственно самыя темныя кусочки.

— Товкій кусокъ , — *le fin morceau* , говорилъ онъ : — осуществляется для меня, милостивый государь, всѣ блаженства земного существованія ! Я поваръ по призванію ! Такого повара какъ я , скажу безъ хвастовства , вы не скоро сыщете : я занимаюсь моимъ дѣломъ *сop-a-moge* ; сейчасъ дамъ вамъ возможность судить о моемъ искусствѣ !..

Съ послѣдними словами онъ побѣждалъ въ сосѣднюю комнату, развелъ огонь и застучалъ ножомъ.

Завтракъ дѣйствительно былъ превосходенъ. Онъ стоялъ такъ мало, что совѣстно даже было.

— Къ сожалѣнію я не гастрономъ, сказалъ я : — не могу вполне оцѣнить ваше искусство ; но позвольте привести къ вамъ одного моего знакомаго...

— Онъ любитъ хорошо покушать ?

— Очень !

— Давайте его сюда ! Гдѣ онъ ? Я почти за особое счастье для него что-нибудь состряпать ! воскликнулъ Сотюмье, у котораго запрыгали глаза отъ восхищенья. Главное : любитъ ли онъ супы ! Въ супахъ я особенно силенъ ! *C'est mon fort* ! Онъ будетъ доволенъ ; *la bouillabesse, monsieur, la bouillabesse, je me sou-pais-que çà !..*

Если я такъ долго распространяюсь о Сотюмье, который, мало правду сказать, является здѣсь чѣмъ-то вроде *hors d'oeuvre*, это потому, что мнѣ нѣтъ никакой возможности поступать иначе. Ницца представляется моему воображенію немаче какъ съ правойю г. Сотюмье ; для меня крайней-мѣрѣ первая безъ послѣдняго не существуетъ. Стоитъ сказать при мнѣ : « Ницца ! » стоитъ мнѣ самому о ней вспомнить, и уже фигура Сотюмье является передо мною, какъ тѣ пружинныя монахини, которыя неожиданно выскакиваютъ изъ ящика когда пожмешь пружину. Личность его, надо сказать, играетъ во всемъ этомъ послѣднюю роль, точно также какъ его обѣды и завтраки. Все дѣло въ тѣхъ счастливыхъ часахъ, которые случалось проводить въ его комнатѣ, смежной съ той, гдѣ сохранялась провизія. Впродолженіи мѣсяца, и чуть ли не каждый день въ этой комнатѣ въ условный

часть сходилось нѣсколько человѣкъ, принадлежавшихъ тогда одному обществу, связанныхъ общимъ интересомъ. Здѣсь рассказывались впечатлѣнія дня, собираемыя каждымъ по одиночкѣ, шелъ непрерывный обмѣнъ мыслей и наблюдений; въ этой откровенной бесѣдѣ царствовало постоянно столько непринужденной веселости, что каждый запасался ею на весь слѣдующій день; подъ вліяніемъ ея самыя впечатлѣнія освѣщались какъ-будто радостнымъ свѣтомъ. Не будь этихъ счастливыхъ часовъ, Ницца въ глазахъ каждаго изъ насъ ковечно потеряла бы половину своей прелести. Но зачѣмъ вспоминать о томъ что прошло, чего нѣтъ, чего уже не воротить, какъ не воротить молодости и другихъ еще болѣе драгоценныхъ воспоминаній, освѣщавшихъ жизнь...

Отъ одиннадцати часовъ до двухъ я бродилъ по старому городу и такъ успѣлъ въ это время съ нимъ ознакомиться, что въ случаѣ надобности могъ служить проводникомъ любому вновь прибѣхавшему туристу. Изъ этого слѣдуетъ, что городъ не представляетъ ничего такого, на чемъ бы долго можно было приковать вниманіе; въ нижней части домовъ магазины и лавки; верхняя представляетъ гладкія стѣны и ряды оконъ съ зелеными жалюзи, — и только.

Возвращаясь домой, я встрѣтилъ извозчичью коляску съ сидѣвшими въ ней господиномъ въ сѣрой войлочковой пастушеской шляпѣ. Это былъ баронъ Т., одна изъ самыхъ милѣйшихъ, умнѣйшихъ и симпатичнѣйшихъ личностей не только нашей эскадры, но даже изъ тѣхъ, которыхъ мнѣ приводилось встрѣчать въ жизни. Онъ наканунѣ часъ только провелъ въ Ниццѣ и ѣхалъ теперь изъ Вилла-Франки.

— Stopp! stopp!.. закричалъ я, махая черной калабрійской шляпой, которую всѣ носятъ въ Ниццѣ.

Коляска остановилась.

— Васъ-то именно я и ждалъ! сказалъ я, подбѣгая къ дверцамъ.

— А что?

— Вы завтракали?

— Куска во рту не было: голоденъ какъ собака!

— Тѣмъ лучше!

— Какъ?

— Вы слышали о Сотюмъ?

— Не знаю никакого понятія...

— Превосходно; отпустите коляску и пойдите со мною...

Мы направились въ Корсо, улицу, гдѣ жила конфекціонеръ-легитимистка.

Нечего говорить о завтракѣ; баронъ Т., какъ и слѣдовало ожидать отъ гострона, принолъ въ совершенный восторгъ отъ знакомства съ Сотюмъ; Сотюмъ съ своей стороны, видя какъ ѣлъ баронъ Т., приходилъ въ трогательное умиленье; она клялась, что никогда еще не страдала и вперёдъ не будетъ страдать съ такимъ наслажденіемъ какъ для барона Т.

Часы около трехъ снова были мы на улицѣ Корсо.

— Что станемъ мы теперь дѣлать? спросилъ баронъ Т.

— Что хотите...

— Нельзя ли пойти посмотрѣть что-нибудь?

— Можно, только вотъ бѣда: въ городѣ рѣшительно нечего смотрѣть.

— Чтоже дѣлать?

— Поидемте куда глаза глядятъ; повѣрьте, это лучшая метода для прогулокъ по знакомымъ мѣстамъ.

Мы незамѣтно очутились на promenade des anglais. Былъ именно тотъ часъ, когда здѣсь особенно много гуляющихъ; многочисленное стеченіе публики оправдывалось тѣмъ еще, что погода, если только возможно, была еще лучше, теплѣе и лучезарнѣе вчерашней. Тутъ было кажется чуть ли не все чужеземное населеніе Ниццы; нѣмая кавалькада королевскихъ мисъ и леди проносились мимо въ сопровожденіи своихъ кавалеровъ; все остальное прогуливалось пѣшкомъ или ѣхало въ экипажахъ. Одно изъ удовольствій этой прогулки состоитъ также въ томъ, чтобы спуститься по камешкамъ къ морю, выждать волну и взбѣжать наверхъ прежде, чѣмъ она разольется по берегу; многими это удовольствіе не всегда удается, какъ мы имѣли случай замѣтить; особенно часто попадаютъ дамы; захваченныя на дорогѣ волною и путаясь въ своихъ кринолинахъ, онѣ испускаютъ пронзительные крики, подпрыгивая въ пѣнѣ, которая обдаетъ ихъ до колѣнъ.

Шагъ за шагомъ прошли мы къ тому мѣсту, гдѣ оканчиваются послѣдніе дома набережной, и гдѣ дорога, слѣзавъ кру-

той веревотъ отъ моря, привести дойти къ подошкѣ горы; да настоящей минуты онѣ показываютъ чадъ городовъ только свои вершущи. Трудно представить себѣ что-нибудь живописнѣе этихъ скаловъ, обнгаленныхъ уступами къ морю и поросланныхъ поворотъ глубокими навислыми ущельемъ, о которахъ я уже упоминалъ нѣсколько страницъ выше. Нѣсколько шаговъ, и въ перевозѣ какъ-будто за десятки миль отъ города; даже виллы, разсыпанные по откосамъ, нисколько не вредитъ эффекту каменнаго превращенія; напротивъ, онѣ не лишаютъ ничего общаго съ морской плоской архитектурой городовъ зданій; отдѣленные другъ отъ друга окѣрами скалъ или глубокими развѣдками, полузаслоненныя зеленью, онѣ еще болѣе настроиваютъ мысль къ уединенію.

— Вотъ это такъ! радостно воскликнулъ баронъ Т., какъ всѣ страстные охотники съ ружьемъ, горевій любитель природы: — ну не лучше ли это вѣнней promenade des anglais! — тотъ же Невскій проспектъ! Десално только, не сказали вы мнѣ прежде, что сюда отправимся; я ввѣлъ бы ружье съ собою; въ этомъ ущельи я на всѣхъ этихъ скалахъ, я увѣренъ, прицѣпился бы не равъ выстрѣлить!.. Какая досада, право, что я не взялъ ружья!

Я вырвался тоже ожалѣнье, хотя въ душѣ не могъ не обрадоваться такому обшательству. Путешествіе въ Асале съ пятнадцати верстахъ отъ Савиллы, восхождение съ барономъ Т. на кремнистую гору за минимали куропатками, — было мнѣ еще памятно; я зналъ, что попались только ружье въ руки барону Т., ошъ, поѣ прогнавъ, впечатлительнаго и несалаго собесѣдника, мигомъ превратится въ нетерпѣливаго, озабоченнаго и расфѣднанаго; отступая ружья въ его рукахъ рудается сѣдопательно за нѣсколко часовъ мирной, созерцательной прогулки.

Мы спустились на каменное дно пересохнуващаго потока и вошли въ ущелье. Оно еще при самомъ началѣ дѣлало такіе прихотливые изгибы, что пройдя нѣсколько шаговъ и обрнувшись назадъ, мы увидѣли себя окруженными со всѣхъ сторонъ исполинскими стѣнами скалъ, вершущи котрыхъ затушывались проострагетамъ. Мертвая тишина окружала насъ; даже шумъ моря не долеталъ сюда. Ущелье продолжало изгибаться все глубже вѣдываясь въ горы. Природа, несмотря на строгую свою величавость, несмотря на то даже, что сюда развѣ только въ пол-

день выглядывает солнце, не представляя однакожъ ничего сурового и мрачнаго; совсѣмъ напротивъ; щели ущелья отъ нижней истока до верхняго края, путавшагося съ облаками, покрыты были сплошною зеленою оливою, принимавшею въ высотѣ голубоватые отбѣны и наконецъ сѣрые; мѣстами крутой поворотъ открывалъ въ глубинѣ далекія вершины горъ, покрытыхъ когдѣ снѣгомъ и освѣщенныхъ солнцемъ. Мѣстами, не окраинявъ почва, въ естественномъ углубленіи скалы, то справа, то слева, показывались живописныя сельскіе домики и мельницы, оутраченные кудрявыми фестонами плюща и листаго винограда. Въ щель, какъ я говорилъ, не было капли воды: онъ наполняется только влагою; при всемъ томъ, съ каждыиъ шагомъ впередъ, сырость и даже холодъ проникали насъ. Здѣсь время года давало себя чувствовать силѣе, чѣмъ на открытыиъ мѣстахъ Ниццы, обогрѣваемыиъ круглый годъ солнцемъ какъ у насъ въ юнѣ. Зимняя пора высказывалась здѣсь отсутствіемъ цвѣтовъ, которые между тѣмъ въ изобиліи продавались въ Ниццѣ, блѣдною зеленою оливою, изъ которой не прѣмѣнивалась теперь разнообразная зелень другихъ деревьевъ и растеній, стоявшихъ пока обнаженными, — красными листьями винограда, которые пестрили бѣлыя стѣны домовъ и шуршукали подъ ногами. Но все это шло даже къ мѣстности насъ окружавшей и вполне гармонировало съ ея величавымъ, задумчивымъ характеромъ.

Мы подвигались впередъ уже около часу, какъ вдругъ слышала гдѣ-то выстрѣлъ.

Баронъ Т. вздрогнулъ, выпрямился и насторожилъ снова слухъ.

— Не говорилъ ли я вамъ, что здѣсь должна быть охота?.. произнесъ онъ, безпокойно озираясь во всѣ стороны: — надо пойти хоть взглянуть...

— Стоитъ ли того... другое дѣло еслибъ ружье было... сказала я лицемѣрно.

Въ самую эту минуту раздался другой выстрѣлъ.

На этотъ разъ не было уже никакой возможности удержать барона Т. Напрасно говорилъ я, что изъ этого ничего путнаго не выйдетъ, что выстрѣлы, разбѣгаясь перекатами по ущелью, сбьютъ насъ только съ толку и мы никакъ не попадемъ на слѣдъ охотниковъ; ничего не помогло: онъ ринулся въ оливы и началъ

забраться по крикамъ, то останавливаясь и прислушиваясь, то съновымъ, удвоеннымъ усердіемъ продолжала карабкаться въ гору. Такъ пробиралась мы часъ покрайней-мѣрѣ. Изъ этого, какъ я говоримъ, ничего не вышло, кромѣ того развѣ, что мы въ смѣхъ выжились.

Полоса неба въ вышнихъ замѣтно начинала блѣднѣть; пора было думать возвратиться домой.

— Намъ рѣшительно незачѣмъ спускаться на дно ущелья, сказалъ баронъ Т.: — скатъ, на которомъ мы находимся, противуположенъ тому, который спускается къ Ниццѣ, — это очевидно; стоять только стало-быть подняться до вершинны, и перевалиться черезъ этотъ скатъ, чтобы очутиться лѣзущъ къ городу... Вотъ кстати домикъ какой-то бѣлѣтъ; спросимъ какъ пройти ближе въ Ниццу.

Минуть пять снустя, вы подходили къ дому, запертагому въ вѣлени какъ гнѣздо; крыша его покрыта была какъ швабкой ключемъ, который свѣшивался массой на каменный столбъ, подпиравшій роль балкона; изъ чердака торчалъ шестъ съ сунувшимся бѣломъ. Навстрѣчу намъ вышла дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, очень бѣдно одѣтая, но съ такими хорошеенькими, ушными глазами, которые я до-сихъ-поръ еще помню.

Прибавя крикъ и вжось итальянскія слова, мы просили ее указать намъ дорогу. Робко какъ-то взявъ серебряную монету, она улыбулась, кивнула головою и повела насъ горной тропинкой, изгибавшейся прямо за ея домомъ.

— Я думаю нечужо больше утрудять эту бѣдную дѣвочку, сказалъ баронъ Т.: — тропинка сама собою приведетъ насъ къ цѣли... addio la piccolina!

— Addio! проговорила дѣвочка звонкимъ серебрястымъ голоскомъ.

Тропинка мало-помалу начала сглаживаться; привелъ насъ къ каменному откосу, она совсѣмъ исчезла.

— Ничего, сказалъ баронъ Т.: — скоро конецъ горѣ!

Прѣшло добрыхъ полчаса; тѣмъ выше мы лѣзли, тѣмъ больше казалось оставалось лѣзть. Сумерки между тѣмъ замѣтно сгущались. Свѣжесть становилась также ощутительна, что было несовсѣмъ пріятно, если принять въ соображеніе, что оба мы съ головами до ногъ были въ испаринѣ.

— Главное дело не надо теперь останавливаться, повернул баронъ Т., старался ободрить меня; наконецъ теперь мѣсячные ночи, и мы ни въ какомъ случаѣ не рискуемъ метаться...

Ковчась тѣмъ одинокомъ, что мы совершенно сблизилъ съ пути. Темнота, сгущенная оливками, подъ которыми мы бродили, не позволила различать предметы въ десяти шагахъ. Настоящая погода, мы очутились на небольшой возвышенной каменистой площадке, откуда открылось вдругъ море; но это ни къ чему не повело: вдругъ все-таки громадные горы, покрытыя сплошнымъ лѣсомъ оливокъ. Мы рѣшительно не знали уже что дѣлать съ собою, когда неожиданно въ сторонѣ послышался лай, изъ кустовъ выпрыгнула бѣлая собачонка, и въ тоже время увидѣли мы надъ обрывомъ изъ моря двѣ мужскія фигуры.

Насъ окликнули поитальянски, мы отошлились пофранцузски навстрѣчу възрастна на этомъ языкѣ, и мы такъ обрадовались атому обстоятельству, что рассказали нашу исторію прежде еще, чѣмъ успѣли подойти къ незнакомцамъ. Успокоенные насчетъ дороги самымъ пріятнымъ, радушнымъ образомъ (оба толкавъ же выжились провонать насъ до Ниццы), мы весьма естественно выразили желаніе узвать атому обласны таковой услугой.

То были владѣльцы нѣсколькихъ десятковъ оливковыхъ плантацій и дома, который находился шагахъ во ста; они сверхъ того торговали каменистымъ углемъ и выжили именно сюда въ этотъ вечеръ, чтобы посмотреть, не увидать ли своего корабля; котораго давно ждали изъ Англии; каждому было дѣтъ подъ рокомъ; оба довольно внятно говорили пофранцузски.

Они пригласили насъ войти въ домъ, чтобы отдохнуть, обогрѣться и подождать восхода мѣсяца; черезъ полчаса они дважени были позвать насъ.

Вскорѣ увидѣли мы передъ собою бѣлыя стѣны дома, подзаслоненнаго деревьями. Насъ ввели въ темныя стѣны, откуда въ просторную комнату, выбѣленную мѣломъ и съ поломъ выстланымъ кирпичомъ; комната очень просто но чисто меблированная, ярко освѣщалась широкимъ пламенемъ камина съ навѣсомъ; упавшимся въ потолокъ. Передъ огнемъ, на низенькой скамейкѣ сидѣла дѣвушка лѣтъ шестнадцать, державшая на рукахъ совершенно голенькаго годового ребенка, который весело вскрикивалъ, подпрыгивая на ея колѣнахъ; дѣвушка такъ была до-

реша собою в себе все: эта группа такъ поразила послѣднюю своимъ граціей, что мы въ первую минуту остановились какъ бы пригвожденные къ порогу.

— Позвольте вамъ рекомендовать мою дочь! сказала одна изъ женщинъ, который показался намъ помоложе; впрочемъ оба такъ были похожи другъ на друга, что мы приняли дѣв за родныхъ братьевъ.

Мы не могли утерпѣть, чтобы не выразить ему нашего удивленія, возбужденнаго красотою его дочери.

— Это до меня теперь почти не касается, возразилъ свѣтлый отецъ: — такія похвалы должны быть особенно приятны моему зятю, добавляя онъ, указывая на сестра.

— Какъ? но вы оба почти однихъ лѣтъ! воскликнули мы въ одинъ голосъ: — мы приняли васъ за двухъ братьевъ...

— Нѣтъ, это мой тестъ, это моя жена, а bambino — сестрица! сказала второй господинъ, поглядывая на хорошенькую женщину, которая весело намъ улыбалась, играя съ ребенкомъ.

— Сколько же лѣтъ вашей женѣ?

— Зимю минуло шестнадцать.

— Какъ?

— Вы вѣрно удивитесь еще больше, когда узнаете, что этого bambino мой третій ребенокъ.

— Сколько же лѣтъ было вашей супругѣ когда вы на ней женились?

— Дѣвнадцать лѣтъ; мы уже четыре года какъ женаты.

Я зналъ, что въ Сициліи и Италіи, гдѣ женщины созрѣваютъ нѣсколькими годами раньше чѣмъ на сѣверѣ, такіе браки не диковинка, особенно въ восточномъ кладѣ; но никакъ не думалъ я встрѣтить въ Пьемонтѣ тѣже случаи преждевременнаго развитія, физическаго только конечно; потому узнали мы, что такіе браки и здѣсь очень обыкновенны.

Къ сожалѣнію милая наша хозяйка ни слова не говорила пофранцузски; любезность ея ограничивалась добрыми улыбками и приготовленіемъ для насъ лимонада.

Снабдивъ анфуріозовъ нашими адресами, мы оставили домъ и скорѣ выведены были на широкую дорогу, опускающуюся воль гору. Мы теперь ни въ какомъ случаѣ уже не могли сбиться съ пути; несмотря на то, обиваемыя два господина не могли

разстаться съ нами прежде чѣмъ въ глубинѣ открылась Ницца, изгибающаяся бѣлымъ полуостровомъ по берегу залива, высеребрянаго полнымъ мѣсяцемъ.

До Ниццы оставалось добрыхъ полчаса ходьбы.

Передать вамъ не могу то сладостное впечатлѣнiе, подлѣ ямiионъ котораго совершили мы окончанiе нашей прогулки.

Къ ночи стало какъ-будто опять теплѣе; можетъ быть это было оттого, что насъ теперь защищала отъ сѣвера хребеть горъ, обращенныхъ къ югу. Воздухъ не трогалъ ни однимъ листочкомъ; было такъ тихо, что даже съ этой высоты можно было яственно различать мѣрный плескъ волнъ, ударявшихъ въ берегъ «англійской прогулки»; подлѣ слышно было какъ капли росы ниспадали съ листьевъ; блѣдая зелень оливъ, освѣщенная полнымъ мѣсяцемъ, придавала всей массѣ соръ, обступавшихъ заливъ, видъ фантастическихъ серебристыхъ облаковъ, спускавшихся къ морю; сквозилъ паръ, носившiйся кой-гдѣ надъ долиной; мигали огоньки Ниццы...

По прошествiи нѣсколькихъ минутъ забыты были всѣ неудачи долгой, утомительной прогулки; мы весело говорили о ней и съ увлеченiемъ дѣлали проекты на завтрашнiй день, предполагая снова отираться въ горы.

Но на другой день произошло слѣдующее :

Рано утромъ входитъ въ мою комнату С.

— Новости! говорить онъ : — большiя новости !..

— Что случилось ?

— Мы уходимъ изъ Ниццы !

— Куда ?

— Въ Геную ; пришолъ приказъ немедленно присоединиться намъ къ эскадрѣ, которая по всей вѣроятности уже въ Генуѣ...

— Долго мы тамъ пробудемъ ?

— Нѣтъ, всего нѣсколько дней...

— Почему ?

— Снова въ Ниццу на мѣсяцъ ; потомъ на три мѣсяца въ Палермо...

— Стой, довольно и этого ! воскликнулъ я и началъ радостно одѣваться.

Въ тотъ же вечеръ, часовъ около шести корабль нашъ поднялъ якорь и вышелъ изъ гавани Вилла-Франка.

Но такъ уже видно опредѣлено было судьбою, чтобы дурная погода сопровождала насъ каждый разъ, какъ приводилось намъ входить въ гавань или снова пускаться въ море. Дождикъ казался только и ждалъ минуты нашего выхода. Онъ вдругъ полилъ какъ изъ ведра, лилъ всю ночь и не переставалъ лить во все время, какъ мы бросали якорь въ гавани Генуи.

Изъ этого слѣдуетъ, что общая панорама Генуи, которая говорить по красотѣ своей не уступаетъ ее стороны моря вѣдамъ Неаполя и Константинополя; впрочемъ для меня совершенно. Придерживаясь правды, долженъ оказать, меня постигла также участь, когда я возвращался назадъ изъ Генуи и потомъ, когда вторично посѣтилъ этотъ городъ. Туманъ, мелкая изморозь и дождикъ преслѣдовали меня неотступно. Впечатлѣніе ограничивалось всякій разъ бѣлою массою домовъ, которые по срединѣ лѣзли въ гору, а по бокамъ постепенно суживались и гибли амфитеатромъ широкую гавань, замкнутую послѣдними хребтами Альновъ. Какъ ни досадно было, но тѣмъ неменѣе я съ какими-то лихорадочнымъ нетерпѣніемъ порывался къ борту корабля, стараясь занять первую вольную шлюпку. Такъ какъ корабль не вошелъ въ самую гавань, но бросилъ якорь въ полумиле отъ города, пришлось сдѣлать порядочный конецъ въ шлюпкѣ, что не совсѣмъ было пріятно: сверху сыпало дождемъ, сбоку обдавало вѣтромъ, а снизу такъ подбрасывало, что мало было крѣпко держаться за скамьи, чтобы не грохнуться на дно шлюпки. Наконецъ вошли мы въ такъ-называемую купеческую гавань. Она уставлена была такимъ множествомъ судовъ, что между ними приходилось пробираться, какъ въ лабиринтѣ улицъ. На пристани и подъ темными массивными арками старыхъ зданій, окружавшихъ набережную, толкалось и шумѣло множество народу; тутъ нагружали и выгружали суда, перекачивали бочки, тянули блоки, стучали топорами, таскали тяжести, тюки и товары всякаго рода.

Недалеко отъ набережной, въ узенькой улицѣ, имѣвшей видъ какого-то мрачнаго ущелья, находилась гостиница, которую намъ рекомендовали въ Ниццѣ; насъ ввели въ громадную прихожую со сводами и мраморными колонами; широкая лѣстница изъ бѣлаго мрамора, перехваченная арками и колонами вела въ верхніе этажи. Прихожая эта служила негда-то глав-

ныкъ входить въ палаццо адмиралтейства, который время и еще болѣе обстоительства владѣльцевъ превратили въ скромный albergo. Такого рода превращенія на каждомъ шагу встрѣчаются въ Италіи. Признаюсь, не могу видѣть въ этомъ поведѣ возможности скорбныхъ жалобъ и стѣнованія противъ разсѣянной судьбы; обильнѣшая аристократія Италіи не въ состояніи поддерживать безчисленную массу своихъ дворцовъ; не лучше ли следовательно этимъ дворцамъ переходить въ руки людей промышленныхъ, которые изъ тщеславія или выгоды, не стануть ихъ поддерживать и такимъ образомъ спасутъ ихъ отъ неминуемаго разрушенія. Что за важность, если ирраціональные поля и лѣстницы, похищаемыя когда-то Доріями, похищаются теперь подданными какого-нибудь торгоша; еслибъ этибѣчать и оставлять неприспособленнымъ всё шѣста, гдѣ жили когда-то шестольно шигматы, но даже великіе люди, пришлось бы остальному человечеству за неимѣніемъ шѣста переселиться на другую планету.

Одна изъ отличительныхъ чертъ Генуи — это невѣроятная высота ея домовъ. Каждый домъ хочетъ видѣть море; стѣнные прострѣтствомъ, дома лѣзутъ одинъ выше другого и какъ бы приподымаются на цыпочки, чтобы заглянуть черезъ крышу своего сосѣда. Благодаря такому соревнованію, я потерялъ счетъ ступенямъ прежде, чѣмъ достигъ своего номера; шорейдешъ два-три поворота лѣстницы: «Здѣсь?» — «Нѣтъ, выше!» еще три-четыре поворота: «Здѣсь?» спрашиваешь, едва переводя духъ: — «Еще выше!» Лѣзешь, лѣзешь — конца шѣты. Между тѣмъ стѣны сосѣдняго дома, до котораго я могъ коснуться рукою изъ окна моей комнаты, были еще выше; у подножія ихъ словно на днѣ колодца открывалась площадь, буквально запруженная народомъ; пространство, отдѣлявшее ее отъ меня, такъ было велико, что говоръ и шумъ долетали до меня, какъ жуужжаніе пчелъ.

Первымъ дѣломъ разумеется было сойти скорѣе внизъ и спуститься осматривать городъ.

Какъ я вамъ сказывалъ, городъ расположенъ по скату горы; внизу у моря тѣнится такъ-называемый нижній городъ; съ основанія его, что произошло говорятъ са 700 лѣтъ до Р. К., городъ конечно перестраивался сотни разъ, но первоначальное его расположеніе и виды остались по всей вѣроятности неизмѣненными.

Фациономія этой нижней части Генуа несетъ особенный типичный отпечатокъ; подобное этому встрѣтимъ мы потомъ въ одной только Италіи. Все это представляетъ совершеннѣйшій лабиринтъ узенькихъ, извилистыхъ улицъ, затѣненныхъ высочайшими домами, которые какъ бы валятся на голову, оставая въ вышинѣ тонкую, неровную полоску свѣга неба; все свидѣтельствуетъ, что во время постройки ихъ не предвидѣлось даже въ будущемъ возможности существованія экипажей; на уда шагъ впередъ приходится нѣсколько разъ подыматься или опуститься по ступенькамъ, чтобы продолжать путь. Поминутно вправо и влево открываются мрачные переулки, темные своды или углубленія, гдѣ посреди мрака мелькаютъ крошечное изображение святого или образъ мадонны съ нигающей передъ нимъ лампадкой. О тротуарахъ конечно нѣтъ и помину. Иное зданіе выступаетъ такимъ рѣзкимъ угломъ, что обогнуть его можно только развѣ пѣшекою; изъ-за угла неожиданно выходишь на тѣсную площадку, замкнутую мраморнымъ порталомъ церкви потеряншемъ отъ времени, или вставленную рядами переносныхъ лотковъ и лавченокъ съ овощами, пирогами, хлѣбомъ и проч.; тутъ же на воздухъ поджариваютъ рыбу, варятъ risotto и пекутъ кукурузныя лепешки. Толпы матросовъ всѣхъ націй, поселяне, торговки въ своихъ національныхъ костюмахъ, местные обыватели: все это шумитъ, покупаетъ, продаетъ, суетъ и движется между группами ословъ, которые несутъ на рынокъ припасы въ плетеныхъ корзинкахъ. Крѣпкій запахъ оливковаго пережжоннаго масла, который бросается въ носъ при первомъ шагѣ, ясно говоритъ, что вы нигдѣ больше, какъ въ итальянскомъ городѣ.

Мнѣ особенно памятна въ этой части Генуа одна улица.

Она находитъ непосредственно за площадкой, которая подлѣ гостиницы. Представьте себѣ длинный, узкій, коридоръ, освѣщенный только сверху узкою полоскою неба; въ обѣ стороны ввызъ идутъ непрерывные ряды магазиновъ и лавокъ, которые не закрыты со стороны улицы, какъ у насъ въ Европѣ, но выставляютъ свой товаръ наружу, подобно тому, какъ это дѣлается на востокѣ. Товаръ исключительно состоитъ здѣсь изъ коралловъ, филиграновыхъ вещей, раковинъ, церковной утвари, оружія, жемчужъ всякаго рода, ожерелій и безчисленнаго мид-

щества дорожикъ металлическихъ издѣлій. Все это навалено горами и влашня освѣщенное сверху, рѣзко выдѣляется на сумрачномъ, смолистомъ фонѣ стѣнъ и еще ярче выступаетъ изъ темнаго дна магазиновъ, въ которыхъ на рембрантовскій манеръ рисуются старыя и молодыя фигуры торговцевъ. Живописныя группы покупателей, которые тѣснятся съ обѣихъ сторонъ, вострая толпа, разукрашенные цвѣтными кистями ослы, которые жмутся посрединѣ, группы курильщикова подъ сумрачными входами въ кофейные дома, и наконецъ самый характеръ товара, облитаго свѣтомъ или растушованнаго густою тѣнью, все это на каждомъ шагѣ представляетъ великолѣпныя, картинныя мотивы, которые сами собою просятся на полотно.

Достигнувъ конца улицы, я зашелъ въ кафе, чтобы закурить сигару. Народу было много; шолъ общій, оживленный разговоръ о Ристори; главнымъ ораторомъ былъ самъ хозяинъ кафе. Ристори давала въ этотъ вечеръ послѣднее свое представленіе въ роли Федры.

— Есть ли еще надежда достать билетъ? спросилъ я, обращаясь къ хозяину.

— Сколько угодно! отвѣчалъ онъ довольно свободно по французски: — Ристори у насъ не очень любятъ; ей даже мало стали хлопать въ послѣднее время!

— За что такъ?

— Она играетъ преимущественно въ чужихъ краяхъ...

— Чтожъ изъ этого? тѣмъ лучше для васъ: она этимъ способомъ увеличиваетъ артистическую славу своего отечества...

— Этого намъ не нужно, мы за этимъ не гонимся! Вотъ актеръ Модена, тотъ совсѣмъ другое дѣло. Il travaille aussi bien que la Ristori, а между тѣмъ не гонится за чужеземной славой; чего же лучше: Людовикъ Наполеонъ предлагалъ ему большія деньги, чтобы играть въ Парижѣ. — онъ не согласился; онъ хотѣлъ играть только для своихъ соотечественниковъ; за это мы его и любимъ!..

Все это могло быть совершенно справедливымъ, но я воспѣшилъ однакожъ отправиться въ театръ, чтобы заблаговременно запасть билетомъ. Улица, о которой я говорилъ, приводитъ къ верхней и виѣстѣ съ тѣмъ аристократическую часть города. Попасть туда впрочемъ не совсѣмъ удобно: улица замыкается отъ

всю стѣною; справа только подѣ острымъ угломъ оставленъ проходъ, въ которомъ устроена каменная лѣстница. Съ этой стороны это единственное сообщеніе между верхней и нижней частями Генуи; тутъ постоянно происходитъ давка; не помню, чтобы когда-нибудь случалось проходить по этому мѣсту безъ того, чтобы не встрѣтить, кромѣ толпы, людей съ тюкомъ за спиною, бочкой или корзиной на головѣ; одни быстро сбѣгаютъ по ступенькамъ, другіе также быстро поднимаются; сколько зажитно, генузецъ, не такой суета и крикунъ, какъ неаполитаецъ и сициліецъ, которые деруть горло и бѣсуются безо всякой видимой причины, но онъ вообще дѣятеленъ, промышленъ и всегда въ постоянномъ движеніи.

Переходъ изъ нижняго города въ аристократическій кварталъ очень рѣзокъ; съ перваго взгляда бросается въ глаза просторъ и свѣтъ, прежде всего открывается широкая площадь; за исключеніемъ немногихъ частныхъ построекъ, она вокругъ обставлена великолѣпными мраморными дворцами; лучшіе изъ нихъ впрочемъ стоятъ съ закрытыми жалузи и наглухо заколоченными воротами. За ними гора подымается такъ круто, что дворцы, построенные выше на откосахъ или искусственныхъ терасахъ, рисуются цѣликомъ отъ самаго своего основанія до верхушки. Шуму и движенія здѣсь также очень много; къ нему присоединяется еще трескъ экипажей, шелканье бичей и крикъ кучеровъ, одѣтыхъ какъ въ Парижѣ, въ клеенчатую шляпу и красный жилетъ. Въ этой толпѣ особенное вниманіе обращаютъ на себя женщины; типъ, сколько я замѣтилъ, здѣсь очень смѣшанный, но въ общей массѣ онѣ очень красивы; особенно хороши блондинки съ черными, блестящими глазами и длинными, темными рѣсницами. Большая часть, вмѣсто нелѣпыхъ шляпокъ, покрываютъ голову бѣлымъ кисейнымъ *pezzotto*, родъ вуаля, который прикрѣпляется къ гребню и ниспадая по обѣимъ сторонамъ лица, окутываетъ плечи; лица, и безъ того красивыя, получаютъ отъ этого особенную какую-то привлекательную вѣжность; я встрѣтилъ здѣсь также въ первый разъ хорошевицкихъ, румяныхъ и молодыхъ абатовъ въ треуголкѣ, черныхъ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ блестящими пряжками.

Въ этой части города находится между прочимъ улица, *Strada*

da Nuova, которая съ первыхъ шаговъ прямо переноситъ насъ въ шестнадцатый вѣкъ; въ обѣ стороны тянется непрерывный рядъ дворцовъ; къ сожалѣнiю улица такъ узка, что глазъ не въ состоянiи обнять любое зданiе выше второго этажа. Лицоныя свѣта и пространства, затемнѣнныя еще сверхъ того временемъ, дворцы эти сохраняютъ тотъ мрачный, суровый характеръ, которымъ отличались ихъ прежнiе владѣльцы; окна нижняго этажа защищены желѣзными рѣшотками; ржавчина, размываемая столько лѣтъ дождями, избородила рыжими полосами мраморныя стѣны; окна верхнихъ этажей часто заколочены наглухо; иногда вѣсто замкнутыхъ тяжелыхъ дверей, обитыхъ желѣзомъ, неожиданно открывается парадный входъ со сводами: штучный, цвѣтной, мраморный полъ его на одномъ горизонтѣ съ улицей, чтобы безпрепятственно могли въѣзжать экипажи; изъ потолка виситъ на цѣпи саженный фонарь самаго причудливаго рисунка; вправо и лѣво поднимаются зигзагами широкiя лѣстницы и галереи, перехваченныя арками, колонами и консолями, украшенными мраморными шарами, львами, гербами и статуями, большею частью безъ носа, безъ пальцевъ, съ черными пятнами копоти въ изгибахъ драпировокъ; точно декорации въ театрѣ, или картины извѣстнаго Робера, любителя такихъ перспективъ.

Дворцы эти принадлежали когда-то (нѣкоторые и теперь еще принадлежать) лицамъ, прадѣды которыхъ играли блестящую роль въ исторiи средневѣковой Италiи. Многiе изъ потомковъ дожей, сенаторовъ и вельможъ, несмотря на то, что разорены до тла, и теперь еще живутъ во дворцахъ своихъ; но теперь уже собственно въ этомъ заключается только вопросъ экономическiй — вопросъ, чтобы избавить себя отъ необходимости платить за квартиру; они обыкновенно занимаютъ нѣсколько комнатъ вверху или на заднемъ дворѣ и отдаютъ парадныя залы и входы, расписанныя фресками подъ гостиницу или въ наемъ частнымъ лицамъ. Ведутъ они большею частью жизнь замкнутую, какъ бы стыдясь выставить на свѣтъ рѣзкiй контрастъ громкаго историческаго имени съ протертымъ пальто, прикрывающимъ ихъ плеча. Жизнь ограничивается чашкой кофе утромъ, блюдомъ брокколи въ полдень, и вечеромъ — креслами въ театрѣ, потому что безъ музыки здѣсь не живутъ, точно также какъ

безъ хлѣба. Нѣкоторые, но такихъ немного, владѣютъ еще огромнымъ состоянiемъ своихъ предковъ; но время и на нихъ произвело свое дѣйствiе: они большею частью занимаются разнаго рода предпрiятiями и спекуляціями, стараясь увеличить свои капиталы.

Возвращаясь изъ кассы театра, гдѣ посчастливилось мнѣ достать билетъ, я встрѣтилъ С., одного изъ товарищей по путешествiю; С. былъ уже нѣсколько разъ въ Генуѣ и зналъ ее въ совершенствѣ. Такъ-какъ время было обѣдать, онъ повелъ меня въ *café concordia*, лучший ресторанъ города. Онъ занимаетъ великолѣпный дворецъ; входъ изъ бѣлаго мрамора превращенъ въ цѣточную лавку; мраморная лѣстница приводитъ на широкую терасу, уставленную апельсинными деревьями; посерединѣ фонтанъ, вокругъ идутъ залы; можно обѣдать на самой терасѣ, можно обѣдать и въ залахъ, имѣя передъ глазами цѣлую апельсиновую рощу.

Въ Конкорди С. познакомилъ меня съ Д., польскимъ эмигрантомъ, который уже пятнадцать лѣтъ находился въ сардинской службѣ; Д. въ свою очередь свелъ меня съ нѣсколькими молодыми людьми, принадлежащими высшему генуэзскому обществу; благодаря такому обстоятельству, я получилъ возможность осмотрѣть всѣ частные дома и дворцы, гдѣ только находилось что-нибудь замѣчательное по части искусствъ.

Генуя не имѣла своей оригинальной школы живописи, скульптуры и архитектуры; бывъ родиной цѣлой фаланги художниковъ, она тѣмъ не менѣе не можетъ выставить ни одной изъ тѣхъ знаменитостей, которыми такъ справедливо гордятся Римъ, Флоренція, Миланъ, Венеція, Сиенна и другіе города и городки остальной Италіи. Въ числѣ художниковъ Генуи являются однакожъ замѣчательные таланты: братья Кальви, Лука Камбіазо, Кастелло, Тавароне, Піола, Карлоне и другіе; но всѣ они развивались внѣ отечества и каждый подчинялся вліянiю той школы гдѣ учился. Если всѣ роды генуэзскаго искусства отличаются отсутствiемъ самобытнаго, національнаго типическаго стиля, взиравъ этого, они поражаютъ страшнымъ своимъ разнообразiемъ и въ общей сложности даютъ дворцамъ Генуи такой роскошный характеръ. Этому много также способствовали художники, которыхъ вельможи и богачи Генуи вызывали изъ всѣхъ частей

Италии для украшенія своего города. Такъ напримѣръ знаменитый въ то время римскій архитекторъ Галеаццо Алесса, прожилъ здѣсь пятнадцать лѣтъ; Генуя обязана ему лучшими своими зданіями.

Великолѣпная наружность этихъ palazzo не обманывала въ свое время ожиданій: внутри они были еще великолѣпнѣе. Эти фасады изъ цвѣтного мрамора, почернѣвшіе отъ времени и страшно теперь запущенные, служатъ какъ бы предисловіемъ тому что встрѣтишь въ самомъ зданіи, когда отворится дубовая дверь, обитая желѣзомъ. Громадныя прихожія сверху до-низу расписаны фресками; потолки и стѣны другихъ залъ и комнатъ тоже покрыты живописью; но все это исчезаетъ мѣстами полъ копотью, мѣстами изъѣдено сыростью или исполосовано паутинами. Спускаясь или подымаясь по мраморнымъ лѣстницамъ, украшеннымъ колонами, статуями, нишами, вычурными пилластрами, вы чувствуете какъ подъ ногами хруститъ пыль, которую не смѣтали болѣе столѣтія; кучки сору чернѣютъ во всѣхъ углахъ. Если въ palazzo находится картинная галлерей, *galleria dei quadri*, васъ проведетъ туда старый оборванный слуга, — единственный смотритель дома, замѣнявшій прежнія толпы раззолоченныхъ лакеевъ, тѣснившихся на этихъ самыхъ лѣстницахъ. Многіе дворцы сохранили еще мебель временъ патриціевъ республики; стертая позолота на рѣзныхъ орнаментахъ, украшающихъ разнаго рода мебель, обнажаетъ бурый грунтъ или дерево; цвѣтной штофъ съ широкими разводами виситъ ключьями передъ окнами и спадаетъ подъ густымъ слоемъ пыли. Нѣкоторые изъ вѣнскихъ дворцовъ, какъ напримѣръ: Паллавиццини, Адорно, Маджи, Жюрджіо Доріа, Бривьоле-Сале, поддерживаются донынѣ такимъ образомъ, благодаря сохранившемуся или вновь найденному состоянію своихъ владѣльцевъ.

Картинная галлерей послѣднихъ двухъ особенно замѣчательна.

Теперешній Доріа, маркизь Жюрджіо, какой-то чудакъ, эксцентрикъ, который всѣхъ боится, ото всѣхъ прячется, такъ что его по цѣлымъ годамъ никто не видитъ; но несчастію домохозяинъ завѣдуетъ жена, маркиза Тереза, женщина умная, эмергическая и притомъ страстная любительница искусствъ; она сама занимается живописью и пишетъ отличные пейзажи: ей уже подлѣ шестьдесятъ; но въ ней столько еще воодушевленія, она

такъ любезна и привѣтлива, что съ перваго визита дѣлается яснымъ, отчего ея гостинная, не смотря на дикость самаго маркиза, который впрочемъ никогда и не показывается, считается самою пріятною въ городѣ. Пріемныя комнаты отличаются необыкновенною простотою; всю роскошь составляютъ картины и очень хорошо сохранившіяся фрески на потолкахъ.

Картинъ немного; маркиза выбрала только лучшія изъ многочисленныхъ галлерей мужа и своихъ предковъ; они родомъ Гримальди.

Первое мѣсто въ этомъ драгоценномъ собраніи принадлежитъ портрету герцогини Сфорца, писанному Винчи; это дѣйствительно такое сокровище, которое можетъ считаться въ числѣ совершеннѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, самыхъ сохранившихся произведеній гениальнаго живописца; онъ повѣшенъ отдѣльно, въ крошечной уютной гостиной надъ диваномъ, любимымъ мѣстомъ хозяйки дома. Въ другихъ комнатахъ находится между прочимъ обрученіе Якова съ Рахилью Гверчино, — картина красоты и граціи необыкновенной. Я видѣлъ и прежде и послѣ множество произведеній этого художника, видѣлъ наконецъ въ Римѣ знаменитую его Петрониллу, но картина маркизы Доріа затмила въ моей памяти всѣ остальные; она бросаетъ совсѣмъ новый свѣтъ на художника, о которомъ нѣтъ возможности сдѣлать на примѣръ конечнаго приговора въ Луврѣ и Эрмитажѣ.

Почти тоже можно сказать въ отношеніи къ Вандику, произведенія котораго встрѣчаются въ такомъ изобиліи въ Генуѣ, — особливо во дворцѣ Бриньоле-Сале; все что написано здѣсь Вандикомъ, служитъ самымъ полнымъ выраженіемъ зрѣлости и силы его таланта.

До отъѣзда своего въ Италію, Вандикъ, хотя и проявляетъ уже самобытность, но все еще очевидно находится подъ вліяніемъ Рубенса. Въ послѣднюю поѣздку въ Англію, гдѣ писалъ онъ такъ много и гдѣ кончилъ свое поприще, въ манерѣ его проявляется легкость, быстрота исполненія, вынужденная отчасти безчисленными заказами, отчасти выгодною, и сильно вредящая смачному, вкусному письму, которое не послѣднее достоинство въ его произведеніяхъ; картины его этой эпохи, при всей своей поэтической щеголеватости, отличаются блѣдностію, бесловатымъ, ливялымъ какимъ-то тономъ. Въ Италію отпра-

вился онъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ. Созрѣвъ уже настолько чтобы выразить свою индивидуальность, онъ тѣмъ же не менѣе прибавляетъ здѣсь къ своимъ достоинствамъ чистоту рисунка, необыкновенное благородство стилиа и блестящій колоритъ венеціанцевъ; онъ изучалъ ихъ съ особенною любовью. Всѣ же качества соединяются въ картинахъ, писанныхъ имъ въ Генуѣ: странствуя по Италіи, онъ два раза былъ въ Генуѣ, жилъ здѣсь довольно долго и здѣсь только работалъ усваивая и много. Онъ неожиданно вошелъ тогда въ моду, какъ и теперь это случается иногда съ тѣмъ или другимъ художникомъ; вельможи и богатые люди наперерывъ заказывали ему портреты и картины. Самое богатое собраніе находится, какъ я уже сказалъ, въ palazzo Rotto, принадлежащемъ герцогу Бриньоле-Сале; отецъ теперешняго герцога, горячій любитель искусствъ, не довольствуясь вандиками, которые достались ему по наслѣдству отъ предковъ, современниковъ живописца, — скупилъ еще тѣ картины Вандика, которыя продавались раззорившимися старинными семействами. Въ одномъ этомъ palazzo Rotto а насчиталъ девять вандиковъ самой блестящей, самой лучшей его манеры (1).

Вообще говоря, въ художественномъ отношеніи Генуя весьма замѣчательный городъ; меньше только говорятъ о ней, потому что сюда рѣже заглядываютъ путешественники. Она лежитъ въ сторонѣ отъ обычныхъ, давно принятыхъ сообщеній между Европой и Италіей: путешественники, отправляющіеся сухимъ путемъ, ѣдутъ обыкновенно прямо на Францію и оттуда въ Римъ; пароходы также минуя ея; Ливорно и Чивита-веккіа служатъ главными приставями, а если иногда и заходятъ въ Геную, такъ развѣ на нѣсколько часовъ, едва достаточныхъ, чтобы составить себѣ даже общее понятіе о физіономіи города.

Говоря о художественныхъ достопримѣчательностяхъ, невозможно не сказать хотя нѣсколько словъ о старомъ palazzo Дорія; въ архитектурномъ отношеніи, онъ чуть ли не первое зданіе города. При выходѣ изъ улицы Balbi или Alberto, онъ невольно останавливаетъ грандіознымъ своимъ фасадомъ изъ бѣлаго мрамора

(1) 1) Насеніе креста; 2) Маркизь А. Ж. Бриньоле верхомъ на бѣлой лошади; 3) маркиза Адорно; 4) Притча о серебряникѣ; 5) Портретъ. 6) Портретъ дамы изъ семейства Бриньоле и ея дочери; 7) портретъ; 8) портретъ мужчины въ богатой испанской одеждѣ; 9) жанскій портретъ въ ростѣ

шора, боковыми своими аркадами самого изящнаго очертанія и террасами, которыя спускаются къ заливу. Мимо задняго фасада дворца проходить улица. Подъ нею, вправо, по скаламъ разбросанъ великолѣпный садъ; онъ соединяется съ дворцомъ высокими арками, которыя проходятъ надъ улицей; все это, соединенное вмѣстѣ, представляетъ волшебную архитектурную декорацию. Съ переднихъ терасъ открывается видъ на заливъ и городъ, покрывающійся амфитеатромъ у подножя горы, уединенныхъ красивыми виллами и садами; впереди, на одной изъ безчисленныхъ платформъ, выложенныхъ мозаикой изъ бѣлыхъ и сѣрыхъ камешковъ, возвышается монументальный фонтанъ съ изображеніемъ Нептуна. Говорятъ, голова Нептуна представляетъ вѣрнѣйшій снимокъ съ головы знаменитаго морехода Андрия Дорія, родоначальника теперешней фамиліи.

Въ художественномъ отношеніи, внутренность дворца еще интереснѣе; лепные и писанные орнаменты кортона и главнаго входа, большія фрески по стѣнамъ лѣстницы, сочинены и писаны Перинио-дель-Вага, однимъ изъ лучшихъ учениковъ Рафаэля. Фреска его Гораций Коклесъ и Муцій Сцевола, большой плафонъ, изображающій битву титановъ и группы дѣтей въ видѣ медальоновъ и барельефовъ, уцѣлѣли чудомъ какииъ-то посреди всеобщаго разрушенія; онѣ такъ еще свѣжи какъ будто написаны въ нынѣшнемъ столѣтіи. По близости къ стилю Рафаэля и его манерѣ писать фрески, онѣ, по мнѣнію аббата Ланчи, стоятъ гораздо выше работъ Жулио-Романо въ Мантуѣ. Повторяемъ, цѣлостъ этихъ драгоценныхъ образчиковъ рѣшительно надо приписать чуду, потому что, рядомъ съ ними, сосѣднія комнаты, представляють самую жалкую картину запущенности и разрушенія; стѣны извѣдены сыростію, живопись или осыпалась, или едва проглядываетъ сквозь пластъ свѣтряннаго накинпа; мозаичскія полы такъ растресканы, что во многихъ залахъ ихъ замѣляетъ грубая, досчатая настилка.

Впрочемъ, какъ уже выше было замѣчено, характеръ заброса, запустѣнія и чего-то отжившаго бросается въ глаза даже въ тѣхъ дворцахъ, гдѣ и теперь еще живутъ настоящіе ихъ владельцы. Чтобы привести все это въ такое плачевное состояніе, потребовалось однакожь менѣе полутораго лѣтъ времени! Кавалеръ де-Бросъ, вѣдомствовавшій въ 1740 году, застаегъ

еще Геную въ самомъ цвѣтущемъ видѣ; въ Ивановъ день. она принимаетъ участіе въ процесіи, сопровождавшей дождя, облаченного въ мантию изъ малиноваго дамъ, окруженного сенаторами, вельможами и пажимами въ самыхъ дорогихъ, блестящихъ одеждахъ; толпа пестрѣетъ цвѣтными токами съ страусовыми перьями; вездѣ атласъ, бархатъ, драгоценныя каменья, безчисленныя и самыя разнообразныя ливреи, обшитыя гербами, серебромъ и золотомъ. Де-Бросъ встрѣчаетъ на углахъ нѣкоторыхъ улицъ и площадяхъ сборища вельможъ перваго класса; восходя на рѣзныхъ креслахъ, поставленныхъ на самой улицѣ, они толкуютъ съ напыщенной важностію о дѣлахъ республики. Де-Бросъ, которому хорошо знакомо великолѣпіе французскаго двора, удивляется тѣмъ не менѣе страшному богатству внутри дворцовъ Генуи; его поражаетъ наружный видъ этого города, расписаннаго сверху до низу фресками. «Генуя вся покрыта фресками, говоритъ онъ, улицы ея ничто иное, какъ восхитительныя, волшебныя декораціи!»

Ото всего этого, какъ видѣли мы, теперь слѣдовъ даже не осталось!

Грустное впечатлѣніе сглаживается развѣ только послѣ солнечнаго заката. Мракъ, потопляющій дворцы и улицы, скрывая ихъ обветшалость, возвращаетъ имъ какъ-будто прежнее ихъ величіе. Мѣстами, громадный полукруглый порталъ открываетъ въ глубинѣ пространный дворъ, обставленный рядами эроекъ; смутно обозначаются галереи и лѣстницы, идущія перехватами; одинокій фонарь вычурнаго очертанія виситъ на цѣпи надъ темнымъ входомъ; блѣдный свѣтъ его, едва скользя по ближайшимъ колонамъ, ветхому мозаическому полу и зацѣпляя кой-гдѣ часть ступеней, обманываетъ глазъ и воображеніе; все кажется тогда великолѣпнымъ! Къ этому обману способствуетъ также многолюдіе и шумъ толпы; къ сумеркамъ весь городъ начинаетъ обильно высыпать на улицу. Въ общемъ сумрачномъ тонѣ мелькаютъ сотни цвѣтныхъ бумажныхъ фонарей, которые берутъ съ собою гуляющіе; повсюду мелькаютъ бѣлые покрывала или пестрые *rezotto* на головахъ и плечахъ женщинъ. Почти всѣ женщины средняго сословія сохранили еще, за рѣдкими исключеніями, свой національный костюмъ; стоитъ минуту

простоять передъ фонаремъ, чтобы увидѣть нѣсколько хорошенькихъ личикъ, обернутыхъ въ эти покрывала, испещренныя бабочками, цвѣтами, плодами и фантастическими орнаментами. То тутъ, то тамъ, посреди роя цвѣтныхъ фонарей, выступаетъ раззолоченный украшенный гербами и рѣзными украшениями аристокраческій портшезъ, несомый ливрейными лакеями. Говоръ идетъ неумолкаемый; на каждомъ шагу, въ звукахъ языка, въ восклицаніяхъ, хохотѣ и самомъ говорѣ уловляешь новыя, невѣдомыя до того оттѣнки, такъ напримѣръ безпрестанно слышишь слово: *adieu!* которое употребляютъ здѣсь не при разставаньи, но при встрѣчѣ съ знакомыми. Въ эти часы Генуя совершенно перерождается. Человѣкъ, которому бы случилось провести здѣсь только нѣсколько часовъ ночи, могъ бы вѣрнѣе сказать, что видѣлъ старую, великолѣпную Геную, чѣмъ тотъ, который прожилъ здѣсь нѣсколько сутокъ.

Физиономія города переѣвилась, надо думать, столько же, сколько нравы и даже самая природа. Старинная поговорка: *Mare senza pesci, monti senza legno, uomini senza fede, donne senza vergogna.*, т.-е. море безъ рыбы, горы безъ лѣсу, мужчины безъ совѣсти, женщины безъ стыда, не имѣетъ теперъ никакого смысла, покрайней мѣрѣ насколько могли мы судить въ короткое время нашего пребыванія. Каждый день, за обѣдомъ и завтракомъ намъ подавали превосходную рыбу, пойманную утромъ въ самомъ заливѣ; нижняя часть горъ, окружающихъ Геную, покрыта самою роскошною растительностью; изъ за рѣшотокъ садовъ, надъ терасами дворцовъ и надъ стѣнами валлъ тѣсно группируются лимонныя, апельсиныя, оливковыя и фиговыя деревья; къ нимъ припутываются розовыя лавры и южная акація. Мѣстами поднимаются темныя пирамиды кипарисовъ; все это обвито тучными фестонами винограду и разныхъ южныхъ плющей. Часто, въ этой роскошной лиственной гущѣ, или одиноко на стѣнахъ, или въ глиняныхъ огромныхъ вазахъ, рисуются синеватые неподвижныя листья алое. Чтожъ касается нравовъ, мы встрѣтили самую радушную привѣтливость, соединенную съ необыкновенною простотою обращенія; въ гостиницахъ съ насъ брали немного и конечно меньше общитывали, чѣмъ въ другихъ городахъ Италіи. Еще менѣе привыкъ думать, чтобы старая поговорка наша на свое оправданіе въ нравахъ жен-

щинъ! Основываясь на всемъ этомъ, можно вывести заключение, что восклицаніе Данта :

Ahi genovesi, nomini diversi
Dogni costume e pieni d'ogni magagne
Perchi nou siete voi del mondo spersi!

т.-е., О генуэзцы, люди лишонные всякаго приличія и полные хитрости, отчего, до сихъ поръ васъ не разнесло по свѣту! — находитъ только объясненіе въ той ненависти, которая, въ средніе вѣка, раздѣляла другъ отъ друга города Итали, и которая къ сожалѣнію быть-можетъ, и теперь еще не совсѣмъ прекратилась!

Окрестности Генуи очаровательны; но городъ самъ по себѣ такъ любопытеаь, беретъ такъ много времени и притомъ мы пробыли въ немъ такъ мало, что не удалось почти сдѣлать шагу за его стѣны. Въ день нашего отъѣзда условились мы однакожь подняться на самую высокую точку города съ тѣмъ, чтобы хоть сколько-нибудь получить понятіе объ общей панорамѣ. Съ такою цѣлью пустились мы въ дорогу; но на пути повалась намъ церковь Santa Maria de Carignano, и мы не пошли далѣе; это одна изъ изящнѣйшихъ церквей Генуи. Исторія ея постройки рисуется правы того времени и не лишена занимательности: двѣ враждующія фамиліи, Фіески и Кариньянъ Саули, дворцы которыхъ, стоявшіе рядомъ, и теперь еще существуютъ, были прихожане въ одну и ту же церковь; разъ Кариньянъ является къ обѣдни съ своимъ семействомъ; ему гогорять, что обѣдни сегодня не будетъ, потомучто наказаніе семейство Фіески заказало особенную службу. Этому довольно было Кариньяну; онъ немедленно заложилъ подлѣ своего дворца великолѣпный храмъ: чтобы поддерживать его достойнымъ образомъ, онъ асигновалъ причту ежегоднаго дохода триста тысячъ франковъ на теперешнія деньги. Дворецъ весь изъ карарскаго мрамора; онъ такъ же запущенъ какъ и большая часть дворцовъ Генуи; внутри во многихъ комнатахъ сохранилась массивная мебель съ позолотой, штофные занавѣсы и ковры; но все это имѣетъ видъ обветшалыхъ декораций, сложенныхъ послѣ какого-то блестящаго, вѣтлываго представленія. Одна изъ боковыхъ дверей открывается въ садъ, или вѣрнѣе на террасу, устроенную на платформѣ скалы, высоко планирующей надъ городомъ.

Трудно представить себѣ что-нибудь повтѣчнѣ этого мѣста! Природа Италіи выразилась здѣсь во всей своей пышности; померанцовыя и лимонныя деревья смѣшиваются съ миртами, лаврами и олеандрами; громадные кипарисы бросаютъ длинныя голубыя тѣни черезъ массы зелени. Въ концѣ темной алеи возвышаются, какъ колоны разрушеннаго храма, двѣ пальмы, первыя пальмы, которыя мнѣ случилось видѣть на вольномъ воздухѣ.

Хотя точка эта не слишкомъ высока, — отсюда открывается однаковъ отличный видъ; подъ ногами дугообразно развертывается часть города съ живописными массами своихъ пестрыхъ мраморныхъ зданій, съ своими куполами, зеленѣющими террасами, и бѣлыми воздушными аркадами, уставленными вазами съ алое и окруженными сквозными балюстрадами; далѣе, внизу, темнѣетъ лѣсъ мачтъ, оживленныхъ пестрыми флагами всѣхъ націй; еще далѣе, развертывается великолѣпный голубой заливъ, окаймленный горами, которыя постепенно пропадаютъ и затушевываются голубоватой сіяющей далью...

Къ вечеру того же дня мы прощались съ Генуей, стоя на палубѣ корабля и снова можно сказать не видали общей панорамы, потому что снова пошелъ дождь. На другой день рано утромъ увидѣли мы знакомыя горы Вилла-Франки, и въ несколько часовъ спустя ѣхали по улицамъ Ниццы.

Здѣсь между тѣмъ ожидала насъ новость.

Въ короткое время нашего отсутствія успѣлъ здѣсь созрѣть и образоваться клубъ, имѣвшій цѣлью соединять каждый вечеръ русское общество. Уже по городу изъ рукъ въ руки переходила печатная програма съ именами учредителей, во главѣ которыхъ находились двѣ дамы; каждому лицу вѣрена была особая спеціальная часть; въ програмѣ, представлявшей между прочимъ замѣчательный обращеніе въ изящнѣйшаго Французскаго слога, излагалась цѣль асоціаціи, правила и увеселенія, которыми предполагалось усладить соотечественниковъ. Подъ рубрикою увеселеній напечатано было въ скобкахъ и курсивными буквами: «*Monsieur Alphonse Karr, — ministre des menus plaisirs!*» Лица желавшія записаться въ члены, вносили ежемѣсячно шестьдесятъ франковъ. Открытіе клуба назначено было вечеромъ того дня, какъ прибыла въ Ниццу русская эскадра.

— Что вы объ этомъ думаете? спросилъ я у С.

— Думаю, что все это можетъ быть очень хорошо; только помоему — логики нѣтъ!

— Какъ такъ?

— Очень просто: люди лѣзутъ изъ кожи и платятъ большія деньги, чтобы вырваться какъ-нибудь изъ Морской и Малой-конюшенной, и достигнувъ такой цѣли, т. е. приѣхавъ сюда на-примѣръ, снова хлопчуть и даютъ деньги, чтобы вновь осуществить Морскую и Малую-конюшенную...

Соглашаясь отчасти съ мыслью С., я тѣмъ не менѣе посвѣшилъ записаться въ члены. Сколько помнится, я никогда не чувствовалъ особенной антипатіи къ вышепомянутымъ улицамъ Петербурга; я даже съ любопытствомъ, не лишоннымъ нѣкотораго сладостнаго волненія, ожидалъ увидѣть ихъ перенесенными въ Ниццу.

Часу въ десятомъ отправился я по адресу. Квартира клуба помѣщалась рядомъ съ извѣстной цвѣточной лавочкой г. Альфонса Кара. Издали еще бросались въ глаза плошки, украшавшія верхній косякъ двери; окна ярко были освѣщены. Лѣстница, устланная ковромъ и установленная цвѣтами, показывала, что учредители, какъ и слѣдовало ожидать каждому узнающему широкую натуру нашихъ соотечественниковъ, не пожалѣли денегъ на вѣшній блескъ. Убранство комнатъ отвѣчало великолѣпно лѣстницы. Одно только показалось мнѣ страннымъ: несмотря на то, что уже не было такъ рано, въ этихъ великолѣпно-освѣщенныхъ комнатахъ находилось всего на-всего пять человѣкъ: главная учредительница клуба (*dame patronesse*, какъ называлась она въ програмѣ), ея мужъ и три ея родственницы. Было правда еще шестое лицо, молодой грекъ въ національномъ костюмѣ, фустанеллахъ, красныхъ штиблетахъ, шитой курткѣ и фескѣ, котораго я принялъ было за почетнаго члена, но который вскорѣ явился съ подносомъ и оказался крѣпостнымъ человѣкомъ учредительницы: греческій костюмъ являлся здѣсь только какъ обращикъ будущей ливрен, въ которую предполагалось одѣть всю прислугу клуба.

Въ первыя же десять минутъ ясно можно было замѣтить, что пятеро лицъ, составлявшихъ пока общество, испытывали сильное волненіе: они тревожно ходили по комнатамъ, прислушивались

къ малѣйшему шуму извнѣ, безпокойно глядѣли на часы, время отъ времени сходились вмѣстѣ и съ видомъ крайней озабоченности шептались между собою. Впродолженіи часа они два раза ринулись къ лѣстницѣ, чтобы встрѣтить еще двухъ соотечественниковъ; но послѣдніе повидимому усилили только чувство тревоги и безпокойства; только и слышались отрывчатые восклицанія: «Не можетъ быть!» «Это ня на что не похоже!» «Ну, нечего сказать!..» и тому подобное. Прошолъ между тѣмъ часъ, другой — никто не показывался; не показывался даже *ministre des menus plaisirs* г. Каръ; увеселенія ограничивались только чаемъ, который разносилъ грекъ въ фустанелахъ.

Не оставалось никакого сомнѣнія, что тутъ что-то не ладно, что происходитъ что-то особенное. Неловко между тѣмъ было спросить въ чемъ дѣло: такой вопросъ былъ бы крайне неумѣстенъ со стороны совершенно незнакомаго человѣка.

Любопытство прослѣдить до конца чѣмъ кончится вечеръ, уступило однакожъ во мнѣ мѣсто страшной скуки; ктому же ночь была такъ хороша; неволью манило выйти на воздухъ изъ душныхъ освѣщенныхъ комнатъ. Часу въ двѣнадцатомъ, уловивъ удобную минуту, я вышелъ изъ клуба никѣмъ незамѣченный.

— Чтоже все это значитъ однакожъ? думалъ я направляясь къ морскому берегу, — очевидно первый вечеръ не состоялся; но можетъ быть немногія лица знали объ этомъ?.. Нѣтъ, програма, сколько сказывали, разослана была по всемъ домамъ... Чтожъ бы это значило въ самомъ дѣлѣ?.. Ужъ не мистификація ли какая?..

На другое утро все объяснилось.

Во главѣ учредителей, какъ я говорилъ вамъ, находились двѣ дамы. Когда програма была составлена и все было готово для открытія клуба, между ними возникъ вопросъ о томъ, кому быть предсѣдательницей? Предсѣдательница должна была быть: роль ея значилась въ програмѣ. Дамы были одинаково самолюбивы и каждой въ одинаковой степени хотѣлось занять почетную роль. Каждая принялась разумѣется выставлять права свои передъ другой, но такъ какъ это ничего не рѣшило, дамы начали высчитывать одна передъ другой заслуги мужей своихъ. Вопросъ, коснувшись такого щекотливаго предмета, потребовалъ вмѣшательства

постороннихъ лицъ; послѣдніе окончателно только затуманили и перемутали дѣло. Кончилось тѣмъ, что дамы-учредительницы, наговоривъ другъ другу бездну колкостей, разстались непримиримыми врагами; г-жа N. объявила, что если г-жа M. будетъ предѣвательницей, — ни одинъ человѣкъ, ни одна дама изъ ея знакомыхъ не переступитъ порогъ клуба; г-жа M. съ своей стороны объявила тоже самое, прибавивъ, что бѣда не велика, что ея общества достаточно, чтобы клубъ процвѣталъ и состоялся.

— Посмотримъ! замѣтила, говоря, г-жа N., лукаво улыбаясь.

Два дня сряду до открытія клуба, г-жа N. ѣздила по всей Ниццѣ и брала слово не только со своихъ знакомыхъ, но брала слово даже съ знакомыхъ ея знакомыхъ не принимать никакого участія въ новомъ клубѣ.

Успѣхъ ея, какъ мы видѣли, превзошелъ всякія ожиданія. Три дня сряду во вновь устроенномъ клубѣ зажигались свѣчи и появлялся грекъ въ фустанелахъ, посѣтители однакожъ не увеличивались. Недѣлю спустя, двери клуба были заперты, а на второй недѣли квартиру отдали въ наемъ англійскому семейству.

Тѣмъ все и кончилось.

Русское общество, состоявшее болѣе чѣмъ изъ двухсотъ семействъ, попрежнему въ извѣстный часъ и всякій день продолжало сходиться въ *jardin des plantes*, тотъ самый скверъ съ чахлыми деревьями, о которомъ я упоминалъ въ началѣ этихъ записокъ.

Общество впрочемъ скорѣе приходило сюда, чѣмъ сходилось. Сходились только кружки, между которыми ничего не было общаго; каждый кружокъ гордо, съ чувствомъ невыразимаго достоинства, держался въ отдаленіи одинъ отъ другого; такихъ кружковъ было три: аристократическій, — *gentry*, — состоявшій преимущественно изъ семействъ, глава которыхъ достигъ генеральскаго чина или директорства малъ департаментомъ, и наконецъ кружокъ чвановныхъ лицъ и дворянъ разныхъ губерній съ именами, совершенно никому неизвѣстными.

Тѣснота садика, гдѣ каждый почти поневолѣ прикасался локтемъ къ локтю сосѣда, еще рѣзче выказывала такія отличія.

Стоило выйти быдале, чтобы услышать: *Venez par ici; notre société est là!*. Слова эти сопровождались обыкновенно выразительными взглядами, обращаемыми къ сосѣдямъ другого кружка. При всемъ томъ, скромно можно было замѣтить, единственная работа каждаго лица, точно также какъ и наждаго кружка состояла въ томъ, чтобы выставить себя другъ передъ другомъ съ возможно лучшей и выгодной стороны; все какъ словно обмѣривало себя взглядами и каждый взглядъ какъ-будто сказать хотѣлъ: «не думайте, чтобъ я или мы были кто-нибудь; мы хотя и сами по себѣ, но нисколько не хуже васъ, быть-можетъ даже лучше!»

Но постигаю, какъ это дѣлается, но встрѣвая иностранцевъ, скажешь только: вотъ это французъ, это англичанинъ и т. д.; наружность ихъ не даетъ ни малѣйшаго понятія о ихъ званіи или общественномъ положеніи; она часто даже приведетъ въ заблужденіе: важную особу примешь за куафера, торговца за члена парламента; имъ самимъ даже какъ-будто совершенно все равно за кого бы вы ихъ ни приняла. Съ русскимъ же происходитъ совершенно другое: они какъ будто недовольствуются казаться русскими или просто человекѣми, ихъ явно беспокоитъ, чтобъ знали сверхъ того кто они такіе и съ кѣмъ именно имѣешь дѣло: съ дворяниномъ ли, секретаремъ ли палаты, генераломъ, лицомъ высокаго общественнаго положенія, дѣйствительнымъ ли статскимъ совѣтникомъ и т. д. Такое стремленіе къ выраженію своего официального значенія такъ сильно въ русскихъ джентльменахъ и даже леди, такъ неразлучно присутствуетъ въ ихъ думѣхъ и мысляхъ, такъ чисто приводится въ дѣйствіе, что способъ выраженія входитъ уже наконецъ въ привычку, а впоследствии высказывается самъ собою, безъ малѣйшаго напряженія со стороны лица. Вы иногда можете забыть кто вы такой, но уже самая ваша фигура такъ слилась съ формою заднего общественнаго положенія, что даже за границей, несмотря на штатское платье, безошибочно скажешь: вотъ русский генералъ, вотъ управляющій департаментомъ, вотъ купецъ или просто степнякъ-помѣщикъ.

Опасеніе, заговорить богъ-знаетъ съ кѣмъ, състь богъ-знаетъ подлѣ кою, выражается здѣсь явно и на каждомъ шагѣ; не успѣешь просидѣть двухъ минутъ подлѣ незнакомой дамы и ска-

зять, не беспокоитъ ли ее солнце, скверный вѣтеръ или дымъ, она не утерпитъ, чтобы не спросить: *Pardon monsieur, sans être indiscreté, à qui ai-je l'honneur de parler?*.. Сколько разъ случилось мнѣ видѣть въ этомъ саду Ниццы, какъ дама (большую частью такіа исторіи бываютъ съ дамами), выходила изъ своего кружка и занимала свободное мѣсто въ сосѣднемъ кружкѣ; если только послѣдній считалъ себя болѣе аристократическимъ, вновь пришедшая неизбежно оставалась въ положеніи одинокой скалы вокругъ равнодушно плещущаго моря криолинъ и шитыхъ юпокъ.

Впрочемъ такая осторожность въ отношеніи къ скорому сближенію имѣеть можетъ-быть свои основательныя причины. Одна изъ прелестей заграничной жизни заключается въ совершенной свободѣ; свобода эта очевидно нарушается знакомствомъ; знакомство съ иностранцами имѣеть покрайней-мѣрѣ интересъ повизны, и видно вознаграждаетъ за время, употребленное на визиты. Вы знаете, что если лишаетесь интересной прогулки, то съ другой стороны получаете въ обмѣнъ возможность наблюдать чужеземныя нравы; но приѣхать за границу съ тѣмъ, чтобы заводить новыя знакомства между соотечественниками, заводить свои кружки и оставаться въ нихъ безвыходно, это рѣшительно значить только, какъ говоритъ С., покидать Малую-конюшенную и платить за это деньги съ тѣмъ, чтобы за границей снова попадать въ Малую-конюшенную.

Другая причина осторожности въ сближеніяхъ быть можетъ еще основательнѣе; она объясняется отсутствіемъ общаго уровня образованія и воспитанія даже въ томъ обществѣ русскихъ людей, которые отправляются въ чужіе края. Дѣйствительно надо быть осторожнымъ, потому что неровенъ часъ и не знаешь на кого наткнешься.

Я могъ бы привести здѣсь сотни случаевъ, самыхъ назидательныхъ, и ограничусь однимъ, потому именно, что онъ происходитъ въ Ниццѣ и въ самый день нашего приѣзда.

Нѣсколько человекъ изъ моихъ знакомыхъ отправились обѣдать въ скромный ресторанъ; они взяли особую комнату. Неожиданно среди самаго обѣда въ дверяхъ появляется молодой гардемаринъ изъ русской эскадры.

— Извините меня, господа! говоритъ онъ въ смущеніи: —

крайность одна заставила меня васъ беспокоить. Я и двое моихъ товарищей обѣдали въ сосѣдней комнатѣ; тутъ же, только за другимъ столомъ сидѣлъ незнакомый господинъ, котораго мы приняли сначала за иностранца. Услышавъ, что мы говоримъ порусски, онъ вдругъ сѣлъ къ намъ, потребовалъ шампанскаго, налилъ въ стаканы и сказалъ, чтобъ мы выпили; никто изъ насъ не пьетъ, мы учтиво отказались. «Вы меня не знаете! заговорилъ онъ неожиданно: — пейте, не то худо будетъ!..» Мы рѣшительно отказались, хотя, даю вамъ слово, все это сдѣлано было самымъ учтивымъ образомъ; тогда онъ ударилъ кулакомъ по столу и началъ бранить насъ самыми скверными словами; онъ теперь еще тамъ и грозитъ надѣлать скандалу. Радибога придите къ намъ на помощь, урезоньте какъ-нибудь... Мы рѣшительно не знаемъ что дѣлать!..

Обѣдавшіе встали изъ-за стола и войдя въ сосѣдную комнату, встрѣтили бѣлокураго, плотнаго господина, который рѣшительно бѣсновался, билъ кулакомъ по столу и изрыгалъ брань и проклятія; увидя вошедшихъ, онъ схватилъ графинъ и принялъ оборонительную позу.

При первомъ словѣ увѣщанія, сказанномъ самымъ деликатнымъ образомъ, онъ бросился къ выходной двери, заслонилъ ее спиною и объявилъ, что никто не выйдетъ отсюда, пока всѣ выѣстѣ и каждый порознь не попроситъ у него извиненія.

— Кто же васъ обидѣлъ? спросилъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Тотъ изъ васъ, кто осмѣлился читать мнѣ наставленія! вскричалъ господинъ, потрясая графиномъ: — кто вы, милостивый государь? Кто вы такой? *Votre carte, monsieur, votre carte!* подхватилъ онъ, коверкая французскія слова; — всѣ вы должны отвѣчать за дерзость вашего товарища! Повторяю, никто не выйдетъ отсюда, не попросивъ у меня извиненія!..

Въ противномъ случаѣ онъ грозилъ разбить всѣмъ головы графиномъ.

По всей вѣроятности онъ частію привелъ бы въ исполненіе свои угрозы, еслибъ на крикъ не вбѣжали хозяинъ и люди.

— Боже, это онъ! Опять онъ! вскричалъ хозяинъ ресторана: — мы не знаемъ что съ нимъ дѣлать! Онъ рѣшительно отобьетъ у насъ всѣхъ посѣтителей!

По справкамъ открылось, что это былъ русскій дворянинъ, прѣхавшій въ Ниццу лечиться со своимъ семействомъ. Настоящая болѣзнь его, отъ которой могла вылечить его одна развѣ смерть, состояла въ томъ, что онъ пилъ запоемъ и во время пароксизмовъ напивался до бѣлой горячки.

Не зная напримѣръ такого господина, извольте-ка заговорить съ нимъ и завести знакомство! Извольте также умягчаться патриотическимъ чувствомъ и подъ вліяніемъ его простирать объятія безъ разбору, чтобы попасть на соотечественника, который послѣ первыхъ двухъ словъ скажетъ вамъ: *Ma position est atrose!* и попроситъ у васъ займы денегъ.

Впрочемъ надо быть справедливымъ: послѣдніе рѣдко встрѣчаются въ Ниццѣ; они избрали своимъ мѣстопробываніемъ преимущественно Парижъ.

Вообще, что бы тамъ ни говорили, далеко нельзя безусловно восхищаться Ниццей. Природа ея и виды восхитительны; климатъ очаровательный; все это такъ. Да вотъ, чего же лучше: теперь декабрь на дворѣ; припомните что у насъ дѣлается въ эту пору: зима, закутанная въ безобразную овчину, дуетъ въ раскраснѣвшіе пальцы, топаешь по льду ногами обутыми въ валенки, прячешь носъ обвѣшанный ледяными сосульками въ мѣховой воротникъ, глухо перетянутый вокругъ шеи гаруснымъ шарфомъ; вьюги, мятели, снѣгъ по-колѣна, морозъ такой, что страшно даже подумать!.. Здѣсь, въ тоже время, солнце разливаетъ повсюду теплые лучи, вся природа кротко улыбается, все зелено, вездѣ тепло и наступаетъ время сбора фіалокъ!

Метеорологическія наблюденія, которыя дѣлались въ продолженіи послѣднихъ десяти лѣтъ каждый день въ два часа пополудни, вечеромъ въ десять часовъ и утромъ до восхода солнца, доказываютъ, что каждый годъ, среднимъ числомъ, термометръ опускался только два раза ниже нуля; средняя температура года 15 градусовъ. Снѣгу здѣсь почти не знаютъ; два или три раза въ зиму онъ появляется только кое-гдѣ на вершинѣ Лысей горы. Лѣтомъ, благодаря постояннымъ теченіямъ вѣтра съ горъ и съ моря, большихъ жаровъ не бываетъ. Словомъ рай совершеннѣйшій! Между тѣмъ въ этомъ раю рѣшительно нечего дѣлать человѣку, у котораго здорова печень и нервы въ порядкѣ. Туристъ, одаренный здоровьемъ, положительно долженъ забо-

лѣтъ здѣсь отъ скуки. Городъ отличается полнѣйшимъ отсутствіемъ интереса историческаго и художественнаго; смотрѣть рѣшительно нечего. Ницца ничего больше, какъ огромная гостиница для прѣѣзжихъ съ вѣчнымъ Невскимъ проспектомъ, гдѣ съ утра до вечера происходитъ выставка туалетовъ и экипажей и гдѣ тщеславіе ходить подъ руку со скукой невыразимой.

Есть конечно средства устроиться отлично, лучше можетъ быть даже чѣмъ въ другой части Европы, именно: занять особую виллу въ горахъ или въ одной изъ долинъ; но для этого нужно имѣть или славное расположеніе къ одиночеству, или специальную какую-нибудь цѣль, занятіе, или наконецъ надо быть окруженнымъ семействомъ. Во всякомъ случаѣ для этого потребуются средства, которыми не каждый можетъ располагать.

Тѣже средства нужны каждому больному, чтобы независимо отъ райскаго климата Ниццы, не заболѣть еще хуже. Главное дѣло состоитъ здѣсь въ привсканіи квартиры, которая выходила бы окнами на югъ. Въ противномъ случаѣ, если пройдетъ у васъ боль въ печени, вы получаете ревматизмъ; вымечатся нервы, откроется простуда въ горлѣ и т. д. Не принявъ такой предосторожности, даже здоровый человѣкъ не будетъ знать куда дѣваться отъ стужи!.. Насколько тепло здѣсь на воздухѣ, на столько же, если еще не больше, холодно въ домахъ; кажется какъ-будто весь холодъ и сырость, назначенная природою для зимы, оставили воздухъ Ниццы, чтобы сосредоточиться между стѣнами ея отелей. Всѣ окна обѣ одной рамѣ и вообще плохо запираются, неизбежное свойство всѣхъ рамъ на югъ; полы вымощены каменными плитками; каминны существуютъ для того повидимому, чтобы усиливать струи сквозного вѣтра; просто бѣда! Къ этому слѣдуетъ присоединить также сосѣдство. Благодаря страшному наплыву путешественниковъ, врядъ ли найдется счастливецъ, которому приведется жить безъ сосѣдей; сосѣдство часто не послѣднее бѣдствіе...

Такъ напримѣръ, влѣво отъ меня помѣщалось семейство англійскаго пастора, — столько же набожное, сколько любознательное семейство. Дочери пастора (ихъ было множество, какъ всегда по большой части у лицъ духовнаго сословія), проводили утро, громко читая или декламируя съ учителемъ итальянскіе стихи; вечеромъ, каждая по очереди садилась за рояль и на-

игривала мотивы духовныхъ псалмовъ, acompанируя сестеръ, которыя подтягивали хоромъ; къ голосамъ ихъ часто присоединялся козлиный голосъ самаго пастора. Такъ продолжалось по нѣскольку часовъ каждый день. Вприво отъ меня помѣщался старый французъ, какой-то кавалеръ св. Людовика, едва державшійся на ногахъ, перегибавшихся какъ мочалки, но наблюдавшій еще изящество туалета. Все бы еще ничего; но на бѣду мою, у француза была собаченка, которую онъ такъ любилъ, что казалось только для ея здоровья и приѣхалъ въ Ниццу; это тѣмъ болѣе основательно, что собачка была совершенно паршива и также едва волочила ноги. День-деньской французъ болталъ безъ умолку со своей собачкой. Было ли то удовлетвореніе врожденной потребности болтать или влекло его къ тому желаніе расфѣять собачку отъ скуки, — незнаю; только съ утра до вечера раздавался дрожащій голосъ, старавшійся казаться еще пискливѣе и произносившій снова съ умысленнымъ пришептываньемъ: «Oh ce petit chien! Voyez donc cette petite bête qui veut faire la tête!.. Mimi! Voulez vous écouter votre maître! Oh Mimi, Mimi!.. и т. д.

Едва съ одной стороны умолками псалмы, — съ другой начиналась бесѣда съ собачкой. Иногда французъ возвращался домой въ особенно хорошемъ, веселомъ настроеніи духа; тогда онъ *выпадалъ* правой ногою, стучалъ подошвой въ полъ, бойко покрикивалъ на мнимаго какого-то врага и какъ словно выбивался изъ силъ, чтобы пронзить насквозь воображаемой рапирой; или же страшно хохорался и горячась, запѣвалъ пѣсню:

«Je suis le roi de la montagne...
Le roi, le roi, le roi!.. ah! ah!..»

Все это до такой степени бывало иногда неспосно, что проклинаешь часъ, когда надо возвращаться въ номеръ.

Короче сказать, Ницца, взамѣнъ своего превосходнаго климата и природы, представляетъ также изрядную долю своихъ неудобствъ; не будь у ней ея очаровательныхъ окрестностей, многіе изъ насъ съ первой же недѣли не знали бы рѣшительно куда дѣться и что съ собою дѣлать. Единственною отрадой были загородныя прогулки. Одна изъ нихъ, въ мѣстечко *st-Jean*, мнѣ особенно памятна. Изъ Ниццы въ *st-Jean* двѣ дороги: одна мо-

ремь, мимо гавани Вилла-Франка; другая верхомъ, по *корнишъ*. Мы были въ этотъ день на кораблѣ и пошли прямо черезъ Вилла-Франку горами.

День былъ восхитительный.

Выйдя изъ воротъ верхняго города, мы очутились на узкой тропинкѣ, проложенной между старинными стѣнами; съ этой стороны нѣтъ хода для экипажей: колесная дорога проходитъ выше и еще выше соединяется съ *корнишей*. Слѣва, надъ стѣною охваченной солнцемъ, свѣшивались вѣтви лимонныхъ и оливковыхъ деревьевъ; мѣстами выставлялись неподвижныя громадныя листья огавы или алое, зазубренные какъ пила. Крутой поворотъ открылъ подъ ногами, на глубинѣ нѣсколькихъ десятковъ сажень, голубой бассейнъ, гдѣ стояли наши корабли и всю зеленѣющую павораму скатовъ, которые огибали гавань; надъ нами слѣва громоздились на неизмѣримую высоту скалы, сквозившія на солнцѣ между оливковыми плавтаціями, расположенными террасами.

Тропинка повинуясь самымъ мелкимъ неровностямъ почвы, изгибалась какъ змѣя и то выводила насъ къ самому краю обрыва надъ моремъ, то удалялась въ ущелье, то скрывалась въ чащѣ оливъ и фиговыхъ деревьевъ, стволы которыхъ, сверкая мѣстами на солнцѣ какъ червонное золото, разливали вокругъ горячій полусвѣтъ. Изламываясь подъ самыми острыми, неожиданными углами, тропинка замѣтно однакожь лѣзла въ гору и забирала влѣво; четверть часа спустя мы окончательно потеряли изъ виду заливъ и Вилла-Франку. Мы положительно пробирались какъ-будто по холмистому дну темно-зеленаго моря. Мѣстами путь нашъ преграждался обвалившейся скалою, мѣстами остатками древнихъ стѣнъ или римскихъ водоемовъ; это именно та часть приморскихъ Альповъ, гдѣ августовскіе легіоны стояли лагеремъ в которая называется Турбіей. Мѣстами путь совсѣмъ пропадалъ или путался съ другими дорогами, что было совершенно одно и тоже. Больше всего сбивалъ насъ съ толку тотъ обманъ для глаза, который приходится испытывать каждому, кто не привыкъ странствовать по горамъ; вотъ, думаешь, глядя вверхъ, вонъ куда ведетъ дорога; ее видно ясно отсюда; незачѣмъ идти по ней и слѣдовать ея капризнымъ изгибамъ; не проще ли бросить дорогу и пройти вверхъ цѣлиной; отсюда туда

всего какихъ-нибудь пять сажень. Броеаешь дорогу и начинаешь лѣзть; но лѣзешь, лѣзешь, и кажется все дальше остается лѣзть. Вотъ кажется сейчасъ достигъ мѣста; — не тутъ-то было! очутишься только у подошвы другого вовсе незнакомаго кряжа; мѣсто, куда направлялся, дѣйствительно надъ вами, но только куда еще какъ высоко!

Потеряться въ этомъ лабиринтѣ нѣтъ однакожь никакой возможности: начать съ того, что то и дѣло между зеленою просвѣчивають бѣлые дома и черепичныя кровли; правда, доступъ къ нимъ довольно труденъ; они ограждены высокими стѣнами и надо хорошо знать мѣстность, чтобы найти къ нимъ тропинку. Наконецъ чуть ли не на каждаыхъ двадцати шагахъ попадаются поселяне; они не только укажутъ дорогу, но проведутъ васъ охотно къ самому мѣсту вашего назначенія. Что за добрый и милый народъ эти пиемонтцы! Каждый, я думаю, кто хоть сколько-нибудь прожилъ въ Ниццѣ и ея окрестностяхъ, съ трудомъ удержится отъ такого восклицанія. Часто они неслишкомъ образованы, а тѣ, которые принадлежатъ къ низшимъ класамъ общества, не получили ни малѣйшаго, даже первоначальнаго образованія; а между-тѣмъ натуральныя способности, и чаще болѣе врожденная кротость нрава, развили въ простолюднѣ чувство какого-то приличія, учтивости, такта, которые дѣлають отношенія съ нимъ чрезвычайно пріятными; какая разница съ Франціей; какое уваженіе къ закону, какое здравое понятіе о правахъ! Въ обхожденіи ихъ замѣтно совершенное равенство безъ малѣйшей зависти и безъ малѣйшей наглости. Въ самихъ солдатахъ незамѣтно ничего солдафонскаго, высокомернаго и отталкивающаго, что не мѣшаетъ имъ однакожь быть отличными солдатами. О трудолюбіи этого народа и говорить нечего; оно доказывается тѣмъ, что вся страна, несмотря на частыя препятствія со стороны каменистаго грунта, сналъ и горъ, такъ воздѣлана, что подобное встрѣчается только въ Бельгіи и Саксоніи.

Итакъ, частію справляясь у пѣшеходовъ, частію отыскивая дорогу наавось, мы весело подвигались впередъ. Часа два спусти послѣ выхода изъ Вилла-франки, передъ нами открылась глубокая долина, покрытая густою растительностью; она спустилась прямо къ морю, окаймленному слѣва живописными горами; онѣ переливались на солнцѣ какъ перламутръ или грудь

голубя; бѣлыя крапивы на отдаленной отвѣсной скалѣ обозначали городъ Монако. Спускъ по этой долинѣ рождалъ на каждомъ шагѣ желаніе быть художникомъ. Кромѣ замѣчательныхъ мотивовъ, которые представляютъ здѣсь группы разнообразнѣйшихъ деревьевъ, вся долина усѣяна виллами и живописными домиками поселянъ, стѣнами обвитыми плющемъ и виноградомъ и служащими оградой дворикамъ съ группами дѣтей, земледѣльческими орудіями, осликами, бѣльемъ, перекинутымъ на веревкахъ, словомъ всею тѣмъ что такъ жадно ищетъ художникъ.

Немного нужно времени, чтобы съ этого мѣста выйти къ морю и очутиться въ st-Jean, крошечномъ городкѣ, загражденномъ со стороны Вилла-Франки горнымъ кряжемъ; нѣсколько далѣе онъ выдается въ море острымъ клиномъ.

Тутъ, у самой пристани, находится небольшая гостиница, гдѣ во всякое время можно достать отличную рыбу и устрицы; они тутъ же при васъ и вынимаются изъ воды; лимоны вырвете прямо съ деревьевъ, которыя толпятся со всѣхъ сторонъ.

Изъ оконъ второго этажа открывается одинъ изъ живописнѣйшихъ видовъ на море и горы; съ этой точки горы обрисовываютъ у подошвы своей нѣсколько заливовъ. Надо имѣть большую долю равнодушія и холодности, чтобы вечеромъ къ солнечному закату оторваться хоть на минуту отъ этихъ оконъ.

Горы отсюда довольно далеки; но воздухъ такъ чистъ и прозраченъ, что даетъ возможность явственно уловлять мельчайшія очертанія уступовъ, пропастей и зеленыхъ скатовъ, которые усыпаны красными кровлями и бѣлыми домами. Солнце садится, освѣщая горы нѣсколько сбоку; передать невозможно словами тѣхъ эффектовъ свѣта и тѣни, какими одѣваются горы. Чѣмъ сильнѣе сгущаются тѣни у подошвы въ глубинѣ заливовъ, тѣмъ ярче или нѣжнѣе окрашиваются вершины; тонко-розовые золотистые тоны постепенно смѣняются пурпуромъ, горятъ какъ въ огнѣ, багровѣютъ, путаются съ фіолетовыми отливами, наконецъ обливаются тѣнью и величественно рисуютъ свою профиль въ сгущенной лазури южной ночи.

Прибавьте къ этому цѣлыя флотиліи рыбацкихъ лодокъ, которыя покидаютъ обыкновенно въ это время берегъ, бороздятъ серебряными нитями заливъ и обозначаютъ на немъ пятна косяхъ парусовъ своихъ; прибавьте еще мѣрное всплескиванье

моря и пѣсни рыбаковъ, и вы охотно согласитесь, я думаю, что хорошо провести здѣсь вечеръ.

Такъ хорошо я вамъ скажу, что не будь здѣсь st-Jean, не будь еще другихъ окрестностей, которыя нисколько не хуже, и оставайся только Ницца съ ея promenade des anglais и обществомъ туристовъ, — трудно было бы прожить въ ней болѣе недѣли не умеревъ со скуки!

Д. ГРИГОРОВИЧЪ

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПРЕОБРАЗОВАНІЕ ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНІЯ

Вопросъ объ устройствѣ общественнаго городского управленія на истинно разумныхъ началахъ занимаетъ безъ сомнѣнія одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ ряду тѣхъ вопросовъ, правильное разрѣшеніе которыхъ составляетъ въ настоящее время жизненную, насущную потребность для русскаго общества. Великое значеніе этого вопроса усиливается особенно тѣмъ, что онъ тѣсно связанъ со всѣми возможнѣйшими явленіями нашей общественной жизни. Преобразование городского общественнаго управленія тогда только можетъ достигнуть вполнѣ своей цѣли, когда учрежденія общей государственной администраціи подвергнутся въ соотвѣтствіе съ нимъ коренному измѣненію. Очевидно недостаточно только *установить* хорошія, одобряемыя теоріею формы общественнаго устройства; для того, чтобы формы эти могли принести существенную пользу, необходимо, чтобы дѣйствительность представляла полную возможность для ихъ осуществленія: иначе онѣ останутся безъ содержанія, дѣятельность ихъ будетъ парализирована вліяніемъ другихъ учрежденій, основанныхъ на чуждыхъ имъ началахъ. Такимъ образомъ съ вопросомъ объ общественномъ городскомъ устройствѣ тѣсно связанъ вопросъ объ устройствѣ общей государственной администраціи; въ его удачномъ разрѣшеніи лежитъ и рѣшеніе великой задачи — вполнѣ правомѣрнаго опредѣленія отношеній государства къ обществу, правительства къ народу.

Предметъ столь важный не могъ не обратить на себя вниманія правительства. Въ недавнее время напечатана програма, данная правительствомъ въ руководство комиссіямъ, образованнымъ въ городахъ для составленія соображеній относительно преобразова-

нія городского общественнаго управленія. Изъ программы этой видно, что общественное устройство городовъ составляло издавна предметъ особенной заботливости правительства. Выраженіемъ этой заботливости были различныя постановленія и административныя мѣры, которыя, какъ сказано въ той же программѣ, принося въ частности немаловажную пользу, не достигали однако предположенной цѣли. Въ 1821 году еще предположено было приступить къ разсмотрѣнію всѣхъ частей общественнаго управленія. Это важное дѣло было возложено на министерство внутреннихъ дѣлъ, которое и приступило къ нему въ 1842 году. Продолжительное и тщательное изслѣдованіе этого дѣла чрезъ особыхъ командированныхъ министерствомъ чиновниковъ привело къ тому результату, что всѣ недостатки городского устройства произошли будто бы вслѣдствіе уклоненій отъ кореннаго по этому предмету закона (городовой грамоты 21 апрѣля 1785 года). Уклоненія же эти произошли или по укоренившимся обычаямъ стараго времени, или же вслѣдствіе измѣненій, послѣдовавшихъ послѣ изданія означеннаго закона въ самомъ положеніи городскихъ обществъ. Такимъ образомъ въ то время сдѣлалось очевиднымъ, что для улучшенія общественнаго устройства необходимо возстановить въ первоначальномъ его видѣ данное императрицей Екатериной II городовое положеніе, уклонившееся отъ первобытной своей формы вслѣдствіе вліянія старыхъ обычаевъ и измѣненія условій самой жизни городскихъ обществъ. Привавъ это во вниманіе, министерство внутреннихъ дѣлъ приступило къ радикальному преобразованію городского управленія, съ цѣлью устранить всѣ замѣченныя въ немъ недостатки. Комитетъ министровъ еще въ 1821 году обратилъ вниманіе на тотъ знаменательный фактъ, что лучшіе изъ гражданъ уклоняются отъ общественной службы и повидимому приписалъ явленіе это тяжести этой службы. Министерство же внутреннихъ дѣлъ нашло въ общественномъ устройствѣ городовъ слѣдующіе недостатки: 1) отстраненіе отъ общественныхъ дѣлъ потомственныхъ и личныхъ дворянъ, владѣющихъ въ городѣ недвижимою собственностью; 2) нигдѣ не существуетъ общей думы, замѣняемой общественными собраніями, не достигающими цѣли по беспорядочности ихъ составленія; 3) смѣшеніе совѣщательныхъ дѣлъ съ исполнительными и 4) недостатокъ правильнаго опредѣленія правъ и обязанностей общественныхъ учреждений и должностныхъ лицъ. Недостатки эти министерство нашло возможнымъ уничтожить, положивъ въ основаніе новаго общественнаго устройства слѣдующія основныя начала: 1) участіе всѣхъ сословій въ общественныхъ дѣлахъ; 2) введеніе двустепеннаго избирательства и запрещеніе затѣмъ собственно обще-

ственными собраніямъ заниматься другими дѣлами, кромѣ выбора уполномоченныхъ; 3) установленіе болѣе высокаго ценза для избирателей; 4) отдѣленіе совѣщательныхъ дѣлъ отъ исполнительныхъ, и 5) точное опредѣленіе значенія и дѣятельности городскихъ учреждений и должностныхъ лицъ. На этихъ началахъ составлено было положеніе объ общественномъ управленіи Петербурга, высочайше утвержденное 13 февраля 1846 года. Это же положеніе, введенное съ нѣкоторыми измѣненіями въ Москвѣ 1862 года 20 марта, предположено ввести и въ другихъ городахъ, но министерство внутреннихъ дѣлъ, найдя возможнымъ составить положеніе для Петербурга и Москвы, такъ какъ нужды и потребности тамошнихъ городскихъ обществъ вѣроятно хорошо ему извѣстны, не сочло возможнымъ поступить также съ другими, менѣе ему извѣстными городами; потому оно сочло необходимымъ имѣть въ виду мѣстные соображенія по этому предмету. На этомъ основаніи министерство обратилось къ начальникамъ губерній, предложивъ имъ образовать особыя комиссіи для составленія этихъ соображеній. Въ руководство комиссіямъ этимъ министерство нашло необходимымъ дать подробную програму, излагающую и недостатки общественнаго управленія и средства для ихъ устраненія, признавши несомнѣнно полезными высшимъ правительствомъ. Затѣмъ програма эта излагаетъ различные вопросы по общественному управленію, съ подробными объясненіями для надлежащаго ихъ уразумѣнія. Въ циркулярѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, которымъ сопровождается эта програма, выставляется на видъ вся важность настоящаго дѣла и притомъ предлагается начальникамъ губерній внушить членамъ комиссіи необходимость лучшаго устройства городского общественнаго управленія и принятія самими обществами болѣе заботливаго участія въ собственныхъ дѣлахъ, такъ какъ правительство не можетъ постоянно нести на себѣ бремя заботъ по управленію городами, общества которыхъ должны сами имѣть попеченіе о своихъ нуждахъ.

Изъ предыдущаго изложенія видно, что правительство наше давно уже сознавало неудовлетворительность и неуспѣшность городского общественнаго устройства и принимало различныя мѣры для его улучшенія. Спустя тридцать-пять лѣтъ послѣ введенія городского положенія, опытъ ясно показалъ, что это положеніе не принесло надлежащей пользы, что формы общественнаго устройства, установленныя имъ, далеко не достигли той цѣли, какая предположена была законодателемъ. Исторія развитія у насъ обще-

ственнаго городского управленія представляет тѣже печальныя явленія, которыя наполняютъ исторію нашего сельскаго самоуправления. И эти печальныя явленія не исчезли и въ настоящее время; нѣтъ сомнѣній, что благотѣльная цѣль законодательства временъ Екатерины и ея преемниковъ, возвать къ жизни и дѣятельности начала общиннаго самоуправления (парализованныя централизациею), далеко не достигнута въ современной дѣйствительности. Прошло уже болѣе полстолѣтія, какъ города наши пользуются самоуправленіемъ по буквѣ закона, а между тѣмъ городскія общества наши представляютъ лишь слабое подобіе свободныхъ, самоуправляемыхъ общинъ. Впродолженіе столь долгаго времени онѣ не могли выработать ни новыхъ формъ для своего устройства, болѣе для нихъ выгодныхъ, ни вдохнуть жизненный духъ въ формы, данныя имъ положительнымъ закономъ.

Повидимому большинство жителей городовъ нашихъ нисколько не проникнуто сознаниемъ общественныхъ нуждъ, никто почти не сознаетъ своихъ правъ и обязанностей въ дѣлахъ общественныхъ. Большинство гражданъ и самыхъ лицъ, избираемыхъ для управленія общественными дѣлами, смотрятъ на дѣла эти, какъ на что-то совершенно имъ чуждое, не касающееся ихъ частныхъ интересовъ и даже какъ на обременительное занятіе, стѣсняющее ихъ въ собственныхъ ихъ дѣлахъ. Потому большинство и старается всевозможными способами уклониться отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ и чуть не откупается отъ выбора въ какія бы то ни было должности по общественному управленію. Если счастливый случай и поставляетъ иногда энергическихъ и вполне добросовѣстныхъ людей во главѣ общественнаго управленія, то всѣ усилія ихъ обыкновенно оканчиваются самымъ плачевнымъ образомъ: они большей частью падаютъ въ борьбѣ съ окружающей ихъ средой и не видя никакой пользы отъ своей дѣятельности, впадаютъ въ ту же рутину, которой руководствовались ихъ предшественники. При такихъ условіяхъ дѣятельность нашего общественнаго городского управленія не можетъ быть успѣшна. И дѣйствительно оно представляетъ печальную картину, нѣкоторыя черты которой изображены и въ циркулярѣ министерства. На всей дѣятельности этого управленія отражается какая-то странная апатія, совершенное безучастіе къ общественному дѣлу; самое важное дѣло — выборы, производятся безпорядочно: граждане не собираются на эти выборы, а скорѣе ихъ собираютъ чуть не силой, идутъ на нихъ неохотно, какъ-будто бы исполняя ненужную, пустую формальность, безъ которой легко обойтись и которую богъ-знаетъ для чего выдумали.

Лица, выбранныя кое-какъ въ различныя общественныя должности, думаютъ большей частью только о томъ, чтобы скорѣе отбыть свой срокъ и не подвергнуться ответственности за какое-нибудь формальное упущеніе. Дѣятельность ихъ стѣснена множествомъ канцелярскихъ формальностей, тѣмъ болѣе для нихъ стѣснительныхъ, что они по своей неопытности (какъ выражается министерство) легко могутъ ихъ нарушить; отсюда происходитъ, какъ и во всѣхъ почти нашихъ присутственныхъ мѣстахъ, преобладаніе канцеляріи надъ присутствіемъ, формы надъ сущностью дѣла. Съ другой стороны эти самыя лица легко могутъ, если захотятъ и сумѣютъ, злоупотреблять своей властью, такъ какъ дѣйствія ихъ не подлежатъ дѣйствительному контролю, т. е. такому, который всего ближе и естественнѣе, контролю общества, ихъ избирающаго; существующій же контроль, облеченный въ бумажныя бюрократическія формы, стѣсняя дѣятельность общественную, въ тоже время очень мало гарантируетъ общество отъ злоупотребленій со стороны выбранныхъ имъ лицъ. Такимъ образомъ современное общественное управленіе нашими городами представляетъ очень мало тѣхъ утѣшительныхъ явленій, которыя должна представлять каждая свободная, самоуправляемая община. Можно ли дать такое названіе городамъ, лучшіе граждане которыхъ нисколько не дорожатъ своими правами, тяготятся участіемъ въ общественныхъ дѣлахъ и уклоняются отъ общественной службы?

Такія явленія конечно очень печальны и устраненіе ихъ представляетъ насущную потребность нашего времени. Но для того, чтобы достигнуть этой цѣли, необходимо прежде всего изслѣдовать причины такого слабаго развитія общественной жизни въ нашихъ городахъ. Съ перваго взгляда такое изслѣдованіе представляется очень труднымъ. Читая городское положеніе, не легко въ самомъ дѣлѣ понять, отчего жизнь дѣйствительная такъ далеко разошлась съ гуманными намѣреніями законодателя; отчего общество, которому предоставлены были повидимому всѣ условія самоуправления, не умѣло воспользоваться столь благотѣльными учрежденіями, не умѣло понять благихъ намѣреній законодателя, и замкнувшись въ тѣсный кругъ эгоистическихъ интересовъ, упорно отвергало всѣ попытки правительства ввести въ него свободное самоуправленіе. Грустно подумать, что наши городскія общества, пользуясь столь давнее время учрежденіями самоуправления дошли до того, что вызвали своей дѣятельностью горькіе упреки, которыми заканчивается циркуляръ министерства внутреннѣхъ дѣлъ по настоящему дѣлу. Чтоже можно сказать въ объясненіе такого непостижимаго усыпленія таковой непонятной апатіи и бездѣтельности? По-

жалуй можно объяснить, что всё эти печальныя явленія произошли главнымъ образомъ отъ неразвитости въ городскихъ жителяхъ чувства общественности, отъ неумѣнія сознать права, предоставленныя имъ закономъ и прилагать это сознаніе къ жизни. Но это объясненіе далеко не удовлетворительно; оно можетъ только породить новый вопросъ: отчего же происходитъ эта неразвитость? Нельзя же предположить въ самомъ дѣлѣ, чтобы какое бы то ни было общество, пользуясь столько времени учрежденіями самоуправленія, не развилось настолько, чтобы сознать своя права и пользоваться ими на пользу общую потому только, что оно само по себѣ неспособно къ какому бы то ни было развитію; очевидно, что здѣсь не общество виновато, а какія-то другія, постороннія причины, останавливавшія его развитіе и связывавшія его свободную дѣятельность. Если бы мнѣніе тѣхъ, которые слагаютъ всю вину въ подобныхъ случаяхъ на общество, могло быть справедливо въ приложеніи къ какому то ни было обществу, то для подобнаго общества бесполезны были бы всякія либеральныя учрежденія; правительство истощило бы всё свои усилія и все-таки не вдохнуло бы въ подобное общество и искры жизни и самодѣятельности.

Трудно остановиться на такомъ грустномъ для русскаго общества заключеніи и невольно усомнишься въ справедливости столь печальнаго вывода.

Неужели въ самомъ дѣлѣ втеченіи столь долгаго времени наше общество, столь быстро идущее по пути прогресса (особенно въ послѣднее время) ничего не сдѣлало для своего политическаго развитія? Неужели мы, столь преуспѣвающіе въ теоріи, такъ недалеко еще ушли на практикѣ? Неужели просвѣщенная заботливость правительства не нашла въ нашемъ обществѣ никакого отзѣва единственно по нашей тупости и неразвитости? Повторимъ еще разъ: если все это справедливо, то какія же средства употребить правительство, чтобы излечить насъ отъ этой тупости и непониманія, если въ продолженіе столь долгаго времени средства, имъ употребляемыя, оказались неэффективными? Правда программа говоритъ, что положеніе 1846 г. имѣло самыя благопріятныя послѣдствія для петербургскаго общества; но изъ словъ предложенія петербургскаго губернатора петербургской думѣ въ нынѣшнемъ году можно заключить, что пятнадцатилѣтнее пользованіе этими учрежденіями, хотя и принесло извѣстную пользу, но не привело петербургское городское общество даже къ полному сознанію значенія важнѣйшаго общественнаго дѣла — выборовъ.

Въ томъ же предложеніи сказано, что лучшіе члены общества

уклоняется отъ службы; слѣдовательно въ Петербургѣ существуетъ и теперь грустный фактъ, замѣченный еще въ 1821 году.

Нельзя не сознаться, что мѣры, предлагаемыя министерствомъ, хотя и могутъ принести извѣстную относительную пользу, но не въ состояніи уничтожить въ корнѣхъ того болѣзненнаго, ненормальнаго состоянія, въ которомъ несомнѣнно находятся наши современные городскія общества; эти мѣры по нашему мнѣнію имѣютъ то же значеніе, какъ и упоминаемыя министерствомъ многія постановленія, которыя хотя и приносили въ частности немаловажную пользу, но не вполнѣ достигали предполагаемой цѣли. Причины дурнаго состоянія нашего общественнаго управленія лежатъ глубже — онѣ не могутъ заключаться единственно въ неразвитости самыхъ обществъ. Самоуправленіе на истинныхъ его началахъ есть лучшая школа для развитія общества въ дѣлѣ управленія собственными интересами. Это очевидное положеніе проповѣдуется и теоріею и доказывается опытами исторіи; слѣдовательно, если общество пользуется учрежденіями самоуправленія, не созрѣло втеченіи долгаго времени, то вина очевидно заключается не въ обществѣ, а въ самыхъ учрежденіяхъ. Современная политическая наука говоритъ намъ, что самоуправленіе есть лучшая форма общественной жизни для отдѣльныхъ общинъ; что центральное правительство, слагая съ себя бремя заботъ по этому управленію, имѣетъ большую возможность заниматься дѣлами, относящимися къ управленію всей страной. Опредѣленіе взаимныхъ границъ дѣятельности общиннаго самоуправления и центральной власти — задача не легкая; но въ разрѣшеніи ея лежитъ возможность разумнаго устройства государственной и общественной жизни. Нельзя забывать, что самоуправленіе, чтобы быть вполнѣ успѣшнымъ, должно быть возможно широкимъ; иначе оно обратится въ пустую форму и не принесетъ пользы ни обществу ни государству. Лучшее тому подтвержденіе видимъ мы на нашихъ городскихъ обществахъ. Извѣстна грустная исторія нашего городского самоуправления. Развившись вполнѣ свободно и самостоятельно въ періодъ удѣльно-вѣчевой, оно пало при собираніи въ одно цѣлое русской земліи; мало-помалу мѣсто излюбленныхъ людей заступили царскіе воеводы; общинное начало было погашено централизациею. Такъ было до Петра-великаго. Пересаживая иноземныя формы и учрежденія на русскую почву, онъ считалъ необходимымъ пересадить на нее и нѣмецкій магистратъ, но и при немъ уже это учрежденіе мало приносило пользы, зара-

жившись тѣмъ же бюрократическимъ, бумажнымъ направлеишемъ въ производствѣ дѣлъ, которое утвердилось въ нашихъ присутственныхъ мѣстахъ со времени реформы Петра-великаго. Преемница его Екатерина I уничтожила магистратъ и подчинила снова города вѣдѣнiю воеводъ и губернаторовъ; высѣшнее устройство городского управленiя существуетъ со времени Екатерины II. Изданное ею городское положенiе было первой попыткой образовать законнымъ путемъ на русской землѣ третье сословiе, среднiй классъ людей. Какъ извѣстно Екатерина основала очень много городовъ: это основанiе происходило тогда очень просто изданiемъ указа объ обращенiи такого-то села въ городъ. Разсматривая городское положенiе, нельзя не сознаться, что какъ законодательная мѣра, оно имѣетъ несомнѣнныя достоинства и составляетъ одно изъ лучшихъ дѣлъ царствованiя Екатерины II. Но несмотря на всѣ свои достоинства, положенiе это не было успѣшно на дѣлѣ: жизнь дѣйствительная доказала, что форма безъ содержанiя никогда не достигаетъ цѣли. Формы самоуправленiя, данныя положенiемъ, были какъ-будто бы не поняты русскимъ обществомъ, которое очевидно понимало его въ другихъ формахъ, болѣе ему свойственныхъ. Городскiя общества, развившия въ себѣ полное самоуправленiе въ удѣльный періодъ, оказались неспособными и неопытными, какъ скоро пришлось имъ управлять своими дѣлами по регламентамъ и указамъ нѣмецкой бюрократiи. Неуспѣшность въ жизни городского положенiя несомнѣнно связана съ недостатками общаго строя нашей администрацiи. Вездѣ, гдѣ жизнь народная сталкивалась съ бюрократизмомъ, бумажностью — всегда она оказывалась несостоятельною, неопытною и до сей поры продолжается эта неопытность. Таже исторiя была и съ городскими обществами. Городское положенiе, стремясь воззвать къ жизни общинное начало, поставило вмѣстѣ съ тѣмъ непреодолимую преграду его развитiю, подчинивъ свободное, городское управленiе контролю администрацiи — элемента чуждаго народу, основаннаго на чуждыхъ ему началахъ и дѣйствующаго на основанiяхъ, мало ему понятныхъ. Такое подчиненiе, совершенно излишнее въ сущности, и бывшее только плодомъ недовѣрiя правительства къ самостоятельности общества, привело къ тому, что свободное по буквѣ закона самоуправленiе городовъ стало мертвой формой на дѣлѣ. Неопытное въ канцелярскихъ тонкостяхъ, городское общество связано было по рукамъ и ногамъ множествомъ формальностей, стѣснявшихъ и затруднявшихъ самое ничтожное общественное дѣло. Боязнь отвѣтственности за какое-нибудь формальное отступленiе отъ буквы закона безконечная и утомительная процедура, возникавшая по самымъ пустымъ дѣламъ,

парализировала дѣятельность лучшихъ членовъ въ городскомъ управленіи. Общество же, видя бездѣтельность и безсиліе своего управленія, потеряло наконецъ всякое довѣріе къ нему и потому естественно перестало интересоваться выборами и вообще дѣлами общественными. Такимъ образомъ самоуправленіе городское изъ свободнаго общиннаго учрежденія, какое замышляла создать Екатерина II, облеклось скоро тѣми же бюрократическими формами, заразилась той же болѣзнью бумагописанія, тѣмъ же отсутствіемъ жизненныхъ началъ, которымъ страдаетъ вся наша администрація. Всѣ недостатки современнаго городского управленія происходятъ изъ этого источника, и только расширеніе городского самоуправленія и освобожденіе его отъ тягостнаго чиновническаго контроля можетъ дѣйствительно помочь дѣлу. Всѣ другія полумѣры, не важныя измѣненія существующихъ формъ останутся безплодными попытками: онѣ никогда не достигнутъ главной цѣли — пробужденія въ городскихъ жителяхъ желанія заниматься своими общественными дѣлами. Это будетъ тогда только, когда общество увидитъ возможность осуществить свои права на дѣлѣ, сообразно своему духу, не стѣсняясь формами, для него чуждыми и иногда непонятными. Въ этомъ заключается сущность необходимаго для нашихъ городскихъ обществъ преобразованія. По нашему мнѣнію, если общество городское въ продолженіи чуть не столѣтій не привыкло къ формамъ самоуправленія, даннымъ *городовымъ положеніемъ* и не приобрѣло *опытности* въ дѣлахъ общественныхъ, то вина въ этомъ не можетъ падать на общество, безъ сомнѣнія разумѣющее, что самоуправленіе лучше, чѣмъ иная форма управленія. Если лучшіе люди изъ этого общества не могутъ справиться съ этимъ дѣломъ, то нельзя не заключить изъ этого, что самоуправленіе, данное нашему городскому обществу, слишкомъ искусственно, хитро, однимъ словомъ доступно только для специалистовъ въ этомъ дѣлѣ, какими наприимѣръ и оказываются секретари городскихъ думъ. И дѣйствительно канцелярская техника, заразившая городское управленіе, доступна только специалистамъ и останется всегда непонятною людямъ простымъ, безыскусственно смотрящимъ на вещи. Излишній контроль администрація породилъ эти затрудненія и заключилъ городскую общественную дѣятельность въ тѣ тѣсныя рамы, изъ которыхъ она никогда не выйдетъ, пока будетъ продолжаться такое ненормальное положеніе дѣла; потому если не уничтоженіе, то невозможное его ограниченіе должно-быть первымъ пунктомъ въ предстоящемъ преобразованіи.

Контроль администрація, стѣснительный для самодѣятельности общины и тогда даже, когда администрація эта обставлена всѣми га-

рантіями, условливающими полную благонамѣренность ея дѣйствій, дѣлается еще вреднѣе при томъ устройствѣ, которое имѣетъ она у насъ въ настоящее время: преобладаніе въ нашей администраціи вѣтшей формальности надъ сущностью дѣла должно оказывать самое вредное вліяніе и на городскомъ управленіи, такъ тѣсно связанномъ въ настоящее время съ общей администраціею.

Потому преобразование городского управленія должно заключаться не въ наполненіи городского управленія лицами, опытными въ канцеларской рутинѣ, а скорѣе въ изгнаніи этой самой рутины. А для того, чтобы общества наши могли успѣшно завѣдывать своими дѣлами, необходимо дать имъ самоуправленіе не въ видѣ мертвой буквы, неосуществимой на дѣлѣ, а въ живыхъ, свойственныхъ ихъ характеру формахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что только истинное самоуправленіе въ возможно широкихъ формахъ, безъ вышатаательства администраціи, можетъ воззвать къ жизни нашу народную самостоятельность и обратить наши мертвые города въ свободныя, самоуправляемыя общины. Также нѣтъ сомнѣнія, что общества наши сумѣютъ и безъ попечительнаго надзора губернскихъ правленій устроить свои дѣла, и навѣрное не пострадаютъ много, если избавятся отъ бюрократизма, который и въ самой администраціи оказывается несостоятельнымъ, а въ самоуправленіи совѣтъ уже не у мѣста. Положеніе 1846 г. освободило думы отъ подчиненія губернскимъ правленіямъ, но оставило ихъ въ большой зависимости отъ губернаторовъ; такимъ образомъ оно только облегчило бремя надзора, но далеко не сложило его совѣтъ. Если нельзя не признать, что положеніе 1846 г. было большимъ шагомъ впередъ (относительно) то должно сказать выѣстъ съ тѣмъ, что и оно было только паллятивной мѣрой, уменьшающей зло, но не уничтожающей его совершенно.

По всѣмъ изложеннымъ основаніямъ нельзя не придти къ заключенію, что недостатокъ современнаго городского управленія состоитъ въ излишнемъ ограниченіи самостоятельности городскихъ обществъ, въ крайнемъ подавленіи мѣстнаго самоуправленія центральной властью. Всѣ несовершенства современнаго городского управленія вытекаютъ или изъ этого основнаго источника или происходятъ отъ несовершенства другихъ отраслей нашихъ государственныхъ учрежденій, какъ на примѣръ суда и полиціи. Нѣтъ сомнѣнія, что общій строй нашей жизни оказываетъ вліяніе и на городское устройство, какъ на одну изъ составныхъ стихій этой жизни. Намъ кажется, что необходимо принять въ основаніе преобразования слѣдующія главныя начала кромѣ тѣхъ, которыя были приняты министерствомъ въ 1846 году.

1) Возможно полное расширеніе самостоятельности городскихъ обществъ въ управленіи ихъ собственными дѣлами; устраненіе всякой зависимости отъ администраціи; ограниченіе вмѣшательства центрального правительства наблюденіемъ за точнымъ исполненіемъ тѣхъ повинностей, которыя закономъ возложены на общество. Контроль за дѣятельностію общественнаго управленія долженъ принадлежать самому обществу или избраннымъ представителямъ. Администрація не вмѣшивается въ дѣйствіе общества, если дѣйствія эти не противны законамъ, ограждающимъ права личности и права государства.

2) Городское общество должно имѣть полную возможность контролировать всѣ учрежденія, которыя содержатся на его счетъ или завѣдываютъ расходомъ его денегъ, каковы напримѣръ городская полиція, квартирная комиссія и т. п.; еще лучше было бы, если бы ко всѣмъ безъ исключенія городскимъ учрежденіямъ примѣнено было во всей полнотѣ начало выборное.

3) Предоставить самимъ городскимъ обществамъ полную свободу въ развитіи подробностей своего устройства на этихъ основныхъ началахъ, не стѣсняя въ тоже время ихъ дѣятельности въ этомъ отношеніи оффиціальными программами, какъ бы умны онѣ ни были, и теоретическими, кабинетными предрѣшеніями дѣла, столь близкаго къ жизни и всѣ подробности котораго одна жизнь только можетъ выработать вполне разумно и полно.

Высказавъ мнѣніе наше относительно общаго характера преобразованія городского общественнаго управленія, мы не излишнимъ считаемъ разсмотрѣть въ отдѣльности вопросы, предложенные въ програмѣ министерства.

Какія условія городской жизни заключаетъ извѣстный городъ или посадь?

Вопросъ этотъ имѣетъ особенное значеніе у насъ въ Россіи: изъ исторіи городовъ нашихъ видно, что очень многіе города образовались у насъ не естественнымъ путемъ, вслѣдствіе мѣстныхъ условій, способствовавшихъ скопленію жителей въ одномъ мѣстѣ, а по усмотрѣнію администраціи, основавшей свои соображенія исключительно на потребностяхъ управленія. Министерство внутреннихъ дѣлъ объясняетъ даже самое названіе городовъ (городскія поселенія въ Россіи, т. I. стр. IV) ихъ административной цѣлью; изъ этого можно исключить очень немногіе города сѣверовосточной и средней Россіи и города югозападной Россіи, жившіе, какъ сказано тамъ же (стр. VI), подъ иными историческими условіями. Такимъ образомъ большинство селъ и посадовъ нашихъ не сами приобрѣли себѣ званіе города въ силу естественныхъ условій жизни, а были

возведены въ этотъ почетный рангъ волею правительства, дѣйствовавшего по своимъ административнымъ соображеніямъ, которыя иногда не совпадали съ видами жителей, не видѣвшихъ для себя особенныхъ выгодъ въ возведеніи ихъ въ званіе гражданъ. Потому вполне справедливо замѣчаніе министерства, что наибольшая часть мѣстностей, называющихся городами, служитъ средоточіемъ администраціи и что такія мѣстности очень часто сохраняютъ прежній сельскій характеръ, несмотря на дарованныя имъ городскія права. Этими соображеніями вполне оправдывается первый вопросъ, предложенный министерствомъ въ настоящей программѣ. Разрѣшеніе этого вопроса должно заключаться въ опредѣленіи — обладаетъ ли извѣстная мѣстность и въ какой степени условіями городской жизни, независимо отъ значенія ея, какъ центра администраціи или другими словами, заслуживаетъ ли эта мѣстность примѣненія къ ней городского общественаго устройства.

Извѣстно, что значеніе города обусловливается прежде всего промышленнымъ или торговымъ его характеромъ. Въ этомъ обыкновенно полагаютъ различіе его отъ села, мѣстности по преимуществу земледѣльской. Обыкновенно физическія условія играютъ здѣсь важнѣйшую роль: выгодное мѣстоположеніе, удобство путей сообщенія и другія тому подобныя обстоятельства оказываютъ вліяніе на образованіе города изъ земледѣльческаго поселенія. Это путь естественный и независимый отъ произвола. Но условія городской жизни могутъ быть до извѣстной степени воспроизведены искусственно, скопленіемъ непродуцательной (матерьяльно) массы людей въ одномъ мѣстѣ; это скопленіе, произведенное мѣрами правительства, привлекаетъ промышленниковъ и торговцевъ, которые могли бы удовлетворять нуждамъ непродуцательной массы; такимъ образомъ возникаетъ тоже жизнь городская. Такое вліяніе оказываетъ напримѣръ назначеніе въ извѣстномъ мѣстѣ центра управленія съ большимъ числомъ чиновниковъ, квартированіе значительной массы войскъ и т. п. Здѣсь условія городской жизни возбуждаются искусственно и исчезаютъ, какъ скоро прекратится дѣйствіе причинъ ихъ возбудившихъ: переводъ войскъ въ другое мѣсто, перемѣщеніе центра администраціи обращаютъ такой городъ въ прежнее село. При опредѣленіи характера извѣстной мѣстности необходимо обратить вниманіе на то, какими обстоятельствами вызвано въ немъ развитіе городской жизни.

Впрочемъ должно сознаться, и само министерство подтверждаетъ это, что вопросъ о значеніи города въ приложеніи къ устройству городского управленія имѣетъ второстепенное значеніе, такъ какъ главныя основанія городского и сельскаго управленія должны быть

сходны; слѣдовательно разница будетъ состоять только въ большей или меньшей сложности формъ управленія и притомъ разрѣшеніе вопроса этого имѣть характеръ чисто мѣстный.

При какихъ условіяхъ поселившіеся въ городъ жители должны считаться членами городского общества и на какіе разряды или сословія жители эти могутъ быть раздѣлены?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ вытекаетъ изъ самой сущности городского общества. По существующимъ законамъ городское общество имѣетъ цѣлью управленіе своими дѣлами и успѣшное отправленіе обязанностей, возложенныхъ на него закономъ. Каждое городское общество состоитъ изъ лицъ, имѣющихъ извѣстныя обязанности къ центральному правительству; исполненіе этихъ обязанностей обеспечивается круговой порукой (сословія податныя) изъ лицъ, занимающихся въ городѣ торговлей и промышленностью и несущихъ извѣстныя повинности и наконецъ изъ лицъ, привилегированныхъ класовъ, владѣющихъ въ городѣ недвижимою собственностью и участвующихъ потому въ издержкахъ городского хозяйства. Очевидно, что всѣ эти лица, какъ несущія городскія повинности, и должны считаться членами городского общества; слѣдовательно единственнымъ основаніемъ для права участія въ управленіи городомъ должно быть участіе въ общественныхъ городскихъ издержкахъ. Мѣстное самоуправленіе составляетъ существенный предметъ дѣятельности городского общества; потому въ отношеніи общественнаго хозяйства, въ употребленіи общественныхъ денегъ на потребности города, городскому обществу вѣтъ надобности распадаться на сословія; здѣсь оно можетъ дѣйствовать какъ одно цѣлое, такъ какъ интересы всѣхъ жителей должны быть одинаковы въ этомъ отношеніи. Это и есть нормальное, естественное положеніе городского общества, какъ самоуправляемой общины, составившейся изъ равноправныхъ членовъ для достиженія общей пользы. Но распавеніе городского общества на сословія, едва ли полезное безусловно, вызывается существующимъ порядкомъ въ нашей финансовой системѣ. Современное городское общество заключаетъ въ себѣ значительное число лицъ такъ-называемаго податнаго сословія, обязанныхъ круговой порукой въ платежѣ податей; эти лица по необходимости должны имѣть свое особенное управленіе въ составѣ общаго городского управленія. Такимъ образомъ въ настоящее время городская дума завѣдуетъ не только собственно общественнымъ хозяйствомъ, но и есть органъ правительства въ отношеніи податныхъ лицъ, входящихъ въ составъ городского общества. Такой двойственный характеръ дѣятельности городского управленія долженъ оказывать вредное вліяніе на развитіе собственно само-

управленія и производить кромѣ того распадѣніе на сословія, всегда вредное и отнимающее у городского общества характеръ единства, столь необходимый для успѣшности его содѣйствій. Такая же равноправность и единство интересовъ могутъ быть произведены только выдѣленіемъ изъ общественнаго хозяйства всего собственно принадлежащаго центральному правительству, на примѣръ податей и вообще преобразованіемъ нашей финансовой системы.

Потому должно придти къ такому заключенію, что раздѣленіе на сословія въ управленіи городскимъ хозяйствомъ совершенно излишне и даже вредно, но что при существованіи у насъ круговой поруки и подушной подати, падающей на податныя сословія, оно оказывается неизбѣжнымъ. Если невозможно при современномъ состояніи нашей финансовой системы осуществить полное единство интересовъ городского общества, такъ какъ члены его распадаются на приписанныхъ и добровольно въ него поступившихъ, то во всякомъ случаѣ необходимо сократить дѣленіе сословій до возможно-крайнихъ предѣловъ. По мнѣнію нашему если ужъ необходимо раздѣленіе, то достаточно принять два сословія — *владѣльческое*, (сюда будутъ относиться личные и потомственные дворяне, почетные граждане) и *промышленное* (купцы, мѣщане и ремесленники). Управленіе мѣщанскимъ сословіемъ по его особенному положенію должно быть устроено отдѣльно съ тѣмъ, что должностныя лица, имъ избранныя для собственнаго управленія, могутъ быть членами распорядительной думы.

Вообще должно сознаться, что чѣмъ больше различныя дѣленія русскаго общества, установленныя закономъ, будутъ сливаться въ одно цѣлое, въ общину равноправныхъ членовъ, тѣмъ болѣе можно надѣяться на успѣшное развитіе самоуправленія и жизни общественной. Если государство находитъ нужнымъ различать своихъ членовъ различными названіями и правами, то предъ самоуправляемой общиной должно имѣть значеніе только одно званіе, званіе полноправнаго ея члена. Въ этомъ отношеніи предъ ней равны и дворянинъ и купецъ и мѣщанинъ; и въ самомъ дѣлѣ какіе особенные сословные интересы въ городскомъ хозяйствѣ можетъ представлять дворянинъ или купецъ? На этомъ пунктѣ ихъ интересы одинаковы: это общіе имъ обоимъ интересы города, гдѣ живутъ они. Дворянинъ все по званію своему принадлежитъ къ городу, а по владѣемой имъ собственности, такъ же и купецъ потому, что платитъ повинности: слѣдовательно для нихъ обоихъ не сословные интересы имѣютъ здѣсь значеніе, а деньги, которыя платятъ они, и правильное ихъ употребленіе на пользу общую, всего города. Потому вопросъ о раздѣленіи городского общества на сословія имѣетъ по на-

шему мѣнѣю значеніе только по существующему порядку (въ отношеніи податныхъ сословіи). При другихъ обстоятельствахъ дѣленіе это совершенно лишено основанія и потому излишне, если не вредно, такъ какъ оно вводитъ сословныя перегородки туда, гдѣ совѣтъ имъ не мѣсто.

Въ чемъ состоятъ общественныя дѣла городского общества и отдѣльныхъ городскихъ сословіи?

Городское общество, какъ юридическое лицо, имѣетъ свои права и обязанности. Какъ тѣ такъ и другія опредѣляются положительнымъ закономъ. Законодательство Екатерины II имѣло очевидной цѣлью при начертаніи правилъ городского управленія оживить въ нашихъ городахъ начала самоуправленія, такъ полно развившіеся въ періодъ удѣльно-вѣчевой и подавленныя потомъ воеводскимъ самовластіемъ и нѣмецкой бюрократіею. Оно хотѣло дать возможность городамъ нашимъ самимъ управлять собственными дѣлами подъ контролемъ административной власти. Этимъ путемъ законодательство стремилось облегчить съ одной стороны дѣятельность центрального управленія, а съ другой достигнуть болѣе правильнаго управленія общественными дѣлами. И дѣйствительно такова задача и цѣль всякаго самоуправления, основаннаго на разумныхъ началахъ. Чтоже подлежитъ вѣдѣнію общественнаго управленія? Изъ сущности общиннаго самоуправления уже видно, что ему подлежатъ всѣ дѣла, относящіяся собственно до самой общины и не входящія въ кругъ дѣятельности центрального правительства. Сюда слѣдовательно относятся всѣ такъ-называемыя потребности общины. Эти потребности могутъ быть раздѣлены на два главные разряда: одѣ изъ нихъ подлежатъ необходимо удовлетворенію, другія же произвольны, зависятъ отъ усмотрѣнія общины. Къ первымъ относятся потребности, неудовлетвореніе которыхъ бы нарушило бы права государства или частныхъ лицъ, потому государство имѣетъ право требовать обязательнаго ихъ удовлетворенія со стороны общины и въ случаѣ неисправности общины имѣетъ право удовлетворять эти потребности насчетъ ея членовъ. Потребности же второго рода удовлетворяются общиной по мѣрѣ ея средствъ и по ея усмотрѣнію и государство не имѣетъ права принуждать общину къ ихъ удовлетворенію. Къ потребностямъ перваго рода должны быть отнесены: 1) по благоустройству города: 1) освѣщеніе улицъ, 2) содержаніе въ чистотѣ улицъ и площадей; необходимость этихъ мѣръ оправдывается обязанностью государства охранять жизнь и здоровье гражданъ; 3) мѣры противъ пожаровъ и другихъ общественныхъ бѣдствій, 4) содѣйствіе учреждаемой правительствомъ полиціи, 5) мѣры противъ нищенства, 6) первоначальное образованіе. II) по испол-

ненію государственныхъ повинностей : 1) квартирная повинность и 2) содержаніе въ исправности дорогъ и проч. въ чертѣ городскихъ владѣній. и III) содержаніе городского управленія. Къ потребностямъ второго рода относятся 1) попеченіе объ архитектурной красотѣ зданій, возводимыхъ въ городахъ; наблюденіе же за безопасной постройкой принадлежитъ полиціи; 2) устройство мостовыхъ, 3) мѣры къ распространенію образованія и всѣ другія потребности, признанныя необходимыми самой городской общиной и не противныя общей государственной пользѣ. Наконецъ къ числу потребностей необходимыхъ, само собой разумѣется принадлежатъ выборы лицъ управляющихъ городскимъ обществомъ : здѣсь государство имѣетъ право требовать, чтобы были замѣнены тѣ должности, которыя существенно необходимы для управленія городскими дѣлами въ каждой общинѣ, предоставляя затѣмъ общинѣ на ея усмотрѣніе избирать, если она признаетъ нужнымъ, лицъ для завѣдыванія менѣе существенными дѣлами. Это различіе необходимо установить, потому что для каждой общины необходимы извѣстныя мѣста и лица, но затѣмъ каждая община можетъ имѣть свои особенныя дѣла; рѣшеніе вопроса, нужно ли избирать особенныхъ лицъ для завѣдыванія подобными *мѣстными* дѣлами, должно быть предоставлено самой общинѣ, безъ предрѣшенія этого вопроса положительнымъ законодательствомъ.

Что касается до дѣлъ отдѣльныхъ сословій, то здѣсь прилагается все что высказано уже нами въ предшествовавшемъ изложеніи о значеніи отдѣльныхъ сословій въ составѣ городского общества. По нашему мнѣнію особенныя дѣла, подлежащія законодательному опредѣленію, могутъ быть только въ податныхъ сословіяхъ, обязанныхъ круговой порукой. А относительно этихъ сословій, нѣтъ надобности исчислять здѣсь ихъ дѣла, такъ какъ ихъ обязанности къ государству очень подробно опредѣлены нашими финансовыми и сословными законами. Что же касается до прочихъ общихъ дѣлъ, некасающихся до обязанностей сословій этихъ къ правительству, то дѣла этого рода не относятся къ предметамъ общаго управленія и даже не подлежатъ особому законодательному опредѣленію, а должны быть подчинены общимъ законамъ объ обществахъ и сходахъ. Должно сознаться, что если и существуетъ какая-нибудь общность интересовъ между членами нашихъ городскихъ сословій, то исключительно только въ тѣхъ изъ нихъ, которыя обязаны круговой порукой предъ правительствомъ; потому въ сословіяхъ, неподлежащихъ круговой поруки, если и замѣтно единеніе, то очень рѣдко и въ слабой степени. Какую связь имѣютъ наиримѣръ купцы одного города между собой? Явленіе это объяс-

вается тѣмъ, что наши современные городскія сословія образовались не естественнымъ, а оффиціальнымъ путемъ, созданы были, если можно такъ выразиться, повелѣніями законодательства. Другое дѣло на примѣръ крестьянская община, члены которой тѣсно между собой связаны общественнымъ владѣніемъ земли. При исчисленіи занятій городского общества должно упомянуть, хотя это разумѣется само собой, о завѣдываніи общественнымъ хозяйствомъ т. е. собраніе и расхлованіе общественныхъ доходовъ. Въ этомъ пунктѣ встрѣчается замѣчаніе, въ которомъ министерство завѣдетъ о предположеніи предоставить большую свободу городскимъ обществамъ въ этомъ дѣлѣ. Это примѣчаніе встрѣчено нами съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что оно служитъ доказательствомъ сознанія самимъ правительствомъ необходимости предоставить болѣе широкое самоуправленіе городскимъ обществамъ. Это и по нашему мнѣнію есть единственное средство для успѣшнаго преобразованія общественнаго управленія. Относительно дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію общества, мы должны замѣтить вообще, что исчисленіе всѣхъ занятій городского общества едва ли необходимо и даже возможно; въ законодательствѣ должны быть обозначены только тѣ занятія, которыя необходимы по государственнымъ цѣлямъ; удовлетвореніе же нуждъ чисто мѣстныхъ и несвязанныхъ съ государственнымъ интересомъ должно быть предоставлено усмотрѣнію самой общины, да и не можетъ быть опредѣлено въ законодательствѣ по самому безконечному разнообразію, которымъ всегда отличается жизнь дѣйствительная отъ формальнаго единства, создаваемого буквой закона положительнаго, такъ на примѣръ: министерство рекомендуетъ исчислять только тѣ предметы, которые свойственны мѣстности; такъ на примѣръ предлагаетъ не говорить о наводненіяхъ, если городъ не подверженъ по положенію этой опасности или о бібліотекахъ, музеяхъ и т. п. если не предвидятся и возможности подобныхъ учреждений. Если министерство сочло нужнымъ дѣлать подобныя предостереженія, то нельзя не видѣть отсюда, какъ трудно поддаются регламентаціи явленія жизни, которая сегодня можетъ сдѣлать необходимымъ то, возможности чего и не предвидѣлось вчера. Положительный законъ по нашему мнѣнію долженъ исключительно ограничиваться опредѣленіемъ государственныхъ потребностей, не входя безъ нужды въ мелочи внутренняго, домашняго такъ сказать быта общества.

Какія учрежденія и должности должны быть установлены для завѣдыванія общественными дѣлами.

Министерство указываетъ на предложенный вопросъ, какъ на особенно трудный и требующій особаго вниманія. Потому для уси-

шаго его разрѣшенія министерство рекомендуетъ изучить положеніе 1785 года и с.-петербургское и московское городовыя положенія, полнѣе развѣсивъ основныя начала положенія Екатерины II. Нельзя не признать совершенною справедливостъ замѣчаній министерства относительно трудности востоящаго вопроса; отъ успѣшнаго его разрѣшенія зависитъ успѣшность всего городского устройства. Очевидно, что какъ бы ни были хороши сами въ себѣ правила общественнаго городского устройства, но если усиблнное правленіе ихъ въ дѣйствіе не обезпечено надлежащими гарантіями, то онѣ останутся мертвой буквой и будутъ безполезны въ дѣйствительности. Разсужденіе объ устройствѣ управленія, представляется рѣшительнымъ вопросомъ о возможности провести въ дѣйствительности всѣ теоретическія разсужденія о томъ или другомъ устройствѣ общества. Каждое городское общество имѣетъ право заботиться своими дѣлами и обязано удовлетворить тѣмъ требованіямъ, которыя заявляетъ правительство во имя государственной пользы. Отсюда проистекаетъ необходимость управленія общественными дѣлами, необходимость сабловательно установленія учреждений для этого управленія. Кому же должно быть поручено это управленіе? Очевидно, что управленіе общественными дѣлами принадлежитъ прежде всего самимъ членамъ общины; такимъ образомъ происходитъ перере и самое важное учрежденіе — общественное собраніе. Но строгой теоріи оно должно состоять изъ всѣхъ полноправныхъ членовъ общины. Но при настоящемъ состояніи городскихъ обществъ и по ихъ многочисленности должно согласиться съ мнѣніемъ министерства о неудобствахъ вполне демократическаго состава общественныхъ собраній, потому и по нашему мнѣнію система представительная будетъ удобнѣе и полезнѣе. Высшее управленіе общественными дѣлами и контроль за дѣйствіями власти исполнительной принадлежитъ общественному собранію, состоящему изъ представителей городского общества. Это мѣсто должно одно имѣть право постановлять приговоры по дѣламъ общественнымъ и наблюдать за ихъ исполненіемъ; оно имѣетъ характеръ законодательнаго учрежденія конечно въ предѣлахъ своей дѣятельности. Какимъ же образомъ должно оно составляться? Министерство предлагаетъ вставлять его изъ представителей отъ отдѣльныхъ сословій, по равному числу отъ каждаго. Но будетъ ли это справедливо? и вотъ почему: во первыхъ, какъ высказано уже въ предшествовавшемъ изложеніи, наши сословія городскія не имѣютъ настолько живучести, чтобы заявлять свое существованіе какими-нибудь особенными интересами, особенно въ такомъ дѣлѣ, гдѣ вовсе нѣтъ и надобности въ пробужденіи сословныхъ интересовъ, а напротивъ должно стараться

соединить всѣхъ членовъ въ одно цѣлое, привести ихъ къ убѣжденію, что у нихъ должны быть одни интересы всего городского общества. По нашему мнѣнію явѣтъ надобности оживлять искусственно то что не имѣетъ корня въ народномъ духѣ и что основано единственно мѣрами положительнаго закона. Повторяетъ при опредѣленіи равнаго числа депутатовъ отъ сословій, необходимо явится рѣзкая несправедливость, такъ какъ городскія сословія явни по численности большей частью не равны; такимъ образомъ напримѣръ дворянство, состоящее изъ 100 человекъ, будетъ имѣть положимъ 25 представителей, а мѣщанъ 2000 или 3000, такое же число. Мѣщанство, вездѣ почти составляющее большинство городского населенія, будетъ всегда имѣть меньше представителей, чѣмъ прочія сословія, далеко большей частью не такъ многочисленныя. Возьмемъ напримѣръ Пермь: по официальнымъ свѣдѣніямъ въ ней находится дворянъ и почетныхъ гражданъ, владѣющихъ домами 282, человекъ; купцовъ 146, мѣщанъ и цыганъ до 2000 человекъ. Очевидно какая выйдетъ несообразность, если напримѣръ назначить по 50 депутатовъ отъ каждаго сословія: 400 человекъ дворянъ и купцовъ, представляемыхъ 100 депутатовъ, будутъ управлять городомъ, а другія тысяча населения останется совершенно безгласнымъ въ лицѣ своихъ 50 депутатовъ. Такое ненормальное явленіе не можетъ быть допущено въ самоуправленіи, основанномъ на разумныхъ началахъ. Сословное начало осуждается уже тѣмъ, что должно необходимо произвести подобныя явленія. А если принять во вниманіе, что это сословное раздѣленіе и не основывается на дѣйствительной потребности, то нельзя не придти къ заключенію, что оно должно быть отвергнуто. Наконецъ если наше мнѣніе относительно жизненнаго значенія городскихъ сословій и несправедливо, то все-таки явѣтъ надобности пробуждать сословное раздѣленіе искусственно: если оно есть, то оно явится само собой: каждое сословіе будетъ выбирать своихъ, а если большинство избранныхъ лицъ и будетъ принадлежать къ сословію, наиболѣе многочисленному, то въ этомъ не будетъ несправедливости. По нашему мнѣнію представительное собраніе города должно быть составлено посредствомъ выбора опредѣленнаго числа депутатовъ изъ общей массы городского населенія, безъ различія сословій. Число депутатовъ должно быть опредѣлено относительно общаго числа жителей; для этого можетъ служить раздѣленіе города на части, или можно составить особое раздѣленіе гражданъ на избирательныя участки; каждая часть или участокъ избираютъ известное число депутатовъ во своему населенію, такъ конечно, чтобы общее число депутатовъ соответствовало количеству всего городского населенія. Отъ какого

числа жителей избирать депутата, это должно быть определено, смотря по населению города. Для этой цѣли города могутъ быть раздѣлены по населению на три или четыре категоріи и для каждой определяется отношеніе числа депутатовъ къ общей массѣ населенія. Это можетъ сдѣлать министерство, имѣющее свѣдѣнія о населеніи всѣхъ городовъ Россіи; такъ напримѣръ въ Петербургѣ, если тамъ собственно городское населеніе составляетъ положимъ 250,000, можно опредѣлить одного депутата отъ 1000 жителей; въ Царинѣ же, гдѣ городскихъ жителей до 2500 человекъ, можетъ быть одинъ депутатъ отъ 50 человекъ, такъ чтобы вообще было не менѣе 50 депутатовъ.

Такой порядокъ естественнѣе и проще и справедливѣе; онъ не производитъ искусственнаго раздѣленія между сословіями, не принимая городское общество, какъ одно цѣлое, общину равноправныхъ членовъ, онъ даетъ большее участіе въ управленіи элементу болѣе многочисленному и слѣдовательно болѣе заинтересованному въ дѣлахъ общины. вмѣстѣ съ тѣмъ порядокъ этотъ ведетъ къ тому, что городское собраніе будетъ состоять изъ людей лучшихъ во всей массѣ городского населенія, а не изъ сословныхъ представителей, выбранныхъ иногда потому, что больше выбрать некого въ этомъ сословіи. Такъ-называемыя собранія выборныхъ отдѣльныхъ сословій могутъ остаться, но они исключительно должны ограничиться своими сословными дѣлами и не должны принимать никакого участія въ управленіи дѣлами всего общества. И нельзя не сознаться, что эти собранія и нужны только для сословій, обязанныхъ предъ правительствомъ круговой порукой; что напримѣръ будутъ дѣлать выборные отъ дворянъ? Всѣ другія, какъ будто бы сословныя дѣла, напримѣръ торговая полиція, могутъ быть исполняемы и даже быть-можетъ лучше лицами другихъ сословій. Выбранные сословіями могутъ впрочемъ быть членами мѣстъ исполнительныхъ, такъ какъ могутъ быть дѣла въ общемъ городскомъ управленіи, соприкасающіяся по нынѣшнему финансовому порядку съ дѣлами по ответственности податныхъ сословій предъ правительствомъ. Но вообще общественное хозяйство города должно быть строго отдѣлено отъ финансовыхъ отношеній правительства къ отдѣльнымъ городскимъ сословіямъ. За исправное выполненіе обязанностей напримѣръ мѣщанами и должно отвѣчать только мѣщанское сословіе, а не все городское общество, потому и правительство должно имѣть дѣло по этому предмету съ отдѣльнымъ сословіемъ и съ лицами, избранными имъ для этой цѣли. Общее же собраніе городскихъ жителей не имѣетъ никакой надобности заниматься этими дѣлами. Изъ предыдущаго изложенія видно, что

управленіе городскими дѣлами должно сосредоточиваться въ представительномъ собраніи, составленномъ посредствомъ выборовъ изъ общей массы городского населенія и имѣющемъ, если можно здѣсь такъ выразиться, власть законодательную. Собраніе это избираетъ само себѣ предсѣдателя, неимѣющаго никакого особеннаго вліянія, кромѣ права наблюденія за порядкомъ засѣданій. Собраніе должно происходить по крайней-мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ для повѣрки дѣйствій исполнительныя власти и разрѣшенія спорныхъ вопросовъ по общественному управленію; оно можетъ собираться и по предложенію десяти изъ своихъ членовъ (по крайней-мѣрѣ); оно обязано принимать и разсматривать въ своихъ обыкновенныхъ засѣданіяхъ прошенія кого бы то ни было изъ членовъ городского общества, относящихся къ предметамъ вѣдомства собранія; наконецъ ему должно быть предоставлено право входить съ представленіями о нуждахъ и потребностяхъ города непосредственно къ верховной власти. Отношенія собранія къ администраціи состоятъ въ слѣдующемъ: собраніе обязано копіи съ своихъ постановленій представлять къ начальнику губерніи, который имѣетъ право втеченіи недѣли протестовать противъ нихъ, но останавливать ихъ исполненіе онъ можетъ тогда только, если находитъ ихъ положительными противными закону и подѣ личной отвѣтственностью за вредъ, могущій послѣдовать для города отъ его вмѣшательства. Вопросъ въ такомъ случаѣ о правѣ вмѣшательства разрѣшается судебной властью. Дѣла собранія рѣшаются по большинству голосовъ; для рѣшенія достаточно присутствіе $\frac{2}{3}$ общаго числа депутатовъ. Собраніе имѣетъ своего секретаря, или особаго, или избраннаго изъ среды его членовъ, какъ найдетъ оно удобнымъ. Занятія собранія должны быть предаваемы извѣстности посредствомъ печатанія журналовъ его засѣданій или (въ большихъ городахъ) допущенія въ засѣданія стенографовъ отъ журналовъ и газетъ. Исполнительная власть ввѣряется слѣдующимъ лицамъ и учрежденіямъ: 1) городскому головѣ, избираемому общинѣ собраніемъ городскихъ жителей и утверждаемому верховной властью; городской голова есть главное отвѣтственное лицо за часть исполнительную предѣ общиной и въ тоже время онъ есть органъ правительства и является посредникомъ между правительствомъ и общиной; чрезъ него правительство передаетъ общинѣ свои распоряженія; онъ отвѣчаетъ предѣ правительствомъ за исполненіе городомъ законныхъ повинностей и въ случаѣ неуспѣхности своихъ представленій по сему предмету городскому собранію, доноситъ о томъ правительству и исполняетъ распоряженія правительства по сему предмету при содѣйствіи, если нужно общей администраціи, кромѣ того городской голова есть предсѣдатель въ рас-

порядительной думѣ, и непрешѣнный членъ въ представительномъ собраніи. Въ случаѣ уклоненія его отъ своихъ обязанностей, собраніе должно представлять свои постановленія объ увольненіи его или преданіи суду верховной власти.

Подъ предсѣдательствомъ городского головы составляется распорядительная дума изъ лицъ, выбранныхъ изъ среды своей представительнымъ собраніемъ; число лицъ этихъ предоставляется опредѣлить самому собранію, но оно должно быть не менѣ двухъ: основаніемъ для опредѣленія числа этихъ лицъ должно быть количество дѣлъ города, такъ чтобы завѣдываніе этими дѣлами было распределено между выборными по возможности равномерно. Всѣ эти лица за свои дѣйствія отвѣчаютъ предъ выбравшимъ ихъ собраніемъ, которое имѣетъ право удалять и предавать ихъ суду за уклоненіе ихъ отъ своихъ обязанностей. Городскому головѣ поручается въ особенное его вѣдѣніе отправленіе городомъ государственныхъ повинностей и вообще наблюденіе за дѣйствіями прочихъ членовъ думы; о замѣченныхъ имъ уклоненіяхъ оныхъ обязанъ доносить представителю собранію. Всѣ прочія должностныя лица, для наблюденія за торговлей, хозяйственной полиціею и по городскимъ присяжнымъ службамъ назначаются, если окажется въ нихъ надобность, представительнымъ собраніемъ или изъ среды своей или же вообще изъ лицъ, принадлежащихъ къ составу городского общества. Отвѣтственность этихъ лицъ опредѣляется такъ же, какъ и членовъ думы. Всѣ лица, избранныя въ должности по общественному управленію изъ среды собранія, остаются и въ званіи членовъ собранія. Всѣ назначенныя нами выборные члены по городскому управленію, кромѣ городского головы, не подлежатъ утвержденію административной власти; имена выборныхъ сообщаются начальнику губерніи для свѣдѣній; но если начальникъ губерніи находитъ вообще неосновательнымъ по своимъ соображеніямъ выборъ депутатовъ для составленія представительнаго собранія, то можетъ доложить о томъ верховной власти и по утвержденіи его мнѣніи верховной властью, собраніе распускается; но новые выборы должны быть произведены въ теченіи мѣсяца и этотъ вновь сдѣланный выборъ не подлежитъ уже отиѣвѣ.

Въ такомъ видѣ по нашему мнѣнію должно быть устроено общественное городское управленіе; основныя черты его: возможно широкое самоуправленіе и устраненіе всякаго излишняго вмешательства администраціи. Безъ сомнѣнія этотъ краткій очеркъ далеко не полонъ; мы и не имѣемъ притязанія на полное разрѣшеніе предмета столь обширнаго и многосложнаго; наши замѣчанія ограничиваются опредѣленіемъ главныхъ основъ, признаваемыхъ нами

несомнѣнно полезными для успѣшнаго развитія общественнаго управленія; но изложенныя здѣсь основанія достаточно характеризуютъ сущность преобразованія и направленіе дальнѣйшаго его развитія; съ другой стороны должно сознаться, что успѣшность предлагаемаго здѣсь устройства много зависить отъ общаго строя нашей общественной жизни. Безъ соответственнаго преобразованія существенныхъ стихій нашей политической жизни, каковы напримѣръ судъ и полиція, самое лучшее общественное устройство не принесетъ и половины той пользы, какую можно бы ожидать отъ него. Но правительство заявлю уже объ этихъ преобразованіяхъ и потому можно вѣлѣться на устраненіе и этого затрудненія.

Наконецъ подробное опредѣленіе отношеній городского общества къ общей администраціи также не сдѣлано нами; но и это дѣло, быть-можетъ не легкое въ вѣстоющее время, будетъ очень не трудно, если судъ и администрація наша получатъ устройство, основанное на болѣе современныхъ началахъ. Потому мы полагаемъ, что введеніе предлагаемаго нами устройства не встрѣтитъ значительныхъ затрудненій, по крайней мѣрѣ, такихъ, которыя могли бы превзойти тѣ благодѣтельные послѣдствія, которыя по нашему убѣжденію должны быть результатомъ этого устройства.

При какихъ условіяхъ городскіе обыватели имѣютъ право голоса въ выборахъ?

Вообще говоря, условіями для права участія въ выборахъ должны быть только: 1) достиженіе извѣтнаго возраста (напримѣръ 21 г.); 2) гражданская полноправность; 3) принадлежность къ городу въ теченіе года (двухлѣтній срокъ едва ли не длиненъ). Имущество не должно бы здѣсь имѣть вліянія, развѣ только для дворянства, несущаго городскія повинности по собственности; но нельзя не согласиться, что установленіе ценза имѣетъ для настоящаго времени свои полезныя стороны и при современной развитости общества едва ли выгоды его не превѣшиваютъ теоретическаго понятія о правѣ всѣхъ гражданъ участвовать въ выборахъ. Потому мы ничего не имѣемъ сказать противъ этого учрежденія и не находимъ даже норму ценза, установленнаго въ Петербургѣ и Москвѣ, высокою, но мы находимъ неудобною самую форму опредѣленія ценза посредствомъ дохода съ собственности. Опредѣленіе чистаго дохода бываетъ затруднительно во многихъ случаяхъ, а съ другой стороны, такое опредѣленіе формы ценза оставляетъ безправными лицъ, живущихъ своими трудами и иногда имѣющихъ значительные доходы напримѣръ врачи, ремесленники и т. п. Потому необходимо установить по нашему мнѣнію два рода ценза: 1) для собственниковъ, стоимость ихъ недвижимой собственности напримѣръ 300 рублей, и 2) для не соб-

ственниковъ, доходъ съ промысла или съ денежнаго капитала въ количествѣ напримѣръ для промысла въ 300 рублей и съ капиталомъ въ 100 руб. Но имущественный цензъ необходимъ только для тѣхъ лицъ, о развитіи которыхъ приходится заключать только по ихъ богатству; онъ совершенно излишенъ для лицъ, о развитіи которыхъ можно заключать изъ ихъ образованія. Потому должно постановить, что лица, кончившія курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ, крайней-мѣрѣ въ уѣздныхъ училищахъ, имѣютъ право участвовать въ выборахъ независимо отъ имущества, которымъ они обладаютъ, если конечно они удовлетворяютъ первымъ тремъ условіямъ (возрастъ, время присяски въ городу и гражданская полноправность).

Въ этомъ порядкѣ лежитъ возможность съ большимъ распространеніемъ образованія совершенно уничтожить современнѣе цензъ имущественный, несправедливый въ сущности и допускаемый только по необходимости.

Какія условія должны соединять въ себѣ лица, избираемые въ общественныя должности?

Если приходится по грустной необходимости ограничить цenzомъ права избирателей и исключить такимъ образомъ большое число гражданъ отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, то нѣтъ сомнѣнія, что этой необходимости совсѣмъ не представляется относительно лицъ избираемыхъ. Ограниченіе права участвовать въ выборахъ оправдывается еще опасеніемъ отдать столь важное дѣло въ руки беспорядочной толпы, несознающей всей важности возложеннаго на нее занятія; но это опасеніе никакъ не прилагается къ лицамъ избираемымъ и даже трудно объяснить себѣ цѣль и побудительный поводъ постановленій по этому предмету въ петербургскомъ и московскомъ положеніяхъ. Неужели избиратели, составъ которыхъ достаточно уже обезпеченъ цenzомъ, и которые, предполагается потому, сознаютъ всю важность своего дѣла, нуждаются сами въ цenzѣ, чтобы опредѣлить достоинства избираемаго ими лица? Такъ предположимъ, что петербургское общество избирателей сознаетъ вполне, что такое-то лицо будетъ отличнѣе головой; но это лицо имѣетъ 29½ лѣтъ или собственность въ 14,000 и желанія избирателей остаются втунѣ и они принуждены избрать другое лицо, менѣе достойное по ихъ мнѣнію, но удовлетворяющее законамъ требованіямъ.

Потому по нашему мнѣнію для лицъ избираемыхъ не должно быть никакого цenzа, кромѣ тѣхъ условій, которыя ограничиваютъ самое право выбора, т. е. здѣсь можетъ-быть только одно правило: кто можетъ избирать, тотъ можетъ быть и избраннымъ во всѣ дол-

жности по общественному управленію; здѣсь если нужно сдѣлать измѣненіе, то относительно *ценза образованія*, назначивъ вмѣсто уѣздныхъ училищъ — гимназій. Такой порядокъ будетъ и рациональнѣе и предоставитъ болѣе свободы избирателямъ въ избраніи лицъ достойныхъ. Здѣсь единственной гарантіею должно служить сознаніе самихъ избирателей въ важности ихъ дѣла и въ необходимости избирать лицъ, лучшихъ въ обществѣ. Другихъ гарантій и не можетъ быть и нѣтъ въ нихъ надобности.

Какимъ образомъ должны быть опредѣляемы права избирателей и избираемыхъ?

Послѣ всего сказаннаго излишне говорить о правахъ избираемыхъ отдѣльно отъ правъ избирателей, такъ какъ по нашему мнѣнію тѣ и другія права должны совпадать.

Что касается до опредѣленія правъ избирателей, то порядокъ, изложенный въ циркулярѣ министерства, кажется наилучшимъ и по нашему мнѣнію можетъ быть примѣненъ къ каждому городу; нѣкоторая сложность его обуславливается тѣмъ, что столь важное дѣло должно быть обставлено всѣми возможными гарантіями. Для веденія всего этого дѣла нѣтъ надобности въ особомъ депутатскомъ собраніи, а оно можетъ быть произведено тою же распорядительной думой. Но въ городахъ, гдѣ не существуетъ еще городской обывательской книги, составленіе этого основного и необходимаго документа должно быть поручено особой комиссіи изъ выборныхъ городского общества. Относительно опредѣленія дохода и имущества могутъ быть приняты средства, указываемыя министерствомъ и кромѣ того, если нѣтъ другихъ средствъ, собственное показаніе подъ страхомъ предавія суду за ложное показаніе.

Какой порядокъ долженъ быть установленъ относительно составленія общественныхъ собраній, а такъ же какъ должны производиться самыя выборы?

Относительно этого вопроса должно сознаться, что въ настоящее время одинъ изъ существеннѣйшихъ недостатковъ нашего городского управленія заключается въ беспорядочности выборовъ, которые производятся избирателями чуть не наугадъ; понятнo какое зло происходитъ отсюда. Министерство само сознается, что хотя законъ и опредѣляетъ высшія свойства лицъ избираемыхъ, но что кромѣ того необходимо, чтобы заступники общества отличались нравственными качествами, которыя законъ опредѣлить не можетъ, и которыя дѣлаются извѣстными только въ обществѣ (трудно понять въ такомъ случаѣ, какой же законъ опредѣляетъ эти высшія свойства, если ихъ опредѣленіе не приноситъ пользы?) Это мнѣніе, должно полагать, раздѣляется и городскими общества-

ми. Почему же выборы производятся беспорядочно и избиратели, вмѣсто того, чтобы отыскивать людей съ нравственными качествами, часто кладутъ свои шары кому случится и какъ случится. Министерство полагаетъ корень этого зла въ томъ, что городскіе жители не знаютъ другъ друга и предлагаетъ для уничтоженія этого недостатка дѣлать заранее извѣстными списки кандидатовъ, составленные городовымъ депутатскимъ собраніемъ. Такъ дѣлается теперь въ Москвѣ и вѣроятно въ Петербургѣ (хотя объ немъ и не упоминаютъ въ циркулярѣ). Но одно это средство едва ли дѣйствительно, что и доказывается примѣромъ Петербурга, гдѣ и до сей поры выборы производятся, какъ можно заключить изъ послѣдняго циркуляра петербургскаго генералъ-губернатора и изъ общихъ слуховъ, такъ же неудовлетворительно, какъ и прежде. По нашему мнѣнію корень зла не въ томъ, что избиратели не знаютъ нравственныхъ качествъ лицъ ими избираемыхъ, а въ томъ, что они и не заботятся узнать эти качества; еслибы избиратели старались о томъ, то не могли бы не приобрести столь важнаго для нихъ свѣдѣнія. Дѣло въ томъ, что при современномъ состояніи общественнаго управленія у избирателей укоренилось грустное убѣжденіе, что все равно, кого ни избрать, и это убѣжденіе очень часто къ несчастію оправдывается на дѣлѣ. А при существованіи такого грустнаго убѣжденія едва ли можно помочь дѣлу, выставивъ списки кандидатовъ; безъ сомнѣнія эти кандидаты и будутъ избраны, но будутъ ли они достойны выбора, за это трудно поручиться. Очевидно, что составленіе этихъ списковъ депутатскимъ собраніемъ еще не ручается за то, что всѣ предлагаемые имъ кандидаты дѣйствительно хорошіе люди, могущіе принести пользу городу. Очевидно, что цѣль этихъ списковъ — указать только избирателямъ среду, въ которой слѣдуетъ отыскивать нравственные качества. Но возбуждать ли одни эти списки сами по себѣ желаніе и охоту въ избирателяхъ къ такому изслѣдованію? Очевидно, что сами по себѣ списки не могутъ произвести столь чудеснаго дѣйствія, если прежде не было охоты у избирателей къ подобному дѣлу. Отсюда вытекаетъ то послѣдствіе, что индифферентизмъ избирателей въ столь важномъ дѣлѣ происходитъ отъ иныхъ причинъ и требуетъ другихъ средствъ для излеченія. По нашему мнѣнію основная причина — недостаточное развитіе самоуправленія и происходящее отсюда бездѣйствіе и бюрократизмъ общественнаго управленія, поражающія въ свою очередь равнодушіе и въ обществѣ къ общественнымъ дѣламъ; единственное средство для излеченія зла — расширеніе самоуправленія и пробужденіе такимъ образомъ въ горожаняхъ желанія и старанія занимать дѣлами общества. Когда жители городовъ поймутъ, что

ихъ самоуправленіе не пустой звукъ, а дѣйствительность, что ихъ участіе можетъ принести дѣйствительную пользу обществу, тогда и выборы пойдутъ успешно, и избиратели найдутъ людей съ нравственными качествами безъ пособія какихъ бы то ни было свисковъ.

Что касается до раздѣленія избирателей на участки, то это дѣло полезное и даже можетъ-быть необходимо при многочисленности общества.

Относительно времени выборовъ, удобѣйшее повидному для того время октябрь или январь мѣсяцы. Выборы должны производиться подъ наблюденіемъ городского головы, въ присутствіи губернскаго прокурора и посредствомъ тайной баллотировки.

На какой срокъ должны быть избираемы должностныя лица и какія преимущества надлежало бы присвоить лицамъ, состоящимъ въ городской службѣ?

По нашему мнѣнію члены общей думы должны быть избираемы на два года, такъ чтобы чрезъ каждые два года могъ измѣниться составъ этого центрального управленія. Городской голова и члены распорядительной думы должны быть избираемы на такое же время. Относительно прочихъ должностей можно принять сроки, назначенные въ положеніи 1846 года, исключая секретарей, которые могутъ быть назначаемы или избираемы безсрочно, съ правомъ отказаться отъ службы по истеченіи трехъ лѣтъ.

Относительно содержанія лицамъ городского управленія мы должны высказать, что по нашему мнѣнію должно бы быть назначено содержаніе всѣмъ лицамъ, входящимъ въ составъ этого управленія. Нечего доказывать раціональность и полезность этой мѣры; но осуществленію ея препятствуютъ въ настоящее время недостаточныя средства городовъ, напримѣръ у насъ въ Пермѣ едва ли предвидится тому возможность. Во всякомъ случаѣ должно предоставлять въ этомъ отношеніи обществамъ полную свободу и можно думать, что при болѣе свободномъ самоуправленіи, при пробужденіи общественной жизни, — что должно необходимо послѣдовать вслѣдствіе расширенія самоуправления, — городскія общества наши придутъ къ убѣжденію о необходимости вознагражденія лицамъ, заботящимся о ихъ пользахъ. Если же только это убѣжденіе сдѣлается господствующимъ, то нельзя сомнѣваться, что средства для его осуществленія будутъ найдены. Но должно повторить еще разъ, что подобное убѣжденіе можетъ воспитаться только въ обществахъ съ возможно широкимъ самоуправленіемъ. Опредѣлить же закономъ обязательное вознагражденіе нѣтъ основанія, да и не принесетъ никакой пользы; это дѣло должно быть произведено самимъ обществомъ вполнѣ добровольно, безъ всякаго внѣшняго принужденія.

Въ заключеніе моего нами высказаннаго, нельзя не прибавить, что образъ дѣйствій правительства въ настоящемъ случаѣ вполне рационаленъ. Обращаясь къ обществу и желая узнать его мнѣніе, правительство идетъ по истинному пути разумныхъ реформъ; поступая такимъ образомъ, оно очевидно хочетъ сообразоваться съ желаніями и убѣжденіями общества, хочетъ избѣгнуть вредныхъ послѣдствій системы, которая навязывала часто народу то что ему не было выгодно и даже совершенно чуждо его духу. Реформа городского устройства на началахъ истиннаго самоуправленія, если оно осуществится, будетъ имѣть огромное значеніе въ развитіи нашей политической жизни. Правительство наше можетъ быть убѣждено, что общества наши не останутся глухи къ голосу, пробуждающему въ нихъ свободныя учрежденія, такъ долго гложувшія подъ гнетомъ началъ, чуждыхъ духу русскаго народа; свободная община искони была любимой формой общенія русскаго народа и восстановленіе его въ первоначальномъ видѣ не будетъ дѣломъ труднымъ, неосуществимымъ на практикѣ.

А. ВОИНСКІЙ

НЕОБХОДИМОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ, ПО ПОВОДУ РАЗНЫХ ХИЪБНЫХЪ И НЕХИЪБНЫХЪ ВОПРОСОВЪ

Въ послѣднее время въ текущей литературѣ объявлялось множество голосовъ и мѣтвй противъ нашего журнала. Манаденія раздѣлись особенно дружно тотчасъ по выколѣ въ свѣтъ нашего прошлогодняго сентябрьскаго объявленія объ изданіи «Времени» въ 63 году. Иные изъ этихъ нападеній основаны чисто на конкуренціи и ишють въ виду одну только подписку. Купеческое дѣло. Такъ напримеръ г. Краевскій, сей Тамберликъ русской литературы съ своимъ новымъ «Голосомъ» и цѣнящій свой «Голосъ» чуть не вдвое того, что даютъ Тамберлику, разразился противъ насъ въ самое подписное время. Разражаться другъ противъ друга въ подписное время — старинная привычка старинныхъ журналовъ, а отвѣчать отъ старинныхъ привычекъ, извѣстно, не хорошо... Но этихъ разраженій мы теперь и отвѣчать не будемъ. Въ настоящую минуту мы ишдемъ въ виду другихъ обидчиковъ нашихъ и именно тѣхъ, которые особенно разсердились за одно слово въ нашемъ «объявленіи». До сихъ поръ мы имъ совсѣмъ не отвѣчали, хотя вотъ уже четыре мѣсяца какъ они выколаютъ изъ себя. Но начиная новый годъ изданія, мы находимъ не лишнимъ съ самаго начала года сказать нѣсколько словъ всѣмъ этимъ выходящимъ изъ себя господамъ — не въ видѣ оправданія нашего передъ ними, а такъ въ смыслѣ нѣкотораго назиданія. Да кому же не худо иногда кое-что и поразъяснить...

Слово, о которомъ мы сейчасъ говорили, они до сихъ поръ забыть не могутъ. Они корчатся отъ него, какъ будто мы ихъ посадили на булавку. Это именно то мѣсто въ объявленіи нашемъ, гдѣ мы говоримъ, что «ненавидимъ пустозвонныхъ крикуновъ, свистуновъ, свистящихъ изъ хлѣба» и т. д. Всѣ они видимо приняли это мѣсто на свой счетъ. А между-тѣмъ что же дурного мы написали? Что мы ненавидимъ свистуновъ «свистящихъ изъ хлѣба» (т. е. не

свистуновъ вообще, а именно тѣхъ, которые свистутъ изъ хлѣба). Да кто же такихъ любить? Что можетъ-быть гаже такой дѣятельности? Что можетъ-быть возмутительнѣе, когда какая-нибудь совершенно спокойная, сытая и вседовольная верхоглядка, чаще всего пошлѣйшая бездарность, думаетъ выиграть на модѣ къ прогрессу, обличаетъ, свистеть и выходитъ изъ себя за правду *по заказу* и *по модѣ*? Мы полагали, что такая дѣятельность, особенно при случаѣ, даже въ высшей степени вредна общему дѣлу. Вотъ почему мы такъ рѣзко и выразились о подобной дѣятельности и думаемъ, что выразили нашу мысль удачно и мѣтко. Мы именно шѣли въ виду честь и преуменьшеніе общаго дѣла прогресса и добрыхъ начинаній. Скажемъ всю правду: Говоря о «свистунахъ изъ хлѣба» мы не предполагали, да даже и теперь еще не хотѣли бы предположить, что у насъ существуютъ экземпляры «свистуновъ изъ хлѣба» въ самомъ чистомъ, *т. е.* въ самомъ омерзительномъ ихъ состояніи; но однако нѣкоторые слѣды такого духа и направленія мы и тогда еще замѣтили. Хотѣли начало, да было. Признаки такіе существовали... Вотъ мы и сказали нѣсколько словъ въ видѣ обличенія и предостереженія, да сверхъ того желая заявить, что съ этимъ направленіемъ у насъ шѣтъ, не было и не будетъ ничего общаго, потому что мы уже и тогда предвидѣли дальнѣйшее развитіе этого хлѣбнаго направленія. И что же? На насъ вдругъ поднялись цѣлыя тучи враговъ. Всякій изъ нихъ, даже вовсе и не хлѣбный свистунъ, приписалъ наше выраженіе на свой собственный счетъ. Мы сожалѣемъ, что хлѣбные-то и соблазнали всѣхъ, даже и не хлѣбныхъ, подняться на насъ, увѣривъ гѣхъ, что мы вредимъ общему дѣлу. Замѣтимъ вообще, что наши не хлѣбные, хоть и бываютъ иногда чрезвычайно хорошіе люди, но все-таки болѣею частию народъ чрезвычайно легкомысленный, спѣшливый и довѣрчивый. Самый отъявленный свистунъ изъ хлѣба ихъ надуетъ и они ему вѣрятся и примутъ его въ соотрудники и т. д., и т. д. Даже такъ бывало: кто бы ни былъ соотрудникъ, хоть и зазнамо хлѣбный свистунъ, — имъ все равно, свисталъ бы только съ ихъ голоса. Это хотѣ и теорія, хотѣ и принципъ, но въ сущности глубокая ошибка. Для всякаго хорошаго дѣла надо, чтобъ и дѣлатель былъ хороший, не то — тотчасъ же ие тѣмъ голосомъ закричитъ и заоредетъ хорошему дѣлу и остановитъ его въ публичнѣ своемъ въ цѣль участія. А при перемѣнѣ обстоятельствъ, при дороговизнѣ хлѣба всѣ эти хлѣбные господа верные несутъ свои «таланты» на толкучій рынокъ и продаютъ ихъ туда, гдѣ больше дадутъ, т. е. въ другія редакціи. Это называется у нихъ благородно перемѣнять свои убѣжденія. Темъ же соотрудникамъ всадѣ невыгоды, но мы полагаемъ, что ои-то и

соблазнили своимъ кураннымъ крикомъ всѣхъ другихъ принять наше выраженіе о свистѣ изъ хлѣба на свой собственный счетъ. А такъ какъ мы всѣ безъ исключенія обидчивы до истерички и щекотливы какъ жены Цезаря, на репутаціи которыхъ не должно было быть ни пушички сомнѣнія, то дѣло и пошло на ладъ. Всѣмъ извѣстно, что благороднѣйшихъ людей у насъ чрезвычайное количество, но съ грустію надо сознаться, что многіе изъ нихъ необыкновенно мелко плаваютъ. Вотъ и поднялись на насъ, одинъ за другимъ, всѣ эти мелкоплаватели, которыхъ мы и не думали называть «свидетелями изъ хлѣба», «униженные и оскорбленные» нами. Поднялись даже самые невиннѣйшіе дѣтатели, красненькое словцо принимающіе за дѣло; поднялись дешовые обличители и рифмоплѣты, составители современныхъ буриме съ направленіемъ; поднялись все готовые разрѣшить мыслители, преслѣдователи соображенія и науки; поднялись крошечные Петры-великіе, въ думѣ администраторы и чиновники, съ холоднымъ книжнымъ восторгомъ (а иные безъ восторга), пренаивно считающіе себя за представителей прогресса и глубоко неподозрѣвающіе полнѣйшей своей бесполезности. Но мы не удивлялись всей этой ярости. Большинство всѣхъ этихъ благороднѣйшихъ, но не совсѣмъ глубоко плавающихъ господа, чаще всего нападаютъ именно на то, во что само же вѣруеть; слѣдо различаетъ своего въ другой формѣ, проповѣдуетъ прогрессъ, а чаще всего отстаиваетъ глубочайшее варварство, и отстаивая во что бы ни стало цивилизацію, санитарствуетъ, невѣдая что творитъ, нѣметчиву и регламенты. Духа русскаго тутъ и слыхомъ не слышать и видомъ не видать. Чутья русскаго и во снѣ не предвидается. Тутъ наиримѣрь патріотизмъ безъ церемоній становится на ербантъ, потому что патріотизмъ — исключительность, а слѣдственно ведетъ къ ретроградству. Искусство бесполезно. Самое дуннее произведеніе искусства это иліада, а въ иліадѣ разные боги и суевѣрія, а боги и суевѣрія ведутъ къ ретроградству. Кромѣ шутокъ. Хотя именно объ иліадѣ и не было говорено, но поватія объ искусствѣ всѣхъ этихъ художниковъ можно именно подвести подъ эту формулу объ иліадѣ. Червонорусы ретрограды, потому что враждебно относятся къ чужому вѣроисповѣданію и фанатически стоятъ за свое въ нашъ вѣкъ вѣротерпимости и прогресса. Не говорите имъ, что въ вопросѣ о вѣроисповѣданіи у червонорусовъ именно все заключается, что въ этотъ вопросъ, исторически, вѣками сошлись всѣ остальные національные вопросы; что этотъ вопросъ послѣ четырехъ-сотъ-лѣтнихъ страданій народа обратился у него въ формулу, въ знамя, что онъ знаменуетъ въ себѣ разрѣшеніе всѣхъ обидъ, всѣхъ остальныхъ национальныхъ недоумѣній и заключаетъ

въ себѣ національную независимость; что все это случилось и случилось такъ исторически, и что судьба червонорусовъ была совершенно непохожа на нашу. Нужды нѣтъ: ретроградство! одно ретроградство, ибо въ нашъ вѣкъ, вѣкъ прогреса и вѣротерпимости не можетъ быть... того-то и того-то, а слѣдовательно и т. д. и т. д.

Правда, что многіе изъ этихъ мыслителей давнымъ-давно уже ни о чемъ не задумываются. Сомнѣній, страданій у нихъ повидимому никогда ни въ чемъ не бывало; но самолюбія, доходящаго до какой-то бабьей истерической раздражительности у нихъ чрезвычайно много. Самолюбіе есть основаніе ихъ убѣжденій и для самолюбія очень многіе изъ нихъ готовы рѣшительно всѣмъ пожертвовать, т. е. всякими убѣжденіями. Убѣжденія ихъ удивительно ограничены и обточены. Сомнѣваться имъ уже не въ чемъ... Для нихъ жизнь что-то такое маленькое, пустое, что въ нее не стоитъ и вдумываться. Самые вѣковѣчные вопросы, надъ разрѣшеніемъ которыхъ страдало и долго еще будетъ страдать человѣчество, возбуждаютъ въ нихъ только смѣхъ и презрѣніе къ страдальцамъ, которые ихъ разрѣшали, а которые и теперь отъ нихъ страдаютъ и мучаются ихъ разрѣшеніемъ, это у нихъ ретрограды. У нихъ же все разрѣшено я вдругъ. «У меня это вдругъ,» говоритъ Хлестаковъ. Какой-нибудь вопросъ, вроде того: какъ напримѣръ устроить на будущей недѣлѣ счастье всего человѣчества, для нихъ также легко разрѣшать, какъ напримѣръ высморкаться. Вѣра въ иностранныя книжки у нихъ фанатическая. Впрочемъ многіе изъ нихъ даже и книжекъ-то не читаютъ, а такъ только хватаютъ вершки отъ тѣхъ, которые прочли. Слыхалъ когда-то о лордѣ Джонѣ-Росселѣ, Кобденѣ и клѣбныхъ заковахъ, слыхалъ что это было тогда либерально, ну вотъ для него это и теперь либерально, и не смѣй и не думай сомнѣваться, — какъ можно смѣть свое сужденіе имѣть. Это ужъ ретроградство, такъ и въ книжкѣ написано. Вотъ всѣ-то эти преслѣдователи вдругъ и осадили насъ, чрезвычайно досадуя на то, что мы имъ не хотимъ отвѣчать, а только обличаемъ ихъ иногда, единственно чтобъ какиимъ-нибудь однимъ улачнымъ примѣромъ выставить разомъ характеръ ихъ дѣятельности. Мало того, они, чтобъ принести намъ какъ можно больше вреда, видимо стараются представить въ другомъ видѣ характеръ нашего выраженія на счетъ «свистуновъ изъ хлѣба». Повѣривъ настоящимъ свистунамъ изъ хлѣба, принявъ это выраженіе на свой собственный счетъ и ужасно обидѣвшись, они теперь ужасно хотятъ выставить и доказать, что мы, нападаая на нихъ, нападаемъ вообще на прогрессъ и отстаиваемъ мракобѣсіе, и такимъ образомъ прямо ставятъ себя *представителями*

ми прогресса. Вотъ на это-то мы и хотимъ теперь отвѣчать. Вопросъ о «свистунахъ изъ хлѣба» мы теперь кончимъ. Мы считаемъ его разъясненнымъ достаточно. Гадко поддерживать этихъ свистуновъ, господа, а вѣдь вы знаете, что они существуютъ, по крайней мѣрѣ сильно наклеиваются. На свой собственный счетъ вы, господа, или лучше сказать огромная часть изъ васъ, его не можете принять, тѣмъ болѣе что хлѣбные люди въ послѣднее время слишкомъ ярко опредѣлились въ нашей журналистикѣ: ихъ со всѣхъ сторонъ видно. Мы объяснились, мы вѣримъ, что вы болѣею частию «не изъ хлѣба» свицете. Вы свицете изъ чести, изъ *представительства*, но вотъ объ этомъ-то представительствѣ мы и хотимъ поговорить. Послушайте, господа, какіе же вы представители? Что общаго между вами и прогрессомъ, или между вами и молодымъ поколѣніемъ? скажите пожалуйста! Вотъ это-то и возбуждало въ насъ всегда глубочайшій смѣхъ, на васъ глядя. Любимая повадка ваша—прятаться за справедливую идею и за громкія литературныя имена писателей, то-есть прикрываться авторитетами, преимущественно такими, которые стяжали себѣ особое уваженіе. «Нападаютъ на насъ, а! Значитъ нападаютъ на прогрессъ. Мы свистуны изъ хлѣба, а! Значитъ и Чернышевскій и Добролюбовъ свистуны изъ хлѣба». Но, господа, мы вовсе не принимаемъ васъ за Чернышевскихъ и Добролюбовыхъ. Что же касается до справедливой идеи, которую вы прикрываетесь, то надо признаться—это наиболѣе употребительный въ нашей литературѣ приемъ. Всѣ заслоняются болѣе или менѣе авторитетными идеями и увѣряютъ, что дѣйствуютъ по убѣжденію. Иные дѣйствительно дѣйствуютъ по убѣжденію; честь имъ и слава за это. Другіе же хитрятъ, натягиваютъ идею за уши, а подъ идей-то и оказываются какія-нибудь «казенныя объявленія». Но положимъ, что вы всѣ не хитрите, а наивно считаете себя жрецами, представителями и просвѣтителями (пусть ужъ это будетъ дѣло совѣсти многихъ изъ васъ.). Скажите по правдѣ, можно ли хоть сколько-нибудь серьезно повѣрить вамъ когда вы кричите: «Мы за прогрессъ, мы работаемъ на фабрикѣ, а вы только мѣшаете и проч.» Помилуйте! да вы-то всему и мѣшаете! Мы именно считаемъ васъ неумѣлыми, неспособными и всему повредившими. Извините, что мы такъ прямо говоримъ вамъ; но вѣдь это потому только, что съ вами иначе никакъ нельзя разсуждать. Вы это сами знаете. Мы и говоримъ-то не для васъ, а для публики. Вы же разсужденій не терпите, вы сердитесь и обижаетесь истерически, когда кто васъ останавливаетъ и несоглашается съ вами, съ вами все знающими, все разрѣшившими. Вы приходите въ бѣшенство когда кто-нибудь требуетъ отъ васъ чутка, русскаго духа, гуманности, со-

вѣстливости и логики. Въ нашъ вѣкъ да логики! «Нашъ вѣкъ дѣло прогресса, а вовсе не логики, подите вы съ логикой, *assez causé!*» скажутъ или подумаютъ иные изъ васъ читая это. Но на этотъ пунктъ мы хотимъ вамъ дать ясный отвѣтъ.

Пожалуста не принимайте наше выраженіе о логикѣ буквально. Никакое движеніе къ прогрессу не исключаетъ логики и мы очень хорошо знаемъ, что никто изъ васъ не захочетъ сказать буквально: «Нашъ вѣкъ—дѣло прогресса, а вовсе не логики...» Даже напротивъ: самые фанатическіе—то прогрессисты всего больше и претендуютъ на логику, и претендуютъ именно въ мгновеніа самаго большаго проявленія ихъ фанатизма тогда, когда ужъ дѣйствительно не до логики. Нашей фразой мы хотѣли только обозначить все негодовашіе прогрессистовъ и преимущественно молодежи на тѣхъ, которые разсуждаютъ и сомнѣваются когда надо дѣло дѣлать. Это негодование, этотъ антагонизмъ всегда былъ и будетъ между двумя поколѣніями юнымъ и зрѣлымъ; онъ былъ и пребудетъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Мало того, мы считаемъ его вполне законнымъ. Нетерпѣливая часть прогрессистовъ физически не можетъ сдѣлаться терпѣливой. У ней и пульсъ ходитъ скорѣе. Она и факты должна принимать поспѣшнѣе; она удовлетворяется умозрѣніями, потому что и не подозреваетъ еще всего того, чему послѣ придется ей научиться у жизни. Была бы только идея великодушна и вела бы къ развитію, — вотъ ей чего надобно! И безъ этихъ нетерпѣливыхъ, передовыхъ и свѣтъ не стоитъ. Мало того, еслибъ все были одни разсуждающіе, одни сомнѣвающіеся и осмотрительные, ничего бы и не было. Передовая часть общества также законна, какъ и осмотрительная. Но зато тѣ, которые себя считаютъ представителями прогрессистовъ и прогрессивной идеи, о! тѣ всегда должны умѣть дать отчетъ, хотя бы самимъ себѣ, своей совѣсти. Они должны знать куда идутъ, должны умѣть указать и направить, а главное, главное — должны быть вполне совѣстливы въ своихъ указаніяхъ. Повторяемъ теперь вопросъ: можемъ ли мы васъ принять за представителей и указателей прогрессивной идеи? Вѣсьма обѣ закладъ — вы думаете, что мы хотимъ укорить васъ въ эту минуту зато, что вы горячи и поспѣшны до неосмотрительности. Разувѣрьтесь: мы именно потому считаемъ васъ неспособными и неумѣлыми, что вы мертво-холодны, что въ васъ нѣтъ жару, нѣтъ духа, что убѣжденія у васъ не свои, а заемныя, а если и случаются свои, то легкомысленность ихъ свидѣтельствуетъ о слишкомъ малой совѣстливости, съ которой они приняты; что гражданскаго чутія нѣтъ у васъ, иначе бы вы знали на что и куда указывать, а мы въ этомъ повинно даемъ промахи; что съ мѣста вы не можете сдвинуться, а

увѣряете, что идете впередъ, что самолюбіе и выгоду вы чаще всего соединяете съ общимъ дѣломъ, и что наконецъ, если ужъ взять все, опять—такъ вы всему мѣшаете. И главное тѣмъ мѣшаете, что опошляли и измельчили въ глазахъ общества самыя правдивыя идеи и начинанья. Вы бездарно волочили великую мысль, по улицѣ и вмѣсто того, чтобъ произвести энтузіазмъ, *надолжи* публикѣ, а *надолжеть* въ этомъ случаѣ публикѣ — великое преступленіе. На бездарность—то вашу мы и досадовали и часто намъ бывало очень больно, когда вы дѣло проигрывали. Мы болѣли за васъ душой, когда годъ назадъ вы проиграли дѣло съ г. Цисемскимъ, по воводу фельетоновъ Никиты Безрылова. А между-тѣмъ вы были совершенно правы. Проигрывать такія дѣла негодится. Вы были своихъ и не вѣдали что творили, да и теперь не догадываетесь. Хоть общество и давно смотритъ на васъ двусмысленно, но постояннымъ опошляваніемъ того, чего не надо опошлявать, все—таки можно принести много вреда. А вы именно это дѣлаете. Поминутно дѣлаете. Оставляетъ же васъ общество (а оно оставляетъ васъ дѣйствительно) вовсе не потому, что оставляетъ идею, которой вы (будто бы) служите, а потому, что сами-то ужъ вы слишкомъ плохи. Повѣрьте намъ: давно уже видятъ и понимаютъ, что Левъ Камбекъ и стулья на Невскомъ проспектѣ вовсе не исчерпываютъ собою всѣхъ современныхъ задачъ, вопросовъ и недоумѣній, возникшихъ въ нашей землѣ въ послѣднее время. А вѣдь серьезно—то говоря, у васъ больше ничего и нѣтъ. Вы простодушно увѣрены, что именно въ Левѣ—то Камбекѣ и состоитъ вся суть. Да я вамъ откровенно признаюсь: я въ ужасъ пришолъ, когда вдругъ разнеслась было вѣсть, что Левъ Камбекъ оставляетъ литературное поприще. Чтожъ будутъ дѣлать наши виршеплеты, фельетонисты и вообще всѣ они, гордо считающіе себя предводителями прогресса нашего, подумалъ я съ горестью? Вѣдь «Вѣкъ» и Левъ Камбекъ служили къ пролитанію цѣлыхъ тучъ прогрессистовъ нашихъ съ ихъ малыми дѣтьми такіе долгіе, давнишніе годы!.. Страшно было прогрессу и обществу, когда еще года полтора тому назадъ (экая старина!) исчезла первая рифма «Вѣкъ», похороненная журналистами—гробокопателями. И вотъ теперь исчезаетъ и вторая: Камбекъ. Стулья сняты, о Боже! Чтожъ оставляешь ты послѣ этого для движенія прогресса и преуспѣванія нашего? восклицалъ я съ горестью, — вѣчно юнаго и вѣчно возможнаго Аскоченскаго, да еще кукельванъ. Больше—то вѣдь ничего, ровно ничего не остается...

Увы, господа! Не считайте, что мы кривляемся или говоримъ въ насмѣшку. Мы прямо увѣрены, что кромѣ Льва Камбека да кукельвана, у васъ нѣтъ ничего, — нѣтъ, не было и не будетъ!

Пожалуста не говорите намъ, что у васъ и про городничихъ, и про исправниковъ, и про корнета, играющаго на пистолѣ, и про Сорокина и даже про эманципацію женщинъ. Увѣрлемъ васъ, господа, что все, о чемъ бы вы ни заговорили, все это будетъ только Левъ Камбекъ, да кукельванъ. Поймите насъ.

Про кукельванъ говорить положимъ можно, про г. Каткова Фаддея булгаринствующаго на Москвѣ, можно и должно, даже про Льва Камбека иногда простительно, даже про городничаго А, въ губерніи Б, въ уѣздѣ В, обидѣвшаго бабу Д, въ году отъ Р. X. Е и въ мѣсяцѣ Ж, тоже подчасъ позволительно и необходимо. Но вѣдь говорить надо своей инициативой, со смысломъ и съ толкомъ а не съ чужого голоса. Обличаете вы иногда такъ, что у васъ праваго отъ виноватаго не отличишь, потомучто вы сами-то зачастую не знаете кто правъ, кто виноватъ! Видно до очевидной ясности, что дорогого у васъ самихъ въ этомъ святомъ дѣлѣ обличенія нѣтъ ничего. Для чего, для какихъ причинъ вы обличаете, — этого совершенно не видно, а видно то, что вы и сами-то объ этомъ можетъ не вѣдаете. Все съ чужого голоса. Спроси васъ, гдѣ причина? гдѣ узелъ? гдѣ разгадка такого-то факта? хорошъ или дуренъ этотъ фактъ? что означаетъ и изъ чего происходитъ? объ этомъ вы и намекъ не дадите, или окончательно промахнетесь. Взгляду у васъ нѣтъ никакого. Что вамъ подскажутъ, о томъ вы и затрещите. Скажутъ вамъ наприимѣръ, что вотъ въ томъ-то кое-что есть, а вы тотчасъ жъ подумаете, что въ томъ и вся суть заключается, — т. е. вся, рѣшительно вся, и что болѣе ничего не надо. А такъ какъ у васъ чувства мѣры нѣтъ никакого, то и тянется у васъ городничій, да кукельванъ полтора года сряду. Внутри Россіи, о которой вы понятія не имѣете, совершаются тѣмъ временемъ событія, возникаютъ вопросы. Читатель требуетъ отъ васъ живой мысли, объясненія дѣла, источника, откуда оно происходитъ, указанія на средства, хоть намекъ какого-нибудь, а у васъ premier Petersbourg начинается эмансипаціей женщинъ. Помилуйте, да вѣдь все хорошо къ мѣсту и къ времени, иначе тотчасъ же можно опозлить великую мысль, и ваши юмористы будутъ только воронъ пугать, а не дѣло дѣлать. Вотъ это-то все и называется рутинною въ высочайшей степени. Гражданскаго чутія нѣтъ, а вѣдь это какъ хотите видно, замѣтно. За одно святое дѣло нечего прятаться, великой мыслью нечего прикрываться. Сквозить, видно. Надобно заставить и себя уважать, чтобъ обличеніе было дѣйствительное и плодотворное. А какъ это сдѣлать? Да какъ: прежде всего надо быть самому гражданиномъ. Гражданское чутіе различитъ о чемъ говорить и на что показывать, что право, что нѣтъ. Надо чтобъ видна была

любовь къ дѣлу, энтузіазмъ. А какіе мы граждане? Всѣ мы въ сущности раздраженные эгоисты, для которыхъ собственныя, домашнія препинанія дороже всякаго общаго дѣла. И такимъ-то совать-ся прямо въ учителя, быть пренаивно увѣрену, что мы-то одни и остались теперь предводителями молодыхъ силъ и начинаній общества! Да вѣдь это все равно, что слѣпому слѣпому водить; да и прекомическая въ сущности мысль! Мы благоговѣнно вѣримвъ въ наше юношество. Въ немъ прежде всего настоящая, естественная молодая сила, въ немъ дѣйствительныя задатки начинаній, намъ доселѣ невѣдомыхъ. Въ немъ должны быть и есть стремленія и позымы до страданія, волнующія ихъ молодыя души. Имъ ли успокоиться на Львѣ Камбекѣ? А мы вѣдь успокоились видимо вседовольно. Что правду-то таить! Ну что въ томъ, что мы обличаемъ? Вѣдь и Булгаринъ писалъ нравственно-сатирически. Вы не сердитесь и выслушайте. Захочется вамъ обличить, а выйдетъ у васъ сметня. Захочется вамъ съострить, посмѣяться надъ чѣмъ-нибудь, а выходитъ какая-нибудь угрюмая, тяжолая яржность, что-то деревянное, мрачное, какое-то бездарное, однообразное, всѣмъ наскучающее тыканье пальцемъ. Надо выказать негодованіе, а такъ какъ негодованіе самая святая вещь, такъ-какъ для негодованія нужно сердце, такъ-какъ нельзя изобрѣсти или поддѣлать негодованіе если его въ сущности нѣтъ и не можетъ быть, то вы отдѣлываетесь раздражительною, васъ же унижающею злостью и завистью, и кто знаетъ, можетъ ли въ самомъ дѣлѣ принимаете это раздраженіе за негодованіе. Съ вами это случилось: вѣдь вы унижались даже до попрека редактору «Времени» за его табачную фабрику, карикатура нась за это и ставя намъ это въ стыдъ. Вы на «Время» очень злитесь, это повятно: «Время» не хочетъ подчиняться вамъ и считать васъ за дѣятелей, и вдругъ это же невѣжливое «Время» имѣетъ успѣхъ, несмотря на всѣ ваши крики и возгласы, а можетъ-быть отчасти и благодаря нашимъ крикамъ и возгласамъ. Даже навѣрно такъ. Кстати: въ ненависти своей вы не разъ упрекали нась, что мы не исполняемъ обѣщаннаго въ нашей програмѣ и поклоняемся авторитетамъ. Мы только улыбались читая это. Помилуйте! Да «Время» начало съ того, что не соглашалось и даже нападало на Чернышевскаго и Добролюбова, а они въ то время были боги; оно не соглашалось и съ вами и негодовало всегда на вашъ казенный либерализмъ, застегнутый на всѣ форменныя пуговицы и занятый по частямъ, но безъ большаго толку, у тѣхъ, которые понимали дѣло; а вѣдь вы еще тогда имѣли вліяніе. «Время» обличало г. Каткова и предрекало ему ново-булгаринскій путь, еще тогда, когда вы всѣ мѣли передъ г. Катковымъ, покрай-

ней-мѣрѣ ожидали отъ него великихъ преуспѣяній на пути прогресса. И мы знали что дѣлали и на какую опасность шли нашими нападеніями на авторитеты. Вы-то впрочемъ были не очень страшны, но Чернышевскій и Добролюбовъ были другое дѣло. Добролюбовъ особенно: это былъ человѣкъ глубоко-убѣжденный, проникнутый святою, праведной мыслью и великій боецъ за правду. Чернышевскій работалъ съ нимъ вмѣстѣ. Мы несогласны были съ нѣкоторыми уклоненіями Добролюбова и съ теоретизмомъ его направленія. Онъ мало уважалъ народъ: онъ видѣлъ въ немъ одно дурное и не вѣрилъ въ его силы. Мы противорѣчили ему, а вѣдь опять-таки тогда онъ былъ богъ. Вотъ это такъ авторитеты! А вы думали, что мы также какъ вы будемъ нападать на тѣхъ, кого не бѣтъ кто не хочетъ. Ну смѣли бы вы напасть на Тургенева, еслибъ не раздался голосъ «Современника»! Вы такъ и думали, что мы начнемъ лупить, начиная съ праваго фланга: Пушкина, Гоголя, Островскаго, Тургенева, Писемскаго. Эхъ вы! Въ самомъ дѣлѣ вы именно на тѣхъ только и нападаете, на кого вамъ старшіе укажутъ и на кого повашему не опасно. Ну а насчетъ табачной фабрики, такъ мы подчасъ и краснѣли за васъ. Да бы-то что за аристократы, позвольте васъ спросить? Либеральнымъ изданіямъ ужъ это бы и неприлично. Вѣдь это напоминаетъ нападки на Полевого за то, что онъ былъ купецъ. Это стыдно и бездарно. Говорилось тоже у васъ, что «Время» издается для спекуляціи, для поправленія какихъ-то денежныхъ обстоятельствъ. Да вѣдь послѣ того каждому банкроту стоило бы только основать журналъ, вотъ и обстоятельства поправлены, вотъ и снѣгъ куча. Какъ легко это у васъ дѣлается. Да вѣдь на нашихъ глазахъ основывалось много журналовъ и газетъ, съ величайшимъ желаніемъ подписчиковъ и изданія падали. Другія до сихъ поръ не могутъ набрать столько, чтобъ окупить себя. Почему же вамъ-то удалось? Счастье чтоли? Да вѣдь помните: одинъ годъ — счастье, другой годъ — вдвое болѣе счастья, третій — еще больше чѣмъ прежде счастья: «воля ваша, нужно немного и ума» для такого постояннаго счастья.

Вы нападаете еще на васъ за почву, за народное начало, за соединеніе и примиреніе; но объ этомъ мы съ вами говорить не будемъ, потому что считася это дѣло серьезнымъ. Мы объ этомъ поговоримъ съ другими. Прощайте.

НАША ДОМАШНЯЯ ДЪЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

Прошедшее и будущее. — Особое присутствіе для изысканія способовъ къ большому обезпеченію быта духовенства. — Гармонія ожидаемыхъ преобразованій между собою. — Необходимость вопроса объ экономической будущности Россіи. — Неурожай. — Цѣны на хлѣбъ. — Важнѣйшія изъ современныхъ вопросовъ. — Распределеніе налоговъ. — Самоуправленіе въ Дмитровкѣ. — Извѣстія изъ царства Польскаго.

На рубежѣ своего второго тысячелѣтія Россія имѣетъ тысячу поводовъ на минуту оглянуться на свой пройденный путь и нѣсколько призадуматься о томъ что предстоитъ впереди. Призадумываться и оглядываться можно съ большою пользою всегда, во всякое время; но тысячелѣтная годовщина составляетъ для этого особенно удобный, благопріятный и заманчивыи поводъ. Наступившій годъ есть первый годъ нашего второго тысячелѣтія. Десять вѣковъ прожито, и что-нибудь успѣло же въ эти десять вѣковъ выработаться, созрѣть, уясниться. Были же сдѣланы такіе шаги, о которыхъ смѣло можно сказать, что такихъ болѣе дѣлать не надо; были и такіе, которые можно и повторить; можно даже указать на такіе, которыхъ надо желать всѣми силами души и усердно къ нимъ стремиться. Восемь вѣковъ тому назадъ Россія была въ Европѣ государствомъ передовымъ, а теперь намъ приходится некрасивъ говорить, что «намъ и подавно нехотати порываться впередъ, не соображаясь съ силами. Мы не застрѣльщики цивилизаціи... Наша поступь для этого слишкомъ тяжела.» (Голосъ.) По этому поводу не мѣшаетъ замѣтить, что порываться впередъ въ дѣлѣ цивилизаціи во всякомъ случаѣ хотати, что бы ни говорилъ какой угодно голосъ, но покаместъ оставимъ это всторонѣ. Положимъ покаместъ, что въ настоящую минуту это правда, что мы состоимъ въ резервѣ; но ежели мы восемь вѣковъ тому назадъ служили въ авангардѣ, то

не отъ природы же у насъ тяжолая поступь, а отъ чего-нибудь другого, и если она не природная, то ужь конечно искусственная, то есть произведенная отчасти враждебными, отчасти же хотя дружескими, но ошибочными вліяніями.

Новое тысячелѣтіе застало насъ среди громаднѣйшихъ домашнихъ передѣлокъ. Нѣтъ ни одной отрасли государственнаго управленія, въ которой не происходило бы самыхъ радикальныхъ преобразованій. Въ жизни народовъ невозможно указать другого подобнаго примѣра; нигдѣ перемѣны не совершалось съ такою поразительною легкостью и непринужденностью, нигдѣ овѣ не проникали такъ далеко во всѣ стороны различныхъ вѣтвей домашняго государственнаго быта, не касаясь главнаго ствола и корней, и въ то же время нигдѣ подобное явленіе не совершалось такъ спокойно, съ такимъ отсутствіемъ потрясеній, насилій, жертвъ, такъ-сказать однимъ почеркомъ пера. Такое изумительное явленіе было бы совершенно необъяснимо, если бы всѣ предпринятія перемѣны не относились такъ-сказать къ частностямъ, къ подробностямъ (впрочемъ далеко не мелкимъ) нашего государственнаго быта и если бы въ то же время сущность его, система, общее направленіе не оставались неизмѣнными.

Само правительство своею собственною инициативой, безо всякой подачи прошенія съ чьей бы то ни было стороны, сознало, что крѣпостное положеніе крестьянъ вредно для экономическаго развитія государства, и разрѣшило печати принять участіе въ разработкѣ вопроса объ освобожденіи; потомъ, какъ извѣстно, это участіе было приостановлено. Далѣе, правительство признало неудобство откуповъ, постановило ихъ уничтожить и замѣнить другою системою, и потомъ разрѣшило печати ратовать противъ откуповъ. Правительство само сознало неудовлетворительность учреждений по народному просвѣщенію и распорядилось пересмотромъ уставовъ всѣхъ учебныхъ заведеній, начиная отъ университетовъ до народныхъ школъ. Правительство признало негодность существующихъ судебныхъ учреждений и положило основаніе ихъ перемѣнѣ. Правительство увидѣло неудовлетворительность и другихъ учреждений, городскихъ, рекрутскихъ, полицейскихъ, торговыхъ, кредитныхъ, земскихъ повинностей, народнаго продовольствія, карательныхъ, податей и пошлинъ, общественнаго призрѣнія, духовенства, и съ твердостью приступило къ пересмотру, а отчасти и къ передѣлкѣ всего этого. Каждая изъ этихъ передѣлокъ, взятая отдѣльно, составляетъ важное государственное событіе, а изо всѣхъ вмѣстѣ выходитъ не переворотъ, а перемѣна, невиданная въ исторіи народовъ. Правительство всеякодушно замѣтило, что прежній его собственныя распоря-

женія и постановленія или неудобны, или слишкомъ тяжки, или несправедливы, или невыгодны, или вообще неудовлетворительны для народа и для самаго правительства, и вознамѣрилось замѣнить ихъ такими, которыя по примѣру иностранныхъ государствъ кажутся ему лучшими. Никакого вѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія, что пятнадцать или десять лѣтъ тому назадъ правительство точно такъ же какъ и теперь желало блага своему народу, и если тогда не дѣлало въ существовавшихъ учрежденіяхъ викакихъ рѣзкихъ перемѣнъ, то только потому, что считало тогдашнія учрежденія удовлетворительными. Мнѣніе народа, мнѣніе тѣхъ, кто несъ на себѣ эти учрежденія, тогда неспрашивалось, но если бы оно тогда было спрошено, и конечно не для одной только формы, а съ предоставленіемъ полного права высказываться и съ твердымъ, неколебимымъ ручательствомъ за то, что человекъ не потерпитъ за высказанное мнѣніе, тогда оно дало бы весьма важныя указанія на потребности, которыхъ удовлетвореніе не должно было откладываться, и сверхъ того оно указало бы на направленіе, въ которомъ общая польза требуетъ рѣшенія давняго вопроса. Тѣже самыя неудобства, которыя открыты теперь, существовали конечно и десять лѣтъ тому назадъ, но по случаю нѣмого молчанія народнаго или не замѣчались, или считались неважными, ничтожными. По случаю того же молчанія, правительство, при всемъ желаніи добра, ошибалось именно въ томъ смыслѣ, что не приступало къ необходимымъ перемѣнамъ. Теперь оно само, начиная перемѣны по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, косвеннымъ образомъ признало, что прежде направляли народную дѣятельность ошибочно и управляли не вполне сообразно съ тѣмъ, чего требуютъ народныя выгоды. Перемѣняя то что существуетъ и существовало десятки и сотни лѣтъ по волѣ или съ разрѣшенія самаго правительства, оно тѣмъ самымъ признаетъ, что это неудовлетворительно, негодно, и на одномъ себѣ несетъ отвѣтственность за благосостояніе народа, за всѣ предпріятыя перемѣны. Понятно само собою, что мы этимъ вовсе не хотимъ сказать, чтобы которая-нибудь изъ предпріятыхъ перемѣнъ была не нужна, или несвоевременна. Совершенно напротивъ, многія изъ перемѣнъ ожидаются обществомъ давно, составляютъ предметъ напряженнаго желанія...

Какъ бы то ни было, но приступая къ перемѣнамъ по всѣмъ отраслямъ управленія, правительство заявило, что по его мнѣнію существующій порядокъ по всѣмъ отраслямъ неудовлетворителенъ и долженъ быть замѣненъ другимъ. Въ этомъ случаѣ всѣ безъ исключенія честные люди съ правительствомъ совершенно согласны, и такъ какъ правительство производить перемѣны своею собствен-

ною инициативой, то вся слава за сдѣланное добро и нравственную отвѣтственность передъ потомствомъ за возможные неудачи или ошибки принадлежитъ ему одному. Общество же съ своей стороны можетъ только съ большимъ или меньшимъ нетерпѣніемъ ожидать что будетъ, какія учрежденія будутъ даны и съ покорностью нести то что будетъ на него возложено. Зато оно теперь имѣетъ законное, дозволенное право признавать существовавшій порядокъ неудовлетворительнымъ и жить мечтою о неизвѣстномъ будущемъ. Превжнія учрежденія покамѣстъ еще остаются, потомучто нѣтъ возможности разомъ перемѣнить все и потомучто какаля-нибудь погода все же гораздо лучше, чѣмъ никакой. Но общество смотритъ на остающееся почти какъ на прошлое, приговоренное правительствомъ къ неминуемой смерти, и теперь уже не имѣютъ смысла какія-нибудь обличенія становыхъ и исправниковъ, какія-нибудь указанія на неудобства арѣпостного состоянія и виновныхъ откуповъ, на бесплодность существующихъ судовъ, на невыгоды безграмотности, на негодность паспортной системы, на раздробленіе сельскихъ жителей на нѣсколько различныхъ по правамъ и обязанностямъ сословій и на все то, въ чемъ сдѣланы или начинаются перемѣны. Все это должно быть сдано въ архивъ прошлаго тысячелѣтія, и несмотря на то что повидимому принадлежитъ еще къ настоящему времени, но по праву вступило уже въ область исторіи и съ большимъ удобствомъ можетъ теперь же разрабатываться археологами. Настоящее для близкаго будущаго не можетъ даже служить для архивныхъ справокъ, такъ какъ перемѣны общаються и ожидаются весьма обширныя, и теперь общество имѣетъ выгоду смотрѣть только съ надеждами и оживленіемъ впередъ и впередъ, высказывая вслухъ или въ печати свои желанія.

Къ числу ожидаемыхъ перемѣнъ принадлежитъ «большее обезпеченіе быта нашего духовенства». Во вниманіе къ настоятельной потребности въ большемъ обезпеченіи матеріальныхъ нуждъ православнаго духовенства въ имперіи, по обсужденіи этого дѣла въ совѣтѣ министровъ, 28 іюня 1862 года высочайше повелѣно: I. «Составить особое присутствіе изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, которому поручить изысканіе способовъ къ большому обезпеченію быта духовенства, и между прочимъ именно: 1) къ расширенію средствъ матеріальнаго обезпеченія приходскаго духовенства; 2) къ увеличенію личныхъ его гражданскихъ правъ и преимуществъ; 3) къ открытію дѣтямъ священно- и церковно-служителей путей для обезпеченія своего существованія на всѣхъ поприщахъ гражданской дѣятельности; 4) къ открытію духовенству способовъ ближайшаго участія въ приходскихъ и сельскихъ училищахъ. —

II. Всѣ постановленія сего присутствія всеподданѣйше представлять на высочайшее благоусмотрѣніе его императорскаго величества. — III. Членами сего присутствія, подъ предѣдательствомъ преосвященнаго митрополита новгородскаго и с. петербургскаго, быть, со стороны духовной, тѣмъ же лицамъ, которые въ продолженіи занятій комитета будутъ составлять присутствіе святѣйшаго синода; а со стороны свѣтской: генералъ-адъютанту князю Долгорукову, министру внутреннихъ дѣлъ, министру государственныхъ имуществъ, оберъ-прокурору святѣйшаго синода и директору духовно-учебнаго управленія, статсъ-секретарю князю Урусову. Управление дѣлами присутствія возложить на служащихъ по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ тайнаго совѣтника графа Толстого и камергера Батюшкова, и служащаго по православному духовному вѣдомству дѣйствительнаго статскаго совѣтника Домонтовича. — IV. Исполненіе настоящаго высочайшаго повелѣнія возложить на министра внутреннихъ дѣлъ и на оберъ-прокурора святѣйшаго синода по принадлежности. — V. Дѣлопроизводство по комитету представить въ завѣдываніе оберъ-прокурора святѣйшаго синода».

«Присемъ государю императору благоугодно было отозваться, что хотя предметы, поручаемые разсмотрѣнію сего присутствія, относясь исключительно къ усиленію матерьяльныхъ средствъ духовенства и къ расширенію его правъ и преимуществъ въ составѣ гражданскаго общества нисколько не касаются до внутренняго устройства самой церкви, а тѣмъ менѣе ея святого ученія, всегда неприкосновеннаго; со всѣмъ тѣмъ его величество повелѣтъ соизволилъ, при развитіи вышеуказанныхъ основаній, строго и неуклонно держаться постановленій св. церкви, дѣланій вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и правилъ св. отецъ. Его императорскому величеству тоже угодно, чтобы могущія быть предоставленными православному духовенству новыя права и преимущества ни въ чемъ не стѣсняли тѣхъ, которыя присвоены духовенству другихъ исповѣданій въ имперіи, сохраняющихъ полную независимость, законами для нихъ обезпеченную».

Это высочайшее повелѣніе воспослѣдовало 28 іюня 1862 года; но да не обвиняютъ насъ читатели въ слишкомъ позднемъ сообщеніи такого важнаго извѣстія; оно было напечатано въ офиціальномъ изданіи министерства внутреннихъ дѣлъ не ранѣе 30 ноября прошлаго года, № 261. Цѣль этого обнародованія для насъ неизвѣстна. Если всякая высочайшая воля должна быть немедленно извѣстна подданнымъ, то слѣдовало напечатать это повелѣніе не 30 ноября, а 30 іюня, никакъ не позже. Можно бы тоже слѣдовать

это нѣсколько раньше, если шло въ виду успокоить сельское духовенство въ томъ отношеніи, что среди безчисленныхъ правительственныхъ заботъ и оно тоже не забыто. Еслибы наконецъ это сдѣлано было для того, чтобы вызвать мнѣнія нашей печати, которая всегда честно служила правительству въ его благихъ начинаніяхъ, то разрѣшеніе говорить объ этомъ важномъ предметѣ было бы обнародовано тутъ же. Мы рѣшимся однако послѣдовать примѣру Современной Лѣтописи, которая весьма легко высказывается по поводу вопросовъ неменѣе важныхъ, и хотя не вполне согласна съ этимъ журналомъ, однако попробуемъ тоже сказать нѣсколько словъ.

Во вновь учрежденномъ 28 іюня 1862 года особомъ присутствіи для изысканія способовъ къ большому обезпеченію быта приходского духовенства, какъ могли замѣтить читатели, не присутствуетъ ни одинъ членъ, принадлежащій къ приходскому духовенству. Удовлетворительное исполненіе высочайшей воли зависитъ въ этомъ случаѣ преимущественно и прежде всего отъ тщательнаго изученія образа жизни, привычекъ, нравовъ нашего приходскаго духовенства, его ежедневныхъ, будничныхъ потребностей, его отношеній къ прихожанамъ какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ, его средствъ къ жизни, его истиннаго значенія въ народѣ и т. д. Всѣ высокія лица, входящія въ составъ особаго присутствія, все это знаютъ лишь до нѣкоторой степени, и съ большою пользою могли бы воспользоваться указаніями тѣхъ, кто знаетъ все это на самомъ себѣ, стало-быть подробнѣе и точнѣе, нежели кто бы то ни было другой. Сверхъ того члены приходскаго и именно сельскаго духовенства, по своему положенію, въ силу котораго они стоятъ въ ближайшемъ соприкосновеніи съ народомъ, знаютъ и могли бы, еслибы были спрошены, указать на нѣкоторые источники, изъ которыхъ могли бы съ большимъ удобствомъ пополниться недостающія суммы. Лица высоко стоящія не могутъ знать этихъ источниковъ по самому своему положенію. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что они приложатъ всѣ свои силы, чтобы удовлетворительно разрѣшить возложенную на нихъ задачу, и ежели при точномъ знаніи нѣкоторыхъ сторонъ обсуждаемаго дѣла удачно угадаютъ остальные, неизвѣстныя, и рѣшатъ дѣло вполне удовлетворительно для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, для духовенства и для народа, то выкажутъ проницательность необычайную, изумительную, сверхчеловѣческую.

По нашему крайнему разумѣнію, это дѣло первостепенной важности. Оно затрогиваетъ глубочайшія основы народнаго быта, относятся уже не къ матерьяльной, а къ духовной жизни массъ, прями

поднимаетъ вопросъ объ отношеніяхъ народа къ церкви, и потому несравненно важнѣе всякихъ таможенныхъ, рекрутскихъ, кредитныхъ и другихъ преобразованій, относящихся такъ-сказать къ наружной, къ внѣшней сторонѣ народнаго бытія. Мы знаемъ очень хорошо, что нѣтъ такого наружнаго вліянія, которое болѣе или менѣе не отразилось бы на мірѣ внутреннемъ, стало-быть нѣтъ такого постановленія, которое не имѣло бы хотя косвеннаго вліянія на нравственную жизнь народа. Но здѣсь уже ничего нѣтъ косвеннаго: здѣсь все прямо идетъ къ тому, чтобы возвысить значеніе сельскаго духовенства по отношенію къ народу, дать ему больше матеріальныхъ средствъ, увеличить его гражданскія права, усилить его вліяніе на сельскія и приходскія училища.

Но по естественной органической связи всего того что составляетъ жизнь народа, и въ этомъ случаѣ невозможно сдѣлать измѣненіе въ одномъ дѣлѣ такъ, чтобы не потребовались измѣненія и во всѣхъ соприкасающихся явленіяхъ. Нельзя не согласиться, что возвышеніе значенія духовенства будетъ имѣть очень хорошее вліяніе. Но сдѣлать это безотносительно, т. е. безъ соответствующихъ улучшеній по другимъ частямъ нѣтъ никакой возможности. Въ послѣднее время въ газетахъ рассказано нѣсколько случаевъ, характеризующихъ то, какимъ образомъ нашъ народъ смотритъ на присягу, когда она по закону требуется для подтвержденія судебныхъ показаній. Такъ крестьянинъ, пойманный съ краденнымъ лѣсомъ, проситъ усердно, чтобы его допустили къ присягѣ, рассчитывая такимъ только образомъ опровергнуть явное доказательство, противъ котораго безъ присяги даже невозможно было заператься. Въ другомъ мѣстѣ вдова дьякона обвиняема была въ томъ, что она безъ надлежащаго разрѣшенія продаетъ у себя на дому водку. Какой-то крестьянинъ сдѣлалъ на нее въ этомъ доносъ. Другіе крестьяне, числомъ до двадцати или тридцати, спрошенные о томъ же, почему-то недовольные вдовой, можетъ-быть потому, что она продавала дурную водку или брала за нее слишкомъ дорого, подъ присягой подтвердили тоже самое, говоря, что они сами покупали у нея водку. Повидимому тѣмъ дѣло и кончилось. Но каково же было удивленіе крестьянъ, когда съ нихъ, какъ съ покупающихъ вино въ непоказанномъ мѣстѣ, взысканъ былъ съ каждаго извѣстный штрафъ. Тогда они всѣ точно такъ же согласно отозвались, что еслибы они знали впередъ о неизбѣжной уплатѣ штрафа, то ни за что не сказали бы правды. Еще въ одномъ мѣстѣ нѣкоторая дама издумала принять на воспитаніе незаконное дитя, родившееся у ея прачки; въ тоже время ей хотѣлось обезпечить себя въ томъ отношеніи, чтобы настоящая мать уже никогда не вздумала предъявлять свои права на

свое дитя. Посовѣтовались со становыхъ прѣтавомъ, который и научилъ подать ему объявленіе, что это дитя подкинута къ дому означенной дамы, рассчитывая, что такъ какъ подкинутіе есть преступленіе, которое строго наказывается по закону, то мать никогда не явится требовать свое дитя и навязываться такимъ образомъ на наказаніе. Такъ и слѣдали. При слѣдствіи, неизбѣжномъ въ такомъ случаѣ, всѣ служащіе въ домѣ и всѣ окрестныя повитухи подъ присягой показали, что онѣ знать не знаютъ и вѣдать не вѣдаютъ, откуда взялось такое дитя, а передъ тѣмъ не замѣчали, чтобы какая-нибудь дѣвушка была беременна. Всѣ присягавшіе и приводившіе къ присягѣ знали очень хорошо всю правду и самое намѣреніе, съ которымъ производилось слѣдствіе. Присягала и кормилица подкинутого ребенка, бывшая прачка, ноступившая какъ говорится въ комнаты. Надо замѣтить, что между подобными случаями рассказываютъ и одинъ совершенно противоположный, въ которомъ волостной голова, по просьбѣ общества скрывшій отъ начальства кражу одного крестьянина, удавился уздой, потому что не могъ снести упрековъ своей совѣсти, которая не давала ему покою за то что онъ нарушилъ свою присягу и скрылъ преступленіе, тогда какъ его слѣдовало открыть. Но это случай совершенно исключительный.

Всякому, живавшему близко съ народомъ точно такъ же какъ и всякому судебному слѣдователю извѣстно очень хорошо, что въ дѣлахъ судебныхъ, слѣдственныхъ, народъ по большой части смотритъ на присягу, какъ на пустую, ничего незначащую формальность, и въ показаніяхъ своихъ подъ присягой руководствуется тремя соображеніями. Чаще всего бываетъ знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, потому что это во всякомъ случаѣ избавляетъ отъ дальнѣйшихъ распросовъ и стало-быть отъ возможности спутаться какъ-нибудь невзначай, стало-быть отъ «прикосновенности» къ дѣлу и отъ острога, въ которомъ есть вѣроятность просидѣть нѣсколько лѣтъ сряду потому только, что знаешь, чья рукавица нашла въ лѣсу возлѣ срубленнаго незаконнымъ образомъ дерева. Съ другой стороны бываетъ и то, что народъ несогласенъ съ степенью наказанія, какое приходится за данное преступленіе, и потому готовъ лучше покривить душой, принять на душу грѣха, чѣмъ подвести человека подъ кару, по его понятіямъ незаслуженную. Это тѣмъ удобнѣе, что потомъ, по тѣмъ же его понятіямъ, при надлежащемъ покаяніи, грѣхъ простится. Бываетъ наконецъ и такого рода соображеніе, что можно бы пожалуй показать и правду напрямъ прогивъ такого-то всѣми признаннаго преступника; ну а если онъ въ городѣ-то или отвертится, или откупится, да его выпустятъ. Тогда вѣдь онъ либо убьетъ, либо деревню спалитъ. Чувство само-

сохраненія заставляетъ лгать подъ присягой. Потомъ непризнаваніе важности присяги вошло уже въ привычку, присяга потеряла всякое значеніе, такъ что въ судебныхъ случаяхъ ни присягающій, ни приводящій къ присягѣ ей не вѣрятъ, а исполняютъ только формальность.

Народъ, не имѣя возможности заявить или свое недовѣріе къ ближайшимъ властямъ, или свое неудовольствіе существующимъ закономъ, и протестуетъ преступленіемъ, клятвеннымъ преступничествомъ. Присяга есть одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ и частыхъ случаевъ встрѣчи власти духовной съ властью гражданской; но повятно само собою, что какъ бы возвышено ни было значеніе духовенства, какое бы оно ни имѣло вліяніе въ народныхъ школахъ, ученикъ потому выйдетъ изъ училища въ жизнь, а въ ней чувство самосохраненія, недовѣріе къ ближайшимъ властямъ, неудовольство закономъ, противорѣчащимъ народному духу заставятъ забыть благія школьныя наставленія, и опять нравственная сила духовенства будетъ поколеблена. Стало-быть, для поднятія нравственнаго значенія духовенства, надобно истребить въ народѣ недовѣріе къ властямъ и къ законамъ, а этого можно достигнуть только тогда, когда власти и законы будутъ заслуживать довѣрія, будутъ до нѣкоторой степени сообразны съ духомъ народа. Во всякомъ случаѣ очевидно, что духовная жизнь народа находится въ строгой связи съ его общественною, политическою жизнью, и одно безъ другого принято быть не можетъ. Предпринятыми преобразованіями положено всему этому начало, причемъ вѣроятно имѣется въ виду, чтобы перемены по всѣмъ частямъ имѣли общій духъ, общее направленіе, чтобы каждая отдѣльная перемена клонилась къ тому же, къ чему ведутъ и всѣ остальные, чтобы всѣ вмѣстѣ согласованно дѣйствовали на поднятіе нравственнаго уровня общества. Для этой цѣли вѣроятно всѣ вѣдомства, занимающіяся составленіемъ проектовъ переменъ, находятся между собою въ постоянной связи, въ дѣятельныхъ совѣщаніяхъ, и вѣроятно въ сношеніяхъ не письменныхъ только, что потребовало бы неизмѣримое количество времени и влекло бы къ промедленіямъ, которыхъ такъ желательно избѣгать.

Одно изъ весьма важныхъ неудобствъ, очень сильно ограничивающихъ значныя гражданскія права и преимущества духовенства, это та статья свода законовъ, которая запрещаетъ духовному лицу подъ какимъ бы то ни было предлогомъ сложить съ себя свой санъ, не подвергаясь за это продолжительному изгнанію изъ общества. Извѣстно, что духовное лицо, лишенное сана за проступокъ, не имѣетъ права вступить въ государственную службу втеченіи двадцати лѣтъ, а лицо, слагающее съ себя санъ по собственному своему

произволу, лишается права на государственную службу на десять лѣтъ и на все это время обращается въ «первобытное» состояніе. Чрезвычайно трудно понять значеніе этого закона. Онъ не основанъ ни на правилахъ святыхъ отецъ, ни на постановленіяхъ св. церкви, ни на дѣяніяхъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ. До начала тридцатыхъ годовъ, когда впервые выданъ былъ этотъ законъ, духовныя лица по уважительнымъ причинамъ, довольно свободно оставляли свой санъ, навсегда отказываясь отъ права священнодѣйствовать и переходили въ гражданскую службу съ тѣмъ чиномъ, который по закону соотвѣтствовалъ ихъ духовному званію. Но съ начала тридцатыхъ годовъ это отмѣнено. А между-тѣмъ совсѣмъ не очень рѣдки обстоятельства, которыя могутъ служить уважительными поводами къ оставленію сана. Священникъ можетъ потерять жену въ первый же годъ послѣ брака, и уже на вѣки лишиться возможности вести семейную жизнь, какъ подобаешь православному священнику. Можетъ даже случиться, что онъ, посвященный въ очень молодыхъ лѣтахъ, потомъ замѣтитъ, что онъ ошибся въ своемъ призваніи, что онъ можетъ быть несравненно полезнѣе на другомъ поприщѣ, что онъ недостойнъ даже своего великаго призванія. Это тѣмъ легче можетъ случиться, что онъ готовится къ своему сану съ самыхъ юныхъ лѣтъ, когда рѣдкій человѣкъ можетъ опредѣлить свое истинное призваніе и высокій санъ застаеъ его врасплохъ, прежде чѣмъ онъ успеетъ осмотрѣться въ жизни, ознакомиться съ выгодами и невыгодами различныхъ житейскихъ положеній и отношеній. Но почему бы то ни было, онъ находитъ свой санъ для себя неудобнымъ, тяжелымъ, и оставить его не можетъ. Тутъ онъ поставленъ въ странное положеніе: или дѣлать весь вѣкъ то что не соотвѣтствуетъ его склонностямъ, стало-быть дѣлать кое-какъ, неудовлетворительно, небрежно, или подвергнуться на дѣсять лѣтъ изгнанію изъ общества, добровольному лишенію доли обыкновенныхъ гражданскихъ правъ. Чтобы вырваться изъ своего положенія, сложить съ себя свой санъ, ему нужно весьма большое гражданское мужество, на какое не всякій способенъ. Десять лѣтъ невозможности вступить въ государственную службу, для человѣка безъ состоянія, при нашей привычкѣ искать спасенія только въ государственной службѣ, — перспектива страшная. По этому въ средѣ нашего духовенства безъ сомнѣнія есть лица не совсѣмъ внимательно, не съ полною любовью исполняющія свои обязанности только потому, что въ сводѣ законовъ существуетъ эта непостижимая статья. Что тутъ значить первобытное состояніе, въ которое обращается на десять лѣтъ лицо, добровольно сложившее съ себя санъ, даже совершенно непонятно. Если это значить, что онъ становится тѣмъ,

чѣнъ былъ наканунѣ своего посвященія, то онъ долженъ бы считаться окончившимъ курсъ въ такой-то напримѣръ духовной академіи и стало-быть имѣющимъ право поступить на службу. Но если этого права нѣтъ, то тутъ разумѣется какое-то другое состояніе, новое, съ ограниченными правами, въ которое вступить человеку, одаренному особенною нравственною силою, довольно страшно. Перемѣна этого положенія на то что было не далѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, было бы значительнымъ и вполне справедливымъ шагомъ къ увеличенію личныхъ гражданскихъ правъ и преимуществъ православнаго духовенства. Но все это и еще многое другое вѣроятно очень хорошо извѣстно вновь учрежденному присутствію, и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что будутъ приняты всѣ мѣры къ рѣшенію этого вопроса въ гармоніи со всѣми остальными вопросами, которые теперь разрабатываются.

Какъ важно и необходимо совмѣстное изученіе всѣхъ возникшихъ вопросовъ видно между-прочимъ при сравненіи проекта будущихъ судебныхъ учреждений съ проектомъ преобразованій университетовъ. Новыя судебныя мѣста потребуютъ значительнаго числа свѣдущихъ юристовъ. Университеты требуютъ отличныхъ профессоровъ, между-прочимъ и по юридическому факультету, для приготовленія дѣльныхъ адвокатовъ. Возникаетъ конкуренція. Судебныя мѣста будутъ привлекать профессоровъ своимъ большимъ жалованьемъ. Для профессора, особенно экстраординарнаго, не говоря уже объ адъюнктѣ, карьера не только судьи, но и присяжнаго адвоката будетъ заманчива. Здѣсь, при профессурѣ, кромѣ жалованья не имѣется въ виду ничего, кромѣ надежды на ordinariaрную прибавку, тоже весьма ограниченную; только чтобы существовать, профессору приходится давать частныя уроки, читать лекціи въ кадетскихъ корпусахъ. А тамъ, въ карьерѣ судебной, есть надежда на движеніе впередъ, на большіе заработки и на гораздо болѣе свободныя отношенія къ своей рѣчи. Въ наше время презрѣнный металлъ играетъ весьма значительную роль, и если университеты захотятъ удержать хорошихъ юридическихъ профессоровъ, то должны будутъ значительно возвысить ихъ жалованье. Надо непременно, чтобы привлекательность весьма почетнаго званія профессора поддерживалась по крайней-мѣрѣ возможностью быть съ семействомъ сытымъ и одѣтымъ, безъ горькой необходимости бѣгать давать частныя уроки.

Но не въ одномъ этомъ заключается та гармонія между всѣми преобразованіями, которая составляетъ главнѣйшее условіе будущаго счастья Россіи. Всѣ явленія жизни народа такъ между собою тѣсно связаны, какъ отправления одного и того же организма. Онъ

тогда только здоровъ, тогда только развивается, когда каждый органъ исправно дѣлаетъ свое дѣло, работаетъ изо всѣхъ своихъ силъ, и когда его работа надлежащимъ образомъ вознаграждена. Такая дружная дѣятельность всѣхъ органовъ, направленная къ одной общей цѣли, составляетъ здоровье, благосостояніе организма. Все это конечно имѣется въ виду у различныхъ ведомствъ, разрабатывающихъ проекты ожидаемыхъ переменъ. Общая ихъ цѣль, планъ ихъ, идеалъ будущей Россіи, то, къ чему она должна стремиться, къ чему могутъ если не прямо довести, то хотя направить наше отечество всѣ эти переменны, — намъ неизвѣстны. Счастье Россіи будетъ зависеть отъ того, въ какой мѣрѣ вѣрно будетъ угадано ея истинное назначеніе, ея роль между сосѣдями, ея смыслъ въ исторіи цивилизаціи.

Взгляды на это весьма различны. Нѣкоторые любители, считающіе себя экономистами на томъ основаніи, что читали иностранныя книжки о политической экономіи и имѣли дальновидность и глубокомысліе повѣрить имъ на слово, увѣряютъ, будто назначеніе Россіи — быть вѣчною чернорабочею западной Европы. При этомъ западно-европейскій работникъ, на примѣръ швейцарецъ, будетъ зарабатывать въ день столько, сколько русскій земледѣль заработаетъ въ мѣсяцъ. Швейцарецъ сѣваетъ въ день извѣстное число часовыхъ пружинъ, для покупки которыхъ потребуется столько четвертей хлѣба, сколько русскій работникъ выраститъ на своей почвѣ и уберетъ въ мѣсяцъ. Вся Россія во ихъ мнѣніи будетъ большою земледѣльческою фермой, которая станетъ работать на иностранныхъ фабрикантовъ и снабжать ихъ хлѣбомъ въ обществѣ на ихъ издѣлія. При этомъ разумѣется само собою, что фабрикантъ, изготовляющій на своемъ заводѣ по десяти паровыхъ машинъ въ день при помощи двухсотъ рабочихъ и разумно придуманныхъ машинъ, будетъ получать за свою работу столько четвертей хлѣба, сколько не вырастятъ и двѣ тысячи русскихъ чернорабочихъ земледѣльцевъ. Такимъ образомъ десятеро работаютъ на одного, потому что цѣнность разумной работы этого одного равняется цѣнности рутинной работы десятыхъ. Нечего сказать, завидная перспектива. Но любители оогласны съ тѣмъ, что это положеніе не совсѣмъ выгодное, но увѣряютъ, будто бы оно по крайней мѣрѣ выгоднѣйшее изъ всего, что только можетъ когда-либо ожидать Россія, потому будто бы, что ея почва, ея географическое положеніе, привычки ея жителей, все вмѣстѣ требуетъ, чтобы Россія была и оставалась земледѣльческою страной. И тутъ придумана цѣлая система. Наде, говорятъ они, чтобы каждая страна исполняла назначеніе, приготовленное для нея природой, чтобы между странами образова-

лись такія же свободныя и естественныя отношенія, какія должны существовать между людьми, причѣмъ тотъ, кто способенъ писать картины, пусть пишетъ картины, кто способенъ мести улицу, пусть будетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе дворникомъ, кто способенъ купить какъ можно дешевле и продать какъ можно дороже, пусть будетъ торговцемъ или негоціантомъ со всѣми своими дѣтьми, внуками и правнуками и т. д. Изъ этого слѣдуетъ само-собой, что ежели одна страна способна двигать впередъ науку, то пусть и двигаетъ, а другія страны пусть и не думаютъ стараться догонять ее; если одна страна работаетъ при помощи машинъ, а другая безъ машинъ, то пусть и не думаетъ о машинахъ и довольствуется голыми своими руками. Главное дѣло, пусть каждая страна будетъ довольна своею участіемъ и не старается улучшить своего положенія. Ежели въ одной странѣ развилась фабричная дѣятельность, то стадо-быть эта страна была способна къ такому развитію, а другая, гдѣ эта дѣятельность не развилась, — не способна и слѣдовательно не должна и думать о такомъ благополучіи. Это очень удобная система для поддержанія всевозможныхъ предрассудковъ, крайняго невѣжества, страха просвѣщенія и прессофобіи. Выходитъ, что если въ известной странѣ явилось много ученыхъ и наука дѣлается не подражательныя, а самостоятельныя шаги впередъ, то стало-быть обстоятельства и способности народа такъ уже сложились, чтобы быть впередъ, а другому народу нечего и соваться съ посконнымъ рыломъ да въ суковный рядъ, и слѣдуетъ довольствоваться своею чернорабочею участіемъ и вѣчно тащиться на длинномъ буксирѣ. Куда, дескать, намъ! Мы люди темные, наука писана не про насъ; а если что изъ науки и выйдетъ дѣльное, то мы за свою пшеницу, кожи и сало купимъ сколько намъ требуется телеграфовъ и локомотивовъ, и станемъ поджигать, безъ большого вниканья въ дѣло, какая еще тамъ явится полезная и выгодная новость. Въ случаѣ же, если тѣ передовыя вздумаютъ насъ побить при помощи своей науки—то, за которой не угоняешься, то чтожъ, побить надо, отчего не побить, если на то есть господская воля.

Но въ этой системѣ есть маленькое неудобство, состоящее въ томъ, что она только прикасается къ истинѣ, но далеко сама не вѣрна. Назначеніе каждой страны точно такъ же какъ и всякаго человека, состоитъ въ томъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не довольствоваться положеніемъ, въ какое поставила ихъ судьба, или случай, или враждебныя, или ошибочныя вліянія. Надо искать лучшаго. Надо стремиться къ умственной и матеріальной самостоятельности, когда просыпается общественное сознаніе, надо дѣлать всевозможныя усилія, чтобы наверстать потерянное время. Когда че-

ловѣкъ или страна довольствуются своимъ положеніемъ, то это застой, смерть. Усилія для завоеванія себѣ лучшаго положенія заключаются конечно не въ томъ, чтобы въ теплицахъ разводить ананасы, которые не родятся на открытомъ воздухѣ, не въ томъ, чтобы изъ чужой, передовой страны выписать машины, механика, машинистовъ и чужой сырой матеріалъ и завести фабрику дома; не въ томъ тоже, чтобы немеленно устроить телеграфы, если они устроены въ другихъ передовыхъ странахъ. Все это слишкомъ поверхностно, слишкомъ искусственно, вродѣ поддѣлки ребенку высокихъ коблуконъ и наклейки фальшивыхъ усонъ, вмѣсто того, чтобы въ самомъ дѣлѣ вырасти и возмужать. Надо непремѣнно, чтобы въ дѣйствительности ростъ прибавился, чтобы на самомъ дѣлѣ изъ кожи выросли настоящіе, свои, некупленные усы. Всего этого нельзя сдѣлать вдругъ; но что весьма можно, такъ это разомъ устранить препятствія, мѣшающія развитію, да перестать смотрѣть на все и въ томъ числѣ на самихъ себя сквозь иностранные очки.

Земледѣльческая промышленность процвѣтаетъ только тамъ, гдѣ процвѣтаетъ промышленность фабричная. Это азбука, которую однакоже любители стараются забыть, или хотъ и вовсе не знать. Въ Россіи же — въ Крыму голодъ, въ Архангельскѣ голодъ, въ Вологдѣ голодъ. Въ пермской губерніи люди пекутъ хлѣбъ изъ ржисъ примѣсью глинны; въ Финляндіи голодъ, такъ что пришлось привозить туда хлѣбъ изъ-за границы. Въ Архангельскѣ пудъ ржаной муки продается теперъ изъ лавокъ по рублю сорока копѣекъ за пудъ, а этотъ городъ лежитъ въ Россіи, въ житницѣ Европы. Шевичная мука тамъ же стоитъ 2 р. 75 к. за пудъ. Но положимъ, что это на краю Россіи, въ странѣ, пораженной неурожаемъ, гдѣ хлѣбъ собранъ нынче такой, что его нельзя ѣсть безъ большого вреда для здоровья, и жителя не ѣдятъ его иначе, какъ съ примѣсью стараго хлѣба прежнихъ урожаевъ. Возьмемъ же столицу, куда привозится хлѣба вдоволь, про запасъ. Въ Петербургѣ кулъ ржаной муки высшаго сорта можно теперъ купить за 7 р. 80 к., или пудъ за 86½ копѣекъ. Это московская мука. Моршанская здѣсь же доходитъ до рубля за пудъ, высшій сортъ. Въ Бельгіи, въ странѣ столько же земледѣльской, сколько и мануфактурной, тоже въ столицѣ, въ Брюсселѣ, 9 числа нынѣшняго января, эктолитръ муки ржаной высшаго сорта продавался по 14 фр. 61 сант. Это значить въ переводѣ на нашъ деньги, считая франкъ за четвертакъ, 85⅓ копѣекъ за пудъ, а такъ какъ франкъ стоитъ по нынѣшнему курсу не 25, а нѣсколько болѣе 26⅓ копѣекъ, то пудъ тамъ продавался по 80⅓ копѣекъ. Такимъ образомъ, еслибы теперъ не зима и еслибы кров-

штадскій портъ не былъ покрытъ льдомъ, то изъ промышленнаго государства было бы выгодно везти хлѣбъ къ намъ въ Питеръ въ государство будто бы земледѣльческое. Въ сердцѣ этого же земледѣльческаго государства, въ Москвѣ, тоже мука продается по 65—70 копѣекъ за пудъ. Здѣсь рѣчь идетъ о мукѣ ржавой, которая производится въ промышленныхъ государствахъ въ небольшомъ количествѣ, потому что эта мука мало питательна въ сравненіи съ пшеничною. А пшеничную муку, именно крупичатую, перваго сорта, выгодно было бы везти на продажу въ Питеръ не только изъ Брюсселя, но даже изъ Парижа, и не только въ Питеръ, но даже въ Москву, въ сердце такъ-называемой европейской житницы. Вотъ цѣны крупичатой муки 9 нынѣшняго января. Въ Брюсселѣ 1 р. 20½ к. за пудъ, въ Парижѣ 1 р. 40 к., въ Москвѣ 1 р. 80 к., 2 р.; въ Питерѣ два рубля двадцать копѣекъ за пудъ. Кстати замѣтимъ, что въ Одессѣ, въ послѣднюю недѣлю прошлаго ноября высшій сортъ пшеницы, въ 10 пудъ 15 фунтовъ въ четверти, продавался по 89 к. за пудъ, а нисшій, въ 9 пудъ 8 фунтовъ въ четверти, по 62½ коп. за пудъ. Изъ тѣхъ же сортовъ мука стоила бы 1 р. 30 к. и 90 копѣекъ за пудъ, или около того.

Изъ этихъ цифръ слѣдуетъ само собою, что ежели въ промышленныхъ государствахъ урожай сколько-нибудь порялочный, то намъ нечего отпустить имъ въ обмѣнъ на машины, вина, шолоковыя матеріи, сахаръ, кофе, красильныя вещества, и т. д., а въ случаѣ дурнаго урожая у насъ и хорошаго у нихъ они могутъ отпустить намъ съ выгодою значительное количество хлѣба. Стало-быть въ случаѣ порядочнаго урожая на западѣ, намъ придется обходиться безъ привозныхъ продуктовъ, или брать ихъ въ долгъ, рассчитывая, что придетъ же и на нашей улицѣ праздникъ, когда у нихъ будетъ голодный годъ. Ясно, что надо привыкать обходиться какъ-нибудь собственными средствами, или вмѣсто хлѣба отправлять за границу что-нибудь другое. Но любители увѣряютъ, что выходить изъ этого положенія не слѣдуетъ, что это противно будетъ наукѣ, и что ежели имѣть своихъ фабрикъ, то и не надо, значитъ мы не способны ихъ имѣть, или климатъ этому мѣшаетъ, а противъ климата и географическихъ условій человекъ бесполезенъ, ничего не подѣлаешь.

По ихъ системѣ выходитъ, что не слѣдуетъ стараться о заведеніи своихъ фабрикъ, потому что это противно такъ-называемой наукѣ. Но такъ какъ въ странахъ промышленныхъ земледѣліе со дня на день все улучшается, то со дня на день у насъ становится меньше надеждъ на сбытъ своихъ сырыхъ продуктовъ, и въ тоже время является больше надеждъ на необходимость оставаться безъ

нашии и промышленныи произведеній, т. е. все больше и больше погружаться въ состояніе несконной дикости. Понятно, что если бы мы не отпустили за границу товаровъ ни на грошъ, то намъ не на что было бы купить даже французскаго романа, не только парфюмернаго парабива, такъ необходимаго для защиты нашей самостоятельности. Да но правдѣ сказать, зачѣмъ и самостоятельность при дикости? Луиъ, стрѣлы, звѣриная шкура вмѣсто одежды и въ лѣсу хижина, сложенная изъ древесныхъ вѣтвей — больше ничего тогда не нужно. Срубить избу будетъ нечѣмъ, потомучто «наука» предлагаетъ намъ дѣлать самимъ топоры, а купить будетъ не на что.

И это все не шутка. Это прямое, неизбежное слѣдствіе ученія тѣхъ любителей, которые увѣряютъ, будто намъ фабрикъ не нужно, и хотятъ непременно видѣть въ Россіи страну только земледѣльческую. Но они не хотятъ видѣть, что до-сихъ-поръ въ самомъ дѣлѣ Россія была государствомъ исключительно земледѣльческимъ только вслѣдствіе свирѣпствовавшаго у насъ крѣпостного права. Земледѣльческій трудъ есть трудъ простѣйшій, въ своемъ первобытномъ видѣ не требующій никакихъ особенныхъ соображеній, никакихъ умственныхъ усилій, кромѣ вѣками установившейся рутинны. Только этого и можно было требовать отъ людей, работающихъ обязательно, на всей на господеной волѣ, безе всякаго вознагражденія. Но время крѣпостного состоянія прошло невозвратно, хотя одинъ изъ членовъ экономическаго общества въ Петербургѣ шѣлъцъ тому назадъ и горько сожалѣлъ объ этомъ на публичномъ собраніи, при всѣхъ, и предлагалъ тысячу рублей преміи тому, кто напишетъ лучшее сочиненіе о средствахъ возстановить у насъ трудъ *организованный*, какъ деликатно выражался, чтобы не употребить слова *обязательный*. Съ 19 февраля 1861 года Россія начала выходить на новый путь экономическаго развитія, которое конечно будетъ происходить не по направленію къ дикости и первобытности, а къ цивилизаціи.

Это прямо насъ приводитъ къ другому взгляду на Россію. Мы сильно отстали, безе сомнѣнія вслѣдствіе крѣпостного права и другихъ историческихъ причинъ, а потомъ, въ болѣе близкое намъ время вслѣдствіе излишней правительственной опеки, отъ чрезвычайно-отъснательной регламентаціи, отъ удупающаго формализма. Въ новыхъ предпринятыхъ перемѣнахъ замѣтно направленіе къ облегченію всего этого. Теперь же пока мы въ положеніи непорочальномъ, что признано и самимъ правительствомъ, которое начало перемѣны по всѣмъ частямъ. Но покаместъ дѣло не въ томъ, чтобы завтра же завести фабрики, заводы, десять тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ, комитетъ политической экономіи при вольномъ экономическомъ обществѣ, общества взаимнаго застрахованія до-

мости, и даже не въ томъ, чтобы завтра же измѣнить форму прошений, подаваемыхъ о разрѣшеніи новой фабрики. Все это вещи второстепенныя. Надо прежде создать тѣ причины, которыя въ передовыхъ государствахъ сдѣлали возможнымъ устройство телеграфовъ, и паровозовъ, и фабрикъ, и горныхъ промысловъ, и громаднѣхъ кредитныхъ учрежденій, и всего того что мы силнимся перенять и никакъ не можемъ, потому что перенимаемъ одна слѣдствія, безъ причинъ. Эти причины, во первыхъ, наука, образованность и потомъ, тоже во первыхъ, свобода. Все остальное придетъ потомъ, само собою, очень скоро и главное естественнымъ, широкимъ ходомъ, какъ приходитъ все то, на что есть незыблемыя основанія. Но наука нужна не та, которой представительницей служить у насъ академія наукъ, существующая только для виду и вступающая въ соприкосновеніе съ обществомъ только посредствомъ изданія мѣсящеслова «орляварнаго» и придворнаго. Образованность тоже нужна не та, которая ограничивается французскими фразами и дрсировкою по части поклоновъ, реверансовъ и завывающаго пѣнія. Свобода тоже требуется не та, которая не признаетъ никакой узды и выражается канканомъ физическимъ или умственнымъ. При этихъ условіяхъ никто не можетъ предвидѣть, съ какою великою быстротою Россія двинется впередъ, потому что силы ея до-сихъ-поръ лежали подъ спудомъ, а задатки имѣются блестящіе. Эти задатки лежатъ въ глубинѣ народнаго характера, въ смѣлости самоосужденія, въ громадной силѣ скептицизма и самостоятельности, въ глубинѣ чувства, далекаго отъ сантиментальности, въ уваженіи къ міру, въ неслыханной нигдѣ у другихъ народовъ вѣротерпимости и наконецъ въ понятливости, которая признается даже тѣми, кто охотивѣ видитъ наши недостатки, чѣмъ хорошія стороны.

Вопросъ о наукѣ, о серьезномъ образованіи стоитъ такимъ образомъ впереди всѣхъ. Было бы забавно доказывать пользу наукъ для Россіи теперь, когда сама петербургская академія наукъ ее признаетъ. Она говоритъ, что для всякаго просвѣщеннаго патріота наука дорога особенно, какъ невременное условіе прочныхъ усѣховъ народа на поприщѣ саморазвитія. Это сказано въ объявленіи объ изданіи въ нынѣшнемъ году записокъ академіи наукъ, теперь уже на русскомъ языкѣ. Назначеніе академіи, — какъ говоритъ она сама въ своемъ объявленіи, — расширить предѣлы науки, особенно посредствомъ изслѣдованія природы и жизни нашего отечества въ его настоящемъ и прошедшемъ. Если дѣйствительно русская академія исполняла это прекрасное назначеніе, то только для иностранцевъ, а съ нынѣшняго года заниски будутъ издаваться для русскихъ, на нашемъ уже языкѣ. Это огромный шагъ, потому что въ

занискахъ, кромѣ годовыхъ отчетовъ и протоколовъ, будутъ печататься и «переводы статей, помѣщаемыхъ въ бюллетенѣ и мемуарахъ I и III отдѣленій. Странно только, что и II отдѣленіе не печатаетъ своихъ статей на иностранныхъ языкахъ. Это было бы точно такъ же справедливо и разумно, какъ французскія изданія другихъ отдѣленій. Если уже расширить предѣлы науки на пользу и въ поученіе иностранцамъ, то отчего же лишать ихъ «расширенія» по одному изъ трехъ отдѣленій?

По части общаго образованія замѣтно тоже движеніе, и самое пріятное здѣсь то, что не предвидится съ этой стороны произвольной или добровольной остановки, ежели не произойдетъ остановка вслѣдствіе какихъ-нибудь враждебныхъ или ошибочныхъ вліяній. Г. Катковъ увѣряетъ, что народное образованіе должно быть всецѣло предоставлено духовенству; но можно надѣяться, что само духовенство, очень хорошо сознавая высокое призваніе свое въ религіозномъ отношеніи, въ тоже время ясно будетъ сознавать, что каждое духовное лицо есть гражданинъ общества, стало-быть лицо въ нѣкоторой степени подчиненное обществу, обязанное служить всестороннему его саморазвитію и слѣдовательно обязанное воздерживаться отъ слишкомъ исключительнаго и потому самому односторонняго вліянія. Количество народныхъ школъ возрастаетъ, и конечно будетъ возрастать прогрессивно до тѣхъ поръ, пока потребность не будетъ удовлетворяться сполна. Образованіе имѣетъ прекрасное свойство никогда не останавливаться: съ каждымъ шагомъ вверхъ открывается все болѣе и болѣе обширный горизонтъ, который невольно, неодолимо тянетъ народъ къ слѣдующему шагу. Дѣло только въ томъ, чтобы не было искусственныхъ или насильственныхъ остановокъ, къ числу которыхъ принадлежитъ конечно и бѣдность, нужда, одинъ изъ самыхъ могущественныхъ тормозовъ человѣческаго развитія.

Изъ всѣхъ 250 миліоновъ годового государственнаго дохода нашего или изъ нашей общинной складчины гораздо болѣе четырехъ пятыхъ уплачивается бѣднѣйшимъ классомъ народа, рабочими людьми. Впервыхъ цѣлая половина дохода почти 128 миліоновъ, пошлины питейныя, акцизныя и откупныя, уплачиваются почти всѣ сполна низшими классами. Ежели богатые люди пьютъ водку, то или въ меньшемъ количествѣ чѣмъ бѣдные, по одному уже тому, что богатыхъ меньше; да сверхъ того ихъ питейнымъ потребленіемъ болѣе пополняются таможенные чѣмъ акцизные доходы, во случаю винъ иностранныхъ. Въ нынѣшнемъ году, судя по первымъ днямъ, истребленіе водки будетъ значительнѣе, стало-быть и вы-

тейный доходъ зайдетъ далеко за половину всѣхъ государственныхъ доходовъ. Отъ перваго до десятаго января, говорятъ, въ Петербургѣ куплено безъ малаго сто тысячъ ведеръ. Если предположить, что пилось такъ обильно на радостяхъ, послучаю удешевленія водки, то все-таки вѣроятно акцизный доходъ будетъ выше того, который платили откупщики. Такъ какъ положительно извѣстно, что при той степени развитія, на которой покажется стоять нашъ народъ, пьеть не желудокъ, а кошелекъ, то въ некоторое время конечно будетъ пропиваться денегъ столько же сколько прежде, но доля, доставшаяся откупщикамъ, по новой системѣ будетъ переходить въ казну почти вся. А говорятъ, что у откупщиковъ на всѣ расходы по управленію и чистаго барыша оставалось столько же, сколько они платили въ казну.

Далѣе подушныхъ и оброчныхъ податей собирается болѣе 52½ миллионовъ. Конечно это все платится сполна низшимъ классомъ народа. Паспортный сборъ составляетъ почти 2 миллиона. Изъ этой суммы купцы первой и второй гильдіи платятъ немного болѣе 80 тысячъ, а остальное уплачивается купцами третьей гильдіи, мѣщанами и крестьянами. Наконецъ низшій классъ платитъ почти весь соляной доходъ, 8,670,000 рублей. Ежели на долю богатыхъ людей и приходится изъ этого платежа 670 тысячъ, то это весьма еще немного. Все-таки остается восемь миллионовъ, лежащихъ на бѣднѣйшемъ классѣ жителей, для которыхъ соль составляетъ расходъ значительный. Повидному съ небольшимъ восемь съ половиною миллионовъ соляного дохода, собираемаго съ 67 миллионовъ душъ обоюго пола, составляющихъ народонаселеніе Россіи (безъ царства польскаго и великаго княжества финляндскаго) есть налогъ незначительный, такъ какъ приходится всего по тринадцати копѣекъ съ человѣка. Но слѣдуетъ только вспомнить, что и домашнія животныя потребляютъ соль, которая составляетъ для нихъ непремѣнное условіе здоровья. Значеніе соли въ скотоводствѣ подтверждено точнѣйшими опытами и наблюденіями. Каждому крупному и домашнему животному нужно почти столько же соли, сколько взрослому человѣку, но потребность эта не очень настоятельна, по крайней-мѣрѣ она не такъ безусловно даетъ себя чувствовать, какъ потребность другого корма, и потому нерѣдко пренебрегается, потому что соль у насъ весьма дорога. Небольшой налогъ на нее жестоко увеличивается цѣвностью далекой перевозки по ужасающимъ дорогамъ. Ни малѣйшаго вѣтъ сомнѣнія, что плачевное состояніе нашего скотоводства и весьма частые падежи, о которыхъ западная Европа не знаетъ и повятія, происходятъ у насъ вслѣдствіе дороговизны соли; ея потребленіе должно бы увеличиться по крайней-

нѣтъ вътрое, чего можно достигнуть только посредствомъ денежныхъ

Кромѣ того низшіе классы народа въ болѣе или менѣе значительной степени участвуютъ въ таможенномъ сборѣ (30,800,000 р.), въ почтовомъ сборѣ (6,650,000 р.), въ гербовомъ (5,120,000 р.), въ сборѣ на свидѣтельства на торговлю (4,930,000 р.), въ шоссейномъ сборѣ (680,000 р.), въ табачномъ акцизѣ (2,890,000 р.), въ свеклосахарномъ акцизѣ (550,000 р.), въ подорожномъ сборѣ (540,000 р.), въ крѣпостныхъ пошлинахъ (4,610,000 р.), въ доходахъ отъ страховыхъ обществъ (100,000 р.) и весьма значительно участвуютъ въ уплатѣ пошлинъ съ частныхъ горныхъ заводовъ и золотопромышленности (3,350,000 р.).

Касательно почтового сбора слѣдуетъ замѣтить, что въ собственномъ смыслѣ овъ цѣлою головою лежитъ на низшемъ классѣ народа, — и это только съ перваго взгляда можетъ показаться увеличеннымъ. Въ Пруссіи почтовое управленіе, устроенное превосходно, даетъ чистаго дохода 1,650,000 талеровъ, что по нынѣшнему курсу почти тоже, что рублей. Въ Австріи это вѣдомство даетъ 2,042,900 рублей чистаго дохода, считая гульденъ за 64 копейки. Во Франціи очищается отъ почти 4,382,600 рублей, считая франкъ за четвертакъ. У насъ напротивъ, вслѣдствіе ли неудовлетворительнаго устройства, вслѣдствіе ли того, что большинство весьма мало пользуется почтами, или главнѣйшимъ образомъ вслѣдствіе громадности разстояній и малонаселенности края, почтовое управленіе даетъ чистаго убытку, покрываемаго изъ казначейства, 1,956,838 р. 35 копѣекъ. Громадность почтовыхъ издержекъ сравнительно съ небольшимъ количествомъ пересылаемыхъ писемъ отчасти объясняется тѣмъ, что перевозка тысячи писемъ обходится во столько же, во сколько и перевозка ста писемъ на одно и тоже разстояніе. Отъ этого въ Австріи назнѣ обошлась во 100 рублей пересылка 2,166 пакетовъ, въ Пруссіи столько же денегъ тратится на пересылку 1381 пакета, а у насъ на каждые 100 рублей въ 1861 году только 184 $\frac{3}{100}$ пакета. На нынѣшній годъ исчислено дохода слишкомъ семь съ половиною миліоновъ, а расхода слишкомъ девять съ половиною миліоновъ, такъ что на покрытіе издержекъ не достаетъ почти двухъ миліоновъ. Едва ли справедливо было бы счѣтать доходомъ почтового вѣдомства 5,501,594 р. 30 $\frac{1}{2}$ коп., отпускаемыхъ ему изъ государственнаго казначейства. Правда, что эта сумма составляетъ изъ земскаго сбора. Но что за нужда, который рубль поступилъ въ казну откуда. Сливаясь въ казначействѣ, эти деньги составляютъ общественную собственность и всякая выдача ихъ есть расходъ, а такъ

какъ эти $9\frac{1}{2}$ мильоновъ тратятся черезъ почту, то это и есть почтовый расходъ, а не доходъ. Такимъ образомъ недостающіе почти два мильона (1,956,838 р. 35 к.) покрываются изъ земскаго сбора, который уплачивается исключительно низшимъ классомъ народа, да сверхъ того онъ же не въ очень малой степени участвуетъ въ взносы вѣсовыхъ и страховыхъ денегъ (всего 6,075,000 р.) и въ уплатѣ 192.000 рублей, собираемыхъ за однѣ росписки. Впослѣдствіи мы поговоримъ подробнѣе о нашихъ почтахъ; а между тѣмъ нельзя не замѣтить, что трудно понять значеніе страховыхъ взносовъ (2,830,000 руб.) Всякій посылающій свой рубль, поручаетъ его навремя казенному вѣдомству для передачи другому лицу. Какъ-будто рассчитывая на возможность потери этого рубля въ казнѣ, онъ его застраховываетъ уплатою еще одной копѣйки. Но если нужно застраховывать свои деньги, внесенныя навремя въ казенное вѣдомство, то это означаетъ оскорбительное недоверіе къ этому вѣдомству, а со стороны самого вѣдомства означаетъ, что оно само безъ застрахованія не отвѣчаетъ за цѣлость доверенныхъ ему дѣлъ. Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы брать страховыя деньги и съ подрядчиковъ, которые иногда навремя вносятъ свои залоговыя наличныя деньгами; слѣдовало бы точно такъ же взимать страховыя и съ тѣхъ, кто вноситъ свои деньги въ банкъ, на сохраненіе или на текущій счетъ. Но покаместъ не въ томъ дѣло.

Низшія сословія вносятъ такимъ образомъ вѣсколько болѣе чetyрехъ-пятыхъ обыкновеннаго государственнаго дохода, и только одна пятая приходится съ высшихъ классовъ. Если къ этому прибавить еще немаловажныя сборы земскіе, да на содержаніе мировыхъ учрежденій, да на содержаніе волостей, да сверхъ того развитыя натуральныя повинности, тоже незнакомыя высшимъ классамъ: дорожную, постоянную, рекрутскую и т. п., то окажется, что существующая система налоговъ своею неудовлетворительностью справедливо возбудила вниманіе правительства, приступающаго къ ея преобразованію, или по крайней мѣрѣ къ перемѣнѣ. Облегченіе тягостей, лежащихъ на низшихъ классахъ народа, довершитъ его освобожденіе, облегчитъ его просыпаніе, расшевелитъ громадыя силы, которыя до-сихъ-поръ въ глубокой дремотѣ все были устремлены на одно только пассивное сопротивленіе. Тогда-то народныя школы примутъ еще большее развитіе, и что всего лучше, не будутъ требовать никакихъ жертвъ со стороны правительства, если только онѣ совершенно предоставлены будутъ своему естественному, несправедливому ходу и доброй волѣ тѣхъ, кто будетъ въ нихъ чувствовать нужду.

Кромѣ народныхъ школъ, слышно также объ основаніи то тамъ,

то здѣсь женскихъ гимназій. Нѣсколько меньше замѣтно движеніе въ устройствѣ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а это не менѣе необходимо, какъ и народныя училища. Иначе намъ никогда не избавятся отъ явленій подобныхъ тому, на которое недавно жаловались газеты. Въ Дмитровѣ, уѣздномъ городѣ московской губерніи, всего въ 64 верстахъ отъ Москвы, торговцы присвоили себѣ исключительное право скупать все то что сосѣдніе крестьяне привозятъ продавать на базаръ. Овесъ, яица, дрова, сѣно, бревна, рожь, все годится, веревочка, — и та пригодится. Понятно, что дѣло торговое, стало-быть надобно дешевле купить, чтобы подороже продать. Крестьяне, имѣя одинъ только класъ покупателей, вынуждены отдавать свой товаръ за то что даютъ, а торговцы, понимая очень хорошо выгоду своего положенія и правильно устроенной стачки, нестѣсняясь давали такую цѣну, какую только вздумаютъ. Крестьянамъ приходилось либо отдавать свое добро за безцѣнокъ, либо везти его назадъ, домой. Посторонній человекъ, не дмитровский купецъ, не имѣлъ права купить что ему было нужно на базарѣ, а только въ лавкѣ, а если не зналъ тамошнихъ порядковъ, а крестьянинъ, желая получить лишнюю копѣйку противъ того безцѣнка, который предлагаютъ торговцы, рѣшался продать, то у перваго покупку отбирали, а втораго тащили въ часть дня на три. Предлогъ всегда былъ подъ рукою. Если покупка совершалась до двѣнадцати часовъ, то говорили, что по закону до полудня могутъ покупать только купцы, а если дѣло было послѣ полудня, то говорили, что ужь поздно, теперь товаръ весь идетъ купцамъ: приходилъ бы раньше. Голова участвовалъ въ этой выгодной операціи вѣроятно столько же своими деньгами, сколько и влияніемъ. Какой-то помѣщикъ, покупая недавно тамъ на базарѣ овесъ, едва успѣлъ выручить свой овесъ и отстоять крестьянина, котораго тащили въ часть. Крестьяне, собравшіеся на базаръ изъ окрестныхъ деревень и дмитровскіе туземцы изъ неторговцевъ, столпились у городской важи и наперерывъ старались высказать свое неудовольствіе разными непечатными словами противъ «несвободной» торговли въ ихъ городѣ. По распоряженію мѣстнаго «самоуправленія» крестьянинъ не могъ купить у другаго крестьянина ни десятка яицъ, ни четверика овса: всякій товаръ долженъ былъ сначала пройти черезъ чистилище лавки. Какой-то помѣщикъ, покупавшій нѣсколько мѣръ овса не изъ лавки, а съ воза, рассказалъ объ этомъ въ газетахъ.

Прекратилось это зло или продолжается попрежнему, мы не знаемъ. Городничій и голова не сочли удобнымъ опровергать это обвиненіе въ газетахъ, и дѣло повидимому тѣмъ и кончилось. Но само по себѣ дѣло и не важное: приѣзшему не дали купить десять

мѣръ овса у Петра и заставляли купить у Ивана, вся разница доходила можетъ быть до какого-нибудь полтинника. Казалось бы о такой бездѣлицѣ не стоило бы и толковать.

Но правда выступила наружу совершенно случайно, только потому, что нѣкоторый господинъ столкнулся съ злоупотребленіемъ и не полѣнился написать письмо, а газета не оставила письмо безъ вниманія. Весьма можно предполагать, что и въ другихъ уѣздныхъ городахъ точно такъ же процвѣтаетъ «самоуправленіе» и что при известной степени развитія городского самоуправляющагося общества дѣло вообще можетъ дойти до нестерпимой тираніи, до страшнаго притѣсненія деревни городомъ, до безнаказанной и безстыдной эксплуатаціи труда капиталомъ. Если жители города и сосѣдніе крестьяне недовольны были стѣсненіемъ торговли, то чего же они смотрѣли до тѣхъ поръ, пока сколько-нибудь энергическому привѣзшему не вздумалось настойчиво защищать свои права? И множество важныхъ вопросовъ заключается въ этомъ фактѣ. Все-равно, Дмитровъ это или нѣтъ, объ овсѣ идетъ рѣчь, или о соломѣ, только дѣло въ томъ, что въ нашихъ уѣздныхъ городахъ царствуетъ мракъ неодолимый, котораго, какъ говорится, бомбой не пробьешь, и ежели среди этого мрака введено будетъ широкое самоуправленіе, то отъ нелѣпѣйшихъ распоряженій, отъ грубѣйшаго произвола, одно спасеніе — гимназіи и университеты въ какъ можно большемъ количествѣ. Мы разумѣется ничуть не противъ самаго широкаго примѣненія принципа самоуправления; въ этой же книгѣ, въ другой статьѣ, мы стоимъ за него; мы хотимъ только сказать, что всевозможныя перемены принесутъ несомнѣнную, истинную пользу только при помощи прочнаго фундамента, при помощи большого количества университетовъ и гимназій, а безъ нихъ всѣ возможныя перемены будутъ касаться только поверхности, будутъ относиться только къ формѣ, безъ малѣйшаго вліянія на содержаніе. Само собою разумѣется, что всякое измѣненіе учреждений къ лучшему, какъ бы оно мало ни было, имѣетъ все-таки вліяніе на развитіе народное. Вліяніе это хотя косвенное, хотя въ первое время непріятное, но впоследствии оно непременно дастъ себя почувствовать. Чтобы улучшенія дѣйствовали скорѣе, съ тою быстротою, какой хочетъ наше правительство, имъ слѣдуетъ дать прочное, неизблемое и главное безповоротное основаніе — просвѣщеніе.

Въ послѣднее время общество поражено было извѣстіями изъ царства Польскаго.

Начатый въ послѣднее время рекрутскій наборъ въ самой Варшавѣ совершился въ большомъ порядкѣ. Ни одинъ рекрутъ не сопротивлялся, каждый охотно повиновался требованіямъ чиновниковъ. Въ провинціяхъ дѣло не шло такъ спокойно. Чиновники, производившіе наборъ, дѣйствовали на большихъ пространствахъ, и это затрудняло ихъ дѣйствія. Отъ 6 января изъ Варшавы было извѣстіе, что на мясской дорогѣ собралась толпа ослушниковъ; изъ нихъ нѣкоторые были вооружены. Однако вскорѣ они разсѣялись. Два другія скопища, числомъ отъ 400 до 500 человекъ, собралась въ Блони, а также въ окрестностяхъ Сѣроцка и Пултуска, чтобы оттуда двинуться въ лѣса Кампинаскіе и Насельскіе. Было извѣстіе, что эти двѣ толпы начинали страдать отъ холодовъ и недостатка провіанта. По приказанію великаго князя намѣстника, тотчасъ приняты были надлежащія мѣры. Въ упомянутыя мѣстности посланы были военные отряды, съ приказаніемъ пройти край подвижными колоннами.

Отъ 10 января получено извѣстіе, что толпа, собравшаяся въ лѣсу, въ окрестностяхъ Блони, перешла черезъ Вислу, съ намѣреніемъ примкнуть къ другой, засѣвшей въ Насельскихъ лѣсахъ. Предполагаютъ, что она заключаетъ въ себѣ до тысячи человекъ. Посланы войска, чтобы окружить ее, и тогда же взято было въ плѣнъ до сорока человекъ безоружныхъ бѣглецовъ.

Отъ 11 числа есть извѣстія, что вооруженныя скопища на правомъ берегу Вислы усилавались. Противъ нихъ былъ посланъ полкъ. Въ самой Варшавѣ все было спокойно.

Наконецъ самыя страшныя извѣстія получены отъ 12 числа. Съ 10 на 11 января въ полночь, во всѣхъ провинціяхъ одновременно были произведены нападенія на разные города и на отряды войскъ, расположенныя въ городѣхъ и селеніяхъ. Бросаясь на солдатъ во время ихъ сна, поляки убивали ихъ въ постели. Въ одномъ селеніи близъ Седльца, гдѣ солдаты упорно защищались въ занимаемомъ ими домѣ, они зажгли самый домъ такъ, что солдаты сгорѣли живые. Повсюду войска немедленно прекращали эти ужасы и наносили большой уронъ бунтующимъ, отражоннымъ на всѣхъ пунктахъ. Преслѣдуя ихъ, войска отбирали у нихъ оружіе и арестовывали. У насъ выбыло изъ строя до 30 человекъ и втрое болѣе ранено. Поляки потеряли гораздо больше. Полковникъ Козляниновъ былъ убитъ наканунѣ, во время рекогносцировки въ лѣсу. Генералъ Капнахъ раненъ. Самыя серьезныя стычки происходили въ Плоцкѣ, въ Плонскѣ, Редзичѣ и въ окрестностяхъ Седльца. Приняты мѣры для общаго сбора войскъ. Все царство объявлено въ осадномъ положеніи. Въ ночь съ 10 на 11 число вооруженная толпа изъ царства

Полесскаго, въ значительномъ числѣ, напала на дворъ седьмой роты лубавскаго полка, въ мѣстечкѣ Суражѣ, на самой границѣ. Командиръ ея успѣлъ собрать 60 человекъ; сдѣлавъ два залпа и опасаясь быть окруженнымъ толпами со всѣхъ сторонъ, отступилъ жъ Суража къ батальонному штабу въ Забудовъ; барабанщикъ и двое рядовыхъ убиты; юнкеръ и одинъ рядовой пропали безъ вѣсти. Въ прочихъ частяхъ края было спокойно; приняты были мѣры для охраненія путей сообщенія.

Однако толпа, напавшая въ ночь на 11 число на роту въ Суражѣ, повредила проходящую тутъ желѣзную дорогу и произвела беспорядки на станціи Лапы. 12 числа направлены были части войскъ, какъ со стороны Гродна и Бѣлостока такъ и изъ Варшавы для возстановленія прерваннаго сообщенія. Также выдвинуты войска и въ другія пограничныя мѣста царства, гдѣ появились буйныя шайки. Въ Тыкоцинѣ одна рота, отдѣленная отъ своего полка, въ продолженіе болѣе сутокъ, съ утра 12 до утра 13, отбивалась, стоя въ каре, противъ окружавшей ее толпы. Приняты всѣ мѣры къ возстановленію и охраненію желѣзной дороги и телеграфной линіи; на 14 число еще не было сообщенія между Бѣлостокомъ и Варшавою. По телеграммамъ изъ Варшавы отъ 13 числа (полученнымъ черезъ Ковно) видно, что въ Пиотрковѣ и въ другихъ мѣстахъ царства показались шайки, противъ которыхъ высланы войска. Матезники нападали на проезжающихъ и производили разныя злодѣянія. Въ ночь на 14 число прервано и телеграфное сообщеніе съ Варшавою черезъ Ковно.

Отъ 14 числа извѣстно, что телеграфическое сообщеніе съ Варшавою возстановлено. Высланный изъ Варшавы поѣздъ съ батальономъ и рабочими достигъ безпрепятственно до Буга и тамъ нашолъ желѣзную дорогу значительно поврежденную. Къ ея исправленію приступлено съ обохъ сторонъ. Высланный изъ Бѣлостока батальонъ занялъ Суражѣ, а другой отрядъ направленъ оттуда же къ Тыкоцину, противъ появившейся тамъ многочисленной шайки. Съ приближеніемъ войскъ матезники укрылись въ лѣсахъ. — Пограничныя съ царствомъ польскимъ уѣзды всѣхъ смежныхъ губерній объявлены на военномъ положеніи.

Отъ 15 числа получено извѣстіе, что поѣздъ съ войскомъ, высланный для исправленія желѣзной дороги, возобновилъ путь на 50 верстъ отъ Буга и продолжаетъ подвигаться къ границѣ. Окрестности Новогеоргіевска очищены отъ матезныхъ шаекъ и сообщеніе съ Плоцкомъ возстановлено. Изъ Брестъ-Литовска есть донесенія о появленіи шаекъ въ окрестностяхъ этого пункта и около Балы. Телеграфическое сообщеніе съ Брестомъ также было прервано ма-

тежками. Сколько до сего времени известно, сельское население не принимает участія въ мятежныхъ дѣйствіяхъ и не сочувствуетъ имъ. Войска повсюду сосредоточиваются для подавленія мятежа.

Итакъ опять льется съ обѣихъ сторонъ братская кровь. Россія съ трепетомъ и ужасомъ будетъ слѣдить за ходомъ этой кровавой драмы, утѣшаясь надеждою, что событія на этотъ разъ не примутъ тѣхъ громадныхъ размѣровъ, какіе имѣли они тридцать два года тому назадъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Прусскія дѣла. — Мѣры, принятыя прусскимъ министерствомъ для достиженія непопулярности. — Открытіе палаты. — Тронная рѣчь. — Адресъ палаты депутатовъ.

Французскія дѣла. — Тронная рѣчь. — Толки о ней. — Послушаніе законодательной палаты. — Рѣчь графа де-Морни. — Французы рабовладѣльцы.

Последнія извѣстія. — Беспорядки въ Греціи. — Порядки въ Турціи. — Черногорскіе блокаузы. — Здоровье Гарибальди. — Папскія реформы.

Прусскія дѣла

Съ той поры, какъ распушенъ былъ прусскій парламентъ, до нынѣшняго открытія его, министерство дѣлало все что было въ его силахъ, чтобы окончательно потерять довѣріе народа и палаты. Можетъ-быть намѣреніе было не то, но цѣль достигнута именно эта. Для ея достиженія преслѣдовались административнымъ порядкомъ чиновники, которые по своимъ убѣжденіямъ служили странѣ, а не лицамъ, не начальству, не министрамъ; преслѣдовались газеты за свои мнѣнія, все для того, чтобы заставить страну быть одного мнѣнія съ правителями. Но управлять мнѣніями вѣтъ никакой возможности посредствомъ приказаній, запрещеній и преслѣдованій. Эти мѣры годятся для поддержанія внѣшняго порядка, и то только на нѣкоторое время, и до извѣстной только степени напряженности. Въ Петербургѣ запрещено было гарнизоннымъ унтеръ-офицерамъ ходить въ тѣ трактиры, гдѣ собираются гражданскіе люди, потому будтобы, что имъ неправо слышать нѣкоторыя ошибочныя мнѣнія, тамъ излагаемыя. Четыре унтеръ-офицера, встрѣченные въ гражданскихъ трактирахъ, наказаны тюремнымъ заключеніемъ. Не смотря на подобныя мѣры, страна высказывалась несомнѣннымъ образомъ, такъ что самаго поверхностнаго взгляда довольно было для того, чтобы понять ея желанія. По городамъ были общинныя

выборы, и вездѣ въ важнѣйшія городскія должности выбраны лица самыя прогрессивныя. Кенигсбергскій ландратъ разослалъ циркуляръ, предписывающій одну изъ самыхъ неслѣпыхъ мѣръ. По закону старшины сельскихъ общинъ, выбираемые обывателями, утверждаются ландратомъ; такъ онъ приказалъ чтобы представленія, присылаемые ему на утверждение, сопровождались отчетомъ о политическомъ поведеніи будущаго старшины, «дабы знать по степени его участія въ общественныхъ дѣлахъ въ какой мѣрѣ благопріятное можно сдѣлать заключеніе о его умьренности». Какъ будто политическое мнѣніе человѣка имѣетъ какое-нибудь влияние на отправленіе скромной, неимѣющей никакого политическаго значенія должности сельскаго старшины. — Существуетъ нѣкоторый округъ Зангергаузенъ—Экартебергъ. Его представителемъ въ палатѣ былъ долгое время пасторъ Грезеръ. Когда онъ собрался выехать въ Берлинъ, вдаруцъ получаетъ отъ королевской магдебургской консисторіи сообщеніе, состоящее въ томъ, что ему неприлично заступать въ палатѣ, такъ какъ званіе депутата противорѣчитъ требованіямъ его духовныхъ обязанностей. Если духовное лицо принимаетъ участіе въ борьбѣ политическихъ партій, то это подвергаетъ его опасности уклониться отъ своего главнаго дѣла, — пасти стадо христово. Королевская консисторія пояснила, что она «не имѣаетъ пасторамъ, находящимся подъ ея вѣдомствомъ, пользоваться правами, принадлежащими имъ, какъ гражданамъ,» но что онъ, пасторъ Грезеръ, долженъ сложить съ себя свое депутатское званіе. Консисторія не имѣла ни права, ни разумнаго повода требовать, чтобы онъ отказался отъ своего званія, потому что онъ былъ депутатомъ нѣтъ лѣтъ ерду и всакій разъ, оставляя свой приходъ, поручалъ отправленіе своей должности другому духовному лицу, жившему поблизости. Кромѣ того, онъ долго отказывался и не хотѣлъ принять званія депутата; но приходяно настаивали и выбрали его почти единогласно. Но такъ какъ королевская консисторія выразила свое требованіе очени ясно, то пасторъ, занимавшій въ приходѣ мѣсто Грезера на время его отсутствія, уже не могъ заступать его мѣсто не становясь съ вѣтешю духовною властью въ отношеніи весьма невыгодныя. Это заставило Грезера отказаться отъ званія представителя своей общины. Онъ увѣдомилъ объ этомъ палату. Событіе это серьезное. Община Зангергаузенъ должна прозвестн на его мѣсто новый выборъ, и уже видно, чѣмъ дѣло кончится, какую немалую услугу магдебургская консисторія оказала ретроградной партіи. Грезеръ, какъ пасторъ, имѣетъ тысячу случаевъ дѣйствовать на общественное мнѣніе своей общины безо всякаго насилія. Смерть того ежели онъ былъ выбранъ общиною

почти единодушно, те его политическія мнѣнія пользуются надлежащимъ уваженіемъ. Понятно само собою, что при новыхъ выборахъ будетъ въ палату депутатовъ послано лицо съ еще болѣе рѣзкимъ оттѣвкомъ того же политическаго направленія, какого держался Презеръ. Не можетъ-быть, новое лицо будетъ принадлежать уже не къ духовному званію, стало-быть будетъ еще свободнѣе въ своихъ убѣжденіяхъ и министерство приобрететъ одного лишняго противника.

Принявъ всѣ эти и другія подобныя мѣры для окончательной потери своей популярности и для совершеннаго отчужденія всякаго сочувствія со стороны палаты, министерство созвало палату въ новое собраніе. 14 числа, въ часъ пополудни, въ королевскомъ дворцѣ происходило открытіе засѣданій министрами, по приказанію короля. Въ тронной рѣчи всего знаменательнѣе первая фраза или первый параграфъ; она обрисовываетъ общее направленіе нынѣшней дипломатіи, которая постоянно дѣлаетъ видъ, будто съ благородною откровенностью касается самыхъ щекотливыхъ вопросовъ въ самой ихъ сущности, а на дѣлѣ перетолковываетъ ихъ совершенно произвольно, безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти. Вотъ этотъ параграфъ:

«Правительство его величества привѣтствуетъ васъ съ пламеннымъ желаніемъ, чтобы въ нынѣшнемъ собраніи установилось продолжительное согласіе касательно вопросовъ, оставшихся нерѣшенными въ прошломъ году. Эта цѣль будетъ достигнута, если при нынѣшнемъ положеніи народнаго представительства, наша конституція будетъ соблюдена, какъ основаніе нашего общественнаго права и если законодательныя власти, взаимно уважая свои конституціонныя права, будутъ считать своею общою обязанностью развитіе могущества и благосостоянія отечества».

Превосходно. Именно объ этомъ-то и рѣчь; именно объ этомъ палата и старается. Дѣйствительно, прежде всего нужно исполненіе конституціи. Здѣсь всего однакоже замѣчательнѣе, что эти слова сказаны были предсѣдателемъ совѣта министровъ, который прежде всѣхъ и былъ нарушителемъ конституціи; онъ же говоритъ самъ, что надо уважать конституціонныя права, которыя составляютъ основу общественнаго права, стало-быть и порядка и всѣхъ возможныхъ народныхъ благъ. Вся разгадка нынѣшней дипломатіи состоитъ именно въ томъ, чтобы прямо, честно, откровенно подходить къ вопросу и раскрывать его во всей полнотѣ, но потомъ ловкой уверткой не рѣшить его, произвести насиліе и свалить вину всего этого на другихъ. Но уже и въ этомъ параграфѣ есть намекъ на причину разногласія, происшедшаго между министерствомъ и пала-

той. Несогласіе произошло вслѣдствіе того, что министерство хотѣло увеличить военныя силы страны, а народныя представители считали это бесполезнымъ. Ясно, что и теперь правительство настаиваетъ на томъ же, говоря о могуществѣ отечества прежде его благосостоянія. Министерство очень хорошо знаетъ, что могущество дѣло второстепенное, что оно зависитъ отъ благосостоянія, и что даже приличіе требуетъ того, чтобы правительство ставило благосостояніе впереди могущества. Принявъ обратный порядокъ, министерство этимъ самымъ заявило, что въ его глазахъ теперь важнѣе всего настоять на увеличеніи военныхъ силъ, что бы изъ этого для страны ни произошло.

Говоря о смѣтѣ на 1862 годъ, министерство точно такъ же откровенно и прямодушно приступило къ вопросу. Оно прямо сказало, что на прошедшій годъ не было правильно утвержденной смѣты, и потому оно всячески старалось управлять съ соблюденіемъ экономіи. Но въ настоящемъ случаѣ вовсе не объ экономіи идетъ рѣчь, а о правѣ, о законности. Правда, что палата не согласилась на увеличеніе числа войскъ, опираясь на экономію; но теперь уже не въ томъ дѣло. Нарушена конституція, и прусскій народъ въ послѣднее время, въ особенности благодаря притѣсненіямъ, сдѣлалъ значительныя успѣхи въ политическомъ развитіи своемъ, и совершенно готовъ пожертвовать вдвое большею суммою противъ той, на которую онъ прежде не соглашался, лишь бы право его не было нарушено. Правительство тутъ же объявило, что по заключеніи счетовъ за прошлый годъ, оно представитъ проектъ о смѣтѣ 1862 года и потребуетъ или будетъ просить согласія палаты на сдѣланые расходы. И это еще было бы до нѣкоторой степени сообразно съ конституціонными обычаями, если бы въ числѣ расходовъ не было такихъ, съ которыми вовсе несогласна была палата, при чемъ ея несогласіе извѣстно было министерству. Это уже съ конституціею расходится совершенно, и если палата изъяснитъ свое согласіе на сдѣланые такимъ образомъ расходы, то она сама поступитъ противъ конституціи. Положеніе сдѣлалось такимъ образомъ окончательно безвыходнымъ. Разъ прикрывъ своимъ согласіемъ нарушеніе конституціи, палата впередъ оправдываетъ всѣ возможныя нарушенія каждаго изъ народныхъ правъ, а это, какъ понятно само собою, не можетъ согласоваться съ ея видами. Точно такъ же палата не можетъ разумнымъ образомъ согласиться разсматривать смѣту на 1863 годъ прежде окончательнаго разрѣшенія дѣла о прошлогодней смѣтѣ. Если подчиниться этому, то нѣтъ никакого объясненія необходимости разсматривать смѣту 1863; можно заняться тою, которая относится къ 1864 году. Сверхъ того всякая годичная смѣта основы-

вается обыкновенно во многихъ статьяхъ на статьяхъ издержекъ предшествовавшаго года, а если въ предыдущемъ году издержки были незаконны, то всѣ соображенія, опирающіяся на незаконныя основанія, тоже лишены будутъ законности. Такимъ образомъ нынѣшнее положеніе палаты относительно министерства составляетъ основаніе, точку опоры, откуда пойдетъ или правильное развитіе или упадокъ и пренебреженіе общественныхъ правъ, смотря по тому, какое рѣшеніе будетъ принято и какъ разыграется все дѣло.

Остальные параграфы тронной рѣчи не представляютъ особеннаго интереса. Въ нихъ, какъ водится, изложено общее положеніе страны съ правительственной точки зрѣнія; тамъ замѣтно преуспѣваніе, въ другой отрасли — благополучное разрѣшеніе затрудненій, тамъ процвѣтаніе, здѣсь, благодаря постояннымъ усиліямъ правительства, достигнута такая-то благопріятная цѣль; тутъ сдѣланы улучшенія, тамъ охранены такіе-то интересы, и такъ далѣе.

Г. фонъ-Бисмаркъ-Шенгаузенъ прочиталъ тронную рѣчь быстро, безъ всякой интонаціи, не налегая ни на одно выраженіе. Палаты слушали въ глубокомъ молчаніи. Потомъ г. фонъ Франкенбергъ-Лудвигслорфъ, старшій членъ верхней палаты, три раза закричалъ: «да здравствуетъ король!» и собраніе громко повторило этотъ крикъ.

Ровно три мѣсяца палата была распущена. 13 октября прошлаго года тоже была прочитана рѣчь по случаю закрытія засѣданій. Но та рѣчь въ сравненіи съ нынѣшнею была еще утѣшительна и нѣсколько ближе къ требованіямъ конституціи. Тогда не говорилось о ежегодномъ утвержденіи смѣты, какъ о правѣ обязательномъ, но только какъ объ основаніи, предполагаемомъ конституціею для администраціи, и если министерство приступало къ управленію безъ смѣты, то оно не исполняло только «предположеніе конституціи». Но тогда правительство жалѣло объ отсутствіи смѣты, оно сожалѣло о необходимости управлять безъ законно составленной смѣты и признавало за собою *отвѣтственность* въ тогдашнемъ печальномъ положеніи дѣлъ. Тогдашняя рѣчь оканчивалась выраженіемъ надежды, что несогласія такъ или иначе уладятся. Въ нынѣшней рѣчи, напротивъ, не видно даже этого справедливаго сожалѣнія. Напротивъ, замѣтно большое удовольствіе по поводу того, что «финансовое положеніе вполне удовлетворительно.» Но гдѣ же удовлетворительно, когда оно незаконно, независимо отъ количества прихода и расхода? Повидимому обиліе прошлагоднихъ доходовъ утѣшило министерство въ отсутствіи законной смѣты. Правительство привѣтствуетъ новое собраніе съ пламеннымъ желаніемъ, чтобъ установилось согласіе по поводу вопросовъ, оставшихся неразрѣшон-

ными; но оно не сказала, что втеченіи трехъ мѣсяцевъ ничего не было сдѣлано для достиженія этого согласія. Оно выражаетъ надежду, что совершенное увеличеніе войска будетъ узаконено согласіемъ палаты на сдѣланные расходы и ихъ утвержденіемъ; но оно не говоритъ какимъ путемъ дошло до этой надежды. Кажется ему угодно, чтобы народные представители были гораздо болѣе прежняго расположены соглашаться со всѣмъ что имъ будетъ представлено; однакоже не видать какое обстоятельство могло бы въ ихъ произвестъ подобную переѣну.

Въ первомъ же засѣданіи палаты депутатовъ, престарѣлый президентъ ея Грабовъ произнесъ слѣдующую рѣчь, которая въ жизни Пруссіи составитъ весьма важную эпоху.

«Три мѣсяца тому назадъ мы оставили этотъ залъ съ надеждою (и вся страна съ нами надѣялась), что разрѣшится конституціонное несогласіе, возникшее не по нашей винѣ. Но имѣя въ виду королевскія слова: «истина должна царить между нами», слѣдуетъ откровенно и съ глубочайшимъ сожалѣніемъ объявить, что несогласіе въ эти три мѣсяца приняло еще большіе размѣры, и что теперь находится въ опасности укрѣпленіе нашего законцаго и конституціоннаго положенія. (Сильныя рукоплесканія.) Даже на ступеняхъ трона люди выражали подозрѣнія къ палатѣ депутатовъ, осыпали ее подозрѣніями и клеветами (слушайте!), тогда какъ наша палата есть единственная и истинная представительница прусскаго народа, надлежащимъ образомъ избранная. (Шумное выраженіе сочувствія). — Въ интересахъ службы, отставлены были или переѣщены депутаты изъ чиновниковъ, которые были вѣрны своей присягѣ конституціи и поддерживали несомнѣнныя конституціонныя права палаты представителей. (Сочувствіе). — Административнымъ порядкомъ возстановлены были списки политическаго поведенія чиновниковъ и именны независимыхъ судей, тогда какъ эти списки уничтожены закономъ. (Слушайте!) — 99 параграфъ конституціи нарушенъ, и такъ какъ у насъ еще нѣтъ благотѣльнаго закона объ отвѣтственности министровъ, то мы имѣемъ теперь правительство безъ смѣты. (Слушайте!) — Въ этомъ несогласіи, все болѣе опредѣляющемся, страна стала на сторону своихъ представителей. Это до очевидности ясно доказывается торжественнымъ приѣмомъ представителей, возвращавшихся въ свои округа и благодарственными адресами, которые получены и всякій день еще приходятъ изъ-за границы, изъ Германіи и изъ прусскихъ избирательныхъ округовъ. Этихъ адресовъ теперь 194, съ 221,950 подписями избирателей первой и второй степени. Имѣю честь ихъ представить палатѣ подобранными въ порядкѣ, по провинціямъ и округамъ. Всѣ эти адреса

свидѣтельствуютъ, что палата дѣйствовала съ уваженіемъ къ конституціоннымъ правамъ короны, что она съ умѣренностью и осмотрительностью поддерживала конституціонныя права народа; адресы благодарятъ палату представителей за то положеніе, исполненное достоинства, съ которымъ она отражала нападенія, направленные противъ нея и противъ конституціи, этого священнаго палладіума правъ народа. (Громкое выраженіе сочувствія.) Такъ какъ палата оправдана такимъ образомъ передъ страной, мы придемся, господа, за работу съ новымъ мужествомъ, съ нашею прежнею умѣренностью и благоразуміемъ, но не отказываясь отъ твердости и непоколебимаго терпѣнія съ начала нынѣшняго года, составляющаго пятидесятую годовщину освобожденія Пруссіи, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ глубоко униженной, а вмѣстѣ съ нею и освобожденія Германіи, вышедшей изъ положенія слабости и постыдныхъ несогласій. Этимъ освобожденіемъ обязаны мы благородному духу ея государей и могуществу единодушнаго энтузіазма народнаго. Встанемъ же съ своихъ мѣстъ, чтобы провозгласить съ радостью, сообразно съ стариннымъ прусскимъ духомъ любви, преданности и откровенности: «да здравствуетъ его величество король Вильгельмъ I!»

Черезъ день послѣ этой рѣчи въ правительственной палатѣ сказано было, что г. Грабовъ рѣзко и оскорбительно выражался о поведеніи министерства и вызывающимъ образомъ напомнилъ борьбу, сдѣлавшую прошлое собраніе такимъ бесплоднымъ. Если бы министерство знало, что онъ скажетъ, то оно непременно присутствовало бы въ первомъ засѣданіи, чтобы немедленно протестовать противъ такого положенія, принятаго президентомъ.

Покаместъ въ палатѣ представителей народа проианосилась такая исполненная жизни и энергіи рѣчь, палата риттеровъ занималась выборами. Графъ фонъ Штольбергъ-Верпигероде снова избранъ председателемъ, г. фонъ Франксбергъ-Людвигсдорфъ первымъ вице-президентомъ, а графъ Брюль — вторымъ. Достопочтенная верхняя палата занималась переборкою своего стариннаго арсенала титуловъ и въ сравненіи съ дѣятельною жизнью второй палаты весьма напоминала рыцаря, который съ своими неповоротливыми доспѣхами и тяжеловѣснымъ вооруженіемъ готовится къ борьбѣ противъ самаго современнаго и самаго усовершенствованнаго оружія. Ясно, что рыцарю тутъ повредить и самая тяжесть, и самая древность его перержавѣвшаго и уже слишкомъ далеко отставшаго отъ современности вооруженія.

Въ 61 параграфѣ конституціи обозначено три рода преступленій, за которыя могутъ быть преслѣдуемы министры: нарушеніе конституціи, подкупъ, предательство или измѣна. Но окончатель-

ная фраза этого параграфа предоставляетъ будущему законодательству право опредѣлить еще и другія преступленія. Ясно, что 99 параграфъ конституціи былъ нарушенъ. Извѣстно также, что палата имѣетъ право ставить на очередь проекты законовъ, изъ среды ея предлагаемые. Теперь въ парламентскихъ кружкахъ поговариваютъ объ отдачѣ министерства подъ судъ.

А между тѣмъ постановлено представить королю адресъ съ подробнымъ изложеніемъ нуждъ и желаній палаты, то-есть страны. Сначала не было единодушія по вопросу о томъ, нужно ли представлять адресъ или нѣтъ. Но необходимость адреса такъ очевидна, что палата большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ семнадцати положила адресъ подать. Ораторы, говорившіе противъ адреса, опирались на то, что вся сила палаты заключается въ разсмотрѣніи смѣты и въ обсужденіи адреса, причемъ положеніе должно опредѣлиться особенно явственно при обсужденіи ожидаемаго закона о военной службѣ. Но въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ всегда должно желать какъ можно большей ясности положеній и возможно болѣе точной постановки вопросовъ, занимающихъ общество. Адресъ сочинилъ Вирховъ, извѣстный профессоръ патологической анатоміи, депутатъ, принадлежащій къ прогрессистской партіи и можетъ самая ясная голова этой партіи. Вотъ это замѣчательное произведеніе, въ которомъ опытный и привычный къ дѣлу анатомическій ножъ разсѣкаетъ настоящее положеніе вещей и съ мудрою умѣренностью, почти не называя вещей по имени, поразительно вѣрно обрисовываетъ настоящее положеніе. Начинается адресъ обыкновеннымъ, форменнымъ воззваніемъ: «Всепресвѣтлѣйшій» и т. д.

«Ваше величество снова созвали объ палаты сейма королевства. Палата депутатовъ явилась на зовъ, проникнутая твердою волею снова доказать свою непоколебимую вѣрность коронѣ и свою добросовѣстную заботливость о поддержаніи конституціи. Она не скрываетъ отъ себя неблагоприятныхъ обстоятельствъ, при которыхъ начинаются ея занятія. Но поэтому—то она и считаетъ себя болѣе чѣмъ когда-либо обязанною изложить вашему величеству положеніе страны съ надлежащею откровенностью и полобающимъ уваженіемъ. Последнее собраніе было закрыто прежде нежели предписанная конституціею смѣта была утверждена на 1862 годъ. Проектъ смѣты на 1863 годъ долженъ бы обсуживаться и быть утвержденъ прежде конца прошедшаго года, но онъ былъ взятъ обратно. Приглашеніе, обращенное къ правительству вашего величества представить новую смѣту вовремя, осталось безъ послѣдствій. Съ тѣхъ поръ министры, назначенные вашимъ величествомъ, продолжали управлять безъ законной смѣты и противно конституціи. Противорѣча положитель-

ному заявленію палаты депутатовъ, они даже дѣлали расходы, въ которыхъ было положительно и опредѣлительно отказано постановленіями палаты. Такимъ образомъ высшее право народнаго представительства, право соглашаться на расходы, было нарушено. Это право есть основа всей общественной конституціонной жизни, и потому оно обезпечено всѣми существующими конституціями; до сихъ-поръ оно было признаваемо и самимъ правительствомъ, и въ дѣйствительности принадлежало народному прусскому представительству. Страна съ ужасомъ видѣла, что всѣ выгоды нашего предшествовающаго политическаго развитія опять поставлены подъ сомнѣніе, и стала на сторону своихъ представителей. Небольшое меньшинство, уже давно чуждое націи, но встрѣчающее поддержку въ министрахъ вашего величества, до ступеней трона возвело самую грубую клевету на одного изъ членовъ законодательнаго собранія и не оставилось даже передъ попыткою внести замѣшательство въ оцѣнку объема и значенія положительныхъ конституціонныхъ правъ. Въ то же время оказались во многихъ мѣстахъ злоупотребленія правительственной власти, вродѣ тѣхъ, какія дѣлались въ печальные годы, предшествовавшіе регентству вашего величества. Чиновники вѣрныя конституціи, въ особенности бывшіе депутатами, подверглись разнымъ притѣснительнымъ мѣрамъ. Печать подверглась преслѣдованію за то, что она съ откровенностью стала на сторону права. Пробовали даже нарушать неоспоримыя гражданскія права людей, принадлежащихъ къ малиціи, но не бывшихъ въ строю, посредствомъ вмѣшательства высшихъ военныхъ начальниковъ, которые давали приказы, неотнотившіеся къ службѣ. Всемилоствѣннѣйшій государь! ваше величество еще недавно благоволили объявить, что никто не имѣетъ права сомнѣваться въ вашей доброй волѣ поддерживать конституцію, которой присягали, и поддерживать ее. Дѣйствительно, никому не придетъ въ голову подобное сомнѣніе. Но ваше величество позволить намъ объявить открыто, что *конституція теперь же нарушена министрами*. Статья 99 уже не есть истина. Страна находится подъ управленіемъ безъ смѣты, и новое собраніе началось безъ истинныхъ уступокъ со стороны правительства, которыя позволили бы надѣяться на успѣхъ возстановленія правильнаго распоряженія финансами и на возвращеніе учреждений къ законнымъ основаніямъ. Иностранцы съ удивленіемъ видятъ продолженіе распри, которая день ото дня все глубже погрызаетъ уваженіе къ прусскому имени и грозитъ отвліеніемъ у голоса правительства его главнѣйшую силу въ совѣтъ народовъ. Иностранцы знаютъ очень хорошо, что обязанность и совѣтъ предписываютъ прусскому народному представительству поддерживать права, при-

зважаемыя за нимъ конституціей, безъ нарушенія чужихъ правъ, но и безъ уступки своихъ, и что внѣшнія осложненія не могутъ помирить наше внутреннее несогласіе. Они знаютъ, что Пруссія не можетъ возвратити себѣ своего вліянія въ Германіи и стало-быть своей силы иначе, какъ по возстановленіи у себя конституціоннаго порядка и по призваніи народа германскаго и своихъ представителей къ содѣйствію политическаго соединенія великаго отечества. Посреди этихъ важныхъ затрудненій, народъ прусскій, испытанный такими опасностями, но стоящій выше всѣхъ другихъ народовъ по своей вѣрности, не покидаетъ надежды на то, что ваше величество сумѣете отличить честный голосъ закононыхъ народныхъ представителей отъ совѣтовъ тѣхъ, которые въ борьбѣ партій стараются прикрыть августѣйшимъ именованіемъ нашего величества свои стремленія, неимѣющія сами по себѣ силы. Государь, наше положеніе, какъ народныхъ представителей, налагаетъ на насъ неуклонную обязанность торжественно объявить, что внутренній миръ и внѣшнее могущество могутъ быть возвращены странѣ только посредствомъ возвращенія къ конституціонному положенію.»

Слѣдуетъ подпись по надлежащей формѣ.

Этотъ проектъ адреса представлень былъ палатѣ Вирховымъ и Карловицемъ съ двумястами подписей. Когда онъ обсуживался еще въ адресной комиссіи, президентъ совѣта министровъ говорилъ, что король не можетъ выслушать все что палатѣ вздумается ему сказать, и что министерство не можетъ посовѣтовать королю принять подобный адресъ, что министерство и королю составляютъ одно цѣлое. Но достопочтенный президентъ совѣта очевидно ошибается. Величіе короны никакъ не слѣдуетъ ставить въ зависимость отъ весьма возможныхъ ошибокъ министерства. Королю не ошибается, корона во всякомъ случаѣ непогрѣжима и на нее не слѣдуетъ возлагать отвѣтственности за нѣкоторыя неслучки. Г. Зибель, докладчикъ адресной комиссіи, 27 января, когда адресъ поступилъ на обсужденіе палаты, доказывалъ, что смѣщиваніе короля съ министерствомъ есть покушеніе на движеніе, подобающее королевской власти. За нимъ г. Вальдекъ утверждалъ, что президентъ палаты депутатовъ, Грабовъ, заслуживаетъ признательности отечества за рѣчь, произнесенную имъ 16 января, въ день открытія собранія. Потомъ г. Бисмаркъ сталъ утверждать, что претензіи палаты слишкомъ велики, что она покушается на конституціонныя права королевской власти. Онъ не допускаетъ отдѣленія королевской власти отъ министерства, и говоря это, совершаетъ великую ошибку. Если такъ, то статья конституціи, по которой министерство можетъ подлежать законному обвиненію и отвѣтственности, въ силу кото-

рой можно министровъ отдать подъ судъ, въ тоже время относится и къ королевской власти. Выходить, что король отвѣчаетъ за каждый шагъ своихъ министровъ, и вмѣстѣ съ ними можетъ быть отданъ подъ судъ, что составляетъ слишкомъ очевидную нелѣпость. Если конституція не есть пустое слово, то министры ответственны, если же они отвѣтственности законной не подлежатъ, то конституція не существуетъ и образъ правленія остается монархическимъ неограниченнымъ. Разъясненіемъ этой истины прусская палата начала заниматься въ своихъ преніяхъ 27 января. Министерство конечно будетъ эту истину затемнять, потому что противоположное очень ему выгодно, и главное, удобно.

Французскія дѣла

Почти въ одно время съ прусскими палатами открылось во Франціи собраніе такъ-называемаго законодательнаго корпуса. Какъ водится, была сказана надлежащая тронная рѣчь, которая разнесена была въ тотъ же мигъ телеграфомъ во всѣ концы Европы. Въ Лондонѣ рѣчь была передана въ шестнадцать минутъ. Телеграфъ превзошелъ самого себя. И было зачѣмъ. Императоръ французовъ только разъ въ годъ открываетъ законодательную палату, и Европа все до-сихъ-поръ надѣется, что онъ какъ-нибудь проговорится и выскажетъ какую-нибудь изъ затаенныхъ мыслей своихъ, въ которыхъ заключается судьба наступившаго года, и что всего важнѣе, ключъ къ повышевію или пониженію биржевыхъ курсовъ. Биржи европейскія можно сказать присутствовали въ той залѣ, гдѣ произносилась тронная рѣчь 12 января, вѣдали каждое слово повелителя Франціи и старались разгадать сущность и внутренній, скрытый смыслъ каждой фразы, помимо того, который былъ такъ-сказать снаружи. Но увы, курсы вслѣдствіе рѣчи только колебались неопредѣленно, то вверхъ, то внизъ, потомъ стали искать своимъ чутьемъ другихъ причинъ и поводовъ къ колебаніямъ, не отыскавъ ничего подъ неопредѣленными выраженіями тронной рѣчи. За то газеты разработывали рѣчь во всей подробности, подкапываясь подъ каждую фразу, на сколько хватало остроумія, но съ полнѣйшею бесплодностью, точно бѣлка, вертящаяся въ своемъ тѣсномъ колесѣ. Рѣчь начиналась словами:

«Господа сенаторы, господа депутаты, начинается послѣднее собраніе законодательнаго корпуса. Опередить срокъ, назначенный конституціей, было бы помосу актомъ неблагодарности къ на-летѣ и недовѣрія къ странѣ. Теперь уже не тѣ времена, когда надо было хвататься за счастливый случай, чтобы обезпечить себѣ го-

лоса ограниченнаго числа избирателей. Нынче всякій подаетъ голосъ, и потому въ массахъ нѣтъ прежней подвижности и убѣжденія не измѣняются при малѣйшемъ дуновеніи, которое колеблетъ иногда политическую атмосферу...»

Какое глубокое сердцеѣденіе! Какое невиданное пониманіе истинныхъ польвъ народа! Какая благородная увѣренность въ здоровомъ смыслѣ общественнаго мнѣнія! — восклицаютъ газеты вроде France. И какъ остроумно сравнены движенія въ политическихъ обстоятельствахъ съ тѣми, которыя происходятъ въ воздухѣ! И какое благородное уваженіе къ конституціи, вмѣстѣ съ яснымъ напоминаніемъ драгоцѣннѣйшаго для Франціи права и либеральнѣйшаго учрежденія изо всѣхъ въ мірѣ странъ — права поголовной подачи голосовъ. Франція можетъ быть спокойна, потомучто ея династія обезпечена, какъ сверхчеловѣческою мудростью ея главы, такъ и пламенною любовью народною.

Въ чемъ же однако состояла бы неблагодарность относительно палаты и недоувѣріе къ странѣ, спрашиваютъ уже не французскія, а англійскія газеты, еслибы императоръ пожелалъ новыхъ выборовъ? Нынѣшніе депутаты весьма удобны, такъ что едвали можно надѣяться на другую болѣе удобную и болѣе преданную палату. Можетъ быть при излишнемъ доувѣрїи къ странѣ, которое доувѣріе могло бы выразиться приглашеніемъ къ новымъ выборамъ, оказалось бы много такихъ членовъ, которые наши бы не совсѣмъ сообразнымъ съ достоинствомъ во что бы ни стало соглашались со всякимъ предложеніемъ министерства. Выборъ другой палаты на мѣсто нынѣшней въ самомъ дѣлѣ былъ бы неблагодарностью. Всѣ предложенія были приняты ею съ удивительною готовностью, напоминающею знаменитый парламентъ *introuvable* Людовика XVIII, парламентъ болѣе роялистскій, чѣмъ самъ король. Одно только предложеніе встрѣтило маленькое затрудненіе: это назначеніе громаднѣйшей ежегодной пенсіи герцогу Паликао, который командовалъ французскимъ отрядомъ въ пекинскую экспедицію. Но члены палаты въ ту минуту были не довольно обстоятельно назлектризованы барабаннымъ боемъ и пушечною пальбой, т.-е. всѣми погрешками воинской славы, или можетъ-быть они думали, что пролитая въ Китаѣ кровь и брошенная на далекую экспедицію народныя деньги пропали безо всякой пользы и за это не стоитъ давать человѣку огромной пенсіи. Можетъ даже случиться, что имъ казалось, что герцогъ Паликао исполнялъ только свою обязанность, за которую заплачено ему обыкновеннымъ жалованьемъ и сверхъ того почетомъ, уваженіемъ, герцогскимъ титуломъ и орденомъ почетнаго легіона и вовсе незачѣмъ дополнять всѣ эти щедроты еще

ежегоднымъ взиманіемъ съ народа того что должно было составить пенсію пекинскаго генерала. Какъ бы то ни было, одинъ только разъ палата попробовала стать въ оппозицію съ требованіями правительства, да такъ перетрусилась своей храбрости, что долгое время сама себя не узнавала, и члены съ изумленіемъ смотрѣли другъ на друга.

Управляя страню безъ оппозиціи, министерство показываетъ чрезвычайную самоувѣренность, и съ храбростію, свойственною французскому характеру, кажется любить свое опасное положеніе. Оппозиція есть недремлющій вождь и надзиратель, который не даетъ правителямъ сбиться съ дороги, слѣдитъ за каждымъ ихъ шагомъ и каждый шагъ неусыпно освѣщаетъ заявленіемъ потребностей страны. При истинномъ представительствѣ народа, не при такомъ, которое покамѣстъ въ Англіи считается удовлетворительнымъ, оппозиція есть вѣрнѣйшій и надежнѣйшій руководитель, спасающій конституціонное правительство отъ односторонности, отъ ложнаго направленія, въ которое такъ легко вдаться, владѣя безотвѣтною властью и самымъ скрытнымъ характеромъ, какой только былъ владѣть на престолѣ. Всякій любящій Францію долженъ желать, чтобы будущая палата хоть чѣмъ-нибудь заявила свое существованіе, кромѣ безусловнаго и единодушнаго (кромѣ пяти членовъ) согласія со всѣми предлагаемыми мѣрами. Да, именно, слѣдуетъ желать большаго довѣрія къ странѣ, не въ томъ смыслѣ, что она вышлетъ безгласныхъ депутатовъ, а въ томъ, что она лучше всѣхъ знаетъ свои потребности и сумѣетъ навести правительство на мѣры полезныя и противиться тѣмъ, которыя могутъ быть вредныя.

Желать этого можно, но надѣяться не слѣдуетъ. Не таковъ характеръ нынѣшняго повелителя Франціи, чтобы онъ могъ добровольно отказаться отъ безграничной власти. Достаточно знать, какъ происходятъ совѣщанія министровъ подъ его предсѣдательствомъ, чтобы вывести о немъ приблизительно вѣрное заключеніе. Министры собираются. Онъ входитъ, садится съ ними за одинъ столъ, въ короткихъ словахъ излагаетъ вопросъ, по поводу котораго желаетъ знать ихъ мнѣнія, и потомъ указываетъ глазами на одного изъ министровъ, требуя его мнѣнія. Тотъ начинаетъ говорить, сыплеть цвѣты краснорѣчія и убѣдительно рѣчи старается показать двѣ разныя вещи: во-первыхъ, что онъ безгранично преданъ царствующей династіи и готовъ на все для ея благополучія и величія, такъ какъ въ ея судьбѣ заключается судьба Франціи, а во-вторыхъ, что если онъ и догадывается о мнѣніи своего повелителя въ данномъ случаѣ, то все-таки у него хватаетъ ума имѣть свой хотя маленькій, хотя самый почтительный, но до нѣкоторой степени замѣтный

оттѣпочекъ своего собственнаго мнѣнія. Пока госнодинъ министръ старается такимъ образомъ, императоръ не возражаетъ ничего, спокойно закуриваетъ сигару и слушаетъ, не выражая на лицѣ своемъ ни вниманія, ни разсѣянности, ни одобренія, ни порицанія, ни согласія, ни несогласія. Когда министръ кончаетъ, императоръ киваетъ головой другому, что значитъ, что другой долженъ стараться высказать во первыхъ свою предусмотрительность касательно блага Франціи, а во вторыхъ и то, въ какой мѣрѣ онъ попадаетъ въ тактъ съ скрытыми для него мыслями императора. Потомъ говоритъ третій, четвертый, и т. д., до конца, и когда выскажется послѣдній, императоръ встаетъ и уходитъ. Министры собираютъ свои бумаги и ѣдутъ домой. До чего они всѣ договорились — никто изъ нихъ не знаетъ. Потомъ, въ свое время императоръ распорядится иногда такъ, какъ никто не ожидаетъ, несогласно на съ одними изъ высказанныхъ мнѣній. А бѣдные газетчики стараются проникнуть въ смыслъ его рѣчей, отыскать разгадку его намѣреній въ самыхъ общихъ фразахъ или надѣются, что онъ позволитъ совершиться выборамъ такъ, чтобы сдѣлалась возможною какал-нибудь оппозиція.

И теперь уже вся Фривжія готовится къ выборамъ. Въ различныхъ общинахъ меры выказываютъ похвальное усердіе, напоминаютъ избирателямъ о ихъ правахъ и даютъ дружескіе совѣты. Меръ покупаетъ себѣ возъ дровъ и зазываетъ продавца раскупить бутылочку вина. На покрытие подобныхъ расходовъ отпускается надлежащее количество назенныхъ денегъ изъ суммъ, назначенныхъ на операциію по выборамъ. Толкуютъ о томъ о семъ, и будто мимоходомъ касаются выборовъ.

— А ты, дружище, конечно тоже записался въ списокъ избирателей? спрашиваетъ меръ.

— А чего я тамъ не видалъ? спрашиваетъ крестьянинъ.

— Какъ чего? депутата слѣдуетъ выбирать, кто за насъ за всѣхъ поѣдетъ въ Парижъ хлопотать у императора.

— Такъ ужь ваша милость и распорядились бы послать кого слѣдуетъ!

— Какже я распоряджусь? Надо выбрать намъ всѣмъ; на то есть и законъ.

— Кого же я выберу? Вонъ развѣ нашего купца: онъ такой рѣчистый!..

— И купецъ годится, а ты выбери-ка мосье Кокардо. Человѣкъ онъ съ достаткомъ, у начальства на хорошемъ счету, такъ ему и ѣхать ловчѣе, и послушаютъ его скорѣе, ежели что для нашей общины будетъ нужно. Главное — на хорошемъ счету.

Понятно само собою, что крестьянинъ подастъ голосъ за мосье

Кокардо, а не за какого-нибудь болтуна, который г. меру не правитъ. А такой милый г. меръ! И дрова купилъ, и виномъ попочивалъ. Опять же неровенъ часъ: можетъ-быть случится и нужда какаа до г. шера.

Изъ тронной рѣчи видно, что императора весьма заботитъ мнѣніе другихъ о его политикѣ, и онъ съ обычною своею прямою подходитъ къ этому вопросу. «Люди ищутъ обыкновенно — говорить онъ — въ дѣйствіяхъ государей какихъ-то скрытыхъ пружинъ, таинственныхъ комбинацій; но моя политика была всегда очень проста». Далѣе онъ объясняетъ простоту своихъ намѣреній самыми общими мѣстами, въ которыя вмѣстится всякое произвольное распоряженіе. Говорится о благѣ Франціи, о ея нравственномъ значеніи, о способствованіи законнымъ стремленіямъ народовъ въ лучшей будущности и т. д. Но въ этомъ послѣднемъ пунктѣ заключаются и всевозможныя несчастія всеобщей европейской войны, и одной этой фразы достаточно было, чтобы возбудить безпокойство англійскихъ газетъ, которыя невольно подумали при этомъ о южныхъ штатахъ, о посредничествѣ, предложенномъ французскимъ правительствомъ и о необъятной широтѣ словъ: законныя стремленія.

Еще замѣчательное мѣсто въ рѣчи: «Мы одолѣли множество препятствій, но остается еще много сдѣлать для усовершенствованія нашихъ учрежденій, для распространенія истинныхъ мыслей, для пріученія страны рассчитывать саму на себя».

Тутъ императоръ самъ признаетъ усовершенство французскихъ учрежденій, признаетъ, что въ нихъ есть недостатки и что для народа всего выгоднѣе знать истину и рассчитывать на самихъ себя. Но по весьма справедливому замѣчанію одной газеты, тѣсная императорская опека все болѣе и болѣе отучаетъ Францію отъ занятія собственными дѣлами, и въ тоже время императоръ находить, что это недостатокъ. Помирить такое противорѣчіе нѣтъ возможности, и по необходимости надо искать тутъ дурного смысла. Но его интѣнцію выхолать, что не граждане должны рассчитывать сами на себя, помимо правительства, а вся Франція должна не рассчитывать на другія державы, должна обходиться безъ союзниковъ. Такое предположеніе и желаніе нисколько не противорѣчитъ тѣсной административной опекѣ, а напротивъ въ глазахъ императора должна въ высшей степени ее оправдывать. Но едва ли нужно особенное усиліе для великой державы, чтобы научиться жить и вести свои дѣла независимо отъ союзовъ. Времена оборонительныхъ и наступательныхъ союзовъ, когда-то заключавшихся между государствами, прошли безвозвратно. Встарину эти союзы заклю-

чались государями безъ особеннаго вниманія къ нуждамъ ихъ народовъ, нерѣдко по личному сочувствію, иной разъ по родству династическому. Теперь, несмотря на возгласы о томъ, что торговые трактаты замѣняютъ всевозможные политическіе союзы, надо признать, что каждое государство хлопочетъ только о своихъ собственныхъ выгодахъ и заключаетъ съ другими только такіе трактаты, которые въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ выгодны. Это и естественно, и вполне сообразно съ здравыми требованіями политики. По поводу одного вопроса два народа могутъ быть совершенно согласны, по поводу другого ихъ мнѣнія и выгоды могутъ быть различны. Поэтому теперь невозможны союзы на возможныхъ обстоятельства, которыя впереди могутъ возникнуть. Интересы все болѣе и болѣе обособляются, и «сердечное согласіе», о которомъ по старой памяти говорилось такъ часто при Луи Филиппѣ, совершенно невысказуемо. Англія теперь сердечно согласна съ Австріей касательно Турціи, хотя и не съ одной и той же точки зрѣнія. Для Австріи необходимо сохраненіе цѣлости и независимости Турціи для того, чтобы славяне, находящіеся подъ турецкимъ владычествомъ, были какъ можно тѣснѣе угнетаемы, причемъ славяне австрійскіе не будутъ имѣть соблазнительныхъ примѣровъ. Для Англіи выгодна цѣлость Турціи въ особенности для того, чтобы Константинополь, средоточіе торговли съ востокомъ, вѣчно или какъ можно долѣе оставался какъ теперь, нейтральнымъ портомъ. Такъ какъ онъ находится подъ управленіемъ посланниковъ великихъ державъ, изъ которыхъ каждая тянетъ въ свою сторону, то изъ этого происходитъ нейтралитетъ самый безусловный: нѣсколько одинаковыхъ силъ дѣйствуютъ на предметъ съ различныхъ и противоположныхъ сторонъ, такъ что онъ остается въ совершенной неподвижности. По вопросу объ Италіи тѣже двѣ согласныя между собою державы расходятся въ мнѣніяхъ совершенно. Для Австріи полезно имѣть хоть какой-нибудь морской берегъ, и она принуждена отстаивать свое владѣніе Венеціей и Триестомъ, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи хотя венеціанскій заливъ, и такимъ образомъ не допускать единства Италіи, стремящейся завладѣть этой областью, до сихъ поръ находящеюся подъ иностраннымъ владычествомъ. Для Англіи напротивъ выгодно было бы окончательное организованіе Италіи для того, чтобы на Средиземномъ морѣ образовалась держава самостоятельная и сильная, способная нѣсколько перевѣшивать французское владычество на этомъ морѣ, такая держава, которая не дастъ Средиземному морю слѣжаться французскимъ озеромъ. Это тѣмъ нужнѣе, что открытіе Суэцкаго канала оказывается теперь дѣломъ возможнымъ и

черезъ Средиземное и Красное моря путь въ Индію сократится вдвое. По вѣкоторымъ другимъ менѣе важнымъ вопросамъ существуетъ разногласіе выгодъ, по другимъ рѣшеніе давнаго вопроса въ ту или въ другую сторону совершенно безразлично, но въ итогѣ союзъ на всевозможные случаи и могущія встрѣтиться обстоятельства невозможенъ. Тоже самое можно сказать и обо всѣхъ другихъ державахъ, согласныхъ между собою въ одномъ, несогласныхъ въ десяти другихъ случаяхъ. Еслибы существовали двѣ державы, которыхъ выгоды и взгляды во всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ между собою согласны, то не было бы имъ никакого разумнаго повода оставаться отдѣльными одна отъ другой державами, отдѣльными народами, съ сохраненіемъ каждому своей особой физиономіи. Такіе два народа слились бы непременно въ одинъ или составили бы конфедерацію, какъ слиты между собою отдѣльныя республики, входящія въ составъ Швейцаріи. Что бы ни говорилось о братствѣ между народами, о будущемъ золотомъ вѣкѣ, когда свободная торговля черезъ нѣсколько столѣтій или тысячелѣтій сольетъ цѣлый земной шаръ въ одну націю, въ одну общину; все это очень мило, несмотря на то, что отзывается Аркадіей, но если даже допустить, что всѣ народы братья, то все-таки у каждаго брата своя физиономія, своя личность, свое имѣніе и отдѣльные интересы, которые покажѣтъ играютъ первостепенную роль.

Поэтому-то крайняя необходимость каждому народу рассчитывать только на самого себя составляетъ разгадку совершившагося на нашихъ глазахъ соединенія Италіи, разгадку дивныхъ успѣховъ Гарибальди и того инстинктивнаго стремленія къ единству, какое чувствуется теперь по всей Германіи и между южными славянами. Это слитіе нѣсколькихъ народовъ въ одинъ, при существованіи общихъ интересовъ и стремленіе къ разьединенію въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требуютъ выгоды, зависящія иногда отъ географическаго положенія, доказывается и тѣмъ, что безпристрастный наблюдатель легко замѣтитъ въ нынѣшнемъ движеніи Германіи. Эта страна чувствуетъ свое второстепенное положеніе вслѣдствіе разьединенія, стремится къ соединенію, но сѣверъ и югъ ея не ехоятся; ихъ выгоды, ихъ стремленія и вѣроисповѣданія различны, и потому вѣроятно со временемъ образуются изъ Германіи не одна держава, а двѣ — сѣверная и южная. Но это будетъ еще не скоро, можетъ-быть тогда, когда чувства и сознаніе братства между народами дойдетъ до того по крайней-мѣрѣ, что братья не будутъ шѣпать другъ другу устраивать свои собственныя дѣла.

Тривная рѣчь повелителя Франціи выражаетъ между прочимъ желаніе, чтобы избиратели «прислали въ новую палату людей, ко-

торые, подобно нѣмѣцкимъ представителямъ, принимали бы существующее правленіе безъ задней мысли». Въ чемъ можетъ заключаться эта задняя мысль — въ рѣчи не упомянуто; можно только догадываться, что здѣсь говорится о мысленномъ возвращеніи назадъ, къ тому недавнему прошедшему, какихъ-нибудь пятнадцатидесять-шестьдесятъ лѣтъ назадъ, когда Франція пользовалась болѣею свободою, когда каждое слово, сказанное въ палатѣ представителей, было слушано цѣлою Европою, когда не твердили безпрестанно о принципахъ 1793 года, а хоть сколько-нибудь ихъ держались, когда умственный уровень Франціи былъ несравненно выше. Но такой способъ управленія странюю оставляетъ неизгладимый слѣдъ. Уровень понизился, литература упала, такъ что лучшіе современные писатели неудобочитаемы; значеніе женщины въ обществѣ все болѣе и болѣе приближается къ значенію самки, а денежные вопросы поглотили всю дѣятельность мужчинъ. Упадокъ общественнаго уровня замѣтенъ въ каждомъ мѣстѣ любой французской газеты. Это не потому, чтобы осторожность и боязнь предостереженій мѣшала имъ высказываться. Пожалуй можно и не высказываться, но въ тоже время можно и не говорить нѣкоторыхъ вещей, которыя никто говорить не заставляетъ. Въ повѣсти, въ фельетонѣ «женщина создаетъ для вѣжкихъ ощущеній, сфера ея жизни ограничивается чувствомъ влюбленности, а внѣ этого чувства она погибаетъ, какъ благоуханный цвѣтокъ, лишенный благотворной влаги». Или такой-то, Оскаръ или Ипполитъ, былъ утѣшенъ въ своей неизнаградимой потерѣ полученіемъ полковничьяго чина и орденомъ почетнаго легіона. Или послѣ многоразличныхъ приключеній, страданій, препятствій, бѣдности и т. п., герой романа все преодолеваетъ и все кончается благополучно. «Черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ прохожіе часто встрѣчали на такомъ-то бульварѣ прекрасную парочку: онъ новидимому отставной военный, съ ленточкою почетнаго легіона; не столько лѣта, сколько благополучно прошедшія страданія набросили на его прекрасное лицо нѣсколько морщинъ, не уменьшавшихъ красоты его благородной, открытой физиономіи, а недавно зажившій рубецъ на лѣвой щекѣ указывалъ, что онъ на спиной стоялъ къ непріятелю подъ торжествующимъ знаменемъ Франціи. Она была прекрасна, какъ майское утро; чистѣйшее счастье, выражавшееся на ея ангельскомъ лицѣ, доказывало, что цѣль жизни ея достигнута. Онъ былъ Артуръ де Шатоверьъ, а она Матильда де Кампаньоль». И конецъ. И вся французская литература теперь съжилась въ эти размѣры. Дошло даже до того, что весьма серьезныя политическія газеты печатають предсказанія погоды на весь годъ, будто бы основанныя на данныхъ науки, на

глубокихъ научныхъ изысканійхъ. Такъ нѣкоторый г. Матье будто бы расчислилъ, что апрѣль и май будутъ во Франціи весьма дождливы, 30 и 31 марта будутъ большія бури, 9 и 10 іюля сильный градъ и т. д. Все это сопровождается обыкновенною шарлатанскою уловкою, которая придаетъ рѣчи извѣстный оттѣнокъ правдоподобія, вродѣ того, что у автора предсказаній недостаетъ научныхъ данныхъ, чтобы предсказать погоду на вторую половину іюня.

Принимая во вниманіе все это, весьма удобно предсказать не погоду, а результатъ ожидаемыхъ во Франціи выборовъ. Никакого вѣтъ сомнѣнія, что желанія императора будутъ исполнены и новая палата составитя изъ людей, немнѣющихся никакой задней мысли. Да еслибы даже не слѣдовало это само-собою изъ воспитанія, которому подвергается въ послѣднія тринадцать лѣтъ Франція, то все равно, избирательство такъ организовано или лучше сказать такъ подстроено, что успѣхъ прѣвительственныхъ кандидатовъ вполнѣ обезпеченъ. Въ предыдущіе выборы все уже отлично было устроено, а теперь приобрѣтена опытность, а опытъ великій учитель. Его уроками воспользуется прѣвительство.

На другой день послѣ открытія собранія тронною рѣчью, было первое засѣданіе законодательной палаты. Президентъ ея графъ де Морни произнесъ маленькую вступительную рѣчь:

«Господа, послѣ рѣчи императора мнѣ мало остается прибавить; я боюсь даже толкованіемъ этихъ благородныхъ словъ ослабить произведенное ими впечатлѣніе. Вы всѣ я увѣренъ были глубоко тронуты чувствами, выраженными государемъ законодательному корпусу, и благодарны за нихъ. (Живое выраженіе сочувствія.) Надежда императора на васъ не будетъ обманута. Во время нынѣшняго собранія вы не будете терять изъ виду, что ваше положеніе и ваши слова будутъ имѣть большое вліяніе на расположеніе и духъ избирателей. (Одобреніе.) Въ послѣдніе пять лѣтъ вы поддерживали правительство, какъ обязано это дѣлать всякое политическое собраніе; вы оказывали ему пособіе съ преданностью, безъ слабости. Великій безпристрастный умъ, который сравнитъ итогъ вашихъ правъ и преимуществъ въ началѣ вашего собранія съ тѣмъ же итогомъ нынѣ; всякій кто считаетъ законы, измѣненные или отмененные вашимъ честнымъ вліяніемъ, безъ переворотовъ и столкновеній, пойметъ очень хорошо, что ваша роль была тѣмъ дѣйствительнѣе и полезнѣе, что она была примирительна и увѣренна, (многочисленные голоса: очень, очень хорошо!) и что этотъ обменъ довѣрія и уступокъ между государемъ и вами относится къ чести и къ славѣ обѣихъ властей и къ выгодѣ всѣхъ великихъ интересовъ страны. (Шумное выраженіе сочувствія.) Будетъ также на-

дѣяться, что страна, въ своей мудрости, продолжитъ такое положеніе, вслѣдствіе котораго конституція становится дѣломъ, стоящимъ выше всякихъ нападений, потому что оно удобоусовершенуемо; такое положеніе, которое способствуетъ установленію свободы и навѣки укрѣпляетъ основаніе императорской династіи.»

Заключеніе рѣчи было конечно сопровождаемо сильными и продолжительными рукоплесканіями. Мѣстами слышались восторженные крики: «да здравствуетъ императоръ!»

Изъ газетъ многія выхваляли тронную рѣчь до небесъ, забывая вовсе, что для внутренняго, нравственнаго значенія похвалы свобода слова еще нужнѣе, чѣмъ для простаго разбора, даже для прищипанія. Другія газеты рѣшались смѣть свое сужденіе имѣть, и получили предостереженія, которыя во французскомъ законодательствѣ о печати для газетъ тоже самое, что первый прищипокъ паралича; второй прищипокъ бываетъ тяжеле, а третьяго уже вѣрно не переживаетъ. Получила предостереженіе и лучшая изъ газетъ, издающихся во Франціи, «Le Temps», въ лицѣ своего редактора Нефдера и автора статьи Шефера. Слѣдуетъ замѣтить, что эти предостереженія весьма дѣйствительны, весьма пособляютъ: газеты говорятъ весьма осторожно и по необходимости становятся въ высшей степени бездѣйственными.

Особенно много занимались газеты подробнымъ разсмотрѣніемъ вопроса: будетъ ли говорить въ сенатѣ принцъ Наполеонъ, защитникъ итальянскаго единства, или не будетъ говорить? Иные утверждали, что скажетъ рѣчь, другіе отстаивали противное мнѣніе. Были даже толки о томъ, что на время обсужденія адреса принцъ уѣдетъ въ Египетъ или на Нордъ-капъ. Рассказывали, будто императоръ выразилъ ему свое желаніе, чтобы онъ помолчалъ; будто министръ иностранныхъ дѣлъ просто не далъ принцу какихъ-то дипломатическихъ документовъ, которыхъ тотъ требовалъ для составленія своей рѣчи. Но все это не иное что, какъ сплетни, касающіяся семейныхъ отношеній императорскаго дома, и къ дѣлу вовсе нейдетъ, потому что новая рѣчь принца Наполеона ни на шагъ не подвинетъ итальянскаго единства. Партія клерикаловъ, или привильнѣе сказать неоклерикаловъ слишкомъ сильна, императоръ имѣетъ слишкомъ сильную охоту вмѣшиваться въ римскія дѣла, императрица слишкомъ любитъ своихъ епископовъ, чтобы чья бы то ни было рѣчь могла тутъ что-нибудь сдѣлать.

Нынѣшніе клерикалы или неоклерикалы весьма далеко ушли впередъ отъ прежнихъ. Тѣ не были обуреваемы демономъ сомнѣнія, вѣрили въ силу и правоту своихъ убѣжденій безусловно и требовали прямо той же самой безусловности отъ другихъ. Но такъ

какъ времена переходчивы, то дѣло дошло не до уступокъ, потому что тутъ уступки немыслимы, а только до перемѣны тактики, до прикрыванія цѣлей разными благовидными предлогами. Прежніе требовали сущности религіи, а нынѣшніе довольствуются формой, и потому ихъ успѣхъ менѣе подлежитъ сомнѣнію. И къ своему дѣлу они относятся скептически, и стараются обезпечить себѣ успѣхъ всѣми возможными средствами, все стараясь прикрыть свои цѣли славой Франціи, государственною необходимостью, прочестью династіи и даже денежными выгодами. Противъ такого арсенала всякая борьба совершенно бесполезна.

А денежные выгоды тамъ вездѣ и во всемъ на первомъ планѣ. Мексиканская экспедиція предпринята столько же для славы, сколько изъ-за барышей. Имѣется въ виду приобрести въ вознагражденіе за военныя издержки (которыхъ мексиканцы, надо замѣтить, не просили) богатѣйшую мексиканскую провинцію Сонору, съ великолѣпными золотыми и серебряными рудниками. Вмѣстительство въ дѣла Соединенныхъ штатовъ происходитъ изъ-за денегъ, и на этотъ разъ дѣло вотъ въ чемъ.

Прокламація президента Линкольна уничтожаетъ невольничество во всѣхъ южныхъ штатахъ съ 1-го нынѣшняго января. Это великое дѣло, съ которымъ Линкольнъ имѣлъ счастье связать свое имя, возбуждаетъ толки французскихъ газетъ и большое съ ихъ стороны неудовольствіе. Прошлогодній законъ о конфискаціи невольниковъ относится прямо къ непокорнымъ жителямъ штатовъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ относиться къ иностранцамъ, которые подчиняются законамъ страны, гдѣ они нашли себѣ пріютъ. Въ силу этого закона, бѣглый невольникъ, принадлежащій владѣльцу не возставшему или нейтральному, каковы всѣ иностранцы, живущіе въ краю, выданъ обратно быть не можетъ, но владѣлецъ его имѣетъ право на вознагражденіе, обѣщанное федеральнымъ правительствомъ. Прокламація 1 января напротивъ не дѣлаетъ никакого исключенія, не ограждаетъ никакихъ рабовладѣльческихъ правъ. Уничтоженіе невольничества есть общее и невозвратимое. Отнынѣ владѣть невольниками не могутъ ни возставшіе, ни нейтральные, ни даже иностранцы. Иностранцы, говорятъ, собираются протестовать, и сочиняютъ записку для представленія своимъ правительствамъ. Произойдетъ разумѣется дипломатическая переписка, въ высшей степени поучительная. Невольничество въ колоніяхъ, принадлежащихъ Франціи, уничтожено декретомъ республики въ апрѣль 1848 года. Въ восьмой статьѣ декрета сказано: «Впредь всякому французцу запрещается даже въ чужихъ земляхъ владѣть невольниками, покупать ихъ или продавать и принимать прямое или ковен-

ное участіе въ торговлѣ такого рода. Всякое нарушение этикъ постановленій влечетъ за собою потерю достоинства французскаго гражданина. Французы, владѣющіе невольниками въ чужихъ земляхъ и застигнутые этимъ декретомъ, будутъ имѣть три года срока, чтобы принять свои мѣры. Получившіе невольниковъ въ наследство въ чужихъ земляхъ должны будутъ продать ихъ или освободить въ теченіе того же трехлѣтняго срока, считая отъ дня вступленія во владѣніе наследствомъ.» Временное правительство 1848 года не хотѣло, чтобы французы, живущіе въ чужихъ земляхъ, нарушили постановленіе объ освобожденіи, обнародованное для колоній. Но въ 1851 году данный срокъ признанъ короткимъ и продолженъ на десять лѣтъ. Въ 1858 году, когда прошли установленные десять лѣтъ, оказалось по счету, что 20,000 французскъ, живущихъ въ Соединенныхъ штатахъ, на островѣ Кубѣ, Порторико и въ Бразиліи, должны были потерять права французскаго гражданства. Правительство представило законодательному корпусу новый законъ при слѣдующихъ соображеніяхъ: «Конечно, мысль сдѣлать изъ каждаго француза завращицей живой и постоянный протестъ противъ невольничества была мысль великодушная. Но если подумать, что болѣе двадцати тысячъ французскъ, живущихъ на Кубѣ, Порторико и на бразильскомъ берегу, подъ страхомъ потерять свою національность, должны отказаться отъ своей собственности, когда-то признаваемой и нашими законами, или продать ее въ убытокъ и отказаться отъ промышленности, которая не можетъ быть ведена безъ невольниковъ, то чувство справедливости противъ этого протестуетъ и не позволяетъ поставить нашихъ согражданъ въ необходимость дѣлать страшный выборъ между разореніемъ или потерю національности. Въ настоящее время если не будетъ постановленъ новый законъ, Франція разомъ теряетъ болѣе двадцати тысячъ гражданъ, живущихъ въ странахъ, гдѣ невольничество еще не уничтожено.» Поэтому новымъ закономъ право владѣть невольниками оставлено за всѣми французами, живущими въ рабовладѣльческихъ странахъ, имѣвшими рабовъ до 1848 года или получившими невольниковъ въ наследство, въ даръ, или по свадебному контракту.

Но вдругъ прокламація Линкольна разрушаетъ дѣйствіе этого закона для всѣхъ живущихъ въ предѣлахъ Соединенныхъ штатовъ, а французскія газеты начинаютъ тяжело вздыхать о горькой участи своихъ земляковъ, владѣющихъ рабами въ невольничьихъ штатахъ. Но корысть сбиваетъ ихъ съ толку. Они забываютъ, что не отмѣнена статья, лишающая правъ французскаго гражданства всякаго француза, который покупаетъ или продаетъ невольниковъ, при-

нимать въ торгѣ прямое или косвенное участіе, а что нѣтъ ни одного рабовладѣльца на свѣтѣ, который бы не продавалъ или не покупалъ себѣ невольниковъ, или по крайней-мѣрѣ косвеннымъ образомъ не принималъ участія въ торгѣ самымъ своимъ рабовладѣльчествомъ. Но они этого не забываютъ; они только изыскиваютъ вся возможные способы для того, чтобы какъ-нибудь выйтаться въ чужое дѣло для поддержанія интересовъ своихъ согражданъ, ибо нѣтъ той справедливой и честной идеи, за которой не стояло бы непообъядное французское знамя.»

Кстати по поводу этого пышнаго изреченія, въ Мексикѣ оказывается справедливѣйшею и честнѣйшею идеею — приобретеніе богатѣйшей золотыми рудами провинція. Генераль Форей, главнокомандующій завоевательнымъ французскимъ корпусомъ, доноситъ что все обстоитъ благополучно и что онъ дѣятельно готовится къ занятію Пуэблы, которая лежитъ во 140 верстахъ отъ Меккико, столицы мексиканской республики. Для того, чтобы обезпечить себѣ успѣхъ, онъ послалъ десантъ въ другое мѣсто, именно къ городу Тампико, чтобы направить его туда же, въ Пуэблу, другою дорогою. Отъ 1 декабря доносится, что жители Тампико, второго послѣ Санта-Нруца торговаго порта Мексикки, «весьма счастливы присутствіемъ французскихъ солдатъ, которыхъ встрѣтили съ большимъ сочувствіемъ. Жители Тампико просили оставить у нихъ французскій отрядъ, и генераль Форей, снисходя будто бы къ ихъ просьбѣ, отрядилъ отрядъ морскихъ солдатъ для занятія города.»

Важнѣйшихъ сраженій не было; только гдѣ-то въ одномъ мѣстѣ полторы тысячи французомъ разбили и обратили въ бѣгство двадцать-пять тысячъ мексиканцевъ. Оставляя въ сторонѣ то преувеличеніе, которое въ военномъ рапортѣ почти неизбѣжно, слѣдуетъ замѣтить, что если не такими точно, то подобными подвигами въ самомъ дѣлѣ будетъ ознаменовано вторженіе французомъ въ Мексику. Французскіе солдаты и офицеры посредствомъ многолѣтней практики дошли до убѣжденія, что для войска всего безопаснѣе не австрійское *par immer langsam vorgehen*, а напротивъ, самое быстрое и самое рѣшительное движеніе, которое только незнакому съ дѣломъ челоѣку кажется въ тоже время и самымъ опаснымъ. Ничуть не бывало, и расчетъ тутъ вѣрный. Увлеченіе нападешя, *l'entrain* производитъ паническій страхъ въ защищающемся, а нравственное преимущество тутъ вѣрное ручательство за успѣхъ и за наименьшую потерю людей. Но каково же это было бы когда бы встрѣтились два одинаково увлекающіяся войска, одинаково убѣжденные въ выгодности увлеченія? Произошла бы ужасная по зѣрству и свирѣпости свалка, передъ которой были бы

бѣдны и кротки кровопролитныя схватки дикихъ зѣрей въ пустынь.

Последнія извѣстія

Въ Градіи не только престолъ, но и кандидатура на престолъ до-сихъ-поръ вакантны. Ни одинъ изъ предложенныхъ кандидатовъ не рѣшился принять опасной чести приводить въ порядокъ бѣдную Грецію, которая теперь испытываетъ на себѣ всѣ неудобства такъ-называемаго переходнаго состоянія. Безпорядки дошли до той степени, дальше чего они идти не могутъ: въ войскѣ жгуча всякая дисциплина, безъ которой войско становится шайкою разбойниковъ. Чтобы какъ-нибудь сохранить наличныя военныя силы, правительство принуждено было смѣнить около трехсотъ офицеровъ и произвести на ихъ мѣсто столько же унтеръ-офицеровъ. Солдаты признаютъ только тѣхъ командировъ, которые почему-нибудь имъ нравятся, часто только по одинаковости очень далекаго образованія и прогоняютъ тѣхъ начальниковъ, которые не приходится имъ по вкусу. Назначенъ былъ недавно новый комендантъ въ Патрасъ; но онъ долженъ былъ бѣжать, а солдаты потребовали прежняго. Кровавыя встрѣчи между народомъ и солдатами теперь не рѣдкость. На дняхъ въ Вестидѣ, торговомъ городѣ, была драка между жирными жителями и солдатами; много было убитыхъ и раненыхъ. Разбои продолжаютъ попрежнему, съ тою только разницею, что прежде они происходили преимущественно близъ турецкихъ границъ, а теперь по всей уже странѣ. Сила правительства парализована.

А между-тѣмъ законодательная палата собралась въ Аѣнахъ; съ чрезвычайною медлительностью произведена была повѣрка избраній; члены, съѣхавшіеся въ Аѣны, не являлись въ засѣданія, будто нарочно затлгивали дѣло организованья парламента, и теперь наконецъ объявили себя въ полномъ и законномъ составѣ. Но не слышать еще никакихъ энергическихъ мѣръ для приведенія дѣлъ въ порядокъ, не замѣтно усміій, такъ необходимыхъ теперь, потому что положеніе со дня на день становится все хуже и хуже.

Въ Турціи не лучше. Тамъ произошолъ министерскій кризисъ, если только въ Турціи переменъ въ министерствѣ можно назвать кризисомъ. Тамъ, гдѣ министры не отвѣтственны передъ страномъ, весь ходъ дѣлъ вполнѣ и безусловно зависить отъ верховной власти, и вотому переменъ ближайшихъ исполнителей воли государя не можетъ имѣть никакого особеннаго значенія, и направленіе не-

лѣтѣ какъ внутренней, такъ и внѣшней, никакой не имѣетъ связи съ личнымъ характеромъ, наклонностями и убѣжденіями того или другого министра. Весь вопросъ заключается только въ большей или меньшей исполнительности того или другого. Говорятъ, что въ послѣднее время султанъ замѣтилъ большія упущенія и безпорядки по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія, особенно въ денежныхъ дѣлахъ, и рѣшился впредь не поручать уже никакихъ дѣлъ въ распоряженіе министровъ, а дѣлать и рѣшать все самъ. Такая рѣшимость показываетъ, что султанъ имѣетъ весьма неясное понятіе не только о количествѣ дѣлъ, но также и о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣчаются при изученіи каждаго дѣла. Знающіе службу люди понимаютъ очень хорошо, что каждое рѣшеніе зависитъ отъ того, въ какомъ видѣ представлены будутъ обстоятельства дѣла, стало-быть отъ представленія, слѣдовательно отъ представляющаго. Еслибы существовала какая-нибудь возможность одному человѣку изучать въ надлежащей полнотѣ и подробности всѣ встрѣчающіяся дѣла, то султанъ съ вышѣшнимъ своимъ намѣреніемъ еще могъ бы управлять прекрасно; но дѣло въ томъ, что на это не достанетъ никакихъ силъ, и потому можно себя вообразить какъ теперь пойдутъ дѣла. Къ довершенію картины надобно представить себя, что имѣютъ же иѣкоторую тѣнь основательности слухи, будто бы султанъ страдаетъ какою-то мозговою болѣзью и чувствуетъ иногда припадки, которые съ иѣкоторыхъ поръ повторяются все чаще и чаще. Вѣроятно впрочемъ, что это несчастіе не на много осложнитъ заботы посланниковъ великихъ державъ, наблюдающихъ за ходомъ дѣлъ въ Константинополѣ.

Благодаря турецкому владычеству, Черногорье начинаетъ процвѣтать. Великія западныя державы, подозрительно смотрящія на все что говоритъ какимъ бы то ни было славянскимъ нарѣчіемъ и въ тоже время исповѣдуетъ греческую вѣру, согласились охотно, чтобы турки провели черезъ Черногорье свою военную дорогу и обстроили ее блокгаузами. Такъ окончателно пала независимость маленькой славянской земли, которая до сихъ поръ оставалась независимой, несмотря на всѣ усилія турокъ. Но русскій посланникъ въ Константинополѣ протестовалъ противъ постройки блокгаузовъ, и къ его мнѣнію мало-помалу присоединились посланники другихъ державъ, за исключеніемъ Австріи, которая торжественнымъ молчаніемъ своимъ показывала, что по ея мнѣнію турецкіе блокгаузы въ славянской землѣ будутъ служить къ вашему опезпеченію безсилія безвоиннаго племени, сосѣдняго и одноплеменнаго съ австрійскими подданными. Но черногорскій сенаторъ Мирко Петровичъ,

отецъ высшннго владыки, приѣхалъ въ Вѣну, вѣсколько разъ представлялся императору, и уже неизвѣстно какими доводами согласилъ императора съ мнѣнiемъ большинства великихъ державъ, такъ что теперь устройство военной дороги хотя и продолжается, но покрайней-мѣрѣ постройка блокгаузовъ отложена до весны. Есть надежда, что весной, когда окончательно опредѣлится дѣла Турціи, блокгаузы будутъ вовсе отмѣнены. Чтоже касается до дороги, то это дѣло не дурное. Всякая дорога есть мечъ обоюдоострый; дорога облегчаетъ движеніе обѣихъ враждующихъ сторонъ, и впоследствии можетъ пригодиться, какъ путь соединенія другихъ славянскихъ племенъ съ черногорскими. Во всякомъ случаѣ славяне могутъ находить утѣшеніе въ самой этой дорогѣ, которая покажется только означать потерю самостоятельности одного изъ славянскихъ племенъ. Но современемъ, въ будущемъ быть-можетъ не очень далеко, судьбы балканскаго полуострова должны перейти въ руки славянъ, составляющихъ большинство тамошняго народонаселенія. Тогда окажется, что дорога совсѣмъ не лишнее дѣло.

Гарибальди поправляется. Онъ еще лежитъ, но рана, изъ которой вынута была пуля, весьма удовлетворительно зарастаетъ и заткивается. Слишкомъ скорого улучшенія ждать было нельзя, такъ какъ раздроблена была кость, и требуется немало времени, чтобы все пришло въ прежній порядокъ. Когда рана окончательно закроется, Гарибальди все-таки будетъ прихрамывать, если только въ состояніи будетъ ходить безъ помощи трости.

Изъ разныхъ мѣстъ Италіи люди, искренно преданные свободѣ, продолжаютъ посылать капрерскому пустынноку различные адреса и припошенія. На то и въ другое онъ отвѣчаетъ письмами, въ которыхъ выражаетъ надежду на скорое освобожденіе Италіи отъ ненавистнаго ига чужеземцевъ въ Римѣ и въ Венеціи. Въ послѣднее время миланскіе художники поднесли ему двѣ картины, на которыхъ изображенъ самъ Гарибальди съ итальянскимъ знаменемъ въ рукахъ въ Капитоліи и во дворцѣ венеціанскихъ дождей. Капрерскій пустыннокъ очень милостиво принялъ эти двѣ картины, исполненные, говорятъ, превосходно.

Въ Туринѣ приѣхалъ знаменитый Исаакъ Перейра для переговоровъ объ основаніи въ Италіи земскаго банка для залога земель. Говорятъ, что онъ сдѣлалъ довольно выгодныя предложенія, и дѣло состоится. Слухъ объ этомъ немедленно проникъ куда слѣдуетъ и имѣлъ хорошее вліяніе на биржевые курсы. Италія теперь болѣе занята промышленными предпріятіями, чѣмъ политическими вопро-

сами : строятъ желѣзныя дороги ; черезъ лѣса, гдѣ укрываются шайки разбойниковъ , начинаютъ проводить дороги. Разбой не совсѣмъ еще прекратился въ неаполитанской области , но все-таки лѣла начинаютъ принимать нѣсколько болѣе нормальный видъ. Нѣсколько арестовъ послѣдняго времени доказали , что неаполитанскій король въ Римѣ далеко еще не отказался отъ надеждъ возвратиться современемъ въ свою прежнюю столицу : онъ продолжаетъ посылать туда деньги и ведетъ переписку съ своими прежними приверженцами. Но полиція на всегда дремлетъ.

Папа началъ приводить въ дѣйствіе нѣкоторыя изъ обѣщанныхъ реформъ ; но приступая къ дѣлу, онъ объявилъ , что большая часть преобразованій совершена имъ будетъ впослѣдствіи , когда папскому престолу возвратятся земли , отошедшія два года тому назадъ къ Италіи. Изъ всѣхъ переимѣнъ оказалась удобоисполнимою только одна : увеличеніе числа членовъ финансовой консулты. Дѣйствительно , членовъ прибавлено , но съ какою цѣлью — понять нельзя. Въ прошломъ году , несмотря на значительный приходъ суммъ , составляющихся изъ динарія св. Петра , въ папской казнѣ оказался недочетъ для передержка въ двадцать съ нѣмъ-то миліоновъ франковъ. Если прибавить къ этому жадованье новыхъ членовъ консулты , то недочетъ конечно увеличится ; но и двадцать новыхъ членовъ не придумаютъ , изъ какихъ источниковъ могутъ быть покрыты передержанныя суммы. Приходится прибѣгать къ займамъ. При помощи упорнаго покровительства Франціи конечно найдутся капиталы , которые снабдятъ папскую казну деньгами. Тотъ же Исаакъ Перейра , несмотря на нѣкоторое различіе своихъ религіозныхъ убѣжденій съ папскими , не откажется подѣлиться своими капиталами , разумѣется за надлежащіе проценты.

Въ Америкѣ продолжается междоусобная война съ прежнимъ ожесточеніемъ , съ ужасными и безплодными кровопролитіями. Въ этой войнѣ не знаешь чему больше удивляться : рѣдкой ли безларадности предводителей , или каменной стойкости солдатъ.

**Сѣверно-русскія народоправства во времена
удѣльно-вѣчевого уклада, соч. Николая Костомарова. Спб. 1863. Два тома.**

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

I

«Было время, когда сумма внѣшнихъ явленій, образующихъ то что называется государственною или политическою жизнью, составляло все, чего можно было требовать отъ науки. Такъ и слѣдовало: внѣшность прежде всего обнимается, скорѣе усвоивается. Такимъ образомъ исторія госуларства руссійскаго Карамзина была созданиемъ самымъ удовлетворительнымъ въ свое время. Заслуга знаменитаго исторіографа тѣмъ важнѣе, что онъ внесъ въ свое сочиненіе зрѣлую критику. Съ своимъ великимъ талантомъ Карамзинъ уже не ограничивался односторонностію внѣшности и въ своемъ сочиненіи оставилъ зачатки и указанія новаго изложенія для будущихъ дѣятелей науки. Когда все безмолвно поклонялось его авторитету назадъ тому лѣтъ тридцать, явился смѣлый человѣкъ, выступившій на учено-литературное поле больше съ отвагою мысли, чѣмъ съ ученымъ авторитетомъ: то былъ Полевой съ его «исторіей русскаго народа». Названіемъ, даннымъ своему сочиненію, онъ заявлялъ требованіе, что исторія русскаго государства недостаточна: необходима еще исторія народа. При быстро подвижной работѣ нашей мысли, многимъ едва извѣстно по имени это сочиненіе. Я не имѣю цѣлью въ настоящее время дѣлать его оцѣнки; скажу только, что при многихъ достоинствахъ, полемическій тонъ мѣшалъ автору взглянуть на предметъ своего изложенія безпристрастно и спокойно; подражаніе западнымъ теоріямъ побуждало его прилагать, верѣдко некстати, къ отечественнымъ событіямъ

несвойственные взгляды), а болѣе всего недостатокъ источниковъ воспрепятствовалъ осуществиться на дѣлѣ названію, избранному авторомъ. Одно только названіе болѣе всего осталось многозначительнымъ для насъ отъ этого творенія талантливаго писателя (лекціи по русской исторіи, № 4 Костомарова, стр. 7).

Такъ говоритъ г. Костомаровъ въ другой книгѣ своей о судьбахъ русской исторіи, науки, которой самъ онъ является однимъ изъ даровитѣйшихъ жрецовъ въ наше время. Онъ совершенно вѣрно указываетъ на важное значеніе попытка Полевого, хотя въ этой попыткѣ болѣе всего знаменательнымъ осталось для насъ названіе.

Исторія вообще стоитъ нѣкоторымъ образомъ на грани между наукою и искусствомъ, и въ лучшихъ своихъ выраженіяхъ прямо переходитъ въ область послѣдняго. Она требуетъ не одного ума, не одного дара критической провѣдительности, но живого таланта, чисто художественной способности видѣть въ минувшемъ жизнь и передавать ее съ ея запахомъ и цвѣтомъ. Критическія изслѣдованія, хотя бы на нихъ лежала печать Шлецеровской гениальности, не составляютъ исторіи, а только готовятъ ее или, разрушая первоначальную форму ея, способствуютъ къ появленію новой. Такъ труды Шлецеровъ, Болтиныхъ и другихъ изслѣдователей разбили татищевскія и щербатовскія формы нашей исторіи и подготовили художественную карамзинскую картину. Такъ въ продолженіе двадцати-пяти или тридцати лѣтъ, мы ничего много не дѣлали, какъ разбивали карамзинскую форму и только-что начинаемъ создавать новую, которая можетъ имѣть какія нибудь притязанія на полноту и цѣльность.

Ясно, что эта разрушительная работа была въ высочайшей степени необходима. Съ каждымъ днемъ открывались новые или крайней-мѣрѣ прежде мало доступныя источники исторической жизни, измѣнялись вслѣдствіе этого точки зрѣнія на самую сущность и нравственную физиономію народа, поочередно эта сущность и физиономія обозначались яснѣе и рѣзче въ памятникахъ и слѣдахъ историческаго процесса. Выстѣ съ этимъ росло и пониманіе исторіи вообще, уяснилось разумѣніе ея прежде совершенно таинственныхъ законовъ, мысль стремилась уяснить законы въ видимой случайности событій и, гордая своими торжествами, сначала можетъ быть слишкомъ увлекалась приложеніемъ логики къ явленіямъ жизни. То въ типахъ и расахъ, то въ постепенномъ и постоянномъ развитіи отвлеченнаго и общаго существа человѣчества искала она себѣ опоръ и во всякомъ случаѣ сильно дѣйствовала на мыслящихъ читателей своими исканіями.

Карамзинъ былъ чуждъ этихъ исканій, какъ была чужда ихъ вся его эпоха. Великія, но еще неопредѣленныя идеи Гердера прошли мимо его, его не коснувшись. Народность, которыхъ чутье было въ такой степени даже великому германскому мыслителю, славилась для Карамзина, ученика французской образованности, въ совершенно тусклые образы, и въ чертахъ нравственной физиономіи своего народа искалъ онъ не личныхъ чертъ, а общихъ, классическихкихъ, по которымъ уже прошолъ уровень ложно-античнаго взгляда. Все это такъ, все это, имѣемъ уже мы право сказать, сохраняя глубокое уваженіе къ безсмертному въ литературѣ нашей писателю, все это нисколько даже не ново. Ревностнѣйшіе изъ его послѣдователей, вооружавшіеся нѣкогда съ яростію за малѣйшую замѣтку противъ кумира ихъ, стали впоследствии революціе служить новымъ идеямъ, проводить новыя воззрѣнія, искать личныхъ, народныхъ чертъ. Все же и послѣдователи и противники дѣлали въ сущности одно дѣло: разбивали классическую форму; все, съ большаго или меньшаго талантомъ, съ огромною или только наскорю захватанною ученостію, дѣлали честное и хорошее дѣло; все, отъ скенятиковъ, часто дѣтскими возраженіями заподозрѣвавшихся бытіе Новгорода, до Полевого, которому многое, даже его «Параша Сибирячка», должно быть прощено за то, что онъ первый вздумалъ писать исторію народа, и до Погодина, историческими отрывками и сценами изъ лицъхъ нытавшагося свести съ ходуль классическіе образы и передать свое простое пониманіе ихъ кружинъ и дѣйствій.

За отвлеченные, головные вопросы нельзя бороться всею полнотою силъ; борьба за нихъ возможна потому только, что водъ нами, водъ отвлеченными вопросами науки, часто сокрыты плоть и кровь наши.

Нигдѣ можетъ-быть это върованіе, покрайней-мѣрѣ для насъ русскихъ, такъ не подтверждается, какъ на вопросахъ нашей исторіи. Въ вышеозначенную борьбу внеслось напимѣрѣ столько страстнаго увлеченія, столько энергій со стороны борцовъ мысли, что это увлеченіе и эта энергія уазываютъ на чрезвычайно глубокіе источники. Стоитъ только припомнить яростную, по тону даже въ высшей степени неприличную статью, которой разразился «Московский Вѣстникъ» при появленіи исторіи Полевого; странныя и до какого-то цинизма наглыя статьи такъ-называемаго спешителнаго наставленія; докихотское посвященіе Полевыми труда своего Нибуру, стоитъ все это только припомнить, чтобы понять, какъ не дешево доставалась борцамъ ихъ отчаянная вылазка. Всюду, вездѣ стремились они разъяснить свое пониманіе народ-

ной фязіономіи. Съ этими цѣлями Полевой напримѣръ въ блестящую пору своей дѣятельности, писалъ свои историческіе романы и повѣсти. Эти повѣсти, какъ и его исторія, были съ его стороны стремленіемъ исправить то что было по его мнѣнію неправильно понято, какъ напримѣръ личность Дмитрія Шемяки, и вообще протестомъ противъ неправильнаго пониманія черты народной фязіономіи. Погодинъ также писалъ драмы и повѣсти, а отчаянное невѣріе въ исторію скептиковъ было чувствомъ столь глубокое, что оно же, только уже не въ дѣтскихъ формахъ своихъ, явилось въ школѣ такъ называемаго родового быта. Сколько разубѣжденій, разочарованій и иногда пламенныхъ вѣрованій посажено во всю эту, нынѣ многими забытую, полемику. Слѣдуетъ до сихъ поръ еще не уgomинилось можетъ-быть ненавистей, но только съ ограниченностью воззрѣнія можно бросить въ эту ненависти камень, ибо онѣ не были личныя.

«Исторія есть священная книга народа, главная, необходимая», — такъ начиналъ нашъ Карамзинъ свое предисловіе — мудро ли, что за пониманіе и толкованіе этой книги люди борются, мудро ли, что они вносятъ въ эту борьбу и надежды свои, и порою свое горькое отчаяніе?..

Въ сущности говоря, два воззрѣнія и раздѣляютъ постоянно нашихъ историковъ. Они ярдо выставились въ послѣднее время въ родѣ и общинѣ, какъ послѣднихъ выраженіяхъ существенныхъ противорѣчій. Можетъ-быть еще и эти формулы не довольно ясны, можетъ-быть централизація и племенные начала выражаютъ точнѣе смыслъ этой борьбы. На языкѣ прежней полемики это былъ споръ о варягахъ-славянахъ и варягахъ-норманахъ; нѣсколько ближе къ намъ — споръ карамзинистовъ и скептиковъ, еще ближе — споръ родовиковъ и общинниковъ, окончательно же — споръ централизаторовъ и федералистовъ.

II

Въ сущности, всѣ хотя и разнообразныя, но жемужественныя, соціальные, теоретическія сочувствія, которыми централизаторы и родовики замѣняютъ для себя вѣру въ живые, народныя начала жизни, сводятся къ одному знаменателю, къ преобладанію такъ называемаго государственной идеи. Ничего кромѣ развитія отвлеченнаго понятія о государствѣ, они не видятъ въ нашей исторіи и несчастливымъ тѣ идоласкимъ требы, которыя приносятъ они своему сухому и узкому идеалу. Такъ много напримѣръ значенія приид-

вать географическимъ очертаніямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ мало придавать значенія племеннымъ различіямъ можно только съ условною, заранѣе постановленною теоріею. Кромѣ того, что такой пріемъ въ высшей степени узокъ: отъ него у родовиковъ вѣдетъ однимъ ученымъ, однимъ кабинетнымъ созерцаніемъ. Они пишутъ по картѣ, безъ истиннаго и живого знанія мѣстностей и ихъ существенныхъ отличій. Слишкомъ видно, что они мало знакомы на дѣлѣ съ мѣстностями своего отечества; иначе они сумѣли бы хоть оживить, расцвѣтить свою картину и тогда выводы ихъ во многомъ вѣроятно лишились бы своей рѣзкости, потеряли бы сухой характеръ системы, на нихъ лежащей. «Природа страны, — говоритъ напримѣръ глава родовиковъ, г. Соловьевъ — имѣетъ важное значеніе въ исторіи по тому вліянію, которое она оказываетъ на характеръ народный. Природа роскошная, съ лихвою вознаграждающая и слабый трудъ человѣка, усыпляетъ дѣятельность послѣдняго, какъ тѣлесную, такъ и умственную. Пробужденный разъ вспышкой страсти, онъ можетъ оказать чудеса, особенно въ подвигахъ силы физической, но такое напряженіе силъ не бываетъ продолжительно. Природа, болѣе скупая на свои дары, требующая постояннаго и нелегкаго труда со стороны человѣка, держитъ послѣдняго всегда въ возбужденномъ состояніи; его дѣятельность не порывиста, но постоянна; работаетъ онъ умомъ, неуклонно стремится къ своей цѣли; понятно, что народонаселеніе съ такимъ характеромъ въ высшей степени способно положить среди себя крѣпкія основы государственнаго быта, подчинить своему вліянію племена съ характеромъ противоположнымъ. Съ другой стороны роскошная, щедрая природа, богатая растительность, пріятный климатъ развиваютъ въ народѣ чувство красоты, стремленіе къ искусствамъ, къ поэзіи, къ общественнымъ увеселеніямъ, что существенно дѣйствуетъ на отношенія двухъ половъ: въ народѣ, въ которомъ развито чувство красоты, господствуетъ стремленіе къ искусству, общественнымъ увеселеніямъ, въ такомъ народѣ женщина не можетъ быть исключена изъ общества мужчинъ. Но среди природы однообразной и потому невеселой, въ климатѣ относительно суровомъ, среди народа, постоянно дѣятельнаго, занятаго, практическаго, чувство изящнаго не можетъ развиваться съ усилѣніемъ; при такихъ обстоятельствахъ характеръ народа является болѣе суровымъ, склоннымъ болѣе къ полезному, чѣмъ къ пріятному; стремленіе къ искусству, къ украшенію жизни слабѣе, общественныя удовольствія матерьяльнѣе, а все это вмѣстѣ, безъ другихъ, постороннихъ вліяній дѣйствуетъ на исключеніе женщинъ изъ общества мужчинъ, что разумѣется приводитъ въ свою

очередь еще къ болѣе суровости нравовъ. Все сказанное прилагается въ извѣстной мѣрѣ къ историческому различію въ характерѣ южнаго и сѣвернаго народонаселенія Руси».

Во всѣхъ этихъ общихъ мѣстахъ гегелевской исторической философіи много дѣйствительно вѣрнаго, завоеваннаго человѣческимъ мышленіемъ, но завоеванное въ свою очередь подвергается завоеваніямъ и остается только въ извѣстной мѣрѣ и степени. Это рабское подчиненіе человѣческаго духа географическимъ очертаніямъ было бы возможно только тогда, когда бы въ расахъ человѣческихъ не лежало великой силы, предназначенной къ торжеству надъ матеріальными условіями. Примеръ Англій, выработавшей изъ себя великое искусство, великую общественную жизнь не только государственную, но и общественную, съ высшимъ положеніемъ женщины, съ веселою жизнью этой «old England» «старой Англій», жизнью столь могучей, что она отринула отъ себя даже и могучій пуританизмъ, какъ исключительный элементъ, всегда какъ фактъ волюющій представляется противъ фаталистическихъ выводовъ. Съ другой стороны — примеръ Индій, давшей права нѣкогда великіе задатки искусства, но никогда не выработавшей общности, также вопіетъ противъ благопріятствованія роскошной природы человѣческому развитію.

Но это положимъ дѣло еще спорное, дѣло системъ. Но что совершенно неспорно, такъ это то, что въ особенности исторію Россіи надобно начинать съ опредѣленія племенъ, а не съ опредѣленія географическихъ очертаній. Мы не лопари и не финны, мы не родились въ этомъ суровомъ климатѣ, — родина наша на Дунаѣ. Племя страстное, сильное, по тайной волѣ провидѣнія послано работать въ эту дикую мѣстность, въ борьбѣ и работѣ сказать міру свое слово. Можно сказать, что лучшіе соки славянства, лучшія зерна его отсѣивались все дальше на сѣверъ и сѣверо-востокъ.

Явно, что родовики своими общими мѣстами хотятъ что-то доказать, что общія мѣста имѣютъ характеръ чисто *аллегорическій*. А что именно они хотятъ доказать, догадаться не трудно, зная существенныя начала теорій.

Теорія хочетъ доказать ни болѣе ни менѣе, какъ слѣдующіе факты: 1) неразвитіе и невозможность развитія въ сѣверномъ племени общественности изъ него самаго, ибо климатъ безъ другихъ, постороннихъ вліяній исключаетъ и общественность и женщину. Подъ другими, посторонними вліяніями естественно должно разуть татарь; 2) большую даровитость въ отношеніи къ искусству, общественности и проч. племенъ южнаго передъ племенемъ сѣвернымъ. То и другое положеніе равновѣрно принадлежатъ къ числу

идеологическихъ требъ, приносимыхъ теоріи. Толи другое рѣши
оближаютъ кабинетное пониманіе племени. Общественность жизни,
широта ея, — подъ влияніемъ обстоятельствъ совершенно вѣщи-
ныхъ, часто переходящая края, — развиты были и суть на сѣверѣ
и сѣверо-востокѣ Руси и на поволжьи въ отношеніяхъ го-
раздо болѣе, чѣмъ на югѣ. Женщина выросла до политическаго
даже значенія — единственный фактъ всей русской исторіи въ
ономъ только Новѣгородѣ, который ужь вовсе не Италія по кли-
мату. Поэзія и искусство вообще... но мы всегда готовы сказать, въ
покойномъ Надеждинымъ: «гдѣ ждемъ, тамъ и поэзія». Народная
растянутая поэзія сѣвера и поволжья даже шире охватываетъ
провья. Даровитости сѣвернаго племени нисколько не выдвигаетъ
его практичность, а кто имѣетъ хотя смутное понятіе объ особен-
ностяхъ жизни въ селеніяхъ архангельской губерніи и въ бога-
тыхъ фабричныхъ, селеніяхъ поволжья, этихъ истинныхъ остат-
кахъ нашихъ старыхъ городовъ, тотъ вѣроятно признаетъ въ
нихъ зародыши общественной несравненно болѣе широкой, чѣмъ
общественность придѣлпровья. Въ старыхъ и вѣчно новыхъ вѣ-
скахъ этой стороны женщина является лицомъ часто даже самъ-
комъ свободнымъ, а только на сѣверѣ рождались короводы. Это раз-
личіе въ характерѣ пѣсни сѣверянина и южанина, т. е. различіе
въ племенномъ характерѣ вообще глубоко и поэтически доизмалъ
покойный Венелинъ, котораго великое сердце равною любовью об-
нимало всѣ славянскія народности и всякой давало цѣну.

Существенно различна въ своемъ взглядѣ съ школою родо-
ковъ или централизаторовъ — новая школа. Вотъ что наиримѣръ
одинъ изъ самыхъ блестящихъ ея представителей, г. Костомаровъ,
въ своей вступительной лекціи по русской исторіи, говоритъ объ
исходной точкѣ историческаго изложенія (стр. 3).

«Едва ли нужно доказывать, что всякое политическое общество,
съ его движеніями и измѣненіями, относится къ народу, какъ явле-
ніе къ его сущности, какъ внѣшность къ внутреннему содержанию,
такъ что опредѣлительность, какую мы даемъ кругу, въ который
заключены политическія явленія, зависитъ отъ степени нашего вѣ-
дѣнія, какое мы составили себѣ о народѣ. Такъ, приступая къ исто-
ріи политическаго общества, подъ именемъ русской исторіи, мы
вправдѣ спросить себя: какого политическаго общества исторія пред-
стоитъ нашему изученію? Той ли державы, которая существуетъ
теперь подъ именемъ русской имперіи? Но если мы станемъ раз-
сматривать всѣ признаки, составляющіе это понятіе, то найдемъ,
что всѣ они сгруппировались между собою и составили то явленіе,
которое мы называемъ въ настоящее время русскою державою,

только съ Петра Великаго; и многіе, обращая исключительное вниманіе на одну видъ государственной жизни, справедливо, съ своей точки зрѣнія, говорятъ, что для нихъ только съ этого времени исторія представляеть живой и непосредственный интересъ. Въ прежнія времена существовало другое государственное тѣло, до того отличное отъ настоящаго, что многіе изъ его важнѣйшихъ признаковъ составляютъ для насъ предметъ археологическихъ изслѣдованій. Еще несходнѣе наше государство съ удѣльно-вѣчевой Русью, а замѣснїй періодъ мелькаетъ намъ изъ глубокой доли совершенно чуждымъ нашему политическому свѣту мерцающимъ. Чтоже соединяетъ эти періоды, которые, несмотря на ихъ отличіе другъ отъ друга, никто однако не исключилъ еще изъ науки русской исторіи?

Не земля, потомучто коль скоро мы будемъ имѣть въ виду исторію всего того, что случилось на землѣ, гдѣ теперь живемъ, или той, которой обитатели доупили въ политическое единство съ государствомъ нашимъ, то придется говорить, какъ объ отечественномъ элементѣ, и о бытѣ Пантикапей; она однако не имѣетъ къ намъ болѣе близкаго отношенія, какъ вообще исторія греческихъ колоній, и касаясь Пантикапей, нужно было бы пуститься въ изученіе исторіи. Намъ бы пришлось излагать исторію готфовъ, нѣкогда властвовавшихъ надъ нашею страной, и предаться изученію древне-германскаго міра, а это отвлекло бы насъ отъ прямой нашей цѣли. Очевидно то что образуетъ единство между различными видами государственной или политической жизни — есть народъ, ибо только на основаніи сознанія тождества нашего народа, какъ въ отдаленныя, такъ и близкія къ намъ времена, можемъ мы называть отечественными обитателями такихъ, которые болѣе имѣютъ между собою несходства, чѣмъ подобія. На основаніи тождества народа, въ различныхъ государствахъ, въ одно и тоже время существующихъ или существовавшихъ, безъ всякихъ признаковъ политической связи, исторія этихъ государствъ можетъ составить одну исторію. Такое явленіе встрѣчается и въ нашей исторіи, когда въ XIV вѣкѣ образуются два русскія государства, — московское и литовское. Наконецъ въ одной и той же исторіи съ извѣстнымъ государствомъ можетъ принадлежать и часть другого государства, коль скоро въ этой части народъ составляетъ единое тѣло съ тѣмъ, который живетъ въ первомъ изъ государствъ. Такъ, къ единой исторіи свободной Греціи будетъ всегда принадлежать судьба Фессалии и острововъ Архипелага, остающихся подъ властью Турціи. Это приложимо и къ русской исторіи. Черновная Русь въ XIV вѣкѣ выступила изъ политической связи съ остальною Россією, но судьба

ей до тѣхъ поръ будетъ принадлежать къ русской исторіи, пока народъ червоно-русскій не потеряетъ русскаго языка и началъ русской жизни. Такимъ образомъ излагая только исторію государственной жизни, если мы хотимъ быть основательными, то невольно будемъ въ своемъ изложеніи подчинять принципъ государственности идеѣ народности, ибо только народность даетъ связь странамъ, соединяющимъ между собою никакого политическаго, связующаго признака. Доказывать, что внѣшнія явленія политической жизни не могутъ у насъ составить исторіи народа, кажется дѣтъ необходимости, ибо это само по себѣ слишкомъ ясно.»

Еще разнѣе и яснѣе высказывается г. Костомаровъ относительно значенія племенныхъ началъ.

«Не отклоняясь отъ идеи народной жизни, — говоритъ онъ на стр. 12 того же сочиненія, — мы должны будемъ обратить особенное вниманіе на составъ русскаго народа, прослѣдить историческую этнографію, развѣтвленіе народностей, ихъ взаимныя столкновенія, противудѣйствія, возникновенія и упаданія. Только такое изученіе можетъ дать намъ народъ, и открыть тѣ элементы, которые его создали. Едва ли въ мірѣ есть держава, которая составлена изъ одной народности и едва ли есть народъ, въ которомъ бы нельзя было открыть настоящаго или прошлаго существованія составныхъ частей. Въ послѣднее время на Россію указывали какъ на явленіе въ политическомъ мірѣ противоположное тому, какое представляютъ Австрія и Турція, столь ярко выказывающія разнохарактерность народностей въ своемъ составѣ. Мы кажется Россія, по составности своего народа, не отстаетъ отъ другихъ. Назадъ тому лѣтъ двадцать, обращали вниманіе на одинъ только славянскій элементъ, даже собственно на одну господствующую политически-великорусскую народность; казалось, что историкъ, и даже историкъ народа, долженъ имѣть въ виду эту господствующую народность, а другія, не оказавшія политической самобытвой жизни, или потерявшія ее, не удостоивались отъ историковъ независимаго разсмотрѣнія. Народности финскія, литовскія, сибирскія, татарскія остались безъ вниманія, даже богатые и важныя въ свое время изслѣдованія о нихъ нашихъ незабвенныхъ путешественниковъ XVIII вѣка Палласа, Аспехина, Гмелина мало сообщили нашей исторіи. Въ послѣднее время труды нашихъ академиковъ, русскаго географическаго общества и многихъ скромныхъ сотрудниковъ губернскихъ вѣдомостей значительно расширили кругъ свѣдѣній, относящихся къ этнографіи инородцевъ. Однако ни отношенія ихъ къ нашей народности; ни мѣсто, какое они должны занимать въ исторіи, не указано. Замѣчательно, что двѣ народности, болѣе всего

облаившіяся съ нами, корельская и мордовская, изслѣдованы меньше прочихъ. Но между тѣмъ взгляните на этнографическую карту Кепнева, припомните при этомъ положеніе этихъ народовъ въ древнихъ нашихъ лѣтописяхъ и прослѣдите въ памяти ходъ, какой избралъ въ своемъ растяженіи славянскій элементъ, и вы придете къ заключенію, что такъ-называемые ивородцы не оставались безъ сильнаго вліянія на образованіе сильнаго народнаго склада, и что въ нашихъ жилахъ течетъ ихъ крови можетъ быть столько же, сколько и славянской. Притомъ же многіе изъ этихъ народовъ существуютъ до-сихъ-поръ, и въ нашъ вѣкъ мора бы сознательно сказать, что несправедливо пророчить имъ безслѣдное уничтоженіе. Если мы говоримъ: исторія русскаго народа, то принимаемъ это слово въ собирательномъ смыслѣ, какъ массу народовъ, связанныхъ единствомъ одной цивилизаціи и составляющихъ политическое тѣло.»

Мы не станемъ доказывать насколько жизненная простота этого взгляда убиваетъ хитросплетенныя книжныя мудрствованія теоретиковъ. Дѣло говорить за себя. Оно просто и понятно. Даровитый г. Костомаровъ только изложилъ сущность его — нагляднѣе и такъ сказать побѣдоноснѣе другихъ. Онъ пришолъ уже послѣдній, хотя имѣлъ предшественниковъ.

Изъ этихъ предшественниковъ новой школы въ особенности нельзя умолчать объ одномъ, о которомъ вовсе не говорятъ, объ И. Д. Вѣллевѣ. Увлекаясь часто въ сторону, не обладая сжатостью и художественностью изложенія, не имѣя надлежащаго тона и къ сожалѣнію вовсе не заботясь о немъ, съ выводами совершенно вѣрными сопоставляя часто выводы, которые можетъ быть внослѣдствіи и оправдываются, но пока неволью поражаютъ своей странностью, авторъ статей: «Русская земля до прибытія Рюрика», «Прозваніе варяговъ», «О городахъ древней Руси» и проч., имѣетъ то неотъемлемое достоинство, что онъ смотрѣлъ и смотритъ на жизнь не съ одной кабинетной точки зрѣнія, и потому не гнулъ и не гнетъ нашего развитія ни подъ какую теорію. Его изслѣдованія, со всѣми ихъ странностями — богатая руда для будущаго.

Здѣсь мѣсто высказать и то наше мнѣніе, что историку, кромѣ таланта, кромѣ трудолюбія, кромѣ учености, нуженъ еще воздухъ жизни, біеніе пульса въ одинъ тактъ съ пульсомъ народнаго быта и народнаго развитія. Когда Мипле (но да не подумаютъ, чтобы мы этого, хотя и высокопаровитаго человѣка считали идеаломъ историка) говоритъ о различныхъ народностяхъ, изъ которыхъ спланивалось національное единство Франціи, мы слышимъ живыя отпѣтки, видимъ цвѣта, чувствуемъ свѣжій запахъ жизни. Нашъ русскій

историкъ-художникъ, идеаль разумѣется, долженъ совлечь въ себя мастерство Карамзина, критику и трудъ Погодина, сердце и чутье Венелина, опытъ Ходаковского и всю глубокую начитанность Бѣлзева, поэтичность приемовъ Костомарова, глубину П. Павлова и народный взглядъ Шапова.

III

Школа родовиковъ какъ и централизаторовъ, привыкла звать историческимъ все что принадлежитъ къ быту и судьбѣ 1) народовъ, населявшихъ нынѣшнюю русскую государственную область до лѣтвеннаго появленія въ ней племенъ славянскихъ и 2) славянъ и другихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ русскаго государства до половины IX вѣка. Шаткость приѣма обличается здѣсь съ первого разу, но въ этомъ случаѣ должно сказать правду, виноваты не сами историки, а вся наша эпоха по отношенію къ этому вопросу. Не пути, который гениально чулся Венелинымъ, который смѣло и вѣрно преложилъ Шафарикъ своимъ колоссальнымъ сочиненіемъ, но этому пути пошли весьма немногіе, да и тѣ, которые пошли, не обладали тѣмъ критическимъ духомъ, который выручаетъ всю смѣлость соображеній и наведеній Шафарика: развѣ только на сочиненіе Черткова можно указать въ этомъ случаѣ, какъ на попытку двинуть дальше розысканія Шафарика. Для того чтобы двинуть этотъ вопросъ далѣе, чтобы сломить вѣковое невѣріе, разбить множество предубѣжденій, нужно имѣть не одну учевость и начитанность Шафарика, но умъ и талантъ его. Въ настоящую минуту *his sub judice est* т. е. дѣло представляетъ вопросъ еще спорный: завоеванія, сдѣланныя Шафарикомъ, ни болѣе, ни менѣе какъ вѣтъки граней и требуютъ еще слѣпой вѣры, а не перешли въ спокойное вѣдѣніе. Не упрекая поэтому историковъ нашихъ въ томъ, что они не подвинули этого вопроса, сознавая всю трудность ихъ положенія сравнительно съ Карамзинымъ, для котораго существовали извѣстныя всѣми признанныя грани, мы можемъ упрекнуть ихъ однако въ томъ, что они безпристрастіемъ считаютъ колебаніе, что мы не слышимъ въ ихъ рѣчи сердечныхъ убѣжденій, что они искусственно и слишкомъ замѣтно пробираются между двумя подводными камнями, иногда даже несовсѣмъ добросовѣстно, иногда забывая логическія завоеванія критики Шафарика. «Мы не можемъ — говорить напрямѣръ эта школа въ лицѣ своего главнаго представителя — позволить себѣ вдаваться въ вопросы о происхожденіи *скнозовъ*, *сарматовъ* и другихъ сосѣднихъ имъ народовъ, не имѣя достаточ-

ушкунниками, т. е. идея о новгородском происхождении великорусского племени.

Но родовики и централизаторы не только болтятся впадешя въ излишнюю довърчивость, они, и вотъ въ чемъ главнѣйшій ихъ недостатокъ — продолжаютъ смотрѣть и на второй моментъ жизни славянства, какъ на моментъ доисторическій; они не видятъ, да и видѣть не хотятъ, что черты этого, по ихъ мнѣнью доисторическаго момента, суть черты филологическя. Эти черты суть даже нисколько не дороты, они снѣваютъ помимо язычества, преданій и проч. въ одной извѣстной цѣли: къ словенію государственнаго тѣла. Народное у нихъ — явно только переходный моментъ: они имъ не дорожатъ, они видятъ всюду только дѣйствіе силъ видимахъ извнѣ прѣшедшихъ: государства, съ одной стороны торжествующаго надъ тѣмъ что названо ими родовымъ бытомъ и съ другой стороны византийскаго, уничтожающаго всѣ слѣды язычества, по ихъ мнѣнью даже и безслѣднаго.

Теорія родового быта явно требуетъ перевода на другой языкъ, переходить въ дилемму централизаціи и племеннаго начала. Глава школы, т. е. г. Соловьевъ; слишкомъ благоназубный и осторожный для того, чтобы впасть въ крайности, наученный уже простѣйшими изъ своихъ послѣдователей, какъ свѣсны могутъ быть крайности теоріи родового быта, здѣсь уже хромаетъ нѣсколько на обѣ ноги. Онъ понимаетъ напримѣръ, что отвлеченное понятіе о родѣ вообще, о «gens» или кланѣ, не прилагается никакъ къ славянскому быту, и хотъ говорить, что предки наши не знали семьи (?), но охотъ желаетъ проплыть между Сциллою и Харибдою. Плаваніе это столь назидательно, что мы опять позволяемъ себѣ довольно длинную выписку.

«Существуютъ — говоритъ нашъ историкъ — различныя взгляды на родовой бытъ. (То-то и дѣло, что нѣтъ: на родовой бытъ можетъ быть одинъ только взглядъ, а на бытъ родовой и семейный — точно разные) Одни представляютъ его въ идиллическомъ видѣ, предполагаютъ въ немъ исключительное господство нѣжныхъ родственныхъ отношеній; другіе напротивъ смотрятъ на него съ противоположной стороны, предполагаютъ суровость отношеній между отцомъ и дѣтьми, между родоначальникомъ и родичами, подмывающаго родственныхъ отношеній правительственными, причемъ приводятъ въ примѣръ семью римскую и германскую, гдѣ отецъ имѣлъ право осуждать своихъ дѣтей на рабство и смерть. Мы замѣтимъ, что нельзя представлять себѣ родового быта идиллически, нельзя забыть о первоначальномъ, младенческомъ состояніи народа, котораго страсти мало чѣмъ обуздываются; не подобно забывать, что и у просвѣ-

ицѣннѣе отношенія не исключаютъ вражды, что бракъ между родичами считается самою сильною, что родовой бытъ по самому существу своему условливаетъ неопредѣленность, случайность. Но съ другой стороны мы не можемъ раздѣлять прѣтисполннаго взгляда. Правда, что въ бытѣ родовомъ отецъ семейства есть вмѣстѣ и правитель, надъ которымъ нѣтъ высшей власти; но не знаемъ, въ правѣ ли мы будемъ допустить совершенное подавленіе родственныхъ отношеній правительственными, особенно при отсутствіи всякихъ опредѣленій? (Нѣтъ ужъ! отчего же не допустить, если бытъ точно былъ родовый?) Не имѣемъ ли мы права предположить, что родственныя отношенія въ оную очередь смягчали отношенія правительства? Родственныя? стало-бытъ уже не родовыя? стало-бытъ у славянъ были иныя отношенія кромѣ родовныя, а авторъ объявилъ прежде всего, что у славянъ не было семьи! Вотъ къ чему ведетъ идолослуженіе теоріи! «Какимъ образомъ осудить ихъ на совершенное бездѣйствіе даже въ быту самомъ грубомъ? (читатели согласатся, что этотъ вопросъ просто навнѣсъ съ сторовъ теоретика, именно осудившаго ихъ на такое бездѣйствіе!) Владиміръ имѣетъ право казнить жену, замыслившую престоупленіе, и хочетъ воспользоваться своимъ правомъ; но входить илютка-бытъ и мечъ выпадеть изъ рукъ отцовскихъ. Здѣсь главный вопросъ не въ томъ, подавлялись ли родственныя отношенія правительственными; но въ томъ, какъ выражались самыя родственныя отношенія?..»

Останавливаемся на минуту. Во всемъ этомъ многоглаголаніи не очевидно ли желаніе какъ-нибудь половчѣе выпутаться изъ теоріи непримолннаго къ славянству родового быта и вмѣстѣ съ тѣмъ удержать слово, ибо въ заключеніе, какъ мы сейчасъ увидимъ, кромѣ слова ничего уже и не остается. Родовой бытъ все смягчается и смягчается авторомъ до поднаго сглаженія:

«Мы не должны, продолжаетъ онъ, — только по своимъ христіанскимъ понятіямъ судить въ поступкахъ языческихъ, грубыхъ народовъ: такъ напримѣръ отецъ въ семьѣ германской и литовской осуждалъ на гибель новорожденныхъ дѣтей, если семья была уже многочисленна или если новорожденные были слабы, увѣчны; но такое поведеніе отцовъ, приводящее насъ въ ужасъ, происстекало у язычниковъ изъ грубыхъ понятій о родственномъ состраданіи, а не изъ понятій о деспотической власти отца надъ дѣтьми (что-то мудрено восторженное *ius vitae et necis* объяснить родственнымъ состраданіемъ!). Язычники смотрѣли на жизнь человѣка съ чисто-матеріальной стороны: при господствѣ физической силы человѣкъ слабый былъ существомъ самымъ несчастнымъ и отнять жизнь у такого

существо считалось подвигом состраданія; доказательствомъ тому служатъ обязанность дѣтей у германцевъ и литовцевъ убивать своихъ престарѣлыхъ, лишениыхъ силъ родителей. (Все это есть томъ не о настоящемъ, родовомъ *jus vitae et necis*). Эти обычая велись преимущественно у племенъ воинственныхъ, которыя не терпѣли среди себя людей лишнихъ, слабыхъ и увѣчныхъ, неспособныхъ оказывать помощи на войнѣ, защищать родичей, мстить и кибиды; у племенъ, жившихъ въ странѣ скудной, стремленіе предохранить отъ голодной смерти взрослыхъ, заставляло жертвовать младенцами. Но у народа относительно болѣе мирнаго, земледѣльческаго, живущаго въ странѣ обильной, мы не встрѣтимъ подобныаъ обычаевъ, какъ не встрѣчаемъ ихъ у нашихъ восточныхъ славянъ. Литовские, говоря о черной сторонѣ азыческаго быта послѣднихъ, не упоминаетъ объ означенныхъ обычаяхъ, даже у славянъ померанскихъ, которые по воинственному характеру своему и по сосѣдству съ племенами германскими и литовскими являлись болѣе похожими на послѣднихъ; даже и у этихъ славянъ съ престарѣлыми родителями и родственниками обходились совершенно иначе, чѣмъ у литовцевъ и германцевъ. (А какъ именно обходились по свидѣтельству Геммеляда, автору уподобно было отчасти только въ примѣчаніи.) Вообще же должно остерегаться дѣлать тоныя опредѣленія первоначальному, родовому обществу въ томъ или другомъ смыслѣ.»

Что же осталось послѣ всего этого отъ родовыхъ отношеній у племенъ славянскихъ? Да ровно уже ничего, кромѣ семейнаго, которое отвергается у славянъ нашими историками.

Ясно, что испуганный самъ послѣдствіями, выведеннымъ изъ брошеннаго имъ въ публичку слова: «родовыя отношенія», слишкомъ добросовѣстный, чтобы быть послѣдовательнымъ и признать общество въ состояніи родового быта до времени Петра-великаго, — одинъ изъ родителей теоріи путается адѣсь передъ публикой изъ разлчныхъ уступкахъ:

Ясно, что дѣло идетъ не о родѣ, и не о племени, а просто о противоположности началъ племенныхъ, извнѣ пришедшихъ, началамъ централизационнымъ. Въдъ ужъ если толковать о началахъ родового быта, по которымъ старшій братъ заступаетъ мѣсто отца для младшихъ, равно какъ и дядя для племянниковъ, то родовыя отношенія надобно приписать варягамъ, а не славянамъ, а число славянское явлется бораба старшихъ племянниковъ съ младшими дядями, братьями, на сторонѣ которой стоятъ почти всегда старые короля!

Племенные, т. е. народныя начала быта до того враждебны идеямъ родовымъ и централизаторовъ, до того являются у нихъ

переходивши моментомъ, что они съ удивительною быстротою и легкостью скользятъ по всему до-христіанскому быту славянства. Для теорій какъ будто не существуетъ тотъ глубоководный фактъ, что свѣтъ ученія христова совершенно иными путями распространился въ славянскихъ земляхъ, чѣмъ на западѣ. Конечно мы ишли великое счастье получить отъ свѣта съ востока въ изѣтомъ его отраженіи; конечно и церковь восточная по самому духу ученія дѣйствовала на жизнь иными мѣрами, нежели церковь западная, не разрушая мечемъ и огнемъ, не поливая кровью; — не скорость принятія христіанства, но мирное слияніе его со многими чуждыми, что было въ язычествѣ, существованію многихъ языческихъ обычаевъ; хотя уже утратившихъ свой языческій смыслъ до позднѣйшихъ временъ, все это указываетъ на особенный характеръ нашего язычества и на особенный же характеръ славянскихъ племени. Этому явленію нельзя приписать одной только слабости или неясности, затерянности языческихъ представленій; извѣстная степень силы ихъ свидѣтельствуется многими доселѣ еще удѣльными, хотя и утратившими смыслъ обрядами. Наши читатели вѣроятно знакомы съ замѣчательными сочиненіями Н. М. Снегирева по этой части, и для подтвержденія мысли нашей мы должны сослаться только на нихъ, ибо дальнѣйшія изслѣдованія по этой части, приводившія г. Афанасьева и выхъ къ богамъ колесницы и увата, были порожденіемъ слова: родовой бытъ и неудачнымъ приложеніемъ нѣмецкой мифологіи Гримма (да и той дурно понятой) къ славянству.

Теорія родовыхъ мечтаній язычество славянское представляется въ двухъ формахъ: 1) какъ поклоненіе стихіямъ, и 2) какъ поклоненіе гонимъ и душамъ усопшихъ. Что касается до первой формы, то не было еще ни одной мифологіи, которая обоготворила бы стихіи, а во всякой обоготворились силы: стало-быть по общему закону логическому и въ растерявшихся, разбросанныхъ обломкахъ нашей мифологіи должно отыскивать того же. Что же касается до второй формы, то выводы о поклоненіи гонимъ и душамъ умершихъ необыкновенно натянуты и у г. Соловьева, и у его послѣдователей, хотя имѣютъ и извѣстную степень правдивости.

Дѣло въ томъ, что коренное наше язычество, уцѣлѣвшее въ разбросанныхъ членахъ, въ какихъ-то смутныхъ и темныхъ божествахъ Ярилы, Костромы и т. д., закрыто отъ насъ язычествомъ оціанальнымъ, язычествомъ, богамъ котораго поставлены были кумиры передъ самымъ введеніемъ христіанства. Оно какъ оціанальное, замисалъ лѣтописецъ, а настоящіе разсыпались по предавіямъ, пѣснямъ, сказкамъ, празднествамъ, варьировались въ нихъ

и даже может-быть уцѣлѣли въ темныхъ и страшныхъ образахъ. Съ другой стороны суевѣрія не должны быть никогда сифшизаемы съ мифами, а къ сожалѣнію только суевѣрія остались намъ отъ нашего язычества, и может-быть уже въ эпоху введенія христіанства отъ долгаго язычества оставались въ жизни только суевѣрія. Мифы утратили уже свое грозное значеніе, принесенное издалека; изъ первобытной родины: обряды служенія перешли въ чисто-народныя игрища и только вѣніе суевѣрія уцѣлѣло въ какомъ-то странномъ фантастическомъ мірѣ, до сихъ поръ еще окружающемъ наши села и деревни, до сихъ поръ еще вѣющимъ надъ головой каждаго русскаго человѣка.

Вотъ причина, по которой церковь, почти даже и убѣжденіемъ не боролась, или очень мало боролась, съ этимъ совершенно безвреднымъ широмъ. Этотъ міръ язычества пересталъ быть религіознымъ и перешелъ въ ничто племенное, народное, физиологическое. Больше еще, восточная церковь на слѣдахъ язычества может-быть отронила свое зданіе, терпѣла невинныя языческіе обряды въ соединеніи съ нравственными. Слѣды всего этого уцѣлѣли доселѣ въ жизни народа и образовали для царства духа такую твердую и прочную подкладку, которой тщетно стали бы мы вслать на западѣ.

Теорія нисколько не обращаетъ напиримѣръ вниманія на явное отличіе нашего языческаго міра въ его цвѣтѣ отъ цвѣта міра финскаго, и здѣсь опять мы должны припомнить читателямъ изслѣдованія Н. Д. Бѣллева, который эту разницу представляетъ осязательно и показываетъ ясно, что все противоборство христіанству шло отъ финскаго сѣвера, со стороны черныхъ крылатыхъ и хвастливыхъ боговъ, сидящихъ въ безднѣ.

Въ своей враждѣ къ племеннымъ началамъ, централизаторы чрезвычайно мало останавливаются на ихъ проявленіяхъ въ пѣсняхъ, сказкахъ и мірѣ преданій, и невольно заподозрѣваешь самое знакомство историковъ со всѣми этими проявленіями, по крайней мѣрѣ знакомство живое, не книжное. Между-тѣмъ въ изслѣдованіяхъ о первоначальномъ нашемъ бытѣ это самыя важныя источники и опять честь въ этомъ случаѣ чутью, хотя не всегда осторожному, Н. Д. Бѣллева, который смѣло чертитъ типъ новгородскаго ушкуйника по Васькѣ Буслаеву и Акундину Акундиновичу, прокладывая дорогу г. Костомарову. Разумѣется, съ этими источниками надобно обращаться въ высочайшей степени осмотрительно, и главное безпристрастно, не брать ихъ въ услуженіе никакой заранѣе заданной теоріи.

Возсоздать по сказкамъ, преданіямъ, пѣснямъ, отжившимъ или еще доселѣ живущимъ, бытъ нашего племени и можно и дол-

жно, но ужь надобно брать во всей полнотѣ ихъ народное созерцанье, а до сихъ поръ такъ еще не дѣлалось. Г. Соловьевъ, напримеръ беретъ изъ міра преданій, обрядовъ, пѣсень и проч. только то что доказываетъ неразвитость, грубость, переходность быта, а г. Филиповъ съ другой стороны чертитъ цѣлую теорію нравственнаго кастратства на жизненномъ взглядѣ одной пѣсни, взглядѣ, по справедливости сказать, совершенно иномъ во множествѣ другихъ пѣсень. Г. Соловьеву хочется сказать и доказать, что все наше народное само по себѣ грубо; г. Филиповъ хочетъ увѣрить публику, что наше народное созерцаніе тождественно съ совершенно просвѣтленнымъ, и оба кладутъ народное на прокрустово ложе, урѣзывая его по своему произволію. Оба воззрѣнія совершаютъ такимъ образомъ иаольскую потребу теоріи.

Теоріи родового быта съ другой стороны хочется во что бы то ни стало все стихійное, племенное представить только съ одной его стороны, со стороны отпора общественному развитію. Дѣйствительно у стихійнаго есть своего рода консервативность, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы оно не допускало смятій естественныхъ. Историки же централизаторы съ какой-то любовью останавливаются на разныхъ лѣтописныхъ выраженіяхъ, въ которыхъ замечательны племенные вражды, и надобно отдать имъ справедливость: они первые выставили на видъ эти густыя краски вообще строгаго изложенья лѣтописцевъ (прозвища володимерцевъ, новгородцевъ, рязанцевъ, людища аки чувища и проч.), но они не видятъ того только, что отмѣченный такимъ образомъ характеръ того или другого племени можетъ-быть на практикѣ повѣряемъ еще доселѣ, стало-быть уцѣлѣлъ, могъ и долженъ былъ уцѣлѣть какъ особенность типа, — что стихійное вовсе еще не уничтожилось.

IV

Была минута, когда все это, до сихъ поръ еще старой задержавшееся живнію живущее стихійное, развивалось само изъ себя, мучительными, но блестящими борьбами выработывало изъ себя и для себя свой центръ; эта минута есть середина XII вѣка и начало XIII: 1224 годъ полагаетъ по волѣ судьбы предѣлъ этому равнему развитію. Татарская туча заволакиваетъ небосклонъ, и все живое кладется подъ судъ. Великое дѣло начинается совершаться на сѣверо-востокѣ собирателями земли русской, дѣло съ одной стороны отрицательное, съ другой стороны хранительное. Уничтожая несвоевременныя проявленія того что по волѣ судебъ стало скрыто подъ

спудомъ, они, сплотивъ землю русскую, берегутъ ея же особенную индивидуальность со всеми многообразными отливками. Потому-то и они сами, эти сѣверо-восточные собиратели, вступившіе мѣсто правдыроескихъ охранниковъ и парадниковъ, созданы той же самою землею, только роль ихъ перемѣнилась. Нѣкогда они въ лицѣ Андрея и Всеволода выдѣлялись сами изъ общаго, потому что они же въ лицѣ трехъ Ивановъ сплачиваютъ новое общее, новый народъ и естественно борются съ остатками стараго общаго, стараго народа. Старый народъ падаетъ въ этой борьбѣ, потому что у него не осталось никакихъ опоръ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ земь не было живыхъ началъ, чтобы онъ былъ неспособенъ жить. Новому народу помогаетъ низшая сила, отношенія къ татарамъ. Ихъ-то именно, эти отношенія, централизаторы жадны бы совершенно забыть, а между-тѣмъ на всѣ ихъ отрицанія монгольскаго періода, есть возраженіе весьма простое. Куликовская битва, шагъ освобожденія, одна въ числѣ весьма немногихъ событій уцѣлѣла въ памяти народа, перешла въ сказаніе, и до сих поръ каждая Русь читаетъ это сказаніе параллельно съ благочестивыми книгами. Память народа о борцахъ сохранилась о важности борьбы. Соломо доставилъ русской землѣ татары да литва, до того солено, что доселѣ только ихъ она и помнитъ изъ всего своего стараго прожитаго. Они-то и перервали связь ея съ ея до-татарской жизнью, укоротили память русскаго человѣка. Но забывши имена, русская земля не забыла того, чего имена были представителями и доселѣ еще чувствуетъ она свое сердце, свою жизнь въ старомъ сказаніи, въ пѣснѣ и сказкѣ, и доселѣ еще живетъ тою же самою жизнью XII вѣка.

Есть глубокознаменательный фактъ въ литературѣ послѣднихъ лѣтъ. Это книга смиреннаго инока горы Афонской, отца Парфенія. Ее прочла вся Русь отъ мала до велика, а странствованіе инока XIX вѣка ничѣмъ не разнится отъ хожденія Данила, игумена XII столѣтія. Есть еще фактъ столько же знаменательный, что нѣкоторые литературныя произведенія послѣдняго десятилѣтія стали намъ посвящать типы стародавней жизни, стали для нея ключемъ разумѣнія.

Вотъ этого-то типоваго единства и не хочется постоянно видѣть теорію, увлеченная своими началами.

Въ исторіи до петровской Руси два момента въ особенности важны, какъ выраженіе всего типоваго въ ея жизни, всего коренного въ ея стремленіяхъ. Эти моменты XII вѣкъ съ одной стороны и эпоха междоударствія съ другой. Различіе между этими моментами, какъ мы уже сказали, такое, какъ между здоровымъ и больнымъ,

напряженнымъ развитіемъ; сходство въ томъ, что только въ эти два момента типорое и коренное являются во всей полнотѣ своихъ чертъ, отставая ихъ борьбою, отставая нарядъ, обороняя его.

Въ старинѣ нащей — той глубокой старинѣ, связь съ которою разорвала для насъ татарщина и съ которою близкое отношеніе мы должны уже восстанавливать изученіемъ — есть два типа, въ которыхъ охранное, оборонительное начало окружено великолѣпнѣйшею поэзію для всякаго кто умѣетъ чувствовать поэзію.

Я говорю о Владимірѣ Мономахѣ и о Мстиславѣ Мстиславичѣ торопецкомъ, новгородскомъ, галицкомъ.

Владимірѣ Мономахѣ — это статуя еще стоящая на крѣпкомъ, неподрытомъ пьедесталѣ — спокойный, величественный и именно спокойствіемъ величественный, первый слуга земскихъ началъ, коренного наряда, еще не нарушеннаго ничѣмъ внѣшнимъ и прехладическимъ, еще считаемаго за то что есть и что должно быть такого наряда, кромѣ котораго еще ничего нѣтъ. Мономахъ, охранникъ наряда, судья-миротворецъ забывающій для замскаго порядка свои личные интересы. Онъ весь цѣльный, какъ бы литой и вмѣстѣ съ тѣмъ живой стоитъ передъ нами въ простодушномъ разсказѣ летописца. Вотъ онъ когда «вложилъ» ему «Богъ» въ сердце и нача глаголати брату его Святиполку, понужая его на иоганья да весну.» Князья «срѣтостася на Долобскѣ и съдоша въ единомъ шатрѣ»; ибо Святиполкъ, по имени все-таки великій князь, весьма справедливо, на основаніи общихъ началъ, сказалъ ему «да быхомъ ся сядли и о томъ подумали съ дружиною.» И вотъ: «бывшую молчанью (какая это тонкая, живая и притомъ совершенно великорусская черта въ летописи!) рече Володиміръ: брате ты еси старѣй, почни глаголати, како быхомъ промыслили о Русской земли.»

Только тогда начинается онъ говорить, онъ охранникъ всякаго наряда внѣшняго и внутренняго, когда Святиполкъ самъ уступаетъ ему первое слово: «брате, ты почни!» Помните ли вы хорошо рѣчь кошеваго въ «Тарасѣ Бульбѣ», рѣчь, въ которой великій поэтъ Малороссіи совмѣстидъ все существенно-холадское, что носилъ онъ можетъ-быть внутри самого себя, носилъ часто смѣясь, надѣваясь, казая, и что можетъ-быть стояло всегда между нимъ и пониманіемъ великорусскаго быта. Помните этотъ хитрый пріемъ говорить повидимому противъ дѣла и между-тѣмъ возбуждать къ дѣлу; помните эту раздвоенность въ натурѣ, способность быть и сознавать себя на радъ инымъ чѣмъ въ походѣ, раздвоенность, которую обуславлено самое юродство запорожскаго лыцарства, способность видѣть впереди одну цѣль, а къ средствамъ относиться совершенно радодушно, совершенно сверху... Ничего подобнаго не представляетъ

въ эту минуту ни натура Володимира, ни рѣчь. Его отыѣзаніе начать рѣчь — не есть искусственное, дѣланное смиреніе кошевата, а простое уваженіе къ порядку. Въ его рѣчи есть тоже своего рода ловкій приѣмъ, но вовсе не скрытый, а совершенно прямой и дѣйствующій на убѣжденіе прямымъ дѣломъ. «Какъ я хочу молвити — говоритъ онъ — а на мя хотять молвити твоя дружина и моя ркуче; хочете погубити смерды и ролю смердомъ? но се днво ми брате, еже смердомъ и ихъ коній жалѣете, а сего не помышляюще, еже на весну начнегь смердъ тотъ брати лошадыю тою и прѣхавъ Половчинъ ударитъ смерда стрѣлою и пойметъ лошадыю ту — а жону его и дѣти его и гумно его зажегь, — то о семъ чему не мыслите.» (Кіевская лѣт. 6619 годъ).

Есть вѣчто совершенно эпическое, совершенно ваятельное, въ этомъ величавомъ и вѣстѣ простомъ образѣ, точно сейчасъ мы слышали его живую рѣчь, до того живую, что и въ голову не придетъ, да и прияти не можетъ, чтобы она была дѣланная, сочиненная лѣтописцемъ, т. е. въ голову не придетъ, чтобы жизненный взглядъ и выраженіе лѣтописца раздвоились съ жизненнымъ взглядомъ и выраженіемъ его героя.

Это эпическое — еще осязательнѣе въ разказѣ о битвѣ у Клязьмы сына володимирова, Мстислава съ Олегомъ, когда «вдасть Мстиславъ стягъ Володимеръ Половчину, именемъ «Кунуй» вдавъ ему пѣшцыѣ и постави и на правомъ крилѣ и заведѣ Кунуй пѣшцыѣ наня стягъ Володимеръ и узрѣ Олегъ стягъ Володимеръ а убося и ушедъ нанадѣ наня и на вою его» (Сузд. 6604 г.), вѣроятно читатели такъ же могутъ почувствовать, что есть эпическаго въ этомъ *стляѣ*, въ этой *тѣми* великаго нарядника, посвящейся надѣ битвою.

Этотъ какъ бы изваянный образъ не теряетъ своего спокойнаго величія отъ того, что въ завѣщаніи своемъ герой смиренно повѣствуетъ о своихъ подвигахъ, о своей службѣ землѣ, за которую «утерь ошъ много пота» и въ эту минуту, когда онъ пишетъ, стоитъ онъ на высокомъ подножіи, на которомъ не всякій стоять можетъ. То — минута великой скорби и великаго смиренія передъ врагомъ, нанесшимъ скорбь.

Но вопросъ и вопросъ весьма естественный: что если бы Монахъ поставленъ былъ не въ эту эпоху, а въ эпоху своихъ внуковъ отъ сына Юрья? Статуя охранника и нарядника должна была бы сойти съ великаго подножія и ринуться въ битву съ тѣми что подрываетъ или сокрушаетъ это подножіе стараго наряда. Приходитъ время, когда не только «судитъ по праву и радитъ по ряду» надобно, но отстоявать судъ и рядъ по старинѣ противъ новаго суздальско-володимирскаго суда и ряда? Что сдѣлалъ бы Володимеръ Монахъ

махъ, если бы Святоподкъ напрімѣръ прислалъ къ нему такого же посла и съ такими же рѣчами, какого посла и съ какими рѣчами прислалъ къ Ростиславичамъ, старшей вѣтви его внуковъ, Андрей Суздадскій, младшій его внукъ? Тоже что слѣзали Ростиславичи, т. е. велѣлъ бы «Андреева посла емъше постричи голову передъ собою и бороду», какъ они же, какъ Мстиславъ Ростиславичъ, отецъ удалого Мстислава, выучившагося у отца, «отъ уности не уположитися никого же, но токмо Бога единого блюстися», сказалъ бы; «сидите къ князю своему и рци ему: мы тя до сихъ мѣсть, аky отца имѣли по любви, а еже еси съ сякими рѣчами прислалъ, не аky къ князю, но аky къ подручнику и просту челоувѣку, и что умыслилъ еси а то дѣй, а Богъ за всѣхъ.»

И вотъ такая-то статуя сошедшая съ своего пьедестала и рывущаяся или лучше сказать рывутая въ вѣчную битву за нарядъ, за свое подножіе — послѣдній самый великій изъ Мстиславичей, старыхъ охранниковъ, Мстиславъ Мстиславичъ удалой, торопецкій, новгородскій, галицкій. Отецъ его кратковременнымъ, но яркимъ свѣтиломъ пронесся по русской землѣ; кротость и любовь наследовавшій отъ отца Ростислава, стягъ и мечъ отъ прадыа Мономаха, почившій въ Новѣгородѣ великомъ, гдѣ немного князей почали, но которые почали, такъ ужъ тѣ были совсѣмъ по Новугороду, послѣднему и главному подножію стараго идеала жизни, суда и ряда...

Никто изъ историковъ нашихъ не изобразилъ блестящей участи Мстислава удалого такими широкими и смѣлыми чертами, какъ Погодинъ въ своей небольшой, по количеству страницъ, статьѣ о немъ: онъ указалъ глубоко на то трагическое, что есть въ противоположности этой, полной славныхъ, честныхъ подвиговъ жизни, съ безславнымъ, безвѣстнымъ концомъ посреди крамоль и каверзъ галицкаго боярства. Новгородское вѣче, значеніе нарядника и охранника земли русской, постоянная охрана наряда этой земли, столь любимой Мстиславомъ, что даже и тамъ, гдѣ онъ былъ совершенно на мѣстѣ, такъ-сказать въ исконномъ своемъ центрѣ, въ Новѣгородѣ, не могъ онъ усидѣть покойно и говаривалъ: «суть ми орудія въ Руси» т. е. мое дѣло настоящее, мое настоящее значеніе тамъ — и потомъ далекій Галичъ, все болѣе и болѣе отторгавшійся отъ русскаго единства, куда пошелъ онъ тоже за своимъ дѣломъ, пошелъ поддержать и возстановить нарядъ — и который растлилъ можетъ быть его мужественную, самоотверженную природу — и какъ бы въ кару за это растлѣніе, несчастіе битвы на Калкѣ, гдѣ вышняя, чуждая сила лишила старый нарядъ всѣхъ его средствъ, всей обороны, гдѣ погибла Русь, т. е. кievскій нарядъ въ лицѣ всего своего доблестнаго; несчастіе еще болѣе горькое быть вынужденнымъ

бѣжать съ поля этой битвы и сознавать, что самъ онъ видѣвать въ ея неудачѣ и наконецъ самое горькое несчастье доживать свой вѣкъ въ далекомъ захолустьи, и утративши значеніе охранника и парадника дѣла, ослабѣть духомъ и тѣломъ. Да! это участь трагическая, но трагизмъ здѣсь не въ фатализмъ, къ которому (да проститъ здѣсь учитель одному изъ своихъ учениковъ), приходитъ Погодинъ, размышляя о Мстиславѣ и — даже размышляя о Новѣгородѣ, — трагическое здѣсь въ самой личности Мстислава и въ видѣ этой личности.

Время переиначилось. Другой идеалъ, другой парядъ поднялся съ сѣверо-востока. Но сказать, что идеалъ или парядъ суздальскій былъ правъ, а идеалъ кievскій виноватъ, значить идѣваться въ историческій фатализмъ, въ которомъ по страшной игрѣ судьбы сталкиваются и г. Соловьевъ и Погодинъ. Но, милостивые государи, (позволяю себѣ обратиться съ одною рѣчью и къ глубоко уважаемому мною наставнику и къ старому другу молодости, обратиться не какъ спеціалистъ, а какъ критикъ т. е. какъ представитель мнѣнія известной части публики), вы все забываете 1224 годъ и битву на Калкѣ, сносившую лучшій цвѣтъ стараго паряда; вы забываете о Руси, выжженной потомъ полчищами Батыя, о перерванности развитія, о попущеніи божіемъ. Сказать, что Мстиславъ Мстиславичъ боролся за неправое, значить свалить все трагическое его судьбы на тотъ парядъ, котораго онъ былъ послѣдней великой личностью и забывать, что великій парядникъ липецкой битвы, отправившись въ Галичъ для возстановленія паряда, т. е. идеала общественнаго, нравственно упалъ тамъ, растлился и занялся исключительно интересами личными.

Позволяю себѣ гипотезу, психологически впрочемъ вѣрную, что сверхъестественныя силы нужно имѣть для того, чтобы послѣ долгой, даже успѣшной борьбы съ чѣмъ-либо живымъ, т. е. живущимъ силой жить и бороться, не принять въ себя нѣкоторымъ образомъ соковъ того, съ чѣмъ борешься. Мстиславу въ Галичѣ предательски улыбулась суздальская мысль обособленія и усиленія въ замкнутомъ міру. Но ни Мстиславъ не былъ Андреемъ, ни растлѣнный поляками, венграми и боярами Галичъ не походилъ на дѣвственную почву сѣверо-восточной стороны. Сынъ страстнаго и прямого Мстислава, внукъ того Ростислава, который способенъ былъ преимущественно на героизмъ самопожертвованія, который безъ боя «уступилъ дядѣ старѣйшему» какъ только тотъ изъявилъ притязанія на Кіевъ, — Мстиславъ Мстиславичъ былъ слишкомъ чистъ, чтобы имѣть въ виду цѣль, не разобрать средствъ. И по вѣчной провн судьбы излишняя душевная чистота и излишняя

душевная сила, потерявшія свои опоры: вѣру въ нарядъ и самоотверженіе ради его, обратились въ слабость, растлились. Вотъ что трагично въ участи Мстислава, а вовсе не то, что онъ былъ защитникомъ устарѣлаго и долженствовавшаго пастъ наряда. Дѣло въ томъ, что попущеніемъ, а не соизволеніемъ божіимъ погибъ нарядъ, которому честно служилъ нѣкогда доблестный князь. Но попущеніемъ собственнымъ, одолѣвши неправду на липецкой битвѣ, онъ принялъ въ себя нѣсколько капель ея для него ядовитаго напитка. Въ Галичѣ уже не тотъ Мстиславъ, которому «суть орудія въ Руси.»

Оно признаться и трудно было удержаться на той нравственной высотѣ, на которой является намъ онъ, трикратно проносящійся съ топоромъ, своимъ по рядамъ враговъ на липецкой битвѣ. Все что есть поэтическаго и великаго въ образѣ нашихъ богатырей, въ образѣ прадеда его Мономаха, въ образѣ честнаго и самоотверженнаго дѣда его Ростислава — все сливается въ немъ въ эту торжественную минуту его жизни.

Въ высшей степени замѣчательно то обстоятельство, что всѣ героическія черты мстиславова образа уцѣлѣли для насъ преимущественно въ лѣтописяхъ новгородскихъ. Эпопея о немъ, ибо это именно есть эпопея, разсѣяна преимущественно въ I и IV (въ сей послѣдней — липецкая битва) новгородскихъ лѣтописяхъ. Лѣтопись кievская знаетъ его хорошо только съ слабыхъ, съ галицкихъ его сторонъ. Суздальская сухо и бѣгло говоритъ, что «окоянный врагъ діаволь вложи нѣкую котору злу межѣ князи, сыны Всеволожи... и бшася у Юрѣва и одолѣ Константивъ.» Есть даже какъ-будто намѣренное умолчаніе о всѣхъ тѣхъ событіяхъ, въ которыхъ съ блестящей стороны является Мстиславъ Мстиславичъ и какъ-будто намѣренное же упоминаніе о неудачахъ его. По суздальской лѣтописи, мы бы только и знали о Мстиславѣ Мстиславичѣ, что онъ напримѣръ затворился въ Торопцѣ отъ Всеволода Чермнаго и потомъ «не мога терпѣти въ градѣ, цѣлова къ нему (Всеволоду) крестъ на его воли; что въ лѣто 6717 зимою, великій князь Всеволодъ посла сыны свои Конетянтина съ братьею его на Мстислава Мстиславича на Торжекѣ Мстиславъ же слышавъ, еже идетъ нанъ рать изиде изъ Торжку Новугороду и оттуда иде въ Торопецъ, въ свою волость», что (между прочими событіями лѣта 6724) «того же лѣта новгородцы выгнаша отъ себѣ Мстислава Мстиславича и Ярослава Всеволодовича приведоша къ себѣ на столъ.» И ни слова о событіяхъ 1206 года, ни слова объ участи Мстислава Мстиславича какъ нарядника въ дѣлѣ между Константиномъ Всеволодовичемъ и его братьями.

Въ новгородскихъ же лѣтописяхъ напротивъ о неудачахъ Мстислава ни помину, о размолвахъ его съ Новымъ городомъ упоминается вскользь; подъ лѣтомъ же 6724 (по I Новг. подъ 6723) какъ-будто съ желаніемъ скрыть что-то, сказано: «поиде князь Мстиславъ по своей воли Кыеву и створи вѣще на Ярославли дворѣ и рече новгородцемъ: суть ми орудія въ руси а вы вольни въ князехъ.»

Чтоже это значить? Значить просто, что нарядъ разный стоитъ передъ мыслью лѣтописца суздальскаго и передъ мыслью лѣтописцевъ новгородскихъ. Изваяніе Володимира Мономаха одинаково лѣпится и южными и суздальскими и новгородскими писателями, только послѣдними вкратцѣ, болѣе какъ статуя отца Мстислава-великаго, который «заложи Новгородъ болѣе перваго». Нарядъ еще одианъ, стало-быть и представленіе о нарядникѣ одво, цѣльное, неразбитое.

А Мстиславъ Мстиславичъ уже бореться за одинъ нарядъ противъ другого наряда. Еще объ отцѣ его, обрившемъ голову и бороду Андрееву послу, уцѣлѣло героическое представленіе, да и то не въ сѣверовосточной лѣтописи, а въ Кіевской: подъ этими годами еще несравненно менѣе сглажена память о томъ нарядѣ, во имя котораго онъ дѣйствовалъ или, лучше сказать, не такъ еще ярко вызначились, не отлились въ формы черты новаго наряда. Но отъ лѣта 6682 до лѣта 6724 много воды утекло.

На крови Авдрея, на крови мученика выросъ новый нарядъ, сталъ правдой, которую отстаивали «мезиннии Володимерцы» въ дѣлѣ со старѣйшими городами, — сложился въ цѣльный, законченный образъ Всеволода Георгіевича, въ типъ любезный володимерцамъ, противный новгородцамъ, но столь же русскій, какъ и типъ прежній, рожденный только уже другими, чисто великорусскими стихіями славянскаго духа.

Трагическое въ образѣ Мстислава, то, что онъ Владиміръ Мономахъ, которому остается рядить только въ Новгородѣ и который все по старому думаетъ, что нарядъ одинъ и что «суть» ему «орудія въ Руси», когда Русь уже распалась на Владиміръ и Новгородъ... Такъ какъ никакая жизнь не умираетъ, не давши отъ себя возможныхъ отпрысковъ, а старый нарядъ вовсе и не собирался даже умирать, то ничего нѣтъ удивительнаго и въ томъ, что въ семьѣ Всеволода владимірскаго есть Константинъ, въ которомъ олицетворяется противленіе новому въ тѣхъ самыхъ стихіяхъ, изъ которыхъ новое сложилось, Константинъ съ его любовью къ книжному ученію и вѣстѣ къ старымъ городамъ, къ наряду старому, чтимому имъ религіозно, — Константинъ, судья новгородскій — высокое, чистое, и какъ все слишкомъ чистое, кратковременное

существованіе, несправедливость къ которому родовиковъ, какъ будто обходящихъ его, слишкомъ очевидна, и еще болѣе дѣлается очевидною, если читатели знакомы съ превосходной статьей объ этомъ князѣ г. И. Д. Бѣляева.

По старинной и вѣчной ироніи судьбы, новый нарядъ пошолъ отъ человѣка, который всю жизнь свою добивался чести быть нарядникомъ стараго наряда и всю жизнь свою плакался, что ему и его дѣтямъ «нѣтъ части въ русской землѣ» отъ Юрія Владиміровича Долгорукаго!..

По той же самой причинѣ, Юрій Владиміровичъ основалъ или лучше открылъ Москву, послѣдній и самый прочный окладъ того образа, который новый нарядъ искалъ утвердить въ Суздали, Владимірѣ, Боголюбовѣ.

Цѣльный типъ личности Владиміра Мономаха распадается въ сыновьяхъ его и внукахъ. Въ числѣ этихъ распаденій и отпаденій является одно лицо, полное глубоко-комическаго содержанія. Это вѣчный дядя Вячеславъ, именно вѣчный дядя, на котораго наконецъ возложили честь «яко на стрія старѣйшаго» племянники Изяславъ Мстиславичъ и Ростиславъ Мстиславичъ, который какъ Половчинъ бѣгаетъ по русской землѣ, посадить то тамъ, то сямъ и нигдѣ усидѣться не можетъ, потомучто въ княжескомъ дѣлѣ видитъ онъ только внѣшнюю его сторону: пиrowанье съ дружиною и удобства жизни, лицо, котораго сущность выражена юмористически народомъ извѣстнымъ присловіемъ о Титѣ (Титъ, ступай молотить! — Животъ болитъ. — Титъ, ступай кашу ѣсть! — Гдѣ моя большая-то ложка?) забывающій всегда о дѣлѣ и долгѣ наряда, но напоминающій всегда самъ и твердо помнящій основныя положенія наряда, великій князь только по имени, но чрезвычайно довольный великимъ княженіемъ; въ сущности весьма добродушный и даже способный къ созванію своего нравственнаго ничтожества, при смерти доблестнаго племянника. Это комическое лицо носить однако въ себѣ стихіи, которыя создаютъ потомъ могучій, грозный и величественный типъ Андрея. Исканіе *удобствъ* княжеской жизни вырастаетъ въ сознательную мысль обособленія. Разъединеніе съ общими интересами южной Руси воспитывается въ возвышенной природѣ Андрея не своекорыстіемъ, а негодованіемъ на дѣйствія отца Юрія, готоваго добывать часть въ Руси себѣ и своимъ дѣтямъ всякими средствами, честными и нечестными. Андрей съ презрѣніемъ отворачивается отъ этихъ интересовъ, съ дѣтства развѣнчанныхъ для него мелочностью обстановки, съ презрѣніемъ отдаетъ Кіевъ кому попало, впервые взявши вѣнчаный городъ на копы и уединяется туда, гдѣ дышать ему свободно, на сѣверовостокъ, но и здѣсь познаетъ онъ подъ ко-

нецъ, что старый нарядъ есть еще нѣчто живое, всюду распустившее свои корни и гибнетъ героическою жертвою обособленія. Послѣ его смерти, «мезинніи володимерци» въ борьбѣ съ старыми ростовцами, въ сущности выговариваютъ только себѣ право на равное участіе въ общемъ т.-е. пока еще старомъ нарядѣ, но помимо воли и желанія, строятъ подножіе новому андреевскому наряду.

На подножіе становится новая статуя — Всеволодъ Георгіевичъ, прадѣдъ Калиты и Ивана III, типъ вотчинника, типъ такъ же точно рожденный изъ утробы народной сущности какъ и типъ нарядника Мономаха, — типъ приобретающаго, государственнаго промышленника, типъ сѣверовосточный, поволжскій, — болѣе выдержанный, чѣмъ порывистый, хоть и не менѣе перваго страстный, иногда и благодушный; но благодушный съ умомъ и расчетомъ, а не безразсечно великодушный, какъ Мстиславъ Мстиславичъ въ Галичѣ съ Судиславомъ (Кіевск. лѣт. 6727).

Но этотъ новый типъ, покаместъ еще оставимъ въ сторонѣ. Я коснулся его только для того, чтобы пояснить типъ Мстислава Мстиславича, и чтобы сказать съ другой стороны, что какъ тотъ, такъ и другой типъ равно созданы соками народной жизни и стало-быть оба равно имѣютъ право и на сочувствіе и на безпристрастный судъ. По несповѣдимымъ судьбамъ, типъ Мстислава заслоняется на время сѣверовосточнымъ типомъ, но возстаетъ впоследствии во всей красотѣ и трагическомъ величіи въ лицѣ рязанца Ляпунова, славая потомъ мѣсто третьему типу — выборнаго отъ всея земли посадскаго человѣка Козьмы Минина.

Какъ раздвоился типъ греческой жизни на Одиссея и Ахилла, такъ съ давнихъ поръ раздвоился нашъ народный типъ. Онъ раздвоенъ уже въ первоначальныхъ сказаніяхъ, въ богатырскихъ сказкахъ и только насильственно можно сливать этотъ типъ въ одинъ и отрицать двойственность. Должно принять какъ равно-живыя стихіи — и Добрыню Никитича и Алешу Поповича съ Чурилой Пленковичемъ. Въ этихъ типахъ, съ самаго появленія ихъ въ простыхъ и нѣсколько грубоватыхъ изображеніяхъ, замѣтно уже много сметки и того юмора, который составляетъ часто выкупающую сторону русскаго человѣка въ отношеніи ко многимъ темнымъ его сторонамъ. Типъ же Ильи Муромца, которымъ однимъ хотятъ многіе замѣнить два этихъ разнородныхъ жизненныхъ типа, есть уже исключительное, героическое, уже не просто народное, а просвѣтленное христіанствомъ — хотя и правда то, что можетъ-быть ничье народное не представляетъ стихійныхъ началъ, столь доступныхъ просвѣтлѣнію или лучше сказать ничье народное не представляетъ такой мягкости, такого отсутствія темныхъ стихійныхъ началъ.

противоборствующихъ просвѣтлѣнію, такого отсутствія гордости, жестокости, злопаметности, циничной страсти. Это отсутствіе только въ своемъ просвѣтлѣніи становится смиреніемъ, незлобіемъ, великодушіемъ, самоотверженіемъ, но предоставленное самому себѣ, становится чисто отрицательнымъ свойствомъ, можетъ перейти въ постыдное равнодушіе, «тлетворную» дождь, хамство Фамусова и добродушно-смиренное взяточничество Юсова, въ китайскій застой, мертвящую лѣнь, постыдную и унижающую человека запущенность жизни. Главн., отдѣляющая степень этихъ отрицательныхъ свойствъ, на которой они — пороки, отъ степени, на которой они просвѣтляются въ добродѣтели т. е. на которой они очищаютъ въ насъ поле всему доброму, такъ мало рѣзка, что въ нашихъ душевныхъ отношеніяхъ къ ней нужна великая осмотрительность. Съ другой стороны, жизнь этихъ отрицательныхъ свойствъ нашей натуры такъ сильна и крѣпка, что вѣчно въ насъ сказывается, то отпоромъ, то сочувствіемъ, то наконецъ нашимъ критическимъ чувствомъ, ибо эти же отрицательныя, т. е. умѣряющія все жесткое, начала, борются въ нашей душѣ со всѣмъ рѣзкимъ, сибьются надъ нимъ въ насъ самихъ и въ другихъ народахъ, порождаютъ недовѣріе и вражду, сѣдаютъ какъ ржавчина все фальшиво-героическое.

По закону рефлексіи и вслѣдствіе борьбы, начала эти сами должны сосредоточиться въ героическій типъ. И такое сосредоточеніе, точно также какъ и все, встрѣчается въ общемъ узлѣ нашей исторіи въ XII вѣкѣ, завершается въ смиренно-героическомъ образѣ Ростислава Мстиславича, внука Владиміра Мономаха.

Все героическое этого типа заключается въ сознаніи законности, въ уступкѣ ей, въ томъ что онъ по благодушію врожденному и по влеченію сердца «влажи честь на стрѣля старѣйшаго» когда братъ его Изяславъ сбѣжалъ это только вынужденный обстоятельствомъ, да въ его возвышенной и тихо покорной кончинѣ, точно такой же, какъ кончины многихъ безвѣстныхъ героевъ Севастополя и Кавказа, которыхъ открылъ для свѣта въ наше время графъ Толстой.

Все то что въ образѣ Мономаха есть кроткаго, миротворящаго, благодушнаго, исключительно сосредоточилось въ этомъ его внукѣ; напротивъ, все исключительно энергическое пошло въ наслѣдство Изяславу. Но это благодушіе, этотъ миротворящій характеръ переходилъ у Ростислава въ ту распушенность добродушія, совершенно нашу русскую, которая символически представлена въ народномъ сказочномъ образѣ царя Дадона, лица любезнаго и виѣсть комическаго. Покорность и смиреніе, существенныя стороны этого типа, суть повторяю опять свойства только отрицательныя, только отсутствіе

буйства силъ и жосткой гордости застоя. Ростиславъ стоитъ на срединѣ между буйствомъ дяди Юрія и жосткой гордостью Изяслава.

Тизъ Юрія есть первый трагическій отсадокъ буйныхъ, недвольныхъ, кочующихъ, промышляющихъ или промышленныхъ силъ стараго тина, цѣльнаго въ изваяніи Мономаха¹; а въ борьбѣ, въ драмѣ жизни разложившагося на двѣ стихіи; первый трагическій, ибо комическая несообразность, зародышная неуклюжесть этихъ стихій отразились въ фигурѣ дяди Вечеслава.

По духу трагической провіи жизни, Юрій Владиміровичъ, весь по даннымъ природы, сѣверовосточный человекъ, родоначальникъ князей-промыслителей, основатель новаго будущаго (Москва), строитель сѣвера (Галичъ) есть родоначальникъ, основатель и промыслитель совершенно безсознательный. Цѣлую жизнь онъ, не имѣя ни доблестей, ни прямоты, ни безкорыстія, образующихъ идеалъ князя-нарядника, а обладая напротивъ совершенно другими свойствами, годными для образованія другаго идеала, бьется изъ того, чтобы быть верховнымъ нарядникомъ, всю жизнь плачется на то, что ему и его дѣтямъ «нѣтъ части въ Руси» и наконецъ достигаетъ цѣли. Ростиславъ (положимъ, что уступчивость его объясняется обстоятельствами, опасностью имѣть двухъ враговъ вмѣсто одного, Изяслава Давидовича, но вѣдь Изяславъ Мстиславичъ не уступилъ бы такъ скоро, тѣмъ болѣе, что кіевляне предвидѣли рать съ Юріемъ, а Изяслава Давидовича впустили только по необходимости) Ростиславъ сказалъ дядѣ Юрью: «кланяются, стрый ми еси, яко отецъ» Юрій «благодаря Бога видѣ въ Кіевѣ». Все кажется слѣдалось какъ слѣдуетъ. Въ лицѣ его восторжествовало начало стараго наряда; всѣ формы стараго наряда соблюдены «и выйде противу ему множество народа и сѣде на столѣ отецъ своихъ и дѣдъ и прія съ радостью вся земля русская.» И сталъ онъ *представлять* Мономаха, отца своего, раздавать волости дѣтямъ или тѣмъ, кому онъ сталъ «въ отца мѣсто» да уже въ немъ—то самомъ не живетъ болѣе духъ Владиміра Мономаха; въ немъ уже расчетливость заступила мѣсто доблести (дѣло Ивана Ростиславича Берладника) своекорыстіе — мѣсто служенія наряду. Съ нимъ уже пришло въ Кіевъ новое суздальское начало, и когда онъ умираетъ «пивъ у Петрила» то «много зла створися въ тѣ день: разграбиша дворъ его красный и другый дворъ его за Днѣпромъ разграбиша его же зващеть самъ раемъ и Васильковъ дворъ сына его разрабиша въ городѣ, избивахуть суждальцы по городамъ и по селамъ и товаръ ихъ грабяхе» (Кіевск. л.). Въ высшей степени замѣчательно опять, что суздальская (Лавр.) лѣтопись умалчиваетъ объ этихъ событіяхъ.

Кіевскому наряду дядя Юрій былъ гораздо болѣе не чѣмъ двору чѣмъ дядя Вячеславъ.

Юрій есть лицо совершенно ироническое т. е. двойственное. Съ одной стороны всѣ черты новаго, сѣверо-восточнаго, промышленнаго типа, съ другой упорная борьба за старое. Поразительное и какое-то таинственное сходство имѣетъ этотъ дядя Юрій съ другимъ дядею же Юріемъ, сыномъ московскаго Мономаха, Дмитрія Ивановича Донскаго, съ этимъ Юріемъ Дмитриичемъ дальняго сѣвера, т. е. Костромы и Галича (а Галичъ создатель стараго дяди Юрія!) отыскивающимъ такъ же упорно Москвы, какъ старый Юрій отыскивалъ Кіева, торжествующимъ какъ сей же и такъ же мало соотвѣтствующимъ идеалу московскаго вотчинника, какъ мало соотвѣтствовалъ Юрій Долгорукій идеалу кіевского нарядника.

Я съ наивѣрнѣемъ остановился на типѣ дяди Юрія, ибо самаго Ростислава нельзя объяснить, необъяснивши Юрія, на котораго онъ «возложилъ честь», какъ «на стрія старѣйшаго».

Уступчивость передъ всѣмъ что законно, покорность всему что идеально-право, будетъ ли это дядя Вячеславъ, т. е. чистая пошлость жизни, будетъ ли это Юрій, будетъ ли это наконецъ смерть — покорность, т. е. исполненіе долга безропотное, смиренное, вотъ характеристическая черта этого образа, которая въ торжественную минуту смерти возвышается до героическаго, но которой все значеніе не въ ней самой а въ томъ, чему она служить.

На этой смерти и послѣднихъ дняхъ Ростислава, трогательно и высоко-поэтически изображенныхъ въ «Кіевской лѣтописи», я позволяю себѣ особенно остановиться, потому что эти двѣ страницы лѣтописи — ключъ къ разумнѣю сущности того поэтическаго и героическаго, что есть въ этомъ типѣ.

Не думая нисколько о художественности постройки, лѣтописецъ въ этомъ описаніи, лѣта отъ созданія міра 6676, является великимъ художникомъ.

Благодушный нарядникъ земли, нарядникъ по всему уже праву признаваемому какъ имъ самимъ, такъ и всѣми «посла къ братьи своей и къ сыномъ своимъ, веля имъ всимъ съвкупитися у себе съ всеми полкы». И вотъ въ послѣдній разъ торжественно, около послѣдняго законнаго, послѣдняго всѣми чтимаго «въ отца мѣсто», послѣдняго достойнаго сына великаго нарядника, собираются всѣ Мономаховичи, всѣ даже поколѣнія Юрьева (кромѣ разумѣется Андрея, въ которомъ растетъ мысль новаго наряда) «и приде Мстиславъ изъ Володиміра, Ярославъ, братъ его изъ Лучьска, Ярополкъ изъ Бужьска, Володиміръ Андреевичъ, Володиміръ Мстиславичъ, Глѣбъ Гюргевичъ, Рюрикъ, Давыдъ, Мстиславъ, Глѣбъ Городень-

скій, Иванъ Юрьевичъ сынъ и галичская помощь и стояша у Канева долго время... и оттолѣ возвратишася въ свояси.» Въ послѣдній разъ образъ стараго Мономаха возстаетъ въ своей цѣльности — искусство ли то лѣтописи или высшее искусство самыхъ событий — въ послѣдній разъ исправляетъ всѣ обязанности охранника противъ половцевъ, на которыхъ подъ крыльями его, подъ великимъ стягъ Мономаховъ, собрались орлята, нарядники и судьи праведного, судъ и котораго слушаетъ и Новгородъ, ибо онъ радеть по раду и судитъ судъ правый. Вотъ разсказъ Кіевской лѣтописи:

Въ лѣто 6676. Посла Ростиславъ къ братьямъ своимъ и къ сыномъ своимъ, веля имъ всемъ съвѣкнутися у себе съ всеми подьяки своими и приде Мьстиславъ изъ Володимира, Ярославъ братъ его изъ Лучьска; Ярополкъ изъ Бужьска, Володимиръ Андреевичъ, Володимиръ Мьстиславичъ, Глѣбъ Гюргевичъ, Рюрикъ, Давыдъ, Мьстиславъ, Глѣбъ Городеньскій, Иванъ Юрьевичъ сынъ и Галичская помощь и стоаша у Канева долгого верема, дондеже ванде Гречникъ и Залозникъ и оттолѣ възвратишася въ свояси. Того же лѣта исходяча, поиде Ростиславъ Новугороду, занеже недобрѣ живяху Новгородци съ Святославомъ сыномъ его и приде Чичьреку къ зити Ольгови, ту бо бѣ Олегъ ждалъ его съ женою и под Олегъ Ростислава на обѣдъ в бысть радость велика въ тѣ день межи ими, Олегъ же многи дары вдасть Ростиславу и дачи ему вла многи дары, на утрии же день възва Ростиславъ къ собѣ Ольга и дщерь и нача болшими дары учредявъ всехъ, иде Смоленську. И начаша и срѣтати лучшии мужи смолянны за 300 верстъ и затѣмъ усрѣтоша и внуци и затѣмъ усрѣте и сынъ Романъ и епископи Мануилъ и Виѣздъ и мало не весь градъ изиде противу ему; и тако велии обрадовашася вси приходу его и множество даровъ подаша ему. И оттуда въ Торопечь. И оттуда посла къ сыну Святославу Новугороду, веля ему възѣхати противу себе на Луки, бѣ бо уже Ростиславъ не здравуя велии и ту снимася на Лукахъ съ сыномъ и съ новгородци, и цѣловаша новгородци крестъ къ Ростиславу на томъ, якоже имъ имѣти сына его собѣ княземъ, а много князя не исхати, ои съ нимъ смертью разлучити и много даровъ взя у сына и у новгородци. И оттуда възвратися Смоленську. Видящи же Рюрикъ сестра его велии изнемогающа брата и нача молитися, ведиди деча Смоленскѣ въ своемъ ему зданьи. Онъ же рече еѣ: «не могу здѣ лечи, повезите мя Кіеву; аще мя Богъ отъиметь на пути, то доложите мя въ отни благословеньи у святого Федора, аще ми Богъ отдасть болѣзнь сію, молбами пречистыи его матере и святого отца нашего Федосья Печерскаго монастыря, то постригуся въ Печерскомъ монастыри. Егда бо отходя житья сего маловременешнаго и мимоиду-

щаго моляше Семьюнови попови: «тебѣ въздати слово о томъ къ Богу, занеже възборони ми отъ пострженія. Молвяше же со Ростиславъ часто то слово къ игумену Печерскому Поликарпу: тогда игумене, възхѣ мысль отъ постриженія, егда приде ми вѣсть изъ Черныговѣ о Святославѣи смерти Олговича», моляше и то всегда къ игумену: «постави ми игумене, келью добру, боюся напрасныя смерти а что сіе о миѣ Богъ устроитъ и ваша молитва.» Уставилъ же баше и сю добродѣтель въ собѣ, у великій постъ въ святую субботу и въ недѣлю, сажаше на обѣдъ у себе 12 черныца, третій на десять игумень Поликарпъ и тако тѣхъ накорми, не тчихъ отпушаше, самъ же по вся недѣли причащеніе имаше, слезами омывая лице свое и въздыханіемъ частымъ смиряя себе и стенаніи отъ сердца своего испущая, вѣсѣмъ видящимъ его въ толицы смиренны стояща и тако не можаху удержатися отъ слезъ, егда же скончаваше весь постъ и тако учрежаша всю братью, а въ Лазареву субботу всѣ Печеряны взимаше и по всѣмъ манастирямъ зваше, и въ нынѣ дни, въ среду и въ пятюкъ утѣшиваше братью Печерскую. Великую любовь имаше къ святѣй Богородици и къ святому отцу Фелосью, и то повѣствоваше съ Поликарпомъ по вся дни: «хотѣлъ быхъ освободитися отъ маловременнаго и суетнаго свѣта сего и мимотекущаго и многомятежнаго житя сего, еже преже възспоминахъ ти.» Онъ же тако ему моляше: «вамъ Богъ тако велѣлъ быти, правду дѣяти на семъ свѣтѣ, въ правду судъ судити и въ хрестномъ цѣлованьи, вы стояти» Ростиславъ же ему тако рече: «отце княженіе и міръ не можетъ безъ грѣха быти, а уже есмь былъ не мало въ свѣтѣ семъ; и хотѣлъ быхъ поревновати, якоже и вси правовѣрніи цари пострадаша и пріяша възмездіе, отъ Господа Бога своего, якоже и святіи мученици кровь свою проляша, успріяша вѣнца не тлѣнныя, якоже и святіи отци, удручивши тѣло свое постомъ и узкымъ и тѣснымъ путемъ ходивше възспріяша царство небесное, якоже и самага правовѣрнаго царя Костянтина слышахъ глаголаша: «аще быхъ вѣдалъ, ее ли честенъ ликъ чернаецскый, възходяща съ ангелы къ престолу Господню безъ пристава, снллъ быхъ вѣнецъ и багрянцю.» И тако ему повѣсташу съ Поликарпомъ игуменомъ и рече ему игумень: «аще сего желаеша, княже, воля божія да будетъ.» Ростиславъ же, слышавъ отъ игумена, положи въ сердцѣ своемъ рекъ ему: «пережду и еше мало время, суть ми орудица.» И тако ему бесѣдовавши съ нимъ, и благословивъ его отпусти. Мы же на переднее възвратимса. И поидоша съ нимъ изъ Смоленска, а уже ему велми изнемогающу а и бы въ селѣ въ Рогнѣдинѣ въ Зарубѣ и нача молвити Иваскови Фроловичу, покладнику своему и Борисови Захарычу: «възовита ми Семьюна поца, ать

створить молитву; а самъ вздѣвъ рудѣ свои, нача молитву творити, зря къ иконѣ святой Богородици «пречистая Богородици! вышши еси ангель, архангель всея твари честнѣйши, помощнице обидимымъ, понадѣющимся надѣяніе, сиротамъ заступница, убогимъ кормительнице, печальнымъ утѣшеніе, грѣшнымъ спасеніе, хрестьяномъ всимъ вспоможеніе, милостива еси Госпоже! милостью своей помилуй мене, грѣшнаго раба своего Михаила, ризою мя честною защити и умоли въ плотьшагося изъ тебе Бога, пропояши мя силою свыше на невидимыя и видимыя врагы; всемилостивая Владычица Богородице! въздвигни мя изъ глубины грѣховныя и просвѣти ми очи сердечнѣи и спасенія сподоби мя грѣшнаго раба своего, яко держава Христа Бога нашего съ Отцемъ и Сыномъ и святымъ Духомъ» Възрѣвъ на икону самага Творца нача глаголати такимъ гласомъ, слезы испущая отъ зѣницю: «нынѣ отпускаеша раба своего Владыко, по глаголу твоему съ миромъ и бѣ видѣти слезы его лежащи на скранью его, яко женчюжная зерна. И тако, стирая слезы убрусцемъ, усне марта въ 14, а въ 21 сложенъ бысть въ гробъ у святаго Феодора, въ отни ему монастыри, приложився къ отцомъ своимъ. Бысть же княженія его Кіевѣ 8 лѣтъ безъ мѣсяца.»

Все въ этомъ расказѣ носитъ типическій характеръ, пиръ съ Олегомъ Черниговскимъ, поднесеніе даровъ, встрѣча въ Смоленскѣ съ сыномъ Романомъ, епископомъ «и мало не весь градъ изыде противу ему», отношенія къ новгородцамъ, которые кланутся разлучиться съ княземъ только смертью (а смерть-то такъ близка!), желаніе князя лечь въ Кіевѣ и вставка о прежнемъ желаніи его постричься, «егда приде ему вѣсть изъ Чернигова о Святославѣ смерти Ольговича», о любви его къ черныцамъ и братии и объ увѣщаніи ему игумена Поликарпа, — наконецъ повѣствованіе о смиренной ковчинѣ. Повторяю ояты, художество ли это лѣтописи или высшее художество событій, но всѣ идеальныя черты охранника и варяника совокупились въ образѣ Ростислава, въ эту торжественнѣйшую минуту его жизни, — но увы! торжественнѣйшая минута есть въ тоже время и смерть. Достоиню замѣчанія то обстоятельство, что всѣ подробности торжественнаго шествія послѣдняго, всѣми признаваемаго кіевского варяника и сульи (ибо вскорѣ за симъ Кіевъ впервые взять на копье и развѣчанъ), а равно и его смерти, подробности, въ которыхъ несмотря на быстроту прохожденія ихъ перелѣ читателемъ, не опущена ни единая черта изъ идеала стараго варяда, въ которыхъ то слышится, что «было пированье почестный пиръ», то отзывается семейное начало, то звучатъ завѣтныя слова договоровъ Новагорода великаго съ князьями и клятва новгородцевъ: «оли съ нимъ смертью разлучити», вѣющая чѣмъ-то

грустно-проническимъ, ибо смерть у князя за плечами, въ которыхъ накопецъ къ типу народному присоединяется образъ еще болѣе возвышенный и просвѣтленный жаждою пустыни, лавры печерской, всѣ эти подробности, записанныя лѣтописью старого наряда, лѣтописью кievской, не существуютъ въ лѣтописи новаго наряда въ суздальской. Только уже въ московской лѣтописи, въ которой стерты всѣ старыя сочувствія и всѣ старыя вражды, Ростиславу Мстиславичу возвращенъ его типическій ликъ, хотя значительно потускнѣвшій и поблѣднѣвшій отъ сокращеній.

Ростиславъ, это типъ простого, обладающаго чисто отрицательными, но до просвѣтленія возвысившимися свойствами человѣка, типъ высокаго смиренія и покорности наряду, умиляющей душу и сіяющей тѣми слезами, которыя однаково сохранили, какъ существенно-типическое, и кievская и московская лѣтописи: «И бѣ видѣти слезы его, лежащи на скранию его, яко жемчужная зерна свѣтлая, и тако отирая слезы убрुцдемъ усне». Но этотъ типъ не Мономахъ, не борецъ за коренныя народныя начала. Этотъ типъ есть идеально-правый и свѣтлый тогда только, когда нѣтъ героя, нѣтъ Мономаха, когда онъ одинъ между гордыми и своекорыстными бойцами. Вотъ въ чемъ его правота, въ чемъ его значеніе. Придавать ему больше, значить идти слишкомъ далеко.

V

Естественное дѣло, что именно эта исторія XII вѣка представляется совершенно иною съ точки зрѣнія теоріи родового быта.

Всѣ сочувствія ея, этой неумолимой теоріи, конечно на сторонѣ сѣверовосточнаго типа, хотя и на этотъ типъ смотритъ она нѣ высшей степени односторонне. Въ лѣтописяхъ онъ разумѣется является полнѣе и жизненнѣе.

Такъ напримѣръ въ представленіи теоретиковъ мало ясень Всеволодъ Георгіевичъ, а онъ первый очеркъ сѣверовосточнаго вотчинника со всѣми, далеко уже не величавыми, а чисто-промышленными сторонами характера; со всею ловкостью ума, которому суждено впоследствии въ его преемникахъ и въ лицѣ бояръ московскаго государства ловить рыбу въ мутной водѣ удѣльщины и татарскаго ига. Натура сѣверная, т. е. соединеніе величайшей страстности съ невозмутимымъ и ни передъ чѣмъ не остававшимся хладнокровіемъ, тонкой расчетливости и проворства съ страшной широтою природы въ добрѣ и злѣ, благодушія, но не такого, какое сгубило Мстислава Мстиславича въ Галичѣ, а благодушія, происхо-

лящаго отъ широты же умственнаго захвата съ неумолимою мстительностью, натура котораго явится потомъ и Георгіемъ Даниловичемъ и Дмитріемъ Донскимъ, двумя рѣзкими отраженіями ея двойственной сущности!

Великая ошибка историковъ—теоретиковъ въ представленіи этого сѣверовосточнаго типа, смѣниваго типъ новгородскій, или что тоже, кievскій, въ томъ, что они хотятъ смотрѣть на него, какъ на продолженіе того же самаго типа, что они не понимаютъ единства великорусскаго начала въ сторонахъ, впослѣдствіи между собою борющихся, не слѣдятъ одинаковости физиологическихъ чертъ въ борцахъ. Старый типъ гибнетъ въ послѣднихъ тверскихъ князьяхъ и отторгается отъ московскаго единства въ бытіи Новгорода, и эта-то борьба есть поистинѣ трагическая. Сердце Карамзина ей глубоко сочувствовало; теорія заставила централизаторовъ видѣть въ ней одну только борьбу противоположенныхъ стихій съ стихіями общественными. А дѣло тутъ проще: это стихія юнаго общества, застигнутого врасплохъ въ своемъ развитіи татарскимъ нашествіемъ. Пора намъ, понимая подвиги нашихъ московскихъ предковъ съ любовью и почтеніемъ, съ одинаковыми же любовью и почтеніемъ отнестись и къ тому слою, который лежитъ подъ слоємъ ихъ жизни. Централизаторы искусственно проводятъ связь между этими стихіями и тѣми, которыя въ московскомъ государствѣ гибнутъ въ послѣднихъ московскихъ удѣльныхъ смутахъ при Иванѣ III, безобразно бушуютъ въ правленіе Елены и малолѣтство Ивана IV, казнятся грознымъ вѣнценосцемъ и поднимаютъ сто головъ своихъ въ междоцарствіи. Связь тутъ только внѣшняя до внутренней связи, родственной больше между борющимися стихіями сѣверовосточнаго типа. Ловкіе стряпчие московскаго дѣла передъ ханами въ началѣ княженія Василья Темнаго, бояре, сваливающіе вины свои при Иванѣ на прирожденное имъ якобы тупоуміе и слабоуміе, все это только стороны сѣверовосточнаго типа, стороны, образовавшіяся подъ вліяніемъ татарщины, непризнаваемой теорією или признаваемой ею только какъ актъ провидѣнія, изворотливости и кривоудіе, соединенныя съ какимъ-то юморомъ въ Ершѣ Ершовичѣ, этомъ народномъ представленіи сѣверовосточнаго типа съ одной его комической стороны, и вмѣстѣ съ тѣмъ необоримая страстность въ достиженіи цѣлей, — черты совершенно сѣверовосточныя, ничего общаго не имѣющія съ чертами новгородско-кievскаго типа. На сѣверовостокѣ старый типъ сначала столь живой, что онъ живетъ даже въ пригородкахъ, даже въ «мезинвѣихъ» володимерцахъ, блистательно, но на краткій срокъ, сіяющій въ лицѣ Константина Всеволодовича, остался безъ опоръ и палъ окончательно

въ княженіе Донского. Мѣсто его вступилъ новый и въ новомъ тоже началось необходимое разложеніе двухъ его сторонъ. Въ Иванъ Грозномъ сливаются всецѣло, но болѣзненно-напряженно обѣ стороны — страстность и софистическій юморъ, столь ясно видимый въ его посланіяхъ. Между-тѣмъ у централизаторовъ самъ Иванъ Грозный, несмотря на замѣчательнѣйшія усилія даровитости въ его изображеніи, мало видѣнъ въ своихъ юмористическихъ сторонахъ и слишкомъ оправданъ въ своихъ трагическихъ.

Вездѣ и повсюду школою централизаторовъ попущеніе божіе смѣшивается съ соизволеніемъ, и слышится фаталистическій кликъ: «*Vae victis!*»

То страшно-трагическое, что было въ судьбѣ Новагорода, поставленнаго въ необходимость пасть перель Москвою за отсутствіемъ опоръ, понято напримѣръ школою удивительно. Всѣ фазисы неминуемой катастрофы: паденіе стараго варяда, старой Руси, потомъ паденіе Твери и наконецъ совершенное обособленіе Новагорода, представлены ею превосходно, но заключительные выводы столь же случайны, какъ случайно было паденіе стараго варяда. И вотъ тамъ, гдѣ Карамзинъ глубоко сочувствуетъ, — централизаторы враждуютъ; за симъ теорія идетъ уже безтрепетно и послѣдовательно, уничтожая все то доблестное и какъ пышный цвѣтъ распускавшееся, что было въ дотатарской Руси: — князей, охранниковъ стараго варяда, городовую и общинную жизнь, столь сильную, что она и въ новыхъ пригородахъ отзывалась началами старыхъ городовъ. Мѣшаетъ теоріи монгольскій періодъ — и монгольскій періодъ не существуетъ по ея мановенію. Вся земля русская представляется историкамъ-централизаторамъ съ точки ихъ теоріи, въ состояніи какого-то кочеванія и броженія; одно духовенство является слячивающимъ цементомъ. Проще сказать, одна общія, централизующая идея существуетъ для нихъ: все народное, мѣстное, личное отходить въ область звѣрскихъ, противуобщественныхъ элементовъ; все отъ мифическихъ преданій до земскихъ отношеній, отъ элементовъ здорово и могуче развивавшихся въ XII вѣкѣ до элементовъ болѣзненно и напряженно отпрыгнувшихъ въ началѣ XVI вѣка.

Печальная теорія и еще болѣе печальная жертва, приносимая историками теоріи! Мрачная картина, на которой татары должны были бы играть самую благотѣльную роль, еслибъ вліянія ихъ не отвергала теорія, несмотря на свою безпощадную послѣдовательность. Вѣроятно она и отвергала ихъ только во избѣжаніе соблазна.

Отвергая татарщину, теорія отвергаетъ и такъ-называемый норманскій періодъ, т.-е. вліяніе общественнаго быта нормановъ

на быть славянскій, между-тѣмъ говорить о борьбѣ съ новыми правительственными началами быта, который она называетъ родовымъ или племеннымъ. Этому родовому, племенному быту теорія приписываетъ такую силу, что онъ будто бы дѣйствовалъ въ свою очередь на измѣнившія его начала, до того, что семья Рюриковичей подверглась вліянію родовыхъ отношеній. Завязавшіяся и установившіяся родовыя отношенія, въ свою очередь могущественно дѣйствуютъ на весь общественный бытъ древней Руси, стало-быть дѣйствуютъ уже такъ-сказать вторично, дѣйствуютъ на то изъ чего они вышли. Явно, что вся это путаница взаимодѣйствія происходитъ отъ несчастнаго слова: родовыя начала, а самый узелъ путаницы находится въ старомъ, неразрѣшимомъ вопросѣ призванія варяговъ. Въѣль теорія видитъ же, да и не можетъ не видѣть всей огромной разницы отношеній князей дотатарскаго наряда къ общественному быту, съ отношеніями къ нему князей послѣтатарскаго наряда, видитъ такъ же, какъ узелъ послѣдующихъ сѣверо-восточныхъ отношеній — отношеній обособленія удѣловъ и промысловъ къ нимъ, отношеній князей-вотчинниковъ, а слѣдитъ внимательно кровавую борьбу, завязывающуюся между старымъ нарядомъ и новыми вотчинными отношеніями, борьбу, которой предѣлъ полагаетъ битва на Калкѣ, гдѣ, по божію попущенію гибнетъ все доблестное стараго наряда, послѣ чего сей послѣдній, лишонный всякихъ опоръ, продолжаетъ свое бытіе въ одномъ только трагическп-безсоюзномъ Новѣгородѣ великомъ, но теорія непремѣнно во что бы то ни стало хочетъ, чтобы старый нарядъ погибъ по силѣ необходимости, лежавшей въ немъ самою, и вотъ почему отвергается монгольскій періодъ, на основаніи того только, что татары жили вдалекѣ. Снявши разомъ тяжкое бремя татарскаго ига, гораздо рѣшительнѣе чѣмъ Дмитрій Донской куликовскою битвою, централизаторы весьма легко и улобно обращаютъ потомъ всѣ начала стараго наряда въ начала противообщественныя, мѣшающія общественному развитію, и на этомъ основаніи казнятъ ихъ вплоть до самаго междуцарствія включительно. Дѣло между тѣмъ совершенно ясное и запутывать его несостоятельной теоріей родовыхъ отношеній нечего, да ужъ и не лучше ли будетъ и самое слово «родовой бытъ» передать на сторону варяговъ. Дѣло тутъ не въ родовыхъ отношеніяхъ, а въ силѣ централизующей, которая борется съ силами еще живыми, личными, мѣстными, племенными. покойный К. Аксаковъ въ одной блестящей статьѣ, напечатанной въ третьемъ «Московскомъ Сборникѣ», доказалъ ясно, какъ дважды два — четыре, что соединеніе словъ «бытъ семейный» и «бытъ родовой» есть чистый nonsense, что гдѣ семья, тамъ о родѣ рѣчи быть не

можетъ, что родъ есть genus, кланъ — явленіе, господствующее болѣею частію въ стражахъ сжатыхъ горами. Но едва ли же не такой пошея есть соединеніе словъ быть родовой и быть племенной, и это только на первый разъ покажется парадоксомъ. Если племя есть дѣйствительно племя, т.-е. будущая народность, извѣстная краска въ общей картинѣ мірозданія, извѣстный живой типъ съ живою же, т.-е. способной къ выраженію, измѣненію (въ своихъ разумѣется началахъ), къ развитію физіономіи, то родовой, однообразный быть не можетъ остаться въ немъ надолго, ибо живое не можетъ остаться допотопнымъ мѣстодовнымъ. Родовой быть въ такихъ племенахъ есть нѣчто совершенно доисторическое, нѣчто такое, что не уловишь даже какъ опредѣленный моментъ въ исторіи, а гдѣ онъ существуетъ, тамъ онъ представляетъ явленіе застывшее, окаменѣлое, и такое племя годится не въ жизнь, а въ лунткмеру. Быть племенной есть просто быть стихій однородныхъ, но разнообразныхъ. Каждая изъ нихъ хочетъ довести свою краску, свою особенность до извѣстной степени густоты и яркости, выстаиваетъ ее, смотря по силамъ ей даннымъ, съ болѣшимъ или меньшимъ усилѣхомъ, до тѣхъ поръ, пока время столкновенія и сліянія не образуютъ для разнообразнаго, но однороднаго, извѣстнаго центра общей жизни. Вопросъ въ томъ только, самъ ли собою образовался этотъ центръ, т.-е. родился изъ переброженія стихій или наложенъ извнѣ. Если онъ внутренне образовался, то всѣ стихіи уцѣлѣли и каждая получила опредѣленное мѣсто, и узаконилась если не краска, то извѣстный отливъ въ общей картинѣ. Если онъ наложенъ извнѣ, то укореняется не иначе какъ насильственно, съ кровавою борьбою, въ которой впрочемъ стихіи какъ нѣчто живое, вѣчно только придавливаются, а не уничтожаются, и рано или поздно отпрыгаются въ новыхъ формахъ, и разумѣется отпрыгаются болѣзненно, напряженно, какъ то было на примѣръ въ нашемъ междуцарствіи.

VI

Въ настоящее время эта живучесть народностей, мѣстностей, областныхъ началъ полтверждается все болѣе и болѣе новыми фактами. То что смутно предчувствовалось Пелевымъ, ясно сознается послѣднею школою нашихъ историковъ, къ которой принадлежатъ, несмотря на существенныя различія между собою, и г. П. Павловъ, первый въ своей безжалостно-оборванной во времена оны диссертации

ція о царствованіи Бориса высказавшіи мысль о вѣдѣніи областныхъ началъ въ нашей исторіи, и г. Костомаровъ, и г. Шаповъ, котораго энергической и многознаменательной дѣятельности суждено можетъ-быть окончательно выносить органическія начала процесса нашей народной жизни.

Но для полноты очерка мы должны указать еще на ученаго, котораго первый трудъ, изданный назадъ тому четыре года, принадлежалъ къ этой же школѣ. Это г. Иловайскій съ его замѣчательной диссертацией: «Исторія рязанскаго княженія». Мы даже остановимся нѣсколько на этомъ сочинѣніи, одномъ изъ первыхъ относительно къ разработкѣ мѣстныхъ элементовъ, процесса областныхъ началъ, разработкѣ, которая одна только можетъ повести къ полному и живому уразумѣнію нашего народного организма.

Г. Иловайскій внесъ въ свое дѣло первый трудъ и довольно глубокое наученіе источникомъ и добросовѣстность и историческое пониманіе, но, что всего дороже, онъ внесъ въ него историческій талантъ и совершенно свободное отношеніе къ предмету. Онъ не распоряжается историческими данными, во имя заваѣ данной себѣ теоретической задачи; напротивъ, имъ распоряжались историческія данныя и этими данными опредѣлялись его задачи.

Главнымъ источникомъ его труда служили конечно русскіи лѣтописи, преимущественно сѣверныя. Хотя извѣстія о рязанскихъ событіяхъ въ нихъ вообще рѣдки, но вмѣстѣ взятыя, составляютъ значительную массу фактовъ. Самую твердую опору для изслѣдованій, какъ говоритъ г. Иловайскій, представляютъ договорныя и жадованныя грамоты, разсѣяныя въ изданіяхъ археологической комиссіи и въ собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ. Иностранныхъ извѣстій о древнерязанскомъ краѣ очень мало, но замѣтимъ, что этимъ малымъ количествомъ, нашъ молодой изслѣдователь умѣлъ воспользоваться прекрасно.

Кромѣ этихъ главныхъ источниковъ, г. Иловайскій упоминалъ обо всѣхъ трудахъ своихъ предшественниковъ въ дѣлѣ исторіи рязанскаго края, какъ-то: о сборникѣ рязанскихъ достопамятностей, о сочиненіяхъ г. Воздвиженскаго, о собраніи грамотъ и актовъ г. Пискарева. «Излагая, говоритъ онъ, исторію рязанскаго княжества, я имѣлъ въ виду слѣдующее: во первыхъ, привести въ извѣстность и дать единство фактамъ, до сихъ поръ разрозненнымъ и отрывочнымъ; во вторыхъ, указать на самыя важныя эпохи, которыя переживало княжество, и въ третьихъ, по возможности проникнуть въ его внутренній бытъ. Хотѣлось бы дать болѣе мѣста домашней, бытовой сторонѣ и остановиться на духовной жизни наро-

да; но здѣсь историкъ встрѣчаетъ оцѣнку закруженія, по крайней скудости источниковъ и отсутствію предварительныхъ изслѣдованій.»

На вѣтъ разумѣется и суда вѣтъ, но для насъ чрезвычайно важно самое желаніе автора проникнуть въ эту бытовую жизнь рязанскаго края, и мы можемъ вѣрить ему на слово относительно скудости источниковъ по этой части, жбо, какъ видно изъ многихъ мѣстъ его книги, онъ знаетъ край не по однимъ только летописямъ и вообще письменнымъ памятникамъ. Его аркіа описанія мѣстностей, на которыя укажемъ мы въ своемъ мѣстѣ, свидѣтельствуютъ о его близкомъ и живомъ знакомствѣ съ той страной, которой онъ взялся быть историкомъ; а опередъ личностей, съ желаніемъ воссоздать типически рязанскія черты, изображаютъ, если еще не настоящее знаніе народа, то по крайней мѣрѣ попытку узнать его. Г. Иловайскій, въ концѣ своего предисловія, справедливо замѣчаетъ, что бытовая, внутренняя сторона невозможна для изображенія, пока не будутъ собраны и изданы въ значительномъ количествѣ мѣстные преданія, пѣсни, повѣрья, остатки прежнихъ обычаевъ. Не имѣя ни малѣйшаго права думать, чтобы онъ где не былъ знакомъ именно съ этими, упоминаемыми имъ источниками, ни даже упрекать его въ томъ, что онъ мало ими воспользовался, ибо они дѣйствительно доселѣ еще несобраны и неизданы, а на вѣтъ, какъ уже сказано, и суда вѣтъ, — мы не можемъ однако не пожелать, чтобы въ дальнѣйшей своей дѣятельности по части исторіи рязанскаго края, г. Иловайскій проникся какъ можно болѣе изученіемъ этой бытовой стороны, важность и значеніе которой онъ такъ ясно и короче принимаетъ. Мы увѣрены, что тогда исторія рязанскаго княжества прямо уже обратится въ исторію рязанскаго края, и безъ сомнѣнія, уже не окончится 1534 годомъ, т. е. смертію послѣдняго князя Ивана, а пойдетъ до временъ междоусобствія, можетъ-быть и далѣе. Въ сущности, главный и даже единственный дорокъ труда г. Иловайскаго заключается въ томъ, что трудъ этотъ есть только исторія рязанскаго княжества, тогда какъ всездѣ у автора проглядываетъ стремленіе писать исторію Рязани, какъ одного изъ элементовъ, изъ которыхъ сложилась русская земля, и всюду чувствуется живая вѣра его въ самую, особенный цвѣтъ и особенную жизнь этого элемента.

Пока разумѣется надобно удовлетвориться тѣмъ, что авторъ намъ даетъ самъ, тѣмъ болѣе, что и въ этой первой его попыткѣ выражаются стремленія, которыми мы живо и глубоко сочувствуемъ, встрѣчаются мысли, которыя, безъ малѣйшей лести, мо-

тутъ быть названы блестятельными; очерки, которые общаются въ будущемъ полныя картины.

Теперь переходимъ къ обзору самого сочиненія.

Глава первая заключаетъ въ себѣ обзоръ времени до перваго оброболенія рязанскаго княжества при Ярославѣ Святославичѣ. Рязанская область Оки въ первый разъ является въ исторіи съ обитателями финскаго или чудскаго племени. Авторъ не безъ основаній изъясляетъ желаніе, чтобы путемъ чисто историческихъ, или даже филологическихъ изслѣдованій, уяснилось для насъ поскорѣе значеніе этого загадочнаго племени финновъ, которыхъ жилища при началѣ русской исторіи, по мнѣнію автора, простирались гораздо далѣе къ юговостоку, нежели обыкновенно полагаютъ. Г. Иловайскій, согласно съ Френомъ и другими, считаетъ и болгаръ и козаръ, за вѣтви какого-то стародавнаго племени аровъ и вообще финновъ, а племя мордву за остатки аровъ; но не идетъ ли онъ можетъ-быть слишкомъ далеко, отыскивая въ названіяхъ мѣсть уже не рязанскихъ, а совершенно южныхъ, какъ напримѣръ Кіевъ, слѣдовъ языка арскаго.

Движеніемъ радимичей и вятичей авторъ весьма справедливо же прекращаетъ исторіи славянской колонизаціи, но окскаго и вообще во волжскаго края. «Пусть этотъ край на время ускользаетъ отъ вниманія русскихъ князей, говорятъ онъ, во связь главныхъ центровъ русской жизни съ нимъ не прекращается, благодаря дѣятельному содѣйствию новгородцевъ.» Авторъ допускаетъ два колонизирующихъ движенія: новгородское въ отношеніи къ сѣверовостоку и по Волгѣ, и движеніе изъ югозападной Руси, но Окѣ (Олегъ, Святославъ, Владиміръ) съ подчиненіемъ вятичей кіевскимъ князьямъ; верховья Оки входятъ въ составъ русскихъ владѣній, и по дѣленію ярославою, отходятъ, какъ и вся долина Оки, къ черниговскому удѣлу и любечскимъ сѣздамъ совершенно укрѣпляются за родомъ Святослава Ярославича. Подобная обширность владѣній одного рода, замѣчаетъ г. Иловайскій, нисколько не смущала остальныхъ князей. «Вся эта лѣсная гаушь имѣла въ ихъ глазахъ очень мало цѣны.» Святославичи долго не могутъ помириться съ угрозою природою своихъ удѣловъ и обнаруживаютъ стремленія къ зачатому припадѣнью. Горисланичъ, какъ зоветъ г. Иловайскій, по слову о полку Игоревѣ, Олега Святославича, только вслѣдствіе споленской неудачи обернулся на юговостокъ и пошелъ къ Рязани: Мѣсто Рязань, какъ извѣстно, впервые упоминается по этому поводу въ летописи, и авторъ останавливается здѣсь на происхожденіи какъ Рязани, такъ и другихъ славянскихъ городовъ. Правъ

ли онъ или нѣтъ, давая въ этомъ случаѣ такое исключительное значеніе строительной дѣятельности князей, мы незнаемъ, во всякомъ случаѣ онъ удивительно живо и отчетливо изображаетъ рубленіе городовъ, такъ что мы многимъ изъ историковъ цѣлой Россіи пожелали бы мы такой живою и поэтически правдивой изобрѣтательности.

«Строительная дѣятельность, говоритъ онъ, особенно усиливается со временемъ Владиміра святого и Ярослава I. Стукъ топора и смѣшанные человѣческіе голоса съ тѣхъ поръ постоянно нарушаютъ спокойствіе дремучихъ лѣсовъ на сѣверовостокъ Россіи. Нѣсколько десятковъ домиковъ съ землянымъ наломъ вокругъ показываются надъ рѣкою, въ тѣни зеленыхъ рощъ, и путникъ, плывущій въ лодкѣ, замѣчаетъ въ окрестностяхъ движеніе, а иногда различаетъ остроконечную кровлю съ крестомъ, и слышитъ звонъ била, призывающаго на молитву, въ мѣстахъ, гдѣ не задолго передъ тѣмъ печально каркали вороны, бѣлки прыгали по деревьямъ, торопливо пробѣгали лисицы и другіе звѣри, да взрѣдка хрустѣли вѣтви подъ тяжелою лапою медвѣдя, или изъ чащи показывалась непривлекательная фигура дикаря, съ головы до ногъ закутаннаго въ звѣринныя шкуры.»

Авторъ не рѣшаетъ, да и не могъ при недостаткѣ историческихъ данныхъ разрѣшить положительно вопроса о времени основанія Рязани, но спрашивая какимъ именно княземъ она основана, онъ приносить жертву своей гипотезѣ объ исключительно-княжеской строительной дѣятельности. Да какими князьями основаны, не говоримъ уже Новгородъ и Кіевъ, а Любечъ, Смоленскъ, Ростовъ, Суздаля, даже хотъ Кострома, даже Тверь, хотя и должно допустить вмѣстѣ съ г. Бѣляевымъ, что эта послѣдняя не была изстари центромъ племени кривичей, а замѣнила только старый центръ. Какъ основана самая Москва? Въдъ первое извѣстіе о ней говоритъ только, что въ ней былъ Юрій Долгорукій, точно такъ же, какъ первое извѣстіе о Рязани говоритъ только, что къ ней пошолъ Гориславичъ.

Авторъ кончаетъ первую главу смертію Ярослава Святославича и настоящимъ обособленіемъ княжества рязанскаго. «Съ Ярославомъ, говоритъ онъ, оканчивается тѣсная связь между княжествами чернигово-сѣверскимъ и мурома-рязанскимъ. Еще вниманіе Ярослава обращено на югъ; онъ дѣлаетъ усиліе, чтобы утвердиться въ приднѣпровьѣ, но сыновья его уже не возобновляютъ никакихъ притязаній на старшинство въ родѣ Святославичей и не думаютъ покидать своихъ сѣверовосточныхъ волостей для того, чтобы отыски-

вать возвращая земли на югъ. Съ того времени среднее теченіе Оки все болѣе и болѣе выдѣляется изъ общей системы уклонъ и начинается жить своею собственною жизнью, подобно княжеству полоцкому и галицкому.»

Сравненіе обособленія Рязани съ обособленіемъ полоцкаго и въ особенности галицкаго княжества чрезвычайно вѣрно. Обособленіе Рязани, какъ особеннаго замкнутаго міра, въ который кромѣ началъ, общихъ развитію всей Руси, развивались еще начала свои, мѣстныя, племенные, точно также, какъ и въ галицкой землѣ, гдѣ развилось на примѣръ въ видѣ мѣстнаго явленія боярство, имѣло характеръ совершенно особенный, даже и въ послѣдующія времена, такъ что его нельзя сравнить ни съ невольнымъ и трагическимъ обособленіемъ Новгорода-великаго, ни съ таковымъ же Твери. Новгородъ и Тверь выставляли общее, т. е. старый нарядъ; Рязань выставляла и выставляла долѣе ихъ свою замкнутость, особенность. П. Уловыйскій кажется понимаетъ это, какъ видно изъ всего послѣдующаго его изложенія, нигдѣ не высказываетъ этой мысли съ достаточною явностію.

Глава вторая объемлетъ пространство отъ 1129 до 1237 года. Хотя она посвящена преимущественно описанію многочисленныхъ, и не всегда интересныхъ войнъ, но и здѣсь уловлены весьма вѣрно черты борьбы Рязани съ Суздалью за самостоятельность, т. е. первый актъ, какъ онъ называется (и замѣтимъ, весьма справедливо, желая представить драму какъ драму), этой борьбы — борьбы Ростислава Ярославича съ Юріемъ Долгорукимъ и потомъ послѣдующіе моменты. Между-тѣмъ въ это время славянская колонизація шла своимъ путемъ. «Посреди лѣсовъ и степей» замѣчаетъ г. Иорвайскій, — на крутыхъ берегахъ рѣкъ, являлись укрѣпленные цункты или такъ-называемые города, число которыхъ растетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ. Въ географическомъ отношеніи для юго-восточной Руси XII столѣтія особенно важны походы Святослава Ольговича Сѣверскаго въ 1146 и 1147 годахъ. Темная зелень лѣсовъ, скрывающая до того времени отъ вниманія исторіи землю вятичей и западную часть рязанскаго княжества, проясняется: мы открываемъ здѣсь присутствіе довольно густого населенія и многочисленные города, а именно: Брянскъ, Карачевъ, Козельскъ, Мценскъ, Тулу, Дѣвяславль, Колтескъ, Пронскъ, Елецъ, Осетръ, Лобынскъ, Тѣшловъ и Неринскъ.»

Авторъ замѣчаетъ при этомъ, что «построеніе новыхъ городовъ конечно было дѣломъ князей, хотя лѣтописи рѣдко указываютъ на нихъ

на эту сторону ихъ дѣятельности.» А кому же намъ вѣрить какъ не лѣтописецъ ?

Второй актъ борьбы съ Суздалью г. Иловайскій кончаетъ совершеннымъ подчиненіемъ Рязани Всеволоду Юрьевичу. Въ этомъ актѣ онъ уже начинаетъ выставлять особенныя рязанскія стороны характеровъ князей и упрямый Глѣбъ Рязанскій, несмотря на сухость лѣтописныхъ извѣстій, получаетъ у него нѣкоторую определенность; какъ борьба его, такъ и причины его неудачъ объяснены возможностию полноты. «Глѣбъ — говоритъ г. Иловайскій — съ успѣхомъ могъ вмѣшиваться въ дѣла сосѣдняго (суздальскаго) княжества и даже быть для него грознымъ, но только до тѣхъ поръ, пока оно страдало отъ внутреннихъ беспорядковъ и усобицъ. Лишь только Михаилу и потомъ Всеволоду удавалось соединить владимирцевъ, суздальцевъ, ростовцевъ и передславцевъ, борьба съ ними опять становилась не подъ силу рязанскому князю. Притомъ же, не отказывая Глѣбу въ дѣятельномъ, мужественномъ характерѣ, мы имѣемъ полное право обвинить его въ недостаткѣ благоразумія и провидительности. Онъ не сумѣлъ оцѣнить ни Ростиславичей, ни Юрьевичей, и не рассчитавъ средствъ, довелъ борьбу до крайности». Вотъ что значитъ не быть увлеченнымъ никакой теоріей въ исторической фатализмъ. По историческому фатализму вышло бы дѣло такъ, что Глѣбъ палъ, потому что долженъ былъ пасть, какъ вообще долженъ былъ всегда падать старый варягъ передъ новымъ суздальскимъ варягомъ !

За симиъ оканчивая съ Глѣбомъ, г. Иловайскій замѣчаетъ: «полковніе рязанскихъ Ярославичей по характеру своему конечно стояло ближе къ князьямъ южной Россіи, нежели къ своимъ сѣвернымъ сосѣдямъ: подобно нервымъ, они предпочитали рѣшать споры судомъ божіимъ и не придерживались осторожной расчетливой политики послѣднихъ.»

Мы не станемъ слѣдить за всѣми актами борьбы Рязани съ Суздалью, но замѣтимъ только провидительность и притомъ осторожную провидительность историка въ темномъ дѣлѣ епископа Порфирія черниговскаго, осѣянаго укорамъ лѣтописи, который лѣтописецъ виновать только въ томъ, что не совѣтовалъ рязанскимъ князьямъ принимать тяжкія условія, предложенныя имъ Всеволодомъ Юрьевичемъ и не можемъ не порадоваться отсутствію фаталистическихъ теорій, высказавшемуся какъ въ этомъ разказѣ, такъ и въ послѣдующемъ о дѣлѣ несчастныхъ Глѣбовичей.

Глава III посвящена внутреннему состоянію рязанскаго княжества и начинается истинно-прекраснымъ обзоромъ природы рязан-

занскаго края и обзорнiемъ путей славянской колонизаціи. Главное и самое естественное направленіе, которому подчинилось движеніе рязанской колонизаціи, пошло вверхъ по Окѣ; она служила проводникомъ славянской гражданственности въ междерскую глушь и была жизненною артеріею для цѣлаго края. Притомъ — прибавляетъ г. Иловайскій — борьба между рязанскимъ и сосѣднимъ суздальскимъ княжествомъ началась уже съ конца XI столѣтія, слѣдовательно являлась насущная потребность оградить себя крѣпостями съ этой стороны. Правый берегъ Оки на всемъ протяженіи рязанской области господствуетъ надъ лѣвымъ; мѣстами онъ довольно высокъ, обрываетъ и въ прежнія времена представлялъ много удобныхъ пунктовъ для укрѣпленія. Дѣйствительно, въ концѣ XII и въ началѣ XIII в., мы находимъ здѣсь цѣлый рядъ крѣпостей. Самыми очевидными слѣдами ихъ существованія служатъ остатки земляныхъ валовъ, кое-гдѣ уцѣлѣвшіе по окраинамъ крутого берега; другіе напоминаютъ о себѣ названіями селъ и деревень, каковы Городецъ, Городище, Городецкая и проч. Кромѣ главнаго направленія по Окѣ, г. Иловайскій слѣдитъ еще побочное по рѣкѣ Пронѣ и рассматриваетъ ядро рязанскаго княжества — подобіе треугольника, котораго вершина опиралась на городъ Рязань, а бока расходились по Окѣ и Пронѣ. За симъ авторъ переходитъ къ муромскому удѣлу, опредѣляетъ значеніе сосѣдства моравы и половцевъ, которое должно было непремѣнно задерживать внутреннее развитіе рязанскаго княжества и должно было положить своего рода печать на формы быта. Къ сожалѣнію по скудости источниковъ, а можетъ-быть еще по недостаточному проникновенію въ народный бытъ, прекрасная мысль о необходимости такой печати осталась у автора только логическою посылкою, логически-вѣрною, но еще безсодержательною. Отчасти впрочемъ, но и то въ видѣ намека, г. Иловайскій стремится уяснить значеніе извѣстныхъ словъ лѣтописи о характерѣ рязанцевъ («мужи буи — людища Оки людища») анализомъ свойствъ славянскихъ и неславянскихъ племенъ, входившихъ въ составъ народонаселенія края. Все это схемы, но и подобныя схемы суть уже заслуги. Можно надѣяться, что болѣе глубокое ознакомленіе автора съ народнымъ бытомъ наполнитъ современнѣ эти схемы живыми чертами. Изъ этихъ логически-вѣрныхъ посылокъ онъ выводитъ характеристику князей рязанскихъ и народа. При всей своей жестокости, — замѣчаетъ онъ, — впрочемъ характеръ рязанцевъ не былъ лишонъ другихъ, болѣе привлекательныхъ качествъ: таковы неукротимая отвага или наклонность къ молодечеству и постоянная преданность своимъ князьямъ. Мы по-

ставили бы здѣсь скорое постоянное стремленіе къ обособленію и къ князьямъ, какъ представителямъ этого обособленія. Авторъ не упускаетъ изъ виду и характера дружинниковъ. Боярское сословіе оказывало довольно сильное вліяніе на событія рязанскаго княжества. Это вліяніе — говоритъ онъ — особенно проглядываетъ въ усобицахъ, и во многихъ случаяхъ бросаетъ довольно невыгодный свѣтъ на самое сословіе. Онъ отмѣчаетъ неоднократное убійство тысяцкихъ, какъ явленіе, намекающее на что-либо болѣе общее, нежели просто личная вражда.

Глава IV отъ 1237 до 1350 г. Въ эпоху татарскаго нашествія, на долю рязанскаго края выпала первая страдательная роль, и страдательною роллю опредѣляется вся послѣдующая судьба его. Земля рязанская въ особенности сильно пострадала отъ татарскаго нашествія и память объ этомъ страданіи запечатлѣлась въ рязанскомъ сказаніи о нашествіи Батюга, которое по мнѣнію автора принадлежитъ сочинителю сказанія о принесеніи корсунской иконы. Г. Иловайскій превосходно воспользовался въ своемъ изложеніи татарскаго нашествія и лѣтописцами и сказаніемъ, насколько позволяла ему сжатость дисертациі.

Въ особенности хорошо изображено авторомъ состояніе края послѣ татарскаго погрома.

«Если — говоритъ онъ — и обратиться къ внутреннему состоянію рязанскаго княжества въ первый вѣкъ монгольскаго владычества, мы не можемъ представить утѣшительной картины. Княжество, насколько позволяютъ судить источники, плохо оправлялось отъ татарскаго погрома. Главною причиною того было невыгодное географическое положеніе. Надъ рязанскою землею, болѣе нежели надъ какою-либо другою частью Россіи, тяготѣло варварское иго. Какая могла быть безопасность въ странѣ, неимѣющей естественныхъ границъ и совершенно открытой съ юговостока, въ сосѣдствѣ съ варварами, которые не пропускали ни одного удобнаго случая пограбить русскіе города и селенія, а при отсутствіи безопасности, могло ли населеніе, въ особенности сельское, много заботиться объ улучшеніи своего хозяйства? Завидѣвъ густое облако пыли или отдаленное зарево пожара, народъ спѣшилъ собирать свои семейства и стада; захватывалъ то что можно было унести съ собою, и если успѣвалъ, спасался въ сосѣдніе лѣса; бѣдныя хижины оставались на жертву огня, а неубранная жатва исчезала подъ копытами татарскихъ коней. Жители поэтому искали болѣе безопасныхъ мѣстъ для поселенія и цѣлыми толпами шли далѣе на сѣверъ, особенно въ московскія владѣнія, сравнительно наслаждавшіяся гораздо болѣе

инный спокойствием. Хотя митрополичьи грамоты упоминают о городахъ по Копру и Воронѣ, но источники нигдѣ не называютъ ихъ по имени и трудно себѣ представить что это были за города и какъ велико было населеніе той страны, когда мѣста, гораздо ближайшія къ центру рязанскаго княжества, напримѣръ берега верхняго Дона, въ концѣ XIV вѣка все еще представляли развалины и запустѣніе; въ самой срединѣ княжества до второй половины XIV вѣка не встрѣчаемъ новыхъ городовъ. Варварскій элементъ въ составѣ населенія до XIII вѣка еще болѣе усилился новыми толпами половцевъ и татаръ. При такихъ обстоятельствахъ разумѣется нельзя ожидать, чтобы смягчилась та суровость нравовъ, о которой мы говорили. Литоники изображаютъ намъ рязанцевъ XIV вѣка людьми свирѣпыми, гордыми и въ тоже время коварными и робкими. Несмотря на явное пристрастіе, въ этомъ изображеніи есть значительная доля правды; только въ трусости рязанцевъ упрекать вѣтъ основанія, и пораженія, которыя они терпѣли иногда отъ москвитякъ, скорѣе можно объяснить излишнею отвагою и плохимъ состояніемъ вѣннаго искусства, нежели робостью.»

Изъ этихъ причинъ выводитъ авторъ и всю политику рязанскихъ князей, которая состояла, какъ можно вывести изъ его изложенія: 1) въ покорности ханамъ, немѣшавшей имъ однако расправляться оружіемъ съ толпами кочевниковъ, самовольно приходившихъ грабить ихъ волости; 2) въ охраненіи своей самостоятельности отъ Москвы усиливавшимъ покорность ханамъ. Мѣшали же самостоятельности Рязани: 1) усиленіе Москвы и 2) распаденіе самаго края на два удѣла (рязанскій и пронскій), равно желавшіе обособленія, чѣмъ московскіе князья рязумѣется пользовались.

«Трудно представить, — заканчиваетъ г. Иловайскій, — характеристику самой отличности рязанскихъ князей во второй половинѣ XIII вѣка и въ первой XIV; они появляются въ исторіи всегда мимоходомъ, болѣею частью по поводу своей кончины, а нѣкоторыя извѣстны только по имени, такъ что не оставляютъ послѣ себя никакого опредѣленнаго образа. Только два лица нѣсколько выдѣляются изъ ряда двѣнадцати или тринадцати князей: съ одной стороны оставившаго наше вниманіе Романъ Ольговичъ, окруженный ореоломъ христіанскаго мученика; а съ другой, какъ противоположное явленіе, врачная тѣнь Коротопола. Конечно убіеніе родственниковъ свидѣтельствуетъ о жестокомъ характерѣ князей и загроубѣлыхъ рязанскихъ нравахъ; надобно вспомнить однако, что подобныя примѣры встрѣчались въ тѣ времена не въ одной Рязани

и не производилъ повидимому особенно сильнаго впечатлѣнія на народъ.»

Глава V отъ 1350—1402 г. содержитъ въ себѣ княженіе Олега Ивановича и составляетъ самую блистательную сторону книги г. Илювйскіаго. Княженіе Олега Ивановича является у него по справедливости кульминаціоннымъ пунктомъ исторіи рязанскаго края, а самъ Олегъ полновѣдъ и цѣльнѣе, если еще не художественно-представленнымъ, то вѣрно характеризованнымъ и со всѣхъ сторонъ объясненнымъ типомъ. Можно сказать, что нашъ молодой ученый окончательно снялъ съ великаго мужа Рязани всѣ нелѣпыя обвиненія въ измѣнѣ, и притомъ не во имя теоріи, а во имя народного чувства. Онъ воспользовался здѣсь всѣми, и дѣлописями и грамматиками и путешествіями для характеристики своего героя и его времени. Приводимъ общіе выводы его объ Олгѣ! Приводя отрывокъ изъ путешествія митрополита Пимена въ Царь-градъ 1389 г. г. Илювйскій говоритъ:

«Въ ~~этомъ~~ ~~описаніи~~, хотя объ Олгѣ Рязанскомъ говорится мимоходомъ, но его патриархальный образъ очень рельефно возвышается надъ всѣмъ окружающимъ. Онъ распоряжается какъ полновластный хозяинъ въ предѣлахъ своего княжества, окруженный дѣтьми и многочисленною дружиною; радушно угощаетъ почтенныхъ странниковъ; заботится объ ихъ удобствахъ и безопасности на всемъ пути.»

«Любя пиры и военную славу (авторъ приводитъ въ примѣчаніи отрывокъ изъ народной пѣсни о пирахъ Олега), Олегъ не былъ изъ числа тѣхъ безпечныхъ князей, которые большую часть правительственныхъ заботъ предоставляли намѣстникамъ и слугамъ и давали имъ въ обиду мирныхъ жителей. Объ этой дѣятельности какъ внутренняго устроителя и усерднаго защитника, краснорѣчивѣе всего говорятъ любовь и глубокое уваженіе, которыя рязанское населеніе сохранило къ памяти своего князя до самаго отдаленнаго потомства. Въ этомъ отношеніи онъ принадлежитъ къ тѣмъ историческимъ личностямъ, которыя отражаютъ въ себѣ характерическія черты извѣстной эпохи и извѣстнаго народа, закрывая своею тѣнью и предшественниковъ и преемниковъ. Дѣйствительно, лицо Олега вполне типично; въ немъ ярко обозначались главныя стороны рязанскаго характера, эта смѣсь упрямства и безпокойной энергіи съ эгоистическою натурою, качества, которыя у Олега смягчались многими талантами, гибкостью ума и стремленіями, величавыми въ которой величавости.»

«Весь періодъ самостоятельнаго княжества для рязанцевъ сосре-

доточился въ одномъ Олгѣ; болѣе они не помнятъ ни одного князя. Съ этимъ именемъ связана большая часть остатковъ старины, разбросанные по долинѣ средней Оки и большая часть народныхъ преданій.

Не знаемъ, насколько это вѣрно, но отъ многихъ разанцевъ слышали мы, что князь Олегъ — Гавріилъ чтился и даже чтился какъ мѣстный святой и что существуютъ еще цѣлныя его изображенія.

Мы остановились такъ долго на трудѣ г. Иловайскаго, сравнительно съ другими трудами мало извѣстномъ, какъ на первой систематической попыткѣ прослѣдить исторію одного изъ областныхъ элементовъ, — попыткѣ, далеко неполной, даже не совсѣмъ послѣдовательной, но во всякомъ случаѣ замѣчательной какъ одинъ изъ симптомовъ новаго движенія нашей исторической науки.

А. ГРИГОРЬЕВЪ

ИРЕНЬ НАУКИ ДЛЯ НАУКИ

(по поводу статьи: «Наука и гениальные люди» въ «Учителѣ», декабрь, 1862. № 24)

Е cantu agnoscitur avis.

Непріятно вѣдѣть, когда спорятъ люди, которые не могутъ понять другъ друга; еще непріятнѣе когда послѣднее слово, видимый перевѣсъ при помощи всевозможныхъ аргументовъ и риторическихкихъ приемовъ остается на сторонѣ того, кто въ сущности не правъ.

Такое впечатлѣніе произвела на насъ статья подъ заглавіемъ: «Наука и гениальные люди», напечатанная въ «Учителѣ», № 24 декабря 1862 года. Неизвѣстный авторъ изливаетъ всю массу своего негодованія, худо скрытаго подъ не совсѣмъ тонкою ироніей на нашихъ кандидатовъ, посланныхъ за границу на казенный счетъ, за то, что въ отчетахъ своихъ (напечатанныхъ въ «Жур. мнѣ. нар. просв.») они осмѣлились высказать свое мнѣніе о германскихъ профессорахъ и ихъ чтеніяхъ. Положимъ даже (мы собственно этого не предполагаемъ), что они увлеклись, что приговоры ихъ были рѣзки, порицанія не совсѣмъ основательны, но во всякомъ случаѣ они указали на существенный недостатокъ германскихъ университетовъ, несоставляющій тайны ни для кого, что въ Германіи существуетъ наука не для жизни, потому что этой послѣдней не оказывается, а для самой себя. Странно было бы, еслибъ русскіе люди этого не замѣтили. Извѣстно, что Германія есть огромное *φροντιστήριον*, гдѣ люди, отрѣшившіеся отъ міра сего, взобравшись на высоту, подобно Сократу Аристофана, сидятъ въ своихъ корзинкахъ и изслѣдуютъ все что только возможно изслѣдовать въ своихъ занятіяхъ чело-вѣку, опредѣленному не жизни, а личнымъ произволомъ и требованіями науки. Такое неестественное положеніе конечно не остается безъ послѣдствій, и нигдѣ не являлось и не является столько нелѣ-

ныхъ взглядовъ, оставившихъ по себѣ цѣлыя школы (какъ наиримѣръ крейцера), уродливыхъ системъ, крайнихъ мнѣній, какъ въ Германіи, гдѣ литературнаго и ученаго сора несравненно больше, чѣмъ въ другихъ образованныхъ странахъ. Это сознаютъ и сами нѣмцы; для примѣра сошлюсь на то что говоритъ Менцель въ началѣ своей исторіи нѣмецкой литературы. Нечего говорить о другой, свѣтлой сторонѣ германской учености: заслуги ея такъ огромны, всѣми признаны, что ища чести въ Германіи, будетъ излишня.

Но авторъ указанной статьи въ «Учителѣ» не только нехочетъ признать значительной доли правды въ мнѣніяхъ кандидатовъ, но его возмущаетъ даже мысль, какимъ образомъ они осмѣлились подвергать германскихъ ученыхъ своему суду и произносить надъ нами притворъ.

Неужели одинъ тонъ ихъ выраженія, напоминающій приемы журнальной критики, и можетъ-быть не совсѣмъ приличнѣй въ отчетѣ, возбудилъ въ немъ такое негодованіе и злобу? Да, злобу, — прочтите-ка.

«Завѣса, долго скрывавшая отъ нашихъ глазъ нашу истину, сорвана съ нихъ рукою гениальныхъ молодыхъ ученыхъ нашихъ, продолжавшихъ за границу съ тѣмъ, чтобы совершенствоваться, но вполнѣ способныхъ усовершенствоваться гнидой запада. Размахистая кисть ихъ стерла въ нашей душѣ малѣйшій слѣдъ уваженія къ трудамъ Момзеновъ, Савиньи и проч. Отвратительными лохмотьями, старыми полуистлѣвшими тряпьемъ явилась предъ глазами нашими наука, которой мы до сихъ поръ намѣрены были посвятить свою жизнь. Смѣшною игрою въ бѣрюльки стали казаться намъ лекціи Марквартовъ, Савиньи и Момзеновъ. Свѣтло стало у насъ на душѣ: мы освободились отъ прошедшаго, сбросили съ себя иго преданій и убѣжденій вчерашняго дня. Мы обновились прикосновеніемъ къ гению молодыхъ людей, гг. Модестова и Новоселова. Мы никого и ничего не уважаемъ! ура! Не надо учиться: наука дрянь, тряпье, глупая бодговня, хилый бредъ... Что Момзенъ? Что Савиньи? Что Марквартъ? Знать не хотимъ ихъ! Гг. Модестовъ и Новоселовъ сказали намъ, что они несутъ вадоръ... Ну, а гг. Модестовъ и Новоселовъ авторитеты повыше Момзеновъ, Савиньи и Марквартовъ. Кто у насъ знаетъ какого-нибудь Момзена или Гаупта? Почти никто. Ну, а гг. Модестова и Новоселова очень многіе знаютъ за гениевъ, съ которыми и спорить смѣшно, которые все знаютъ и какого-нибудь Момзена или Гаупта могутъ въ карманъ запрятать и т. д.»

Когда мы были въ недоумѣніи, стараясь понять причину этой злобы, намъ пришло въ голову забавное предположеніе и мы никакъ не можемъ воздержаться отъ искушенія сообщить его читате-

ловъ, недоумѣніе или дурное доозрѣніе, что вѣроятно авторъ — нѣмецъ и раздраженный мыслию, что русскіе кандидаты осмѣлились высказать о нѣмецкихъ профессорахъ мнѣніе, да еще не совсѣмъ благопріятное, вступался за своихъ собратьевъ. Всякій, кто прочтетъ эту статью соглаится съ нами, что она переводъ съ нѣмецкаго, и намъ нечего для русской дублѣжки вкладать въ чуждыя дѣла заступательства.

Мы думаемъ остановиться на взглядахъ автора. Гг. кандидаты высказываютъ мысль, что университетскія лекціи и учено-спеціальныя изслѣдованія — двѣ вещи различныя и не должны быть смѣшиваемы. Автору эта мысль кажется величайшею неслѣпостью. И онъ, какъ нѣмецъ, правъ: съ точки зрѣнія нѣмецкихъ университетовъ это неслѣпость. Съ нѣмецкой точки гг. кандидаты были не правы, что задумали судить лекціи нѣмецкихъ профессоровъ, на основаніи потребности и условій русской образованности. Каждый долженъ судить по своимъ законамъ. Бекъ, который по цѣлымъ часамъ толкуетъ о томъ, какое нужно поставить удереніе въ томъ или другомъ словѣ въ германскомъ университетѣ на своемъ мѣстѣ, и это доказывается его многочисленными слушателями и тѣми успѣхами, которые сдѣлала въ Германіи филологія. Онъ посвящаетъ свою жизнь спеціальному изслѣдованію одного предмета, онъ дѣлаетъ въ немъ новыя открытія, онъ безкорыстно приноситъ въ жертву всего себя наукѣ и безъ сомнѣнія достоинъ величайшаго уваженія. Но если это уваженіе не обратилось въ бессмысленное поклоненіе къ каждому слову, выходящему изъ его устъ, если русскіе слушатели при этомъ не забыли ни своей задачи, ни своего назначенія — это не приносить еще имъ безчестія. Правда они не такъ взглянули на вопросъ: прежде, чѣмъ хладнокровно размыслить о предметѣ, они дали волю своимъ чувствамъ и высказались не безъ горечи, естественнаго послѣдствія обманутаго ожиданія. Напрасно авторъ видитъ у нихъ желаніе «огдѣлать нѣмцевъ» (ст. 1104, столбецъ 1, стр. 34) они очень хорошо умѣютъ цѣнить заслуги Момзена, Мариварата и Савиньи. Это ясно изъ ихъ собственныхъ словъ. Чтобы сказать, что лекціи профессора Гюбнера не выходятъ за предѣлы изслѣдованія названныхъ ученыхъ, вовсе не нужно, какъ думаетъ авторъ, соединить въ себѣ всей ихъ учености, — достаточно быть коротко знакомымъ съ ихъ сочиненіями. Но что были бы всѣ эти Беки, Гаупты (мы просимъ автора простить намъ это множественное число и спѣшимъ его увѣрить, что здѣсь нѣтъ желанія оскорбить почтенныхъ ученыхъ, а просто реторическая фигура), объясняющіе въ теченіи цѣлаго года нѣсколько страницъ одною

автора, гдѣ все ихъ вниманіе посвящено тому, чтобы вычесть чѣмъ другіе прочесть то или другое слово, поставить удареніе, измѣнить форму; которые всю массу своей громадной учености употребляютъ только для того, чтобы доказать свою собственную конъектуру, добытую только вчера, — что были бы они на кафедрѣ русскихъ университетовъ. Неужели стоитъ посвящать цѣлый годъ времени, чтобы познакомиться съ такими эмендаціями ученаго, которыя могутъ быть черезъ нѣсколько лѣтъ будутъ уничтожены другими. Намъ развѣять, что специалистъ долженъ вполне овладѣть своимъ предметомъ, познакомиться со всѣми изслѣдованіями. Очень хорошо, но развѣ это возможно? Развѣ нѣмецкій ученый, доработавшійся до того, что можетъ эмендировать Гомера, въ состояніи дѣлать тоже самое съ Платономъ, Фукилидомъ. Полный специалистъ всей греческой литературы — вещь невысказанная. Даже въ одной специальности есть тысяча болѣе специальныхъ отдѣловъ; поглотить все невозможно, можно только выбирать. Какъ же сдѣлать этотъ выборъ, чѣмъ руководствоваться въ планѣ занятій? На это только одинъ разумный отвѣтъ: своимъ назначеніемъ, потребностями общества, которому ученый посвящаетъ свою дѣятельность. Кажется авторъ статьи несогласенъ съ этимъ отвѣтомъ; онъ ему не приходилъ и въ голову; у него вездѣ проглядываютъ требованія одной науки. Изъ этого-то я и заключаю, что онъ не русскій, а нѣмецкій ученый. Постараюсь объяснить, что я разумно подлѣ требованіями, которыя налагаютъ состояніе русской образованности на ученаго по классической филологіи. Я прошу всѣхъ кому близокъ этотъ предметъ исправить мои заблужденія, но во всякомъ случаѣ компетентными судьбами въ этомъ вопросѣ я признаю русскихъ, а не нѣмецкихъ ученыхъ.

Наука въ здоровомъ обществѣ, живущемъ дѣйствительною, т.-е. политической жизнью, никогда не можетъ и не должна существовать внѣ практическихъ интересовъ. Слово *практический* я понимаю въ самомъ обширномъ смыслѣ. Въ этомъ смыслѣ я считаю исторію наукою самою практическою, такъ какъ она представляетъ законы, по которымъ развивалось человѣческое общество, путь, которымъ оно достигло современнаго состоянія, всѣ вопросы и задачи, волнующіе его въ настоящую минуту въ ихъ необходимомъ развитіи. Въ изученіи исторіи древность, особенно классическая, входитъ какъ ея необходимый и важный элементъ и съ этой только точки она можетъ получить живой интересъ. Эта истина сознается лучшими учеными Германіи; они стремятся оживить преподаваніе древнихъ языковъ даже въ гимназіяхъ введеніемъ греческихъ и римскихъ

древностей. Изученіе древнихъ авторовъ становится при этомъ не цѣлюю, а средствомъ познакомиться съ древнею жизнью. У насъ въ Россіи ни та, ни другая сторона классической философіи, т.-е. ни языки, ни древняя исторія не процвѣтала; для новыхъ дѣателей предстоитъ задача обновить ихъ въ школахъ, ввести въ литературу. На какую же изъ этихъ двухъ сторонъ филологическаго знанія обратить преимущественное вниманіе, что избрать предметомъ своей спеціальности, такъ какъ спеціальность въ обоихъ отдѣлахъ невозможно? Прелюбитель ли средства цѣли, или наоборотъ? Я предоставляю отвѣтъ самимъ читателямъ и обращаюсь къ возраженію, которое мнѣ могутъ сдѣлать. Скажутъ, что изученіе древней жизни самостоятельное невозможно безъ древнихъ языковъ. Мы этого не отвергаемъ. Знаніе языка должно быть усвоено настолько, чтобы всѣ лучшіе писатели были доступны въ подлинникѣ, что не невозможно при настоящей разработкѣ древнихъ авторовъ, которой мы обязаны нѣмецкимъ ученымъ. Но поглотить всѣ издавія одного автора, сдѣлать за всѣми исправленіями текста, даже такой значимости, какъ Бекъ, въ буквахъ, метрахъ, удареніяхъ, за всѣми изслѣдованіями о какой-нибудь частицѣ, которая часто сводится къ тому, что ученый и самъ не знаетъ ея настоящаго значенія, хорошо и похвально со стороны безкорыстныхъ труженниковъ науки, но не принесетъ ни малѣйшей пользы обществу, которое требуетъ знакомства съ жизнью, а не съ буквою, и это всего менѣе желательно для русскихъ ученыхъ. Всѣ недостатки нашего образованія происходятъ отъ безучастія общества. Первая задача университета пробудить въ обществѣ интересъ къ наукѣ, а для этого надо дать жизненные ея стороны, раскрыть характеръ и значеніе древняго міра, показать какое мѣсто наука о древности занимаетъ въ кругу другихъ наукъ и какое имѣетъ право на его вниманіе. Нельзя же отъ общества требовать бессмысленнаго поклоненія передъ словомъ *наука* или интереса къ предмету, который ему незнакомъ. А до сихъ поръ мы слышали болѣе упрековъ обществу, чѣмъ видѣли желанія со стороны университетовъ помочь этому горю. Правда, мы можемъ назвать нѣсколько именъ и по древней филологіи, поларившихъ общество серьезными статьями и съ удовольствіемъ прибавимъ, что всѣ эти имена русскіе. Этого нельзя сказать о нѣмецкихъ ученыхъ нашихъ университетовъ, которыхъ полное равнодушіе къ русской литературѣ нѣсколько не выкумается ихъ профессорскою дѣятельностью. Мы помнимъ одного нѣмецкаго филолога (это было не очень давно), который составилъ разъ навсегда записки по исторіи греческой литературы, От. Мюллера, давалъ ихъ гомеопатическими

присланы, а комментарій писателя ограничивала парафразаю, и если слушателю приходилось спрашивать его о пособіи по греческой литературѣ, онъ осадачивала его Бернгардъ. Его совѣсть при этомъ была совершенно спокойна. Мы знаемъ и теперь одного молодого ученаго лица при русскомъ университетѣ, который печатаетъ весьма ученые статьи въ *Jahrbücher der classischen Philologia*, а для русской публики не написалъ ни одной строчки. Впрочемъ мы не хотимъ ставить ему этого въ укоръ, а то пожалуй онъ назоветъ насъ о русскіихъ представляющихъ свои труды парижской академіи. Но доводимо фактовъ; и безъ нихъ всѣмъ извѣстно, что именные профессора (я говорю о филологахъ) не оказали большой пользы въ процвѣтаніи у насъ науки. И вотъ теперь, когда русскіе посланы за границу, когда у нихъ есть настоящее здоровое чутье, чтобы видѣть неиррицибельность нѣкоторыхъ отраслей филологіи къ національнымъ условіямъ, и когда они съ полною откровенностью высказали свое мнѣніе, мы слышимъ злобный голосъ, не русский, иначе бы мы замѣтили сочувствіе, братское желаніе призвать заблуждающихся, а голосъ жреца науки для науки, возлюбника авторитетовъ, оскорбляемаго тѣмъ, что о нихъ смѣютъ говорить насъ о простыхъ смертныхъ, и пугающаго тѣмъ, что именные въ гонимыя галлетеры закроютъ русскимъ университетскія двери. Но ль лучшаго мнѣнія о нѣмецкой націи и не думать, чтобы она вся состояла только изъ галлетеровъ и филлетеровъ. Мы русскіе ищемъ болѣе причины закрыть нѣмецкіихъ профессорамъ двери нашихъ университетовъ и однако не имеемъ этого. Напрасно авторъ называетъ гг. кандидатовъ бѣзоручками, какъ будто они боятся чернаго труда, т.-е. критическаго изслѣдованія текстовъ; онъ не замѣталъ, или не хотѣлъ замѣтить причины, которые ихъ оттолкнули отъ этой работы. Въ Германіи, гдѣ существуютъ и были филологическія школы, гдѣ трудъ раздѣленъ, гдѣ равностоительныя работы все болѣе и болѣе очищаютъ тексты, рѣшаютъ тысячи мелкихъ, мелкихъ, но неважныхъ вопросовъ по древностямъ, хронологіи, искусству, гдѣ каждый труженикъ находитъ себѣ задачу, сочувствіе, поощреніе—все это спеціальныя занятія имѣютъ смыслъ. Съ какой стати русскому ученому готовиться къ нимъ? Не для того ли, чтобы подобаю упомянутому ученому писать статьи въ *Jahrbücher für classische Philologie*, т.-е. какъ выразился одинъ уважаемый профессоръ по поводу подобнаго случая, носить арона въ дѣтѣ? Критика текста для русскаго ученаго роскошь, которую онъ можетъ себѣ позволить тогда только, когда хорошо изучитъ писателей въ наилучшихъ существующихъ текстахъ, въ связи съ исторіей, ис-

куствами, древностями государственной и частной жизни. Онъ долженъ заботиться о наиболѣе обширномъ и возможно глубокомъ энциклопедическомъ изученіи классической древности. И эта задача не малая, и даже очень не малая, если привать въ соображеніе, что даютъ университетамъ наши гимназии и университеты. Во время профессорской дѣятельности онъ можетъ избрать себѣ тѣснѣйшую спеціальность. Не бѣда, если онъ не познакомится съ критическими приемами, которые требуютъ уже огромной всесторонней учености и безъ сомнѣнія не по зубамъ и многимъ германскимъ студентамъ, не въ уста самого Бека, — онъ узнаетъ ихъ изъ его же изданій. И тутъ ему предстоитъ немало насладиться чуждыми взглядами, которыми наполнять комментарія германскіе ученые считают не только своимъ правомъ, но даже обязанностью. Какихъ, какихъ замѣчаній, сколько не плутишь къ дѣлу, но и вовсе бездѣльных не встрѣтишь въ этихъ огромныхъ томахъ, гдѣ въ строчку или даже вѣтъ приходится въ страницѣ всякой вслѣпши. Да не разсердится авторъ и за это замѣчаніе: его высказывали и лучшие германскіе ученые, какъ на примѣръ Диндорфъ въ предисловіи къ изданію Карнинда. Напротивъ также авторъ критики текста старается смѣшать съ критическимъ изслѣдованіемъ науки и представить гг. кандидатовъ вѣрждами, невнимающими ея необходимости. Конечно отъ извѣстнаго чтенія мѣста зависитъ иногда характеръ самаго факта, и на оборотъ ученые, излагающіе мифологію или древности, исправляютъ мѣста на основаніи соображеній о фактѣ въ его связи съ дѣломъ, но то и другое почти всегда относится къ неважнымъ мелочамъ. По большей же части критика текста и критика историческая расходятся на двѣ различныя спеціальности; это знаетъ великій филологъ, конечно знаетъ и авторъ. Если ужъ такъ необходимы для Россіи самостоятельные исправители текстовъ, то нужно поставить въ обязанность всѣмъ русскимъ филологамъ заниматься падеографіей, безъ чего не можетъ быть полной самостоятельности въ работѣ этого рода, и когда они достигнутъ нѣкотораго совершенства, отправить ихъ въ ватиканскую или парижскую библиотеки для изслѣдованія рукописей. Можетъ-быть подъ конецъ многопрудной жизни имъ удастся возстановить нѣсколько аористовъ, спасти параллельное количество опатировъ, вывести изъ свѣтъ божій десютокъ *de* или *us*. Тогда имъ не захочется возвращаться на родину: у насъ вѣдь нѣтъ древнихъ манускриптовъ; русское правительство можетъ содержать ихъ за границей до конца жизни. Тогда они дѣйствительно принесутъ немалую пользу, не Россіи, а наукѣ. Но что переть наукой, гореть общечеловѣческой наукой, амаа-

нибудь Россія? Стоитъ ли объ ней и толковать! Зато въ Европѣ будутъ говорить о русскихъ ученыхъ, ссылаясь на ихъ труды. Не заманчиво ли это, не стоитъ ли посвятить такой цѣли всю жизнь, огромныя средства, все-все!

Мы съ своей стороны можемъ только удивляться величію души, готовой на такое самопожертвованіе, скромно сознаваясь въ нашемъ безсиліи и въ низкомъ образѣ мыслей, который не позволяетъ намъ раздѣлять этого взгляда. Мы предпочитаемъ успѣхи образованности на нашей родинѣ всѣмъ успѣхамъ науки на западѣ и даже чести подписать свое имя подъ статью, напечатанною въ *Jahrbücher für classische Philologie*. Мы предоставляемъ эту честь нѣмецкимъ ученымъ при русскихъ университетахъ и требуемъ, чтобы русскимъ было дано право смотрѣть на западную науку съ точки зрѣнія русской образованности, и заимствовать отсюда то, что при настоящемъ ея состояніи благотворно и применимо. Такой взглядъ выражаютъ наши юноши, посланные за границу, и не смотря на ихъ промахи, запоспѣвость, увлеченіе, они принесутъ намъ болѣе пользы, чѣмъ наши нѣмецкіе педагоги. Странно было бы ставить имъ въ укоръ ихъ промахи: они только что оставили университетскую скамью; этотъ укоръ самъ собою падаетъ на профессоровъ. Они представили ихъ какъ лучшихъ своихъ учениковъ, значить были увѣрены, что они поглотили ту мудрость, которую они считаютъ необходимымъ предлагать своимъ слушателямъ. У нихъ довольно времени впередъ поработать, поразмыслить о разныхъ вопросахъ, приобрести научныя свѣдѣнія; мы рады тому, что они не готовы безусловно принимать все, на что ихъ натолкнетъ случай, будутъ ли то лекціи Бека или Генперта, критика ли текста или реставрація надписей. Они сумѣютъ опредѣлить свой взглядъ и кругъ своихъ занятій и при этомъ будутъ руководствоваться требованіями не отвлеченной науки, а своей обязанности. Тутъ мало одного теоретическаго пониманія потребностей русскаго образованія, тутъ нужна горячая любовь къ родинѣ, непосредственное чувство ея нуждъ и недостатковъ. Это чувство нельзя замѣнить никакимъ нѣмецкимъ недаунтизмомъ. Этого-то чувства мы и не нашли у автора разбираемой статьи, а нашли тайную злобу, которая хочетъ воспользоваться понятными ошибками молодыхъ людей, чтобы втоптать ихъ въ грязь и при случаѣ высказать мысль, что не худо быде ихъ и назадъ попросить.

Тяжеловѣсная проиія и латинская фраза слишкомъ неуклюжій и дырявый матеріалъ, чтобы скрыть эту грязную мысль отъ читающей публики. Впрочемъ, смотря съ чисто-эстетической точки

зрѣнія , мы должны сознаться , что намъ такъ повѣрилось это катоновское заключеніе рѣчи , что мы сами возымѣли желаніе попытаться провзвести что-нибудь въ этомъ родѣ и съ нѣкоторымъ выпотѣніемъ лба придумали слѣдующую фразу. *Nobis quidem non solum juvenes isti revocandi videntur sed omnes quoque rossici praecipitores de scholis proturbandi , germanici que professores in earum locum adhibendi , qui non nisi latina seu , si velint , vernacula scholas agant. Dixi.*

НОВАЯ ШКОЛА

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Ясная Поляна, школа, журналъ педагогическій, издаваемый гр. Л. Н. Толстымъ. 1862. Январь—сентябрь. Девять номеровъ.

Вмѣсто всякихъ вступленій и оговорокъ, которыхъ, замѣтимъ кстати, набралось бы великое множество по поводу такого новаго, чрезвычайно важнаго и во многихъ отношеніяхъ страннаго явленія, какъ журналъ «Ясная Поляна», приступимъ прямо къ дѣлу. Мы думаемъ, что мы въ состояніи представить здѣсь нѣкоторыя соображенія и выводы, которые помогутъ читателямъ глубже понять смыслъ и значеніе ясно-полянскіи педагогикѣ. А въ такихъ поясненіяхъ она, намъ кажется, имѣетъ нѣкоторую нужду, какъ явленіе слишкомъ сложное, можно бы сказать слишкомъ живое, слишкомъ полное, и потому далеко не вполне высказывающееся и еще не уложившееся въ ясныя и отчетливыя формы мысли.

Чтобы понять всѣ особенности этой новой школы, нужно искать той главной идеи, которая ее одушевляетъ, той точки зрѣнія, съ которой она смотритъ на дѣло. Намъ кажется, что «Ясная Поляна» съ каждой книжкой все яснѣе и яснѣе высказываетъ свою главную идею, свое руководящее начало. Мы предложили бы назвать его *началомъ живой души* и формулировать слѣдующимъ образомъ: *при воспитаніи должно постоянно имѣть въ виду живую душу воспитываемаго.*

Мы говоримъ: *живую душу* въ противоположность душѣ, понимаемой мертво или механически; въ смыслѣ «Ясной Поляны» мы называемъ живою—душу самостоятельно, самобытно развивающуюся, своеобразно отличающуюся отъ другихъ душъ, заключающую въ себѣ извѣстные задатки, извѣстные дары и возможности, или,

говора тѣмъ выразительнымъ языкомъ, который смѣло употре-
бляетъ г. Толстой, — *думу, созданную и одаренную Богомъ.*

Изъ этого начала прямо и просто объясняются различныя осо-
бенности ясно-нелюбоваго воспитанія и обученія, объясняется то
что имъ признается и сохраняется въ практикѣ и то что имъ от-
вергается. Положительная сторона «Ясной Поляны» состоитъ въ
необходимости, поэтическомъ чутьѣ въскъ величій милой души,
т.-е. въ настроеніи слуха, въскъ величій души русскихъ дѣтей
каждой мѣстоности. Тѣ мѣста, въ которыхъ авторъ со всею
тонкостью анализа и со всею поэзіею почувствія изображаетъ нашу
жизненную жизнь дѣтей, безъ сомнѣнія самая дорогая и са-
мая душная въ его журналѣ. На эти явленія онъ смотритъ съ вели-
чайшимъ уваженіемъ, какъ на дѣйствительныя и глубокія тайны,
какъ на процессы, не только правильные и законные, но сверхъ того
прекрасные, святые. Душъ дѣтской мѣстоности, свѣжости и чистоты,
котораго обыкновенно вовсе не слышно въ педагогическихъ
журналахъ, въ «Ясной Полянѣ» охвачены весьма глубоко.

Отсюда понятно будетъ, противъ него вооружается эта школа.
Она отвергаетъ всякое насиліе надъ дѣтскою душою, всякое нару-
шеніе ея естественнаго, свободнаго развитія, всякое принужденіе и
уничтоженіе надъ дѣтьми со стороны воспитателей. Главный грѣхъ
принудительной педагогики въ глазахъ основателя школы тотъ,
что она слѣпцомъ тупа сравниваетъ съ милою душою дѣтей. Она
думаетъ въ дѣтскъ хорошее, потому что не понимаетъ его, или же
думаетъ руководить развитіемъ, тогда какъ постоянно отбѣгаетъ отъ
него и далеко не угадываетъ его направленія и глубины. Замѣчанія
автора въ этомъ отношеніи большою частію весьма справедливы.
Съ безвѣщнымъ остроуміемъ и пронырливостью казнить онъ
педагогическіе приемы, которые насмѣются природу или поддѣ-
ляются подъ нее, но никакъ не хотѣтъ предоставить ее себѣ
самой.

Вотъ двѣ стороны, положительная и отрицательная, въ кото-
рыхъ много хорошаго и новаго слышалъ «Ясная Поляна». Не мало
впрочемъ она слышала и ошибокъ; въ ней встрѣчаются чрезвычай-
ныя страсти; объясняются только увлеченіемъ, съ которыми она
предана своему дѣлу. Въ самомъ дѣлѣ она постоянно впадаетъ въ
двѣ главные ошибки и эти ошибки состоятъ въ томъ, что она делятъ
до крайности свое положеніе и отрицаніе.

Во первыхъ свое уваженіе къ живой дѣтской душѣ она доводитъ
до пристрастія, до восторженнаго поклоненія; этому поклоненію
она готова принести все въ жертву и дѣйствительно приноситъ
каждаго дорогаго ея, надирѣчь Пушкина, или универсальныя и

т. е. Вкус и творчество ленинградских воспитанников по сравнению стоит выше Пушкина, а университеты производят только людей оторванных от народа и никуда не годных.

Восторгъ свое отращивание от регламентированной, насмлющей педагогике «Ясная Поляна» доводитъ до ненависти и до бешени. Она видитъ въ ней что-то гибельное и невозвратно-уродующее и таинъ образомъ преувеличиваетъ ее значеніе, приписываетъ ей больше силы, чѣмъ сколько въ ней есть на самомъ дѣлѣ.

И та и другая ошибка намъ кажется представляетъ отступление отъ главныхъ основаній, которыхъ держится «Ясная Поляна»; пока она строго и вѣрно держится этихъ основаній, до тѣхъ поръ по нашему мнѣнію она совершенно справедлива. Но здѣсь она очевидно теряетъ въ нихъ вѣру, теряетъ вѣру въ живую душу. Въ самомъ дѣлѣ — живая душа ребенка, притомъ ребенка народнаго, т. е. правильно возростаго на почвѣ народной жизни, конечно прекрасна; но развѣ отсюда слѣдуетъ, что Пушкинъ не былъ живою душою? Развѣ можно укорить его въ какой-нибудь слѣзанности, въ сочиненности? Кого другого, но только не его. Тоже самое можно сказать и объ университетахъ. Среди скудости нашей духовной жизни можно ли не замѣчать и отрицать тѣ ея проблески, которые такъ несомнѣнно заявлены нашими университетами? И такъ были живы души и болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь успѣвали раскрывать свою жизнь. Съ университетами тѣсно связана наша литература, шагъ литературный языкъ. Отвергать живыя струи, которыя здѣсь пробиваются, возможно менѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было другой области.

Точно такъ же непослѣдовательна та чрезвычайная болзнь, съ которою «Ясная Поляна» смотритъ на искусственную педагогикю. Для живой души многое можетъ быть вредно, но смертельныхъ ядовъ не существуетъ. Педагогика, какаа бы она ни была, никогда не въ силахъ покорить себѣ до конца живую душу. Тысячами путей жизнь успѣваетъ освободиться отъ оковъ, на нее налагаемыхъ, и остается своеобразною и самобытною. И потому отъ любви къ живой душѣ не должно впадать въ отчаяніе и страхъ за живую душу. Чересчуръ большія опасенія въ особенности несправедливы; у насъ, когда мы постоянно окружены самыми удивительными примѣрами живучести человѣческой души. У насъ офицеры часто дѣлаются философами и поэтами, графы — педагогами, сенаторы — реформаторами гесударства, рыбаки — академиками и т. п.

Мы высказали такимъ образомъ тѣ общія положенія, которые считаемъ справедливыми относительно «Ясной Поляны». Ихъ мы будемъ держаться и постараемся развить ихъ и подтвердить подроб-

ными указаниями. Для начала мы возьмемъ критическую сторону новой школы, то-есть укажемъ что она отвергаетъ на основаніи своихъ началъ. Такъ какъ она вооружается противъ ходячей, весьма извѣстной педагогикки, то читателю легко будетъ видѣть, до какой степени нова и свѣжи начала явномолодавской школы.

На какихъ основаніяхъ устроены наши обыкновенныя училища, наприимѣръ хотя бы гимназій? Съ перваго взгляда видно, что начало живой души здѣсь не играло никакой роли и скорѣе напротивъ все устройство основано на его отрицаніи и на вѣрѣ въ другія начала, которыя можно назвать *механическими*, такъ какъ механизмъ противоположенъ жизни. Большинство современныхъ училищъ можно безъ всякаго преувеличенія сравнить съ машиною, въ которой заранее все опредѣлено и рассчитано. Опредѣлены предметы ученія, методы преподаванія, время для каждаго предмета, часы для повторенія уроковъ, для молитвы, для отдыха, и такъ далѣе до мельчайшей подробности. Все предусмотрено, все назначено для вѣрнѣйшаго достиженія извѣстной цѣли. Въ эту машину, заводимую посредствомъ жалованья и другихъ подобныхъ средствъ, въ опредѣленные сроки вводится непревосходящее извѣстной мѣры количество матерьялу опредѣленнаго свойства, то-есть вводятся ученики, выполняющіе извѣстныя условія и неподвергшіеся браку. За тѣмъ машина пускается въ ходъ. По истеченіи извѣстнаго времени, положимъ семи лѣтъ, изъ другого конца машины, изъ ея высшаго класса тѣже ученики должны по предположенію выйти уже получивши извѣстныя, заранее опредѣленныя и преднамѣренныя свойства. Развѣ все это не похоже на тотъ процессъ, когда съ одного конца машины вкладывается лѣнь или хлопчатая бумага, а съ другого конца выходитъ уже готовая ткань?

Очевидно здѣсь предполагаютъ механически обрабатывать душу человѣческую, то-есть живыя души разсматриваются какъ однородный сырой матерьялъ; отъ педагогическихъ приемовъ, какъ отъ извѣстныхъ дѣйствій машины, ожидаются совершенно опредѣленныя слѣдствія и вліянія, и потому заранее поставляются цѣлью извѣстныя качества предмета, которыхъ можно достигнуть, подвергая его въ извѣстномъ порядкѣ извѣстнымъ дѣйствіямъ.

Намъ возразятъ, что собственно говоря дѣло идетъ вовсе не такъ, что въ дѣйствительности преподаватели и воспитатели всегда стараются примѣниться къ свойствамъ воспитываемыхъ и ведутъ дѣло не машинально, а участвуя въ немъ собственною живою душою и обращая вниманіе на живую душу дѣтей. Но мы не говоримъ здѣсь о дѣйствительности, которая всегда и всюду противорѣчитъ ужаснымъ теоріямъ и потому успѣваетъ выхлѣваться изъ всѣхъ зара-

нѣе выбранныхъ формъ и равновѣ, какъ бы они тѣсны ни были; мы говоримъ исключительно о тѣхъ принципахъ, которымъ, обыкновенно кланутся въ основу устройства учебныхъ заведеній. Если на дѣлѣ эти принципы невыполнимы, то однакоже никакихъ другихъ не полагается и не ищется. Хуже того — ни въ какихъ другихъ принципахъ не чувствуется надобности.

Въ известный день недѣли, въ известную часть ученикъ долженъ заниматься известнымъ предметомъ положенное количество времени. Предположите, что по одной изъ множества возможныхъ причинъ, ученикъ неспособенъ в дѣше вовсе неспособенъ къ такому занятию. Повидимому Общда никакой нѣтъ; но въ училищной машинѣ этотъ безпорядкъ считается рѣшительно нестерпимымъ. Если учитель издумаетъ строго придерживаться идеи машины, въ которой еще служить колесомъ, ученику придется вѣло.

Возьмемъ случай болѣе важный. Ученикъ неспособенъ къ известному предмету; тѣмъ не менѣе его учить этому предмету или лучше сказать его мучать этимъ предметомъ, хотя бы безъ всякой для него пользы. А почему? Потому что предметъ положенъ въ программѣ.

Наоборотъ, положимъ ученикъ готовъ съ величайшею охотою заниматься другимъ предметомъ, которому въ этотъ день, въ этотъ годъ, въ этомъ училищѣ не учить; тѣмъ не менѣе, его не только не станутъ учить этому предмету, но пожалуй еще станутъ преслѣдовать его любимыя занятія.

Возьмемъ еще проще. Ученикъ прилежно учится всѣмъ предметамъ и успѣваетъ быстрѣе другихъ; это ни мало не ускоряетъ его хода въ училищной машинѣ. Напротивъ у него отнимаютъ время, заставляя его подчиняться бесполезному для него училищному порядку. Наоборотъ, ученикъ учится медленно и трудно; его все-таки стараются тянуть впередъ наравнѣ съ другими.

Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы обращать вниманіе на своеобразныя настроенія воспитываемыхъ и способствовать ихъ самостоятельному развитію сообразно ихъ особенностямъ, ихъ всѣхъ подводятъ подъ какой-то фантастическій общій уровень и перегоняютъ всѣхъ черезъ одни и тѣже сита, зубцы и плуцидильни, надѣясь выработать изъ нихъ требуемой доброты товаръ.

Чтобы убѣдиться до какой степени это справедливо, стоитъ только вспомнить, въ какихъ случаяхъ училищная машина допускаетъ разнообразіе въ обработкѣ своего матеріала. Собственно говоря допускается только три случая:

- 1) Воспитываемый можетъ вторично подвергнуться той выдѣлѣ

кѣ, которой онъ уже подвергался одинъ разъ безуспѣшно; т.-е. онъ можетъ быть еще оставленъ на годъ или на два въ томъ же классѣ.

2) Болѣзнь и смерть составляютъ уважительныя причины, по которымъ выдѣлка воспитываемаго или приостанавливается на время, или совершенно прекращается.

3) Наконецъ воспитанникъ можетъ быть исключенъ по неусѣбности или дурному поведенію, т.-е. можетъ быть выкинутъ изъ машины какъ материалъ, оказавшійся негоднымъ.

Вотъ тѣ единственные случаи, когда воспитанникъ законнымъ образомъ бываетъ устраненъ отъ общей обработки его наравнѣ съ другими. Все другое считается невозможнымъ. Неусѣбаетъ ученикъ — наказывается. Не ходитъ въ классъ — наказывается. Физическая работа одного предмета занимаетъ другимъ — наказывается. Одинъ словосъ онъ признается виноватымъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда уклоняется отъ ровнаго и общаго хода машины. Многія изъ этихъ вещей терпятъ, и даже въ силу необходимости терпятъ изъ большихъ разнѣръ, но несмотря ни на что считаются исключеніями и никакъ не признаются за правила, хотя бы для самихъ учениковъ они были иногда въ высшей степени полезны.

Отсутствіе живыхъ началъ и коренное господство началъ механическихъ обнаруживается очень ясно въ тѣхъ слѣдствіяхъ, которыя изъ него вытекаютъ. Всѣмъ извѣстно или по собственному опыту, или по рассказамъ другихъ, какое невыносимо тяжелое впечатлѣніе производитъ училищная машина на живую душу, онемивающую въ ея зубцы и колеса. Всѣ движенія воспитанника связаны, всѣ дѣйствія распределены; насиліе и принужденіе, подъ которыми онъ живетъ, чувствуется имъ на каждомъ шагѣ. Эта тяжесть училищной жизни ни для кого не тайна и явно признается самими воспитателями; одно изъ наиболее употребляемыхъ наказаній состоитъ въ томъ, что дѣтей оставляютъ въ училищѣ дальѣ положеннаго срока, слѣдовательно вообще признаютъ, что быть въ училищѣ — сущее наказаніе. Слѣдствія этого училищнаго гнета точно также не безызвѣстны; они представляютъ цѣлый рядъ правильно развивающихся явленій; придавленные силы живой души противодействуютъ давленію и получаютъ извращенныя, иногда и уродливыя формы. На казенныхъ воспитанникахъ, то-есть на такихъ, которые почти безвыходно заключены въ училищѣ, всегда лежатъ извѣстнаго рода оупечатокъ, хороше знакомый воспитателямъ.

Наконецъ общій итогъ результатовъ, къ которымъ приходитъ школа, рѣже указываетъ на ея механичность. Положимъ, что ученикъ, выходящій изъ верхняго конца машины, выработавъ вложеннаго сообразно съ идеею школы. Спрашивается много ли ихъ? Большею

частью число ихъ поразительно несообразно съ количествомъ обрабатываемыхъ матерьяловъ. Въ школу поступаетъ двѣсти мальчиковъ, а окончиваетъ курсъ иногда только двадцать.

Гдѣ же причина этому? Причина та, что школа безпрестанно выбрасываетъ изъ себя матерьялъ, оказывающійся негоднымъ; она не прививается къ дѣтямъ, а напротивъ прикидываетъ ихъ на свои мѣрки и бранитъ тѣхъ, которые подъ нихъ не подходятъ.

Между-тѣмъ, если такимъ образомъ большинство дѣтей не годится для полного прохожденія школы, то не ясно ли, что и работа школы *негодится для дѣтей?*

Со всѣмъ этимъ можно бы было однако же помириться, какъ мирятся на дѣлѣ до сихъ поръ все мы и какъ будутъ мириться безъ сомнѣннн еще многія поколѣннн. Все это не болѣе, какъ *слабый механизмъ*, имѣющій свои основаннн и терпимый, потому что подъ его формами внутри можетъ еще сохраниться жизнь. Несмотря на строгое распредѣленнн времени, мѣста, предмета, несмотря на весь наружный механическнн порядокъ, жизнь беретъ свое: между воспитателями и воспитанниками могутъ возникнуть живыя отношеннн, т.-е. учитель будетъ вызывать и щадить своеобразное, самостоятельное развитнн ученика, а ученикъ будетъ не пассивно покоряться влнннннмъ школы, а самостоятельно пользоваться ея средствами для своего развитнн. Такимъ образомъ вмѣсто машинной выдѣлки одного посредствомъ другого, можетъ возникнуть взаимное расположение и мирное вспомоществованнн. Въ этомъ случаѣ все зависнн отъ людей, а не отъ формъ, въ которыя они поставлены. Хотя начальники школы имѣютъ право и обязанность постоянно исполнять заранѣе опредѣленные правила, но все спасеннн школы состоитъ въ томъ, что въ ней дѣйствуютъ люди, а не машины и слѣдовательно каждое правило можетъ быть обойдено и отиѣнено.

Къ несчастннн зло не останавливается только на этомъ, только на одномъ *вышнемъ* механизмѣ. Механизмъ, разъ принятый за начало, развивается все дальше и дальше и стремится поглотить собою все въ школѣ. Мало-по-малу въ нее протекаетъ то что можно назвать *внутреннимъ механизмомъ*. Нетолько вышнее устройство школы есть чисто механическое, но и внутренняя ея жизнь, самое воспитаннн и обученнн, самое взаимодействнн ученика и учителя все болѣе и болѣе сводится на механическнн прнѣмы. Въ настоящее время, тысячи педагоговъ работаютъ въ этомъ направленнн и уже успѣли довести придуманный ими механизмъ до значительной полноты. Именно изобрѣтены хитрыя методы и правила съ явной дѣлюю навѣрняка формовать душу дѣтей, навѣрняка вызывать въ ней тѣ или другнн результаты.

Такимъ образомъ къ числу многихъ кощунствъ и богохульствъ, въ которыхъ впалъ нашъ отважный и безпокойный вѣкъ, онъ присоединилъ и самое страшное изъ всѣхъ, именно — дерзкій замыселъ составить, сочинить, слѣпить живую человѣческую душу. Если хорошенько вникнуть въ этотъ замыселъ, то мы легко убѣдимся, что онъ тысячекратно богохульче и кощунственнѣе тѣхъ подобныхъ ему попытокъ, которыя дѣлались средневѣковыми алхимиками, именно попытокъ приготовить въ хмической ретортѣ живого человѣчка, гомункула.

Всему виноваты конечно нѣмцы, полные хозяева въ области педагогикъ. Кощунственное дѣло, на которое по слабости человѣческой часто соблазняются всякаго рода воспитатели, нѣмцы возвели въ принципъ и обработали научнымъ образомъ. Всего болѣе здѣсь принимала участіе кажется та новая зловерная ересь, которая лѣтъ тридцать назадъ появилась между ихъ философами и теперь распространяется все больше и больше; она называется *новою психологіею*, и родоначальникомъ ея былъ нѣкто Бэнкэ. Приверженцы этого раскола, *новые психологи* стали хвалиться тѣмъ, что будто бы имѣютъ новые, очень хорошіе способы изслѣдовать человѣческую душу. Употребляя въ дѣло эти способы, они слѣдали видимые усилія и подумали, что достигли удивительныхъ познаній въ этомъ дѣлѣ, что они вполне знаютъ матерьялъ, изъ котораго состоитъ душа и знаютъ вѣрно, какое впечатлѣніе производить на этотъ матерьялъ каждое вліяніе. А отсюда уже легко было дойти до притязанія дѣйствовать на душу извѣстнымъ образомъ съ цѣлью навѣрное достигнуть извѣстныхъ результатовъ.

Въ этой ереси все содержаніе души считается не болѣе какъ скопленіемъ всѣхъ произведенныхъ на душу вліяній. Не предполагается, чтобы въ ней могла существовать такая твердая точка или твердая ось, которая была бы неподвижна, несмотря ни на какія вліянія и напротивъ сама опредѣляла бы вѣсь и движеніе всѣхъ вліяній. Понятно, что не признавая этой глубокой и таинственной основы душевной жизни, можно подумать, что душа ребенка находится вполне во власти воспитателя.

Ошибка здѣсь заключается въ узкости тѣхъ понятій, подъ которыя подводятся душевныя явленія. Душа — есть высочайшій и благороднѣйшій изъ всѣхъ предметовъ природы. Она должна служить мѣриломъ всѣхъ остальныхъ явленій, а никакъ не наоборотъ. Поэтому если мы сравниваемъ душу съ гладкою доскою, *tabula rasa*, на которой мы можемъ написать что вздумается, — мы ошибаемся. Если мы сравниваемъ ее съ музыкальнымъ инструментомъ, въ которомъ качество звуковъ и ихъ разнообразіе зависитъ отъ него са-

него, не на которомъ мы можемъ сыграть все что можно сыграть этими звуками, — мы ошибаемся. Но чѣмъ выше мы будемъ выбирать предметъ для сравненія съ нѣмъ души, тѣмъ меньше будетъ у насъ ошибки. Если мы сравнимъ душу напримѣръ съ живымъ растеніемъ, то мы тотчасъ увидимъ, какъ нелѣзно и невозможно то что казалось намъ весьма простымъ, когда мы сравнивали ее съ гдѣ-либо добою или съ музыкальнымъ инструментомъ. Можно производить извѣстные вліанія на ростъ и развитіе растеній, но этимъ вліаніямъ положены границы, и притомъ такія, что самое существенное оказывается независимымъ отъ всѣхъ вліаній. Мы считали бы безумцемъ того, кто вздумалъ бы вырастить груши на березѣ и вообще какую-нибудь форму одного растенія перевести на другое. Между тѣмъ относительно души человеческой мы часто дѣлаемъ совершенно подобныя попытки. Мы покушаемся на существенныя измѣненія въ ея строѣ; мы соблазнаемся ея удивительною восприимчивостью и забываемъ, что эта восприимчивость не лишаетъ ее однакоже самостоятельности, хотя бы въ такой степени, въ какой самостоятельность свойственна растенію.

Душа покрайней-мѣрѣ не ниже растенія. Слѣдовательно очень странно, когда мы думаемъ, что безъ нашей постоянной помощи и безъ нашего усиленнаго вниманія она не способна возрасти; и еще хуже, когда мы воображаемъ, что проникли тайну ея роста и можемъ вырастить въ ней то, чего она или еще не развила или можетъ быть и никогда не разовьетъ въ себѣ. Какія слабствія должны произвести понятія такого рода, можно легко вывести изъ выбраннаго нами сравненія. Въ отношеніи къ растенію каждый ясно видитъ, что если мы вздумаемъ не предоставлять его развитія самому себѣ, а управлять имъ, то мы или ничего не сдѣлаемъ, или при изыщшемъ усердіи можемъ только повредить ему.

Тоже самое обнаружилось и въ отношеніи къ человеческой душѣ, хотя по большой сложности дѣла обманъ былъ на нѣкоторое время возможенъ. Оказалось, что новатія новыхъ психологовъ, думавшихъ уловить самую суть душевнаго развитія, очень тупы сравнительно съ живою душою человѣка. И такъ какъ педагоги старались усиленно дѣйствовать на душу, сообразно съ этими понятіями, то обнаружился самый рѣзкій разладъ между нѣмъ пріемами и жизнью. «Ясная Поляна» во многихъ случаяхъ прекрасно рисуетъ этотъ разладъ, какъ онъ явился и у насъ и въ особенности за границею у нѣмцевъ.

Съ одной стороны ученѣйшіе и хитрѣйшіе пріемы новыхъ педагоговъ оказываются излишними, т. е. вредными души учениковъ перерѣстаютъ ихъ и ученики выходятъ умнѣе того обученія, кото-

рое имъ предлагается. Ихъ учить известнымъ образомъ мыслить и говорить, тогда какъ они уже умѣютъ мыслить несравненно глубже и говорить несравненно лучше.

Съ другой стороны въ случаѣ очень большихъ усилій, новая педагогика оказывается вредною, т.-е. если она слишкомъ рано и слишкомъ усердно захватываетъ душу въ свою власть, если душа не успѣетъ выбиться изъ-подъ ея принужденія, то ея влчгомы желажкоются и уродуются въ своемъ развитіи, какъ будто бы цюоѣ педагогическаго дрессированія вмѣсто души, созданной Богомъ, у нихъ дѣйствительно захватывается душа, соединенная по рецепту Бенкса. «Ясная Поляна» наглядно изображаетъ какъ совершается такое вредное дѣйствіе школы, и послѣ этихъ мастерскихъ картинъ становится понятнымъ сдѣланное въ Германіи общее замѣчаніе, что школа *окультивиретъ* дѣтей, *verdringt*.

Весь вопросъ здѣсь очевидно сводится на тѣ понятія, какія мы имѣемъ о душѣ; его можно поставить въ слѣдующей формѣ: составляютъ ли высшія силы души только слѣдствіе ея высшихъ силъ, или наоборотъ высшія силы живутъ только жизнью, замѣтжаемою отъ высшихъ? Другими словами: для того, чтобы возбудить въ душѣ высшій процессъ, должны ли мы известнымъ образомъ грушировать низшіе процессы, или же наоборотъ, высшіе процессы возможны только въ слѣдствіе присутствія высшаго процесса, и только отъ этого его пробужденія получаютъ свой смыслъ и значеніе? Напримеръ: потому ли я понимаю вещи, что я обладаю зрѣніемъ, что и ихъ вижу, или я потому и могу ихъ разсматривать, что обладаю въ некоторымъ разумѣніемъ? Смотря по рѣшенію этого вопроса мы и будемъ дѣйствовать. Если все дѣло въ зрѣніи, то мы будемъ заботиться, чтобы ему подвергались известные вещи, въ известномъ порядкѣ и будемъ надѣяться, что отсюда само-собою произойдетъ разумѣніе. Если же главное въ разумѣніи, то мы будемъ стараться сперва пробудить его и будемъ думать, что какъ скоро оно пробуждено, то зрѣніе уже вѣрное станетъ дѣйствовать правильно, со смысломъ.

Итакъ все дѣло въ томъ, на что мы должны надѣяться въ душѣ: на ея высшія, коренныя, центральныя силы, или же на низшія, подчиненныя, периферическія. Безчисленные опыты съ тѣхъ самыхъ поръ, когда люди стали себя помнить, убѣждаютъ насъ въ необыкновенной такъ-сказать центральности, сосредоточенности души. Пока этотъ центръ неподвиженъ, никакія усилія побочныхъ частей не могутъ привести къааго въ движеніе. Поэтому главное правило педагогика должно быть такое: *лучше пробуждать высшія способности души для того, чтобы онѣ охотнѣе и поддержали*

съ дѣятельности назидан. Не нужно заботиться напередъ о томъ, чтобы питомцы хорошо видѣли, слышали, помнили и т. п. Нужно постараться дать имъ цѣль, придать смыслъ ихъ созерцанію, слушанію, запоминанію, и тогда вся эта дѣятельность оживится и усилится сама собою.

Между тѣмъ нѣмецкіе педагоги слѣдуютъ обратной методѣ: они восходятъ отъ низшаго къ высшему и дошли въ этомъ искусствѣ до вѣрности, именно не только не пользуются неизбѣжнымъ пробужденіемъ высшихъ способностей у своихъ питомцевъ, но даже *стационализуютъ* это пробужденіе и умышленно удерживаютъ дѣтей на низшихъ степеняхъ душевной дѣятельности. Они полагаются, что такъ нужно для большей прочности и осмысленности дѣла! Понятно однакоже, что такой противоестественный процессъ приводитъ дѣтей въ недоумѣніе и только мучить ихъ, заставляя терять время и силы.

Для большей ясности приведемъ здѣсь нѣкоторые образчики этихъ любовитныхъ приѣмовъ. Вотъ одна изъ отрывковъ изъ тѣхъ, которые разбираются въ «Ясной Полянѣ». Онъ взятъ изъ книги г. *Нералесского*: *Предметные уроки по методу Песталоцци*.

Учителю желательно, чтобы ученики перечислили свойства стекла; между прочимъ онъ желаетъ внушить имъ, что стекло прозрачно. Но онъ не говоритъ имъ этого прямо, а начинаетъ съ другого конца и ведетъ съ ними такую бесѣду:

Преподаватель. Кромѣ этого куска (*Учитель, изволите видѣть, принесъ въ классъ кусокъ стекла и держитъ его передъ учениками съ тою цѣлью, чтобы они смотрѣли и щупали этотъ кусокъ. Полезное упражненіе!*), гдѣ вы еще видите стекло въ классѣ?

Ученики. Въ окнахъ (въ дверяхъ — если они со стеклами).

Преподаватель. Посмотрите въ окно и скажите что вы тамъ видите?

Ученики. Садъ.

Преподаватель (затворяетъ ставни). Ну, теперь что вы видите?

Ученики. Теперь ничего не видимъ.

Преподаватель. Отчего же вы ничего не видите?

Ученики. Оттого что застятъ, мѣшаютъ ставни.

Преподаватель. Какую разницу вы замѣчаете между ставнями и стекломъ?

Ученики. Сквозь стекло можно видѣть, а сквозь ставни нѣтъ.

Послѣ такихъ удивительныхъ приготовленій учитель наконецъ объявляетъ, что это свойство стекла называется *прозрачностью* и торжественно пишетъ это слово на доскѣ.

Намъ кажется, что невольно долженъ признадуться всякій свѣжій человѣкъ, прочитавши подобныя вещи. Развѣ это похоже на человѣческой разговоръ? Развѣ есть тутъ дѣйствительный человѣческой смыслъ?

Если принять этотъ разговоръ буквально, если не предполагать, что у преподавателя при этомъ есть задняя мысль и что сами ученики догадываются объ этой мысли, то можно положительно сказать, что никогда человѣческое мышленіе не ходитъ такими путями, да едва ли ходитъ и какое-нибудь низшее, напримѣръ собачье мышленіе. Въ самомъ дѣлѣ очевидно въ приведенномъ разговорѣ цѣли для мышленія не полагается и *направленія* для него не указывается. Между тѣмъ никогда мышленіе не дѣлаетъ ни шагу, не опредѣляя себѣ цѣли и направленія. Не знаемъ, какъ у собакъ, но у людей это составляетъ существенную принадлежность того что называется мыслью.

Въ разговорѣ совершенно явно предполагается, что ученики не знаютъ чего хочетъ учитель. Каждый вопросъ его есть новый шагъ неизвѣстно куда. Ибо еслибы только ученики догадались къ чему идетъ дѣло, то для чего бы было заставлять ихъ смотрѣть въ окна, затворять ставни и т. п.? Еслибы они догадались чего хочется учителю, они сейчасъ бы рѣшили вопросъ.

Но предположимъ, что ученики несколько не догадываются, что они настолько тупы, какъ этого *желаетъ* учитель. Ужели можно подумать, что его разговоръ выведетъ ихъ изъ тупости и дастъ движеніе ихъ мысли? Невозможное дѣло. Собственно говоря, еслибы у нихъ не было задней мысли объ умѣ учителя, о трудности ученія и т. п., то они должны бы прійти отъ дѣйствій учителя въ совершенное изумленіе и счесть его помѣшаннымъ. Зачѣмъ онъ принесъ кусокъ стекла, будто мы никогда стекла не видали? Зачѣмъ онъ спрашиваетъ, гдѣ еще стекло, точно мы не умѣемъ узнать стекла? Зачѣмъ заставляеть глядѣть въ окно? Зачѣмъ затворяеть ставни и т. п. Еслибы, говоримъ, дѣти не знали, что это ученье, а не простое дѣло, то при этомъ необыкновенномъ закрытіи ставень они должны бы были прійти въ ужасъ, раскрячаться и расплакаться со страху.

Любопытства ради приведемъ еще одинъ примѣръ. Въ декабрьской книжкѣ «журнала мин. нар. просв. (1862)» есть слѣдующій образчикъ разговора учителя съ дѣтьми.

Учитель. Знаете что такое вода? Видали воду?

Ученики. Видали, знаемъ.

Учитель. Чтоже такое вода?

Нѣкоторые говорятъ . вода, другіе : лужа.

Кн. I. — Отд. II.

Учитель. Вода льется на камень, на дерево?

Ученики. Нѣтъ.

Учитель. Чѣмъ же вода не камень?

Ученики. Она льется.

Учитель. Какіе еще предметы могутъ, какъ и вода, литься?

Ученики. Вино, масло.

Учитель. Молоко можно лить?

Ученики. Можно.

Учитель. А кашу наприимѣръ, хлѣбъ также можно?

Ученики. Нѣтъ.

Учитель. Отчего же?

Ученики. Каша густая.

Учитель. А масло.

Ученики. Жидко.

Послѣ подобныхъ плодотворныхъ упражненій учитель наконецъ объявляетъ, что есть предметы *твердые* и есть предметы *жидкіе* и что *вода есть жидкость*.

Читатель видитъ, что здѣсь тотъ же духъ, та же метода, какъ въ предыдущемъ отрывкѣ. Точно также не видно къ чему идетъ дѣло и точно также предлагаются мальчикамъ вопросы, которые, еслибы принимались за *правду*, серьезно, должны бы были повергать учениковъ въ неминуемое изумленіе, наприимѣръ: видали ли они воду? Можно ли лить молоко? Можно ли лить хлѣбъ? Не остается только одного: какъ тотъ учитель принесъ съ собою кусокъ стекла, такъ и этому нужно бы приготовить въ клась стаканъ воды и давать ученикамъ шупать, смотрѣть и пожалуй пить эту воду. А еслибы онъ потрудился еще захватить и хлѣбъ и камень, то ужъ куда было бы хорошо и для дѣтей полезно.

Въ приведенномъ разговорѣ бросается въ глаза еще одно обстоятельство. Учитель задаетъ ученикамъ вопросы, представляющіе самую высокую степень отвлеченія, наприимѣръ: *что такое вода? чѣмъ вода не камень?* Следовательно онъ предполагаетъ въ дѣтяхъ уже готовую способность къ подобной отвлеченности. И однакоже какъ видно онъ только шутитъ и собственно думаетъ остановиться на очень низменной степени отвлеченія. На вопросъ: *что такое вода?* онъ добываетъ отвѣтъ: *вода есть жидкость*; на вопросъ — *чѣмъ вода не камень?* удовлетворяется отвѣтомъ, что *вода льется, а камень не льется*. Развѣ это отвѣты? Развѣ то, что вода принадлежитъ къ жидкимъ тѣламъ, разрѣшаетъ вопросъ: что такое вода? Развѣ между камнемъ и водою только и есть различія, что вода льется, а камень не льется?

Конечно дѣти славны найдутъ болѣе глубокіе отвѣты; но замѣтъ

же притворяться, что эти отвѣты вызваны у нихъ созерцаніемъ хлѣба, молока и т. п., тогда какъ они собственно возбуждены уже существующими у нихъ нормами отвлеченія? Кто понимаетъ вопросъ: что такое вода? тотъ очевидно обладаетъ такими формами мысли, такими объемами отвѣта, которыхъ не пополнить собою положеніе: вода есть жидкость. Но учитель считаетъ нужнымъ прикидываться, что дѣти не ищутъ и неспособны искать *понятія* о водѣ, а что будто бы они идутъ небывалымъ и невозможнымъ путемъ *постепеннаго* отвлеченія, будто сравнивая воду, камень, молоко, они будутъ весьма счастливы достигши свѣдѣнія, что вода жидка какъ молоко, а не тверда какъ камень.

Такова и вся эта педагогика; она руководитъ и развиваетъ только повидимому, а въ сущности пользуется готовыми нормами и уже развившимися приемами дѣтской мысли; она играетъ уже на натянутыхъ и настроенныхъ струнахъ, тогда какъ воображаетъ, что сама ихъ натягиваетъ и настраиваетъ.

Читатель видитъ, что мы касаемся здѣсь весьма важныхъ вопросовъ, полное развитіе которыхъ повело бы насъ очень далеко. Чтобы еще вѣсколько познакомить читателей съ этимъ *изменнымъ* пониманіемъ души и мысли, до котораго дошли *нѣмцы* въ своей премудрости, которое обнаруживается во многихъ другихъ случаяхъ и направленіяхъ и имѣетъ рѣшительное господство въ теоретической педагогикѣ, мы приведемъ здѣсь еще одинъ отрывокъ, случайно намъ попавшійся и по нашему мнѣнію весьма многозначительный.

Есть у насъ педагогическій журналъ «Учитель», по наружности русскій, по внутренности — нѣмецкій; онъ издается гг. Паульсовомъ и Весселемъ. Въ прошломъ году въ немъ начата (съ № 10) «Практическая логика», излагаемая по книгѣ: «*Практическая наука мышленія, разработанная Дреслеромъ по Бенке*». Изъ этой—то логики, какъ изъ логики, принадлежащей прямо школѣ «Новыхъ Психологовъ», мы выпишемъ одинъ параграфъ.

СУЖДЕНІЯ НЕВПОЛНЪ ПРАВИЛЬНЫЯ (НЕСОВЕРШЕННЫЯ.)

Въ рассмотрѣнныхъ нами до сихъ поръ сужденіяхъ сказуемыми были такія понятія, которыя или вполнѣ и совершенно принадлежали подлежащимъ, или же вовсе имъ не принадлежали (*такія сужденія очевидно признаются этою логикою правильными; пусть такъ.*)

Но кромѣ этихъ отношеній между подлежащимъ и сказуемымъ бываютъ еще и другія (*бываютъ, т. е. опредѣляются по законамъ мышленія чтоли?*) Часто случается, что сказуемое не принадлежитъ вполнѣ подлежащему, но имѣетъ съ нимъ только нѣчто общее и на этомъ

основаніи приписывается ему, замѣняя собою другое, имѣющее къ подлежащему болѣе близкое отношеніе.

Удивительно! Неужели это бываетъ? На томъ основаніи, что одно сказуемое имѣетъ только нѣчто общее съ подлежащимъ, это сказуемое замѣняетъ собою другое сказуемое, имѣющее къ подлежащему болѣе близкое отношеніе. Да кто же такъ глупо мыслить? Въдѣ по всѣмъ основаніямъ второе сказуемое должно замѣнять собою первое. Въ самомъ дѣлѣ это должно-быть *неправильныя* сужденія! Читатель сейчасъ увидитъ въ чемъ загадка.

Возьмемъ для примѣра слѣдующія фразы: мѣсяцъ свѣтитъ, мѣсяцъ улыбается; день начинается, день просыпается; пѣніе птицъ прекращается, пѣніе птицъ замираетъ: юность богата радостями, юность есть весна жизни; утѣшеніе успокоиваетъ, утѣшеніе есть цѣлебный бальзамъ, и пр.

Читатель догадывается, что эти сужденія не даромъ поставлены попарно; но едвали онъ догадается, что въ каждой парѣ первое считается правильнымъ, а второе неправильнымъ. Между тѣмъ это такъ. Въ самомъ дѣлѣ слушайте дальше.

Но можетъ ли мѣсяцъ улыбаться, есть ли на самомъ дѣлѣ юность весна, утѣшеніе бальзамъ и т. д.?

Намъ кажется недоумѣвающимъ читатель на подобныя вопросы г. Дреслера, излагающаго логику по Бенке, былъ бы весьма склоненъ отвѣчать слѣдующимъ образомъ: или вы сами совершенно глупы, или меня считаете глупцомъ, какого еще свѣтъ не произвёлъ. Кто же думаетъ увѣрять васъ или кого бы то ни было, что мѣсяцъ дѣйствительно улыбается, а утѣшеніе есть не что иное какъ бальзамъ? Вы, какъ видно, не понимаете самой простой человеческой рѣчи. Когда говорятся подобныя вещи, то само собою разумѣется, что дѣло не въ буквальномъ смыслѣ. Только тотъ кто изъза словъ не видитъ мысли, можетъ вообразить здѣсь какую-нибудь неточность.

Съ другой стороны, пишетъ Дреслеръ, улыбка не имѣетъ ли чего общаго съ мѣсяцемъ, весна съ молодостью? Ужели цѣлебный бальзамъ рѣшительно противоположенъ утѣшенію?

Опять какіе-то дикіе вопросы. Развѣ тотъ кто скажетъ: *мѣсяцъ улыбается*, думаетъ сколько-нибудь утверждать, что между мѣсяцемъ и улыбкою есть что-то общее? Развѣ тотъ, кто назоветъ утѣшеніе бальзамомъ, имѣетъ въ мысли отрицать между ними всякое различіе? По той логикѣ, которую мы разбираемъ, это выходитъ такъ.

Веселость — говорить она — которая проявляется въ улыбкѣ, дѣйствительно идетъ мѣсяцу (*т. е. небесному тѣлу, спутнику земли? Ничего не идетъ!*); ему нельзя только приписать измѣненій въ лицѣ, которыя необходимо сопровождается улыбка (*удивительно! Уже скорее же наоборотъ я повѣрю, что у мѣсяца вышли эти измѣненія въ лицѣ, чѣмъ тому, что онъ развеселился.*) Радость, творчество и возрастаніе, которыя замѣтны въ веснѣ, обнаруживаются и въ юности (*неужели ты самая?*); ей нельзя приписать только того признака весны, что она есть трехмѣсячное время года, слѣдующее за зимою (*напротивъ: какъ весна есть время года, такъ и юность есть время жизни.*) Уменьшеніе боли, доставляемое бальзамомъ свойственно также и угѣшенію (*долго идетъ сосять не о боли*); ему (угѣшенію) нельзя приписать только дѣйствія на тѣло и вещественности, замѣчаемыхъ въ бальзамѣ (*напротивъ: успокоеніе души хорошо действуетъ и на тѣло.*)

Всѣ эти до изумительности нелѣпныя разсужденія какъ нельзя лучше показываютъ, что логика, о которой идетъ рѣчь, вовсе не понимаетъ переносныхъ или образныхъ выраженій; не мудрено по этому, что она считаетъ ихъ неправильными, несовершенными. Между тѣмъ каждому неперемудрившему человѣку совершенно понятно, что эти выраженія могутъ быть такъ правильны, точны и вѣрны, могутъ такъ ясно и отчетливо изображать мысль, какъ только можно этого пожелать. Они законны и правильны, потому что для человѣческой души слова всегда служатъ не прямымъ выраженіемъ, а только оболочкою мысли; не мудрено, что нѣмецъ, принявшій эту оболочку за самую суть, за самую душу, перепуталъ дѣло и ничего въ немъ не понимаетъ. Посмотрите къ какимъ заключеніямъ онъ приходитъ!

Очевидно, что въ приведенныхъ нами сужденіяхъ сказуемыми служатъ такіа понятія, которыя не вполнѣ идутъ къ подлежащимъ, потому что только часть ихъ признаковъ, а отнюдь не всѣ заключаются въ подлежащихъ (*напримѣръ веселость заключается въ мѣсяцѣ, а измѣненія лица не заключаются*). Съ эстетической точки зрѣнія подобныя сужденія цѣнятся по большей части гораздо выше всѣхъ другихъ сужденій, потому что они возбуждаютъ болѣе мыслей (*странно! неправильныя сужденія возбуждаютъ болѣе мыслей, чѣмъ правильныя!*) и нерѣдко могутъ приводить въ пріятное расположеніе духа. Но нельзя сказать о нихъ того же, если разсматривать ихъ съ логической точки зрѣнія (*а можно ихъ такъ разсматривать? Можно ихъ разсматривать съ такой будто бы логической точки зрѣнія, какъ ваша?*) Логика стремится вовсе не къ тому, чтобы доставлять людямъ пріятное настроеніе духа, но къ тому чтобы вести ихъ къ истинѣ; а въ этомъ отношеніи разсматриваемыя нами сужденія приносятъ такъ мало пользы, что должны быть поставлены ниже всѣхъ другихъ.

До чего, подумаешь, доводитъ любовь къ истинѣ! О какіихъ сужденіяхъ говоритъ авторъ? Онъ смѣшиваетъ выраженіе съ самою мыслью и очевидно говоритъ объ образныхъ выраженіяхъ какъ объ особаго рода сужденіяхъ. Но развѣ есть здѣсь смыслъ? Развѣ можно сказать: сужденія, выраженныя образно, не такъ вѣрны какъ сужденія, выраженныя по возможности безъ образовъ? Вѣрны они или не вѣрны — вѣдь это зависитъ отъ самихъ сужденій, а не оттого какъ они выражены. Настоящая же мысль, содержащаяся во всѣхъ приведенныхъ толкованіяхъ, будетъ такая: *образныя выраженія, если принять ихъ не за образныя, а за настоящія, истинны.* Глубокое логическое правило!

Предметъ любопытный. Нужно имѣть очень странное понятіе о мышленіи для того, чтобы видѣть въ образныхъ выраженіяхъ не пособіе для мысли, а напротивъ опасность и вредъ. Кто боится, что мышленіе смѣшаетъ себя съ своею формою, что образное выраженіе можетъ быть принято буквально, тотъ очевидно ставитъ мышленіе очень низко, тотъ не видитъ еще въ мышленіи той существенной его силы, при которой оно далеко отъ подобныхъ опасностей. Какое понятіе имѣетъ о мышленіи логика новыхъ психологовъ, мы всего лучше можемъ узнать изъ тѣхъ *положительныхъ* требованій, которыя она дѣлаетъ относительно правильности сужденій. Вотъ эти требованія:

Сказуемая въ сужденіяхъ должны принадлежать къ тому же классу представленій, къ которому принадлежатъ и подлежащія, т. е. для подлежащаго, заимствуемаго изъ чувственнаго міра, и сказуемое нужно заимствовать изъ того же міра; для подлежащаго, взятаго изъ духовнаго міра, и сказуемое нужно брать изъ духовнаго же міра.

Поэтому улыбку строго нельзя приписать мѣсяцу, такъ какъ она составляетъ собою явленіе, проистекающее изъ души, а мѣсяць есть предметъ вещественный; точно также не гармонируютъ другъ съ другомъ «бальзамъ» и «утѣшеніе», потому что бальзамъ есть нечто матерьяльное, а утѣшеніе нечто духовное.

Далѣе въ области предметовъ чувственныхъ видимое, т. е. воспринимаемое чувствомъ зрѣнія должно быть и опредѣляемо сказуемымъ изъ круга предметовъ, воспринимаемыхъ чувствомъ зрѣнія, слышимое — слышимымъ и т. д.; въ области предметовъ духовныхъ подлежащее, заимствуемое изъ круга представленій, должно и опредѣляться сказуемымъ изъ круга представленій, желаніе — сказуемымъ изъ міра желаній и т. д.

Соблюденіе всего этого необходимо, если только имѣть цѣлью истинныя познанія, въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Итакъ вотъ каковы должны быть правильныя сужденія. Существуютъ, какъ вы видите, различныя міры; прежде всего міръ во-

щественный и міръ духовный. потому міръ вещественный подраз-
дѣляется на міръ видимый, міръ слышимый и т. д.; міръ духовный
состоитъ изъ міра представленій, міра жадацій и т. д. Такъ какъ
это уже рѣшено и покончено (судя по всему прежде, чѣмъ начи-
нается мышленіе), то правильное мышленіе ни въ какомъ случаѣ
не должно перескакивать изъ одного міра въ другой; между этими
мірами, (любопытно бы знать, сколько ихъ всѣхъ-то?) существуютъ
непроницаемыя перегородки, и слѣдовательно — показать видѣть,
что есть нѣчто, въ чемъ одинъ изъ нихъ слѣчается съ другимъ,
значитъ прождести самую страшную дождь.

Такъ выходитъ по логикѣ г. Дреслера, разработавшаго Бенеке,
но не такъ это бываетъ въ дѣйствительности. Въ дѣйствительности
мышленіе есть не что иное, какъ то, что г. Дреслеръ считаетъ со-
вершенною ложью; въ дѣйствительности оно соединяетъ всѣ міры
въ одинъ міръ, составляетъ связь и центръ всего своего содержа-
нія. Тотъ не мыслить, кто слышимое только слышитъ, видимое
только видитъ, представляемое только представляетъ, желаемое
только желаетъ и проч. Въ такой формѣ едва ли мы можемъ вообра-
жать себѣ даже душевную жизнь животныхъ. Мыслить же значитъ
соединять, связывать, значитъ становиться на неподвижную цен-
тральную точку и озарять съ этой точки однимъ и тѣмъ же свѣ-
томъ весь горизонтъ душевной области. По Дреслеру и Бенеке
мысль есть какое-то пустое мѣсто, наполняемое разнородными
предметами, одними изъ области слуха, другими изъ области зрѣ-
нія, третьими изъ міра желаній и проч. Между-тѣмъ мысль ни-
когда такъ не образуется, никогда не составляется механически:
она имѣетъ въ самой себѣ источникъ, изъ котораго развивается.
Повторимъ наше прежнее выраженіе: мысль движется не снизу
вверхъ, а сверху внизъ, не отъ окружности къ центру, а отъ центра
къ окружности.

Это доказывается и образными выраженіями. Положимъ поэтъ
говорить: *звѣзды улыбаются*. Думаетъ ли онъ при этомъ смѣшать
міръ мертвыхъ предметовъ съ міромъ живыхъ? Думаетъ ли онъ
приписать звѣздамъ улыбку, или въ улыбкѣ видѣть объясненіе сія-
нія звѣздъ? Подобныя предположенія уничтожаются самою своею
нелѣпностью. Очевидно дѣло идетъ не объ отношеніи между звѣз-
дами и улыбками, и даже вовсе не о звѣздахъ и улыбкахъ; оче-
видно мысль поэта содержится и родилась совершенно въ другой
сферѣ. Изъ этой сферы она выходитъ и соединяетъ въ одинъ
образъ сіяніе звѣздъ и улыбку. Такимъ образомъ мысль не соста-
вляется, не слагается, не происходитъ изъ соединенія звѣздъ и

улыбки, а напротивъ уже существующая, уже готовая, она, зная что она дѣлаетъ, соединяетъ въ одно выраженіе зѣвоты и улыбку.

Итакъ существуетъ внутренній процессъ мысли, совершающійся по своимъ самобытнымъ законамъ. Отъ этого процесса, которому свойственна полнѣйшая сосредоточенность, зависитъ то *единство*, безъ котораго невозможно никакое познаніе. Поэтому мысли не складываются изъ частей (онѣ не имѣли бы единства) и не вносятся въ душу извнѣ (онѣ были бы чѣмъ-то ей чуждымъ), а рождаются и развиваются собственными силами души.

На какіе бы различные міры мы ни раздѣляли существующее, міръ мысли очевидно будетъ стоять внѣ этихъ міровъ, будетъ служить имъ средоточіемъ, или какъ обыкновенно говорятъ, будетъ обнимать собою всѣ эти міры.

На этихъ немногихъ замѣчаніяхъ мы пока остановимся. О *измѣненномъ* пониманіи души и мысли, противъ котораго мы говорили, можно сказать еще многое; оно обнаруживается очень обыкновенно и часто тамъ, гдѣ его трудно было бы ожидать.

Н. СТРАХОВЪ

Слове и Дѣло, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, **Ө. Н. Устрялова.**

(письмо въ редакцію «Времени».)

Мы ничего не имѣемъ противъ нигилистовъ. Помиладуйте, было бы очень странно, еслибы при добротѣ нашего сердца и пронца-тельности нашего ума мы что-нибудь противъ нихъ имѣли. Извѣстно всѣмъ и каждому, что нигилисты, а также и нигилистки составляютъ едва ли не лучшую полосу современныхъ людей.

Признаемся, что мы вообще считаемъ людей за весьма плохой народъ: они большею частью своекорыстны, завистливы, мелочны, тщеславны, самолюбивы и проч. и проч. Нигилисты выгодно отличаются отъ общей массы. Они просты, серьезны, ищутъ дѣла и занимаются дѣломъ, презираютъ мелочи; у нихъ нѣтъ той фальшивой наружности, о которой такъ много хлопочутъ другіе; поэтому, приходя въ соприкосновеніе съ ними, невольно чувствуешь свѣжее впечатлѣніе живой души.

Если же такъ, то не было ли бы съ нашей стороны очень странно и удивительно, еслибы мы не сочувствовали нигилистамъ?

Итакъ мы сочувствуемъ имъ всею душою; но вотъ въ чемъ наша бѣда — нигилизму мы нимало не сочувствуемъ и даже весьма мало признаемъ его существованіе. Такъ какъ дѣло пошло на откровенность, то попробуемъ прямо высказать свои мысли. Мы тѣмъ смѣлѣе можемъ это сдѣлать, что нигилисты люди простые и прямые и не поставятъ намъ въ грѣхъ нашихъ искреннихъ убѣ-жденій, составившихся безъ всякаго вліянія личныхъ интересовъ.

Дѣло въ томъ, что нигилизмъ по нашему мнѣнію едва ли существуетъ, хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что существуютъ нигилисты. Какъ это ни странно съ перваго взгляда, но это бываетъ. Есть напримѣръ *спиритисты*, люди, вѣрящіе въ движеніе столовъ и въ ихъ способность предвѣщать будущее, а между тѣмъ столовъ,

способныхъ двигаться отъ дѣйствія луховъ и предвѣщать будущее, навѣрное вѣтъ. Подобныхъ примѣровъ можно бы привести многое множество. Такъ точно и у насъ. Едва ли существуетъ то что называется нигилизмомъ, а между тѣмъ есть много людей и между ними много прекрасныхъ людей, признающихъ нигилизмъ.

Попробуемъ изложить дѣло такъ, какъ мы знаемъ его по нашему крайнему разумѣнiю. Намъ кажется, что нигилизмъ (замѣтите не нигилисты) одолженъ своимъ происхожденiемъ главнымъ образомъ противникамъ нигилистовъ. Эти противники, люди наблюдательные, самолюбивые, тонкіе, тотчасъ замѣтили темную и пеструю толпу, которая или не глядѣла на нихъ, или была готова при первомъ удобномъ случаѣ отъ нихъ отвернуться. Будучи очень щекотливы и провинцательны, они тотчасъ остановили на этой толпѣ свое вниманiе и принялись анализировать ее со всѣмъ искусствомъ, которымъ обладали. Толпа (да простятъ намъ это названiе; мы не разумѣемъ подъ нимъ ничего дурного) какъ и всегда была преисполнена безчисленныхъ зачатковъ и хорошаго и дурного; это былъ несложившійся, туманный, чреватый будущимъ хаосъ. Лучшимъ орудiемъ противъ нея были бы новые лучи свѣта, новые, животрепещущія созданiя, новые организмы, которые потянули бы въ себя изъ этого хаоса живые соки и тамъ его разсѣяли бы. Но противники поступили иначе. По своему бесплодiю, или по излишней раздражительности и недовѣрiю къ себѣ, они пришли къ убѣжденiю, что въ этомъ хаосѣ начинается своеобразная, самостоятельная организація. Тогда они принялись за дѣло съ великимъ прилежанiемъ и съ чрезвычайною добросовѣстностью. Послѣ нѣкоторыхъ пробныхъ розысковъ и обследованiй лучшій мастеръ, которому только можно было поручить подобное дѣло, И. Тургеневъ, изобразилъ живьемъ, съ кровью и плотью — представителя, образцоваго члена загадочной толпы. Мишнiя и чувства этого представителя были превосходно сгруппированы и доведены до возможной отчетливости и гармонiи. Въ завершениіе всего Тургеневъ открылъ и создалъ самое трудное; онъ угадалъ имя этого чловѣка, онъ назвалъ его *нигилистомъ*.

Имя — звукъ пустой! Но кто не знаетъ, какъ важно въ этомъ случаѣ имя? Вѣдь это тоже, что знамя, развивающееся у всѣхъ на виду, всѣмъ указывающее цѣль, всѣхъ ободряющее и укрѣпляющее сознаниемъ единства. Да, имя много значитъ! Объ этомъ говорить уже Мефистофель:

Когда недостасть помятiй,
Тогда-то имена и котая!

И въ самомъ дѣлѣ изъ всего, что есть въ романѣ Тургенева, слово нигилизмъ имѣло самый громадный успѣхъ. Оно было принято безпрекословно и противниками и приверженцами того, что имъ обозначается. Но съ особенною радостью кажется схватились за это слово приверженцы, то есть толпа, то есть хаосъ, словомъ, то что до тѣхъ поръ было безвиднымъ и безъименнымъ и что вдругъ получило видъ и имя! Теперь это имя повторяется въ печати ежедневно и ежедневно нескончаемое число разъ.

Не такъ легко и успѣшно было дѣло съ тѣми *понятіями*, которыми придалъ Тургеневъ своему нигилисту Базарову. Вы помните странную разногласицу, поднятую по поводу этихъ понятій. Одни нашли ихъ вполне согласными съ идеею нигилизма, другіе, не понявъ въ чемъ дѣло и подозрѣвая во всемъ коварный и тайный умыселъ, вооружились противъ нихъ насколько могли. Кто устранилъ эти затрудненія? Кто разъяснилъ дѣло и освободилъ его отъ недоразумѣній и противорѣчій? Опять они же, противники нигилизма. Они употребили всѣ усилія, чтобы исправить ошибочное пониманіе Базарова, отдѣлать существенное отъ случайнаго, и вообще выставить черты нигилизма какъ можно яснѣе и выуклѣбе.

Итакъ во всей этой исторіи мы видимъ одно; нигилизмъ ничего для себя не сдѣлалъ; все для него сдѣлано его противниками. Они создали ему героя, дали ему имя, заботились объ его истолкованіи.

Мы были бы очень счастливы, если бы читатели согласились, что въ нашихъ заключеніяхъ, какъ они ни похожи на парадоксъ, есть своя доля правды. Говоримъ безъ всякой задней мысли и безъ всякихъ тайныхъ притязаній. Впрочемъ сколько мы ни рассчитываемъ на благосклонность и снисхожденіе читателей, мы не рѣшились бы высказывать нашихъ мыслей въ настоящее грозное и воинственное время, если бы недавно не встрѣтили для нихъ разительнаго доказательства, или по крайней мѣрѣ подтвержденія, способнаго поколебать самыя твердыя убѣжденія въ значительности нигилизма.

На Мариинскомъ театрѣ появилась пьеса, которая тотчасъ возбудила вниманіе, произвела толки и до сихъ поръ пользуется успѣхомъ. Она называется: «Слово и Дѣло». Шумъ произведенъ оттого, что герой пьесы, вѣрно *Вертевъ*, напоминаетъ собою тургеневскаго Базарова, что онъ принадлежитъ къ этому типу, будто бы воплощающему въ себѣ наши новѣйшія стремленія. Но въ этомъ еще не все; говорили, что Вертевъ сверхъ того, есть исправлен-

нѣй Базаровъ, что авторъ въ немъ поправилъ дѣло Тургенева, будто бы умышленно исказившаго черты своего героя. (1)

Итакъ вотъ новое, послѣднее воплощеніе нигилизма. Судя по слухамъ можно было подумать, что настоящій нигилистъ наконецъ найденъ. Услужливые люди уже корили Вертяевымъ Тургенева; они говорили, что настоящій нигилизмъ, тотъ, который исповѣдуется этимъ героемъ, есть вещь прекрасная и что успѣхъ пьесы ясно показываетъ сочувствіе общества этому нигилизму, какъ направлению дѣйствительно свѣжему и новому. Однимъ словомъ они очень громко трубили побѣду.

Казалось бы кому бы и не знать въ чемъ дѣло, какъ не людямъ услужливымъ, которые, говорятъ, по глазамъ угадываютъ, чего хочется предмету ихъ ухаживаній? Если они признали Вертяева подлиннымъ нигилистомъ, то должно быть это и на самомъ дѣлѣ нигилистъ, и притомъ не какой-нибудь Базаровъ, наводящій смущеніе и неудовольствіе, а напротивъ нигилистъ, на котораго пріятно взглянуть всякому нигилисту.

Но что же оказывается? Намъ странно, какъ могли услужливые люди дать такое толкованіе пьесѣ г. Устрялова; намъ даже вѣсколко совѣстно за ихъ проныцательность. Вѣдь пьеса собственно должна бы носить слѣдующее заглавіе:

ВЕРТЯЕВЪ

или

нигилистъ, раскаявшійся въ своемъ нигилизмѣ.

Въ самомъ дѣлѣ вся комедія построена на самой простой и невинной идейкѣ, именно на томъ, что человекъ, отвергающій любовь на словахъ, на дѣлѣ можетъ влюбиться по уши. Отсюда и ея заглавіе: «Слово и Дѣло», которое значить: на словахъ человекъ одинъ, а на дѣлѣ другой. Отсюда даже и названіе героя: *Вертяевъ*, названіе вовсе не героическое и показывающее, что его обладатель не стоитъ твердо, а *вертится*, когда отъ слова доходитъ до дѣла.

Стоитъ только разъ убѣдиться въ невинности затей автора, чтобы тотчасъ постигнуть его мысль и не искать для нея никакихъ глубокихъ и далекихъ смысловъ. Пьеса построена не дурно; но въ ней нѣтъ характеровъ и слѣдовательно нельзя искать ни особенной глубины, ни особеннаго склада въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ лицъ.

(1) Въ редакцію было доставлено много критическихъ статей, въ которыхъ новая комедія разсматривалась съ такой точки зрѣнія. Ред.

Чтобы читателямъ ясно было, какъ понимается въ пьесѣ главный герой и все содержаніе комедіи, выпишемъ почти весь послѣдній монологъ Вертаева, составляющій очевидное правоученіе басни.

• Когда вы встрѣтите — говорить онъ — такого человѣка, каковъ я былъ прежде, когда онъ на вашихъ глазахъ будетъ *отвергать все*, ломать всякое чувство, признавать только одинъ расуодокъ, жить однимъ умомъ, признавать одну видимую пользу — *не старья!* Это только слово. Вы смотрите на *дѣло!* Не вѣрьте ему! онъ *лжеть!* Онъ лжетъ противъ самого себя, неумышленно, невольно, съ убѣжденіемъ, но... лжетъ! Пусть онъ *говоритъ!* пусть видитъ одну прозу въ жизни, пусть нѣтъ для него *ничего святого*, кромѣ пользы, ничего завѣтнаго, кромѣ опыта. Настанетъ минута и онъ узнаетъ... узнаетъ навѣрно, что есть въ жизни *что-то другое*, въ чемъ мы не властны, что не отра-зимо, что влечетъ насъ къ себѣ и побѣждаетъ... Онъ узнаетъ и повѣ-рять!.. Я говорю это по опыту, и дай-богъ, чтобы всякій это испы-талъ... тогда не будетъ фальшивыхъ убѣжденій!

По этому малому отрывку читатель можетъ судить и о смыслѣ комедіи, и о ея выполненіи, о манерѣ, языкѣ и проч. Складу очень мало. Не забудьте, что Вертаевъ здѣсь разомъ высказываетъ и свои старья, и свои новья убѣжденія. Куда какъ хорошо слѣплены и тѣ и другія! Особенно какъ подумаешь, что по старымъ-то убѣжде-ніямъ Вертаеву хотѣлось быть роднымъ братомъ Базарову.

Но примемъ все за чистую монету, не за театральное представле-ніе, а за дѣйствительную жизнь. Такъ вотъ они каковы новѣйшіе нигилисты! Они — Вертаевы! Они сначала *лгутъ съ убѣжденіемъ*, а потомъ *узнаютъ и повѣряютъ!* Они сперва увлечены *фальшивыми убѣжденіями*, а потомъ когда *настанетъ минута*, раскаяваются въ этихъ убѣжденіяхъ!

Чтожъ? Должно-быть въ самомъ дѣлѣ хорошіе люди! Покаятся вкогда не поздно; одно только худо — они имѣютъ право на назва-ніе *нигилистовъ* только до раскаянія, а какъ покаются, то необхо-димо должны отрѣчься отъ этой привилегіи и стать просто людьми какъ и всѣ.

Признаемся, что такимъ образомъ мы снова повергаемся въ великое нелюумѣвіе. Чтоже такое *нигилизмъ*, если ни одному слову нигилистовъ вѣрять нельзя, если каждое изъ нихъ въ извѣстную *минуту* можетъ оказаться *ложью* и *фальшивымъ убѣжденіемъ*? Изъ комедіи «Слово и Дѣло» явное заключеніе только одно: нигилисты прекрасные люди, но ихъ мнѣнія, ихъ нигилизмъ есть вѣчто та-кое, въ чемъ они рано или поздно должны раскаяться.

Намъ скажутъ можетъ-быть, что мы во всемъ этомъ дѣлѣ оши-баемся, что тотъ кто сочинилъ комедію, тѣ, которые ее смотрѣли

и тѣ, которые объ ней толковали, не имѣютъ никакого понятія объ настоящемъ англлизмѣ. Мы готовы съ этимъ согласиться, но имѣть съ тѣмъ съ грустью должны будемъ убѣдиться, что англлизмъ есть вещь темная, неопредѣленная, еще мало проявившаяся, такъ что относительно ея самые усердные люди легко впадаютъ въ грубѣйшія ошибки.

Такъ или иначе — намъ во всякомъ случаѣ искренно жаль. Русская земля, какъ извѣстно, земля неплодная, пустынная. Нѣкоторое время мы обольщались надеждою, что на ней уже расцвѣтъ и распустился англлизмъ. Какъ бы мы ни относились къ нему лично, все-таки пріятно было думать, что что-то есть, что на что-то можно посмотреть и что-то можно послушать. И вдругъ на томъ мѣстѣ, куда обратилось столько взоровъ, оказывается, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, мракъ и пустота, а по большей мѣрѣ безвидный и безымянный хаосъ.

Можетъ-быть это и не такъ. Мы нимало не думаемъ ручаться за то, что таково именно настоящее положеніе дѣла; но согласитесь, что такъ можно подумать, если судить по нѣкоторымъ фактамъ, по этимъ комедіямъ и критикамъ, и вообще по всему, чѣмъ англлизмъ заявилъ себя литературно.

Н. КОСИЦА

ЖУРНАЛЬНАЯ ЗАМѢТКА

О НОВЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ОРГАНАХЪ И О НОВЫХЪ ТЕОРИЯХЪ

Мы хотимъ сказать слова два о новопоявившихся и обновившихся періодическихъ изданіяхъ нашихъ, преимущественно о газетахъ. Говорить въ частности, подробно о каждомъ изданіи на этотъ разъ мы не будемъ. Мы только постараемся уловить новую мысль, новое слово новыхъ литературныхъ органовъ нашихъ, и признаки мысли, признаки новаго слова и новаго направления существуютъ. Намъ, равно какъ и всю читающую публику (такъ по крайней-мѣрѣ надо предполагать), еще съ осени поразило необыкновенное увеличеніе числа газетъ нашихъ. Издатели новыхъ органовъ настойчиво заявляли о своемъ появленіи съ 1-му января 63 года и увѣряли, что имъ что-то надо и даже необходимо сказать. Всѣ спрашивали, что-же именно они хотятъ сказать, съ какими новыми мыслями и анекдотами они явятся, что будутъ проповѣдывать? Очевидно одни изъ нихъ чувствовали, что необходимо какое-то слово и его надо договорить во чтобы ни стало. Другіе (изъ прежнихъ дѣятелей) настойчиво хотѣли продолжать прерванное обстоятельствомъ. Третьи стремились явиться такъ-сказать какъ плющъ на развалинахъ, какъ новая жизнь на старомъ разоренномъ пепелищѣ, или какъ Маріи на развалинахъ Карфагена и кажется были увѣрены, что пришло таки наконецъ время и въ-исполнѣніе слову, что кончилось l'abomination de la désolation; что пора русскому міру услышать мужей трезвыхъ, солидныхъ, положительныхъ, такъ-сказать практически понимающихъ глубину вещей и которымъ по праву давнымъ-давно слѣдовало бы захватить бразды русской литературы, но до сихъ поръ какъ-то не захватывалось. — Господа Краевскій, Скарятинъ, Катковъ и впроч. засвидѣтельствовали о себѣ и о своемъ призваніи въ вышнѣйшихъ объявленіяхъ. Даже господинъ Розенгеймъ съ своей «Занозой» пристегнулъ

себя въ сонму сихъ прозорливыхъ и главное практическихъ мужей. Даже предчувствовался отчасти г. Илья Арсеньевъ въ этой многознаменательной толпѣ новыхъ или лучше сказать самообновившихся столповъ нашей дѣятельности; даже потянуло откуда-то самимъ господиномъ Дудышкинымъ... Но въ послѣднемъ случаѣ насъ можетъ-быть обманываетъ наше литературное обоняніе, въ чемъ и сознаемся заранѣе. Однимъ словомъ ясно было, что это внезапное увеличеніе и самообновленіе нашихъ періодическихъ органовъ хотя конечно есть спекуляція, но все-таки не одна-же спекуляція. Мы почувствовали, что тутъ кому-то, зачѣмъ-то, хочется что-то сказать. И еслибъ даже вся эта газетоманія, все это надувающееся что-то сказать оказалось бы въ послѣдствіи чѣмъ-нибудь въ родѣ опухоли, чѣмъ-нибудь въ родѣ флюса отечественной словесности, то и тогда, рѣшили мы, было-бы не дурно, потому что даже опухоли и флюсы не бесполезны для зараженныхъ организмовъ. Черезъ опухоли и флюсы вытягивается изъ нихъ всякая дрянь... Но главное, повторяемъ еще разъ, предчувствовалось какое-то новое, навлевающееся словечко... И предчувствія насъ не обманули. Оказалось что и дѣйствительно было словечко.

Видали-ль вы, господа, а если видѣли, то не можете-ли себѣ przypomнѣть и представить стадо куриць, — ну какъ есть, положимъ хвѣтъ и съ пѣтукомъ, — внезапно испуганное какимъ-нибудь прохожимъ, какой-нибудь старушонкой, али мальчишкой, али накомещъ какой-нибудь собачонкой, бросившейся догонять какую-нибудь хохлатку для своего удовольствія? Стадо, съ крикомъ, немедленно разсыпается и бѣжитъ куда попало въ паническомъ страхѣ. Да курица и постоянно, всю жизнь свою, до самаго супа, живетъ въ паническомъ страхѣ. Но вотъ гроза, чаще всего небывалая, прошла: хохлатки собираются опять въ кучу. Ихъ усиленные крики, тревожное, нервное и утробленное кудактаніе все еще продолжаютъ и свидѣтельствуютъ объ ихъ душевномъ настроеніи. Но въ этихъ крикахъ уже нѣтъ отчаянія. Малодушные и раздражающіе ихъ вопли перешли уже въ какой-то даже солидный тонъ. Это уже какое-то новое, амбиціонное кудактаніе, въ которомъ чувствуется обиды, амбиція, негодованіе, подавленное самолюбіе; такъ и слышится: «какъ это дескать смѣли насъ потревожить? да кто это? да какъ это? Кудакъ-такъ-такъ!» Въ этомъ кудактаніи уже проглянуло чувство собственнаго достоинства, звучитъ солидарность съ прежними интересами; кудактается что-то такое какъ-будто о морали; слышится даже что-то какъ-будто о семействѣ, о собственности. Преступаетъ наконецъ доктринерство и въ заключеніи гордое торжество: «мы говорили, мы предсказывали, вотъ плоды! Кудакъ-

такъ-такъ!..» и проч. и проч. Разумѣется наше грубое сравненіе новыхъ органовъ съ хохлатками ни къ кому не можетъ относиться лично. Мы разумѣли только новый тонъ, новыя идеи, новые принципы, новый настрой нашихъ органовъ и все это въ самомъ отвлеченномъ и наименьшемъ смыслѣ. Употребили же мы это сравненіе, потому что оно намъ кажется чрезвычайно вѣрно.

Напримѣръ: желугавная курица все преувеличиваетъ. Новымъ органамъ, всѣмъ виѣстѣ, (потому что у всѣхъ у нихъ видѣется одна общая мысль), тоже все кажется въ преувеличенномъ смыслѣ. Они толкуютъ съ усиленнымъ кудаканіемъ, въ которомъ еще слышится волненіе, что что-то потеряно, что-то проиграно, что общество въ чемъ-то оказалась несостоятельнымъ. Они собираются, въ прежнее стадо и тревожно повторяютъ: «мы говорили, мы предсказывали — вотъ плоды... и т. д.» Они какъ будто увѣрены или себя увѣрили, что была какая-то битва, какая-то катастрофа, «что ужъ республикой теперь не надуешь Андрея Александровича», что что-то упало, что-то погубило... А между тѣмъ, въ сущности, ничего не упало, ничего не погубило, ничего не пропадало, все тянется черезъ пень-колоду постарому и ничего такого особеннаго не произошло подъ чѣмъ бы можно было провести черту и подписать: *Finis*... Господинъ Скарятинъ (Русскій-листокъ № 1) намекаетъ даже на подметную литературу, на зарево пожаровъ и удивительно высокимъ слогомъ все это росписываетъ. Съ господиномъ Скарятинымъ, покрайней мѣрѣ въ направленіи, очевидно сходятся отчасти и прочія новыя и обновленныя изданія. А вѣдь такое смѣшеніе фактовъ понашему невѣрно. Что общаго съ прогрессивнымъ движеніемъ общества вообще и подметными листками неизвѣстной кучки? Смѣшивать то и другое значитъ прямо обвинять все прогрессивное общество, и преднамѣренно умалять до микроскопическихъ размѣровъ все что заявилось нашимъ обществомъ дѣльнаго, серьезнаго, святаго, неоспоримаго во всѣ эти шесть лѣтъ. Говорить, что народъ прямо обвинилъ въ пожарахъ наше юношество, опять невѣрно. И хоть г. Скарятинъ и прибавляетъ, что между юпошами виновниковъ не нашлось, соболазнуеть, жалѣеть о томъ, что народъ обвинялъ юношество, но видимо намекаетъ что народъ и не могъ не обвинить. Покрайней-мѣрѣ въ длинной діатрибѣ онъ прямо завершаетъ несостоятельность нашего прогрессивнаго движенія пожарами, и о пожарахъ онъ заговорилъ видимо непросто для эффекта. — А между тѣмъ и о народѣ тутъ не такъ. Совсѣмъ не такъ, прямая клевета. Народъ дѣйствительно обвинялъ, но кто подвигнулъ его къ этому обвиненію, кто надоумилъ — а? Хохлатки и тогда уже бѣгали въ паническомъ страхѣ? Закулактали онъ первыя? Не онѣ-

ли всему и вѣщою, онѣ, которыя теперь переименовываютъ факты и трубають побѣду...

Мы конечно не стали бы задѣвать лично господина Скрягина — изобрѣтающаго удивительныя вещи и максимы, но повторимъ, это кудахтающее направленіе слышится и въ другихъ газетахъ, въ новыхъ и обновленныхъ; даже «День» и тотъ, въ недавнѣйшихъ двухъ номерахъ своихъ, вышелъ съ сильнѣйшей діатрибой противъ нашего общества, обвиняя его въ несостоятельности передъ событіями. Но «День» проводилъ покрайней-мѣрѣ свою всегдашнюю идею; ему нужно было обвинить общество въ неспособности и несостоятельности чтобъ кончить, что все это отъ разрозненности съ нечвой. Мы съ нимъ совершенно согласны, что общество наше разрознено съ почвой и рано или поздно замѣтило бы само свою несостоятельность. Но покамѣстъ бы оно замѣтило — оно заявляло себя. Оно чувствовало свое право; оно начало все что можно было начать; сдѣлало все что могло сдѣлать; если чего не сдѣлало, значитъ невозможно было то сдѣлать; если что сдѣлало не хорошо, то обвинять его опять такъ невозможно, потому что ему даже времени не дано было поправить свои ошибки. Отрицать это, значитъ преднамѣренно искажать, или съ намѣреніемъ не видѣть фактовъ. Такъ и дѣлаетъ «День» и намъ очень жаль, что онъ сходится въ этомъ случаѣ съ всеобщимъ кудактаніемъ. Надо быть прежде всего справедливымъ и искажать факты въ этомъ случаѣ очень грѣшно, потому что такимъ искаженіемъ фактовъ запутывается общественное сознаніе.

Но покрайней-мѣрѣ «День» обвинялъ общество на серьезномъ основаніи. Прочіе же органы обвиняютъ кажется сами незная почему и съ легкомысліемъ изумительнымъ. Даже трудно представить какъ можно такъ шло вдумываться въ факты, и не видѣть того что всѣмъ ясно. Они думаютъ: теперь когда поле опять стало чисто, отчего жъ и не попробовать запѣть въ новый тонъ? Только тонъ-то этотъ, господа, слишкомъ старый и избитый. Онъ сводится на тонъ тѣхъ приживалокъ и старухъ бабушекъ, которыя молчатъ до первой катастрофы, важутъ чулки и переругиваются втихомолку. И потомъ вдругъ, при первомъ удобномъ случаѣ, всѣ онѣ поднимаются и начинаютъ стучать своей благолюбивыя лица, матушкѣ-помѣщицѣ: «вотъ, мы говорили, мы предсказывали, не хотѣли слушать, чтожъ вышло». А онѣ даже и не предсказывали прежде ничего, только зѣвали, да при этомъ ротъ крестили по обычаю.

Разумѣется всѣ новыя органы выходятъ съ девизомъ: «сумбренность и акуратность». Это безспорно очень хорошій девизъ; но злоупотреблять имъ тоже нельзя. А какже тутъ не злоупотребленіе,

господа, когда вы всё кричите и съ дѣтскимъ легкомысліемъ обвиняете общество, что оно одно во всемъ виновато, что оно лѣново, что въ немъ недостатокъ самодѣтельности, что эту самодѣтельность надобно возбуждать, что дѣти не плачутъ, мать не разумѣетъ, что общество по всемъ пунктамъ оказалось несостоятельнымъ и проч. и проч. ?

Да справедливо-ли это? Вдумывались-ли вы хоть сколько набудь въ минувшіе факты? Неужели они только прошлы по годамъ вашимъ, нисколько не задѣвъ вашего соображенія? Мы вѣдь вѣрить не хотимъ, что у васъ нѣ достало вниманія или пониманія. Вѣдь это слишкомъ было ясно и не въ углу происходило. Вѣдь труднѣе было непонять, чѣмъ понять. А если дѣйствительно не достало ни вниманія ни пониманія, такъ ужъ не надо-бы и газетъ издавать. Слѣпой слѣпому водить не можетъ. Вышкните и разсудите :

Вы обвиняете общество въ несостоятельности, въ лѣности, въ недостаткѣ самодѣтельности и проч. Но повторяемъ вамъ : общество заявляло себя по всемъ пунктамъ, всегда и вездѣ, ктожь этого не помнить? -- и именно заявляло себя равно до тѣхъ поръ, равно до той самой черты, до которой возможно было ему заявлять себя. Вспомните : общество заявило себя и по вопросу о распространеніи обществъ трезвости, и по вопросу о грамотности, и по вопросу о воспитаніи, и по вопросу о гласности, и по вопросу крестьянскому : оно составляло по этому вопросу сѣзды, комитеты, адреса. И большинство и меньшинство этихъ сѣздовъ заявляло, печатало свои мнѣнія, подавало ихъ по начальству. Потомъ происходили другіе сѣзды и другія собранія... Потомъ, особенно въ городахъ, дѣятельная часть общества заводила воскресныя школы, собирала сотрудниковъ, деньги, подписки. По дѣлу о воспитаніи достаточно указать хоть на дѣятельность графа Льва Толстого и его сотрудниковъ... И не знаемъ насколько именно всё эти заявленія, отдѣльныя мнѣнія, адреса были полезны правительству. Но что они были полезны — это несомнѣнно. Даже бѣдная литература наша и та составляла собранія и записки начальству по вопросу о цензурѣ, и ея соображенія, заявленныя ею и представленныя начальству во многомъ послужили потомъ на пользу высочайше утвержденной комиссіи по дѣламъ книгопечатанія, о чемъ и сама комиссія свидѣтельствуетъ въ своемъ новомъ проектѣ устава о книгопечатаніи. Однимъ словомъ общество сдѣлало все что могло сдѣлать, заявляло все что могло заявить. Если чего желаетъ, жаждетъ общество, такъ это именно возможности и теперь дѣлать и заявлять. Вамъ все это извѣстно. А между тѣмъ вы лезете съ обвиненіями. Вы, положимъ, и теперь не уйметесь и все таки будете обвинять : «Если такъ, скажете вы, кончились всё

эти заявленія и всѣ эти начатки дѣятельности нашего общества, то оно само виновато, потому что само не такъ дѣйствовало. Мало того: оно увлекалось, въ немъ не доставало порядка, разсудительности. Слышались буйные порывы, слышалось легкомысліе... Оно не внимало гласу мужей доктринствующихъ. Юная часть его стремилась къ гибели. Страсти были необузданы. Вездѣ проявлялись неумѣлость, неловкость, поспѣшность, горячка... горячка... однимъ словомъ и т. д. и т. д.»

Господа, это положимъ, все легко теперь говорить; теперь какъ-дѣло уже прошло, можно говорить какъ по писавому. И все-таки изъ вашихъ разговоровъ дѣла не выйдетъ, а одна болтовня. Потому что вѣдь вы только болтаете и даже теперь не въ состояніи научить какъ надо бы было слѣвать. Да еслибъ даже вы и учили, то и тогда бы ваша наука никуда не годилась, потому что все бы это было только одна теорія, а намъ ужъ довольно теорій, намъ надобно дѣла. А дѣлу иначе никто не научится какъ на практикѣ; и именно рядомъ ошибокъ, понеся можетъ-быть даже «значительную ссадку на бока». Слѣдственно дѣло во всякомъ случаѣ останавливать нельзя было, если вы хотѣли дѣла. Но объяснимся точнѣе:

Вы обвиняете общество, что оно не такъ дѣйствовало, что въ немъ не доставало разсудительности и практическаго пониманія собственныхъ интересовъ, что оно увлекалось легкомысліемъ и т. д. и т. д. Но позвольте господа: гдѣ, когда, въ какихъ снахъ, въ какихъ доктринерствахъ видѣли вы, чтобъ общество, столѣтіями отучавшееся, и наконецъ совершенно отучившееся отъ дѣла, сразу, безъ науки, съ перваго шагу своего стало бы дѣйствовать не ошибаясь, не падая, солидно и безошибочно? Бывало ли такое общество когда на всей землѣ? Разверните какую вамъ угодно исторію и справьтесь, — французскую, английскую. Вѣдь это только г. Катковъ никогда не падаетъ, такъ ему и Теймсъ въ руки. А мы, люди простые, обыкновенные. Въ самомъ началѣ, лѣтъ шесть тому назадъ, приобрѣтенъ былъ великолѣпный результатъ: все общество проснулось, возстало въ одномъ великомъ движеніи и съ вѣрою и надеждою стало заявлять свои требованія. Дитя заплакало горько и добрая, чуткая мать начала его жадно слушать. Повторяемъ: этотъ результатъ былъ великолѣпный. Имъ надо было воспользоваться. Чтожъ дѣлали тогда вы, господа доктринеры? Вы смотрѣли розиня ротъ и ждали что вамъ тотчасъ сами влетятъ въ ротъ жареные дрозды и куропатки. О вы, погубившіе все дѣло, вы неумѣлые, вы сначала накричавшіе больше всѣхъ и потомъ первые закудактавшіе! Да кто-же вамъ велѣлъ, кто наталкивалъ васъ, ожидать немедленныхъ дроздовъ и куропатокъ? Какой юродивый, какая

старуха увѣрила васъ, что все пойдетъ безошибочно, солидно, безъ увлеченій, безъ легкомыслія? Зачѣмъ вы повѣрили этому? Неужели у васъ не достало сообразить, что никогда, нигдѣ, ни въ какомъ народѣ, отъ начала міра сразу никто не выступалъ безошибочно и тѣмъ болѣе противъ предрасудковъ, укоренившихся въ почвѣ столѣтіями и выѣвшихъ за собой — привычку къ нимъ общества. Надо было именно приготовиться ко всѣмъ ошибкамъ, ко всѣмъ паденіямъ, ко всѣмъ легкомысліямъ и не смущаться и не пугаться пустяковъ, изъ которыхъ вы, въ паническомъ страхѣ, надѣлали драконовъ и чудовищъ, напугали ими общество и такимъ образомъ, шесть лѣтъ, работая, сдѣлались оставителемъ движенія. Еслибъ вы не были мертво-холодны по натурѣ вашей, еслибъ вы любили общее дѣло и желали его преуспѣянія, то вы бы повѣрили въ навзность и въ искренность заплакавшаго дитяти. Но вы ничему не повѣрили и успѣли остановить и пресѣчь все въ самомъ началѣ. Были конечно неловкости, безтактности было неумѣнье вести дѣло. Оговоримся однакожъ: было много и хорошаго не только заявленнаго, но даже уже сдѣланнаго этими безтактными, плодами которыхъ даже и вы теперь пользуетесь. Но оставимъ это хорошее, обратимся единственно къ безтактному, неумѣлому и легкомысленному. Позвольте господа, отвѣтите мнѣ еще на одинъ вопросъ: можно ли научиться плавать, никогда не сходя въ воду и не прикасаясь воды? А вѣдь вы именно этого требуете. Опять-таки говоримъ: ошибки нужно было предвидѣть и къ нимъ приготовиться терпѣливо и съ достоинствомъ. Надо было сообразить, что вѣдь не карточный домикъ начинался строиться. Надо было сообразить и повѣрить, что отъ ошибокъ дошло бы и до безошибочности, по крайней-мѣрѣ до какихъ-нибудь дѣйствительно выжитыхъ, не теоретическихъ, а практическихъ результатовъ. Надо было сообразить и повѣрить, что общество сознательно не можетъ идти противъ собственныхъ своихъ интересовъ, что *сознательно* оно не стало бы легкомысленничать когда дѣло до собственной шкуры доходило, что общество не стало бы свистать и шалить, а слѣд. *само* и *безо всякой* посторонней помощи съумѣло бы обуздать и горячихъ и легкомысленныхъ, вrellившихъ дѣлу своей торопливостью именно потому бы такъ поступило, что никакое общество не можетъ быть врагомъ собственныхъ своихъ интересовъ. А слѣдственно что надо было намъ дѣлать? Поддерживать дѣйствія общества, ободрять публику, а не кудачтать въ паническомъ страхѣ. Стараться чтобъ никакимъ образомъ не могла быть пресѣчена начинавшаяся самостоятельность общества; мало того стараться о твердыхъ гаран-

тіяхъ для продолженія этой самодѣятельности и съ увѣренностью ждать результатовъ. А то что вышло? Дѣйствія общества, вслѣдствіе вашего же паническаго страха и кудактанья, тотчасъ же арестовались въ самомъ началѣ и такимъ образомъ сами же вы дали право этимъ окудактаннымъ вами прогрессистамъ и дѣятелямъ вамъ же въ глаза сказать: «Вѣдь вы намъ не дали ничего докончить, слѣдственно и не имѣете права судить о томъ что бы вышло.» Да, это вы, вы и вамъ подобные все накудактали и смутили другихъ, отъ которыхъ зависѣло продолженіе общественной дѣятельности. Честь и слава только этимъ другимъ, что они во многомъ васъ не послушались, твердо вѣрили въ успѣхъ и реформу и многое хорошее успѣли таки совершить и докончить.

И теперь господа, теперь повашему выходитъ, что надо причудиться къ практическому смыслу теорій. Помилуйте, да въ теоріяхъ мы давно уже и учителей за поясъ заткнемъ, да еще какъ! Вѣдь вотъ учите же вы напимѣрь, а вѣдь извѣстно, что сами вы ровно ничего еще не сдѣлали. И въ чемъ заключается ваша теорія практической дѣятельности? Въ кудактаніи, въ покиваніи глазами своими и потопъ въ правилѣ: сложить руки, заткнуть по возможности свои пять чувствъ и возложить упованіе. Ну этакъ-то мы давно уже дѣйствовали. Чтожъ «Русскій Вѣстникъ» чтоли практиченъ по вашему, съ своими англійскими началами? Мы потому указываемъ на «Русскій Вѣстникъ», что считаемъ его за пѣтуха и преводаителя всего стада вашего, хотя вы и претендуете, что у каждаго у васъ свое особое мнѣніе. Не безпокойтесь, въ кудактаньи вы всѣ сходитесь. У «Русскаго Вѣстника» англійскія начала, онъ доктринеръ, его слушаютъ. А между-тѣмъ, повашему скорѣй систему Фурье можно у насъ ввести, чѣмъ идеалы г. Каткова, теймствующаго въ Москвѣ. Чѣмъ виноваты мы, что ему мерещится поклоненіе лордамъ, раздробленіе собственности на личномъ началѣ, вмѣсто нашего дворянства маркизы и лорды à l'anglais, образованіе, принимаемое какъ привилегія аристократіи, увеличеніе платы студентовъ и проч. и проч. Послѣднее, т.-е. вопросъ объ образованіи, есть со стороны «Русскаго Вѣстника» посягновеніе на самое драгоценное право народа русскаго, право дарованное ему Петромъ великимъ и единственное можетъ-быть, что только и есть безукоризненнаго въ реформѣ Петра великаго. Это право на образованіе, установлено имъ на самомъ демократическомъ и плодотворномъ основаніи. Въ этомъ вопросѣ Петръ великій сознательно презрѣлъ права народа, выдвинулъ впередъ образованнаго и поставилъ его выше боярина. Онъ хотѣлъ чтобы всѣ образовывались; потомки его это повали и поддерживали русское образованіе не иначе какъ на демократическомъ

петровскомъ началѣ. «Русскій Вѣстникъ» этого не хочетъ. Въ Англіи такъ не дѣлается... Но что говорить о «Русскомъ Вѣстникѣ» и о московскихъ тейсахъ. Игра въ карточные домики нашему обществу давно уже наскучила. Мы только указали на «Русскій Вѣстникъ» какъ на практическаго представителя кудактающихъ доктринеровъ... А теперь обратимся къ тому на чемъ остановились.

Положимъ, что наше общество не остановилось бы въ свободномъ заявленіи своихъ нуждъ и въ отысканіи немедленныхъ средствъ для удовлетворенія ихъ; оно тогда можетъ быть и дошло бы до того до чего дошолъ «День» путемъ глубокаго убѣжденія, т. е. до яснаго сознанія своей разрозненности съ почвой и съ народомъ и главное, до необходимости возвращенія на родную почву и соединенія съ народнымъ началомъ. Такъ что «Дню» нечего было бы и тревожиться и писать горькія діатрибы на наше общество, какъ пишетъ онъ теперь и еще долго будетъ писать, потому что на словахъ дѣло никогда не кончается, а напротивъ продолжается въ безконечность. Слѣдственно и «Дню» слѣдовало бы стоять за практическую самостоятельность общества и вѣрить что она до добра доведетъ. Да и какъ не вѣрить? Чуть только началось у насъ хоть какое-нибудь практическое и свободное столкновеніе интересовъ общества и народа, (столкновеніе необходимо вызванное послѣдними реформами повсемѣстно), какъ тотчасъ же и началось повсемѣстно сближеніе народа и общества и тотчасъ же, повсемѣстно, стала сознательно появляться мысль о необходимости этого соединенія. Это такъ очевидно, что нечего и доказывать этого. Этого только слѣпой теперь не видитъ. И чѣмъ даже тѣмъ очевиднѣе будетъ. Мы съ твердымъ убѣжденіемъ начинали нашъ журналъ, провозгласивъ необходимость сближенія общества съ народнымъ началомъ, и до сихъ поръ заявляемъ и разъясняемъ эту мысль по возможности. Сколько насмѣшекъ и язвительныхъ криковъ мы вынесли отъ всѣхъ литературныхъ лагерей нашихъ. Но теперь, несмотря на усиленные насмѣшки, переходящія даже въ ругательства, мы съ удовольствіемъ видимъ, что съ нами въ унисонъ начинаютъ пѣть чрезвычайно много голосовъ въ литературѣ. Въ новыхъ изданіяхъ повторяются наши мысли до буквальной точности выраженной. И однакожь мы всегда будемъ стоять за правую сторону дѣла и хоть надо признаться, наше общество заявляло себя, свои нужды и требованія дѣйствительно иногда легкомысленно, выставляя слѣпо западную цивилизацію и свысока смотря на народъ, но мы все-таки жальдемъ, что кудактующее направленіе успѣло повредить начинающейся саможизненности нашей. Они испугались даже до того, что въ малодушномъ ослѣпленіи своемъ стали смѣшивать подметную

литературу съ общею дѣятельностью всего общества. Повѣрите, что само-развивающееся общество само сѣумѣло бы оставить и подметную литературу. Не стало бы оно легкомысленно жертвовать своими собственными интересами и не потеряло бы и у себя легкомыслія, а слѣдовательно и подметной литературы, которая была бы буквально невозможна.

Зачѣмъ же вы теперь, господа, когда уже все успѣли испортить, кричите, что общество лѣниво, не самодѣтельно и не печется о своихъ интересахъ? Вы же да еще обвиняете общество? Что это насмѣшка или нѣтъ? Оговоримся: мы никого изъ васъ не обвиняемъ лично. Но направленіе теперешнихъ изданій вашихъ есть тоже самое доктринерствующее направленіе, которое еще такъ недавно остановило своимъ вліяніемъ такъ много задатковъ и возможностей. И потому, кто бы вы ни были лично, мы обвиняемъ теперь васъ, потому что у васъ тоже самое направленіе. Вотъ что господа мы вамъ скажемъ насчетъ лѣности, необразованности общества и мы скажемъ нашу мысль безъ дальнихъ разсужденій, для краткости присказкой: Въ новой газетѣ «Очерки» помѣщена была довольно умненькая побасенка: «Продолженіе лѣтописи села Горохина», той самой лѣтописи, которую началъ еще Пушкинъ. (Истатьи объ «Очеркахъ»: мы отчасти исключаемъ эту новую газету изъ числа другихъ новыхъ изданій и смотримъ на нее особю. Въ ней встрѣчаются иногда довольно вѣрныя мысли и недурныя статьи, а статьи принадлежащія г. Шапову положительно хороши. Жаль только одного, что въ этой газетѣ есть одинъ капитальный и кажется неисправимый недостатокъ, именно тотъ что она — не газета. Берете вы какой-нибудь номеръ, желаете что-нибудь знать о современномъ, вчерашнемъ, сейчапнемъ, а читаете пятое или шестое продолженіе о русскомъ бытѣ и о судьбѣ русской женщины при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Потомъ идетъ кахтинская торговля, потомъ еще что-нибудь въ этомъ родѣ, потомъ слѣдуютъ производства въ чины и — дѣло кончено. Номеръ наполненъ. Нѣтъ, газеты такъ неиздаются. Это что-то издающееся по какому-то вдохновенію. А какъ издатели еще съ перваго шагу, съ первыхъ номеровъ не успѣли спохватиться и догадаться что такъ не издаются газеты, то мы къ сожалѣнію и считаемъ этотъ недостатокъ изданія «Очерковъ» и впрямь неисправимымъ). Въ этой «лѣтописи села Горохина» изображено, какъ крестьяне села въ началѣ даже не вѣрили посреднику, что они уже свободны вполнѣ и недовѣрчиво выслушивали убѣжденія посредника къ полнѣйшей ихъ самодѣтельности. Приводить мужикъ съ просьбою о позволеніи поженить парня. Добрый и благородный посредникъ даже выгоняетъ его: «ты свободенъ, сво

бодеть, пойми ты это наконецъ, посконная твоя голова! К чему же ты дѣлаешь съ такими просьбами, вѣнчай самъ какъ хочешь!» Послѣ этого мужики начинаютъ наконецъ вѣрять и раловаться. Вдругъ посредникъ собираетъ сходку. Сошлись охотно. Посредникъ предлагаетъ міру завести школу. Мужики почесываются: «Нѣтъ, батюшко, у насъ исконовъ вѣка школы не бывало, и отцы и дѣды наши грамотѣ не учились, такъ ужъ школу и теперь нечего заводить. Несогласны.» (Замѣтимъ въ скобкахъ что съ 19 февраля, т. е. съ манифеста о свободѣ, школы по Россіи увеличились вчетверо; это цифра officialная. Слѣдовательно «Гороховская Лѣтопись» выставляетъ фактъ совершенно частный. Но это все-равно: во всякомъ случаѣ свободу рѣшенія мірскаго приговора, если ужъ дана эта свобода, стѣснить невозможно.) Посредникъ убѣждаетъ. Мужички стоятъ на своемъ. Тогда посредникъ начинаетъ кричать. Мужички почесываются, но видя что дѣло доходить до употребленія власти — соглашаются. Малое время спустя посредникъ опять собираетъ сходку: Надо положить жалованье старшинамъ. Міръ опять несогласенъ. Посредникъ опять кричитъ и власть употребляетъ. Кончается наконецъ въ Гороховѣ тѣмъ, что мужички всѣмъ міромъ идутъ къ посреднику и просятъ его управлять ими, такъ же какъ они правили прежде. «Невѣжды, лѣннвцы! кричитъ посредникъ: — вы свободны! вы вполне свободны! я бьюсь чтобъ образовать васъ, чтобъ возродить въ васъ чувство самодѣтельности, а вы...» Но гороховцы падаютъ въ ноги и стоятъ на своемъ. Посредникъ разставляетъ руки и разумѣется рѣшаетъ про себя, что общество наше неприготовлено, что мужикъ лѣнивъ, грубъ и велѣпъ, что онъ не понимаетъ благородныхъ чувствъ, привыкъ къ палкѣ, не хочетъ стоять за свои интересы, бѣжитъ самоуправленію, самоодѣтельности, что онъ необразованъ, что даже и дурной помѣщикъ несравненно выше мужика, потому что образованнѣе, что мужиковъ прежде всего надо образовывать, чтобъ они понимали настоящую свободу, а для того надо опять взять въ руки, опять надѣть крѣпостной хомутъ и хорошенько, хорошенько, хорошенько ихъ, даже хоть палкой, чтобъ они знали какъ объ нихъ заботятся и понимали, что хотятъ возбудить ихъ благородныя чувства...»

«Очерки» къ удивленію нашему (къ удивленію потому, что почти всѣ журналы наши рѣшили бы иначе) оправдываютъ гороховцевъ. Если ужъ дана имъ была свобода, то ужъ они свободны были и школу заводить. (Бѣдный, но благородный духомъ прогрессистъ посредникъ недогадался въ своемъ доктринарствѣ, что гороховцы, дѣла не раздѣляя, смотря на сосѣдей и на всеобщій примѣръ, сами бы завели у себя школу, и недогадавшись объ этомъ, чтобъ завести

только школу, подрывалъ самый основной принципъ, на которомъ все зиждилось, который былъ источникомъ всего дальнейшего и сохраненіе котораго было дороже всего въ школь на свѣтѣ). «Очерки» утверждаютъ, что такъ было въ прошломъ столѣтіи и въ нѣмецкихъ государствахъ, когда тамъ тоже начали звать самодѣятельность и что горожанцы оказали даже при этомъ признаки здраваго смысла. Господа доктрисеры! положимъ вы посредники, а мы, т.-е. общество — горожанцы. Вотъ вы вызываете насъ на самодѣятельность. Что намъ дѣлать?

Отвѣтъ по нашему ясенъ и толковать нечего. Вотъ почему всѣ наши вызовы къ самодѣятельности намъ и показались несбыточныи.

Мы сейчасъ удивлялись что «Очерки» рѣшили въ пользу горожанцевъ и выразили наше убѣжденіе, что всѣ наши доктрисеры и даже отъявленные красивѣйшіе прогрессисты могутъ быть рѣшили бы иначе, а если бы не рѣшили, то *должны* бы были рѣшить иначе, чтобы быть вѣрными своимъ принципамъ. Не удивляйтесь нашему удивленію; мы вовсе не преувеличиваемъ. Но это бы еще ничего. А теперь вотъ начинаются даже признанія какого-то желѣзняка нашему мужику, какого-то отщепенца ему, за то что до-сихъ-поръ всѣ такъ за него стояли и такъ за него распинались. Дрожаливость даже неважность. Это мы особенно замѣтили въ недавнѣе время; въ газетѣ «Русскій Листокъ». Это самый куражливый изъ людей нашихъ органовъ, хотя и слышался проповѣдь фѣтуконъ кураца, но все-таки тоже простая, обыкновенная, канцелярская кураца. О мужикѣ мы прочли въ статьѣ г. Скарятнича. Оговоримся: мы не думаемъ чтобы г. Скарятнича уяснилъ какой-нибудь пошлый платиторскій инстинктъ. Мы признаемъ его мужества вначѣ. Намъ просто кажется, что ему надоела рутинная сокруствія мужику. Бездарность, съ которою иногда доводилось до послѣдней возможности крайности прогрессивная мысль, у насъ не удивительна. Мало того: эти бездарныя дотого даже водятъ иногда по улицѣ, грязнѣтъ и мараютъ иногда самую самую идею, что повторять за ними обидя либеральныя и прогрессивныя фразы иногда даже претить. Такимъ-то образомъ, подагаемъ мы были оскорблены и астеринскія чувства г. Скарятнича. Но все-таки это не даетъ ему права плевать на чужихъ. Логика не рутинная и не рутинный прогрессивный. Долго толковать о г. Скарятничѣ нечего, но на поддержку какъ вамъ кажется, наприимѣръ, слѣдующій афоризмъ его:

«Въ глазахъ многихъ, достаточно быть крестьяниномъ, чтобы быть правымъ, и помѣщикомъ, чтобы быть виноватымъ, тогда какъ известно, что знаніе крестьянина не только не лучше помѣщика, но наоборотъ»

хуже его *потому что* необразованнѣе, и боле справедливѣе, что помѣшники нерѣдко нарушали права крестьянъ, те еще справедливѣе и то, что крестьяннѣе не упустилъ случая запустить лапу въ чужое, если нежесть сдѣлать это безнаказанно. (Русскій Листокъ. № 1).

Чтожь это такое? Представлены на судъ помѣщикъ и крестьянинъ. Хорошо. Вопросъ, кто изъ нихъ лучше? Г. Скарятинъ увѣряетъ что помѣщикъ, *потому что онъ образованнѣе*. Ну положимъ, безъ спору, что и это хорошо. Чтожь дальше? Дальше говорится: если справедливо что помѣщикъ нарушалъ *нерѣдко* права крестьянина, то и крестьянинъ не упустилъ случая запустить лапу въ чужое добро.

То-есть: если крестьянинъ запускаетъ лапу въ чужое добро, то не отрицается и то, что помѣщикъ нарушалъ права крестьянина, то-есть бралъ себѣ у крестьянина то, что принадлежало крестьянину, а слѣдовательно тоже запуская лапу въ чужое добро.

Итакъ оба они, и помѣщикъ и крестьянинъ (по господину Скарятину) запуская лапу въ чужое добро. Но помѣщикъ лучше крестьянина, потому что онъ образованнѣе.

Помилуйте господинъ Скарятинъ! Чтоже, какъ же вы послѣ этого понимаете образованность? За модный фракъ или за бритые бороды? По нашему ужъ если человекъ образованъ, то онъ получилъ нравственное развитіе, по возможности правильное понятіе о злѣ и добрѣ. Слѣдственно онъ такъ сказать нравственно вооруженъ противъ зла своимъ образованіемъ, а слѣдственно владѣеть для отраженія зла средствами несравненно сильнѣйшими чѣмъ крестьянинъ (мы уже не говоримъ про то, что помѣщикъ во всякомъ случаѣ материально обезпеченнѣе крестьянина; что онъ рѣже голодаетъ чѣмъ крестьянинъ, и развѣ только проиграется въ картишки, но ужъ никогда не ведетъ на базаръ послѣднюю кобылѣнку, съ тѣмъ, чтобъ продать ее заплатить оброкъ или подати.)

А если такъ, если иной помѣщикъ нравственно и физически гораздо обезпеченнѣе отъ зла и порока чѣмъ крестьянинъ и если несмотря на все это, онъ попадаетъ въ одномъ и томъ же преступленіи какъ и крестьянинъ, т. е. запускаетъ лапу свою въ чужое добро, то во имя справедливости и логики: кто изъ нихъ нравственнѣе, кто изъ нихъ лучше?

Согласитесь сами, что вину крестьянина облегчаетъ еще сколько-нибудь его невѣжество и необразованность.

Воля ваша г. Скарятинъ: Вы такъ сами поставили вопросъ и подвели на него отвѣтъ, что обвинить непременно должно помѣщика. Непременно должно выйти такъ: онъ хуже крестьянина, по-

тому что будучи образованнѣе и материально обеспеченнѣе, сдѣлалъ такое же преступленіе какъ и крестьянинъ.

Это по вашему, по вашему же такъ выходитъ г. Скеритинъ! А между прочимъ вы рѣшаете иначе. Это уже скандалъ, а не логика!

Чего же послѣ того лѣзть въ учителя, когда и свою-то собственную мысль прилично изложить не умѣете.

СПИСОКЪ ЭКЗЕМПЛЯРАМЪ

РАЗОСЛАННЫМЪ ПО ГУБЕРНІЯМЪ 1862 ГОДУ

До сихъ поръ олянъ «Современникъ» ежегодно объявлялъ о числѣ своихъ подписчиковъ. Враги его и въ особенности тѣ журналы, у которыхъ число подписчиковъ уменьшалось съ каждымъ годомъ, находили это дурнымъ, неумѣстнымъ, хвастливымъ. На самомъ же дѣлѣ, чтоже тутъ дурного. Еслибъ всѣ наши журналы за нѣсколько лѣтъ заявляли такимъ образомъ свои списки, то можно было бы сдѣлать весьма любопытные выводы. Наша читающая публика для насъ такое же темное царство, какъ и другія сферы нашей жизни. Однимъ лучомъ больше не мѣшаетъ. Да и кромѣ этихъ соображеній подобныя отчеты всѣхъ журналовъ были бы необходимы для тѣхъ, кто припечатываетъ и разсылаетъ объявленія при нашихъ журналахъ. Въ прошломъ году «Книжный Вѣстникъ» поднялъ этотъ вопросъ, даже напечаталъ число подписчиковъ каждаго журнала. Гдѣ почерпалъ онъ приведенныя имъ цифры, мы не знаемъ, но глядя по тому, что онъ печаталъ о нашемъ журналѣ, свѣдѣнія его должны быть невѣрны.

Мы печатаемъ предлагаемый списокъ, потому что находимъ это великимъ.

ГУБЕРНІИ БАЛТІЙСКАГО БАССЕЙНА

С. Петербургская

С. Петербургъ.	1046
Новая Ладога	3
Ямбургъ.	2
Луга.	2
Петергофъ.	4
Царское село	1

Гдовъ	1
Гатчино	4
Нарва	3
Ораниембаумъ	1
Кронштадтъ	10
Серебрянка станц.	1
Новоселье станц.	1
Красное село	1
	<hr/>
	1080

Олонцкая

Петрозаводскъ	7
Повънецъ	1
Каргополь	1
Вытегра	2
Лодейное поле	1
	<hr/>
	12

Новгородская

Новгородъ	8
Тихвинъ	3
Близдерскъ	1
Кирillowъ	1
Череповецъ	6
Устюжа	8
Боровичи	9
Крестцы	2
Валдай	3
Сомна прист.	4
Старая Руса	3
Волховская станц.	2
Малая Вишера станц.	1
Шимская станц.	1
Ямъ Бронницы	6
Избойце станц.	1
Подберезье	1
Спасская Полесье станц.	3
Тосна станц.	3
Валдайская станц.	1
Балагое станц.	1
Медвѣдь село	2
	<hr/>
	70

Июльскія

Псковъ	18
Норховъ.	9
Островъ.	4
Опочка	1
Холмъ	2
Великіе-Луки.	1
Торопецъ	6
Александровскій посадъ.	1
Сольцы пос.	1
Ашево село.	2
Горки село.	2
Боровичи станц.	3
Никольское село.	1

57**Эстляндская**

Ревель	5
Гапсаль.	1
Балтійскій портъ.	1

7**Лифляндская**

Рига.	6
Дерптъ.	1

7**Курляндская**

Либавъ	1
------------------	---

1**ЗАПАДНЫЯ ГУБЕРНИИ****Витебская**

Витебскъ.	9
Динабургъ.	8
Себежъ.	1
Невель	2
Полоцкъ.	6
Городокъ.	1
Лепель	1

28

Вилонская

Вильно	6	
	<hr/>	6

Ковенская

Ковно.	6	
Вилькомиръ.	2	
Ново-Александровскъ	3	
Росіены.	1	
Тельши	1	
Кейданы м.	1	
Таурогенъ м. т.	1	
Юрбургъ м. т.	1	
	<hr/>	16

Гродненская

Гродно	4	
Брестъ-Литовскій.	5	
Бѣльскъ.	2	
Брянскъ.	1	
Яновъ.	1	
	<hr/>	13

ПОЛЬСКІЯ ГУБЕРНІИ**Варшавская**

Варшава.	18	
Влоцлавскъ.	1	
Калушинъ	1	
Петрковъ	1	
Ченстоховъ.	1	
Минскъ у. станицлав. уѣзда	1	
Серебрянка станц.	1	
	<hr/>	24

Люблинская

Бѣла у.	1	
Гарволинъ.	1	
Гуракольвора м.	1	
Радзынъ.	1	
Красникъ	2	
Сѣдльце у.	1	
Яновъ м. замойск. уѣзд.	1	
	<hr/>	8

Радомская		
Кельце	2	
Сташовъ	2	
		<hr/> 4
Августовская		
Сувалки	4	
Домжа	2	
		<hr/> 6
Плоцкая		
Плонскъ	2	
Плоцкъ	4	
Пржаснышь	1	
		<hr/> 7

КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКАГО

Тавастгуская		
Тавастгускъ	1	
		<hr/> 1
Улеоборгская		
Улеоборгъ	1	
		<hr/> 1
Нюландская		
Барго	1	
Свеаборгъ	1	
		<hr/> 2
Выборгская		
Выборгъ	2	
		<hr/> 2
Або-Бюорнеборгская		
Або	1	
		<hr/> 1

ГУБЕРНИИ ЧЕРНОМОРСКАГО БАСЕЙНА

Смоленская		
Смоленскъ	10	
Бычовна	2	

Бѣлый (у. Бѣльск.)	4
Гжатскъ	4
Вязьма	7
Духовщина	5
Дорогобужъ	6
Ельня	3
Юхновъ	3
Рославль	7
Пречистенская станц.	2
Добрянка станц.	1
Порѣчье	1
Знаменская станц.	1
Шолана село	1
	<hr/>
	57

Могилевская

Могилевъ	16
Орша	2
Рогачевъ	1
Гомель	1
Горки	3
Шкловъ	2
Чаусы	1
Чириково станц.	1
Горы-Горки станц.	1
	<hr/>
	28

Минская

Новогрудокъ	2
Борисовъ	2
Бобруйскъ	5
Рѣчица	1
Несвижъ	1
	<hr/>
	11

Черниговская

Черниговъ	14
Мглинъ	3
Суражъ	1
Новозыбковъ	4
Стародубъ	4
Городна	3
Новгородъ-Сѣверскъ	1
Глуховъ	8

Кролевецъ	5
Сосница	2
Конотопъ	2
Борзна	4
Нѣжинъ	2
Козелецъ	6
Почары м.	1
Батуричъ м.	1
Елювка станц.	1
	<hr/>
	62

Кіевская

Кіевъ	48
Васильковъ	1
Бердичевъ	3
Липовецъ	2
Сквира	1
Тараща	1
Умань	2
Звенигородка	1
Каневъ	3
Злынка м.	1
Смяла м.	4
	<hr/>
	67

Волынская

Житомиръ	8
Ковель	1
Ровно	2
Староконстантиновъ	2
	<hr/>
	13

Полтавская

Полтава	36
Ромны	3
Прилука	10
Переяславль	9
Пирятинъ	7
Лохвица	2
Гадячъ	4
Лубны	7
Миргородъ	5
Зѣньковъ	4
Золотоноша	3

Хороль	6
Кременчугъ	14
Кобеляки	7
Константиноградъ	7
Борисполь м.	2
Бѣлоцерковка м.	2
Градижскъ	5
Опошне м.	3
Боняковка д.	2
Ромны	8

 146

Курская

Курскъ	13
Дмитріевъ на Свапѣ	5
Фатежъ	2
Щигры	17
Путивль	4
Рыльскъ	5
Льговъ	1
Тимъ	2
Суджа	5
Обоянъ	3
Старый-Осколь	6
Новый-Осколь	4
Короча	3
Бѣлгородъ	10
Дросково ст.	2

 82

Подольская

Каменецъ-Подольскъ	4
Летичевъ	1
Литинъ	1
Винница	2
Гайсинъ	2
Ольгополь	2
Балта	2
Баръ	1
Немировъ д.	1
Тульчинъ	1
Кривое озеро д.	2

 19

Бессарабская область

Кишеневъ	15
Хотинъ	2
Оргѣвъ	1
Акерманъ	4
Бѣльцы (у. Яскій)	5
Татарь-Бунаръ станц.	1
Гора Голбино ст.	1
Скуляцы м.	2
Новоселица	1
Купчино м.	2
<hr/>	
	34

Херсонская

Херсонъ	13
Александрія	5
Бобринець	3
Аванъевъ	6
Одесса	41
Григоріополь	2
Елизаветградъ	17
Николаевъ	10
Новая Прага пос.	11
Новогеоргіевскъ пос.	5
Новомиргородъ	7
Ольвіополь	1
Вознесенскъ	11
Максимовская д.	1
Воронцовка д.	6
Яновка станица	2
Дубосары	1
<hr/>	
	142

Таврическая

Симферополь	14
Яхта	2
Евпаторія	4
Перекопъ	1
Мелитополь	6
Бердянскъ	1
Керчь-Еникале	3
Алешки (у. Дѣпр.)	3

Орѣховъ	2
Севастополь	4
Алушта	3
Судакъ	1
Феодосія	1
Геническъ	2

47

Екатеринославская

Екатеринославль	29
Верхнедѣпроевскъ	9
Новомосковскъ	9
Навлоградъ	7
Александрѣвскъ	7
Бахтумъ	13
Ростовъ на Дону	16
Таганрогъ	12
Каменный Бродъ	3
Луганскій лит. заводъ	2
Маріуполь	1
Никополь м.	4
Благодатная станц.	1
Михайловская станц.	1
Славянка	3
Перещепино станц.	1
Ивановка станц.	1

109

Харьковская

Харьковъ	67
Сумы	10
Лебединъ	1
Ахтырка	4
Богодуховъ	2
Валки	7
Зміевъ	4
Волчанскъ	12
Изюмъ	8
Купянскъ	10
Старобѣльскъ	7
Бѣлополье	1
Новый Екатеринославль	4

Славянскъ	4	
Чугуевъ	7	
		<hr/> 148

Ворошиловская

Ворошиловъ	38	
Вадонскъ	6	
Землянскъ	4	
Нижнедѣвицкъ	9	
Острогоскъ	8	
Бирючь	2	
Валуйки	8	
Павловскъ	7	
Бобровъ	12	
Новохоперскъ	5	
Богучаръ	2	
Батурлиновка	1	
Павловскъ	1	
Дробино село	1	
Ново-Павловскъ	1	
Марьино станц.	1	
		<hr/> 106

Земля Войска Донского

Усть-медвѣдица стан.	4	
Алексѣевская ст.	1	
Казанская ст.	1	
Каменская ст.	3	
Константиновская ст.	1	
Кочетовская ст.	1	
Нижне-чирская ст.	3	
Новочеркасскъ	32	
Русская ст.	1	
Шелкозаводская ст.	1	
Назаровская ст.	2	
Ведерниковская ст.	4	
Первая качалинская ст.	1	
Ольховорожская ст.	7	
Пятиизбянская ст.	1	
Урюпинская ст.	5	
		<hr/> 68

ГУБЕРНИИ БАСЕЙНА КАСПИЙСКАГО МОРЯ

Орловская

Орелъ	28
Болховъ	6
Жарачевъ	1
Мценскъ	2
Трубчевскъ	4
Севскъ	3
Дмитровскъ	4
Кромы	4
Малоярхангольскъ	5
Ливны	17
Елецъ	6
Дросково-станц.	1
Липовецъ станц.	1

74

Тульская

Тула	24
Алексинъ	7
Калира	1
Вснѣвъ	4
Бѣлѣвъ	3
Одоевъ	3
Богородицкъ	4
Епифанъ	5
Чернь	2
Новосиль	3
Ефремовъ	9
Малое-малахово село	1

66

Калужская

Калуга	14
Боровскъ	3
Таруса	4
Малоярославецъ	2
Медьнь	1
Мещовскъ	1
Мосальскъ	2

Жиздра	3
Козельскъ	3
Лихвинъ	2
Перемышль	1
Сухиничи д.	1
Подборки д.	1

 38
Московская

Москва	306
Клинъ	2
Дмитровъ	3
Волоколамскъ	4
Можайскъ	2
Руза	2
Богородскъ	4
Бронницы	1
Подольскъ	3
Серпуховъ	15
Коломна	3
Сергиевскій посадъ	5
Верея	4
Балдино с.	1

 355
Рязанская

Рязань	12
Егорьевскъ	8
Зарайскъ	7
Касимовъ	2
Спаскъ	2
Михайловъ	2
Провскъ	3
Скопинъ	4
Ряжскъ	8
Сапожокъ	4
Давковъ	1
Раненбургъ	5
Суйская станц.	1

 59
Тамбовская

Тамбовъ	25
Елатьма	2

Темниковъ	5
Спаскъ	4
Шацкъ	6
Моршанскъ	7
Козловъ	12
Липецкъ	4
Усмань	2
Борисоглѣбскъ	6
Кирсаповъ	6
Коргашино станц.	4

83

Владимирская

Владимиръ	14
Переславль-Залѣскій	2
Александровъ	6
Покровъ	2
Юрьевъ-польскій	3
Суздаль	2
Шуя	6
Ковровъ	2
Вязники	6
Гороховець	2
Судогда	4
Муромъ	7
Меленки	1
Вознесенскій посадь	4
Киржачь	2
Орехово-Зуево станц.	1
Лежнево станц.	1
Павловская станц.	1

66

Пензенская

Пенза	34
Краснослободскъ	2
Наровчатъ	2
Инсарь	1
Керенскъ	1
Саранскъ	8
Мокшань	2
Нижвй-Ломовъ	4
Городище	5

Чембаръ	3	
Верхній-Домовъ	1	
		<hr/> 63

Тверская

Тверь	18	
Весьегонскъ	1	
Бѣжецкъ	8	
Вышній-Волочекъ	6	
Кашинъ	4	
Калазинъ	7	
Корчева	2	
Старица	6	
Торжокъ	5	
Ржевъ	7	
Зубцовъ	5	
Красный-Холмъ	2	
Никольское село	1	
		<hr/> 72

Ярославская

Ярославль	22	
Любимъ	5	
Даниловъ	3	
Романовъ-Борисоглѣбскъ	2	
Рыбинскъ	8	
Молога	5	
Мышкинъ	3	
Ростовъ	5	
Угличъ	5	
		<hr/> 58

Костромская

Кострома	15
Солигаличъ	1
Чухлома	4
Кологривъ	1
Буй	4
Галичъ	4
Нерехта	5
Кивешма	2
Юрьеvecъ-Повольскій	1
Лухъ	1
Плѣсъ посадъ	1

Судиславль	1	
Воровье станц.	2	
Парфентьево станц.	1	
		<hr/> 43

Нижегородская

Нижний-Новгородъ	15	
Балахна	4	
Семеновъ	2	
Ардатовъ	3	
Арзамасъ	11	
Княгининъ	5	
Василь	2	
Сергачъ	2	
Лукояновъ	4	
Починки	1	
Павлова д.	1	
Лысково д.	1	
Абрамовская станц.	3	
		<hr/> 54

Казанская

Казань	41	
Козмодемьянскъ	3	
Паревokokшайскъ	1	
Чебоксары	4	
Ядринъ	2	
Цивильскъ	3	
Свияжскъ	2	
Тетюши	3	
Лапшевъ	5	
Мамадышъ	1	
Чистополь	7	
Спаскъ	6	
		<hr/> 78

Симбирская

Симбирскъ	27
Курмышъ	2
Ардатовъ	3
Алатырь	2
Буинскъ	1
Сызрань	2
Село Промзино	1

Корсупъ	3
Сенгилей станц.	1
Аностасово станц.	3
Терельгульская станц.	1
	<hr/> 46

Саратовская

Саратовъ	30
Кузнецкъ	6
Хвалыинскъ	8
Вольскъ (Волжскъ).	7
Петровскъ	9
Сердобскъ	6
Балашовъ.	4
Аткорскъ	8
Царицынъ	4
Дубовка	3
	<hr/> 82

Самарская

Самара.	16
Николаевскъ.	1
Бугульма	1
Бугурусланъ	4
Бузулукъ	1
Ставрополь	2
Кичуй станц.	2
Зимнянки станц.	1
Мелекесь станц.	1
Село Балаково	1
	<hr/> 30

Астраханская

Астрахань	27
Еногаевскъ	2
Черный-яръ	3
	<hr/> 32

ГУБЕРНИИ СЪВЕРОВОСТОЧНЫЯ**Оренбургская**

Уфа	23
Оренбургъ	30

Мензелинскъ	2
Бирскъ	4
Стерлитамакъ	4
Верхнеуральскъ	1
Троицкъ	5
Челябинскъ	4
Златоустовскій заводъ	2
Міаскій заводъ	1
Орекъ	3

79

Пермская

Пермь	15
Чердынь	2
Оханскъ	1
Оса	1
Екатеринбургъ	18
Красноуфимскъ	1
Кунгуръ	3
Ирбитъ	4
Камышловъ	4
Щадринскъ	7
Богословскій заводъ	6
Далматовъ	1
Бѣлишбаевскъ	3
Невьянскій заводъ	1
Кушвинскій заводъ	11
Нажнетагильскій заводъ	4

82

Вятская

Вятка	14
Слободской	4
Глазовъ	2
Орловъ	2
Котельничъ	2
Яранскъ	2
Уржумъ	1
Нолинскъ	1
Малмыжъ	6
Сарапулъ	4
Елабуга	7

Воткинскій заводъ	2	
Ижевскій заводъ	3	
		<hr/> 50

Вологодская

Вологда	16	
Грязовець	4	
Кауниковъ	2	
Вельскъ	2	
Тотьма	1	
Яренскъ	1	
Устьсысольскъ	2	
Григорьевская станц.	1	
		<hr/> 29

Архангельская

Архангельскъ	8	
Винегъ	1	
Мезень	1	
Кемь	1	
Холмогоры	1	
Онега	1	
Сумскій посадъ	1	
		<hr/> 14

ГУБЕРНИИ И ОБЛАСТИ СИБИРИ**Тобольская губернія**

Тобольскъ	14	
Туринскъ	2	
Тюмень	2	
Ялотуровскъ	5	
Курганъ	2	
Ишимъ	1	
Омскъ	10	
Петропавловскъ	4	
		<hr/> 40

Томская губернія

Томскъ	6	
Каинскъ	1	
Барнаулъ	7	
Змѣиногородскій рудникъ	3	

Кійскъ	1	
Маріинскъ	1	
		<hr/> 19

Семипалатинская область

Усть-каменогорскъ	1	
Копаль	1	
Върное	1	
		<hr/> 3

Енисейская губернія

Енисейскъ	5	
Красноярскъ	6	
Ачинскъ	1	
Канскъ	2	
Карелино поселеніе	1	
Каргино станц.	1	
		<hr/> 16

Иркутская губернія

Иркутскъ	25	
Молтинская станц.	1	
Нахтуйское поселеніе	1	
		<hr/> 27

Якутская область

Охотскъ	2	
		<hr/> 2

Забайкальская область

Чита	5	
Верхнеудинскъ	2	
Нерчинскъ	2	
Селенгинскъ	2	
Нерчинскій заводъ	3	
Шелапухино поселеніе	2	
Упырская станц.	1	
		<hr/> 17

Амурская область

Благовѣщенскъ	1	
Хабарово	1	
		<hr/> 2

Приморская область восточной Сибири

Николаевскъ	1	
		<hr/> 1

Сѣверо-Американскія владѣнія

Новоархангельскъ	1	
		<hr/> 1

Кяхтинское градоначальство

Кяхта	6	
		<hr/> 6

Область сибирскихъ киргизовъ

Кокчетовское укрѣпленіе	1	
Каркалинское укрѣпленіе	1	
		<hr/> 2

Земля уральскаго войска

Уральскъ	14	
Гурьевъ	4	
		<hr/> 18

ЗЕМЛИ КАВКАЗСКАГО КРАЯ**Ставропольская губернія**

Ставрополь	34	
Моздокъ	2	
Кизляръ	1	
Георгиевскъ	1	
Екатериноградская станица	1	
Ладожская станица	1	
Пятигорскъ	3	
Усть-Лабинское укрѣпленіе	12	
Хасафъ-Юртъ ст.	5	
Петровская ст.	2	
Николаевка ст.	1	
Петровская ст.	2	
Майконъ ст.	1	
Глубокая ст.	1	
		<hr/> 67

Земля черноморскаго или кубанскаго войска

Екатеринодаръ	6
Ейскъ	1

Полтавская ст.	1	
Тамань.	1	
		10

Область Терская

Дербенть.	2	
Ардонская ст.	1	
		3

Область Кубанская

Лабинская ст.	1	
		1

Тифлисская губернія

Тифлисъ	18	
Телавъ	2	
Елизаветполь	1	
		21

Кутаисская губернія

Кутаисъ	3	
Озургеты.	1	
Ахалцыхъ	2	
Поти	1	
Новые Закаталы укр.	1	
Логадихи ст.	1	
Кусары	2	
		11

Эриванская губернія

Эривань.	3	
Александрополь (Гумры).	2	
Нахичевань	1	
		6

Бакинская губернія

Баку	7	
Ленкорань	4	
Шуша.	1	
		12

Всего 4302

СОДЕРЖАНІЕ

ЯНВАРЬ. № 1

Изъ записокъ слѣдователя въ арестантской ротѣ. IV. Косушка водки. — V. Последняя страница. — VI. Самоубійца. Н. Соколовскаго	5
Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. А. Н. Островскаго.	35
Бѣглые воротились. (Романъ въ трехъ частяхъ). Часть первая. I. Илья тандуръ дома. — II. Заброшенная деревня и музыканты. — III. Генераль Рубашкинъ также дома. — IV. Какъ бѣгалось и гдѣ бѣгалось. — V. Юго-восточный степной городъ. А. Славронскаго. (Автора «Бѣглые въ новороссіи»). 111	111
Увольнительное свидѣтельство. (Изъ записокъ непропавшаго чело-вѣка). А. Милюкова	231
Отъ Петербурга до Екатеринославля. П. Бибикова	235
Изъ стихотворенія «Въ тюрьмѣ». Стих. Ф. Берга.	278
Птицы. Стих. Его же	279
Бѣдные жильцы (физиологическій очеркъ). Петра Горскаго	281
Смерть Прокла. Стих. Н. А. Некрасова	302
Няцца и Генуя. (изъ путевыхъ записокъ). Д. В. Григоровича	306

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Преобразование городскаго общественнаго управления. А. Поимскаго.	1
Необходимое литературное объясненіе, по поводу разныхъ хлѣбныхъ и нехлѣбныхъ вопросовъ	29
НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА (современныя замѣтки). Прошедшее и будущее. — Особое присутствіе для изысканія способовъ къ большему обезпеченію быта духовенства. — Гармонія ожидаемыхъ преобразованій между собою. — Необходимость вопроса объ экономической будущности Россіи. — Неурожай. — Цѣны на хлѣбъ. — Важнѣйшіи изъ современныхъ вопросовъ. — Распредѣленіе налоговъ. — Самоуправленіе въ Дмитровкѣ. — Извѣстія изъ царства Польскаго	39

ПОЛИТИКА. Прусскія дѣла. — Мѣры, принятыя прусскимъ министерствомъ для достиженія непопулярности. — Открытіе палаты. — Тронная рѣчь. — Адресъ палаты депутатовъ. — Французскія дѣла. — Тронная рѣчь. — Толки о ней. — Послушаніе законодательной палаты. — Рѣчь графа де-Морни. — Французы рабовладѣльцы. — Послѣднія извѣстія. — Безпорядки въ Греціи. — Порядки въ Турціи. — Черногорскіе блокгаузы. — Здоровье Гарибальди. — Папскія реформы	65
Сѣверо-русскія народоправства во времена удѣльно-вѣчевого уклада, соч. Николая Костомарова. Спб. 1863. Два тома. Статья первая. А. Григорьева	92
Жрецы науки для науки. (Поповоду статьи: «Наука и сеніальные люди» въ «Учитель», декабрь, 1862. № 24)	141
Новая цѣква. Статья первая. Н. Страхова	150
Слово и Дѣло, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, Ѳ. Н. Устрялова. (Письмо въ редакцію «Времени»). Н. Косица	169
Журнальная замѣтка о новыхъ литературныхъ органахъ и о новыхъ теоріяхъ	175
Списокъ экземплярамъ, разосланнымъ по губерніямъ въ 1862 году.	189

ПОДПИСКА НА 1863 ГОДЪ

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. ДОСТОВСКИМЪ

Съ нынѣшнимъ годомъ начнется третій годъ изданія нашего журнала. Направленіе наше остается тоже самос. Мы знаемъ, что нѣкоторые изъ недоброжелателей нашихъ стараются затемнить нашу мысль въ глазахъ публики, стараются не понять ее. Недоброжелателей у насъ много, да и не могло быть иначе. Мы нажили ихъ сразу, вдругъ. Мы выступили на дорогу слишкомъ удачно, чтобъ не возбудить иныхъ враждебныхъ толковъ. Это очень понятно. Мы конечно на это не жалуемся: иной журналъ, иная книга иногда по нѣскольку лѣтъ нетолько не возбуждаютъ никакихъ толковъ, но даже не обращаютъ на себя никакого вниманія ни въ литературѣ, ни въ публикѣ. Съ нами случилось иначе и мы этимъ даже довольны. Покрайней-мѣрѣ мы возбудили толки, споры. Это вѣдь болѣе лестно, чѣмъ встрѣтить всеобщее невниманіе.

Конечно мы оставляемъ въ сторонѣ пустые и ничтожные толки рутинныхъ крикуновъ, непонимающихъ дѣла и неспособныхъ понять его. Они съ чужого голоса бросаются на добычу; ихъ натравливаютъ тѣ, у которыхъ они въ услуженія и которые за нихъ думаютъ. Это — рутина. Въ рутинѣ никогда не было ни одной своей мысли. Съ

ними и толковать не стоит. Но въ нашей литературѣ есть теоретики и есть доктринеры, и они постоянно нападали на насъ. Эти дѣйствуютъ сознательно. И они понимаютъ насъ, и мы ихъ понимаемъ. Съ ними мы спорили и будемъ спорить. Но объяснимся почему они на насъ нападали.

Съ перваго появленія нашего журнала теоретики почувствовали, что мы съ ними во многомъ разнимся. Что хотя мы и согласны съ ними въ томъ, въ чемъ всякій въ настоящее время долженъ быть убѣжденъ окончательно (мы разумѣемъ прогрессъ), но въ развитіи, въ идеалахъ и въ точкахъ отправления и опоры общей мысли мы съ ними не могли согласиться. Они, администраторы и кабинетные изучатели западныхъ воззрѣній, тотчасъ же поняли про себя то что мы говорили о почвѣ и съ яростью напали на насъ, обвиняя насъ въ фразерствѣ, говоря что почва — пустое слово, котораго мы сами не понимаемъ и которое мы изобрѣли для эффекта. А между тѣмъ они насъ совершенно понимали и объ этомъ свидѣтельствовала самая ярость ихъ нападеній. На пустое слово, на рутинную гонку за эффектомъ не нападаютъ съ такимъ ожесточеніемъ. Повторяемъ : было много изданій и съ претензіей на новую мысль и съ погоней за эффектомъ, которыя по нѣскольку лѣтъ издавались, но не удостоивались даже малѣйшаго вниманія теоретиковъ. А на насъ они обрушились со всею яростью.

Они очень хорошо знали, что призывы къ почвѣ, къ соединенію съ народнымъ началомъ не пустые звуки, не пустыя слова, изобрѣтенныя спекуляціей для эффекта. Эти слова были для нихъ напоминаемъ и упрекомъ, что сами они строятъ не на землѣ, а на воздухѣ. Мы съ жаромъ возставали на теоретиковъ, непризнающихъ не только того, что въ народности почти *все* заключается, но даже и самой народности. Они хотятъ единственно началъ общечеловѣческихъ и вѣрятъ, что народности въ дальнѣйшемъ развитіи стираются какъ старыя монеты, что все сливается въ одну форму, въ одинъ общій типъ который

врочемъ они сами никогда не въ силахъ опредѣлить. Это — западничество въ самомъ крайнемъ своемъ развитіи и безъ малѣйшихъ уступокъ. Въ своей ярости они преслѣдовали не только грязныя и уродливыя стороны національностей, стороны и безъ того необходимо должныя современемъ уступить правильному развитію, но даже выставляли въ уродливомъ видѣ и такія особенности народа нашего, которыя именно составляютъ залогомъ его будущаго самостоятельнаго развитія; которыя составляютъ его надежду и самостоятельную, вѣковѣчную силу. Въ своемъ отвращеніи отъ грязи и уродства они, за грязью и уродствомъ, многое проглядѣли и многого не замѣтили. Конечно, желая искренно добра, они были слишкомъ строги. Они съ любовью самоосужденія и обличенія искали одного только «темнаго царства» и не видали свѣтлыхъ и свѣжихъ сторонъ. Несмотря они иногда почти совпадали съ клеветниками народа нашего, съ бѣлоручками, смотрѣвшими на него свысока; они, сами того не зная, осуждали нашъ народъ на безсиліе и не вѣрили въ его самостоятельность. Мы разумѣется отличали ихъ отъ тѣхъ гадливыхъ бѣлоручекъ, о которыхъ сейчасъ упомянули. Мы понимали и умѣли цѣнить и любовь, и великодушныя чувства этихъ искреннихъ друзей народа, мы уважали и будемъ уважать ихъ искреннюю и честную дѣятельность, несмотря на то, что мы не во всемъ согласны съ ними. Но эти чувства не заставятъ насъ скрывать и нашихъ убѣжденій. Молчаніе было бы пристрастіемъ; кому же мы не молчали и прежде. Теоретики не только не понимали народа, углубясь въ свою книжную мудрость, но даже презирали его, разумѣется безъ худаго намѣренія и такъ-сказать нечаянно. Мы положительно увѣрены, что самые умные изъ нихъ думаютъ, что при случаѣ стѣять только десять минутъ поговорить съ народомъ и онъ все пойметъ; тогда какъ народъ можетъ-быть и слушать-то ихъ не станетъ, объ чемъ бы они ни говорили ему. Въ правдивость, въ искренность нашего сочувствія не вѣритъ народъ до сихъ поръ и даже удивляется

зачѣмъ мы не за себя стоимъ, а за его интересы, и какая намъ до него надобность. Вѣдь мы до сихъ поръ для него итичьимъ языкомъ говоримъ. Но теоретики на это упорно не хотятъ смотрѣть, и кто знаетъ, можетъ-быть не только разсужденія, но даже самые факты не могли бы ихъ убѣдить въ томъ, что они одни, на воздухѣ, въ совершенномъ одиночествѣ и безъ всякой опоры на почву; что всё это не то, совершенно не то.

Что касается до нашихъ доктринеровъ, то они конечно не отвергаютъ народности, но зато смотрятъ на нее свысока. Въ томъ-то и дѣло, что весь споръ состоитъ въ томъ какъ нужно понимать народъ и народность. Они понимаютъ еще слишкомъ по старому; они вѣрятъ въ разные общественные слои и осадки. Доктринеры хотятъ учить народъ, согласны писать для него народныя книжки (до сихъ поръ впрочемъ не умѣли написать ни одной) и не понимаютъ главнѣйшей аксіомы, что только тогда народъ станетъ читать ихъ книжки, когда они сами станутъ народомъ, отъ всего сердца и разума, а не по мажорданскому, т. е. когда народныя интересы станутъ совершенно нашими, а наши его интересами. Но подобное возвращеніе на почву для нихъ и немыслимо. Недаромъ же они такъ много говорятъ о своихъ наукахъ, профессорствахъ, достоинствахъ и чуть ли не объ чинахъ своихъ. Самые милостивые изъ нихъ соглашаются развѣ только на то, чтобъ возвысить народъ до себя, обучивъ его всѣмъ наукамъ и тѣмъ образовавъ его. Они не понимаютъ нашего выраженія: «соединеніе съ народнымъ началомъ» и нападаютъ на насъ за него, какъ-будто это какая-то таинственная формула, подъ которой заключается какой-то таинственный смыслъ. «Да и что новаго въ народности?» говорятъ намъ они. «Это тысячу разъ говорилось и прежде, говорилось даже въ недавнія давнопрошедшія времена. Въ чемъ тутъ новая мысль, въ чемъ особенность?»

Повторяемъ: все дѣло въ пониманіи слова «народность». Въ нашихъ словахъ о соединеніи не было никакого таин-

ственного смысла. Надо было понимать буквально, именно буквально, и мы до сихъ поръ убѣждены, что мы ясно выразились. Мы прямо говорили и теперь говоримъ, что нравственно надо соединиться съ народомъ вполне и какъ можно крѣпче; что надо совершенно слиться съ нимъ и нравственно стать съ нимъ какъ одна единица. Вотъ что мы говорили и до сихъ поръ говоримъ. Такого полного соединенія конечно теоретики и доктринеры не могли понимать. Не могли понимать и тѣ, которые уже полтора десятилетія поневолѣ привыкли себя считать за особое общество. Мы согласны, что совершенно понять это довольно трудно. Изъ книгъ иногда труднѣе понять то, что понимается часто само собой на фактахъ и въ дѣйствительной жизни. Но впрочемъ нечего пускаться въ слишкомъ подробныя объясненія. За нашу идею мы не боимся. Никогда и быть того не могло, чтобъ справедливая мысль не была наконецъ понята. За насъ жизнь и дѣйствительность. И Боже! какія намъ иногда дѣлали возраженія: боялись за науку, за цивилизацію!.. «Куда дѣнется наука? кричатъ они: — и неужели намъ всѣмъ воротиться назадъ, надѣть зипуны и куда-нибудь приписаться?» На это мы отвѣчаемъ и теперь, что за науку опасаться нечего. Она — вѣчная и высшая сила, всѣмъ присущая и всѣмъ необходимая. Она — воздухъ, которымъ мы дышимъ. Она никогда не исчезнетъ и вездѣ найдетъ себѣ мѣсто. Что же касается до зипуновъ, то можетъ-быть ихъ и не будетъ, когда мы настоящимъ образомъ поймемъ что такое народъ и народность. Можетъ-быть оттого-то именно, что мы искренно, а не въ шутку воротимся къ народу, и начнутъ исчезать у него зипуны. Разумѣется это замѣчаніе мы дѣлаемъ для робкихъ и бѣлоручекъ, имъ въ утѣшеніе. Мы же уважаемъ зипунъ. Это честная одѣжа и гнушаться ею нечего.

Мы признаемся: намъ труднѣе издавать журналъ, чѣмъ кому-нибудь. Мы вносимъ новую мысль о полнѣйшей народной нравственной самостоятельности, мы отстаиваемъ

Русь, нашъ корень, наши начала. Мы должны говорить патетически, увѣрять и доказывать. Мы должны выказать идеаль нашъ и выказать въ полной ясности. Обличителямъ легче нашего. Имъ стоитъ только обличать, нападать и свистать, чтобъ быть всѣми понятыми, часто не давая отчета во имя чего они обличаютъ, нападаютъ и свищутъ. Боже насъ сохрани, чтобъ мы теперь свысока говорили объ обличителяхъ. Честное, великодушное, смѣлое обличеніе мы всегда уважаемъ, а если обличеніе основано на глубокой, живой идеѣ, то конечно оно нелегко достается. Мы сами обличители; ссылаемся на журналъ нашъ за все это время. Мы хотимъ только сказать, что обличителю легче найти сочувствіе. Даже разномыслящіе и несовѣмъ согласные съ обличителемъ готовы примкнуть къ нему ради обличенія. Разумѣется мы вмѣстѣ съ нашими обличителями, и дѣльными и дешовыми, отвергаемъ и гнидость иныхъ наносныхъ осадковъ, и исконной грязи. Мы рвемся къ обновленію ужъ конечно не меньше ихъ. Но мы не хотимъ вмѣстѣ съ грязью и выбросить золота; а жизнь и опытъ убѣдили насъ, что оно есть въ землѣ нашей, свое, самородное, что залегаетъ оно въ естественныхъ, родовыхъ основаніяхъ русскаго характера и обычая, что спасенье въ почвѣ и народѣ. Этотъ народъ недаромъ отстоялъ свою самостоятельность. Надъ нимъ глумятся иные дешовые критики; говорятъ, что онъ ничего не сдѣлалъ, ни къ чему не пришолъ. Вольно-жъ не видать. Это-то мы и хотимъ указать что онъ сдѣлалъ. Это укажутъ и послѣдствія, разовьетъ и наука; мы вѣримъ въ это. Ужъ одно то, что онъ отстоялъ себя втеченіе многихъ вѣковъ, что на его мѣстѣ другой народъ, послѣ такихъ испытаній, которыя тысячуразъ посылало ему провидѣніе, можетъ-быть давно-сталъ бы чѣмъ-нибудь вродѣ какихъ-нибудь чукчей. Пусть на немъ много грязи. Но въ его взглядахъ на жизнь, въ иныхъ его родовыхъ обычаяхъ, въ иныхъ уже сложившихся основаніяхъ общества и общины есть столько смысла, столько надежды въ будущемъ, что западные идеалы не могутъ къ намъ

подойти беззавѣтно. Не подойдут и потому, что не нашимъ племенемъ, не нашей исторіей они выжиты, что другія обстоятельства были при созданьи ихъ и что право народности есть сильнѣе всѣхъ правъ, которыя могутъ быть у народовъ и общества. Это аксіома слишкомъ извѣстная. Неужели повторять ее? Неужели повторять и то, что считающіе народъ несостоятельнымъ, готовые только обличать его за его грязь и уродство, считающіе его неспособнымъ къ самостоятельности, уже тѣмъ самымъ про себя презираютъ его? Въ сущности одинъ только нашъ журналъ признаетъ вполнѣ народную самостоятельность нашу, даже и въ томъ видѣ, въ которомъ она теперь находится. Мы идемъ прямо отъ нея, отъ этой народности, какъ отъ самостоятельной точки опоры, прямо, какая она ни есть теперь — невзрачная, дикая, двѣсти лѣтъ прожившая въ угрюмомъ одиночествѣ. Но мы вѣримъ, что въ ней-то и заключаются всѣ способы ея развитія. Мы не ходили въ древнюю Москву за идеалами; мы не говорили, что все надо переломить сперва понѣмецки и только тогда считать нашу народность за способный матерьялъ для будущаго вѣковѣчнаго зданія. Мы прямо шли отъ того, что есть, и только желаемъ этому что есть наибольшей свободы развитія. При свободѣ развитія мы вѣримъ въ русскую будущность; мы вѣримъ въ самостоятельную возможность ея.

И кто знаетъ, пожалуй насъ назовутъ обскурантами, непонимая, что мы можемъ-быть несравненно дальше и глубже идемъ, чѣмъ они, обличители наши, доказывая, что въ иныхъ *естественныхъ* началахъ характера и обычаевъ земли русской несравненно болѣе здравыхъ и жизненныхъ залоговъ къ прогрессу и обновленію, чѣмъ въ мечтаніяхъ самыхъ горячихъ обновителей запада, уже осудившихъ свою цивилизацію и ищущихъ изъ нея исхода. Возьмемъ хоть одинъ изъ многихъ примѣровъ. Тамъ, на западѣ, за крайній и самый недостижимый идеалъ благополучія считается то, что у насъ уже давно есть на дѣ-

лѣ, въ дѣйствительности, но только въ естественномъ, а не въ развитомъ, не въ правильно организованномъ состояніи. У насъ существуетъ напримѣръ такъ, что кромѣ ограниченнаго числа мѣщанъ и бѣдныхъ чиновниковъ никто не долженъ бы родиться бѣднымъ. Всякая душа, чуть выйдетъ изъ чрева матери, уже приписана къ землѣ, уже ей отрѣзанъ клочекъ земли въ общемъ владѣніи и съ голоду она умереть не должна бы. Если же у насъ, несмотря на то, столько бѣдныхъ, такъ вѣдь это единственно потому, что эти народныя начала до сихъ поръ оставались въ естественномъ, въ неразвитомъ состояніи, даже не удостоивались вниманія передовыхъ людей нашихъ. Но съ 19 февраля уже началась новая жизнь. Мы жадно встречаемъ ее.

Мы долго сидѣли въ бездѣйствіи, какъ-будто заколдованные страшной силой. А между тѣмъ въ нашемъ обществѣ начала сильно проявляться жажда жить. Черезъ это самое желаніе жить общество и дойдетъ до настоящаго пути, до сознанія, что безъ соединенія съ народомъ оно одно ничего не сдѣлаетъ. Но только чтобъ безъ скачковъ и безъ опасныхъ salto—mortale совершился этотъ выходъ на настоящую дорогу. Мы первые желаемъ этого. Оттого-то мы и желаемъ благовременнаго соединенія съ народомъ. Но во всякомъ случаѣ, лучше прогрессъ и жизнь, чѣмъ застой и тупой безпробудный сонъ, отъ котораго все коченѣетъ и все парализируется. Въ нашемъ обществѣ уже есть энтузіазмъ, есть святая, драгоценная сила, которая жаждетъ примѣненія и исхода. И потому дай-богъ чтобъ этой силѣ былъ данъ какой-нибудь законный, нормальный исходъ. Разумѣется свобода, данная этому выходу, хотя бы въ свободномъ словѣ, сама себя регулировала бы, сама себя судила бы и законно, нормально направила. Мы искренно ждемъ и желаемъ того.

Намъ кажется, что съ нынѣшняго года наша прогрессивная жизнь, нашъ прогрессизмъ (если можно такъ выразиться) долженъ принять другія формы и даже въ иныхъ

случаяхъ и другія начала. Необходимость народнаго элемента въ жизни становится очевидной и ощутительной. Иначе не будетъ основанія , не будетъ поддержки ни для чего , ни для какихъ благихъ начинаній. Это слишкомъ очевидно и на дѣлѣ въ этомъ согласны и прогресисты и консерваторы.

Мы уважаемъ всякое благородное начинаніе ; въ наше время, когда все запуталось и когда повсемѣстно возникаетъ споръ объ основаніяхъ и принципахъ, мы стараемся смотрѣть какъ можно шире и безпристрастнѣе, непадая въ безличность, потому что имѣемъ свои собственныя убѣжденія , за которыя горячо стоимъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣмъ сердцемъ сочувствуемъ всему, что искренно и честно.

Но мы ненавидимъ пустыхъ, безмозглыхъ крикуновъ, позорящихъ все , до чего они ни дотронутся , марающихъ иную чистую, честную идею уже однимъ тѣмъ, что они въ ней участвуютъ ; свистуновъ , свистящихъ изъ хлѣба и только для того , чтобъ свистать ; выѣзжающихъ верхомъ на чужой, украденной фразѣ какъ верхомъ на палочкѣ и подхлестывающихъ себя маленькимъ кнутикомъ рутиннаго либерализма. Убѣжденія этихъ господъ имъ ничего не стоятъ. Не страданіемъ достаются имъ убѣжденія. Они ихъ тотчасъ же и продадутъ за что купили. Они всегда со стороны тѣхъ, кто сильнѣе. Тутъ одни слова, слова и слова, а намъ довольно словъ; пора ужъ и синицу въ руки.

Мы не боимся авторитетовъ и презираемъ лакейство въ литературѣ; а этого лакейства у насъ еще много, особенно въ послѣднее время , когда все въ литературѣ поднялось и замутилось. Скажемъ еще одно слово : мы на дѣемся, что публика въ эти два года убѣдилась въ безпристрастіи нашего журнала. Мы особенно этимъ гордимся. Мы хвалимъ хорошее и во враждебныхъ намъ изданіяхъ и никогда изъ кумовства не похвалили худого у друзей нашихъ. Увы! неужели такую простую вещь приходится въ наше время ставить себѣ въ заслугу?..

Мы стоимъ за литературу, мы стоимъ и за искусство. Мы вѣримъ въ ихъ самостоятельную и необходимую силу. Только самый крайній творетизмъ и съ другой стороны самая пошлая бездарность могутъ отрицать эту силу. Но бездарность, рутина отрицаютъ съ чужого голоса. Имъ съ руки невѣжество. Не за искусство для искусства мы стоимъ. Въ этомъ отношеніи мы достаточно высказались. Да и беллетристическія произведенія, помѣщенные нами, достаточно это доказываютъ.

Мы не станемъ говорить здѣсь о тѣхъ улучшеніяхъ, какія намѣрены сдѣлать въ будущемъ году. Читатели ихъ сами замѣтятъ.

Вотъ наша програма

ПРОГРАМА

I. ОТДѢЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Повѣсти, романы, рассказы, мемуары, стихи и т. д.

II. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ,

какъ о русскихъ книгахъ, такъ и объ иностранныхъ. Сюда же относятся разборы новыхъ пьесъ, поставленныхъ на наши сцены.

III. СТАТЬИ УЧЕБНОГО СОДЕРЖАНІЯ

Вопросы экономическіе, финансовыя, философскіе, имѣющіе современный интересъ. Изложеніе самое популярное, доступное и для читателей, не занимающихся специально этими предметами.

IV. ВНУТРЕННІЯ НОВОСТИ

Распоряженія Правительства, событія въ отечествѣ, письма изъ губерній и пр.

V. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Полное ежемѣсячное обозрѣніе политической жизни государствъ. Извѣстія послѣдней почты, политическіе слухи, письма иностранныхъ корреспондентовъ.

VI. С М Ъ С Ъ

а) Небольшіе рассказы, письма изъ-за границы и изъ нашихъ губерній и пр.

б) Фельетонъ.

в) Статьи юмористическаго содержанія.

«Время» будетъ выходить въ 1863 году каждый мѣсяцъ, книгами въ 30 и болѣе листовъ большого формата.

Редакціею будутъ приняты всѣ мѣры къ правильной и скорой доставкѣ журнала подписчикамъ.

Цѣна изданію для Петербурга и Москвы 14 р. 50 коп. Съ пересылкою и доставкою на домъ 16 р. сер.

Подписка принимается для жителей Петербурга и Москвы, въ конторахъ журнала «Время» :

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ книжномъ магазинѣ Базунова, на Невскомъ Проспектѣ, въ домъ Энгельгардъ.

ВЪ МОСКВѢ

Въ книжномъ магазинѣ Базунова, на Страстномъ Бульварѣ, въ домъ Загряжскаго.

ИНОГОРОДНЫЕ адресуютъ свои требованія просто : **Въ Ре-**

дацію журналу «Время» въ С. Петербургѣ. Почтамту извѣстно помѣщеніе Редакціи.

Редакція отвѣчаетъ за исправность доставки своего журнала только подписавшимся въ вышеозначенныхъ конторахъ или въ самой редакціи.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ **М. Достоевскій**

